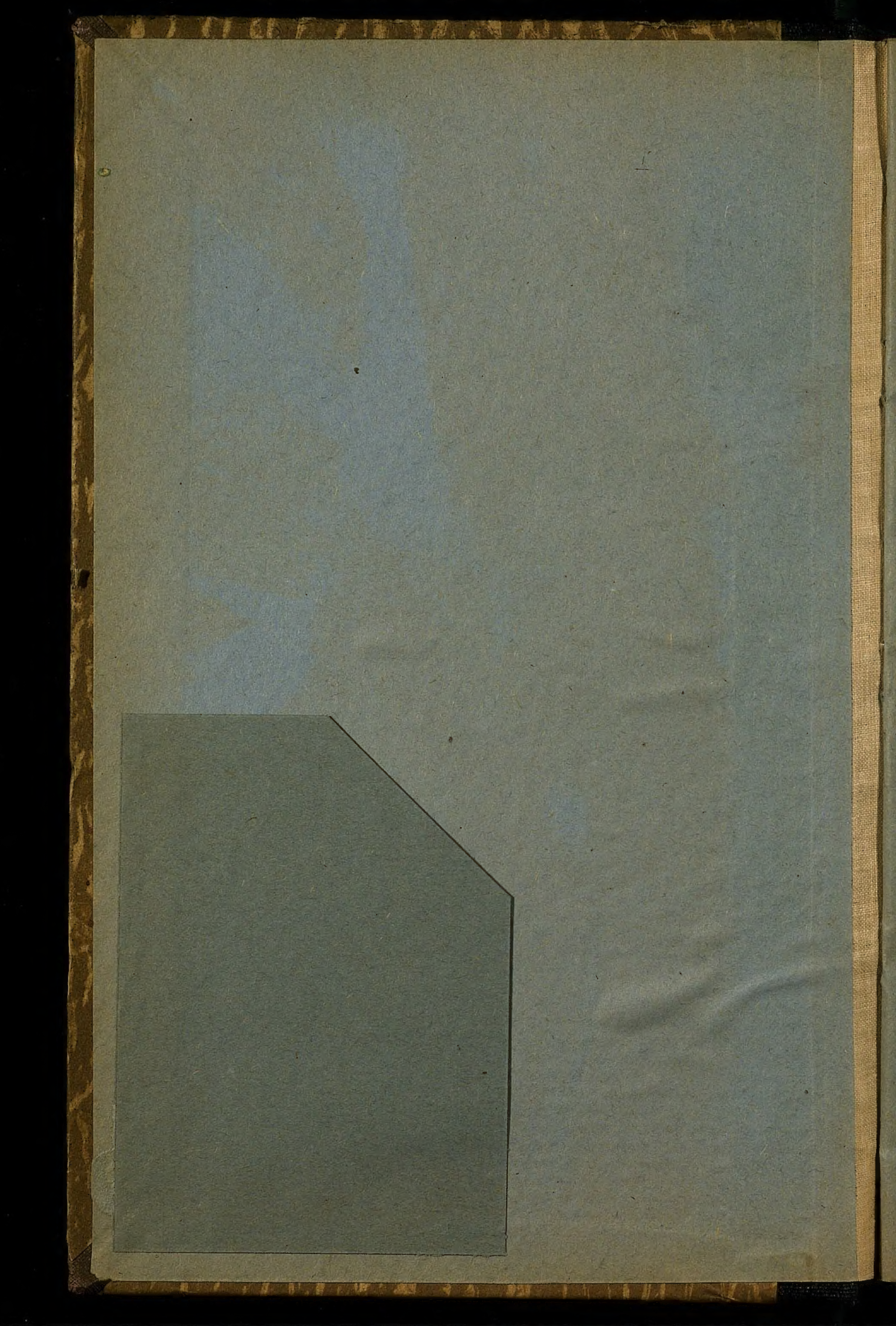
Русский
Вѣстник.
1890. №10.

Вышелъ 1-го октября.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ДЕСЯТЫЙ.

1890.

ОКТЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I.

ПАРІЯ.

Романъ въ шести частяхъ, **Ф. Ансти**. Часть третья.

II.

ВЪ МОЛОДЫЕ ГОДЫ.

Романъ въ трехъ частяхъ, **И. Тасма**. Часть первая.

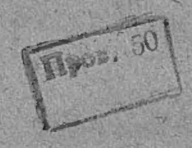

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ДЕСЯТЫЙ.

1890.

Октябрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза", Б. Подъяч., № 39.
1890.

ПУШКИНЪ И ДАЛЬ.

Въ тревогѣ пестрой и безплодной
Большаго свѣта и двора

пришлось Пушкину провести послѣднiе годы своей жизни, послѣ женитьбы. Но въ немъ постоянно горѣлъ яркiй пламень творчества и высокой мысли. Отвлекаемый свѣтскими обязанностями, онъ особенно дорожилъ тѣми счастливыми минутами, когда могъ свободно отдаваться художественному или умственному труду, или наконецъ, живой бесѣдѣ съ людьми, способными возвыситься до глубокихъ созерцанiй его мысли. Онъ искалъ этихъ людей не только среди старыхъ прiятелей, кругъ которыхъ уже начиналъ рѣдѣть и разсѣеваться, но и между новыми знакомыми, съ которыми сводили его обстоятельства. Къ числу новыхъ лицъ, сблизившихся съ нимъ въ эти годы, принадлежалъ, между прочимъ, Владимiръ Ивановичъ Даль. Далю было въ то время тридцать лѣтъ. Онъ еще не пользовался извѣстностью въ литературномъ мiрѣ, но умственный складъ его уже вполнѣ опредѣлился; онъ не искалъ покровительства Пушкина, какъ многiе начинающiе писатели, но радъ былъ найти въ немъ нравственную поддержку тѣмъ занятiямъ, которымъ съ раннихъ лѣтъ посвящалъ свой досугъ, и которыя мало по малу дѣлались господствующимъ интересомъ его жизни.

Датчанинъ по происхожденiю, но русскiй по воспитанiю, сперва кадетъ морскаго корпуса и мичманъ флота, а затѣмъ студентъ Дерптскаго университета и, въ качествѣ военнаго врача, участникъ турецкой и польской кампанiй,—Даль въ своихъ многочисленныхъ странствованiяхъ по разнымъ концамъ Россiи прiобрѣлъ страстную охоту къ наблюденiямъ надъ

народнымъ языкомъ и бытомъ. Дѣло это, еще совершенно новое у насъ въ то время, уже давно занимало и Пушкина, который самъ, во время своей невольной деревенской жизни, записывалъ съ устъ народа пѣсни и сказки, прислушивался къ народному говору и даже, къ немалому смущенію своихъ критиковъ, вносилъ въ свои произведенія плоды своихъ наблюденій—живыя черты народнаго языка и быта. Къ сознательному убѣжденію въ пользѣ и необходимости этихъ изученій Пушкинъ пришелъ совершенно самостоятельно и раньше многихъ ученыхъ. То же убѣжденіе, и также не изъ книгъ, а изъ живаго опыта, выработалось у Даля, и онъ съ увлеченіемъ отдался занятіямъ народностью. Въ 1830 году онъ напечаталъ въ „Московскомъ Телеграфѣ" небольшую повѣсть „Цыганка", занимательный, просто и тепло написанный разсказъ изъ быта молдаванъ и молдавскихъ цыганъ. По обилію этнографическихъ чертъ повѣсть эта обнаруживала въ авторѣ внимательнаго и тонкаго наблюдателя народныхъ обычаевъ, нравовъ и типовъ, но она прошла въ литературѣ незамѣченною, и только самъ издатель „Телеграфа" назвалъ ее „превосходною", отдавая читателямъ отчетъ о своемъ журналѣ за 1830 годъ [1]). Въ 1832 году, Даль рѣшилъ сдѣлать первое примѣненіе изъ своего знакомства съ русскою народною рѣчью, издавъ небольшое сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Русскія сказки, изъ преданія изустнаго на грамоту гражданскую переложенныя, къ быту житейскому приноровленныя и поговорками ходячими украшенныя казакомъ Луганскимъ. Пятокъ первый". Появленіе этой книжки и подало поводъ къ сближенію Даля съ Пушкинымъ на почвѣ дѣла, которое ихъ обоихъ занимало.

Вскорѣ послѣ изданія „Русскихъ сказокъ" Даль оставилъ Петербургъ, но въ 1833 году, когда Пушкинъ предпринялъ путешествіе въ восточную Россію для осмотра мѣстностей, гдѣ происходилъ пугачевскій бунтъ, Даль встрѣтился съ поэтомъ въ Оренбургѣ, объѣхалъ съ нимъ окрестности и провелъ нѣсколько дней въ дружескихъ бесѣдахъ. Наконецъ, предъ самою кончиной Пушкина, Далю случилось пріѣхать въ Петербургъ и быть свидѣтелемъ послѣднихъ дней поэта.

---

[1]) „Московскій Телеграфъ", 1830 г., ч. 36, стр. 544. Повѣсть Даля помѣщена въ той же части; впослѣдствіи авторъ перепечатывалъ ее въ сборникахъ своихъ разсказовъ съ нѣкоторыми передѣлками и прибавкой новыхъ этнографическихъ подробностей. Въ изданіи сочиненій Даля, вышедшемъ въ 1861 году, повѣсть эта помѣщена въ III-мъ томѣ.

Итакъ, сношенія Даля съ Пушкинымъ были непродолжительны, даже не особенно коротки, но Даль сохранилъ о нихъ благодарное воспоминаніе и, семь лѣтъ спустя послѣ его смерти, написалъ разсказъ о своемъ знакомствѣ съ нимъ. Дѣло это онъ справедливо считалъ долгомъ всѣхъ, кто близко зналъ великаго поэта, и со своей стороны исполнилъ его, какъ умѣлъ. Къ сожалѣнію, прочіе друзья Пушкина не сдѣлали того же, и потому, вмѣсто цѣльнаго образа, начертаннаго дружескою рукой, мы имѣемъ о Пушкинѣ только отрывочные разсказы. Благодаря тонкой наблюдательности Даля и его глубокому уваженію къ Пушкину, а также благодаря тому, что Пушкинъ проявлялся въ бесѣдахъ съ нимъ самыми существенными чертами своей личности, воспоминанія Даля, несмотря на свою краткость, должны занять видное мѣсто въ ряду матеріаловъ для біографіи величайшаго представителя русской литературы. Рукопись своихъ воспоминаній Даль передалъ въ распоряженіе П. В. Анненкова, когда послѣдній сталъ собирать матеріалы для біографіи Пушкина. Но Анненкову не пришлось воспользоваться этимъ источникомъ, и рукопись Даля осталась въ его бумагахъ до сихъ поръ неизданная. Въ печати извѣстна только записка Даля о смерти Пушкина, помѣщенная въ „Московской Медицинской Газетѣ“ 1860 года. Неизданными воспоминаніями Даля мы имѣли возможность воспользоваться благодаря любезности Глафиры Александровны и Павла Павловича Анненковыхъ, которымъ считаемъ долгомъ выразить нашу глубокую признательность. Печатаемъ разсказъ Даля цѣликомъ, а за нимъ помѣщаемъ нѣсколько замѣчаній и дополненій, къ которымъ онъ подаетъ поводъ.

Воспоминанія о Пушкинѣ.

Крыловъ былъ въ Оренбургѣ младенцемъ; Скобелевъ чуть ли не стаивалъ въ немъ на часахъ; у Карамзиныхъ есть въ Оренбургской губерніи родовое помѣстье. Пушкинъ пробылъ въ Оренбургѣ нѣсколько дней въ 1833 году, когда писалъ Пугача, а Жуковскій—въ 1837 году, провожая государя цесаревича.

Пушкинъ прибылъ нежданный и нечаянный и остановился въ загородномъ домѣ у военнаго губернатора В. Ал. Перовскаго, а на другой день перевезъ я его оттуда, ѣздилъ съ нимъ

въ историческую Бердинскую станицу, толковалъ, сколько слышалъ и зналъ мѣстность, обстоятельства осады Оренбурга Пугачевымъ; указывалъ на Георгіевскую колокольню въ предмѣстіи, куда Пугачъ поднялъ было пушку, чтобы обстрѣливать городъ,—на остатки земляныхъ работъ между Орскихъ и Сакмарскихъ воротъ, приписываемыхъ преданіемъ Пугачеву, на зауральскую рощу, откуда воръ пытался ворваться по льду въ крѣпость, открытую съ этой стороны; говорилъ о незадолго умершемъ здѣсь священникѣ, котораго отецъ высѣкъ за то, что мальчикъ бѣгалъ на улицу собирать пятаки, коими Пугачъ сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ въ городъ вмѣсто картечи,—о такъ-называемомъ секретарѣ Пугачева Сычуговѣ, въ то время еще живомъ, и о бердинскихъ старухахъ, которыя помнятъ еще „золотыя" палаты Пугача, то-есть, обитую мѣдною латунью избу.

Пушкинъ слушалъ все это—извините, если не умѣю иначе выразиться,—съ большимъ жаромъ и хохоталъ отъ души слѣдующему анекдоту: Пугачъ, ворвавшись въ Берды, гдѣ испуганный народъ собрался въ церкви и на паперти, вошелъ также въ церковь. Народъ разступался въ страхѣ, кланялся, падалъ ницъ. Принявъ важный видъ, Пугачъ прошелъ прямо въ алтарь, сѣлъ на церковный престолъ и сказалъ вслухъ: „Какъ я давно не сидѣлъ на престолѣ!" Въ мужицкомъ невѣжествѣ своемъ онъ воображалъ, что престолъ церковный есть царское сѣдалище. Пушкинъ назвалъ его за это свиньей и много хохоталъ...

Мы поѣхали въ Берды, бывшую столицу Пугача, который сидѣлъ тамъ—какъ мы сейчасъ видѣли—на престолѣ. Я взялъ съ собою ружье, и съ нами было еще человѣка два охотниковъ. Пора была рабочая, казаковъ ни души не было дома; но мы отыскали старуху, которая знала, видѣла и помнила Пугача. Пушкинъ разговаривалъ съ нею цѣлое утро; ему указали гдѣ стояла изба, обращенная въ золотой дворецъ, гдѣ разбойникъ казнилъ нѣсколькихъ вѣрныхъ долгу своему сыновъ отечества; указали на гребени, гдѣ, по преданію, лежитъ огромный кладъ Пугача, зашитый въ рубаху, засыпанный землей и покрытый трупомъ человѣческимъ, чтобы отвесть всякое подозрѣніе и обмануть кладоискателей, которые, дорывшись до трупа, должны подумать, что это—простая могила. Старуха спѣла также нѣсколько пѣсенъ, относившихся къ тому же предмету, и Пушкинъ далъ ей на прощанье червонецъ.

Мы уѣхали въ городъ, но червонецъ надѣлалъ большую суматоху. Бабы и старики не могли понять, на что было чужому, пріѣзжему человѣку разспрашивать съ такимъ жаромъ о разбойникѣ и самозванцѣ, съ именемъ котораго было связано въ томъ краю столько страшныхъ воспоминаній, но еще менѣе постигали они, за что было отдать червонецъ. Дѣло показалось имъ подозрительнымъ: чтобы-де послѣ не отвѣчать за такіе разговоры, чтобы опять не дожить до какого грѣха да напасти. И казаки на другой же день снарядили подводу въ Оренбургъ, привезли и старуху, и роковой червонецъ и донесли: „Вчера-де пріѣзжалъ какой-то чужой господинъ, примѣтами: собой не великъ, волосъ черный, кудрявый, лицомъ смуглый, и подбивалъ подъ „пугачевщину" и дарилъ золотомъ; долженъ быть антихристъ, потому что вмѣсто ногтей на пальцахъ когти" [1]). Пушкинъ много тому смѣялся.

До пріѣзда Пушкина въ Оренбургъ я видѣлся съ нимъ всего только раза два или три; это было именно въ 1832 году, когда я, по окончаніи турецкаго и польскаго походовъ, пріѣхалъ въ столицу и напечаталъ первые опыты свои. Пушкинъ, по обыкновенію своему, засыпалъ меня множествомъ отрывчатыхъ замѣчаній, которыя всѣ шли къ дѣлу, показывали глубокое чувство истины и выражали то, что, казалось, у всякаго изъ насъ на умѣ вертится и только-что съ языка не срывается. „Сказка сказкой", говорилъ онъ, — „а языкъ нашъ самъ по себѣ, и ему-то нигдѣ нельзя дать этого русскаго раздолья, какъ въ сказкѣ. А какъ это сдѣлать,—надо бы сдѣлать, чтобы выучиться говорить по-русски и не въ сказкѣ... Да нѣтъ, трудно, нельзя еще! А что-за роскошь, что-за смыслъ, какой толкъ въ каждой поговоркѣ нашей! Что-за золото! А не дается въ руки, нѣтъ!"

По пути въ Берды Пушкинъ разсказывалъ мнѣ, чѣмъ онъ занятъ теперь, что еще намѣренъ и надѣется сдѣлать. Онъ усердно убѣждалъ меня написать романъ и—я передаю слова его, въ его память, забывая въ это время, къ кому они относятся,—и повторялъ: „Я на вашемъ мѣстѣ сейчасъ бы написалъ романъ, сейчасъ; вы не повѣрите, какъ мнѣ хочется написать романъ, но нѣтъ, не могу: у меня начато ихъ три, — начну прекрасно, а тамъ недостаетъ терпѣнія, не слажу".

---

[1]) Пушкинъ носилъ ногти необыкновенной длины: это была причуда его. *Примѣчаніе Даля.*

Слова эти вполнѣ согласуются съ пылкимъ духомъ поэта и думнымъ, творческимъ долготерпѣніемъ художника; эти два рѣдкія качества соединялись въ Пушкинѣ, какъ двѣ крайности, два полюса, которые дополняютъ другъ друга и составляютъ одно цѣлое. Онъ носился во снѣ и на яву цѣлые годы съ какимъ-нибудь созданіемъ, и когда оно дозрѣвало въ немъ, являлось передъ духомъ его уже созданнымъ вполнѣ, то изливалось пламеннымъ потокомъ въ слова и рѣчь: металлъ мгновенно стынетъ въ воздухѣ, и созданіе готово. Пушкинъ потомъ воспламенился въ полномъ смыслѣ слова, коснувшись Петра Великаго, и говорилъ, что непремѣнно, кромѣ дѣеписанія объ немъ, создастъ и художественное въ память его произведеніе: „Я еще не могъ доселѣ постичь и обнять вдругъ умомъ этого исполина: онъ слишкомъ огроменъ для насъ близорукихъ, и мы стоимъ еще къ нему близко, — надо отодвинуться на два вѣка, — но постигаю его чувствомъ; чѣмъ болѣе его изучаю, тѣмъ болѣе изумленіе и подобострастіе лишаютъ меня средствъ мыслить и судить свободно. Не надобно торопиться; надобно освоиться съ предметомъ и постоянно имъ заниматься; время это исправитъ. Но я сдѣлаю изъ этого золота что-нибудь. О, вы увидите: я еще много сдѣлаю! Вѣдь даромъ что товарищи мои всѣ посѣдѣли да оплѣшивѣли, а я только-что перебѣсился; вы не знали меня въ молодости, каковъ я былъ; я не такъ жилъ, какъ жить бы должно; бурный небосклонъ позади меня, какъ оглянусь я...“

Послѣднія слова свѣжо отдаются въ памяти моей, почти въ ушахъ, хотя этому прошло уже семь лѣтъ. Слышавъ много о Пушкинѣ, я никогда и нигдѣ не слыхалъ, какъ онъ думаетъ о себѣ и о молодости своей, оправдываетъ ли себя во всемъ, доволенъ ли собою, или нѣтъ; а теперь услышалъ я это отъ него самого, видѣлъ передъ собою не только поэта, но и человѣка. Переломъ въ жизни нашей, когда мы, проспавъ нѣсколько лѣтъ дѣтьми въ личинкѣ, сбрасываемъ съ себя кожуру и выходимъ на свѣтъ вновь родившимся, полнымъ твореніемъ, дѣлаемся изъ дѣтей людьми,—переломъ этотъ не всегда обходится безъ насилій и не всякому становится дешево. Въ человѣкѣ буднишнемъ перемѣна не велика; чѣмъ болѣе необыкновеннаго готовится въ юношѣ, чѣмъ онъ болѣе изъ ряду вонъ, тѣмъ сильнѣе порывы закованной въ желѣзныя путы души.

Мнѣ достался отъ вдовы Пушкина дорогой подарокъ: пер-

стень его съ изумрудомъ, который онъ всегда носилъ послѣднее время и называлъ—не знаю почему—талисманомъ; досталась отъ В. А. Жуковскаго послѣдняя одежда Пушкина, послѣ которой одѣли его, только чтобы положить въ гробъ. Это черный сюртукъ съ небольшою, въ ноготокъ, дырочкою противъ праваго паха. Надъ этимъ можно призадуматься. Сюртукъ этотъ должно бы сберечь и для потомства; не знаю еще, какъ это сдѣлать; въ частныхъ рукахъ онъ легко можетъ затеряться, а у насъ некуда отдать подобную вещь на всегдашнее сохраненіе [1]).

Пушкинъ, я думаю, былъ иногда и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ суевѣренъ; онъ говаривалъ о примѣтахъ, которыя никогда его не обманывали, и, угадывая глубокимъ чувствомъ какую-то таинственную непостижимую для ума связь между разнородными предметами и явленіями, въ коихъ, повидимому, нѣтъ ничего общаго, уважалъ тысячелѣтнее преданіе народа, доискивался въ немъ смыслу, будучи убѣжденъ, что смыслъ въ немъ есть и быть долженъ, если не всегда легко его разгадать. Всѣмъ близкимъ къ нему извѣстно странное происшествіе, которое спасло его отъ неминуемой большой бѣды. Пушкинъ жилъ въ 1825 году въ псковской деревнѣ, и ему запрещено было изъ нея выѣзжать. Вдругъ доходятъ до него темные и несвязные слухи о кончинѣ императора, потомъ объ отреченіи отъ престола цесаревича; подобныя событія проникаютъ молніемъ сердца каждаго, и мудрено ли, что въ смятеніи и волненіи чувствъ участіе и любопытство деревенскаго жителя неподалеку отъ столицы возросло до неодолимой степени? Пушкинъ хотѣлъ узнать положительно, сколько правды въ носящихся разнородныхъ слухахъ, что̀ дѣлается у насъ и что̀ будетъ; онъ вдругъ рѣшился выѣхать тайно изъ деревни, разсчитавъ время такъ, чтобы прибыть въ Петербургъ поздно вечеромъ и потомъ черезъ сутки же возвратиться. Поѣхали; на самыхъ выѣздахъ была уже не помню какая-то дурная примѣта, замѣченная дядькою, который исполнялъ приказаніе барина своего на этотъ разъ очень неохотно. Отъѣхавъ немного отъ села, Пушкинъ сталъ уже раскаяваться въ предпріятіи этомъ, но ему совѣстно было отъ него отказаться, казалось малодушнымъ. Вдругъ дядька указываетъ

---

[1]) Я подарилъ его М. П. Погодину.

Позднѣйшее примѣчаніе Даля.

съ отчаяннымъ возгласомъ на зайца, который перебѣжалъ впереди коляски дорогу; Пушкинъ съ большимъ удовольствіемъ уступилъ убѣдительнымъ просьбамъ дядьки, сказавъ, что, кромѣ того, позабылъ что-то нужное дома, и воротился. На другой день никто уже не говорилъ о поѣздкѣ въ Питеръ, и все осталось по-старому. А еслибы Пушкинъ не послушался на этотъ разъ зайца, то пріѣхалъ бы въ столицу поздно вечеромъ 13-го декабря и остановился бы у одного изъ товарищей своихъ по лицею, который кончилъ жалкое и бѣдственное поприще свое на другой же день... Прошу сообразить всѣ обстоятельства эти и найдти средства и доводы, которые бы могли оправдать Пушкина впослѣдствіи по крайней мѣрѣ отъ слишкомъ естественнаго обвиненія, что онъ пріѣхалъ не безъ цѣли и зналъ о преступныхъ замыслахъ своего товарища.

Пусть бы всякій сносилъ въ складчину все, что знаетъ не только о Пушкинѣ, но и о другихъ замѣчательныхъ мужахъ нашихъ. У насъ все родное теряется въ молвѣ и памяти, и внуки наши должны будутъ искать назиданія въ жизнеописаніяхъ людей не русскихъ, къ своимъ же по неволѣ охладѣютъ, потому что ознакомиться съ ними не могутъ; свои будутъ для нихъ чужими, а чужіе сдѣлаются близкими. Хорошо ли это?

Много алмазныхъ искръ Пушкина разсыпались тутъ и тамъ въ потемкахъ; иныя уже угасли и едва-ли не навсегда; много подробностей жизни его извѣстно на разныхъ концахъ Россіи: ихъ надо бы снести въ одно мѣсто. А. П. Брюлловъ сказалъ мнѣ однажды, говоря о Пушкинѣ: „Читая Пушкина, кажется, видишь, какъ онъ жжетъ молніемъ выжигу изъ обносковъ: въ одинъ ударъ тряпье въ золу, и блеститъ чистый слитокъ золота“.

Было уже упомянуто, что поводомъ къ знакомству Пушкина съ Далемъ послужило появленіе въ 1832 году „перваго пятка“ „Русскихъ сказокъ“ казака Луганскаго. Въ этомъ сборникѣ заключались слѣдующія сказки: 1) „О Иванѣ молодомъ сержантѣ, удалой головѣ, безъ роду, безъ племени, спроста безъ прозвища“; 2) „О Шемякинскомъ судѣ и о воеводствѣ и о прочемъ; была когда-то быль, а нынѣ сказка буднишняя“; 3) „О Рогволодѣ и Могучанѣ царевичахъ, равно и о третьемъ единоутробномъ ихъ братѣ, о славныхъ подвигахъ и дѣяніяхъ ихъ и о новомъ княжествѣ и княженіи“; 4) „Новинка-диковинка или невиданное чудо, неслыханное диво“, и 5) „О похожденіяхъ чортопослушника, Сидора Поликарпо-

вича, на морѣ и на сушѣ, о неудачныхъ соблазнительныхъ попыткахъ его и объ окончательной пристройкѣ его по части письменной". Изданіе этихъ „Сказокъ" произвело нѣкоторое волненіе въ обществѣ и въ литературѣ. Едва вышли онѣ въ свѣтъ, какъ Булгаринъ подалъ на автора доносъ, въ которомъ содержаніе двухъ сказокъ (именно первой и пятой) было безсовѣстно перетолковано; вслѣдствіе того Даль былъ арестованъ, и только ходатайство Жуковскаго и академика Паррота, знавшихъ автора по Дерпту, выручило его изъ бѣды [1]). Книжка была изъята изъ обращенія въ публикѣ; понятно поэтому, что журналы ни словомъ не упомянули о ней, но въ литературныхъ кружкахъ она подала поводъ къ толкамъ. По словамъ самого Даля, за „Сказки" „и похвалили, и побранили писателя, погладили по головѣ и попросили садиться, между тѣмъ какъ другіе просили его ходить и жаловать только на задній дворъ" [2]). Это послѣднее мнѣніе принадлежало, разумѣется, литературнымъ старовѣрамъ, которымъ введеніе выраженій простонароднаго языка въ изящную словесность казалось непозволительною ересью. И самому Пушкину не разъ высказывались осужденія въ томъ же смыслѣ. О мнѣніи тѣхъ, кто хвалилъ „Сказки" Даля, мы имѣемъ свидѣтельство—нѣсколько позднѣйшее—И. С. Тургенева. Въ своемъ разборѣ сочиненій Даля, напечатанномъ въ 1846 году, онъ сообщаетъ слѣдующее: „Когда... появились первыя розсказни казака Луганскаго, онѣ обратили на себя всеобщее вниманіе читателей русскимъ складомъ ума и рѣчи, изумительнымъ богатствомъ чисто русскихъ поговорокъ и оборотовъ. Нельзя было признать въ нихъ особеннаго художественнаго достоинства со стороны содержанія, но своимъ неподдѣльнымъ и свѣжимъ колоритомъ онѣ рѣзко отличались отъ пошлаго балагурства не признанныхъ народныхъ писателей [3]). Пушкинъ, разумѣется, былъ на сторонѣ Даля; по словамъ П. И. Мельникова, онъ былъ въ восхищеніи отъ „Сказокъ" Луганскаго, подъ вліяніемъ ихъ написалъ лучшую свою сказку „О рыбакѣ и рыбкѣ"

---

[1]) „Воспоминанія о В. И. Далѣ" П. И. Мельникова—„Русскій Вѣстникъ" 1873 г., № 3, стр. 299. Въ 1861 году „Сказки" Даля были перепечатаны въ собраніи его сочиненій.

[2]) „Полтора слова о нынѣшнемъ русскомъ языкѣ", статья Даля въ „Москвитянинѣ" 1842 г., кн. II, стр. 549.

[3]) Полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева, изд. 1884 г., т. X, стр. 335.

и подарилъ ее Далю въ рукописи, съ надписью: „Твоя отъ твоихъ! Сказочнику казаку Луганскому сказочникъ Александръ Пушкинъ“ [1]).

Несмотря на такой успѣхъ, Даль находилъ, что никто не понялъ цѣли, съ какою онъ издалъ свои „Сказки“. Десять лѣтъ спустя по ихъ выходѣ, онъ объяснилъ эту цѣль слѣдующимъ образомъ [2]): „Не сказки по себѣ были ему важны, а русское слово, которое у насъ въ такомъ загонѣ, что ему нельзя было показаться въ люди безъ особаго предлога и повода,—и сказка послужила предлогомъ. Писатель задалъ себѣ задачу познакомить земляковъ своихъ сколько-нибудь съ народнымъ языкомъ, съ говоромъ, которому открывался такой вольный разгулъ и широкій просторъ въ народной сказкѣ. Еслибы тотъ же самый писатель вздумалъ когда-нибудь издать собраніе русскихъ сказокъ, то конечно, написалъ бы ихъ проще и незатѣйливѣе. Я бы желалъ, чтобы кто-нибудь изъ благомыслящихъ людей, не искавшій въ помянутыхъ „Сказкахъ“ того, о чемъ здѣсь говорится, прочелъ ихъ теперь съ особеннымъ вниманіемъ на языкъ, на духъ и складъ рѣчи и на самыя слова. Можетъ быть, это былъ бы и не совсѣмъ напрасный трудъ. Но здѣсь опять необходима оговорка, чтобы не выворотили на нашемъ братѣ тулупъ на изнанку, изъ *Луки* сдѣлали *акулу*: сказочникъ никогда не ставитъ „Сказки“ свои въ примѣръ слога и языка, не говорилъ и не говоритъ, что такъ именно должно писать по-русски. Нѣтъ, онъ хотѣлъ только на первый случай показать небольшой образчикъ—и право, не съ казоваго конца—образчикъ *запасовъ*, о которыхъ мы мало или вовсе не заботились, между тѣмъ какъ рано или поздно безъ нихъ не обойтись“ [3]).

Дѣйствительно, читая Далевы „Сказки“ 1832 года, нельзя не видѣть, во-первыхъ, что это не подлинныя народныя сказки, записанныя съ устъ народа, а собственное сочиненіе казака Луганскаго, едва-едва намекающее на народные мотивы, и во-вторыхъ, что авторъ ихъ обладалъ богатымъ знаніемъ словъ и оборотовъ народной рѣчи. Но что касается ея „склада“ или слога, то очевидно, Даль имѣлъ въ этомъ отношеніи понятія очень одностороннія. Складъ рѣчи въ Далевыхъ „Сказкахъ“—говоря его же словами—затѣйливъ, непростъ и даже кудрявъ.

[1]) Мельниковъ—въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1873 г., № 3, стр. 298.

[2]) Онъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ.

[3]) „Москвитянинъ“, 1842 г., кн. II, стр. 540 и 550.

По большей части это особенная, размѣренная или риѳмованная проза, притомъ обильно приправленная поговорками, присловьями и прибаутками, проза, въ концѣ концовъ столь же искусственная, однообразная и утомительная, какъ высокопарный слогъ старинныхъ риторовъ. Замѣчательно также, что при всемъ стараніи точно соблюсти народность своей рѣчи Даль далеко не вполнѣ выдерживаетъ этотъ пріемъ: нерѣдко въ „Сказкахъ" рядомъ съ русскою формою словъ встрѣчаются славянизмы, и произошло это, повидимому, отъ того, что образцами служили автору сказки не только изъ живой устной передачи, но и изъ лубочныхъ изданій, уже усвоившихъ себѣ нѣкоторую долю книжности. Короче говоря, своими „Сказками" Даль показалъ, что онъ много наблюдалъ и изучалъ народную рѣчь, но свободно владѣть ею не умѣлъ.

Это обстоятельство не могло ускользнуть отъ вниманія такого великаго мастера русскаго языка, какимъ былъ Пушкинъ, и его необходимо имѣть въ виду, читая разсказъ Даля о томъ, что̀ говорилъ ему Пушкинъ по поводу „Сказокъ" казака Луганскаго: не о сочиненіи Даля повелъ онъ рѣчь, не о томъ, на сколько сказочникъ умѣетъ владѣть народнымъ языкомъ, а о самомъ этомъ языкѣ, о его богатствѣ и выразительности. Даль интересовалъ Пушкина какъ собиратель сокровищъ, „запасовъ" народнаго слова, и въ этомъ направленіи поэтъ горячо поддерживалъ его, какъ и свидѣтельствуетъ о томъ самъ Даль въ своей автобіографической запискѣ, доставленной имъ Я. К. Гроту [1]).

Мы привели выше слова Даля, которыми онъ отстраняетъ отъ себя приписанное ему притязаніе дать въ „Сказкахъ" 1832 года образцы настоящаго слога для русской прозы, и думаемъ, что онъ не кривилъ душой въ этомъ случаѣ: по крайней мѣрѣ свои повѣсти и бытовые очерки онъ писалъ обыкновеннымъ литературнымъ языкомъ, а тотъ особенный „складъ рѣчи", который употребленъ въ книжкѣ 1832 года, прибeрегалъ онъ исключительно для сказокъ [2]). Даль былъ упрямъ и не отступалъ отъ этой манеры даже въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ такого рода, — за то и критика, въ лицѣ Бѣ-

---

[1]) „Воспоминаніе о В. И. Далѣ" *Я. К. Грота*—въ Сборникѣ II-го отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, т. X, приложеніе 9-е, стр. 42.

[2]) Точно также, настоящія народныя сказки, вошедшія съ записей Даля въ сборникъ А. Н. Аѳанасьева, отличаются простотой рѣчи, безъ всякихъ кудрявыхъ прикрасъ.

линскаго, постоянно преслѣдовала его за эту искусственность, хотя тотъ же Бѣлинскій очень цѣнилъ и хвалилъ бытовые очерки и разсказы казака Луганскаго, и не только за содержаніе, но и за изложеніе. Что же касается Пушкина, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что онъ вовсе не былъ расположенъ къ коренной и притомъ искусственной перестройкѣ русскаго литературнаго языка; говоря въ 1825 году объ его историческомъ развитіи, онъ выразился слѣдующими словами: „Простонародное нарѣчіе необходимо должно было отдѣлиться отъ книжнаго, но впослѣдствіи они сблизились, и такова стихія, данная намъ для сообщенія нашихъ мыслей“[1]). Онъ впрочемъ не отрицалъ, что языкъ нашей прозы еще не выработанъ; но постепенное, а не насильственное сближеніе книжной рѣчи съ народною всегда оставалось его твердымъ убѣжденіемъ; это же убѣжденіе, какъ основанное не на отвлеченномъ принципѣ, а на здравомъ смыслѣ и живомъ художественномъ чувствѣ, унаслѣдовали отъ геніальнаго поэта лучшіе писатели послѣ-пушкинскаго періода: напомнимъ Тургенева[2]).

Послѣ всего сказаннаго считаемъ себя въ правѣ не согласиться съ мнѣніемъ Далева біографа Мельникова о томъ, что сказка „О рыбакѣ и рыбкѣ“ написана подъ вліяніемъ перваго пятка „Сказокъ“ казака Луганскаго. Еще раньше знакомства съ нимъ и съ его сборникомъ Пушкинъ сталъ перекладывать въ стихи народныя сказки, слышанныя имъ отъ своей няни;

---

[1]) Сочиненія Пушкина, изданіе литературнаго фонда, т. V, стр. 27.

[2]) Извѣстно, какъ высоко цѣнилъ Пушкинъ силы и средства русскаго языка. Такой же отзывъ находимъ у Тургенева въ его обращеніи къ молодымъ писателямъ: „Берегите нашъ языкъ, нашъ прекрасный русскій языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, переданное намъ нашими предшественниками, въ челѣ которыхъ блистаетъ... Пушкинъ! Обращайтесь почтительно съ этимъ могущественнымъ орудіемъ: въ рукахъ умѣлыхъ оно въ состояніи творить чудеса!“ (Сочиненія Тургенева, изд. 1884 г., т. X, стр. 113). Авторъ „Записокъ охотника“ является достойнымъ ученикомъ автора „Онѣгина“ въ художественномъ умѣньи пользоваться народною рѣчью для литературнаго языка. Замѣчательно между прочимъ, что эстетическое чувство, столь тонкое у Бѣлинскаго, измѣнило ему въ оцѣнкѣ этого искусства Тургенева: въ письмѣ къ П. В. Анненкову, 1847 года, Бѣлинскій, по поводу первыхъ очерковъ изъ „Записокъ охотника“, замѣчалъ, что авторъ ихъ „пересаливаетъ въ употребленіи словъ орловскаго языка, даже отъ себя употребляя слово *зеленя*, которое также безсмысленно, какъ *мясня* и *хлѣбня* вмѣсто мяса и хлѣба“. Позднѣйшая критика отвергла этотъ строгій приговоръ ср. Бѣлинскій, его жизнь и переписка, *А. Н. Пыпина*, т. II, стр. 324).

затѣмъ попалась ему въ руки книга Мериме съ псевдо-сербскими пѣснями и тоже дала матеріалъ для нѣсколькихъ переложеній, но рядомъ съ нею Пушкинъ пользовался сборникомъ настоящихъ сербскихъ пѣсенъ Вука Караджича. Разнообразя въ этихъ опытахъ характеръ и тонъ изложенія и самый размѣръ, поэтъ, очевидно, искалъ наиболѣе подходящей формы для подобныхъ произведеній въ духѣ народнаго творчества. Сказка „О рыбакѣ и рыбкѣ", была просто однимъ изъ такихъ опытовъ, и безъ сомнѣнія, самымъ счастливымъ. Извѣстно, что Пушкинъ первоначально предполагалъ включить эту сказку въ составъ „Пѣсенъ западныхъ славянъ" [1]; она и сложена тѣмъ же сербскимъ эпическимъ размѣромъ, который онъ употребилъ для нѣкоторыхъ изъ этихъ пѣсенъ. Простота рѣчи, какъ и вымысла, въ этомъ превосходномъ произведеніи невстрѣчаетъ ничего подобнаго себѣ въ „Сказкахъ" казака Луганскаго. Итакъ, не вѣрнѣе ли будетъ сказать, что подарокъ, сдѣланный Пушкинымъ Далю, заключалъ въ себѣ нѣкоторый косвенный урокъ ему или, по крайней мѣрѣ, наглядный примѣръ того, какъ слѣдуетъ пересказывать народныя сказки? Даль, къ сожалѣнію, не воспользовался этимъ урокомъ и не освободился отъ своихъ искусственныхъ пріемовъ изложенія даже тогда, когда вздумалъ написать сказку „О Георгіи Храбромъ и сѣромъ волкѣ", содержаніе которой было сообщено ему Пушкинымъ [2].

Когда, черезъ годъ послѣ своихъ петербургскихъ бесѣдъ съ авторомъ „Русскихъ сказокъ", Пушкинъ встрѣтился съ нимъ во время поѣздки въ восточную Россію, то имѣлъ случай узнать и оцѣнить Даля съ новой стороны—на поприщѣ непосредственныхъ сношеній съ народомъ и собиранія живой народной старины. Какъ видно изъ разсказа Даля, онъ неразлучно провелъ съ Пушкинымъ тѣ пять дней, которые поэтъ прожилъ въ Оренбургѣ—съ 18-го по 23-е сентября [3]. Собираясь писать „Исторію Пугачевскаго бунта", Пушкинъ желалъ прислушаться къ мѣстнымъ преданіямъ и народнымъ разсказамъ о Пугачевщинѣ. Онъ хорошо зналъ, что народныя преданія драгоцѣнны и незамѣнимы для историка, потому что даютъ его разсказу печать живой современности, но не забы-

---

[1]) Сочиненія Пушкина, т. III, стр. 514, примѣчаніе.
[2]) Сочиненія Даля, изд. 1861 г., ч. IV, стр. 311.
[3]) Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 326, 327.

валъ также, что они требуютъ строгой повѣрки и осмотрительности [1]); поэтому, собственно въ „Исторіи“ онъ пользовался ими умѣренно: изъ преданій, сообщенныхъ Далемъ или при его посредствѣ, онъ внесъ въ нее только одно—о пушкѣ, поднятой на колокольню въ предмѣстьи Оренбурга, для обстрѣливанія города [2]). За то народныя воспоминанія о пугачевской эпохѣ, которыхъ Пушкинъ собралъ во время своей поѣздки немало, отразились очень ярко въ „Капитанской дочкѣ“.

Съ особенною силой эти воспоминанія охватили поэта, когда онъ посѣтилъ Бердскую слободу и нашелъ здѣсь живыхъ свидѣтельницъ дикаго бунта. Объ одной изъ нихъ онъ писалъ тогда же своей женѣ: „Въ деревнѣ Бердѣ, гдѣ Пугачевъ простоялъ 6 мѣсяцевъ, имѣлъ я une bonne fortune—нашелъ 75-тилѣтнюю казачку, которая помнитъ это время, какъ мы съ тобою помнимъ 1830 годъ. Я отъ нея не отставалъ; виноватъ, и про тебя не подумалъ“ [3]). Разсказы о былыхъ ужасахъ, услышанные на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они совершались, могущественнымъ образомъ подѣйствовали на воображеніе Пушкина: въ „Исторіи“ онъ пріурочиваетъ къ Бердской слободѣ изображеніе внутренняго состоянія пугачевскихъ скопищъ, а въ повѣсти цѣлая глава, подъ названіемъ „Мятежная слобода“, рисуетъ рядъ яркихъ картинъ этого быта; тутъ, между прочимъ, упоминается о золотыхъ палатахъ Пугачева, про которыя разсказывала Пушкину бердская казачка. Въ эпиграфахъ къ нѣкоторымъ главамъ повѣсти и въ ея текстѣ авторъ помѣстилъ нѣсколько народныхъ пѣсенъ — быть можетъ, изъ числа тѣхъ, которыя пѣла ему та же бердская его знакомка [4]). Въ главѣ восьмой, гдѣ описанъ военный совѣтъ у Пугачева и

---

[1]) Сочиненія Пушкина, т. VI, стр. 207.

[2]) Тамъ же, стр. 20.

[3]) Тамъ же, т. VII, стр. 327.

[4]) По разсказу Даля, старуха пѣла пѣсни, относившіяся до Пугачевщины. Должно, однако, замѣтить, что въ народѣ сохранилось мало пѣсенъ касательно этого событія: въ 9-мъ выпускѣ сборника Кирѣевскаго помѣщено всего восемь пѣсенъ, имѣющихъ отношеніе къ Пугачевскому бунту и связаннымъ съ нимъ событіямъ, да еще одна пѣсня сообщена М. Л. Михайловымъ въ его „Уральскихъ очеркахъ“ („Морск. Сборникъ“ 1859 г. № 9). Изъ пѣсенъ, находящихся въ сборникѣ Кирѣевскаго, только двѣ записаны въ Оренбургскомъ краѣ, и въ томъ числѣ одна—Далемъ. Если принять это во вниманіе, то слѣдуетъ допустить, что бердская старуха пѣла Пушкину вообще казацкія пѣсни, а не только изъ временъ Пугачевщины.

слѣдовавшая за нимъ попойка, приводится „заунывная бурлацкая пѣсня", которую на прощанье передъ сномъ затянули пировавшіе, и вслѣдъ затѣмъ разскащикъ—герой повѣсти—прибавляетъ: „Невозможно разсказать, какое дѣйствіе произвела на меня эта простонародная пѣсня про висѣлицу, распѣваемая людьми, обреченными висѣлицѣ. Ихъ грозныя лица, стройные голоса, унылое выраженіе, которое придавали они словамъ, и безъ того выразительнымъ,—все потрясало меня какимъ-то піитическимъ ужасомъ". Въ этихъ словахъ Гринева легко угадать собственное настроеніе поэта въ ту пору, когда народныя воспоминанія переносили его воображеніе ко временамъ и въ обстановку пугачевской смуты.

Разсказъ Даля прекрасно передаетъ живость и силу впечатлѣній, пережитыхъ Пушкинымъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходило народное волненіе; отъ вниманія наблюдательнаго собесѣдника не ускользнуло и то, что эти впечатлѣнія уже претворялись въ душѣ Пушкина въ поэтическіе образы. Едва пріѣхавъ въ Оренбургъ, онъ писалъ своей женѣ: „Ужь чувствую, что дурь на меня находитъ—я и въ коляскѣ сочиняю, что̀ жъ будетъ въ постелѣ?" [1]) Извѣстно, что сюжетъ „Капитанской дочки" взятъ Пушкинымъ изъ анекдота, который былъ ему разсказанъ въ Оренбургскомъ краѣ [2]). Въ бесѣдахъ съ Далемъ поэтъ совѣтовалъ ему приняться за романъ и сознался, что самъ занятъ тою же задачей, что у него начато цѣлыхъ три романа. Дѣйствительно, къ 1831 и 1832 годамъ относится цѣлый рядъ его набросковъ повѣствовательнаго содержанія, а два года спустя послѣ этого разговора, онъ составилъ программу „Русскаго Пелама", большаго романа, въ которомъ должна была развернуться картина русскаго общества двадцатыхъ годовъ. Но всѣ эти замыслы Пушкину не суждено было выполнить, какъ не осуществилъ онъ и другаго своего намѣренія—написать исторію Петра Великаго.

Въ высшей степени любопытно въ разсказѣ Даля то, что̀ Пушкинъ говорилъ ему о Петрѣ. Подготовительными работами для его исторіи Пушкинъ сталъ заниматься съ 1831 г. и не покидалъ ихъ почти до самой смерти. Но едва-ли можно утвердительно сказать, чтобы задуманный имъ историческій трудъ былъ непремѣнно доведенъ до конца, еслибы судьба

---

[1]) Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 326.
[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 275.

даже продлила дни автора. Вѣрно лишь то, что Пушкинъ много размышлялъ о значеніи и характерѣ Петровскаго переворота, и что онъ старался постигнуть во всей полнотѣ личность великаго преобразователя; а еще вѣрнѣе, что рядомъ съ выясненіемъ исторической задачи въ немъ развивалась потребность художественной обработки того же предмета. Первыя замѣчанія о личности и дѣлѣ Петра были набросаны Пушкинымъ еще въ началѣ двадцатыхъ годовъ, и вскорѣ затѣмъ явились у него первыя попытки поэтически изобразить геніальную личность—въ главахъ неоконченнаго романа объ арапѣ Ганнибалѣ, въ извѣстныхъ „Стансахъ". Попытки эти продолжались и позже, даже въ періодъ архивныхъ разысканій; но чѣмъ болѣе расширялся кругъ историческихъ свѣдѣній Пушкина, тѣмъ менѣе могъ онъ удовлетворяться своимъ прежнимъ представленіемъ о Петрѣ, въ которомъ живой человѣкъ, со всею его геніальностью и пороками, еще заслонялся условными чертами обычной апоѳеозы. Это смутное состояніе мысли Пушкина отразилось на словахъ о Петрѣ, сказанныхъ имъ Далю. Но прозрѣніе художника опережало въ немъ кропотливость изслѣдователя, и изъ той же бесѣды Даль сохранилъ драгоцѣнное свидѣтельство, что у Пушкина возникла уже мысль о большомъ поэтическомъ произведеніи, въ которомъ Петръ явился бы въ цѣльномъ образѣ. Припоминая совершенно черновой характеръ всего того, что осталось отъ исторической работы Пушкина надъ Петромъ, только этимъ свидѣтельствомъ можно объяснить слѣдующія слова поэта въ его письмѣ къ женѣ, писанномъ въ маѣ 1834 года: „Ты спрашиваешь меня о „Петрѣ"? Идетъ по маленьку; скопляю матеріалы—привожу въ порядокъ—и вдругъ вылью мѣдный памятникъ, котораго нельзя будетъ перетаскивать съ одного конца города на другой, съ площади на площадь, изъ переулка въ переулокъ" [1]). Конечно, ближайшій смыслъ этихъ словъ имѣетъ въ виду только предпринятый Пушкинымъ историческій трудъ, но смыслъ болѣе глубокій, внутренній мѣтитъ, безъ сомнѣнія, на творческое созданіе. Какъ изъ разысканій о Пугачевщинѣ возникла не только „Исторія" бунта, но и „Капитанская дочка", такъ историческое изученіе „крутаго и кроваваго переворота, про-

---

[1]) Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 351.

изведеннаго мощнымъ самодержавіемъ Петра" [1]), быть можетъ, вдохновило бы Пушкина на созданіе поэтической картины той эпохи въ формѣ романа или драмы, съ личностью самого преобразователя на первомъ планѣ и съ яркимъ изображеніемъ тѣхъ противорѣчій и борьбы, какія представляла русская жизнь Петрова времени.

П. В. Анненковъ, въ своихъ „Матеріалахъ для біографіи Пушкина", замѣтилъ, что черновая подготовка матеріаловъ для творческаго созданія длилась у великаго поэта иногда очень долго, пока наконецъ счастливый порывъ вдохновенія не обращалъ ихъ въ свѣтлыя и мощныя произведенія искусства. Это глубокое сочетаніе размышленія и вдохновенія Анненковъ подмѣтилъ, изучая рукописи Пушкина. Изъ издаваемыхъ нами воспоминаній Даля видно, что онъ путемъ живаго наблюденія пришелъ къ тому же заключенію. Тонкое замѣчаніе Даля свидѣтельствуетъ, что онъ не только питалъ глубокое уваженіе къ Пушкину, но и прекрасно понималъ его геніальную природу; поэтому-то онъ и желалъ, чтобы обстоятельства жизни Пушкина были изучены подробно, и чтобы свѣдѣнія о нихъ были тщательно собраны прежде, чѣмъ они изгладятся изъ памяти людей, близкихъ къ поэту. Оттого къ своимъ личнымъ воспоминаніямъ о немъ Даль присоединилъ нѣсколько чужихъ разсказовъ—о суевѣріи Пушкина, о его попыткѣ выѣхать изъ деревни при первомъ извѣстіи о кончинѣ императора Александра, разсказовъ вообще достовѣрныхъ, но теперь уже не имѣющихъ значенія, такъ какъ тѣ же обстоятельства извѣстны изъ другихъ источниковъ. Любопытно также, что Даль въ своихъ воспоминаніяхъ обратилъ вниманіе на непрерывно совершавшееся развитіе Пушкина, на то, какъ поэтъ на четвертомъ десяткѣ своей жизни судилъ самъ о годахъ своей молодости. Существуетъ мнѣніе, что Пушкинъ не только сложился вполнѣ въ Александровскую эпоху, но и впослѣдствіи оставался неизмѣнно представителемъ того времени. Если вообще справедливо, что обстоятельства молодыхъ лѣтъ образуютъ основу характера въ каждомъ человѣкѣ, и если это, конечно, должно быть примѣнено и къ Пушкину, то съ другой стороны, совершенство его поэтическихъ созданій, написанныхъ въ послѣдніе десять лѣтъ его жизни, дол-

---

[1]) Слова Пушкина, сказанныя въ 1834 году (Сочиненія, т. V, стр. 250).

жно служить доказательствомъ, что пора полнаго разцвѣта и зрѣлости наступила для Пушкина именно въ эти позднѣйшіе годы. Такъ смотрѣлъ на себя и самъ великій художникъ, и потому тѣ слова осужденія, съ которыми онъ отнесся о своей молодости въ дружеской бесѣдѣ съ Далемъ за четыре года до своей смерти, должны обратить на себя вниманіе его біографовъ.

Л. МАЙКОВЪ.

УЧАСТІЕ СЕРБІИ ВЪ ПОСЛѢДНЕЙ ВОЙНѢ.

Это описаніе сербской кооперацін является въ той простой формѣ, въ какой возникаютъ въ моей памяти событія, при чтеніи набросанныхъ, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, памятныхъ замѣтокъ. За этою формою есть значеніе послѣдовательнаго изложенія фактовъ, непосредственно вліявшихъ на развитіе событій и освѣщенія безъ предвзятыхъ или невольныхъ тенденцій.

I.

Въ убогой болгарской мазанкѣ города Систова, лежалъ я, въ десятыхъ числахъ августа мѣсяца 1877 года, въ сильномъ пароксизмѣ гнилой дунайской лихорадки. Четыре дня назадъ я прибылъ сюда изъ Тырнова съ особымъ порученіемъ великаго князя главнокомандующаго; весь слѣдующій день невыносимой жары посвятилъ службѣ; измученный зноемъ принялъ любезно предложенный мнѣ душъ; а уже вечеромъ, отравленный эпидеміей, лежалъ безъ сознанія. Наступали третьи сутки, а я все еще не могъ сдѣлать даже глотка воды. Мой гостепріимный хозяинъ, профессоръ Харьковскаго университета, болгаринъ родомъ, почтенный добрякъ, Маринъ Дриновъ, замѣнялъ собою лучшую изъ сидѣлокъ и, забывая самъ о ѣдѣ, не отходилъ отъ моего ложа. Понимая все безсиліе какой-либо для меня врачебной помощи и не желая оставлять одного, этотъ истинный самаритянинъ не сводилъ съ меня своего участливаго взгляда, ловя проблескъ побѣды надъ недугомъ—молодости и неиспорченной натуры.

Между тѣмъ крайне напряженная дѣятельность нервной системы послѣдняго времени не переставала во мнѣ работать,

воспроизводя событія и вызывая образы изъ недавняго, такъ трудно пережитаго, прошлаго. Мрачныя, тяжелыя думы осаждались отъ возникавшихъ и быстро смѣнявшихся въ моемъ раздраженномъ воображеніи картинъ и эпизодовъ войны. Въ особенности нестерпимо больно было сознавать совершившійся фактъ перелома военныхъ событій, утрату иниціативы и подчиненіе операцій волѣ противника. Движеніе впередъ главной квартиры, пріостановленное въ Тырновѣ, уже получило обратное направленіе къ Горному Студню. Блистательный порывъ забалканскаго отряда генерала Гурко не закрѣпился переходомъ Балканъ главнымъ ядромъ дѣйствующей арміи. Онъ замеръ подъ вліяніемъ грознаго впечатлѣнія, навѣяннаго двумя плевненскими неудачами, оставя за собою лишь обгорѣлыя пепелища болгарскихъ селеній и городовъ, да кучи мертвыхъ тѣлъ несчастныхъ обитателей, изъ мщенія зарѣзанныхъ турками. Было очевидно, что выполненіе предначертаннаго плана войны пріостановлено до разъясненія обстоятельствъ подъ Плевною.

Ни одно дѣло рукъ человѣческихъ не обходится безъ неудачъ; но почему же неудача подъ Плевною насъ смутила до такой степени, что принудила отказаться отъ разъ принятаго намѣренія смѣлымъ наступленіемъ впередъ какъ можно быстрѣе достигнуть положительныхъ результатовъ и положить конецъ брани принятіемъ нашихъ мирныхъ условій побѣжденнымъ непріятелемъ. Что же сообщило этой незадачѣ такое роковое значеніе, что она оказалась въ состояніи нарушить планъ, подорвать увѣренность въ успѣхѣ, привести духъ въ смятеніе. Какъ сопоставить блестяще выполненную операцію переправы черезъ Дунай съ послѣдующими явленіями на болгарскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій? Говорятъ, что сила дѣйствующей арміи слишкомъ слаба для успѣшнаго выполненія возложенной на насъ широкой задачи, и что принятый планъ смѣлаго наступленія за Балканы является слишкомъ рискованнымъ, въ виду большаго числа крѣпостей и турецкихъ войскъ, расположенныхъ въ Придунайской Болгаріи. Говорятъ, что предварительно наступленія необходимо овладѣть нѣкоторыми турецкими крѣпостями для большаго обезпеченія операціонныхъ путей. Говорятъ еще многое, но близко къ сердцу я принимаю только нареканія на тѣ мѣры и способы дѣйствія, которые истекали изъ предварительнаго изслѣдованія театра военныхъ дѣйствій. Полную отвѣтственность въ этомъ отношеніи я принимаю на себя, такъ какъ, изучая топо-

графическій характеръ мѣстности и вникая въ свойства турецкихъ войскъ, я сдѣлалъ по странѣ, въ 1868 и 73-мъ годахъ, до трехъ тысячъ верстъ верхомъ.

Отсутствіе инціативы у частныхъ начальниковъ турецкой арміи, почти неспособность ея къ маневрированію и крайняя впечатлительность умаляли силу сопротивленія ея рѣшительному удару во время движенія и отнимали почти всякое активное значеніе у гарнизоновъ крѣпостей, даже оставшихся въ тылу наступающаго. Къ этимъ руководящимъ факторамъ въ войнѣ съ турками должна была быть еще присоединена необыкновенная чуткость ко всякой опасности сераля, этого истиннаго распорядителя судьбами правовѣрныхъ съ тѣхъ поръ, какъ султаны промѣняли на него свои боевые доспѣхи. Отсюда самъ собою раскрывался планъ смѣлаго наступленія за Балканы, отъ Систова черезъ Шипкинскіе перевалы, прямо съ угрозой противъ Стамбула. Можно было твердо разсчитывать, что при первой опасности непосредственно резиденціи Падишаха, повелѣніемъ послѣдняго, всѣ турецкія войска будутъ вызваны на защиту изъ Придунайской Болгаріи, какія бы выгодныя позиціи они тамъ ни занимали. Такое центральное положеніе наступающаго не только отнюдь не было бы рискованнымъ, тѣмъ менѣе опаснымъ, но представляло бы громадныя преимущества предъ разбитыми на нѣсколько группъ турецкими войсками, не имѣвшими даже въ общей сложности и численнаго боеваго превосходства. Вѣроятно, таковъ именно и былъ первоначальный планъ кампаніи, который только тогда былъ покинутъ, когда рядъ ошибокъ, породивъ въ окружающей средѣ преувеличенное опасеніе врага и неосновательную боязнь за тылъ, замѣнилъ собою правильную оцѣнку обстановки.

Операціонный путь наступленія отъ окрестностей Бухареста на Шипкинскій перевалъ совпадалъ до Дуная съ желѣзнодорожною линіей, а далѣе съ шоссе отъ Рущука черезъ Тырновъ. Совершенно правильно отклоненный къ западу до Систова, въ видахъ удобства и большей безопасности форсированія рѣки, слѣдовало бы приблизить его затѣмъ къ обезпеченнымъ путямъ, что сдѣлало бы его кратчайшимъ и удобнѣйшимъ. Безопасность же достигалась бы обложеніемъ, бомбардированіемъ или сильнымъ наблюденіемъ Рущука и во всякомъ случаѣ никогда не привела бы къ штурму Никополя, столь неблагопріятнаго по своимъ послѣдствіямъ. Вредъ удлиненія операціоннаго пути выражался не столько въ числѣ

лишнихъ верстъ, сколько въ значительно большемъ числѣ лишнихъ часовъ пути, въ распутицу, въ цѣлыя сутки, и требованіе поэтому несравненно сильнѣйшаго охраненія.

Признавая значеніе переправы нашего отряда на нижнемъ Дунаѣ, едва-ли можно признать правильнымъ оставленіе этого сильнаго корпуса на все время войны въ безлюдной и безводной Добруджѣ для самостоятельныхъ операцій. Онъ былъ слишкомъ слабъ для рѣшительныхъ дѣйствій и слишкомъ силенъ, чтобы служить заслономъ дунайскому низовью. Выполнить назначеніе оттягивать на себя часть силъ турецкой арміи онъ не могъ, такъ какъ противникъ не могъ быть столь наивнымъ, чтобы не понимать всей безцѣльности изолированнаго наступленія отряда между тремя крѣпостями. Роль корпуса въ Добруджѣ съ большимъ удобствомъ могъ съыграть партизанскій отрядъ, а самъ онъ несравненно большую пользу принесъ бы подъ укрѣпленіями Рущука въ общей связи съ дѣйствующей арміею. Тогда главнокомандующій, сосредоточивъ семь корпусовъ дѣйствующей арміи, имѣлъ бы полную возможность осуществить свою мысль, оставя по сю сторону Балканъ четыре, съ остальными совершить рѣшительное наступленіе къ Адріанополю.

Между тѣмъ дѣйствующая армія ослаблялась не только выдѣленіемъ добруджанскаго корпуса, но и оставленіемъ сильныхъ заслоновъ по Дунаю въ мѣстахъ, гдѣ почему-то боялись активныхъ переправъ турецкихъ войскъ. Не говоря уже о неосновательности этихъ галлюцинацій обезпеченіе румынской территоріи отъ шаекъ непріятельскихъ мародеровъ, казалось, должно было быть возложено во всякомъ случаѣ не на наши отряды, а на румынскія войска, которыя, выполнивъ здѣсь свое прямое назначеніе, усилили бы собою затѣмъ обложеніе Рущука. Крайне ограниченныя плавучія средства въ пунктѣ переправы, до нельзя задержавъ развитіе военныхъ операцій, также неблагопріятно отразились на относительной силѣ арміи предоставленіемъ противнику значительнаго періода свободнаго времени для его усиленія. Но самымъ серьезнымъ ослабленіемъ дѣйствующей арміи послужили штурмъ Никополя и фронтальныя аттаки плевненскихъ позицій, окончательно подорвавшіе рѣшимость быстраго наступленія.

Послѣ переправы были образованы два отряда, восточный и западный, съ одинаковымъ назначеніемъ обезпечивать пунктъ переправы и тылъ передовой колонны. Почему же они усвоили

себѣ прямо противоположные между собою способы дѣйствія; неправильно дѣйствовавшій не былъ остановленъ и не получилъ вразумленія примѣромъ другаго. Восточный вошелъ въ условія своей задачи, быстро освоился съ тяжелою отвѣтственностью сторожеваго поста и ограничился выполненіемъ своего скромнаго долга, не мечтая о побѣдныхъ лаврахъ и отбивая зарывавшагося противника съ жестокимъ урономъ. Западный сразу полѣзъ на штурмъ. Подъ Рущукомъ можно было уложить еще болѣе народа и еще легче можно было создать изъ разныхъ Разградовъ свои Плевны. Почему только въ западномъ отрядѣ существовало нареканіе на отсутствіе обстоятельныхъ рекогносцировокъ, на неподготовку артиллеріею успѣха штурма и аттакъ, на бездѣятельность кавалеріи и ея невѣдѣніе о томъ, что дѣлается у противника въ одномъ, двухъ переходахъ, на отсутствіе иниціативы у саперъ, оставляющихъ позиціи безъ укрѣпленія.

Выше было приведено, что выгоднѣйшему операціонному пути мѣшалъ Рущукъ, а не Никополь, что поэтому нужно было стремиться къ уничтоженію препятствія въ первомъ пунктѣ, а не во второмъ, что наконецъ, въ виду трудности аттаки турокъ въ укрѣпленіяхъ, предпочиталось Рущукъ бомбардировать и даже только наблюдать. Если почему-либо, вслѣдствіе ли оставленія пункта переправы подъ Систовымъ, или просто для пробы пера нашей артиллеріи, пришли къ рѣшенію овладѣть Никополемъ, то было бы конечно цѣлесообразнѣе отдать его въ жертву артиллерійскихъ снарядовъ и ни въ какомъ случаѣ не рисковать здѣсь ни однимъ солдатомъ. Слѣдовало помнить, что на сколько всякая военная операція по ту сторону Балканъ содѣйствовала ускоренію очищенію Придунайской Болгаріи турецкими войсками, на столько же каждое наше агрессивное предпріятіе по сю сторону Балканъ ихъ только задерживало. Никополь, упраздненная крѣпость, возстановленная въ самое послѣднее время, къ сожалѣнію, представлялась слишкомъ легкимъ трофеемъ, чтобы ее миновать. Какъ бы вопреки указаніямъ опыта прошлыхъ войнъ и наперекоръ обстановкѣ, приступы штурмовыхъ колоннъ торопливо смѣнялись аттаками въ лобъ непріятельскихъ позицій, даже безъ подготовки боя артиллерійскимъ огнемъ. Вмѣсто обузданія неопытной запальчивости, вновь повторенныя аттаки все тѣхъ же несчастныхъ позицій, какъ нельзя болѣе отвѣчавшія желаніямъ противника, быстро роняли духъ арміи, сильно подта-

чивали ея силу и окончательно разстраивали активный планъ рѣшительнаго наступленія.

Пренебреженіе завѣтами предшествовавшихъ войнъ съ турками было безспорно и принесло намъ горькіе плоды. Вопросъ же о числительномъ размѣрѣ войскъ оспаривается еще тѣмъ аргументомъ, что лучше было бы задавить турокъ массою, чѣмъ подвергаться риску быть остановленнымъ на половинѣ пути. Еслибы причина пріостановленія выполненія предначертаннаго плана заключалась въ слабости силъ, то упрекъ въ неправильномъ разсчетѣ состава операціонной арміи на одинъ или на два корпуса слѣдовало бы признать правильнымъ; но выше было приведено объясненіе обстоятельствъ, приведшихъ къ неудачѣ и заключавшихся въ разбросѣ силъ и безплодныхъ аттакахъ, особенно вредно отразившихся на нравственной сторонѣ войны. Что же касается до мнѣнія о преимуществѣ назначенія подавляющаго числа войскъ, то основательность его ни въ какомъ случаѣ признана быть не можетъ. Съ полною увѣренностью можно утверждать, что, еслибы успѣхъ въ Болгаріи намъ достался съ меньшею затратою вооруженныхъ силъ, мирное улаженіе результатовъ войны произошло бы съ несравненно большею для насъ выгодою.

Только при желаніи оправдать сдѣланныя ошибки, можно искать причину неудачи въ недостаточности войскъ. Утвержденіе, что причина неуспѣха скрывалась въ малочисленности арміи, не только противорѣчитъ минувшимъ событіямъ, но и обнаруживаетъ узкій политическій взглядъ. Сомнѣваться въ неблагопріятномъ для Турціи исходѣ начавшейся войны не могъ никто, кто, хотя сколько-нибудь, былъ знакомъ со средствами воюющихъ сторонъ. Весь вопросъ заключался въ томъ, какими силами мы раздавимъ силу турокъ. Внѣшній престижъ великой державы выростаетъ изъ проявленія ея мощи въ наносимомъ боевомъ ударѣ, почему громадное значеніе въ глазахъ всего міра имѣетъ степень напряженія государственныхъ силъ въ достиженіи поставленной цѣли. Сломить сопротивленіе Турціи нѣсколькими корпусами, или большею частью всѣхъ силъ государства,—двѣ вещи, влекущія за собой не только совершенно разныя, но даже совершенно противуположныя политическія послѣдствія. Въ первомъ случаѣ получается высокое представленіе о могуществѣ, ставящее побѣдителя на пьедесталѣ обаятельнаго нравственнаго вліянія и способное внушать соперникамъ серьезную острастку. Во

второмъ случаѣ, наоборотъ, наступаетъ минута разочарованія для союзниковъ, ободряются враждебныя силы. Но этимъ еще не исчерпываются невыгоды нравственной стороны вопроса. Въ эпоху подведенія итоговъ бранныхъ успѣховъ, при подписаніи мирныхъ условій, большая часть вооруженныхъ силъ остается еще до извѣстной степени связанною на театрѣ войны, почему она не можетъ служить вразумляющимъ аргументомъ для закрѣпленія пріобрѣтенныхъ побѣдами преимуществъ. Такимъ образомъ, въ самый важный историческій моментъ, соперничающія державы не только не видятъ предъ собою грозной арміи, готовой во всеоружіи поддержать интересы государственной политики, но находятся въ предубѣжденіи ея нравственныхъ качествъ.

Характеръ нашего участія въ судьбѣ христіанскихъ балканскихъ народностей никогда не былъ насильственнымъ. Сознавая свою историческую миссію, мы только содѣйствовали самостоятельнымъ усиліямъ народностей въ ихъ стремленіи упрочить свою будущность и никогда и никого не принуждали къ такимъ дѣйствіямъ, которыя могли бы считать только для насъ выгодными. Такъ создались румынскія княжества, греческое государство и княжество Сербія. Почему же въ настоящемъ случаѣ мы взяли исключительно на себя всѣ дѣла, съ тяжелою отвѣтственностью за его успѣхъ, и не содѣйствовали къ проявленію на театрѣ войны союзной силы. При дѣйствіи союзомъ усложнялись бы наши международныя отношенія, за то мы достигли бы послѣ войны положенія могущественной державы, не только не истощенной борьбою, но усиленной всѣми вооруженными средствами союзниковъ.

Оглядываясь на событія нашихъ войнъ съ Турціею, поражаешься рѣзкими контрастами боевыхъ успѣховъ и неудачъ. На томъ же театрѣ войны мы терпимъ пораженія и одерживаемъ блистательныя побѣды. Группируя эти явленія и вникая въ нихъ смыслъ, оказывается, что, произведенныя въ лучшихъ условіяхъ, наши аттаки и штурмы оказываются для насъ крайне неблагопріятными и кровопролитными; а открытые бои, при самой трудной обстановкѣ, покрываютъ оружіе наше громкою славою. Такъ трудно дающійся намъ успѣхъ въ нашихъ наступательныхъ операціяхъ, приводящихъ къ аттакѣ укрѣпленій и штурму крѣпостей, разомъ превращается въ побѣдный разгромъ непріятельскихъ полчищъ, какъ только мы вынуждаемъ ихъ къ боевому маневрированію. Таковъ именно и былъ

способъ дѣйствія противъ турецкихъ войскъ нашихъ талантливыхъ полководцевъ, увѣнчавшій побѣдными лаврами 17-титысячный корпусъ гр. Румянцова Задунайскаго въ бою съ свыше 200 т. арміею противника.

Сравнивая взаимное положеніе сторонъ въ тѣ времена и въ настоящее, нельзя сказать, чтобы теперь относительное состоянія турецкихъ войскъ было бы для насъ болѣе серьезнымъ, чѣмъ тогда. Современный регулярный строй ихъ отнюдь не сообщилъ имъ способности къ маневрированію; а между тѣмъ уничтожилъ запальчиво-стремительныя аттаки янычаръ и замѣнилъ бурный натискъ стихійныхъ аттакъ прежней мусульманской конницы слабыми въ кавалерійскомъ смыслѣ дѣйствіями конныхъ черкесъ. Если въ настоящее время превосходство вооруженія находится на сторонѣ противника, то какая громадная разница существуетъ между нашею и нынѣшнею арміею и нашими войсками того времени, въ большинствѣ случаевъ ограждавшими себя отъ непріятельскихъ аттакъ переносными рогатками.

Въ особенности поучительна эпоха генерала Каменскаго. Талантливый 34-ти-лѣтній полководецъ, полный энергіи и предпріимчивости, сразу бросается на штурмъ крѣпости Шумлы. Уже войска наши успѣваютъ взобраться на высоты, когда упорная стойкость турокъ за укрѣпленіями парализуетъ ихъ порывъ и принуждаетъ къ отступленію. Потерпѣвъ неудачу здѣсь, Каменскій обращается въ другую сторону и покрываетъ валы крѣпости Рущука штурмовыми колоннами; но сила турецкаго сопротивленія и здѣсь оказывается несокрушимою. Крѣпостные рвы наполняются нашими сброшенными съ укрѣпленій войсками, а къ главнокомандующему собираются только горсти оставшихся въ живыхъ. Казалось, настало часъ полнаго истребленія нашей арміи. Сераскиръ собираетъ всѣ турецкія войска, съ которыми двигается противъ Каменскаго, предвкушая сладость побѣды и плѣненія арміи. Но отважный герой, съ оставшимися у него слабыми силами, самъ идетъ къ нему на встрѣчу и подъ Батиномъ наноситъ ему такое рѣшительное пораженіе, которое разомъ кладетъ конецъ кампаніи.

II.

— Георгій Ивановичъ, вамъ телеграмма изъ Горняго Студня, въ полусознаніи услышалъ я голосъ Дринова, можно вскрыть?

— Пожалуйста

— Великій князь главнокомандующій предлагаетъ вамъ прибыть къ нему въ главную квартиру. Непокойчицкій.

— Отвѣтьте, прошу васъ: буду завтра, двадцать перваго августа.

— Богъ съ вами, да развѣ это возможно. Вы и на ногахъ-то держаться не будете въ состояніи, какъ вамъ сдѣлать дальній путь.

— Никто какъ Богъ, нужно ѣхать, и поѣду, хотя бы пришлось меня перетаскивать на рукахъ.

Съ первыми лучами солнца ранняго утра слѣдующаго дня я проснулся почти бодрымъ. Встать, одѣться и умыться, хотя и шатаясь, я могъ безъ посторонней помощи; но выпить стаканъ чаю съ коньякомъ, приготовленный заботливою рукою друга, я все-таки былъ не въ состояніи. Черезъ полчаса мы уже катили, вмѣстѣ съ Дриновымъ, въ легкой телѣжкѣ по дорогѣ въ Горній Студень. Утренняя прохлада была весьма пріятна, но день обѣщалъ быть знойнымъ. Чистый, свѣжій воздухъ былъ для меня лучшимъ лѣкарствомъ. Я чувствовалъ себя вполнѣ хорошо, и только отвратительность на мой вкусъ кристальной воды попутнаго фонтана, да тяжесть головы при наступленіи дневной жары, обнаруживали еще болѣзненное состояніе моего организма.

— Великій князь имѣетъ въ виду васъ послать въ Сербію, сообщилъ генералъ Непокойчицкій, когда я явился къ нему, предварительно представленія главнокомандующему.

— Я рѣшился послать тебя въ Сербію, чтобы ты тамъ хорошенько выяснилъ, хотятъ ли и могутъ ли сербы воевать, съ обычнымъ благодушіемъ изволилъ сказать мнѣ его высочество. Ты знаешь, что князь Миланъ пріѣзжалъ въ Плоэшти, чтобы просить разрѣшенія принять участіе въ войнѣ, только что-то ужь очень сильно напиралъ на затруднительное экономическое положеніе страны. Тогда мы не отвѣчали ему ни да, ни нѣтъ, не желая усложнять нашего политическаго положенія по отношенію къ Австріи; да и не желали выдачею денежной субсидіи

какъ бы вызывать ихъ на такое дѣло, которое должно было бы быть естественнымъ результатомъ ихъ національнаго порыва. Къ тому же, вопросъ о сербской кооперацін, какъ тебѣ извѣстно, уже неоднократно обсуждался въ принципѣ еще въ Кишиневѣ, когда пришли къ заключенію, на основаніи мнѣній Черняева и Зеленаго, что содѣйствіе сербовъ можетъ быть полезно только при непремѣнномъ условіи совмѣстнаго ихъ дѣйствія съ нашими войсками. Попытка поднять ихъ упавшій духъ посылкою въ Бѣлградъ миссіи генерала Никитина, какъ тебѣ тоже извѣстно, совершенно не удалась. Теперь мы задержались подъ Плевною, вѣроятно, на продолжительное время, и намъ, пожалуй, было бы очень съ руки, еслибы сербы успѣли оттянуть на себя часть силъ турецкой арміи. Отсюда, ты понимаешь, что чѣмъ скорѣе это было бы выполнено, тѣмъ лучше; но съ другой стороны надо дѣйствовать осмотрительно, чтобы не навязать себѣ на шею такого слабаго союзника, котораго бы мы сами были принуждены въ концѣ-концовъ спасать отъ гибели. Поѣзжай же съ Богомъ, полагаюсь на тебя, что ты съумѣешь привести дѣло къ лучшему результату.

Я весь обратился въ слухъ, каждое слово рѣзко запечатлѣвалось въ моей памяти и глубоко западало въ мое сердце.

— Я просилъ бы ваше императорское высочество не поскупиться въ вашемъ мнѣ полномочіи, чтобы я имѣлъ возможность...

— Все уже сдѣлано, голубчикъ, и я надѣюсь, что ты останешься имъ вполнѣ доволенъ. Кстати, на военныя нужды имъ выдается полмилліона, а дальше ты тамъ ужь самъ сообразишь, вмѣстѣ съ Персіани, и сообщишь, въ какую форму облечь субсидію. О своихъ впечатлѣніяхъ и выводахъ сообщай мнѣ подробнѣе и почаще.

— Скоро ли вы намѣрены вернуться къ намъ обратно, обратился ко мнѣ за обѣдомъ князь Черкасскій, смотрите, не опоздайте на вашъ постъ филиппопольскаго военнаго губернатора. Отъ души желаю вамъ живо окончить ваши дѣла въ Бѣлградѣ и поскорѣе возвратиться.

— Что-за незадача, говорилъ мнѣ въ тотъ же день вечеромъ А. И. Нелидовъ, что если простоимъ подъ Плевной до глубокой зимы, да тѣмъ и окончится кампанія, какъ тутъ предъявлять требованіе о самостоятельной Болгаріи хотя бы до Балканъ.

— Вѣрьте въ стойкость русскаго богатыря-солдата и разсчи-

тывайте на благополучное окончаніе дѣла; а вы лучше мнѣ скажите, что-за особа нашъ дипломатическій агентъ въ Бѣлградѣ, съ которымъ мнѣ придется вмѣстѣ дѣйствовать, и какъ вы оцѣниваете положеніе дѣлъ въ Сербіи.

— Александръ Ивановичъ Персіани преданъ своему долгу до педантизма, человѣкъ прекраснѣйшей души и благороднѣйшаго сердца, съ нимъ вамъ будетъ очень легко; но въ отношеніи правительственныхъ лицъ въ Сербіи рекомендую вамъ сдержанность и крайнюю осторожность. Въ особенности не довѣряйте словамъ князя Милана. Сами по себѣ сербы хорошій народъ и намъ искренно преданы; но несчастная представительная форма правленія породила у нихъ самыя невозможныя политическія партіи и развела между ними крайне вредный въ государственномъ отношеніи политическій пролетаріатъ. Попробуйте согласиться сегодня съ одною фракціею, и завтра вы будете имѣть противъ себя всѣ остальныя. Чтобы при этихъ условіяхъ можно было тамъ что-нибудь сдѣлать, нужно дѣйствовать самостоятельно, независимо и твердо. Что тамъ работать трудно, доказываютъ примѣры всѣхъ вашихъ предшественниковъ.

Раннимъ утромъ слѣдующаго дня, еще на разсвѣтѣ, я уже выѣхалъ изъ Горняго Студня, намѣреваясь къ вечеру, черезъ Зимницу и Фратешти, прибыть въ Бухарестъ. Вспоминая свою слабость и безпомощность, только сутки тому назадъ, и вчерашній день безпрерывнаго движенія съ полною воспріимчивостью чувствъ, наспособность ранѣе выпить глотокъ воды и преисправный затѣмъ обѣдъ, я изумлялся присутствію въ человѣческомъ организмѣ массы жизненной энергіи, не поддающейся никакому измѣренію. Точно чудо свершилось со мною; точно сказано было: встань, возьми одръ свой и иди, и я всталъ и пошелъ. Несомнѣнно существованіе этой нравственной силы и въ арміи; и много нужно таланта и воли, чтобы сдержать ее отъ колебаній, а тѣмъ болѣе поднять упавшую.

Только теперь я прочелъ инструкцію, врученную мнѣ въ главной квартирѣ передъ самымъ отъѣздомъ. Вотъ ея содержаніе: „Изъ полученныхъ изъ Бѣлграда извѣстій явствуетъ, что сербское правительство далеко не такъ готово къ дѣйствію, а народъ не такъ расположенъ къ войнѣ, какъ о томъ заявлялъ отъ имени князя Милана полковникъ Катаржи. Вступленіе княжескихъ войскъ въ Турцію *черезъ мѣсяцъ* даже въ коли-

чествѣ 40.000, предполагаемомъ сербами, не принесетъ существенной пользы нашимъ операціямъ. Въ настоящую минуту нападеніе даже половиннаго числа, но въ непродолжительномъ времени, можетъ одно содѣйствовать нашимъ предпріятіямъ и возмѣстить до извѣстной степени приносимыя нами для сербовъ матерьяльныя пожертвованія и могущія возникнуть для насъ изъ ихъ содѣйствіе политическія усложненія, въ особенности при заключеніи мира. А потому является крайне необходимымъ удостовѣриться на мѣстѣ, сколь можно скоро, въ какой степени и съ какими силами сербы могутъ дѣйствительно начать войну съ Турціею, и въ какой именно срокъ, но безъ всякой съ нашей стороны военной поддержки, какъ въ теченіе военныхъ дѣйствій, такъ и въ случаѣ неудачи. Если сербы къ этому готовы, то отъ нихъ слѣдуетъ настойчиво требовать энергическихъ распоряженій для вступленія въ дѣйствіе безотлагательно. Въ такомъ случаѣ немедленно по открытіи кампаніи имъ будетъ выданъ второй полумилліонъ. Если же окажется, что они къ тому не способны, то считается предпочтительнымъ пригласить ихъ, при позднемъ времени года, не объявлять войны Турціи и отнюдь не прерывать съ нею сношеній, но впредь до указаній Императорскаго правительства поддерживать натянутыя отношенія и держать Порту подъ угрозою разрыва, а вмѣстѣ съ тѣмъ для возмѣщенія выданнаго имъ полумилліона рублей выставить на турецкую границу, на пункты, указанные подробностями нашихъ военныхъ дѣйствій, обсерваціонные отряды и тѣмъ отодвигать отъ насъ часть непріятельскихъ силъ. А потому, освѣдомясь предварительно въ Бѣлградѣ у правительственныхъ органовъ объ оффиціальныхъ нуждахъ и состояніи сербской арміи, намъ необходимо будетъ осмотрѣть ихъ отдѣльныя части и склады на мѣстѣ, донося постепенно въ возможно скорѣйшемъ времени о заключеніяхъ, къ которымъ вы будете приходить—по телеграфу чрезъ посредство генеральнаго консульства, имѣя однако постоянно въ виду, что главнымъ условіемъ для насъ является возможность скораго вступленія въ дѣйствіе сербскихъ войскъ или по крайней мѣрѣ ихъ сосредоточенія на границѣ, но не забывая и того, что при дальнѣйшемъ развитіи военныхъ дѣйствій мы можемъ при извѣстныхъ условіяхъ нуждаться и въ ихъ матерьяльной открытой поддержкѣ. Горный Студень. 21 августа 1877 г.“

Я весьма былъ доволенъ самостоятельною ролью руководи-

теля сербскихъ военныхъ операцій. Оставаясь въ арміи, я былъ лишенъ возможности доказать на дѣлѣ правоту моего воззрѣнія на способы дѣйствія противъ турокъ. Теперь я давалъ себѣ слово, при малѣйшей возможности, повести сербовъ впередъ съ обходомъ турецкихъ крѣпостей и избѣгать аттакъ непріятельскихъ позицій безъ вѣрнаго разсчета на успѣхъ. Но дѣло, мнѣ порученное, было не изъ легкихъ, такъ какъ лучше идти въ бой съ людьми, совершенно не бывшими на войнѣ, чѣмъ распоряжаться войсками, испытавшими на себѣ тяжесть непріятельскихъ ударовъ. Крайне слабый составъ постоянныхъ войскъ въ Сербіи сообщалъ ея мобилизованной арміи характеръ народнаго ополченія, при отсутствіи учебныхъ сборовъ, почти безъ всякой военной подготовки. Природная воинственность большей части ея населенія, правда, обусловливала надежный контингентъ новобранцевъ; но испытанныя сербами неудачи въ послѣднюю войну сильно уронили ихъ нравственный духъ. Недаромъ, командовавшій ими, генералъ Черняевъ, и проводившій послѣ войны демаркаціонную линію, полковникъ Зеленой одинаково высказывались о невозможности ихъ самостоятельнаго участія въ войнѣ безъ непосредственной поддержки нашими войсками. Въ свое время существовало предположеніе послать одну пѣхотную дивизію съ артиллеріею и бригадою кавалеріи черезъ Турнъ-Северинъ и Кладово въ Неготинскій округъ для совмѣстныхъ операцій съ сербскими войсками. Теперь приходилось дѣйствовать самостоятельно и притомъ наступленіемъ въ тылу турецкихъ крѣпостей. Съ нашими войсками можно было смѣло, оставя четыре корпуса пока въ Придунайской Болгаріи, съ тремя и съ сильною кавалеріею перейти Балканы и грозить черезъ Адріанополь Стамбулу; но съ сербскою народною милиціею нужно было быть гораздо осторожнѣе. Основываясь на опытѣ предшествовавшихъ войнъ нашихъ съ турками, я пріобрѣлъ глубокую вѣру въ силу удара за Балканами, непосредственнымъ послѣдствіемъ котораго должно было быть полное очищеніе турецкими войсками придунайскаго театра военныхъ дѣйствій, и во всякомъ случаѣ крайнее ослабленіе здѣсь ихъ силы сопротивленія. Теперь мнѣ предстояло разрѣшить этотъ вопросъ на сербскомъ театрѣ войны, въ болѣе трудныхъ условіяхъ распоряженія милиціоннымъ войскомъ; но съ значительнымъ преимуществомъ дѣйствія на второстепенной въ военномъ отношеніи мѣстности. Но какъ рѣшиться на смѣлое наступленіе, въ разсчетѣ на впечатлитель-

ность противника, когда впечатлительность своихъ войскъ отъ пустой случайности легко можетъ превратиться въ общую панику. Какой-то составъ корпуса сербскихъ офицеровъ; во многомъ ли можно на него положиться.

Обдумывая мое новое положеніе, въ самостоятельной роли распорядителя военными операціями, я убѣждался въ необходимости проявленія твердой воли, чтобы сберечь армію отъ раздробленія, и непреклонной настойчивости для осуществленія предварительно выработаннаго главнаго плана войны. Тысячи разнородныхъ извѣстій, слетающихся со всѣхъ сторонъ въ главную квартиру, почти всегда одно другому противорѣчащихъ, въ которыхъ за главное часто выдается пустякъ, а суть дѣла кроется въ оговоркѣ, способны породить такой хаосъ, разобраться въ которомъ можно только съ помощью самой строгой выдержки. Нужно хорошенько изучить обстановку въ Сербіи, сообразно съ нею начертать себѣ планъ и настойчиво привести его въ исполненіе, не справляясь ни съ чьимъ мнѣніемъ.

Солнце уже стояло высоко и нестерпимо пекло, когда я, оставя влѣво Систово и проѣхавъ по мосту Дунай, уже на почтовыхъ направлялся къ желѣзной дорогѣ въ облакахъ ѣдкой пыли. Занятый своими мыслями, я не чувствовалъ ни голода, ни жажды, хотя кромѣ нѣсколькихъ глотковъ чая въ Горнемъ Студнѣ я съ утра ничего не ѣлъ. Вечеромъ на станціи Фратешти, въ ожиданіи поѣзда, я попробовалъ было холоднаго драгошани съ бисквитами; но былъ самъ не радъ этой прокисшей фальсификаціи, отъ болѣзненныхъ послѣдствій которой могъ отдѣлаться только черезъ нѣсколько дней и то съ помощью сильныхъ пріемовъ опія. Въ Бухарестѣ я засталъ многихъ изъ дѣйствующей арміи, оправлявшихся отъ захватившей ихъ диссентеріи, и въ числѣ ихъ М. Д. Новикова и Д. С. Нагловскаго.

— Знаете ли, обратился ко мнѣ послѣдній, что по свѣжимъ извѣстіямъ изъ-подъ Плевны тамъ собираются вновь штурмовать.

— Ради Бога, что вы говорите.

— Это вѣрно, и я обдумываю, какимъ бы способомъ лучше можно было предовратить это новое бѣдствіе. Сперва я останавливался на письменномъ выраженіи нашего мнѣнія, которое можно было бы послать частнымъ образомъ кому-нибудь изъ близкихъ лицъ въ штабѣ; но потомъ рѣшился, какъ только

поправлюсь, не медля, ѣхать въ главную квартиру, чтобы лично стараться, сколько силъ хватитъ, въ разъясненіи всего вреда новой аттаки.

— Прошу васъ, Дмитрій Станиславовичъ, при удобномъ случаѣ высказать, что таково и мое глубокое убѣжденіе.

Какъ ни торопился я справиться съ разнаго рода дѣлами, однако въ Бухарестѣ пришлось остаться цѣлые три дня, отчасти вслѣдствіе моей слабости каждый день къ вечеру. Какъ во время моего здѣсь пребыванія зимою, такъ и теперь, я не пропускалъ свободнаго времени, чтобы не пользоваться широкимъ гостепріимствомъ нашего дипломатическаго агента, уважаемаго барона Д. Ѳ. Стуарта, у котораго всегда можно было встрѣтить лицъ, пріѣзжавшихъ сюда со всѣхъ сторонъ, по служебной ли обязанности, или для кратковременнаго отдыха отъ бранныхъ тревогъ и лишеній.

26-го августа, утромъ, я выѣхалъ на Турнъ-Северинъ, гдѣ предполагалъ въ экипажѣ по береговой дорогѣ миновать дунайскіе пороги до Орсовы, тамъ переночевать, а утромъ продолжать путь уже на большомъ рѣчномъ пароходѣ австрійскаго Ллойда. Дорогою мнѣ пришла въ голову мысль, что если турки изъ Ада-Калы, маленькой турецкой крѣпостцы, расположенной на острову, близъ самой дороги, по которой мнѣ приходилось проѣзжать въ двѣнадцатомъ часу ночи, свѣдавъ какимъ-нибудь образомъ о моемъ проѣздѣ, заберутъ меня въ плѣнъ. Исполнить это было очень легко, я попалъ бы въ просакъ и, конечно, не оправдалъ бы своею оплошностью высокаго ко мнѣ довѣрія. Хотя я и отдавалъ себѣ отчетъ, что такая случайность имѣетъ за собою весьма мало шансовъ, тѣмъ не менѣе, какъ только поѣздъ достигъ турнъ-северинской станціи, я, не теряя минуты, нанялъ себѣ лучшую коляску и немедленно двинулся въ путь, приготовивъ на всякій случай револьверъ. Береженаго и Богъ бережетъ. Дѣло, однако, обошлось благополучно, но я все-таки глубоко вздохнулъ, когда оставилъ за собою пустынную мѣстность противъ островка и крѣпости, въ которой мелькали огни и слышались гортанные звуки турецкаго лагеря. Вокругъ ни малѣйшаго признака австрійской пограничной стражи.

Почти до Базіаша дунайская долина сдавливается въ горныя ворота, составляя одну изъ живописнѣйшихъ мѣстностей въ Европѣ. Большею частью покрытыя дубовымъ лѣсомъ, цѣпи горъ почти отвѣсно прорѣзываются величественною рѣкою, со

*

дна которой мѣстами поднимаются надъ поверхностью острыя вершины скалъ. На лѣвомъ берегу еще встрѣчаются прибрежныя равнинки съ прекрасно обработанными нивами и поселками, даже виднѣется шоссированная дорога, иногда съ парапетомъ, гдѣ близко подходитъ къ руслу; за то правый, сербскій, берегъ отличается дикимъ и суровымъ характеромъ. Его вершины, громоздящіяся одна надъ другой, почти сплошь поросли первобытнымъ лѣсомъ, и только изрѣдка попадавшіяся лежни для спуска въ рѣку товарнаго лѣсу, да убогія хижины дровосѣковъ составляли единственные признаки присутствія здѣсь человѣка. Пароходъ усиленно работалъ, но медленно подвигался впередъ, до того быстрота теченія рѣки въ этомъ мѣстѣ была велика.

Взглядъ мой скользилъ по лѣснымъ дебрямъ развертывавшейся предъ мною Сербіи, уже сдѣлавшейся для меня чѣмъ-то очень близкимъ и дорогимъ. Вотъ въ этихъ-то дебряхъ, представлялось мнѣ, впервые закопошились сыны своей родины, когда донеслись сюда раскаты побѣдныхъ пушекъ екатерининскихъ богатырей. Среди этихъ труднодоступныхъ горныхъ трущобъ, подъ сѣнью этихъ величественныхъ дубравъ, сплачивалась сербская сила, не замедлившая затѣмъ отозваться на бранные клики православнаго воинства. Не велика была рать у Георгія Чернаго, но много въ ней было мужества и рѣшимости постоять за родную страну. Твердая вѣра въ святость дѣла дала ей побѣду, которую Россія поспѣшила закрѣпить международнымъ договоромъ. Только полвѣка прошло съ тѣхъ поръ, а уже много превратностей судьбы пришлось испытать юному княжеству. Сначала попытки турокъ вновь вернуть его подъ свою власть, продолжительное задержаніе ими крѣпостей, и въ особенности внутреннія неурядицы, а потомъ вредное вліяніе Запада, отразившееся введеніемъ въ страну неподходящаго къ тогдашнимъ ея условіямъ государственнаго строя, насильственный прорывъ организаторской дѣятельности князя Михаила Обреновича, малолѣтство нынѣшняго князя и естественная неустойчивость власти регентства. Все это, очевидно, не могло благопріятно вліять на развитіе внутренней силы молодаго политическаго организма. Съ моей стороны было бы, конечно, неосновательно предполагать встрѣтить въ Сербіи готовую, вполнѣ организованную, силу, которую оставалось бы только вести въ бой. Безъ сомнѣнія, я встрѣчу тамъ полное неустройство, благія намѣренія большин-

ства и, быть можетъ, даже скрытое противодѣйствіе нѣкоторыхъ, стоящихъ въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ дипломатическому представительству, въ особенности Лондона и Вѣны. Но я все-таки найду въ странѣ близкихъ потомковъ доблестныхъ юнаковъ Карагеоргія, которыхъ мужество не поколебалось неудачами послѣдней войны, а патріотическія сердца отзовутся, какъ прежде, на призывъ браннаго клича.

Мысли мои были прерваны появленіемъ на палубѣ князя Ал. Н. Цертелева, возвращавшагося изъ Бѣлграда въ дѣйствующую армію и пересѣвшаго ко мнѣ на пароходъ, чтобы разсказать о только-что вынесенныхъ впечатлѣніяхъ въ Сербіи.

— „Васъ ждутъ тамъ съ нетерпѣніемъ и возлагаютъ на васъ всѣ надежды свои и упованіе, но предупреждаю, что правительство ни въ какомъ случаѣ не рѣшится на объявленіе турецкой войны ранѣе марта. Власти убѣждены въ нерѣшительномъ исходѣ кампаніи настоящаго года и въ возобновленіи военныхъ дѣйствій раннею весною. Не желая подвергаться лишеніямъ и невзгодамъ зимняго боеваго времени, онѣ хотятъ поспѣть прямо къ финалу, чтобы участвовать въ дѣлежѣ трофея. Познакомившись съ настроеніемъ сербовъ въ горныхъ селеніяхъ, я въ отчаяніи за нихъ, но боюсь, что правительство окажется неподатливымъ и откажется отъ немедленнаго объявленія войны“.

— „Будьте покойны, сербы пойдутъ осенью, хотя, быть можетъ, и не такъ скоро, какъ бы это хотѣлось патріотамъ“.

III.

Пароходъ подошелъ къ бѣлградской пристани вечеромъ, уже въ темнотѣ. На берегу я былъ встрѣченъ первымъ секретаремъ генеральнаго консульства, временно имъ управлявшимъ, Н. Н. Лодыженскимъ. Водворивъ меня въ приготовленномъ для меня помѣщеніи, онъ остался еще нѣсколько времени, чтобы сообщить о мѣстныхъ событіяхъ и лицахъ. Я былъ чрезвычайно доволенъ встрѣтить въ Лодыженскомъ серьезный взглядъ, выработанный добросовѣстнымъ трудомъ. Хорошо владѣя сербскимъ языкомъ, онъ былъ знакомъ съ мѣстною прессою и литературою, хотя, быть можетъ, слишкомъ увлекался оппозиціонными воззрѣніями, приписывавшими всѣ бѣды страны личности князя Милана. Въ Бѣлградѣ онъ жилъ съ своею

малолѣтнею семьею точно также, какъ въ своемъ рязанскомъ или тульскомъ помѣстьѣ. До сихъ поръ съ благодарностью вспоминаю, какъ измученный нравственно, бывало, отправлялся къ нему на русскія щи и гречневую кашу, заслушиваясь послѣ обѣда его талантливою игрою на роялѣ.

„Князь только терпитъ Ристича, недовѣряя ему и ревнуя къ власти; но, чувствуя шаткость подъ собою почвы, все-таки его держится. Ристичъ вовсе не такъ популяренъ въ странѣ, какъ предполагаютъ; за то онъ ее сдавилъ въ желѣзныхъ тискахъ. О министрѣ внутреннихъ дѣлъ не хочу говорить, до того онъ мнѣ антипатиченъ. Военный министръ, Савва Груичъ, изъ нашей военной [1]) академіи, славный человѣкъ, но съ нимъ вамъ придется познакомиться весьма близко. Впрочемъ, если сразу говорить о всемъ и о всѣхъ, вы не упомните. Долженъ я только сказать, что здѣсь царствуетъ такой личный произволъ и преслѣдуются такія эгоистическія цѣли, что врядъ-ли вамъ скоро удастся съ ними столковаться. Объ общей пользѣ никто не думаетъ".

Вообще мало утѣшительнаго я услышалъ въ разсказахъ Н. Н. Лодыженскаго. Страна представлялась разоренною, главнымъ образомъ, правительственными реквизиціями во время послѣдней войны; народонаселеніе—въ паникѣ столько же отъ турокъ, сколько и отъ собственной администраціи; промышленная и торговая эксплоатація въ рукахъ иноземцевъ; полное отсутствіе мало-мальски организованныхъ вооруженныхъ силъ, кромѣ нѣсколькихъ на-скоро сколоченныхъ баталіоновъ; жалкое вооруженіе; никакихъ правительственныхъ запасовъ, ни продовольственныхъ, ни вещевыхъ, ни боеваго снаряженія, за исключеніемъ развѣ, присланныхъ изъ Россіи за добровольческій періодъ, вещей; интеллигенція страны или въ изгнаніи на чужбинѣ, или вовлечена въ борьбу политическихъ партій; даже духовенство и чины войсковаго кадра, и тѣ служатъ органами вліянія на народъ. Два обстоятельства, въ особенности, остановили на себѣ мое вниманіе: удаленіе отъ должности, по настоянію князя, бывшаго здѣсь генеральнымъ консуломъ, г. Карцова и безуспѣшность миссіи генерала Никитина. Какая бы ни была вина г. Карцова, смѣщеніе его по первому заявленію князя Милана, очевидно, должно было отразиться на сильномъ умаленіи вообще значенія нашего въ Бѣлградѣ представительства и только поощряло необузданность

[1]) Артиллерійской.

князя. Что же касается до миссіи генерала Никитина, то какова должна была быть безтолочь обстановки, если ни милліонъ рублей, находившійся въ его распоряженіи, ни широкія средства личнаго персонала не могли оказать вліянія на успѣшное разрѣшеніе задачи.

Утромъ слѣдующаго дня я представилъ князю Милану письмо великаго князя главнокомандующаго. Князь хорошаго роста, коренастъ, что называется вырубленъ топоромъ, или неладно скроенъ, да крѣпко сшитъ. Голова правильна, верхняя часть лица даже красива, но все портитъ чрезмѣрное развитіе подбородка. Отсюда выраженіе лица крайне неопредѣленно: то оно оживленно, бойко и умно, то оно тупо и упрямо. Въ общей фигурѣ больше грубости, чѣмъ изящества. Ознакомившись съ содержаніемъ письма, онъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

„Я весьма радъ, что наконецъ мнѣ представляется возможность имѣть непосредственныя отношенія съ уполномоченнымъ его императорскаго высочества главнокомандующаго императорскою россійскою арміею, облеченнымъ его полнымъ довѣріемъ. Преклоняясь предъ актомъ великодушной рѣшимости вашего монарха, Императора Александра, поднять мечъ на защиту христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова, я сознаю свой долгъ себя вмѣстѣ съ моимъ народомъ поставить въ распоряженіе Его Императорскаго Величества [1]. О моихъ чувствахъ и готовности принять участіе въ войнѣ я имѣлъ счастіе лично свидѣтельствовать еще въ Плоэштѣ. Но во время послѣдней войны страна слишкомъ много испытала, средства ея слишкомъ истощены, чтобы немедленное объявленіе нами войны не являлось шагомъ крайне рискованнымъ, способнымъ подвергнуть ее окончательному опустошенію ранѣе, чѣмъ мы успѣемъ причинить врагу существенный вредъ. Благоразуміе требуетъ предварительно мобилизаціи приготовить продовольствіе, обмундированіе, осмотрѣть и исправить вооруженіе, дополнить боевое снаряженіе. Все это слѣдуетъ сдѣлать въ большомъ размѣрѣ, такъ какъ, въ виду открытаго положенія границъ, мобилизовать менѣе ста тысячъ человѣкъ я не могу. Успѣхъ предпріятія обезпечивался бы значительно болѣе, еслибы была возможность прикупить къ имѣющимся

---

[1]) Это было тогда совершенно искренно, и мы сами, чрезъ своихъ представителей, надменностью и недовѣріемъ испортили все дѣло.

35.000 Пибоди еще заряжающихся съ казны ружей той же системы, или даже другой. На все это нужны не малыя денежныя средства, а государственная казна княжества истощена предшествовавшею войною и событіями. Впрочемъ я не ставлю вопроса объявленія Сербіею войны въ зависимость отъ назначенія субсидіи и готовъ немедленно идти въ бой, чтобы свято выполнить свой долгъ"[1]).

Я выразилъ князю, что съ своей стороны весьма радъ сразу стать въ условія, вполнѣ его удовлетворяющія, что моею главною задачею считаю способствовать сербамъ къ наиболѣе успѣшному выполненію ихъ долга, что я признаю осторожность его свѣтлости весьма благоразумною; но, чтобы имѣть возможность быть вполнѣ полезнымъ, прошу его разрѣшенія познакомиться съ современнымъ состояніемъ средствъ Сербіи къ веденію войны, такъ какъ только тщательное ихъ изученіе можетъ дать мнѣ право указывать на тотъ или другой способъ дѣйствія и ходатайствовать объ отпускѣ субсидіи на тотъ или другой предметъ.

„Двери всѣхъ учрежденій военнаго характера предъ вами будутъ раскрыты, сегодня же предупрежу военнаго министра, чтобы онъ былъ въ вашемъ полномъ распоряженіи; но я прошу васъ помнить, что я самъ готовъ вамъ давать необходимыя разъясненія и буду всегда радъ вашему приходу".

На первый разъ было довольно и сдѣланныхъ обѣщаній. Тамъ дальше увижу, какъ будутъ переходить отъ словъ къ дѣлу. Несмотря на плавность и выразительность его рѣчи, въ ея тонѣ слышалась, однако, фальшь заискивающихъ нотокъ, понижавшая достоинство внутренняго содержанія ея заявленій. Было очевидно, что мысль о субсидіи преобладала у Милана надъ всѣми остальными соображеніями.

За одинъ разъ я сдѣлалъ визиты митрополиту Михаилу, всѣмъ министрамъ и еще двумъ, тремъ лицамъ, извѣстнымъ по своимъ къ намъ симпатіямъ; но отъ посѣщенія членовъ дипломатическаго корпуса рѣшительно отказался, не находя ни малѣйшаго къ тому повода. Преосвященнѣйшій митрополитъ меня принялъ съ чрезвычайнымъ радушіемъ. Это человѣкъ несомнѣнно глубокаго ума, вѣрно оцѣнившій свое вы-

[1]) Все это совершенно было вѣрно. Можно сказать это не только послѣ войны 1876 года, въ которую Сербія должна была вести единоборство съ Турціей, поддержанной матеріально и морально всею западною Европою.

дающееся значеніе представителя сербской православной церкви. Трудныя условія дѣятельности въ сферѣ соперничества уніи и борьбы католичества не только не умалили энергію этого святителя православной церкви, но сообщали ей необыкновенную стойкость. Являясь свѣтлымъ явленіемъ въ жизни западнаго православнаго міра, его святое дѣло, къ прискорбію, вызвало, пока затаенную зависть свѣтской въ княжествѣ власти, которая не въ силахъ примириться съ популярностью митрополита Михаила. Съ Саввой Груичемъ мы бесѣдовали довольно долго и условились о распредѣленіи необходимыхъ мнѣ подготовительныхъ работъ между бывшими воспитанниками нашей военной академіи: имъ самимъ, инженеръ-подполковникомъ Магдалиничемъ и генеральнаго штаба подполковникомъ Джуричемъ.

Много ли я двигался, а уже чувствую болѣзненное утомленіе. Нужно принять рѣшительныя мѣры, чтобы, пользуясь хорошею погодою, по возможности уничтожить въ своемъ организмѣ вредныя послѣдствія дунайской маларіи. Буду вести самую регулярную жизнь, вставать въ шесть, ложиться въ десять, вмѣсто завтрака виноградъ, стараться цѣлый день быть на воздухѣ. Въ моемъ распоряженіи по крайней мѣрѣ мѣсяцъ, пока правительство успѣетъ сдѣлать на полученныя деньги необходимѣйшія для войны заготовки, пока я самъ не успѣю познакомиться съ сербскими вооруженными силами на столько, чтобы съ убѣжденіемъ сказать, когда и какъ сербы могутъ воевать.

На слѣдующій день только-что я успѣлъ, послѣ ранней прогулки, усѣсться на диванѣ предъ горой крупнаго и спѣлаго винограда, является Ристичъ. Какъ приличествуетъ дипломату, да еще стоящему во главѣ кабинета, онъ мнѣ успѣлъ наговорить цѣлую кучу самыхъ пріятныхъ вещей, а я все еще стоялъ, упрашивая садиться. Еще бы немножко, и можно было подумать, что Сербія чуть-ли не для того и существовала, чтобы дождаться моего пріѣзда. Ну что тутъ отвѣчать. Чтобы какъ-нибудь избавиться отъ тягостнаго сознанія побѣжденнаго, перевожу разговоръ на готовность сербовъ къ войнѣ. Но тутъ къ крайнему моему изумленію совершился крутой поворотъ. Оказалось, что не только немедленное объявленіе войны Сербіи, но и выступленіе ея въ поле ранѣе первыхъ теплыхъ дней марта мѣсяца было бы съ ея стороны актомъ безумія и привело бы только къ быстрому и окончательному самоуничтоженію. И

полился плавнымъ речитативомъ потокъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ, имѣвшихъ однако ту особенность, что въ общей картинѣ, художественно воспроизведенной Ристичемъ, они казались неопровержимыми, но, взятыя отдѣльно, теряли всякую убѣдительность.

Для меня было чрезвычайно важно слышать о мартовскомъ срокѣ въ такой опредѣленной формѣ, при томъ въ устахъ самого Ристича. Было очевидно, что ходившій слухъ о походѣ не ранѣе весны имѣлъ свое серьезное основаніе, и что самъ князь не рѣшился прямо высказаться, конечно изъ боязни испортить личныя отношенія. Это соображеніе меня сразу расположило болѣе къ Ристичу и поселило непріятное чувство къ князю. Некрасивою показалась мнѣ роль резиноваго мяча, которую князь предназначалъ мнѣ для своей игры.

— Какъ однако для меня неожиданно наше заявленіе, говорю я Ристичу, какъ только прервалось его краснорѣчіе. Вотъ только-что предъ вашимъ приходомъ сижу я за уничтоженіемъ винограда и думаю: освѣжу имъ свои силы, потрепанныя дунайскою лихорадкою, а тѣмъ временемъ и сербы успѣютъ оправиться и приготовиться къ войнѣ. Мѣсяца черезъ полтора или два, пожалуй, можно будетъ, благословясь, выступить и въ походъ. А вы вотъ вдругъ говорите, что ранѣе марта нельзя. Совершенно понимаю, что вамъ, какъ истинному патріоту, было бы желательно сдѣлать свою родину участницею въ выгодахъ побѣднаго мира, избавивъ по возможности отъ испытаній военнаго времени. Вы вотъ пришли къ заключенію, на основаніи, конечно, мнѣнія вашихъ военныхъ авторитетовъ, что кампанія настоящаго года еще не приводитъ къ миру, что только въ будущемъ году будутъ возможны рѣшительныя дѣйствія, что поэтому нѣтъ никакого разсчета для Сербіи являться на театръ военныхъ дѣйствій ранѣе марта мѣсяца. Но какъ вы жестоко ошибетесь, если сила турецкаго сопротивленія будетъ сокрушена еще въ текущемъ году. Мнѣ Балканы хорошо извѣстны, но я могу васъ увѣрить, что для русской арміи они никогда не составятъ препятствія, даже въ самое суровое время года. Что̀ если миръ будетъ подписанъ, а сербы еще будутъ спать въ ожиданіи весенняго похода. При чемъ останется Сербія, такъ много уже пострадавшая въ войнѣ съ турками; чѣмъ увѣнчается политика Ристича, такъ энергично всегда относившагося къ вопросу о защитѣ сербскаго элемента въ турецкихъ провинціяхъ... Я слишкомъ хо-

рошо васъ знаю и уважаю, чтобы продолжать разъяснять и убѣждать. Я прямо говорю вамъ, не только къ свѣдѣнію, но и къ исполненію, какъ первому изъ первыхъ въ Сербіи, будьте готовы къ ноябрю. О подробностяхъ, когда ближе съ вами познакомлюсь...

Мы поняли другъ друга хорошо. Не знаю, какъ онъ мною, но я Ристичемъ остался очень доволенъ.

На новой прогулкѣ зашелъ къ Лодыженскому, у котораго познакомился съ Н. А. Налетовымъ, секретаремъ нашего консульства въ Босна-Сераѣ, вызваннымъ сюда на время войны, отнынѣ неотлучнымъ и постояннымъ моимъ спутникомъ въ Бѣлградѣ и на войнѣ. Подъ его руководствомъ я познакомился и съ мѣстною топографіею, и съ жизнью въ Сераево, и съ характеромъ отношеній княжества къ боснійскимъ и другимъ всякаго рода усташамъ или добровольцамъ.

Мѣстоположеніе Бѣлграда одно изъ самыхъ живописнѣйшихъ. Расположенный на довольно возвышенномъ горномъ отрогѣ, заполняющемъ собою все пространство между Дунаемъ и Савою, городъ командуетъ окрестною мѣстностью, къ сѣверу, западу и сѣверо-востоку, на многіе десятки верстъ. Онъ пользовался бы прекраснѣйшимъ климатомъ, еслибы не испаренія облегающихъ его съ трехъ сторонъ влажныхъ низинъ. Растительность молодаго еще сада, облегающаго старую крѣпость надъ самымъ сліяніемъ Савы съ Дунаемъ, и каштановыя насажденія вокругъ дворца, по здѣшнему конака, не оставляютъ желать ничего лучшаго. Выращенные любителями экземпляры хорошихъ сортовъ плодовыхъ деревъ свидѣтельствуютъ о благопріятныхъ условіяхъ мѣстности къ разведенію фруктовыхъ садовъ; но разбросанные въ окрестностяхъ виноградники съ одиноко стоящими преимущественно грушевыми деревьями рекомендуютъ здѣшнюю культуру далеко не съ выгодной стороны. Утромъ на экпланадѣ воздухъ былъ въ особенности свѣжъ, чистъ и живителенъ; позднѣе здѣсь становилось людно, да и небольшая еще вѣтвистость деревъ не долго сопротивлялась солнечному нагрѣванію; за то отсюда можно было отлично наблюдать за всѣми движеніями срочныхъ пароходовъ, какъ они огибали городъ, подходили къ пристани и направлялись далѣе къ Землину; но гдѣ было днемъ хорошо, это въ Топчидере, маленькій домикъ, заросшій лѣсомъ, съ домомъ Милоша, верстахъ въ двухъ отъ города по осѣненной старыми тополями дорогѣ вдоль Савы.

Въ то же время дѣло шло своимъ чередомъ. Въ главную квартиру я донесъ о необходимости подготовительныхъ мѣръ для сербской милиціи, учебныхъ для нея сборовъ на юго-восточной части границы. Работа моя съ моими сотрудниками успѣшно подвигалась впередъ, все увеличивая на моемъ столѣ кипу разнаго рода данныхъ и свѣдѣній, таблицъ и вѣдомостей военнаго характера. Князь Миланъ также довольно часто удостоивалъ меня своимъ вниманіемъ, то приглашая на завтракъ, то на обѣдъ, то особою запиской напоминая о какомъ-либо данномъ мнѣ порученіи. Благодаря его иниціативѣ, обмѣнъ депешъ съ главною квартирою все время производился весьма оживленно.

8 сентября онъ читаетъ мнѣ телеграмму Катаржи о томъ, что въ искренности желанія не князя, а его министерства, воевать сильно сомнѣваются, присылка втораго полумилліона отложена, требуютъ точнаго опредѣленія времени перехода границы сербскими войсками. Въ сильномъ волненіи онъ мнѣ заявляетъ, что министерствомъ руководитъ самъ, почему не можетъ быть имъ обманутъ, разрѣшеніе воевать просилъ самъ, но безъ немедленной присылки обѣщаннаго полумилліона Сербія не будетъ въ состояніи скоро приготовиться къ войнѣ; а, немного погодя, самъ спрашиваетъ, что дѣлать...

11-го сентября получаю предписаніе: „По соображенію всѣхъ обстоятельствъ великій князь желаетъ, и это воля Государя Императора, чтобы Сербія, воздерживаясь пока отъ объявленія войны Турціи и открытыхъ враждебныхъ дѣйствій, выставила возможно скорѣе обсерваціонныя регулярныя войска на своей юго-восточной границѣ. Второй полумилліонъ будетъ немедленно высланъ по увѣдомленіи вашемъ объ исполненіи этого требованія“. Отправляюсь къ князю для передачи содержанія телеграммы. Тотъ опять встревоженъ депешею Катаржи, по которой требуется выставить на границу тридцать тысячъ лучшихъ сербскихъ войскъ, и убѣдительно проситъ немедленно выяснить недоразумѣніе.

— Ваше желаніе будетъ сегодня же мною исполнено; но я убѣдительнѣйше васъ прошу не останавливаться на подобныхъ недоразумѣніяхъ, не имѣющихъ существеннаго значенія, и немедленно подать приказъ о сборѣ войскъ. Будутъ ли послѣднія созваны въ числѣ тридцати тысячъ или двадцати пяти, отвѣтственность принимаю на себя, только бы они со-

браны были немедленно хорошо вооруженными и исправно снаряженными.

Лишь 29-го сентября я имѣлъ возможность донести о состоявшихся сборахъ, что устраняло послѣднее препятствіе къ полученію правительствомъ князя Милана втораго полумилліона рублей субсидіи. Сборы были выполнены, однако, не такъ, какъ было указано. Вмѣсто сосредоточенія активнаго корпуса на юго-восточной границѣ, части милиціи были собраны мелкими частями въ девяти пунктахъ по восточной и южной границамъ княжества, представляя въ общей сложности около 25 баталіоновъ, 6 эскадроновъ и 22 батарей, всего численностью, вмѣстѣ съ нестроевыми и обозными, до 25 тыс. человѣкъ. Но я не возражалъ, такъ какъ признавалъ важное значеніе этой мѣры для перехода на военное положеніе.

Вообще дѣятельность князя имѣла порывистый характеръ и не отличалась логическою послѣдовательностью и строгою выдержкой. Съ богатыми способностями отъ рожденія, онъ избѣгалъ относиться къ каждому предмету прямо, а изощрялся въ болѣе или менѣе остроумныхъ способахъ сдѣлать по-своему. Теперь не оставалось болѣе никакого сомнѣнія, что, вслѣдствіе испытанныхъ нами неудачъ подъ Плевною, князь Миланъ имѣлъ твердое намѣреніе перейти къ военнымъ операціямъ не ранѣе марта будущаго года. Опасаясь сосредоточеннымъ расположеніемъ обсерваціоннаго корпуса въ двухъ, трехъ пунктахъ привлечь на себя вниманіе турокъ, онъ разбрасываетъ мобилизованный отрядъ на громадномъ протяженіи границъ по мелочамъ, упуская изъ вида, что принятая мѣра уже сама по себѣ составляетъ первый шагъ къ войнѣ и значительно облегчаетъ мобилизацію милиціоннаго войска... Онъ горячо поднимаетъ вопросъ объ утилизаціи еще остающихся въ странѣ добровольцевъ сформированіемъ изъ нихъ легкихъ партій для дѣйствій въ Старой Сербіи и совершенно о нихъ забываетъ, когда разрѣшеніе главной квартиры нѣсколько запаздываетъ... Съ такою же кратковременною горячностью относится онъ позднѣе къ другимъ вопросамъ, о которыхъ также скоро позабываетъ. Въ свое время, напримѣръ, указывая на свои связанныя руки на Дринѣ для активныхъ дѣйствій въ угоду Австріи, онъ спрашиваетъ о существованіи обратной гарантіи противъ турецкаго нападенія. Въ другой разъ, настойчиво домогаясь присылки нашихъ осадныхъ орудій чрезъ

Румынію для дѣйствія противъ Ниша, онъ требуетъ себѣ разрѣшеніе на бомбардированіе Ады-Калы и т. д.

Наконецъ въ Бѣлградъ прибылъ А. И. Персіани, сразу оцѣнившій все значеніе Ристича и ставшій съ нимъ въ самыя прямыя и твердыя отношенія. Для меня пріѣздъ А. И. Персіани былъ весьма важенъ, такъ какъ освободясь отъ многихъ разговоровъ съ княземъ, не имѣвшихъ военнаго характера, я получилъ возможность болѣе заняться своею работою, а потомъ выѣхать внутрь страны для личнаго знакомства со средствами края и условіями предполагаемаго театра военныхъ операцій.

И вотъ я настолько познакомился съ сущностью положенія здѣсь вещей, что еще 12 сентября счелъ возможнымъ донести въ главную квартиру, что выступленіе Сербіи черезъ мѣсяцъ при всѣхъ затрудненіяхъ можетъ имѣть успѣхъ.

Г. БОБРИКОВЪ.

(До слѣд. №).

ГЛУХОЕ ГНѢЗДО.

(Разсказъ).

I.

Ольга Ивановна, хозяйка меблированныхъ комнатъ, къ которой я зашелъ посмотрѣть для себя помѣщеніе, вскорѣ послѣ моего пріѣзда изъ глухой провинціи, Ольга Ивановна слѣдующимъ образомъ отрекомендовала мнѣ своихъ жильцовъ, моихъ будущихъ сосѣдей:

— Вотъ тутъ у меня ужь второй годъ живетъ генеральша, вдова одинокая, дочери замужемъ за важными господами, а сынъ въ Ташкентѣ. А здѣсь, рядомъ съ нею, баронесса Софья Александровна съ супругомъ своимъ, барономъ. Дальше по корридору еще двѣ комнаты и всѣ заняты, одну занимаетъ княгиня, изъ другой, о которой я публиковала, жилецъ еще не съѣхалъ, но завтра она опростается, и вы можете ее занять.

— Покажите, сказалъ я.

— Въ настоящее время невозможно, прошу извинить. Квартирантъ вышелъ и ключъ съ собой унесъ, но вотъ, потрудитесь сюда заглянуть, гдѣ княгиня, размѣръ и расположеніе одинаковые.

Она поспѣшно зашагала по темному, узкому и довольно вонючему корридору, и не доходя до кухни, чувствовавшейся по запаху въ концѣ, растворила дверь налѣво.

— Пожалуйста, проговорила она, сторонясь къ круглой желѣзной печкѣ, чтобы дать мнѣ возможность проникнуть къ единственному окну узкой комнаты, со слѣдами многочисленныхъ сраженій съ насѣкомыми по стѣнамъ, оклеенным грязными обоями нѣкогда голубаго цвѣта.

Тутъ стояла кровать съ тощимъ тюфякомъ, приплюснутой подушкой и клѣтчатымъ плэдомъ вмѣсто одѣяла, плохенькій комодъ, заставленный всякой всячиной такъ тѣсно, что булавки не куда было бы положить, и съ разѣвающими пасть ящиками, такъ туго были они набиты тряпьемъ. Передъ окномъ у ломбернаго стола съ остатками колбасы на бумажкѣ и вареньемъ на донышкѣ банки, лежала на полу груда растрепанныхъ книгъ и тетрадей. На окнѣ торчала ручка пера въ запыленной бронзовой чернильницѣ и валялись конверты и почтовая бумага. Въ углу, за дверью, были прибиты кое-какъ гвозди, и на нихъ висѣли обтрепанныя принадлежности женскаго туалета.

— И вы говорите, что тутъ княгиня живетъ? спросилъ я, озадаченный такой обстановкой.

— Точно такъ, княгиня...

Она назвала фамилію, извѣстную на югѣ Россіи.

— Что жъ это она такъ бѣдно живетъ? Разорилась вѣрно? продолжалъ я любопытствовать.

Худощавое, сморщенное лицо моей собесѣдницы приняло скорбное выраженіе.

— Науками занимается. Въ позапрошломъ году на акушерку экзаменъ выдержала, а теперича къ массажу приспособляется, вымолвила она отрывисто. И со вздохомъ прибавила:— Что жъ, почему и не баловаться, когда есть на что.

Смѣривъ глазами комнату и убѣдившись, что скромная обстановка моя въ ней помѣстится, я спросилъ цѣну.

— Двѣнадцать рублей, ужъ это безъ запроса, меньше невозможно, заторопилась объявить Ольга Ивановна.

И не дожидаясь возраженій:—И непремѣнно деньги впередъ за мѣсяцъ, ужъ это пожалуйста, прибавила она, съ тревожною пытливостью заглядывая мнѣ въ глаза и озабоченно сдвигая брови.

Я на все согласился. Чтобы кончить работу, взятую къ сроку, мнѣ необходимо было скорѣе приткнуться къ мѣсту, а здѣсь, какъ мнѣ казалось, будетъ не такъ тѣсно и шумно, какъ въ другихъ меблированныхъ комнатахъ.

Точно угадывая мои мысли, Ольга Ивановна, ужъ другимъ тономъ и съ просіявшимъ лицомъ, замѣтила, что я останусь помѣщеніемъ доволенъ.

— Если для занятій, писать что-нибудь или учиться, лучше невозможно найдти. Княгини никогда почти дома нѣтъ, ночуетъ только, да и то не всегда. Генеральша, та все больше у до-

чекъ, а баронесса съ утра до вечера по дѣламъ странствуетъ. Одинъ только баронъ по временамъ домосѣдничаетъ, но вамъ его не будетъ слышно, комната ихная далеко отъ вашей. Они занимаютъ у меня лучшую комнату, три окна на улицу, мебель трипомъ обита, зеркала, всегда она у меня въ сорока рубляхъ ходила.

И проговоривъ эти слова, Ольга Ивановна снова вздохнула.

Вообще видъ у нея былъ такой удрученный, что нельзя было не чувствовать къ ней жалости. Нельзя было также не довѣрять ей, такою честностью и кротостью дышала вся ея симпатичная фигура, съ благообразнымъ, старушечьимъ лицомъ. Взглядъ выцвѣтшихъ сѣрыхъ глазъ оставался всегда добрымъ, даже и тогда, когда она сдвигала брови съ цѣлью напустить на себя суровость.

Я далъ задатокъ и спросилъ, когда мнѣ можно будетъ переѣхать.

— Да хоть завтра, все будетъ въ порядкѣ. *Его* сегодня родственники въ Москву отправляютъ, кивнула она на запертую дверь, у которой мы стояли, съ видимымъ желаніемъ распространиться на счетъ покидавшаго ее жильца, но судьба этого господина не интересовала меня и, не замѣчая съ моей стороны поощренія на дальнѣйшую болтовню, она скромно смолкла.

На слѣдующій день я переѣхалъ и принялся за работу.

Новымъ помѣщеніемъ я первое время былъ доволенъ. Комнату для меня пообчистили, въ ней было на столько свѣтло, на сколько можно требовать отъ комнаты съ окномъ на дворъ, и сравнительно тихо въ тѣ именно часы, когда я работалъ, а именно ночью. Днемъ, правда, раздавались звонки у входной двери, но до меня это не касалось, и просматривать работу, сдѣланную ночью, мнѣ это не мѣшало.

У барона никто не бывалъ, посѣтители, надоѣдавшіе мнѣ своими звонками, спрашивали либо баронесу, либо княгиню, и на заявленіе, что дома нѣтъ, разражались сѣтованіями, упреками, а иногда и ругательствами.

Каждому изъ посѣтителей *непремѣнно* надо было видѣть по самому нужному дѣлу ту изъ трехъ дамъ, къ которой онъ пришелъ, и большею частью выходило такъ, что:

— Сама же назначила день и часъ, и ушла! Чортъ знаетъ на что похоже! Скажите ей, что я ужъ больше къ ней не приду, слуга покорный, сама теперь можетъ ко мнѣ явиться по сому дѣлу, которое она знаетъ.

Другіе охали, ахали и проявляли досаду жалкими словами и тоскливыми восклицаніями.

— Ахъ, Боже мой! Опять ея дома нѣтъ! Да когда же наконецъ ее можно застать? Я издалека, а она сама назначила этотъ день, понапрасну заставила только на конку потратиться, безсовѣстная!

Ольга Ивановна соболѣзновала вмѣстѣ съ сѣтующими и всячески старалась оправдывать своихъ жилицъ.

— Депешу получили... экстренный случай... просили извинить... очченно жалѣть будутъ, импровизировала она болѣе или менѣе краснорѣчиво, смотря по рангу той личности, которую приходилось ублажать.

II.

Народъ ходилъ разный, молодые, старые, богатые, бѣдные, простые и знатные.

Княгиню навѣщала все больше молодежь, студенты, курсистки, акушерки, консерваторки, кандидаты на судебныя должности и тому подобные чающіе движенія воды люди, и все съ характерными чертами южной расы, черные, носастые, съ масляными глазами, чувственными красными губами и типичнымъ акцентомъ. Все земляки княгини.

Баронесу же домогались видѣть личности инаго рода—солидные господа въ медвѣжьихъ шубахъ и собольихъ шапкахъ, толстые, краснощекіе, съ самоувѣренными ухватками и съ громкой авторитетной рѣчью, привѣтливой улыбкой и веселыми, любопытными глазами. Можно было чѣмъ угодно поручиться, что такой господинъ непремѣнно скажетъ, что онъ пріѣхалъ только нѣсколько дней тому назадъ изъ провинціи и остановился въ одномъ изъ лучшихъ отелей, а на карточкѣ, которую онъ оставитъ для передачи Софьѣ Александровнѣ, стоитъ хорошее русское имя.

Являлись къ ней съ письмами отъ важныхъ сановниковъ, курьеры и камердинеры, а также дѣльцы изъ извѣстнѣйшихъ рыцарей суда и биржи, глянцевитые, нахальные, съ самоувѣренностью докарабкавшихся до цѣли проходимцевъ.

Когда такой господинъ, откинувъ назадъ голову въ новенькомъ, сверкающемъ, какъ зеркало, цилиндрѣ, внушительно отчеканивалъ, знаменательно поджимая губы, послѣ каждаго слова:

— Передайте баронесѣ, что я *самъ* былъ, слышите самъ, Ольга Ивановна терялась и робѣла, какъ дѣвочка.

— Слушаюсь, ваше пр-во, будьте покойны, ваше с-ство, ничего больше не могла она придумать въ отвѣтъ на внушительный окрикъ раздосадованной персоны, которую она съ низкими поклонами почтительно провожала на площадку лѣстницы.

И долго потомъ вздыхала она и скорбѣла.—Ну, развѣ можно такъ дѣла дѣлать! Понятно, что ничего у нихъ не ладится, ворчала она, покачивая головой.

Бѣдняжка! Она была твердо увѣрена, что жилицы ея заплатятъ все сполна за квартиру, когда затѣянныя ими дѣла пойдутъ наконецъ на ладъ.

III.

Удивительно довѣрчивая женщина была наша хозяйка. Изъ бывшихъ крѣпостныхъ графовъ З-въ, она благоговѣла передъ титулами, старинными дворянскими фамиліями, передъ слѣдами хорошаго рода и барскаго воспитанія, которые съ изумительною чуткостью умѣла отыскивать подъ самой грязной, истасканной оболочкой, до неузнаваемости опошленной грубыми столкновеніями съ жизнью.

Когда же случалось, что носитель такой фамиліи принадлежалъ къ знакомой ей семьѣ, не было границъ ея преданности и услужливости.

Надо было только послушать, съ какимъ умиленіемъ припоминала она, какой у родителей баронессы былъ домъ въ П-вѣ, и какими барами они тамъ жили въ то время, когда не было еще эмансипаціи, и когда господа, которымъ принадлежала Ольга Ивановна, каждый годъ ѣздили проводить лѣто въ родовое имѣніе, находившееся въ П—ской губерніи.

— Наши къ нимъ ѣздили. Верстъ десять отъ нашего Свѣтлаго была ихъ деревня, отъ города рукой подать. По всей губерніи пирами гремѣли. Папенька ихъ, Александръ Никитычъ, изъ предводителей не выходилъ, такъ и скончался предводителемъ. Пріѣдутъ это бывало къ намъ въ колясках, каретахъ, шарабанахъ, барышни разодѣты, какъ куколки, въ домѣ у нихъ всего много, прислуга...

— А сколько она вамъ должна за комнату? пытался я вернуть ее изъ міра грезъ на реальную почву.

*

Физіономія моей собесѣдницы мгновенно омрачилась.

— Много! отрывисто отвѣчала она.

— И вѣрно, кромѣ того, деньгами еще забрали?

— А вы почемъ знаете? ужь совсѣмъ сердито обрывала она мои нескромные разспросы и нѣкоторое время дулась, не заговаривая со мной.

Къ баронессѣ, которую она называла Софьей Александровной, а чаще всего „наша блаженная“, Ольга Ивановна питала особенную слабость, генеральшу боялась, какъ огня, а княгиню, не взирая на ея титулъ, не столько жалѣла, сколько презирала.

— Ужь больно низко спустилась, говорила она про нее.— Замѣтьте только, что-за шавель къ ней ходитъ. И все не русскіе, ужь по носамъ видать, что не русскіе. Говоръ у нихъ— не то армяне, не то татары, какъ зачнутъ промежь себя лопотать, ничего не поймешь, точно заговорщики. Я даже думаю— ужь не жиды ли они всѣ и съ княгиней-то своей? прибавляла она тревожно.

— У жидовъ нѣтъ князей, успокоивалъ я ее.

— Ну вотъ, мнѣ это и Софья Александровна и баронъ ейный завѣряли, а все жъ сумлѣніе беретъ, на нихъ глядючи, ужь черны больно, да носасты. И опять быстрота эта въ глазахъ, вы только замѣтьте.

— Съ Кавказа они, тамъ все такіе.

— Такъ, такъ. Порода значитъ такая. Дѣти у нея есть. Много что-то, не то десять, не то одиннадцать человѣкъ. И мужъ живъ. Богатый, земли у него тамъ, сады въ горахъ. И былъ же умъ пустить сюда законную супругу на такое мытарство!

— Да она, можетъ, такъ ему надоѣла, что онъ былъ радъ избавиться, замѣтилъ я.

— И то можетъ быть по теперешнимъ временамъ, печально соглашалась она.

И помолчавъ немного, снова возвращалась къ занимавшему ее предмету.—Седьмой годъ здѣсь мотается. Про дѣтей и забыла совсѣмъ. Только тогда и вспомнитъ, какъ спросишь у нея про нихъ, и ужь кажись путать ихъ стала, старшую дочку свою то Тамарой назоветъ, то Катериной, а меньшинькой сынокъ у нея то Сережа, то Викторъ. А ужь среднихъ и вовсе не помнитъ. Даже и по имени не зоветъ, а такъ: вторая дѣвочка, третья дѣвочка, четвертая дѣвочка, второй маль-

чикъ, третій. Какими христіанскими именами при крещеніи наречены—забыла! И въ лѣтахъ ихнихъ сбивается. Спроси таперича у нея, сколько годковъ ея старшей барышнѣ, непремѣнно совретъ. Да и какъ тутъ не сбиться при такой жизни!

Къ генеральшѣ ходили все больше обшмыганные какіе-то, съ портфелями подъ мышкой и юрко бѣгающими, пронзительными глазами, „стрекулисты“, какъ прозвала ихъ хозяйка. Какъ эти, такъ и посѣтители баронессы, дальше прихожей не проникали и когда имъ надо было что-нибудь особенное передать, чего на словахъ не скажешь, они просили карандашъ, бумажку и писали, что имъ нужно, на томъ столикѣ у вѣшалки, надъ которымъ въ темной прихожей чадила маленькая керосиновая лампа. Знакомые же княгини часто врывались въ ея комнату и производили то, что Ольга Ивановна называла дебошемъ, громко болтали и смѣялись, рылись въ ящикахъ комода и въ чемоданѣ подъ кроватью, отыскивая папиросъ, поѣдали провизію, запрятанную сіятельной хозяйкой за форточкой, и, уничтоживъ все, что имъ попадалось подъ руку, посылали ко мнѣ за табакомъ, а къ Ольгѣ Ивановнѣ за чаемъ.

— Безпардонный народъ, все бы имъ на даровщинку, ворчала Ольга Ивановна.—Не напасешься на нихъ ни чаю, ни сахару, давно ли фунтъ распечатала, а ужь половины нѣтъ.

Но это не мѣшало ей накладывать сахаръ въ стаканы и наливать ихъ жиденькимъ перепареннымъ чаемъ, грѣвшимся у нея на плитѣ съ ранняго утра и до поздней ночи.

И отправляя свою единственную прислугу, рябую деревенскую дѣвку Дашу съ подносомъ, она припоминала, что вѣрно булокъ спросятъ къ чаю, и ставила на него лоточекъ съ кусками калача и бѣлаго хлѣба, остатки завтраковъ ея собственнаго и моего.

Отъ генеральши никогда ничѣмъ нельзя было поживиться. Она была дама во всѣхъ отношеніяхъ аккуратная, а у баронессы все до крошечки самъ баронъ доѣдалъ и допивалъ.

— Цѣльный день жуетъ, разсказывала про него хозяйка.— И все хорошее да дорогое. Простую пищу, такую, какую мы грѣшныя ѣдимъ, ни за что и въ ротъ не возьметъ. *Она*, горемычная частенько по два, по три дня голодная по городу рыщетъ, по десяти верстъ концы отмахиваетъ пѣшкомъ, чтобы пятачекъ отъ конки сберечь, а ему ужь непремѣнно сладкій кусочекъ откуда ни на есть да добудетъ. Ужь онъ такъ и

знаетъ. Какъ пріѣлъ все, такъ и ждетъ новыхъ припасовъ. И Боже сохрани, если не первый сортъ! Намеднись принесла она ему икры паюсной, понюхалъ, отковырнулъ кусочекъ вилкой, поднесъ къ усамъ, опять понюхалъ и отложилъ въ сторону. Не свѣжая, говоритъ, пахнетъ.—Ну, тутъ ужъ *она* взъерепенилась, сама-то. Какъ, говоритъ, не свѣжая? Быть этого не можетъ, я за нее рубль двадцать копѣекъ заплатила! А онъ ей на это: —Хорошую икру меньше двухъ-трехъ рублей за фунтъ не найти, говоритъ. Напрасно только вы такую гадость покупаете, должны бы, кажется, знать, что я могу ѣсть и что нѣтъ. Н-да, такого кавалера прохарчить станетъ въ копѣечку, тонкаго воспитанія господинъ, прибавляла Ольга Ивановна съ тѣмъ оттѣнкомъ, не то восхищенія, не то ироніи, который у нея всегда являлся, когда она говорила про супруга своей любимой жилицы.

IV.

Въ нимъ, то-есть съ барономъ, я позже всѣхъ познакомился. Онъ держалъ себя гордо, не выходилъ изъ своей комнаты иначе, какъ предварительно освѣдомившись, не грозитъ ли ему встрѣча съ кѣмъ-нибудь въ корридорѣ, и впускалъ къ себѣ одну только хозяйку, да и то изрѣдка, когда нужно было ей что-нибудь приказать, причемъ бесѣдовалъ съ нею всегда стоя, —чтобы не просить ее сѣсть вѣрно,—и такъ кратко, отрывисто и строго, что бѣдная старуха смущалась и весь день потомъ пребывала въ волненіи.

Она сознавалась, что боится его.

— Да что жъ онъ вамъ можетъ сдѣлать? спрашивалъ я.

— Ничего, а только видъ у него такой, какъ сдвинетъ брови, да скоситъ этакъ глаза...

Она показала, какъ онъ коситъ глаза.—Ну, и жутко станетъ и сейчасъ мысли неподобныя въ голову лѣзутъ. Вѣдь онъ въ жандармахъ служилъ, прибавляла она, понижая голосъ до шепота и боязливо оглядываясь по сторонамъ.

— Но вѣдь теперь онъ больше не жандармъ?

— Правда, но все-таки... Лѣнивъ онъ очень, а то много бы зла могъ сдѣлать.

Жена его была совсѣмъ въ другомъ родѣ. Трудно было бы рѣшить, чего въ ней больше: дѣятельности, общительности

или нахальства. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, она была обаятельна. Обаятельна избыткомъ жизненности и энергіи, рѣдкой воспріимчивости и неутомимой погони за сильными ощущеніями. Не взирая на всевозможныя нравственныя и физическія муки, которымъ она постоянно подвергалась, на неудачи и оскорбленія, сыпавшіяся на нее безъ счету, на холодъ, голодъ и утомленіе, она всегда была весела, всегда готова заинтересоваться новымъ предпріятіемъ, какъ бы нелѣпо оно ни было, и всегда отыскать въ немъ такую точку, къ которой можно бы было прицѣпиться, чтобы мечтать, строить планы и надѣяться. А когда хрупкое зданіе, воздвигнутое ея фантазіей, разсыпалось, какъ карточный домикъ отъ дуновенія малѣйшаго вѣтерка, тогда она не медля принималась за другое дѣло. Празднымъ умъ ея и воображеніе не оставались ни секунды. Сколько пользы принесла бы такая женщина въ другой средѣ, при другихъ условіяхъ и подъ хорошимъ управленіемъ, часто думалъ я, глядя на нее и слушая ее. Теперь, кромѣ зла себѣ и другимъ, отъ нея ничего не происходило.

Когда мы съ нею ближе познакомились, я пробовалъ навести ея мысли на это соображеніе, пробовалъ заставить ее подвести приблизительный итогъ всѣмъ содѣяннымъ ею гнусностямъ, но это оказалось невозможнымъ. Какъ колесо, соскочившее съ винтика, вертится независимо отъ всей организаціи машины, съ которой оно прежде составляло одно цѣлое, такъ и умъ ея продолжалъ работать въ направленіи противоположномъ всѣмъ законамъ здраваго смысла и нравственности, въ то время какъ языкъ повторялъ доводы совершенно противоположнаго свойства.

Но что всего болѣе поражало въ ней — это искренность. Притворяться изъ-за чего бы то ни было она была положительно неспособна; лгать совсѣмъ не умѣла, говорила всегда то, что думала, и поступала такъ, какъ ей казалось лучше. И не для себя лучше, о себѣ она никогда не заботилась, а для другихъ. Разумѣется, она тащила съ опекаемыхъ ею жертвъ все, что можно было, но вѣдь въ противномъ случаѣ, она умерла бы съ голоду и холоду, и кто бы тогда сталъ за нихъ хлопотать? Софизмамъ, которыми она себя тѣшила, она вѣрила всей душой, и такъ безгранично, что никогда ни малѣйшее сомнѣніе не закрадывалось ей въ душу.

Знакомство наше произошло слѣдующимъ образомъ.

Дня три послѣ того, какъ я переѣхалъ и устроился въ

моемъ новомъ помѣщеніи, слышу, стучитъ кто-то ко мнѣ и не успѣлъ я отвѣтить, какъ дверь отворилась и передо мною очутилась женщина лѣтъ сорока, въ какихъ-то отрепьяхъ, еле державшихся на ея тѣлѣ, такъ они были ветхи и раздерганы.

У худенькой пестрой кофты, въ которую она кутала свои полныя плечи, недоставало пуговицъ, черная шерстяная юбка, съ побѣлѣвшимъ отъ пыли подоломъ, слишкомъ широкая въ поясѣ, сползала то на одинъ бокъ, то на другой; густые, каштановые волосы, вьющейся шапкой надъ высокимъ, красивымъ лбомъ, выползали прядями изъ-подъ криво воткнутой гребенки — но все это я замѣтилъ гораздо позже, такъ поразила меня въ первую минуту родовитая, полная величавой граціи, осанка этой женщины, ея глаза, сверкавшіе юношескимъ огнемъ, и очаровательная улыбка. Когда она заговорила, она показалась мнѣ еще обаятельнѣе, ея голосъ, звучный контральто съ мягкими переливами, неудержимо прокрадывался въ душу.

— Здравствуйте. Я ваша сосѣдка и желаю съ вами познакомиться. Глупо хорошимъ людямъ жить подъ одной кровлей и не помогать, въ чемъ можно, другъ другу. Въ жизни только и есть интереснаго, что люди и одно только хорошо и даетъ счастье—это дружескія отношенія съ ними. Вы, говорятъ, бирюкомъ желаете жить? Не вѣрю, у васъ такое доброе и умное лицо. Не можете ли вы одолжить мнѣ почтовой бумаги и конвертовъ, у насъ всѣ вышли, а моему барону надо бабушкѣ письмо написать. Пожалуйста ужь и марку, если у васъ есть.

Все это она проговорила, протягивая мнѣ руку, пристальнымъ взглядомъ пронизывая меня насквозь и съ добродушной усмѣшкой, сглаживающей рѣзкость ея тона и самоувѣренность пріемовъ на столько, что ни сердиться, ни обижаться на нее не было никакой возможности.

Вынимая изъ письменнаго стола потребованныя вещи, я продолжалъ чувствовать на себѣ ея пытливый взглядъ и тонкую усмѣшку и, вспомнивъ про свой костюмъ, краснѣя поднялъ руку къ разстегнутому вороту рубашки. Я былъ въ старенькомъ рабочемъ сюртукѣ, безъ галстука, и такъ торопился сѣсть за работу, что не успѣлъ еще причесаться. Неловкое движеніе, которымъ я пытался прикрыть шею, заставило ее громко расхохотаться.

— Полноте! Развѣ между такими близкими сосѣдями, какъ мы съ вами, церемонятся? Это даже было бы смѣшно. Видите,

въ какомъ я дезабилье? Какъ была у себя, такъ и пришла. Это ничего, прибавила она авторитетнымъ тономъ, — у меня сыновья однихъ съ вами лѣтъ.

— Сыновья! А баронъ? мелькнуло у меня въ умѣ.

Прочитала ли она этотъ вопросъ въ моемъ недоумѣвающемъ взглядѣ, или поддалась безотчетной потребности вполнѣ выяснить свое положеніе передо мной, такъ или иначе, но она поспѣшила объявить, что баронъ ея второй мужъ. Отъ перваго у нея пять человѣкъ дѣтей.

— Разбросаны по всей землѣ русской, махнула она рукой по воздуху. — Старшая дочь у тетки, вторая у сестры барона, сыновья по деревнямъ у хорошихъ людей. Повѣрьте, много на свѣтѣ хорошихъ людей, прибавила она настойчиво, точно протестуя противъ моего молчанія. — Надо вамъ сказать, что дѣтямъ моимъ должно достаться огромное состояніе современемъ, продолжала она дѣловымъ тономъ.—Большія имѣнія въ самыхъ хлѣбородныхъ полосахъ Россіи, ну, я такъ разсудила: чѣмъ имъ надъ латынью и греческимъ корпѣть, пусть лучше учатся земледѣлію, да не въ школахъ агрономическихъ, гдѣ ихъ ровно ничему путному выучить не умѣютъ, а на мѣстѣ, на той самой землѣ, которую имъ придется обработывать, тогда по крайней мѣрѣ, они не растранжирятъ своего состоянія такъ, какъ мы растранжирили, не правда ли?

И не дожидаясь отвѣта, она продолжала выбрасывать съ изумительнымъ проворствомъ мысли, навертывавшіяся ей на языкъ.

— Много вреда у насъ этотъ классицизмъ надѣлалъ, ужасно много! Намедни я говорю Толстому: ну, какъ вамъ не стыдно, люди съ голоду мрутъ, дѣла, отъ которыхъ судьба цѣлыхъ семействъ зависитъ, по цѣлымъ годамъ не рѣшаются, а вы классицизмъ вводите, сушите дѣтскія сердца. Онъ смѣется... У меня, знаете, всегда пропасть дѣлъ въ судѣ, въ сенатѣ и въ консисторіи. Да вотъ теперь, напримѣръ: разводъ Петрищевой и назначеніе опеки надъ Лапинымъ. Онъ съ ума сошелъ, ревнуетъ жену ко всякому встрѣчному и поперечному, не позволяетъ ей книги читать, ну, безобразіе, однимъ словомъ. Я также веду разводъ Легкокрылова, хочетъ жениться на Петрищевой. И съ той и съ другой стороны мнѣ по двѣ тысячи обѣщано, да вотъ все въ консисторіи задерживаютъ. Обѣщала я также на этой недѣлѣ достать видъ на жительство Лавровой, ей до совершеннолѣтія полтора года остается, и родители этимъ поль-

зуются, чтобы притѣснять ее. Это возмутительно. Вы представить себѣ не можете, сколько возмутительныхъ дѣлъ у меня на рукахъ, даже повѣрить трудно, я ихъ сама не могу всѣ запомнить и постоянно путаю. Вотъ сегодня, напримѣръ, мнѣ непремѣнно надо было быть въ судѣ, чтобы повидаться съ предсѣдателемъ,—онъ мой пріятель, вмѣстѣ дѣтьми играли—по дѣлу Лавинуса, знаете того извѣстнаго, который жену утопилъ? Вздумалъ по примѣру того, помните, знаменитаго, какъ бишь его?.. Ну да все равно, его вѣдь оправдали, а вмѣсто окружнаго суда, въ коммерческій разлетѣлась съ векселемъ Пронскаго. Они увѣряютъ, что подпись поддѣлана, но я говорю: а вы докажите прежде... О, фальшивые векселя — это моя спеціальность, у меня ихъ столько перебывало въ рукахъ, когда судили Инородцева! Тутъ все отъ экспертизы зависитъ, рѣшительно все. Я такъ и говорю: вы мнѣ про дѣло-то не разсказывайте, какія улики противъ васъ и прочее, а скажите только — кто у васъ экспертомъ будетъ, и я вамъ безошибочно скажу, оправдаютъ васъ или нѣтъ

Она расхохоталась звонкимъ, беззаботнымъ смѣхомъ.

— Да, вотъ я какая, продолжала она, перескакивая безъ всякой послѣдовательности съ одного предмета на другой, — всѣмъ въ глаза правду-матку рѣжу, никого не боюсь и всѣхъ устраиваю, вотъ только себя не могу устроить. Даже удивительно, какъ мнѣ удается все, что я для другихъ предпринимаю, а мой процессъ... Вы вѣрно слышали про мой процессъ?

Я утвердительно кивнулъ.

— Когда онъ выиграется, мы будемъ богаты, а теперь пока... Нѣтъ ли у васъ трехъ рублей? Барону надо за табакомъ послать, а у меня въ карманѣ всего только шесть копѣекъ.

Я такъ мало ожидалъ такого оборота въ ея рѣчи, что растерялся и ужь хотѣлъ вынимать деньги, какъ вдругъ, нечаянно поднявъ голову, увидалъ въ дверяхъ взволнованное лицо нашей хозяйки. Энергично мотая головой, она поднимала кверху руку, съ вытянутымъ указательнымъ пальцемъ.

Понявъ значеніе этой мимики, я скорчилъ соболѣзнующую физіономію и объявилъ, что болѣе одного рубля дать не могу.

— Давайте хоть рубль, дѣлать нечего. Можетъ, еще гдѣ-нибудь раздобудусь.

И схвативъ на лету желтенькую бумажку, которую я, не безъ прискорбія, вынималъ изъ портмоне, она вылетѣла изъ комнаты.

V.

На ея мѣсто появилась Ольга Ивановна.

— Вотъ вѣдь, добралась и до васъ! Какъ ни просила я ее, какъ ни умоляла, нѣтъ-таки! Горе мое эта Софья Александровна, чистое горе.

Она была въ такомъ отчаяніи, что я сталъ ее утѣшать, увѣряя, что рубля мнѣ не жаль, но на всѣ мои слова она только отмахивалась.

— Нѣтъ, это Богъ знаетъ на что̀ похоже! Какъ ей не стыдно! Добро бы она знакома съ вами была, а то видитъ въ первый разъ и сейчасъ... И въ какое положеніе она меня-то, меня-то ставитъ! Табаку, видите, барону понадобилось, ахъ, онъ лодырь эдакій!

Чтобы произвести диверсію, я спросилъ, правду ли она мнѣ сказала про дѣла, дѣла будто бы она какія-то въ судѣ проводитъ?

— Правда, правда. Дѣла эти самыя проклятыя и погубили ее. Началось съ процесса. Тогда время такое было, новые суды, адвокаты проявились, только и рѣчи было, что про нихъ. Ну вотъ, одинъ изъ этихъ стрекулистовъ и надоумь ее противъ наслѣдниковъ графа Z процессъ начать.—Милліоны можете съ нихъ выиграть, говоритъ. Документы какіе-то откопали. Ну вотъ она съ тѣхъ поръ и пошла чертить. Всѣ ее отговаривали и мужъ, и родные, но у нея ужь природа такая, какъ заберетъ себѣ что̀ въ голову—обухомъ не выбьешь. Десять лѣтъ тянулось дѣло, все до ниточки она на него просадила, и свое имѣніе, и дѣтскія, и мужнино. А сколько добрыхъ людей по міру пустила, у скольких послѣдній грошъ выманила, и не пересчитать! Ухнули въ ту же ненасытную адвокатскую утробу и мои кровные триста рублей, трудомъ всей жизни нажитые, по рублику скопленные.

— И что жъ, проиграла она процессъ?

— Проиграла. На чисто, можно сказать проиграла, во всѣхъ судахъ, и въ сенатѣ, вездѣ однимъ словомъ, а все успокоиться не можетъ, все на что-то надѣется. Бывали, говоритъ, примѣры, авось и намъ улыбнется счастье. А ужь какое тамъ счастье, когда и убытки съ нея велѣно взыскать! Все имущество адвокатамъ перешло. Нѣтъ, что ужь говорить, дѣло это

совсѣмъ пропащее, всякому это извѣстно, одна только она продолжаетъ куражиться. Послѣдняго разума рѣшилась черезъ этотъ самый процессъ, колобродитъ теперича по бѣлому свѣту, какъ оглашенная, нигдѣ пристанища себѣ не можетъ найти. То въ Москву метнется, то въ Нижній, то въ Кіевъ, все про дѣла разнюхиваетъ, своихъ нѣтъ, такъ по чужимъ дѣйствуетъ. Дѣтей по людямъ разсовала, а сама съ адвокатами да съ прокурорами, да съ консисторскими безъ устали возжается. И дѣла-то какія, срамъ одинъ сказать, что-за дѣла! Ну, тѣмъ только и питаются оба, значитъ, разбирать ужь тутъ нечего, кто сунулъ трешницу, за того и распинается, и треплетъ по улицамъ хвостъ. Я говорю: башмаковъ больше износитъ, вотъ это какія дѣла.

— А гдѣ жъ это она барона-то подцѣпила?

— А Богъ ее знаетъ, привезла изъ Польши въ позапрошломъ году, и сейчасъ обвѣнчалась съ нимъ, чтобы не сбѣжалъ, значитъ. Да гдѣ сбѣжать, лѣнивъ больно. Радъ радешенекъ, что до готовыхъ харчей дорвался. Сейчасъ это въ отставку вышелъ и жуируетъ. Лежитъ день деньской на кушеткѣ да книжки читаетъ, а она, высуня языкъ по городу для него бѣгаетъ, на ѣду, да на табакъ ему промышляетъ. А чтобы не скучалъ—и билетъ даровой въ театръ добудетъ, и рублевку на извощика сунетъ. Вотъ теперь вторую недѣлю дома сидитъ, по той причинѣ, что все у него спущено, и сюртукъ, и штаны, въ женииной куцавейкѣ да въ туфляхъ щеголяетъ. На билліардѣ продулся. Сапоги за два рубля татарину продалъ, чтобъ отъиграться, да куды! на шулера, должно быть, наскочилъ. Баринъ, извѣстное дѣло. Какой ни на есть, а кровь-то дворянская, ну гдѣ же ему жулябію отъ настоящаго игрока отличить.

— Такъ вотъ, почему онъ изъ своей комнаты даже въ корридоръ не выходитъ, подумалъ я.

А хозяйка между тѣмъ продолжала. Попавъ на близкую сердцу тему, ей ужь трудно было смолкнуть, не исчерпавши ее до конца.

— Ну вотъ она и митусится теперича, и рыщетъ, какъ угорѣлая, по городу супругу костюмъ добывать. А генеральша все это видитъ и линію свою держитъ. Какъ значитъ допрыгается наша блаженная до отчаянности, эта ехидна, какъ змій искуситель, и почнетъ ее улещивать за своего жида. Сегодня она у васъ рубликомъ попользовалась...

— За какого жида хлопочетъ ваша генеральша? спросилъ я.

— За того самаго, что намеднись приходилъ, помните? Вы съ нимъ еще въ передней встрѣтились.

Я вспомнилъ горбоносую, быстроглазую фигуру, столкнувшуюся со мной наканунѣ у входной двери, и утвердительно кивнулъ.

— Это цѣлая исторія. Ему за какой-то поступокъ начальство высылкой грозилось и, съ перепугу, онъ обѣщалъ генеральшѣ тысячу рублей отвалить, если она его выкрутитъ изъ бѣды, а у нея въ томъ мѣстѣ, гдѣ эти дѣла орудуются, руки нѣтъ, у Софьи же Александровны есть, она съ супругой самого главнаго начальника танцовать училась, какъ еще обѣ барышнями были, понимаете теперь?

— Понимаю.

— Н-да, вотъ онѣ дѣла-то какія! Наша-то проста, безъ злокачественности, и все больше на свою же голову бѣдокуритъ, а эта, генеральша-то, какъ есть язва, и много можетъ зла тому человѣку сдѣлать, на котораго жало свое направитъ. Такую подпуститъ каверзу, что ничѣмъ потомъ съ себя и не смыть. Знаю я одного такого; кружила она это округъ него, кружила, по тѣхъ поръ, пока на скамью подсудимыхъ не угодилъ, такъ-то. А теперича, купца она одного обволакиваетъ. Банкротомъ онъ себя объявилъ, а товаръ-то, который получше, ей на храненіе отдалъ. Ну, какъ отсудили его, она отъ всего и отперлась: знать-не-знаю, вѣдать-не-вѣдаю, говоритъ, про какой такой товаръ вы толкуете, даже не понимаю. Есть у него на нее документъ, росписка, да ни къ чему она ему, все равно, что пустая бумажка, по той причинѣ, что правовъ онъ своихъ таперича на всю жисть лишенъ, и какое имущество у него объявится, все-равно отберутъ и кредиторамъ подѣлятъ. Да и генеральшѣ-то не прибыльнѣе, за помѣщеніе, гдѣ у нея товаръ-то хранится, платить надо, а продать его, или заложить, она опасается, бѣда, да и только. И вдругъ, на выручку имъ обоимъ этотъ самый жидъ явился. Предлагаетъ товаръ купить за полцѣны, конечно, ну, да ей хоть бы что-нибудь выручить, Обрадовалась благодѣтелю, страсть. Да вотъ бѣда, благодѣтель-то высылкѣ изъ столицы подлежитъ. Ну, тутъ ужъ, волей-неволей пришлось Софьѣ Александровнѣ поклониться, чтобы выручила. Родство вѣдь у нея знатное... Ужъ какъ жили-то, Господи! Дома свои, имѣнія, папенька ейный изъ предводителей не выходилъ...

И снова начиналась скучная, тоскливо томительная сказка про бѣлаго бычка.

Довѣріе Ольги Ивановны росло ко мнѣ со дня на день, а вмѣстѣ съ довѣріемъ и потребность изливаться въ откровеніяхъ.

VI.

Мнѣ дѣлалось такъ тошно отъ ея разсказовъ, что я ужь подумывалъ о томъ, чтобы пренебречь дешевизной и прочими выгодами моего новаго помѣщенія и съѣхать на другую квартиру, гдѣ интимная жизнь сосѣдей не была бы мнѣ такъ хорошо извѣстна, какъ здѣсь, но я втянулся въ работу, прерывать ее не хотѣлось, и я рѣшился не трогаться съ мѣста, пока ее не кончу.

А между тѣмъ, окружающая среда всасывала меня все глубже и глубже. Я перезнакомился со всѣми квартирантами Ольги Ивановны. Само собою это сдѣлалось и ужь, конечно, безъ всякаго участія съ моей стороны, но всѣ три титулованныя дамы стали навѣщать меня каждый день и усердно приглашали меня къ себѣ.

Отговариваясь занятіями, я визиты не отплачивалъ, но это не мѣшало имъ ко мнѣ таскаться и надоѣдать своими разсказами, сплетнями и разспросами. Со дня на день становились онѣ назойливѣе и безцеремоннѣе; выведенный изъ терпѣнія, я совсѣмъ грубо объявлялъ, что не имѣю привычки посвящать въ семейныя дѣла постороннихъ, и что даже друзьямъ не говорю, сколько у меня денегъ и какое именно употребленіе я изъ нихъ хочу сдѣлать,—но это ни къ чему не вело. Въ томъ нервномъ возбужденіи, въ которомъ онѣ постоянно находились, имъ не до того было, чтобъ обращать вниманіе на рѣзкость моихъ словъ и вдумываться въ причину этой рѣзкости, онѣ слышали только то, что имъ хотѣлось слышать, и все понимали по-своему.

Каждая изъ моихъ сосѣдокъ представляла изъ себя особаго рода типъ, не поддающійся никакому сравненію.

Генеральша была старуха, лѣтъ семидесяти, маленькая, съ злыми и острыми глазами, курьезнымъ носомъ огромныхъ размѣровъ и рѣшительными манерами. Отъ привычки командовать она ни для кого на свѣтѣ не отрѣшалась, ругалась, какъ извощикъ, и пересыпала свою рѣчь простонародными выраже-

ніями, между которыми самыми приличными были такого рода: „шикъ съ кукурузой“, „поминай, какъ Митькой звали“, „потчуй Марью Ивановну“, „чортъ побери мою деревню и съ крестьянами“ и тому подобное. Подъ тѣмъ предлогомъ, что она всѣмъ правду-матку рѣжетъ, она говорила княгинѣ: „тебя, матушка, какъ акушерку, въ порядочномъ домѣ дальше дѣвичьей да спальни не пустятъ“, а баронессу, все подъ видомъ той же чистосердечной откровенности, она постоянно огорчала непріятными сомнѣніями на счетъ вѣрности ея супруга. „Ну, гдѣ ужь ему тебя любить, вѣдь ты ему въ матери годишься“.

Съ баронессой, которая была ея моложе лѣтъ на тридцать, генеральша представляла во всемъ самый разительный контрастъ. На сколько первая была легкомысленна и довѣрчива, на столько вторая была осторожна и подозрительна. Софья Александровна, будучи чисто русскаго происхожденія, носила по мужу нѣмецкій титулъ и фамилію. Вторая была нѣмка, но фамилія у нея была русская, ее звали Варварой Николаевной Медовой. Баронесса постоянно говорила про себя и про барона, про свои дѣла, мечты и надежды, не заботясь о томъ, кто ее слушаетъ; генеральша же про себя никогда не говорила, а все только разспрашивала, и такъ настойчиво, съ такимъ назойливымъ терпѣніемъ, что, въ концѣ концовъ, ей удавалось развязать языкъ у самаго скрытнаго человѣка. Казалось, будто другой цѣли въ жизни у нея нѣтъ, какъ узнавать вдоль и поперегъ людей, сталкивающихся съ нею на пути жизни, чтобы извлечь изъ нихъ посильную для себя пользу.

Изъ этого тріо всѣхъ моложе была княгиня. Этотъ полудикій продуктъ Кавказа представлялъ изъ себя на первый взглядъ смѣсь уѣздной львицы съ нигилисткой послѣдняго разбора, изъ тѣхъ, что считаютъ доблестью бѣжать изъ родительскаго дома куда бы то ни было, хотя бы на спичечную фабрику, лишь бы не заслужить позорной клички „отсталыхъ“. Прирожденная ея страсть къ пестрымъ тряпкамъ, безобразнымъ модамъ, публичнымъ увеселеніямъ, къ шуму, бѣготнѣ, тѣснотѣ, толкотнѣ и непремѣнно съ кавалерами и съ молодыми, уживалась какъ нельзя лучше съ способностью зубрить, выдерживать экзамены и даже практиковать, не такъ часто, какъ было бы желательно для поправленія ея финансовъ, но тѣмъ не менѣе, она, вѣроятно, при случаѣ дѣйствовала не хуже другихъ, ей подобныхъ. Къ сожалѣнію, дѣйствовать приходилось черезчуръ рѣдко. Противные эгоисты му-

щины лучшую практику забирали себѣ, а публика, не только русская, но и во всѣхъ остальныхъ странахъ свѣта, на столько тупа и неразвита, что питаетъ больше довѣрія къ акушерамъ, чѣмъ къ акушеркамъ. Это возмутительно, но что прикажете дѣлать. Разумѣется, со временемъ, когда женскій вопросъ достаточно разовьется, такого безобразія уже не будетъ, но теперь пока...

Впрочемъ, княгиня и теперь не унывала, и существуя изо дня въ день эксплоатаціей знакомыхъ, которыхъ у нея распложалось со дня на день все больше и больше, она, въ полномъ смыслѣ этого слова, жила въ свое удовольствіе. Утромъ—лекціи, хожденіе по клиникамъ, по больницамъ, столкновенія съ докторами, студентами, студентками, вперемежку съ другими, ни къ какой ученой корпораціи не принадлежавшими знакомыми; къ однимъ зайдетъ чаю напиться, къ другимъ позавтракать, къ третьимъ пообѣдать. Мимоходомъ заглянетъ на выставку, въ публичную библіотеку, въ булочную Филиппова или Исакова, и всюду встрѣчи съ знакомыми, на каждомъ шагу знакомые. Сговариваются, куда идти вечеромъ. Одинъ предлагаетъ билеты въ театръ, другой въ концертъ, третій въ оперу. Билеты все даровые. Даже представить себѣ не возможно, какое множество даровыхъ билетовъ расходится ежедневно въ Петербургѣ. Отправляются наслаждаться музыкой или представленіемъ цѣлой гурьбой, въ конкѣ, а оттуда—ужинать куда-нибудь, сегодня въ средній ресторанъ, завтра въ дрянной, смотря по средствамъ того, на чей счетъ производится угощеніе.

Итакъ, изо-дня въ день, цѣлые мѣсяцы и годы.

О прошломъ своемъ княгиня вспоминать не любила, изъ настоящаго старалась извлечь какъ можно больше сладкаго и веселаго, а въ туманѣ будущаго ей мерещились счастливыя случайности въ родѣ выигрыша на несуществующій билетъ, или вдругъ за нею пришлетъ богатый больной, которому она такъ понравится, что онъ духовное завѣщаніе сдѣлаетъ въ ея пользу, или знаменитый докторъ въ нее внезапно влюбится, начнетъ ей покровительствовать и отрекомендуетъ ее сразу ко всѣмъ богатымъ роженицамъ въ Петербургѣ. Бывали такіе примѣры, надо только выждать случай и не упускать его, когда онъ представится. А пока, все-таки весело, есть у кого и поѣсть и полакомиться, и шляпку, и платье выпросить, когда нужно, и денегъ немного въ видѣ займа выклянчить на конку

или на извощика. Билеты даровые всюду можно достать, были бы только связи. — А связи завести это ужь отъ каждаго человѣка зависитъ, говорила она, усѣвшись на моей кровати съ папироской въ зубахъ. — Тѣмъ-то Петербургъ и хорошъ, что всѣ здѣсь могутъ удовольствіями пользоваться, и бѣдные, и богатые, была бы лишь охота.

И въ подтвержденіе своихъ словъ, она вытаскивала изъ кармана грязной, пестрой юбки (у нея было особенное пристрастіе къ пестрымъ тряпкамъ) разноцвѣтныя бумажки, которыя протягивала на раскрытой ладони:—

— Вотъ, хотите? Эти въ благородку, а эти въ прикащичій. А вотъ на концертъ три, а эти на литературный вечеръ въ клубѣ, выбирайте!

Хотя я всегда отказывался, но это ей не мѣшало возобновлять свои предложенія.

— Вы, можетъ быть, потому сидите дома, что шикарнаго костюма у васъ нѣтъ? Вотъ и баронъ также... Такъ вѣдь это глупости, рѣшала она, не дождавшись моихъ возраженій. — Развѣ не все равно смотрѣть на представленіе, или слушать музыку, въ хорошемъ или въ дурномъ платьѣ? Рѣшительно все равно, философствовала она, - я по себѣ сужу. Въ чемъ сплю; въ томъ и хожу, хоть во дворецъ меня позови—ни за что не переодѣнусь, очень нужно!

Отъ нея всегда пахло какой-то карболкой такъ отвратительно, что послѣ ея посѣщеній приходилось немедленно провѣтривать комнату.

Это было ужасно противно и у меня морозъ подиралъ по кожѣ, когда я слышалъ по корридору шлепанье ея туфель, но выгнать ее разъ навсегда не хватало духу, она была такъ жалка своею дѣтскою безпечностью и непониманіемъ своего положенія; всѣ относились къ ней съ такимъ презрѣніемъ и такъ безжалостно ее вышучивали. Громкій титулъ и звучная фамилія точно на смѣхъ ей были даны, чтобъ еще ярче выставить ея физическое безобразіе и нравственное убожество. — Злость брала на ея родныхъ, на ея мужа, на всѣхъ, имѣвшихъ возможность удержать ее отъ позора и не сдѣлавшихъ этого.

У меня завелись знакомые между докторами и студентами, всѣ ее знали, и у каждаго являлась насмѣшливая улыбка на губахъ при напоминаніи объ ней.

Собой она была положительно дурна и сложена безобразно; другихъ чувствъ кромѣ отвращенія или жалости она ни въ

комъ возбудить не могла, но она была такъ далека отъ того, чтобы сознавать то, что съ восторгомъ повторяла пошлые комплименты и признанія въ любви, которые ей дѣлали на смѣхъ разные шалопаи, и мечтала о романическихъ приключеніяхъ. Даже титулованный Альфонсъ, супругъ Софьи Александровны, смотрѣлъ на нее, какъ на шутиху, и считалъ себя въ правѣ презирать ее, а она серьезно мнила себя передовой женщиной, которой общество обязано вмѣнять въ заслугу то, что она бросила семью, вытвердила гинекологію, дисмургію и тому подобныя премудрости, получила дипломъ и въ ожиданіи практики, которой можетъ быть никогда не будетъ, развлекается съ утра до вечера даровыми зрѣлищами и питается подачками равнодушной ко всякимъ общественнымъ безобразіямъ толпы.

VII.

Не взирая на частыя и шумныя ссоры, между этими тремя представительницами женской эмансипаціи было слишкомъ много общаго, онѣ были слишкомъ нужны другъ-другу, чтобы долго враждовать между собою. Но что всего крѣпче соединяло ихъ,—это была общая слабость къ барону. На баронессу можно было злиться и негодовать, возмущаться ея легкомысленнымъ обращеніемъ съ чужою собственностью, ея назойливостью, но барону, который всѣмъ этимъ пользовался, никто въ вину не ставилъ ни эгоизма его, ни лѣни; онъ былъ такъ красивъ собой, такъ прекрасно воспитанъ, держалъ себя съ такимъ достоинствомъ, что ему все прощалось. Даже въ самый разгаръ ссоры съ его женой, генеральша заботилась о томъ, чтобы достать ему книги, которыя онъ желалъ прочесть, а княгиня бѣгала по всему Петербургу за даровымъ билетомъ для него въ какое-нибудь увеселительное заведеніе.

„Нашъ баронъ“ иначе его въ квартирѣ не называли, и когда онъ появлялся въ дверяхъ своей комнаты въ модномъ сюртукѣ, безукоризненномъ бѣльѣ, съ блестящимъ цилиндромъ въ рукахъ, обтянутыхъ свѣжими перчатками и, не возвышая голоса, но съ внушительною твердостью отчеканивая слова, произносилъ:—„Даша, подайте мнѣ пальто“, въ прихожую бѣжала сломя голову не одна только Даша, а также выползали изъ своихъ жилищъ и генеральша, и княгиня, бросала стряпню у плиты и хозяйка, чтобы взглянуть на него, спро-

сить, куда онъ идетъ, когда вернется и пожелать ему удачи и удовольствія. Милостивымъ кивкомъ поблагодаривъ за вниманіе, онъ назначалъ часъ своего возвращенія и внимательно оглядѣвъ калоши и пальто, прежде чѣмъ надѣть ихъ, уходилъ.

И Боже сохрани, если замѣтитъ грязь на калошахъ или пылинку на пальто! И Дашѣ и хозяйкѣ легче было бы, чтобъ онъ ихъ прибилъ, чѣмъ слышать укоризненное: „почистите" изъ его устъ. Всѣ тогда кидались за щеткой. А онъ стоялъ въ величественной позѣ среди прихожей и ждалъ съ такимъ видомъ, который яснѣе всякихъ словъ говорилъ: „надо имѣть дьявольское терпѣніе съ такою сволочью, ну что жъ, дѣлать нечего, потерпимъ".

Довольно долго прожилъ я съ этимъ субъектомъ подъ одной кровлей, не знакомясь съ нимъ, такъ что можно было, встрѣчаясь на улицѣ, не раскланиваться другъ съ другомъ. Болѣе близкихъ отношеній онъ повидимому избѣгалъ точно также старательно, какъ и я, по крайней мѣрѣ мнѣ не разъ случалось замѣтить, что при встрѣчахъ на крыльцѣ, на лѣстницѣ или въ корридорѣ, онъ поспѣшно отворачивался, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ меня, за что я ему былъ весьма благодаренъ. Но все-таки въ концѣ-концовъ случилось такъ, что насъ другъ-другу представили.

VIII.

Въ одно прекрасное воскресенье, возвращаясь отъ земляка, недавно пріѣхавшаго изъ провинціи—и котораго я не засталъ, мнѣ объявили, что ко мнѣ пришелъ гость.

— Только-что вы ушли, а они и позвонились, объявила Даша, снимая съ меня верхнее платье.

— Вы попросили его подождать?

— Точно такъ-съ. Я имъ сказала, что вы скоро назадъ будете. Они хотѣли было въ вашу комнату пройти, да въ корридорѣ ихъ Софья Александровна перехватили и къ себѣ повели.

Не успѣлъ я опомниться отъ этого извѣстія, какъ дверь, за которой раздавался шумный говоръ и смѣхъ, растворилась, изъ нея выскочила баронесса, схватила меня за руку и потащила за собой.

— Ага, попались! Теперь ужь не отвертитесь. Вашъ прія-

тель у насъ, мы его полюбили, онъ славный... Господа, веду къ вамъ плѣнника.

Я очутился въ большой комнатѣ, перегороженной на двѣ неровныя половины драпировкой, съ мебелью, обитой трипомъ, и съ каминомъ, у котораго пріятель мой, очень застѣнчивый и щепетильный молодой человѣкъ, разговаривалъ съ барономъ. За ними, ближе къ двери, жалась фигура съ типичной еврейской физіономіей, въ грязномъ потертомъ сюртукѣ и съ вязанымъ синимъ шарфомъ вокругъ шеи. Дальше, на диванѣ, придвинутомъ къ перегородкѣ, генеральша подвергала строгому допросу молоденькую барышню въ шапочкѣ и дорожномъ костюмѣ. Она сидѣла выпрямившись, держа сумочку на колѣняхъ, робко озираясь по сторонамъ и краснѣя подъ пристальнымъ взглядомъ своей собесѣдницы.

У двери стояла корзинка, тщательно увязанная бичевкой. Едва переступилъ я порогъ комнаты, какъ корзина эта бросилась мнѣ въ глаза. Потому, можетъ быть, что и баронъ, и жидъ, и пріятель мой, а также и барышня въ шапочкѣ часто на нее поглядывали.

— Я вамъ говорила, что залучу его, вотъ и залучила. Позвольте васъ познакомить: баронъ, мой мужъ; м-сье Либерзонъ, говорила баронесса торжествующимъ тономъ, представляя меня сначала мужчинамъ, стоявшимъ у камина, а затѣмъ, послѣ того какъ я имъ пожалъ руки, она повела меня къ дамамъ.

— Генеральшу вы знаете, а это...

Она замялась.

— Бѣловолоцкая, тоненькимъ голоскомъ и вспыхивая до ушей, поторопилась напомнить барышня въ шапочкѣ.

— Да, да, я все забываю. А имя ваше?

— Катерина Галактіоновна.

— Ну, это слишкомъ длинно. Мы васъ будемъ звать котеночкомъ, хотите? Это и короче, и милѣе. Да и подходитъ къ вамъ больше, не правда ли, господа? обернулась она къ мужчинамъ.

Баронъ снисходительно улыбнулся. Ему барышня видимо нравилась, онъ не спускалъ съ нея глазъ. Жидъ, осклабляясь, издалъ какой-то неопредѣленный гортанный звукъ, а пріятель мой дѣлалъ мнѣ какіе-то тревожные знаки, на которые я, тоже знаками, приглашалъ его имѣть терпѣніе.

Барышня смутилась пуще прежняго и вдругъ съ отчаянною

рѣшимостью поднялась съ мѣста, надѣла свою сумочку черезъ плечо и объявила, что ей пора ѣхать.

— Пора... поздно будетъ—меня ждутъ, пролепетала она безсвязно.

Ее стали удерживать.

— Что вы, что вы? Да княгиня должна сейчасъ быть, вскричала баронесса.

— Нѣтъ ужь пожалуйста, пустите меня, мнѣ ее не дождаться, волновалась несчастная барышня.

— Да вы хоть позавтракайте съ нами, настаивала баронесса.

— Благодарю васъ, я не голодна, мнѣ надо ѣхать...

Но генеральша, схвативъ ее за обѣ руки, силой усадила на прежнее мѣсто.

— Вотъ глупости! Сидите, чего вы всполошились, куда вамъ торопиться? объявила она такимъ рѣшительнымъ тономъ, что барышня совсѣмъ растерялась.

— Меня ждутъ... Мамаша телеграфировала тетенькѣ Марьѣ Семеновнѣ, ужь совсѣмъ жалобно, со слезами въ голосѣ, пропищала она.

— Зачѣмъ вамъ къ Марьѣ Семеновнѣ?

— Мы сговорились вмѣстѣ въ деревню къ дядѣ ѣхать. Онъ подставу выставилъ. До Луги по желѣзной дорогѣ, а тамъ на своихъ.

— Успѣете еще, поѣздъ вечеромъ поздно отходитъ, мы васъ безъ завтрака не отпустимъ.

— Да вы навѣрное знаете, что княгиня скоро придетъ?

— О, да, она сейчасъ должна быть.

Что онѣ дальше говорили, я не могъ разслышать въ точности. Мой пріятель, воспользовавшись тѣмъ, что его перестали занимать, подошелъ ко мнѣ и отвелъ меня въ противуположный уголъ комнаты.

— Послушай, началъ онъ шепотомъ,—что это за странный народъ?..

— Зачѣмъ ты сюда пришелъ? съ досадой перебилъ я.

— Помилуй, да развѣ можно было отъ нея отвязаться! Она какъ клещъ въ меня впилась... на тебя ссылалась, я совсѣмъ растерялся... А тутъ эта барышня, мнѣ, признаться сказать, захотѣлось знать, что онѣ съ нею сдѣлаютъ... Въ первый разъ вижу такое общество.. точно разбойничій притонъ какой-то, преинтересно.

— Ну, а мнѣ вовсе не интересно. Намъ здѣсь дѣлать нечего, пойдемъ ко мнѣ.

Но меня не слушали; съ любопытствомъ озираясь, то на группу у камина, то въ ту сторону, гдѣ, по типичному выраженію хозяйки, генеральша съ баронессой „обволакивали" свою жертву, онъ продолжалъ свои наблюденія.

Почтеннымъ дамамъ удалось поставить на своемъ, барышня не рвалась больше съ мѣста, сидѣла тихохонько, съ выраженіемъ тупой покорности на лицѣ.

А у ломбернаго стола, тѣмъ временемъ шла дѣятельная возня. Даша раскрыла его, накрыла скатертью и уставляла посудой, которую подавала ей изъ корридора хозяйка съ серьезнымъ лицомъ, сурово сдвинувъ брови и озабоченно поджавъ губы.

На столѣ появилась и водка.

— Ну, пойдемъ же отсюда, повторялъ я съ досадой моему пріятелю.

Но его уже нельзя было сдвинуть съ мѣста, такъ какъ заинтересовался онъ тѣмъ, что происходило вокругъ насъ. Теперь онъ слѣдилъ за баронессой, которая торопливо пробиралась къ тому мѣсту, гдѣ шли приготовленія къ завтраку.

— Посмотри, посмотри, она въ ея корзинкѣ роется, шепнулъ онъ мнѣ, указывая на баронессу.

Она опустилась на колѣни передъ корзинкой и, проворно развязавъ ее, вынимала изъ нея свертокъ за сверткомъ.

Съ того мѣста, гдѣ мы стояли, видны были только ея жирныя плечи, да ловко дѣйствующія руки. Каждый свертокъ, предварительно обнюхавъ его, она быстро развертывала и вынутый изъ бумаги предметъ совала Дашѣ, которая исчезала съ нимъ за дверь, а черезъ минуту снова являлась съ икрой, сыромъ, ветчиной и другими вкусными вещами, опрятно разложенными на тарелкахъ.

Такимъ образомъ мало по малу столъ украсился на славу.

Поглядывая на него, Либерзонъ, ухмыляясь, весело потиралъ руки; баронъ, покручивая свой длинный шелковистый усъ, продолжалъ магнетизировать барышню пристальнымъ ласковымъ взглядомъ, а пріятель мой негодовалъ все сильнѣе и сильнѣе.

— Да вѣдь это денной грабежъ! Посмотри, она у нея все изъ корзинки выбрала, все до послѣдней крошки, шепталъ онъ мнѣ.

Дѣйствительно, въ корзинкѣ должно быть ничего больше

не осталось. Баронесса поспѣшно запихивала въ нее просаленныя бумажки, въ которыя была завернута провизія, бичевочки, которыми она была перевязана, и, захлопнувъ плотно крышку, поднялась съ полу.

Барышня не могла видѣть, какъ ее обирали; сидѣвшая передъ нею генеральша не давала ей обернуться въ ту сторону, гдѣ происходилъ грабежъ. Она закидывала ее вопросами:—У вашихъ родителей свой домъ въ Самарѣ? А имѣніе далеко? Сколько приноситъ оно доходу? Гдѣ будете вы жить, вернувшись изъ деревни? Почему вы поступаете на педагогическіе курсы, а не на бестужевскіе? Для чего вамъ нужно видѣть княгиню? Дѣло какое-нибудь до нея есть?

А когда барышня отвѣчала, что княгиня взяла у нея денегъ въ долгъ, на недѣлю, и что теперь ей крайне нужны эти деньги, генеральша издала какое-то неясное хрюканье. На лицѣ барышни выразился испугъ, и она подняла умоляющій взглядъ на барона. Онъ все съ тѣмъ же тупымъ выраженіемъ лица ей улыбнулся, но лицо это было такое красивое, осанка такая мужественная и фигура его въ модномъ сюртукѣ казалась такой элегантной и комильфотной, что тревога ея поуспокоилась немного. Однако, она все-таки, не безъ волненія, спросила:—Вѣдь княгиня мнѣ отдастъ мои деньги; не правда ли? Мнѣ не съ чѣмъ будетъ вернуться отъ дяди, если она мнѣ туда не вышлетъ то, что она у меня взяла.

— Разумѣется, отдастъ, съ апломбомъ отвѣчала генеральша,—вы только оставьте свой адресъ, мы ей передадимъ.

Баронъ все продолжалъ улыбаться, покручивая усъ, а барышня, чаще чѣмъ слѣдовало, вскидывала на него недоумѣвающій взглядъ своихъ наивныхъ, карихъ глазъ.

— Я тутъ былъ, когда онѣ ее затащили сюда, объяснялъ мнѣ тѣмъ временемъ мой пріятель.—Мы вмѣстѣ съ нею вошли въ домъ и вмѣстѣ поднялись по лѣстницѣ. Съ нею поступили точно также, какъ со мною. Она спросила княгиню, ей сказали, что дома нѣтъ, и вдругъ, выскочила эта старая стрекоза, кивнулъ онъ на генеральшу, а за нею и лодарь этотъ выползъ изъ комнаты. Сейчасъ это окружили бѣдняжечку, заговорили всѣ разомъ и повели сюда. Корзину ея сначала было понесъ еврей, да баронесса перехватила ее у него изъ рукъ, понюхала...

— И рѣшила, что это сама судьба имъ на бѣдность вкусный завтракъ посылаетъ, подсказалъ я.

— Именно такъ. Бѣдняжка, сейчасъ они станутъ ее угощать ея же добромъ.

Но вышло не совсѣмъ такъ. Переглянувшись между собой, баронесса съ генеральшей рѣшили, что барышню пора выпроводить, и въ ту самую минуту, когда баронъ съ евреемъ приближались къ столу, чтобы сѣсть и начать закусывать, генеральша объявила, что скоро два часа, и что мѣшкать нечего, если надо поспѣть къ отходу поѣзда.

— Княгиня врядъ-ли вернется раньше вечера, прибавила она, ни мало не стѣсняясь тѣмъ, что нѣсколько минутъ тому назадъ она утверждала противное.

На миловидномъ личикѣ барышни выразилась такая растерянность, что ее жалко стало.

Но генеральша была не изъ чувствительныхъ.

— Вамъ нечего ее ждать, вы только-только успѣете доѣхать до вокзала, продолжала она нетерпящимъ противорѣчій тономъ:—Вѣдь вамъ надо еще куда-то заѣхать?

— Къ тетѣ Марьѣ Семеновнѣ, чуть слышно вымолвила барышня.

— Ну, вотъ видите. Вѣдь она на Васильевскомъ островѣ живетъ?

— Нѣтъ, на Николаевской.

— Ну, все равно. Если станете прохлаждаться, вамъ не поспѣть. Поѣздъ отходитъ въ 3 часа.

— Да вѣдь есть еще 6-ти-часовой, нерѣшительно сказала озадаченная барышня.

— Никакого 6-ти-часоваго теперь нѣтъ, росписаніе давно перемѣнено, отрѣзала генеральша.

— Да какъ же, я еще на прошлой недѣлѣ...

— Говорятъ вамъ, что поѣздъ отходитъ въ 3 часа, ужь совсѣмъ сердито прервала ее генеральша,—что вы спорите, я лучше знаю.

И чтобы дать ей понять безполезность дальнѣйшихъ препирательствъ, генеральша поднялась съ мѣста.

Барышня бросала полные отчаянія взгляды на барона:— „Что жъ это онѣ со мной дѣлаютъ? Ты такъ ласково на меня смотришь, заступись же за меня",—говорилъ этотъ взглядъ.

Но генеральша тоже на него смотрѣла. И такъ выразительно, что улыбка, блуждавшая на его губахъ, исказилась въ гримасу. Съ досадой передернувъ плечами, онъ повернулся къ

столу, за которымъ уже угощалась жена его съ Либерзономъ, налилъ себѣ большую рюмку водки и выпилъ ее залпомъ.

Однако, когда генеральша вывела барышню изъ комнаты, онъ не выдержалъ, бросилъ тартинку съ икрой, которую началъ было ѣсть, и отправился въ прихожую.

За нимъ послѣдовали, съ салфетками въ рукахъ, и баронесса съ жидомъ.

Тутъ произошелъ тотъ инцидентъ, который имѣлъ роковое вліяніе на ходъ послѣдующихъ событій.

Вся компанія питала смутную надежду на то, что въ торопяхъ барышня забудетъ про свою корзину, но не взирая на смущеніе и волненіе, въ которомъ держала ее генеральша, ни на секунду не перестававшая закидывать ее словами, она вспомнила про свой багажъ и хотѣла вернуться за нимъ. Дѣлать нечего, пришлось принести корзину. Но въ ту самую минуту, когда она уже протягивала руку, чтобъ ее взять, баронъ перехватилъ корзину у Либерзона, поспѣшно снялъ съ вѣшалки свое пальто и, предложивъ другую руку барышнѣ, объявилъ, что проводитъ ее до извощика.

Все это произошло съ такой быстротой, что когда присутствующіе въ недоумѣніи переглянулись, отъ нихъ и слѣдъ простылъ.

Первая опомнилась генеральша.

— Вотъ вамъ! злобно расхохоталась она, глядя въ упоръ на баронессу.—И подѣло̀мъ, съ ядовитой ироніей, прибавила она—можно быть воро̀ной, но ужь не до такой степени!

— Да что̀ случилось? Я не понимаю, возразила, растерянно оглядываясь на окружающихъ, баронесса.

— А то и случилось, что онъ поѣхалъ ее провожать, вотъ что, пояснила генеральша.

— Ну вотъ еще глупости!

— Глупости? Нѣтъ, мать моя, это вы только глупости творите, а не я. Я давно замѣтила, какъ онъ смотрѣлъ на нее, пока вы надъ корзинкой-то возились.

— Какъ онъ на нее смотрѣлъ?

— Да такъ же, что ее той же минутой слѣдовало вонъ выпроводить, не ждать, чтобъ онъ распалился—а вы вмѣсто того...

— Да перестаньте пожалуйста, что вы ко мнѣ съ гадостями пристаете, вамъ все только гадости въ голову лѣзутъ, — въ свою очередь возвысила голосъ баронесса.

— Гадости? Мнѣ гадости лѣзутъ въ голову? Хорошо-съ, я

вамъ сейчасъ докажу... Сбѣгите внизъ, Либерзонъ, посмотрите, тутъ ли они еще или уѣхали, приказала еврею, задыхаясь отъ злобы, генеральша.

Онъ повиновался и, вернувшись черезъ минуту назадъ, объявилъ, что баронъ съ барышней сѣли на извощика и уѣхали.

— Ну что? торжествовала генеральша.

— Зачѣмъ же вы его пустили, если знали, что онъ съ нею уѣдетъ, проговорила сконфуженная баронесса.

— Да развѣ это мое дѣло его удерживать? Развѣ я ему жена? завизжала генеральша.—О, еслибъ я была его жена! Еслибъ я была его жена, онъ не посмѣлъ бы у меня за каждой дѣвченкой гоняться, ни за что бы не посмѣлъ, но вы не умѣете съ нимъ обращаться, я вамъ тысячу разъ говорила, что не умѣете! Вы его совсѣмъ распустили.

— Такъ вотъ почему онъ шляпу захватилъ изъ комнаты, выходя сюда, печально припоминала баронесса.

— И пальто не забылъ съ вѣшалки сорвать, подсказала генеральша. И все на немъ новое, съ иголочки. Хорошо, если не вернется по-намеднишнему въ одномъ бѣльѣ.

— Да перестаньте пожалуйста, онъ можетъ быть проводитъ ее и сейчасъ вернется, утѣшала себя баронесса.

— Какъ бы не такъ, таковскій. Нѣтъ ужь, мать моя, сорвался разъ съ цѣпи, такъ не скоро словишь. Да и она не изъ такихъ, чтобы изъ рукъ выпустить. Видна птичка по полету. Къ княгинѣ, видите, ей была надобность, за долгомъ пришла! И кто же этому можетъ повѣрить, дураки развѣ только. Я сейчасъ же догадалась, что она вретъ.

— А я дура, не дальше какъ вчера его часы съ цѣпочкой выкупила! тоскливо застонала баронесса.

— Очень нужно было торопиться!

— Баронъ большой любитель хорошенькихъ женщинъ, позволилъ себѣ вмѣшаться въ разговоръ Либерзонъ.

Но его немедленно заставили раскаяться въ такой смѣлости.

— Оставьте, пожалуйста, не ваше дѣло, всякъ сверчокъ знай свой шестокъ, не безъ достоинства оборвала его генеральша.

— Я свой шестокъ знаю, проворчалъ обиженный еврей.

— А знаете, такъ и сидите на немъ. Удивительно наглый народъ эти жиды, продолжала она по-французски, обращаясь къ баронессѣ,—мы напрасно при немъ такъ откровенно разговариваемъ, онъ начинаетъ зазнаваться.

— Если я вамъ мѣшаю, я могу уйти, объявилъ онъ, догадываясь по выраженію лица генеральши, что рѣчь идетъ объ немъ.

— Ахъ, пожалуйста! Намъ и безъ васъ тошно, отвѣчали ему ужъ совсѣмъ сердито. И обѣ дамы отвернулись отъ него.

Либерзонъ ушелъ, а генеральша осталась у баронессы ждать барона.

Н. СЕВЕРИНЪ.

(Оконч. въ слѣд. №).

*

*
* *

На пути застигла ночь,
Степь кругомъ—бурьянъ...
Дышетъ холодомъ съ рѣки,
Каплетъ сквозь туманъ.
Но какъ будто тамъ,—вдали,
Изъ-подъ этихъ тучъ
За рѣкою—огонька
Вздрагиваетъ лучъ...
И какъ будто, гдѣ-то тамъ
Голоса въ кустахъ...
Пѣсня это или звонъ
У меня въ ушахъ?
Въ рѣку брошусь я,—въ кусты
Брошусь сквозь туманъ—
Впереди тепло и свѣтъ,
На пути—бурьянъ...

Я. ПОЛОНСКІЙ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

Михайловскаго-Данилевскаго.

(Окончаніе).

III.

Графъ Аракчеевъ.—Потерянная библія.—Повелѣніе о Загряжскомъ.—Пребываніе въ Тулѣ.—Пріѣздъ въ Калугу.—Обѣдъ въ Загустинѣ.—Пріѣздъ въ Черниговъ.—Анекдоты о черниговскомъ дворянствѣ.—Неудачный смотръ 24-й дивизіи.—Схимникъ Вассіанъ.—Пребываніе въ Кіевѣ.—Замѣчанія Государя о Малороссіи.—Кіевскія святыни.—Прибытіе въ Александрію.—Къ характеристикѣ Императора Александра.

Тула, 1-го сентября. Вчера рано по утру мы выѣхали изъ Москвы въ Тулу. Въ Серпуховѣ насъ встрѣтили съ искреннею радостью, предлагали разнаго рода закуски, а я дѣлалъ жителямъ разные вопросы объ отечественной войнѣ, ибо нельзя довольно наговориться о семъ великомъ предметѣ, особенно будучи недалеко отъ Нары и Пахры.

Въ пять часовъ послѣ обѣда мы пріѣхали на послѣднюю станцію передъ Тулою; Государь переодѣлся, и хотя во всю дорогу ѣхалъ съ княземъ Волконскимъ, но тутъ посадилъ въ свою коляску графа Аракчеева и съ нимъ въѣхалъ въ Тулу. Вотъ новое доказательство уваженія къ нему Государя и желанія его, въѣзжая въ большіе города вмѣстѣ съ графомъ Аракчеевымъ, показать всей Россіи, до какой степени онъ къ нему привязанъ. Народъ принялъ Его Величество съ обыкновенными въ подобныхъ случаяхъ восклицаніями. Государь поѣхалъ прямо въ соборъ и слушалъ молебенъ, а потомъ въ

[1]) См. „Русск. Вѣстн." Сентябрь. 1890 г.

домъ градскаго головы Бѣлобородова, гдѣ приготовлена была для принятія его квартира.

Вечеромъ я пошелъ къ князю Волконскому и засталъ его очень скучнымъ. На вопросъ мой о причинѣ грусти, онъ отвѣчалъ, „что одинъ изъ служителей Императора потерялъ вторую часть библіи, которую Государь обыкновенно читаетъ и возитъ съ собою въ путешествіяхъ; эта библія на французскомъ языкѣ, переведена Ле-Метръ де-Саси (Le Maître de Sassy)“.

„Бѣда еще не велика, сказалъ, я потому что, зная, что Императоръ любитъ сіе изданіе, которое я неоднократно для него покупалъ въ Вѣнѣ и въ Парижѣ [1]): я имѣю онаго всегда при себѣ по два экземпляра“. — „Но Государь сердитъ, отвѣчалъ мнѣ князь, по той причинѣ, что онъ въ потерянной книгѣ сдѣлалъ много собственноручныхъ замѣчаній“. — Итакъ, подумалъ я, Государь дѣлаетъ замѣчанія на библію! — „Я не постигаю, продолжалъ князь, какъ сіе могло случиться; обыкновенно, когда мы выѣзжаемъ изъ какого-нибудь города, и когда всѣ вещи бываютъ уложены, то въ то время Государь самъ отдаетъ библію камердинеру и поручаетъ имѣть объ оной особенное попеченіе“. Сейчасъ отправили фельдъегеря къ московскому оберъ-полицеймейстеру съ приказаніемъ стараться отыскать библію; на другой день ее нашли: слуга, торопясь въ дорогу, положилъ ее въ мѣшокъ, привязанный къ козламъ, и объ ней забылъ.

Сего же вечера послано повелѣніе къ московскому главнокомандующему графу Тормасову, въ которомъ сказано, что Государемъ замѣчено, что нѣкто Загряжскій, бывшій прежде при дворѣ шталмейстеромъ и находившійся при Наполеонѣ въ 1812 году въ Москвѣ, носитъ придворный шталмейстерскій мундиръ. Государь, признавая его недостойнымъ онаго, повелѣваетъ графу Тормасову объявить Загряжскому, чтобы онъ мундира сего впредь не носилъ.

На другой день нашего пріѣзда въ Тулу, Государь осматривалъ общественныя заведенія и, между прочимъ, оружейный заводъ, о коемъ сказалъ: „это старикъ въ дѣтствѣ“. Одна изъ главныхъ причинъ упадка завода состоитъ въ томъ, что

---

[1]) Оно печатано въ Парижѣ 1776 года въ четырехъ частяхъ, и нынѣ въ Москвѣ велѣно было купить мнѣ сего же изданія пять экземпляровъ.

прежде на немъ дѣлали ежегодно тридцать двѣ тысячи, а теперь выработываютъ до ста тысячъ ружей, слѣдственно поспѣшность препятствуетъ чистой отдѣлкѣ оружія. Я думаю, что не мало способствовало неудовольствію Императора извѣстіе, что за нѣсколько времени мастеровые взбунтовались и подали прошеніе великому князю Николаю Павловичу въ проѣздъ его чрезъ Тулу. Они хотѣли выпрячь лошадей у коляски Государя и въ сіе время представить свои жалобы. Начальствующій заводомъ генералъ Вороновъ не можетъ удержать ихъ въ границахъ повиновенія; онъ такъ мало на себя надѣется, что наканунѣ пріѣзда Императора онъ созвалъ оружейниковъ и хотѣлъ, чтобы они отдали ему для прочтенія просьбу, изготовленную для Его Величества; когда они ему въ семъ отказали, то онъ имъ божился, что ее не издеретъ, и, что, если они ему не вѣрятъ, то чтобы связали ему руки. При посѣщеніи завода Государь ковалъ собственноручно съ нѣкоторыми оружейниками, за что пожаловалъ имъ четыреста рублей. Вообще дѣла въ Тульской губерніи чрезвычайно разстроены; мошенничество гражданскихъ чиновниковъ и безнравственность ихъ превзошли всякую мѣру. Недавно опредѣлили сюда губернаторомъ Лагоду, извѣстнаго своею честностью, но онъ нашелъ такую во всемъ запутанность, что въ непродолжительномъ времени сошелъ съ ума.

Потомъ было представленіе, а послѣ обѣдъ у Государя, къ которому, кромѣ почетнѣйшихъ чиновниковъ, приглашены были нѣсколько членовъ Тульскаго библейскаго общества. Вотъ имена присутствовавшихъ за обѣдомъ: преосвященный, губернаторъ Оленинъ, вице-губернаторъ Колюпановъ, дворянскій предводитель Похвисневъ, генералъ-маіоры: Вороновъ, Дистерло и Апухтинъ, полковники внутренней стражи Апостольевъ и Меринскій, градской голова Бѣлобородовъ, помѣщики: генералъ-лейтенантъ Исленьевъ, Бибиковъ, Безобразовъ, Игнатьевъ, Пашковъ, двое Арсеньевыхъ; свита Государя: графъ Аракчеевъ, Уваровъ, князь Волконскій, князь Меньшиковъ, Виллье и я.

Вечеромъ былъ балъ. Государь приказалъ мнѣ начинать польское. Не оглядываясь назадъ, я шелъ очень скоро; Императоръ отсталъ отъ меня и потомъ сказалъ дамѣ, съ которою танцовалъ: „le colonel Danilefsky est un excellent officier, mais un mauvais danseur“.

Калуга, 2 сентября. Я отправился сегодня изъ Тулы часу въ

восьмомъ поутру и встрѣчалъ на дорогѣ много помѣщиковъ, выѣхавшихъ навстрѣчу Государю. Земли въ губерніяхъ, лежащихъ по ту сторону Москвы, несравненно плодороднѣе и лучше воздѣланы, нежели тѣ, которыя ближе къ Петербургу; хлѣбопашество вблизи нашей сѣверной столицы есть почти насиліе, дѣлаемое природѣ. Въ Калугѣ Государю приготовлена была квартира у богатаго купца Золотарева; онъ платилъ ежегодно одной пошлины за свои товары до четырехъ сотъ тысячъ рублей. Я съ нимъ и съ родственниками его много разговаривалъ о торговлѣ и съ удовольствіемъ слушалъ здравыя сужденія ихъ. Нельзя представить себѣ гостепріимства Золотарева; онъ не только выписалъ изъ Москвы для принятія Государя услугу, поваровъ, лучшіе припасы и плоды, но даже одарилъ всѣхъ, сопровождавшихъ Императора, чаемъ и сукномъ, коими онъ торгуетъ, а услугу—деньгами.

Загустино, 4 сентября. Вчера поутру мы выѣхали изъ Калуги и слѣдовали сперва большою дорогою чрезъ Масальскъ и Рославль, а потомъ проселками до Загустина, куда прибыли вчера вечеромъ, и гдѣ поселенъ баталіонъ Елецкаго пѣхотнаго полка. Я сегодня имѣлъ честь обѣдать съ Императоромъ; между прочимъ Его Величество сказалъ о поселеніяхъ: „если мнѣ удастся назначить для войскъ достаточное количество земли, то они не будутъ болѣе вести кочующаго образа жизни".

Дорогою Его Величество кушалъ чай у помѣщика Зыкова; дочь его, дѣвица лѣтъ восемнадцати, была въ такомъ восхищеніи отъ Государя, что, когда онъ уѣхалъ, она поцѣловала то мѣсто на полу, на которомъ стоялъ Государь; я этому былъ свидѣтель.

Сентября 6. Изъ Загустина мы поѣхали чрезъ Бѣлицы въ Черниговъ, куда прибыли сегодня. Уже верстъ за сто, не доѣзжая до Чернигова, становится примѣтно различіе въ климатѣ, которое дѣлается ощутительнѣе по мѣрѣ приближенія къ сему городу. Другія деревья, другія произрастенія, другой народъ, и земля несравненно лучше обработана. Малороссіяне имѣютъ совсѣмъ особливый видъ отъ русскихъ: нашъ крестьянинъ смѣтливѣе, живѣе, но малороссійскій благоразумнѣе, наружность его, при всей неопрятности, важна и имѣетъ нѣчто гордое, обнаруживающее въ немъ чувство къ свободѣ, которою онъ долгое время пользовался; видно, что онъ понимаетъ, что у него есть права, и что онъ долженъ быть под-

чиненъ не волѣ господина своего, а силѣ закона. Голосъ ихъ звученъ, взглядъ мраченъ, но значителенъ, походка медленна, но тверда. На разные вопросы, которые я имъ дѣлалъ, они отвѣчали мнѣ безъ торопливости, но разсудительно.

Мы пріѣхали въ Черниговъ часу въ восьмомъ вечера и остановились у помѣщика Милорадовича, двоюроднаго брата нашего героя, графа Михаила Андреевича, куда вскорѣ собрались первые чиновники губерніи. Они всѣ были въ неописанной робости и не знали, какъ встрѣтить Императора; хозяйка дома, госпожа Милорадовичева, сестра министра графа Кочубея, спросила меня робкимъ голосомъ, когда я ее позвалъ къ Его Величеству, какимъ образомъ при входѣ въ комнату къ Государю ей надлежало поклониться, „по русскому ли обыкновенію, или по французскому,“ и на отвѣтъ мой, что я различія сего не понимаю, она сказала мнѣ украинскимъ нарѣчіемъ, что французскій поклонъ состоитъ въ присѣданіи, а русскій въ наклоненіи головы. Потомъ Государь принималъ чиновниковъ, дворянъ, купечество, нѣжинскихъ грековъ и евреевъ, и всѣхъ отмѣнно ласково, особенно же помѣщиковъ, которыхъ благодарилъ за пожертвованія, дѣланныя ими въ 1812 году. Дворянъ было не болѣе двадцати человѣкъ, хотя на выборахъ собирается ихъ до шести сотъ. Они извинялись въ малочисленности тѣмъ, что не всѣ были повѣщены о прибытіи монарха, и недостаткомъ въ шелковыхъ чулкахъ, которыхъ ни въ городѣ, ни въ окрестностяхъ, по ихъ словамъ, будто бы купить нельзя.

Сентября 7. Сегодня въ шесть часовъ утра былъ смотръ 24 дивизіи генерала Ратта, женевскаго уроженца. Къ несчастью, произошло недоразумѣніе, когда посылали къ полкамъ приказаніе собраться, почему они не были еще на своихъ мѣстахъ къ прибытію Государя. Можно легко вообразить, сколь Его Величество былъ симъ недоволенъ; онъ сказалъ Ратту, „что въ военное время лучшія распоряженія останутся безуспѣшны, ежели войска будутъ опаздывать“, и велѣлъ на мѣсто его назначить другаго дивизіоннаго начальника.

Послѣ смотра мы поѣхали въ Кіевъ, куда прибыли подъ вечеръ. Прелестныя окрестности Кіева извѣстны, но я не столько любовался ими, какъ радовался увидѣть древнюю столицу Россіи, которая, подобно многимъ стариннымъ городамъ нашимъ, ожидаетъ только ученаго археолога для обогащенія нашей исторіи любопытнѣйшими свѣдѣніями. Немедленно по

прибытіи въ Кіевъ Государь посѣтилъ славящагося своею святою жизнью схимника Вассіана, провелъ съ нимъ довольно долго и пожаловалъ ему крестъ, а родственниковъ его велѣлъ на казенный счетъ отправить въ Петербургъ для опредѣленія ихъ въ службу. Въ то же время Его Величество приказалъ послать въ Кіево-Печерскую лавру двѣсти червонныхъ вкладу.

Помѣщаю здѣсь росписаніе занятій для Государя во время Высочайшаго пребыванія въ Кіевѣ.

Поутру.

Пятница 8. Разводъ и обѣдня въ Софійскомъ соборѣ.

Суббота 9. Арсеналъ, коммисаріатъ и военно-сиротское отдѣленіе.

Воскресенье 10. Большой разводъ, городская больница, обѣдня въ Печерскомъ соборѣ, Михайловскій монастырь и церковь св. Андрея Первозваннаго.

Послѣ обѣда.

Гимназія и дворцовый садъ.

Балъ у генерала Раевскаго, командующаго войсками, здѣсь расположенными.

Балъ у дворянства.

Поутру. Понедѣльникъ 11. Разводъ, военный гошпиталь, воспитательный домъ и звѣринцовскія укрѣпленія.

Сентября 8. Сегодня я обѣдалъ съ Государемъ. Его Величество по обыкновенію началъ разсказывать о смотрѣ при Вертю; вотъ уже четыре обѣда сряду, что онъ о семъ говоритъ. Потомъ рѣчь коснулась до хозяйства, и Государь возставалъ съ жаромъ противъ винокуренія и винныхъ откуповъ: „первые, сказалъ онъ, привели Малороссію въ совершенное изнеможеніе, она находится въ такомъ положеніи, какъ человѣкъ разслабленный (elle est dans un état d'appatie). Но нельзя пенять на помѣщиковъ, что они обратили вниманіе свое на сію отрасль промышленности, казна даетъ имъ въ семъ примѣръ; главнѣйшій доходъ ея состоитъ въ откупѣ, министръ финансовъ называетъ оный жемчужиною нашихъ доходовъ. Можно малороссіянамъ обратить капиталы свои на другія отрасли промышленности, напримѣръ, на конскіе заводы; но теперь сему препятствуетъ запрещеніе продавать заграницу лошадей. Сему запрещенію, сдѣланному покойнымъ Императоромъ, служило поводомъ то, что цѣна лошадей для конницы была слишкомъ высока, а другою причиною то, чтобы

лишить сосѣдей нашихъ русскихъ лошадей. Похваляя первую изъ нихъ, я признаю вторую несправедливою, потому что, если сосѣди не могутъ у насъ покупать лошадей, то они купятъ ихъ въ другомъ мѣстѣ. Но я нахожусь принужденнымъ запретить продажу заграницу лошадей, потому что ремонтъ оныхъ для кавалеріи сталъ безъ того бы очень дорогъ. Чтобы отвратить сіе неудобство и въ то же время дать способы помѣщикамъ завести конскіе заводы, нужно напередъ устроить таковые казенные. Сіе можно сдѣлать въ два или три года, потому что у насъ есть первоначальныя для того потребности (la matière première)".—„Жителей Малороссіи, продолжалъ Императоръ, можно раздѣлить на два класса: одни дѣлаютъ горѣлку, а другіе ее пьютъ. Я входилъ въ избы малороссійскихъ крестьянъ и нашелъ ихъ въ неописанной нечистотѣ. Недалеко отъ Кіева я встрѣтилъ одного малороссійскаго пана, ѣхавшаго въ коляскѣ въ сопровожденіи двухъ казаковъ или вершниковъ съ пиками; употребляя людей такимъ образомъ на пустыя затѣи, ихъ отвлекаютъ отъ работы".

Вотъ еще нѣкоторыя изъ словъ Императора: „я осматривалъ въ Калужской губерніи хлѣбопашество помѣщика Полторацкаго и нашелъ крестьянъ въ бѣдномъ положеніи, но господскую запашку очень хорошо обработываютъ. Это образецъ иностраннаго хозяйства, а не нашего; въ Россіи добрый помѣщикъ и хорошій хозяинъ долженъ смотрѣть, чтобы крестьяне были богаты; собственная же запашка не составляетъ единственной цѣли домоводства". О семъ предметѣ онъ говорилъ съ жаромъ; видно было, что онъ чувствовалъ тягостное положеніе крестьянъ, которыхъ онъ по-французски называетъ „des vassaux".

За обѣдомъ кромѣ Государя было восемнадцать особъ, а именно: генералы: графъ Милорадовичъ, Сакенъ, Раевскій, Уваровъ, Капцевичъ, князь Волконскій, князь Меньшиковъ, Кіевскій комендантъ Массе, графы Станиславъ и Ярославъ Потоцкіе, сенаторъ Болотниковъ, статсъ-секретарь Марченко, лейбъ-медикъ Виллье, флигель-адъютанты: князь Лопухинъ и Александръ Ипсиланти, Аракчеевъ, графъ Артуръ Потоцкій и я.

Въ малыя свободныя минуты, остававшіяся мнѣ отъ дѣла, я объѣхалъ кіевскія древности и однажды въ Лаврѣ слушалъ обѣдню, во время которой Государю угодно было, чтобы пѣли по стариннымъ нотамъ; это величественнѣе настоящаго пѣнія,

но служба отъ того продолжительнѣе. Я осматривалъ также пещеры, которыя пространствомъ уступаютъ римскимъ. Монахи, показывающіе мощи, въ нихъ лежащія, менѣе всѣхъ въ нихъ вѣруютъ; о развратѣ сего класса людей разсказываютъ въ Кіевѣ много анекдотовъ, о которыхъ излишне упоминать послѣ всего того, что о духовенствѣ писано было въ теченіе XVIII столѣтія. Но пусть кіевскія святыни и всѣ наружные обряды церкви нашей долго, долго еще останутся узломъ, связующимъ разныя сословія обширнаго отечества нашего, пусть онѣ всегда будутъ точками соединенія нашего, и, подобно какъ воины толпятся около знаменъ, полагая въ нихъ честь свою, такъ и мы, ежели когда-либо облака взойдутъ на горизонтѣ Россіи, соберемся около хоругвей церкви, освященныхъ вѣками, и воскресимъ славу нашу!

Я былъ съ Императоромъ въ Кіевской академіи, гдѣ образовались многіе государственные люди въ Россіи, какъ-то: Безбородко, Завадовскій, Трощинскій и другіе, и гдѣ понынѣ воспитывается болѣе тысячи учениковъ. Сію академію можно уподобить учебнымъ заведеніямъ въ среднихъ вѣкахъ: богословіе читаютъ по Феофану Прокоповичу, философію по Баумейстеру, объ исторіи не имѣютъ понятія, въ библіотекѣ не находится ни одной книги, вышедшей въ прошедшемъ столѣтіи. Префектъ говорилъ Государю рѣчь и, вмѣсто того, чтобы припомнить о знаменитыхъ мужахъ, которые въ академіи получили образованіе свое, о пользѣ, принесенной ею имперіи, и тому подобное, сравнивалъ Государя съ Божествомъ и наконецъ смѣшался въ словахъ своихъ.

Сентября 13, село Александрія близъ Бѣлой Церкви. Вчера рано поутру мы отправились изъ Кіева и пріѣхали въ село графини Браницкой Александрію, гдѣ нашли ея родственниковъ князей Голицыныхъ и графовъ Потоцкихъ, генераловъ Капцевича и Раевскаго и столѣтняго графа Мошинскаго, побочнаго сына короля Августа III. Сегодня пріѣхалъ графъ Милорадовичъ, который, хотя и носитъ званіе кіевскаго военнаго губернатора, но не исправляетъ сей должности. По сему поводу онъ сказалъ въ Кіевѣ: „это въ первый разъ, что военный губернаторъ въ своей губерніи въ присутствіи Государя находится инкогнито". Въ Бѣлой Церкви происходилъ смотръ нѣсколькимъ полкамъ 7 дивизіи, которыми Государь былъ доволенъ.

Графъ Аракчеевъ не поѣхалъ въ Польшу, а изъ Кіева воз-

вратился въ Петербургъ; въ путешествіи сего года Государь повсюду общенародно старался его отличить особенными знаками уваженія, напримѣръ, передъ губернскими городами сажалъ его въ свою коляску и вмѣстѣ съ нимъ въ оные въѣзжалъ. Когда въ большихъ городахъ бывали званые обѣды у Его Величества, то графъ Аракчеевъ отъ оныхъ обыкновенно отказывался и тогда только обѣдалъ съ Императоромъ, когда Его Величество кушалъ одинъ въ своемъ кабинетѣ.

Житоміръ, 14 сентября. Сегодня поутру мы поѣхали въ Житоміръ изъ имѣнія графини Браницкой, гдѣ мы прожили два дня; не взирая на несмѣтныя свои богатства, помѣщица чрезмѣрно скупа. Вотъ что между прочимъ со мной случилось. Мнѣ отвели комнату въ одномъ флигелѣ съ княземъ Волконскимъ, и, когда я, ложася спать, потребовалъ у дворецкаго, ходившаго съ важнымъ лицомъ, бутылку вина на ночь, то онъ мнѣ отвѣчалъ, что таковая поставлена въ спальнѣ у князя Волконскаго, и, что, ежели мнѣ вздумается пить, то чтобы я послалъ къ князю за виномъ. Садъ въ Александріи и бесѣдки въ ономъ прекрасны; въ саду воздвигнутъ монументъ князю Потемкину и другой князю Кутузову, къ которому ведетъ аллея, составленная изъ донскихъ копьевъ, обвитыхъ виноградомъ. Графиня Браницкая купила ихъ у проходившихъ казаковъ, увѣрявшихъ, что каждою изъ пикъ убито по нѣскольку непріятелей. Она намѣрена также соорудить памятникъ Екатеринѣ Второй и вокругъ онаго поставить изображеніе фельдмаршаловъ, служившихъ въ ея царствованіе. Подъ бюстомъ Государя, находящимся въ одной комнатѣ, написаны безсмертныя слова сіи: „до тѣхъ поръ не положу оружія, пока не останется ни единаго непріятельскаго воина въ царствѣ моемъ“.

Я провелъ оба вечера въ одной комнатѣ съ Государемъ и, не любя ни танцевъ, ни новыхъ знакомствъ, я безпрестанно наблюдалъ Императора и во всѣхъ поступкахъ его находилъ мало искренности; все казалось личиною. По обыкновенію своему онъ былъ веселъ и разговорчивъ, много танцовалъ и обхожденіемъ своимъ хотѣлъ заставить, чтобы забыли санъ его, но, не взирая на неподражаемую его любезность и на очаровательность въ обращеніи, у него вырывались по временамъ такіе взгляды, которые обнаруживали, что душа его была въ волненіи, и что мысли его устремлены были совсѣмъ на другіе предметы, нежели на балъ и на женщинъ, которыми онъ повидимому занимался, а иногда блистало у него во взорахъ

нѣчто такое, которое явно говорило, что онъ помнитъ въ эту минуту, что онъ рожденъ самодержцемъ. Я думаю, что Феофрастъ и Лабрюеръ были бы въ затрудненіи, ежелибы имъ надлежало изобразить его характеръ.

IV.

Царство Польское.—Князья Чарторыйскіе.—Приказъ по польской арміи. — Артиллерія въ походѣ 1812 года. — Генералъ Винцингероде. — Прусское правленіе въ Польшѣ. — Генералъ Корсаковъ. — Дорога отъ Гродно до Риги.—Высочайшій приказъ по поводу смотра —Разговоръ Государя о границахъ Россіи. — Счетъ издержкамъ.— Назначеніе меня флигель-адъютантомъ.—Первое дежурство во дворцѣ.—Графъ Коновницынъ. — Князь Волконскій. — Образъ жизни Государя. — Перемѣна въ моемъ положеніи.

Варшава, 30 сентября. Изъ Житоміра мы поѣхали прямо въ Варшаву; дорогою я слышалъ повсюду жалобы отъ русскихъ чиновниковъ, занимающихъ мѣста въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, что поляки стараются ихъ всѣми силами удалять. Государь съ поляками обращался ласковѣе, нежели съ русскими, что происходитъ не отъ душевнаго къ нимъ расположенія, а отъ политическихъ видовъ, ибо онъ желаетъ искоренить вѣковую вражду, существующую между двумя народами, соединенными наконецъ его побѣдами подъ одну державу. Конечно, ненависть сія стара, право давности въ ея пользу, но благоразуміе и здравый смыслъ еще старѣе лѣтами: говорятъ, что они современны мірозданію, хотя, къ несчастію, столько же, какъ и твердь земная, подвержены потрясеніямъ.

Русскіе обижаются мнимымъ предпочтеніемъ Государя къ полякамъ, но нельзя не признаться, что по крайней мѣрѣ въ настоящемъ путешествіи оно весьма извинительно, даже и кромѣ политическихъ причинъ. Мы проѣхали отъ Петербурга до Волынской губерніи большее пространство Россіи и находили только одно разореніе и жалобы, а не успѣли мы вступить въ польскій край, какъ все облеклося въ радостный видъ. Напримѣръ въ Житомірѣ, который есть весьма посредственный губернскій городъ, представлялось Императору до двухъ сотъ человѣкъ дворянъ, въ то время какъ въ самой Москвѣ было только сорокъ два дворянина при представленіи. Губернскій

предводитель въ Житомірѣ, молодой графъ Илинскій произнесъ прекрасное привѣтствіе Его Величеству, въ то время какъ предводители въ семи великороссійскихъ губерніяхъ не могли при Государѣ отворить рта и только низкими поклонами показывали свою преданность. Они болѣе изъ себя являли метръ-д'отелей, занимавшихся угощеніемъ, нежели представителей дворянства. У одного изъ нихъ Императоръ спросилъ, почему онъ не былъ на смотру войскъ, происходившемъ по утру.— „Я распоряжался столомъ для Вашего Величества“, отвѣчалъ предводитель.

Самые отличные люди, которыхъ я нашелъ въ семи великороссійскихъ губерніяхъ, какъ по поведенію своему, такъ и по образованію, были архіереи, за то и Императоръ оказывалъ имъ особенное вниманіе, принималъ ихъ въ кабинетѣ и за обѣдомъ сажалъ ихъ возлѣ себя по правую сторону. Членовъ библейскихъ обществъ Государь тоже въ сію поѣздку много ласкалъ. „На все въ свѣтѣ бываетъ мода“, думалъ я.

Мы прожили въ Варшавѣ не много болѣе двухъ недѣль, во время которыхъ я замѣтилъ въ полякахъ большую перемѣну противъ того, что я видѣлъ въ нихъ прошлаго года. Тогда они казались недовольными новымъ положеніемъ своимъ и владычествомъ русскихъ и тѣсными границами, назначенными для ихъ царства. Они полагали, что ихъ политическое бытіе не утверждено на прочномъ основаніи, что благоденствіе въ отечествѣ ихъ водворено быть не можетъ, потому что вѣроятно подчинятъ ихъ не законамъ, но какому-нибудь честолюбивому намѣстнику, а военные, образованные во французскихъ арміяхъ, съ которыми они странствовали по всѣмъ частямъ свѣта, еще не приноровившіеся къ строгости нашей подчиненности, надѣялись на могущіе произойти перевороты. Нынѣ я нашелъ во всемъ противное: насъ, русскихъ, принимали ласково, военные ознакомились съ нашею службою и полюбили ее, и общее мнѣніе, что наконецъ насталъ предѣлъ бѣдствіямъ, заступило мѣсто прежней недовѣрчивости и сомнѣній. Сію счастливую, въ одинъ годъ происшедшую перемѣну, должно приписать благоразумному управленію, строгости и справедливости Цесаревича, содѣйствію сенатора Новосильцева, который, будучи облеченъ всею довѣренностью Императора и великаго князя, есть посредникъ между ними и властями польскаго царства, и наконецъ намѣстнику Заіончеку, которому отдаютъ величайшія похвалы. Новосильцевъ умѣлъ снискать любовь поляковъ,

и они просили Государя, чтобы сдѣлали его польскимъ сенаторомъ, а Заіончекъ, которому Государь при отъѣздѣ пожалованъ орденъ святаго Андрея Первозваннаго, не приступаетъ ни къ чему важному, не испрося совѣта у Цесаревича.

Къ сему удачному перевороту не мало способствовало удаленіе отъ дѣлъ князей Чарторыйскихъ, которые по знатности своего рода, по многому числу фамильныхъ связей и по великому богатству своему, имѣютъ обширное вліяніе въ Польшѣ. Князь Адамъ Чарторыйскій, сынъ фельдмаршала, воспитывался вмѣстѣ съ Императоромъ, былъ въ молодости его адъютантомъ, потомъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и занимался на вѣнскомъ конгрессѣ исключительно сочиненіемъ польской конституціи; онъ имѣлъ, казалось, посему всѣ права, чтобы заступить въ отечествѣ своемъ первое мѣсто, то-есть быть намѣстникомъ. Въ 1815 году никто въ семъ не сомнѣвался, и онъ до обнародованія конституціи и до введенія властей, въ оной опредѣленныхъ, управлялъ временно всѣми дѣлами, по коимъ онъ и докладывалъ Государю, чему я самъ былъ ежедневно свидѣтелемъ. Мать его, которая есть одна изъ умнѣйшихъ женщинъ, и нѣкоторое число почетнѣйшихъ людей, принадлежащихъ къ его партіи, наполнили всѣ мѣста въ царствѣ чиновниками, къ нимъ приверженными, такъ что въ шутку начали называть Польшу не Польскимъ, а Пулавскимъ царствомъ, по имени Пулавы, наслѣдственнаго помѣстья Чарторыйскихъ. До самаго отъѣзда Государева изъ Варшавы въ прошломъ году были, кажется, они увѣрены въ своемъ успѣхѣ, то-есть, что князь Адамъ будетъ намѣстникомъ, но по причинамъ, мнѣ неизвѣстнымъ, сего не состоялось. Я видѣлъ его тогда въ ту самую ночь, въ которую была подписана конституція и былъ назначенъ Заіончекъ намѣстникомъ; это происходило часу во второмъ по полуночи; я стоялъ въ комнатѣ передъ кабинетомъ Государя съ княземъ Волконскимъ и съ статсъ-секретаремъ Марченко, какъ вдругъ вошелъ съ разстроеннымъ видомъ князь Чарторыйскій и ходилъ по горницѣ болѣе четверти часа, и не только не взглянулъ на насъ во все сіе время ни одного разу, но даже и не поклонился намъ: онъ былъ какъ въ изступленіи, вѣроятно отъ оскорбленнаго самолюбія.

Съ самаго Кіева можно было замѣтить, что Государь избѣгалъ случая встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ сей фамиліи, ибо намъ назначено было ѣхать сначала въ Варшаву чрезъ Люблинъ на Пулаву, но въ Кіевѣ Государь, чтобы не заѣзжать

въ Пулаву, велѣлъ приготовить лошадей по дорогѣ изъ Житоміра чрезъ Брестъ-Литовскій. Не успѣли мы миновать сего послѣдняго города, какъ узнали, что фельдмаршалъ князь Чарторыйскій, извѣстясь, что Государь не посѣтитъ его имѣнія, выѣхалъ къ нему навстрѣчу въ мѣстечко Мендержицы, гдѣ Императоръ хотѣлъ остановиться для ночлега, который онъ однако же отмѣнилъ, свѣдавъ о пріѣздѣ туда фельдмаршала, и, такъ какъ уже не могъ избѣгнуть, чтобы съ нимъ не увидѣться, то только наскоро пилъ съ нимъ чай.

Хотя фамилія Чарторыйскихъ и не имѣетъ нынѣ никакого участія въ управленіи Польши, не менѣе того она продолжаетъ втайнѣ распространять вліяніе свое. Это я узналъ отъ служащаго въ Варшавѣ, извѣстнаго своимъ живописнымъ путешествіемъ по Россіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бороздина, который сказывалъ мнѣ, что, когда онъ весною, въ нынѣшнемъ году, ѣхалъ изъ Варшавы въ Петербургъ, то намѣстникъ Заіончекъ поручилъ ему доложить Государю: „что партія Чарторыйскихъ походитъ на заговоръ и можетъ имѣть всѣ послѣдствія онаго, ежели не обратятъ на оную вниманія. Конечно, не должно сего опасаться въ царствованіе Государя, котораго Польша признаетъ своимъ благодѣтелемъ, но умышленія Чарторыйскихъ могутъ обнаружиться при наслѣдникахъ его“.

Во все время пребыванія своего въ Варшавѣ, Государь носилъ польскій мундиръ и орденъ Бѣлаго Орла. Онъ былъ неразлученъ съ Цесаревичемъ, пріѣзжавшимъ къ нему рано поутру и проводившимъ съ нимъ весь день. Страсть обоихъ къ военному ремеслу извѣстна, и потому легко можно посудить, что ученій и смотровъ было множество. Государь награждалъ войска вчетверо болѣе противъ русскихъ, то-есть вмѣсто рубля мѣди жаловалъ рядовымъ по рублю серебромъ; щедрость его распространялась даже на польскихъ инвалидовъ, изувѣченныхъ, конечно, не для защиты Россіи.

По окончаніи смотровъ и маневровъ Государь велѣлъ мнѣ написать по-французски благодарственный приказъ къ польскимъ войскамъ и помѣстить въ немъ, что Цесаревичъ назначается главнокомандующимъ оными. Я прилагаю здѣсь сей приказъ въ такомъ видѣ, какъ я оный сочинилъ и отмѣтилъ красными чернилами сдѣланныя собственноручно Государемъ на немъ поправки[1]), которыя могутъ послужить образцомъ его слога.

[1]) Подлинный хранится у меня въ собраніи собственноручныхъ бумагъ Императора.

Ordre du jour pour l'armée polonaise. La belle tenue et l'ordre que j'ai remarqué dans tous les corps polonais qui ont paru devant moi, mon confirmé que je *n'ai pu* assurer le succés de l'organisation de mon armée polonaise, qu'en la confiant aux talents et à de S. A. J. l'expérience de S. A. J. le Grand Duc Constantin.

Aimant à trouver dans ces résultats avantageux une première preuve *du zele et* du dévouement que je me *plais à espérer* de la part du militaire polonais, je crois ne pouvoir témoigner d'une manière plus *satisfaisante* pour lui combien je suis sensible *à toutes les peines* que S. A. J. m'a données dans cette accasion qu'en le nommant commandant en chef de notre armée Polonaise *et de tout ce qui tient à la partie militaire du Royaume.*

Je ne doute pas qu'en donnant à S. A. J. le Grand Duc Constantin cette marque *ostensible* de ma parfaite satisfaction je remplis les *désire* de mon armée Polonaise.

Я встрѣтился въ Варшавѣ съ *генераломъ Левенштерномъ*, который въ 1812 году командовалъ артиллеріею второй арміи, а по смерти графа Кутайсова, принялъ начальство надъ всею артиллеріею. Съ позволенія его я предложилъ ему письменно семь вопросовъ касательно артиллеріи, на которые онъ мнѣ черезъ нѣсколько дней и прислалъ отвѣты. Помѣщаю здѣсь и вопросы и отвѣты.

Вопросъ 1. Въ какомъ состояніи и количествѣ была наша артиллерія, арсеналы и парки въ началѣ кампаніи 1812 года, то-есть при переходѣ непріятеля чрезъ Нѣманъ?

Роты были укомплектованы людьми, лошадьми, аммуниціею и снарядами совершенно сполна, то-есть недостатковъ никакихъ ни въ чемъ не имѣли. Люди были обучены практическому находѣйствію изъ орудій весьма хорошо, и потому артиллерія находилась тогда доведенною во всѣхъ частяхъ до возможнаго совершенства. Сорокъ шесть ротъ считалось въ 1-ой и четырнадцать во 2-ой западныхъ арміяхъ. Запасныхъ парковъ состояло въ обѣихъ арміяхъ шестнадцать, изъ коихъ въ каждомъ имѣлось патроновъ на шесть пѣхотныхъ и на четыре кавалерійскихъ полковъ и снарядовъ на четыре артиллерійскія роты. Комплектъ зарядовъ состоитъ изъ 120 на каждое орудіе. Сверхъ того приготовлены были большіе запасы въ снарядахъ въ гг. Вильнѣ, Динабургѣ и Бобруйскѣ.

Вопросъ 2. Какую потерю претерпѣла артиллерія во время

отступленія обѣихъ армій до Бородина, а равно и въ самомъ бородинскомъ сраженіи?

О потерѣ, происшедшей во время ретирады отъ Нѣмана до Бородина въ 1-ой арміи неизвѣстно (о чемъ можно получить свѣдѣнія въ С.-Петербургѣ въ артиллерійскомъ департаментѣ отъ надворнаго совѣтника Петрова), а во 2-ой арміи потеряно августа 2 числа при нападеніи непріятельской арміи подъ городомъ Краснымъ на дивизію генералъ-маіора Невѣровскаго, пушекъ семь, да 24 числа того же мѣсяца при атакѣ нашего лѣваго фланга въ бородинской позиціи пять, итого двѣнадцать орудій, въ самомъ же бородинскомъ сраженіи 26 августа отбито непріятелемъ и оставлено на мѣстѣ сраженія подбитыхъ орудій всего въ обѣихъ арміяхъ двадцать двѣ пушки.

Вопросъ 3. Какое число орудій было въ самомъ сраженіи 26 августа и какое вліяніе имѣла на артиллерію въ семъ дѣлѣ смерть графа Кутайсова?

Число орудій состояло въ самомъ сраженіи въ обѣихъ арміяхъ изъ 520 пушекъ, кои всѣ, за исключеніемъ 12-ти, оставшихся на правомъ флангѣ—въ резервѣ, были употреблены противъ непріятеля въ дѣйствіе, въ которомъ никакого помѣшательства, сколько извѣстно, не произвела смерть графа Кутайсова, случившаяся около 10 часовъ утра.

Вопросъ 4. Судя только по одной артиллеріи, могла ли армія на другой день бородинскаго дѣла принять снова главное сраженіе?

Хотя 26-го числа артиллерія истратила почти всѣ свои заряды и претерпѣла величайшій уронъ какъ въ людяхъ, такъ и въ лошадяхъ, но, бывъ укомплектована въ ночь послѣ сраженія снарядами изъ подвезенныхъ, къ арміи 2-ой принадлежащихъ, запасныхъ парковъ, могла снова быть употреблена въ дѣйствіе противъ непріятеля, за исключеніемъ 63-хъ орудій, частью подбитыхъ, частью, по недостатку въ людяхъ и лошадяхъ, дѣйствовать не могшихъ.

Вопросъ 5. Сколько артиллеріи и снарядовъ оставлено въ Москвѣ при занятіи оной непріятелемъ?

Неизвѣстно, а можно узнать о семъ подробно въ С.-Петербургѣ въ артиллерійскомъ департаментѣ отъ надворнаго совѣтника Петрова.

Вопросъ 6. Въ какомъ состояніи находилась наша артиллерія при прибытіи арміи въ село Тарутино?

На четвертый день Бородинскаго дѣла, то-есть 30-го авгу-

ста, прибыла къ арміи 27-я бригада артиллерійская съ 36 орудіями, и въ то же время прислано изъ московскаго ополченія для артиллеріи 1000 человѣкъ ратниковъ и 400 лошадей, а потому всѣ роты были настолько укомплектованы, что еще передъ Москвой безъ малаго до 500 орудій могли быть употреблены въ дѣло. Потомъ на маршѣ арміи къ Тарутину 13-го сентября прибыли въ Красную Пахру 2-я и 3-я запасныя бригады, изъ восьми ротъ съ 96 орудіями состоявшія, изъ коихъ въ то же время и взято было для пополненія недостающаго числа въ ротахъ 40 орудій и сверхъ того замѣнены были всѣ подбитыя и отъ дѣйствія въ негодность пришедшія орудія годными. Изъ сихъ же бригадъ всѣ роты дѣйствующей арміи были укомплектованы на маршу людьми, лошадьми, лафетами, зарядными ящиками, аммуниціею и прочимъ, такъ что при прибытіи арміи къ Тарутину артиллерія не имѣла уже никакихъ недостатковъ и была увеличена 24 орудіями болѣе, нежели сколько состояло при началѣ кампаніи, на мѣсто того, что предлагалося фельдмаршаломъ княземъ Кутузовымъ послѣ бородинскаго дѣла уничтожить оной до третьей части.

Вопросъ 7. Какія были подкрѣпленія, полученныя нами при Тарутинѣ въ лагерѣ, и въ какомъ положеніи была артиллерія при началѣ наступательныхъ дѣйствій нашей арміи?

Весь недостатокъ и уронъ, претерпѣнный нашими артиллерійскими ротами во время отступленія отъ Нѣмана до Тарутина и въ происходившихъ сраженіяхъ, былъ совершенно пополненъ (какъ изъ предъидущей статьи явствуетъ) изъ прибывшихъ къ арміи послѣ Бородинскаго сраженія 27-й артиллерійской бригады и 2-й и 3-й запасныхъ бригадъ, состоявшихъ изъ восьми комплектныхъ ротъ, кои по принятіи отъ дѣйствующихъ ротъ поврежденной артиллеріи и проч., съ остатками своими отправлены были для формированія изъ Тарутина въ Орелъ, а тѣ орудія и прочія вещи, кои надлежало совсѣмъ передѣлывать, были отправлены водою по Окѣ на судахъ въ Нижній Новгородъ. Въ то же время сформировано было изъ 4-й запасной бригады, находившейся тогда въ Орлѣ и въ коей формировалось семь ротъ, три комплектныхъ роты, кои прикомандированы къ нижегородскому ополченію, состоявшему въ командѣ генерала графа Толстаго, и 200 зарядныхъ ящиковъ, взятыхъ къ арміи для удобнѣйшаго подвоза къ ротамъ во время сраженій готовыхъ зарядовъ. Что же касается до запасныхъ подвижныхъ парковъ, то сверхъ укомплектова-

нія оныхъ полнымъ количествомъ по положенію снарядами, было свезено въ Калугу изъ Брянска, Шосты и прочихъ заводовъ весьма значительное количество снарядовъ, какъ для пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ, такъ и для артиллеріи, а въ особенности для баттарейныхъ ротъ, словомъ сказать, артиллерійская часть была такъ устроена, что, при начатіи наступательныхъ дѣйствій, наша армія во всѣхъ своихъ движеніяхъ не могла встрѣтить со стороны оной ни малѣйшаго препятствія и имѣть какой-либо недостатокъ въ снарядахъ.

Не излишнее, полагаю, при семъ случаѣ, прибавить о всѣхъ распоряженіяхъ по артиллеріи, какія были сдѣланы мною во время преслѣдованія непріятельской арміи до самой границы, а именно:

Послѣ Тарутинскаго сраженія изъ числа отбитыхъ у непріятеля орудій сформировано было восемь гаубицъ съ полнымъ числомъ людей, лошадей и прочаго, кои и были прикомандированы къ резервной артиллеріи.

Изъ людей и лошадей, оставшихся отъ расформированныхъ запасныхъ бригадъ, такъ какъ за откомандировкою трехъ комплектныхъ ротъ къ Нижегородскому ополченію никакой надобности въ орудіяхъ не предвидѣлось, сдѣлано было депо при арміи, дабы при первой убыли въ дѣйствующихъ ротахъ, можно было не медля укомплектовывать ее, что впослѣдствіи, при безпрестанно бывшихъ съ непріятелемъ дѣлахъ, послужило къ великой пользѣ.

При началѣ наступательныхъ дѣйствій нашей арміи по сдѣланному распоряженію, заготовлялось въ Орлѣ и Коренной пустынѣ готовыхъ зарядовъ для 18 баттарейныхъ ротъ по 120 на орудіе, для 23 легкихъ ротъ по 60 и для 9 конныхъ ротъ по 90 зарядовъ на каждое орудіе, и между тѣмъ, имѣлось въ Калугѣ, Брянскѣ и на Шостенскихъ пороховыхъ заводахъ весьма значительное количество запасовъ, такъ что всего по числу состоявшей въ арміи артиллеріи приходилось оныхъ слишкомъ на два комплекта сверхъ имѣвшихся въ подвижныхъ запасныхъ паркахъ и 200 зарядныхъ ящиковъ (о коихъ выше сего упомянуто), и, когда армія наша приближалась къ Днѣпру, то изъ означенныхъ мѣстъ всѣ оные запасы было назначено свезти въ одномъ пунктѣ, а именно въ Ельну. Послѣ того при бывшихъ частыхъ дѣлахъ во время преслѣдованія непріятеля, какъ-то при Вязьмѣ, Дорогобужѣ, Смоленскѣ, Красномъ и проч., а особенно отъ форсированныхъ маршей,

дѣланныхъ въ самое худшее время года арміею, при всѣхъ сихъ движеніяхъ, артиллерія и запасные подвижные парки потерпѣли значительную убыль въ людяхъ и лошадяхъ, а болѣе всего произошло изнуреніе въ сихъ послѣднихъ; почему для избѣжанія дальнѣйшаго разстройства ихъ при переправѣ арміи через Днѣпръ, оставлено въ Копысѣ 10 артиллерійскихъ ротъ, изъ коихъ пополненъ весь въ прочихъ ротахъ недостатокъ, а онѣ должны были тамъ дожидаться прибытія резервовъ, изнутри Россіи къ арміи слѣдовавшихъ, чтобы, укомплектовавшись изъ оныхъ, могли немедленно слѣдовать для присоединенія къ арміи. Запасные же подвижные парки были остановлены тамъ вообще всѣ, и приказано было изъ нихъ сформировать шесть комплектныхъ парковъ съ полнымъ числомъ зарядовъ и проч., кои чрезъ нѣсколько времени, бывъ всѣмъ пополнены, и выступили вслѣдъ за арміею, а прочіе остались на мѣстѣ для формированія, на каковой случай и требовалось въ то же время изъ Нижняго Новгорода, Брянска, Орла и Бобруйска къ арміи людей, лошадей и прочаго. Слѣдствіемъ сего было, что, несмотря на быстрый переходъ арміи отъ Оки по двухмѣсячномъ маршѣ безъ роздыха до Нѣмана, артиллерія не только не пришла ни въ какое разстройство и не затруднила движенія арміи, но всегда, находясь въ порядкѣ, была въ готовности во всякое время быть употребленною въ дѣло противъ непріятеля и, по прибытіи арміи въ Вильну, она не имѣла другихъ недостатковъ, кромѣ происшедшей потери во время маршей въ людяхъ больными и въ лошадяхъ отъ изнуренія: въ такомъ состояніи оной сдано было командованіе отъ меня генералъ-маіору Рѣзвому.

Брянскъ, 5 октября. Мы сегодня поутру, въ самую ненастную погоду отправились изъ Варшавы. Императоръ въ теперешнемъ путешествіи по ночамъ не ѣздитъ, и въ Варшавѣ назначены были, по дорогѣ въ Петербургъ ночлеги, первый здѣсь въ городѣ Брянскѣ. По прибытіи въ оный, Императоръ часовъ пять писалъ одинъ, самъ запечатывалъ бумаги и отправилъ курьера въ Варшаву, а что съ нимъ послано, никому неизвѣстно.

Октября 6. Днемъ мы проѣзжали Бѣлостокъ, прекрасный городъ, гдѣ были встрѣчены генералами, княземъ Шаховскимъ и барономъ Винценгероде. Первый столь же скроменъ, какъ храбръ, на войнѣ онъ бывалъ всегда впереди, а на разводѣ въ Бѣлостокѣ стоялъ поодаль, а второй, дерзкій въ мирное

время и робкій въ полѣ, есть одинъ изъ любимцевъ императора. Особеннаго расположенія къ нему Государя, конечно, нельзя приписать его подвигамъ, ибо, хотя ему и ввѣряли разныя значительныя мѣста, какъ человѣку близкому при дворѣ, но онъ вездѣ опаздывалъ, ничѣмъ не отличался, и военное поприще его было бы забыто, еслибы онъ по вѣтренности своей не попался въ плѣнъ въ Москвѣ въ самый день выступленія оттуда французовъ. Думаютъ, что связи его жены съ М. А. Нарышкиной суть причиною его возвышенія.

Пруссаки оставили незабвенные слѣды благоразумнаго своего управленія въ той части Польши, которая находилась подъ владычествомъ ихъ до Тильзитскаго мира. Они отстроили города, улучшили положеніе крестьянъ, ограничили власть помѣщиковъ, завели училища, страховыя конторы, суммы для вспоможенія бѣднымъ, поощряли рукодѣлія и трудолюбіе, словомъ учрежденія ихъ носятъ отпечатокъ просвѣщенія нашего вѣка. Они доказали въ Польшѣ, что не климатъ, а правительство образуетъ народы, ибо не успѣли мы въѣхать въ Гродненскую губернію, которая отъ Бѣлостокской области не различествуетъ ни въ чемъ въ отношеніи къ дарамъ природы, какъ нашли бѣдность и отвратительную неопрятность.

Мы ночевали въ Гроднѣ, гдѣ видѣли генерала Корсакова, извѣстнаго пораженіемъ подъ Цюрихомъ; французы сказали объ немъ, „что онъ первый показалъ, что русскіе не непобѣдимы“. Люди, коихъ жизнь не увѣнчана успѣхомъ, рѣдко избѣгаютъ насмѣшекъ; сіе случилось и съ Корсаковымъ; говорили объ немъ, напримѣръ, „что онъ подобенъ барабану, потому что его слышно только тогда, когда его бьютъ“. На сіе одинъ острякъ возразилъ: „Корсаковъ, однако же, похоронилъ Массену“, разумѣя, что сей послѣдній умеръ прежде него.

Октября 7. Мы выѣхали рано поутру изъ Гродны и слѣдовали почти во весь день по берегу Нѣмана до мѣстечка Гезна помѣщиковъ Пенчковскихъ, у коихъ мы расположились ночевать. На семъ-то пространствѣ переправлялась большая часть непріятельскихъ войскъ въ 1812 году. Земля здѣсь нехорошо обработана, край безлюденъ, но встрѣчались красивыя мѣстоположенія, и по дорогѣ видны стѣны огромныхъ обвалившихся замковъ, гдѣ обитали нѣкогда польскіе аристократы и гдѣ теперь въ двухъ или трехъ комнатахъ гнѣздится какой-нибудь панъ съ своею женою, которая ничего другаго не умѣетъ кромѣ какъ играть на гитарѣ и пѣть польскія пѣсни.

Сими двумя предметами ограничивается вообще воспитаніе женскаго пола въ Польшѣ; изъ сего слѣдуетъ исключить высшее дворянство, въ которомъ женщины образованы столь отлично, что нельзя не согласиться съ однимъ французскимъ писателемъ, сказавшимъ, что Польша поддерживается женщинами. Но если принять въ уваженіе все то, что разсказываютъ на счетъ несчастныхъ супружествъ, и безчисленное множество бывающихъ разводовъ въ сей землѣ, то конечно никто не пожелаетъ, чтобы жена или дочь или сестра его походили на воспитанную польку.

Октября 8. Рано поутру я гулялъ по саду замка господъ Пенчковскихъ, отмѣнно гостепріимныхъ людей, и ходилъ любоваться Нѣманомъ, который отсюда въ самомъ близкомъ разстояніи. Рѣка сія по происшествіямъ отечественной войны для каждаго русскаго пребудетъ навсегда классическою. Мы выѣхали въ путь часу въ девятомъ и къ обѣду прибыли въ Ковно. На противолежащемъ берегу показываютъ гору, съ которой Наполеонъ смотрѣлъ на переправлявшіяся войска свои. Къ вечеру прибыли мы въ мѣстечко Шадово, гдѣ насъ встрѣтилъ услужливый дворянскій предводитель Бистромъ.

Октября 9. Мы пріѣхали въ Ригу, а на другой день былъ смотръ бригады подъ командою графа Пушкина, которою Государь до того не былъ доволенъ, что по окончаніи смотра написалъ карандашемъ слѣдующій собственноручный приказъ, который въ подлинникѣ сохраняется у меня:

„Генералъ-лейтенанту Гелфрейху дѣлается выговоръ за слабость Навагинскаго и Эстляндскаго полковъ его дивизіи, составляющихъ 2-ую бригаду. Оной командиру генералъ-маіору Пушкину состоять при дивизіонномъ начальникѣ той же дивизіи. Генералъ-маіоръ Тимротъ назначается командиромъ сей бригады. Батальонный командиръ 1-го батальона Навагинскаго полку (чинъ и фамилія) за слабость его батальона отрѣшается отъ командованія симъ батальономъ. Строжайше предписывается какъ дивизіонному, такъ и бригадному командирамъ, привести сіи полки въ надлежащій порядокъ".

„Вслѣдствіе бывшаго смотра дѣлаются нижеписанныя замѣчанія:

1) Шагъ слабъ, невѣренъ, многіе люди ноги совсѣмъ не держатъ, 1-ый батальонъ Навагинскаго полку еще хуже прочихъ.

2) Штабъ-офицеры своихъ мѣстъ не знаютъ. Проходя

сомкнутыми колоннами, иные батальонные командиры ѣхали вмѣстѣ съ адъютантами; въ 3-мъ батальонѣ Эстляндскаго полку младшій штабъ-офицеръ ѣхалъ на правомъ флангѣ, а адъютантъ на лѣвомъ перваго взвода.

3) У того же штабъ-офицера оголовіе на лошади не форменное, и не доставало уздечки.

4) Большая часть батальонныхъ адъютантовъ не умѣютъ сидѣть верхомъ, ни шпаги держать.

5) Въ Навагинскомъ полку унтеръ-офицеры подъ знаменами были изъ гренадерской роты, чего не слѣдуетъ".

Дворянство пригласило Государя къ обѣду, послѣ котораго Его Величество долго разговаривалъ съ графомъ Пушкинымъ и вслѣдствіе сего разговора приказалъ смягчить опредѣленныя въ вышеупомянутомъ приказѣ наказанія.

Мнѣ на семъ смотрѣ, не взирая на гнѣвъ Государя, было очень смѣшно. Надобно знать, что парадъ происходилъ на большой площади, наполненной зрителями, а при Государѣ было только насъ двое, князь Волконскій и я, и мы оба сидѣли на такихъ негодныхъ лошадяхъ, присланныхъ намъ отъ города, что ими почти нельзя было управлять. Государь подозвалъ къ себѣ князя Волконскаго, но его лошадь начала вертѣться на мѣстѣ, съ котораго нельзя было ее сдвинуть. Императоръ, примѣтя сіе, сказалъ, чтобы я подъѣхалъ къ Его Величеству, но моя лошадь понесла меня мимо Государя къ войскамъ съ такимъ стремленіемъ, что не было средствъ ее удержать.

Вечеромъ былъ балъ, котораго я не могъ посѣтить по множеству дѣлъ.

Станція Кипень, октября 13 дня. Вчера около десяти часовъ утра я пріѣхалъ на почту Клейнъ Пунгернъ; вслѣдъ за мною прибылъ и Государь и, объявя, что у него славный аппетитъ и что намѣренъ здѣсь обѣдать, сказалъ мнѣ: „я тебя накормлю сегодня". Минутъ чрезъ десять подали кушанье, и мы сѣли трое за столъ, Государь, князь Волконскій и я. Разговоръ начался обыкновенными вопросами Государя о дорогѣ и о погодѣ, а я желалъ, чтобы рѣчь зашла о чемъ-нибудь важномъ. Императоръ подалъ къ тому поводъ, спросивъ меня, „понравился ли мнѣ видъ Пейпусскаго озера, которое мы только-что миновали?" Я отвѣчалъ, что оно привело мнѣ на память древнюю границу Россіи. Съ симъ словомъ Государь пересталъ кушать и, обращаясь ко мнѣ, говорилъ почти безпре-

станно одинъ; вотъ собственныя его слова, мною того же дня записанныя. „Признайся, что съ тѣхъ поръ границы наши порасширились. Я не знаю государства, которое бы имѣло столь выгодныя границы. Возьмемъ отъ самаго сѣвера. Ботническій заливъ есть непреодолимая стѣна, а въ окрестностяхъ Торнео нападеній бояться намъ не должно, потому что тамъ ходятъ одни олени и лапландцы. Мысль Петра Перваго была, чтобы имѣть границею Ботническій заливъ, но ему не удалось привести сего въ исполненіе. Обстоятельства заставили насъ вести войну со шведами, и завоеваніе Финляндіи имѣло уже для Россіи величайшую пользу; безъ онаго въ 1812 году не могли бы мы, можетъ быть, одержать успѣха, потому что Наполеонъ имѣлъ въ Бернадотѣ управителя своего, который, находясь въ пяти маршахъ отъ нашей столицы, неминуемо принужденъ бы былъ соединить свои силы съ наполеоновыми. Мнѣ Бернадотъ нѣсколько разъ это сказывалъ и говорилъ, что онъ имѣлъ отъ Наполеона предписаніе объявить Россіи войну; Бернадотъ же зналъ, что, хотя мы и могли имѣть въ войнѣ неудачу, но что чрезъ нѣсколько лѣтъ мы опять бы возстали, или по смерти Наполеона, или отъ перемѣны обстоятельствъ, и, укрѣпясь собственными силами своими, отомстили бы шведамъ“.

„Теперь взглянемъ мы на нашу Европейскую границу. Польское царство послужитъ намъ авангардомъ во всѣхъ войнахъ, которыя мы можемъ имѣть въ Европѣ; сверхъ того для насъ есть еще та выгода, что давно присоединенныя къ Россіи Польскія губерніи, при могущей встрѣтиться войнѣ, не зашевелятся, какъ то бывало прежде, и что опасности сей подвергнуты Пруссія, которая имѣетъ Позенъ, и Австрія, у которой есть Галиція“.

„Этимъ счастливымъ положеніемъ границъ нашихъ обязаны мы Промыслу Божію, и онъ поставилъ Россію въ такое состояніе, что она болѣе ничего желать не можетъ. Посему она имѣетъ безпристрастный голосъ въ политическихъ дѣлахъ Европы, подобно какъ въ частномъ быту человѣкъ, которому не остается ничего желать, всегда откровеннѣе и призывается другими въ посредники. Это дало намъ большой перевѣсъ въ Вѣнскомъ конгрессѣ и въ Парижѣ, какъ во время перваго, такъ и втораго нашего тамъ пребыванія. Что касается до Турціи, то по многимъ соображеніямъ, а особенно по безсилію

ея, въ которомъ она теперь находится, она есть для насъ безопасный, а потому наилучшій сосѣдъ“.

„Францію раздѣлить на части есть пустая мысль, хотя многія державы и имѣли....“ при сихъ словахъ, къ крайнему сожалѣнію моему, подали кофе; выпивъ оный, мы встали изъ-за стола, Императоръ пошелъ въ особливую комнату, а мнѣ надобно было въ ту же минуту ѣхать на станцію Кипень, гдѣ былъ назначенъ послѣдній ночлегъ передъ Петербургомъ.

Вскорѣ за мною прибылъ туда и Государь, и, когда онъ легъ почивать, и все утихло, то я, готовясь на другой день начать снова мирную мою жизнь въ столицѣ, не хотѣлъ во всю ночь спать, а приводилъ въ порядокъ дѣла, накопившіяся во время путешествія, и которыя надлежало въ Петербургѣ сдавать, записалъ разговоръ Государя на станціи Клейнъ Пунгернъ и сдѣлалъ счетъ издержкамъ, употребленнымъ во время дороги.

Мы проѣхали четыре тысячи сорокъ шесть верстъ, и всѣ вообще расходы, то-есть, на столъ, услугу, прогоны, денежные подарки войскамъ, вспоможенія неимущимъ, отправленіе курьеровъ и прочее, кромѣ подарковъ бриллiантовыми и золотыми вещами, простирались:

Ассигнаціями.	213.342	рубля.
Серебромъ.	51.713	„
Червонными	5.514	червонныхъ.

Изъ сего числа издержано:

1) Во время пребыванія въ Москвѣ ассигнаціями. 103.778 р.
въ томъ числѣ на благотворенія. . . . . . 5.090 „

2) Во время всего путешествія по Россіи отъ С.-Петербурга чрезъ Кіевъ до Варшавы, кромѣ пребыванія въ Москвѣ, которое вычтено выше, издержано:

Ассигнаціями.	53.447	рублей.
Серебромъ.	800	„
Червонными	2.381	червонный.

Въ томъ числѣ на благотворенія:

Ассигнаціями.	5.850	рублей.

3) Въ Варшавѣ издержано:

Ассигнаціями.	46.850	рублей.
Серебромъ.	49.747	„
Червонными	2.610	червонныхъ.

*

Поутру, часовъ въ 7, Государь передъ самымъ отъѣздомъ призвалъ меня къ себѣ и сказалъ: „благодарю тебя, ты дорогою много потрудился; теперь прощай, я поѣду въ Гатчину, но мы скоро съ тобою увидимся", и улыбнулся. Я не понялъ сей улыбки и проводилъ его до коляски. Онъ отправился со станціи Кипень съ княземъ Волконскимъ прямо въ Гатчину, чтобы поздравить со днемъ рожденія вдовствующую Императрицу, а я сѣлъ на перекладную телѣгу и поскакалъ въ Петербургъ.

15 октября. Сегодня, на другія сутки по возвращеніи въ столицу, въ то время какъ я только началъ разбирать свои бумаги, разстанавливать книги и думалъ, какимъ образомъ проведу зиму, какъ вдругъ получаю высочайшій приказъ, что въ Царскомъ Селѣ назначили меня флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Сія неожиданная милость не столько меня обрадовала, сколько меня удивила: я готовился служить Россіи, теперь долженъ служить лично Императору; я пріобрѣталъ познанія человѣка и гражданина, а теперь долженъ быть царедворцемъ. Окончивъ счастливо четырехъ-лѣтнюю службу мою, бывъ свидѣтелемъ борьбы Россіи въ Бородинѣ и на берегахъ Нары и торжества ея въ Парижѣ и сопровождавъ въ теченіе двухъ лѣтъ Государя въ путешествіяхъ его, я полагалъ, что настало время, избравъ уголъ земли, заняться обдѣлываніемъ оной и посвятить себя наукамъ и друзьямъ. Еще нѣсколько мѣсяцевъ, думалъ я, и планы мои приведены будутъ въ исполненіе. Я понесу далеко отъ столицы увѣреніе, что исполнилъ долгъ мой, и воспоминаніе о шумныхъ станахъ, о бурѣ браній, о тонкостяхъ дипломатическихъ переговоровъ и объ ухищреніи придворныхъ, но судьбѣ иначе угодно было. Надѣвая завтра на себя вензеля монарха нашего, сердце мое останется то же. Науки, для васъ не престанетъ оно биться! А вы, мѣста, гдѣ провелъ я годы моей молодости, мѣста свободы и счастья, мечтаній, уединенныхъ прогулокъ и ночныхъ бдѣній, примите въ знакъ благодарной памяти катящуюся въ сію минуту изъ глазъ моихъ слезу!

18 октября. По принятому обыкновенію, что каждый вновь пожалованный флигель-адъютантъ дѣлаетъ посѣщенія генералъ-адъютантамъ, провелъ и я вчера весь день въ визитахъ, а сегодня въ первый разъ по случаю возвращенія Государя изъ Гатчины въ Петербургъ началась моя придворная жизнь. Поутру я пришелъ во дворецъ, гдѣ меня цѣловали и поздравляли;

не у мѣста было бы искать тутъ искренности. Потомъ я представлялся въ кабинетъ Императору, который сказалъ мнѣ: „долго ты былъ со мною неразлученъ на войнѣ и въ дорогѣ, а теперь и въ Петербургѣ мы будемъ вмѣстѣ". Признаюсь, что, увидя себя наединѣ съ Государемъ, я былъ глубоко тронутъ, ибо достигъ до сей чести самъ собою. Замѣтя, что происходило въ душѣ моей, онъ сказалъ: „я радъ, что я тебѣ сдѣлалъ удовольствіе, я вижу, что ты доволенъ быть моимъ адъютантомъ". Послѣ выхода моего изъ кабинета великій князь Михаилъ Павловичъ сказалъ мнѣ: „можетъ быть, не многіе васъ столь усердно поздравляютъ, какъ я. Увѣрены ли вы въ этомъ?"

21 октября. Я былъ вчера въ первый разъ дежурнымъ при Государѣ; вся обязанность моя состояла въ томъ, чтобы отдать Его Величеству на разводѣ пароль и провести сутки во дворцѣ. Поутру я представлялся Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, которая разспрашивала меня о моей службѣ и сдѣлала мнѣ нѣсколько лестныхъ привѣтствій. Потомъ пригласили меня обѣдать къ Государю; за столомъ сидѣло человѣкъ пятнадцать, и разговоръ касался до украшеній Петербурга. Послѣ обѣда мы вышли въ другую комнату, гдѣ Императоръ и Государыня сдѣлали каждому изъ насъ по нѣсколько незначащихъ вопросовъ; меня спросилъ Государь, „доволенъ ли я, что онъ меня пожаловалъ во флигель-адъютанты?"

Недалеко отъ меня стоялъ военный министръ Коновницынъ, который жалуется на то, что, не имѣя большаго состоянія и будучи обремененъ многочисленнымъ семействомъ, не получаетъ отъ Императора вспоможенія. Онъ излилъ горесть свою мнѣ, какъ старинному своему приверженцу. Я, любя его душевно, о немъ жалѣлъ, но, когда я увидѣлъ, какимъ униженнымъ образомъ онъ обращается съ временщиками, то я подумалъ, что можно принадлежать исторіи, быть героемъ и въ то же время жалкимъ царедворцемъ.

Всѣхъ болѣе имѣлъ въ сіе время доступъ до Государя князь Волконскій, черезъ посредство котораго всѣ дѣла шли въ минувшемъ путешествіи; онъ съ Государемъ сидѣлъ въ одной коляскѣ, и я нерѣдко слышалъ, какъ они вдвоемъ въ пустынномъ Литовскомъ краю пѣли церковныя пѣсни, до которыхъ Императоръ большой охотникъ. Находясь нѣсколько лѣтъ безотлучно при князѣ, я видѣлъ, что врожденная въ немъ робость исчезала по мѣрѣ того, какъ расположеніе Императора

къ нему умножалося; онъ становился рѣшительнѣе, но въ то же время возрастало въ немъ презрѣніе къ человѣчеству; онъ сталъ воображать, что будто каждый, кто съ нимъ говорилъ, намѣревался его просить о чемъ-нибудь. Я не обвиняю его и думаю, что у многихъ бы на его мѣстѣ вскружилась голова. Онъ ко мнѣ въ это время особенно благоволилъ, хотя я не позволялъ себѣ никакого ласкательства или подлости, которыя всѣ ему изъявляли, ибо, я чувствовалъ, что, хотя я ему и былъ обязанъ за нѣкоторыя отличія, по службѣ полученныя, но что и онъ съ своей стороны, одолженъ былъ мнѣ болѣе нежели кому-либо за то, что, въ важнѣйшее для него время похода 1815 года и Вѣнскаго конгресса, я находился при немъ совершенно одинъ, и всѣ дѣла обширнаго и многоразличнаго его управленія шли столь успѣшно, что пріобрѣли ему уваженіе Государя и иностранныхъ кабинетовъ, тогда какъ онъ не отказывалъ себѣ ни въ какихъ удовольствіяхъ, а я дни и ночи проводилъ въ трудахъ.

Въ доказательство довѣренности, которою я отъ него пользовался, приведу слѣдующій примѣръ. Въ Варшавѣ онъ дня два что-то безпрестанно писалъ. Это мнѣ показалося страннымъ, ибо я зналъ, что онъ небольшой грамотѣй. На третій день послѣ сего онъ мнѣ сказалъ, что онъ сочинилъ описаніе бывшаго въ замкѣ Дампіерѣ въ мартѣ мѣсяцѣ 1814 г. совѣщанія, въ которомъ положено было идти на Парижъ, и въ которомъ онъ утверждаетъ, что подалъ къ тому первый мысль. Зная честность его и любовь къ истинѣ, я могу поручиться, что онъ неправды не напишетъ, хотя впрочемъ генералы Дибичъ и Толь присвоиваютъ себѣ сію мысль, рѣшившую и войну, и участь свѣта. Онъ позволилъ мнѣ взять копію съ сей любопытной статьи, которая сохраняется при черновомъ моемъ журналѣ путешествія 1816 года.

Бывая по новому званію моему ежедневно во дворцѣ, я опишу, какъ Императоръ зимою 1816 года проводилъ время. Онъ вставалъ часу въ восьмомъ, въ половинѣ девятаго князя Волконскаго извѣщали, что Императоръ умывается, это значило, что ему надобно было идти къ Его Величеству; никто въ сіе время не имѣлъ къ нему входа кромѣ князя, принимавшаго тутъ приказанія насчетъ двора и обѣденнаго стола. Лишь только Государь одѣнется, то обыкновенно призывали къ нему опять князя Волконскаго и графа Аракчеева; первый докладывалъ по военной части, а другой по дѣламъ вобоще всей

Имперіи, коей онъ былъ настоящій намѣстникъ. Они проводили въ кабинетѣ часа съ полтора. За ними слѣдовали на полчаса дипломаты, тоже двое вмѣстѣ, графы Нессельроде и Каподистрія. Потомъ звали главнокомандующаго столицы Вязмитинова и коменданта Башуцкаго съ рапортами о состояніи Петербурга и карауловъ; минутъ черезъ пять вводили ординарцевъ и вѣстовыхъ, а съ ними являлися генералъ-адъютанты, которымъ Государь дѣлалъ нѣсколько незначащихъ вопросовъ о погодѣ и тому подобное, что продолжалося нѣсколько минутъ; въ заключеніе всѣ отправлялись къ разводу, продолжавшемуся съ часъ, то-есть, до двѣнадцатаго часа. Послѣ Его Величество завтракалъ, ѣздилъ гулять и ходилъ много пѣшкомъ, не взирая ни на какую погоду, и возвращался къ тремъ часамъ къ столу. Министры пріѣзжали по вечерамъ, но рѣдко, а они обыкновенно представляли чрезъ графа Аракчеева свои бумаги, которыми Императоръ занимался наединѣ, а особенно въ Царскомъ Селѣ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ я былъ дежурнымъ при Государѣ, когда онъ осматривалъ Главный Штабъ. Увидя лежавшую на столѣ карту Сѣверо-Американскихъ владѣній Россіи, онъ, показывая пальцемъ берега еще не совсѣмъ извѣстные, сказалъ: „до сихъ поръ доѣзжалъ капитанъ Врангель", а потомъ, указывая на Ледовитый океанъ, присовокупилъ: „любопытно узнать, до которыхъ поръ дойдетъ нынѣшняго года капитанъ Парри".

Въ эту зиму Государь подарилъ Главному жъ Штабу изъ собственной своей библіотеки разныя книги, между которыми находился французскій адресъ-календарь (almanach impérial) 1812 года. Пересматривая его, я нашелъ въ немъ собственноручную записку Его Императорскаго Величества, заключающую въ себѣ сравнительную таблицу или исчисленіе гвардіи Наполеоновой въ 1810 и въ 1811 годахъ и ясно доказывающую, съ какимъ вниманіемъ Государь наблюдалъ за силами своего противника [1]).

Въ сіе время начали уничтожаться мои предположенія на счетъ отставки моей и уединенной жизни въ деревнѣ, гдѣ я намѣревался посвятить себя исключительно служенію музъ. Званіе флигель-адъютанта почиталось тогда самою лестною наградою; Императоръ назначалъ въ оное офицеровъ единственно по собственному своему выбору; недостаточно было

---

[1]) Данилевскій былъ въ то время начальникомъ библіотеки главнаго штаба. Н. Ш.

для полученія онаго происходить изъ знатной породы или имѣть отличныя заслуги, но надлежало чѣмъ-либо особеннымъ обратить на себя вниманіе монарха. По сей причинѣ невозможно было мнѣ и думать оставить службу, не прослывъ чудакомъ или неблагодарнымъ къ Государю, что въ монархическомъ правленіи неблагоразумно. Къ сему присоединилося еще другое обстоятельство. Я упомянулъ выше, что я познакомился въ августѣ мѣсяцѣ въ Москвѣ съ одною дѣвицею. Пріятели мои начали сватовство, тогда какъ я поѣхалъ съ Государемъ въ Кіевъ и въ Варшаву, и въ ноябрѣ мѣсяцѣ написали мнѣ, что не доставало только моего присутствія въ Москвѣ, чтобы дѣло сіе привести къ желанному окончанію. Я получилъ объ этомъ извѣстіе на моемъ дежурствѣ; помню, что я сидѣлъ одинъ и писалъ. Прочитавъ письмо изъ Москвы, я ходилъ нѣсколько времени по зеленому сукну, разостланному по полу дежурной комнаты, вышелъ потомъ въ длинный, мрачный корридоръ, слабо освѣщенный одною лампою, бродилъ по огромнымъ заламъ дворца: вездѣ царствовало молчаніе. Мнѣ хотѣлось встрѣтить какое-нибудь живое существо, чтобы спросить его, на что мнѣ рѣшиться. По сильномъ бореніи я сказалъ самъ себѣ: „ѣду!“—взялъ на другой день отпускъ и въ двое сутокъ былъ въ Москвѣ. Кто женится на богатой невѣстѣ, тому обыкновенно, особенно въ Москвѣ, дѣлаютъ разныя препоны, ибо нѣтъ города, гдѣ золото цѣнится выше, нежели въ нашей старинной столицѣ. Сіе случилось и со мною, но поступки моихъ недоброжелателей были столь низки, напримѣръ, изливая желчь свою въ подкидываемыхъ бранныхъ письмахъ, что кромѣ презрѣнія они ничего другаго не заслуживали. Черезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда, а именно 21 декабря, былъ мой сговоръ, а свадьбу отложили до апрѣля мѣсяца наступавшаго года. На святкахъ я возвратился въ Петербургъ, и окончаніе 1816 года застало меня совершенно въ другомъ положеніи, нежели въ какомъ я его началъ.

СНОШЕНІЯ СЪ ПЕРСІЕЙ ПРИ ГОДУНОВѢ.

I.

Исторія нашихъ раннихъ сношеній съ Закаспійскимъ востокомъ до сихъ поръ довольно мало разработана, между тѣмъ теперь, когда наши связи съ нимъ становятся тѣснѣе и тѣснѣе, эти отношенія, за сотни лѣтъ назадъ, положительно заслуживали бы бо́льшаго вниманія. Иностранцы упорнѣе насъ добивались возможности извлечь пользу изъ положенія вещей „за Хвалынскимъ моремъ". Венеція и Венгрія еще во времена Великаго Княжества Московскаго искали въ Персіи союзницы противъ грозной Турціи. Немного позже англичане надумали, что тамъ выгодно торговать, проникая въ Иранъ черезъ Архангельскъ и Волгу. Снаряжая къ шаху уполномоченнаго, Елизавета просила насъ пропустить его на югъ. Когда въ 1573 г. на одинъ ихъ транспортъ на Каспіи напали казаки-разбойники и астраханскій воевода послалъ 500 ратныхъ людей отбивать англійскій товаръ, то часть возвращеннаго стоила до 5,000 ф. стерл.

Какія же были наши цѣли по отношенію къ Персіи, приблизительно тогда же, въ правленіе Годунова? Недавно вышелъ XX-тый томъ „Трудовъ Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества". Хотя въ книгѣ заключается исключительно сырой матеріалъ, касающійся связи Московской Руси временъ Ѳеодора Іоанновича съ Закаспійскимъ востокомъ, тѣмъ не менѣе, неизвѣстныя раньше данныя проливаютъ достаточно свѣта на дипломатическую дѣятельность триста лѣтъ назадъ. Есть надъ чѣмъ призадуматься, чему поучиться, да къ тому же и бытовыя черты крайне любопытны. Жаль, что Н. И. Веселовскій, редактировавшій эти памятни-

ки старины, спеціалистъ по исторіи затронутаго ими края— не снабдилъ ихъ совсѣмъ примѣчаніями. Безъ нихъ иныя вещи далеко не ясны. Необходимо было бы, по меньшей мѣрѣ, снабдить изданіе предисловіемъ общаго характера, очертивъ наше положеніе и восточную политику въ ту эпоху. Теперь же остается привѣтствовать, что сдѣлано, дополняя вкратцѣ подобранный въ книгѣ сырой матеріалъ. Если его оформить,въ концѣ концовъ, все-таки получается живая и яркая картина.

Борисъ Годуновъ отлично понималъ важность полезной обоимъ государствамъ дружбы Россіи съ Персіей и, намѣреваясь поддерживать добрыя отношенія (завязавшіяся при Грозномъ), въ 1588 году намѣтилъ туда посланникомъ Григорія Борисовича Васильчикова. Это прежде всего вызывалось тѣмъ, что воцарился юный энергичный шахъ Аббасъ, впослѣдствіи прозванный Великимъ: отъ него хотѣли заручиться обѣщаніями, похожими на данныя его отцомъ, увѣрить въ своей готовности помогать противъ турокъ, извиниться въ ограбленіи на Волгѣ казаками „персицкаго" шахова человѣка Анди-бѣя, везшаго Ѳеодору Іоанновичу подарки.

Тогда поѣздка къ Астрахани, а тѣмъ болѣе дальше въ море сопровождалась значительными опасностями. За нашими предѣлами прямо ждали туркменскіе пираты съ одной стороны, съ другой подданные „турскаго салтана". Кто шелъ съ грамотами московскаго царя, разсчитывалъ на каждомъ шагу подвергнуться очень серьезному нападенію, но такія случайности не пугали именитыхъ русскихъ людей 16-го столѣтія. Имъ казалось до того естественнымъ рисковать жизнью, когда Государь послалъ! „Приходили на насъ межъ Баки и Гилянскія земли многіе съ вогненнымъ боемъ, и мы побили многихъ, и отошли отъ нихъ здорово". Какая простота и сила въ нѣсколькихъ словахъ! Вѣдь нашихъ путешественниковъ, при такихъ схваткахъ, всегда насчитывалась лишь горсть! И при Михаилѣ Ѳедоровичѣ пути въ Азію не стали безопаснѣе.

Васильчикову вручили посланіе „государя всеа Руссіи, утвержденнаго скиѳетръ держати православія" шаху и вмѣстѣ со своимъ посланникомъ отправили домой персіянъ, явившихся раньше въ Москву съ порученіями. Иноземцевъ берегли и хорошо кормили дорогой, давали „барановъ, куровъ и утятъ".

Статейный списокъ (отчетъ, заключающій въ себѣ путевой дневникъ, переговоры съ чужестраннымъ правительствомъ,

свѣдѣнія, собранныя заграницей) перваго Ѳеодорова представителя въ Персіи преисполненъ любопытныхъ подробностей.

„*До Волскаго устья изъ Асторахани*", гдѣ сидѣлъ воеводой князь Троекуровъ, пришлось ѣхать *цѣлыхъ четыре дня*. Море оказалось „не устройлово". По Каспію несчастныхъ носило *почти два мѣсяца*: „погодье было встрѣчное, жили вѣтри великіе". Выходя въ это тяжелое плаваніе, Васильчиковъ не преминулъ еще передъ тѣмъ допросить встрѣчнаго хивинскаго купца объ „Обасѣ на Кизылбашехъ" [1]). Всюду почерпались данныя, знать которыя могло впослѣдствіи пригодиться. Сознанье долга, повидимому, властно охватывало посылаемаго отстаивать наши государственные интересы.

Послѣ продолжительныхъ морскихъ блужданій судно прибыло къ берегу, — неподалеку отъ дружественныхъ намъ и шаху (?) гилянскихъ владѣній [2]). Персіяне предлагали Васильчикову сухопутно двинуться впередъ. „И Григорей говорилъ: мнѣ какъ одному сѣсть на подводы, а судно покинути съ людьми и со всею рухлядью?" Такъ онъ его и довелъ самъ до мѣста.

Въ Гилянѣ „съ почтивостью" отнеслись къ гостю изъ Москвы. Туземцы въ то время торговали уже довольно бойко съ Поволжьемъ. Англичане еще при Грозномъ видѣли богатства этой области, мечтали завязать съ ней тѣсныя сношенія.

„Ханъ Ахметъ" находился „для своего государева прохладу въ горахъ". Приближенные, ссылаясь на обычай, захотѣли переписать Васильчиковскія вещи (между прочимъ и царскія поминки Аббасу, „платья нарядныя и соболи"). Нашъ посланникъ сурово и энергично возсталъ противъ этого, съ гордостью говоря, кто онъ и что-за разница между нимъ и осматриваемымъ купечествомъ. „Язъ на тоѣ рухлядь, что нести къ шаху, *и самъ смотрить не смѣю*". „Только бъ вѣдалъ Государь нашъ царское величество, что *быть* надъ нами *такому великому безчестью*, чего ни въ которыхъ государствахъ не ведетца, мочно было Государю и безъ гилянъ дорогу найдти изъ Государя нашего вотчины на Терекъ и на Черкасы и на Грузы; а Грузинской и Черкасы, и сами вѣдаете, что нынѣ подъ Го-

[1]) Когда въ Персіи возвысилась такъ-называемая суфійская династія шіитскаго толка, ея приверженцы стали носить чалмы съ краснымъ верхомъ, за что получили прозваніе „красноголовыхъ", кизильбашей.

[2]) Повелители Ирана издревле не могли разсчитывать на вѣрность гилянцевъ.

сударя нашего царского величества рукою, и послушны". Васильчиковъ такимъ образомъ ставилъ на видъ, что, если его оскорбятъ въ одномъ изъ священнѣйшихъ чувствъ,—благоговѣйномъ отношеніи ко всему, касающемуся повелителя, онъ этого поступка не забудетъ: впредь русскіе могутъ сноситься съ Персіей иными путями, черезъ дружелюбно настроенную часть Кавказа. Послѣднее представлялось однако и неудобнымъ, и сомнительнымъ, ибо разсчитывать на кавказцевъ, какъ мы увидимъ дальше, тогда еще было трудно, да кромѣ того путь черезъ горы былъ крайне опасенъ, что 16 лѣтъ позже испыталъ участникъ австрійскаго посольства Тектандеръ.

Хотя нашъ посланникъ открыто называлъ любопытство хана „бездѣльнымъ дѣломъ", грозилъ изгнаніемъ гилянскихъ торговыхъ людей изъ нашихъ предѣловъ, вообще волновался страшно,—вещи, отправляемыя къ Аббасу, тѣмъ не менѣе, взяли для переписи и неприкрытыми бросили на нѣсколько дней, гдѣ попало. Пища пріѣзжимъ не выдавалась. Предметы, захваченные съ собой изъ дому для обмѣна на съѣстное, у русскихъ временно отняли. „Намъ ныне на проесть продать нѣчего", жалуется Васильчиковъ въ своемъ статейномъ спискѣ, но разумно поясняетъ тутъ же въ другомъ мѣстѣ: „а тѣмъ межъ Государя нашего и шахова величества дороги посольскіе не затворятца". Все-таки обвинять приходилось спутниковъ-персіанъ, которые не нашли нужнымъ противиться такому образу дѣйствій туземцевъ, не оградили русскихъ гостей. Въ этомъ сказывалась неблагодарность: мы широко принимали и въ чести держали Аббасовыхъ людей.

Наконецъ ханъ увидѣлся съ нашимъ посланникомъ, поинтересовался, каковы отношенія московскаго государства ко всему западу. Разспросы свидѣтельствовали о любознательности и нѣкоторомъ знаніи. Въ отвѣтахъ Васильчикова встрѣчается одна странная подробность. Когда рѣчь зашла о вѣроисповѣданіи, онъ заявилъ: „вѣра наша истинная православная, хрестьянская вѣра, а грузинской Александра царь вѣры крестьянскіе жъ, только до нашіе правые вѣры не дошла, поизсякла". Гилянскій правитель на это замѣтилъ: „какаву вѣру Богъ велѣлъ которымъ людямъ имѣти, и тѣ люди по своей вѣре въ своихъ вѣрахъ и пребываютъ". Азіатъ желалъ знать, нѣтъ ли у насъ религіознаго стѣсненія. Нашъ посланникъ отрицалъ: „пріѣзжаютъ къ великому Государю нашему изо многихъ изъ мусульманскихъ государствъ цари и царе-

вичи, а изъ неметцкихъ земель короли и королевичи, и Государь къ нимъ свое жалованье держитъ великое, отъ вѣръ ихъ отъ своихъ не отводитъ". Въ оцѣнкѣ Ахмета всего лучше выражается восточное воззрѣніе на подобную политику: „то Государь вашъ дѣлаетъ гораздо, что невольности въ своей землѣ дѣлать не велитъ. Такихъ государей прославляютъ".

По мѣрѣ дальнѣйшаго движенія вглубь Ирана съ Васильчиковымъ поступали такъ же неделикатно, какъ сначала въ Гилянѣ. Шахъ въ то время воевалъ съ грознымъ владыкой бухарскимъ, захватившимъ хорасанскую область, и отсутствовалъ. При возвращеніи Аббаса изъ Хорасана надо было зорко смотрѣть, чтобы ни въ чемъ не поступиться посольскимъ достоинствомъ, а мѣстные „болшіе приказные люди" наровили сдѣлать именно противоположное, чѣмъ-нибудь умалить гостя: то его хуже содержали, нежели явнаго врага, представителя турецкихъ интересовъ, то требовали встрѣтить шаха безъ свиты, то совѣтовали цѣловать ему ноги. Нашъ посланникъ на каждомъ шагу велъ борьбу. Въ результатѣ персіане уступали. Но дипломатическія побѣды давались не легко, обусловливались крайней твердостью характера. „Мы пришли не съ недружбой", напоминалъ Васильчиковъ приближеннымъ Аббаса. Между ними тогда находился „черкашенинъ" Фергатъ-бекъ, хорошо понимавшій значеніе этихъ словъ для блага Персіи. Онъ могъ объяснять шаху, насколько Россія могущественна, ссылаясь на отзывы Казы-Гирея, попавшаго нѣсколько лѣтъ назадъ въ плѣнъ, пока крымцы помогали Портѣ въ войнѣ съ Персіей.

Когда Аббасъ, вернувшись изъ похода, захотѣлъ принять московскаго гостя, послѣдняго предварительно спросили отъ имени туземнаго повелителя о здоровьи царя Θеодора, объ его, Васильчикова, здоровьи, о томъ, всѣмъ ли онъ по дорогѣ доволенъ. „А и были которые въ дороге кручины, и ныне Государя вашего жалованьемъ все позабыто". Одновременно съ такимъ простымъ и любезнымъ отвѣтомъ, нашъ посланникъ категорически заявилъ, что ни подъ какимъ предлогомъ не унизится до цѣлованья ногъ: „безчестье не мнѣ—Государю нашему". Привезшій шаху грамоты отъ императора Рудольфа II въ 1603 г. образованный саксонецъ Тектандеръ палъ ницъ передъ Аббасомъ, лобызалъ ему руки.

Придворные пытались подставить новую ловушку: Васильчикову предложили стать съ подарками, въ ожиданіи, что вла-

стелинъ верхомъ поѣдетъ мимо него, грозили гнѣвомъ, въ случаѣ непослушанія: „Хоть меня шахъ казнить вели, не возможно мнѣ шаховы очи видѣть на поѣзде“.

Пріемъ состоялся въ городѣ Казвинѣ вскорѣ затѣмъ. Аббасъ сидѣлъ подъ навѣсомъ на коврахъ. „Григорей поклонъ отъ государя исправилъ, и шахъ противъ государева поклона не всталъ. А какъ Григорей рѣчь изговорилъ и шахъ Григорья звалъ къ рукѣ, и клалъ на Григорья руку, и послѣ того велѣлъ сѣсти противъ себя блиско“. Принесли царскіе поминки, а также дары Бориса Годунова и самаго посланника. Все это оказалось „добрѣ любо“ повелителю Ирана. На радостяхъ далось обѣщаніе закрѣпить за Москвой персидскіе города Баку и Дербентъ, если только удастся отнять ихъ у султана. Васильчикова пригласили обѣдать въ дворцѣ, но онъ постился и потому отказался. Обсуждать съ нимъ дѣла поручили Фергатъ-беку, что не совсѣмъ по душѣ было нашему посланнику, желавшему бесѣдовать о нихъ лично съ Аббасомъ. Все въ сущности сводилось къ вопросу, какъ и дружно ли биться съ турецко-татарскими войсками, „стоять за одинъ крѣпко и неподвижно на вѣки“. Въ то время наша рать наступала на Кавказъ, съ воеводой кн. Хворостининымъ.

Рисуя картину русскаго вліянія повсюду, Васильчиковъ обращаетъ вниманіе на успѣхи въ Сибири, гдѣ „Кучюмъ царь убежалъ и казакуетъ на поле“, гдѣ воеводы уже поставили церкви „на великой на Оби рекѣ“. Это не могло не производить впечатлѣнія на персіанъ, знавшихъ про Кучумовы связи съ бухарцами. Съ другой стороны здѣсь извѣстна была сложная годуновская политика по отношенію къ европейскимъ мусульманамъ. Съ ними то мирились, то сражались. „Цесарь римской“ присылалъ посла хлопотать о союзѣ противъ Порты. „Вмѣстѣ будутъ папа римской и король ишпанской и ѳранцовской и веницѣйской князь и всѣ поморскіе государи“.

Аббасовы слуги не могли въ свою очередь сообщить ничего столь вѣскаго и отраднаго. „Поймалъ турской у шаха городы, болшіе мѣста, опричь волостей и пригородовъ, опричь Тевриза и Шемахи и Ширвана и Баки и Дербени, городъ Эривань, городъ Решта, городъ Нохчеванъ, и иные многіе. Что лучшіе городы въ Кизылбашехъ ни были, тѣ всѣ нынѣ за турскимъ. *Бухарской Абдюла царь съ шахомъ въ великой недружбе по зъ ссылке турского*“. Незадолго передъ тѣмъ толпы узбековъ разорили Мешхедъ, святыню шіитовъ-персіанъ, съ ея достослав-

ной могилой „святаго“ имама Ризы [1]). Хотя и мужественный, и предпріимчивый—Аббасъ не имѣлъ нужныхъ для борьбы пушекъ и пищалей, а у враговъ на западѣ все это было; кромѣ того онъ начальствовалъ надъ весьма незначительнымъ войскомъ. Тѣмъ удивительнѣе, какъ сравнительно мало ухаживали за Васильчиковымъ,—что, вѣроятно проистекало изъ непривычки придавать вѣсъ отдѣльной личности. Фигура властелина заступала на востокѣ все остальное. Простой подданный-посолъ казался чѣмъ-то третьестепеннымъ. Надо отдать справедливость Васильчикову, что онъ съумѣлъ искусно держать себя въ такомъ трудномъ положеніи, могъ служить образцомъ такта и рѣшимости для послѣдующихъ посланниковъ.

Если принять въ соображеніе, что Грузія тогда была совершенно отрѣзана отъ Ирана, что хивинцы, на которыхъ нападала яицкая казачья вольница, протягивали руку помощи Бухарѣ, что „въ Старабадѣ подлѣ моря“ (Астрабадѣ) сидѣлъ съ туркменами хивинскій же царевичъ Маметкулъ, что гилянскій ханъ (а его земля всегда любила самостоятельность!) тоже принималъ на службу „тюркменцевъ“, злоумышляя противъ Аббаса,—и объ этомъ знали въ Москвѣ,—нельзя не призадуматься надъ планами Бориса Годунова: неужели онъ видѣлъ, чѣмъ станутъ въ будущемъ и какое значеніе пріобрѣтутъ русскія связи съ Персіей? Или его смутно безпокоила возможность, что европейцы, помимо насъ, завяжутъ тамъ болѣе прочныя сношенія? Вѣдь португальцы въ то время уже утвердились на югѣ, въ заливѣ; англичане посѣтили Персію въ лицѣ нѣсколькихъ путешественниковъ-коммерсантовъ [2]). Недаромъ наши дипломаты выспрашивали: „съ цысаремъ и съ ышпанскимъ и съ французскимъ королемъ бывала ли ссылка“? Во всякомъ случаѣ прозорливость царскаго шурина неоцѣнима. Ею же объясняется покровительство, оказывавшееся единовременно съ тѣмъ бухарскимъ купцамъ, уже съ 1364 г. появлявшимся въ Нижнемъ.

Когда шаховы послы ѣхали къ намъ въ 1590 г., Өеодоръ Іоанновичъ „приговорилъ ихъ поставити въ Нижнемъ Новѣгородѣ, покамѣста изъ своего государева походу сходитъ со многими ратьми на непослушника своего Ягана короля Свѣй-

---

[1]) Любопытно, что она всего полтора вѣка раньше была изукрашена сыномъ Тамерлана Шахрохомъ, владыкой Бухары и Самарканда.

[2]) Въ 1562 г.—извѣстный Дженкинсонъ, затѣмъ Эльмокъ, Эдуардсъ, Чэпмэнъ, Бэннистеръ и другіе.

скаго за его неправды". Предписывалось „береженье къ кизылбашскимъ посломъ держати великое, чтобы имъ отъ приставовъ и ото всякихъ русскихъ людей безчестья никакова не было, чтобъ имъ во всемъ было честно". Но параллельно съ тѣмъ эти *персіане обязывались съ крайнимъ почтеніемъ относиться ко всѣмъ царевымъ слугамъ, встрѣчать ихъ въ сѣняхъ.* Новопріѣзжимъ разсказывались подробности о нашемъ могуществѣ: „по островомъ по сю сторону моря неметцкихъ воеводъ конныхъ и пѣшихъ побили, а за моремъ воевали до Выбора и до Абова". Русской конницы насчитывалось будто-бы *300.000*, а пѣхоты—*80.000* человѣкъ!! Пушекъ имѣлось до трехсотъ, съ ядрами у иныхъ по осьми пудъ. „По королеву приказу думные нѣмцы били челомъ конюшему и намѣстнику казанскому, и асторохanскому Борису Ѳеодоровичу Годунову, чтобы Государю печаловался. И Годуновъ со всѣми бояры Государя молили, чтобы милость показать, рати унять". Аббасовы люди, конечно, дивились силѣ и успѣху. Наконецъ имъ объявили, что царь совершилъ „*свое и земское дѣло*", и приметъ ихъ: „и зъ Божіею помочью многія мѣста повоевавъ до Свѣйскаго столнаго города Стекальна, пришли есмя счастьемъ своимъ въ свой царьствующій градъ Москву".

Пріемъ персіянъ въ Бѣлокаменной совпадалъ со вступленіемъ въ наше подданство какого-то самаркандскаго („шаморханскаго") Шихима царевича. Ихъ ввели въ золотую палату, гдѣ Ѳеодоръ возсѣдалъ „въ діодиме и царьской шапке". Кругомъ сидѣли иновѣрные царевичи, бояре и дворяне большіе „въ золотномъ платье". Окольничій Клешнинъ молвилъ: „Великій Государь! шаха послы тебѣ челомъ ударили". И Государь „звалъ ихъ къ руце". Они же черезъ толмача сказали: „многихъ земель Государь! братъ *вашъ* шахъ Абазово величество *тебѣ* челомъ ударити. Братъ вашъ велѣлъ твое здоровье видеть". Ѳеодоръ, приподнявшись, спросилъ: „шахъ Аббасъ по здорову ли?".

Обѣдали послы у царя въ Грановитой палатѣ, дивясь обилію серебряныхъ сосудовъ, ковшей, ведеръ и бочекъ. „Государево мѣсто было учинено золото съ трема степеньми, а передъ Государемъ былъ столъ золотъ". Сбоку стояли „чесы боевые золочены, неметцкое дѣло, походные на слонѣхъ". Межъ сановниковъ выдѣлялись кн. Трубецкой, Дмитрій Годуновъ и царскій шуринъ. Послѣ него угощали персіянъ. Пирующіе сидѣли въ нагольныхъ шубахъ и черныхъ шапкахъ.

Надо думать, что впечатлѣніе отъ этой картины оказало

вліяніе на людей шаха. По крайней мѣрѣ, когда Борисъ „*велѣлъ* имъ быти у себя“ черезъ три дня послѣ того, иные изъ нихъ слѣзли съ лошадей еще до воротъ годуновскаго дома (чего при поѣздкѣ во дворецъ не дѣлали). Они привѣтствовали всемогущаго боярина отъ имени повелителя „иранскаго и туранскаго“. Это очень любопытно. Выходитъ и подтверждается показаніями Тектандера, что персіяне ясно сознавали свою органическую связь со стариной, съ почти незапамятными временами борьбы двухъ міровъ (кочеваго и осѣдлаго). Оно сказывалось еще въ присылаемыхъ къ намъ грамотахъ. „Паче всѣхъ человѣкъ“ возвеличивая Ѳеодора, онѣ его уподобляютъ „древнимъ перскимъ государемъ, величествомъ и славою и любовью Джимшиду, храбростью Рустему, разумомъ Беграму и Аѳрасьябу, справедливостью Нуширвану, царьскимъ сыномъ Дарью“. Тутъ миѳическія личности (между прочимъ даже не цари Ирана, какъ богатырь Рустемъ и его врагъ, самаркандскій владыка Турана Афрасіабъ) называются рядомъ съ историческими дѣятелями. Интересно бы выяснить, хорошо ли понимали у насъ, кого подразумѣваютъ, о комъ идетъ рѣчь? Едва-ли. Иначе развѣ стали бы величать Аббаса въ грамотахъ „Персидцкіе земли началникамъ Тиранскимъ“? Надо, впрочемъ, замѣтить, что и на западѣ тоже смутно, по-книжному рисовали себѣ тогдашній Иранъ. Королева Елизавета англійская писала шаху на четырехъ языкахъ (по англ., итал., лат. и евр.): „to the Great Sophie, Emperour of the Persians, *Medes*, *Parthians*, *Hyrcanes*, *Margians*, etc.“

Борисъ бесѣдовалъ съ послами наединѣ, во все вникалъ, хотѣлъ узнать причины бѣдствій, постигшихъ Персію. Шаховы люди искренно могли говорить ему, что такое участіе ихъ повелителю „учинилось въ великую любовь“. „А слышалъ Государь нашъ, что такіе дѣла великіе добрые вчалися твоимъ великимъ разумомъ и радѣніемъ. За то тебѣ шахово величество великую хвалу воздалъ и велѣлъ говорити, что тебя Богъ родилъ разумна и дородна, и Государю своему добра хочешь. Мы чаемъ Божіею милостью сами турсково со государства згонимъ“. Годуновъ обѣщалъ посламъ „радѣти вседушно“ отправилъ имъ вслѣдъ угощеніе.

Отпуская ихъ, Ѳеодоръ, черезъ намѣстниковъ рязанскаго Ив. Годунова и ржевскаго кн. Сицкаго-Ярославскаго и дьяковъ, обнадежилъ персіянъ помощью (недаромъ, значитъ, Мо-

скву *„задрали ссылкою“*) и, главнымъ образомъ, указывалъ на ногайскую орду, которая отошла отъ Азова и мѣшала турецко-татарскимъ войскамъ напирать на востокъ. Гостямъ дозволено было взять съ собою „неметцкаго полону робятъ и дѣвокъ“, купленныхъ въ Бѣлокаменной. Наблюдалось, чтобы проданный живой товаръ состоялъ изъ нехристей. Но кого разумѣли подъ этимъ? Крещенныхъ иновѣрцевъ? Полудикихъ чухонъ? Изъ документовъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ извѣстно, что въ 1585 г. бухарскому послу Магметъ-Алею тоже дозволено купить 5 душъ „нѣмецкаго полону“.

Интересны подарки, привезенные нашему царю, „многихъ государствъ облаадателю“: 1) *сѣдло*, кизылбашьское дѣло, настилка бархатъ, шелкъ червчетъ да лазоревъ, зъ золотомъ, въ лукахъ вдѣлано яхонты и бирюзы, стремена обогнуты серебромъ (цѣна 526 р., т. е. по нынѣшней стоимости денегъ *вдесятеро* больше); 2) *шатеръ*, выбиванъ по атласу и по таотѣ, и шитъ шелки (цѣна 792 р.) и т. д. Всего шахъ прислалъ на полторы тысячи. Впослѣдствіи старшая жена Аббаса стала дарить царицу Ирину.

Отъ пословъ поднесены: 1) нѣсколько кусковъ цвѣтной камки „на конехъ люди, промежъ людей барсы имаютъ козы“, 2) лукъ изъ Мешхеда, 3) пестрый бухарскій коверъ, и т. п.

Одновременно съ персидскими являлся въ Москву и гилянскій дипломатъ, который здѣсь „по грехомъ по своимъ занемогъ“. И сноситься, впрочемъ, не стоило. Ханъ Ахметъ вскорѣ убѣжалъ къ туркамъ. Оттуда онъ написалъ „великосвѣтящюся боярину *Бориса Федоровича величеству*, чтобъ есте своего дружелюбья не урвали“. Въ концѣ посланья Годунову высказывается *пожеланіе „въ тѣхъ государствахъ быть повелителемъ“*. Заграницей сознавали, кому достанется престолъ. Только царскій шуринъ смиренно говорилъ: „дѣлаю язъ все по государеву веленью: гдѣ его слово—тамъ моя голова и душа“.

Сколько ни пріѣзжало пословъ изъ-за Каспія, имъ доводилось толковать исключительно съ Борисомъ. Ему подносились особые подарки, даже *особая грамота*. Онъ же, въ свою очередь, самъ обращался къ шаху, хотя и отъ имени царя. Только бухарскаго эмира „Абдулъ-Богатыря“ приходилось упрекать: „а ты вѣдай и про меня, государскаго холопа“.

На политическомъ горизонтѣ тѣмъ временемъ замѣчалось

много новаго. Хивинцы, вмѣстѣ съ персіянами, начали отвоевывать у бухарцевъ Хорасанъ. Къ шаху пріѣхалъ для переговоровъ французскій уполномоченный. Янычары смущали Константинополь. Австрія, объявивъ въ 1592 г. войну, тѣснила турокъ на югъ, „взяла въ Угорской и Харватцкой земле 10 городовъ, многое богатство, нарядъ многой: болши штидесятъ пушекъ". „Цесарь Руделев" сносился съ Өеодоромъ, задумывая дальнѣйшее наступленье.

Надо было отправить за море на востокъ лучшее посольство, чѣмъ прежде. Въ 1594 году снарядили туда съ расширенными полномочіями кн. Андрея Дмитріевича Звенигородскаго, со свитой изъ 63 человѣкъ. Требовалось выразить соболѣзнованіе по поводу того, что бухарцы осилили союзнаго Аббасу хивинскаго („юргенскаго") хана Азима, и пожелать шаху, чтобы онъ „надъ недруги своими поискъ учинилъ".

Нашъ посолъ *не имѣлъ права*, согласно данной ему инструкціи, посѣтить вельможнаго Фергатъ-хана (дабы не унизиться), вездѣ обязывался ставить на видъ, почему почетъ, оказываемый персіянами Годунову, не вызываетъ русскихъ на то же самое по отношенію къ придворнымъ Аббаса. „*Царскаго величества шуринъ не образецъ никому*. У него всякій царь и царевичи и королевичи любви и печалованья къ Государю просятъ, *а онъ промышляетъ ими всѣми*". Кажется, знаменательно сказано!

Когда Звенигородскій прибылъ въ Гилянъ и у него захотѣли осмотрѣть вещи, онъ прямо не далъ и дальше не давалъ. Съѣхались сюда, подъ начальствомъ Дервишъ Магметъ-хана, двѣсти вершниковъ, стали звать къ себѣ русскихъ въ гости. Князь потребовалъ, чтобы его сначала навѣстили. Передъ Казвинымъ посла торжественно встрѣтило нѣсколько важныхъ лицъ со свитою въ 1.700 человѣкъ. Всюду оказывалось надлежащее уваженіе.

Когда Аббасъ захотѣлъ принять русскихъ, придворные объявили, что это состоится „на потѣшномъ дворѣ: тутъ будутъ въ тѣ поры всякіе люди, турскіе и бухарскіе купцы и иныхъ земель многіе люди для того, чтобъ они то все видѣли и видя бъ то шаховы недруги постращились, что съ нимъ такой великій Государь ссылаетца". Звенигородскій не согласился: пусть приметъ отдѣльно, у себя „*чесно*". „Въ ногу мнѣ шаха не цѣловывать".

Во время пріема, Аббасъ освѣдомился прежде всего отно-

сительно здоровья посла. „И князь Ондрей говорилъ: *пригоже, Государь, тебѣ напередъ, вставъ, спросить про брата своего Государя нашего царя здоровье. И шахъ вспросилъ, сидя на колѣнкахъ*". Если только подумаешь, какою жестокостью и какимъ своеволіемъ отличались восточные деспоты, и тому, что, какъ извѣстно, при Васильчиковѣ онъ не всталъ,—мужеству князя Звенигородскаго положительно дивишься. Подобная рѣчь не могла не поразить шаха,—тѣмъ болѣе въ присутствіи царедворцевъ. Въ результатѣ нашъ уполномоченный понравился повелителю Ирана и былъ позванъ на другой день въ гости повеселиться. „Средь двора потѣшнаго зажигали въ трубахъ мѣдяныхъ пищальное зелье. Въ столъ носили передъ шаха и передъ ближнихъ людей его и передъ дворянъ овощи виноградъ и всякой овощъ". Андрей Дмитріевичъ сидѣлъ подъ однимъ навѣсомъ съ Аббасомъ, имѣя *ниже* себя посольство могущественнаго Тамерланова потомка Джелалъ-Эддинъ-Мохаммеда, великаго могола, правившаго сѣверо-западной Индіей. Это обстоятельство нашимъ поставлено на видъ, даже преувеличено: „За индѣйскимъ Джеляледдиномъ Акберъ государемъ всего свѣта двѣ доли, а третья за всѣми крестьянскими и бусульманскими государи".

Въ бытность князя персіяне предавались и инымъ забавамъ. „Потѣха была у шаха: скачючи на конѣхъ, шахъ и дворяне его играли шаромъ; послѣ того стреляли, скачючи же, изъ луковъ вверхъ на шестѣ блюдо золотое" [1]). Или же тѣшились стрѣльбой „по примѣтѣ изъ пищалей". Затѣмъ Аббасъ шелъ въ садъ „въ полату", съ проведенной туда водой, и кушалъ въ прохладѣ „овощи вишни и дыни, и арбузы въ меду". Иногда вся эта знать собиралась въ „ряды". „Шахъ ходилъ по рядамъ и смотрѣлъ товаровъ, а въ рядѣхъ у всѣхъ лавокъ стѣны обиты камками, а товары всякіе во всѣхъ лавкахъ развѣшены по стѣнамъ и раскладены, и свѣчи многіе зажжены и ставлены у товаровъ. А въ лавкахъ сидѣли торговыхъ людей дѣти и племянники молодые. И показывалъ шахъ князю Ондрею камень

---

[1]) Невольно припоминается древняя потѣха иранцевъ у Самарканда, имѣвшая едва-ли не религіозное значеніе, въ связи съ культомъ солнца: всѣ жители (включая правителя) верхомъ старались въ извѣстный праздникъ попасть стрѣлою въ золотую монету. Попавшаго въ теченіе сутокъ считали царемъ.

яхонтъ жолтъ, а вѣсу въ немъ сто золотниковъ. И показывалъ шеломы, и шапки, и пансыри мѣстнаго, кавказскаго и индійскаго производства, глядѣлъ на барсовъ, прикованныхъ подлѣ одной лавки, ѣлъ, пилъ, велѣлъ передъ собой играть и плясать". Просто чудно разсказывать о такой простотѣ нравовъ и безсодержательности Аббасовой жизни дома, внѣ походовъ! Непосредственность шаха доходила до того, что онъ, по свидѣтельству одного иностраннаго источника [1]), при всѣхъ ласкалъ и цѣловалъ коней, сидя на которыхъ, убилъ въ бою много турокъ.

Звенигородскій билъ ему челомъ, чтобы *пожаловалъ къ русскимъ въ гости испить ихъ вина*. Тотъ явился со свитой, которая стала слѣзать съ лошадей еще до въѣзда во дворъ. Это весьма характерно, если вспомнить, что 30 лѣтъ раньше шахъ Тамаспъ принялъ англійскаго посла какъ „невѣрнаго": при входѣ во дворъ его заставили одѣть башмаки, чтобы не запачкать священной земли, по которой ступалъ мѣстный властелинъ. При уходѣ иноземца за нимъ шелъ слуга, посыпая пескомъ нечестивые слѣды.

Бесѣды повелителя Ирана съ нашимъ посломъ очень занимательны. Говорилось о самыхъ разнообразныхъ предметахъ. Напримѣръ, о кречетахъ. Ѳеодоръ Іоанновичъ посылалъ таковыхъ въ Персію, въ видѣ подарковъ. Дорогой приказывалось брать съ обывателей ежедневно на каждаго по гнѣзду голубей или по курицѣ. Несмотря на уходъ, охотничьи птицы нерѣдко гибли „отъ морскія нужи". Аббасъ печалился. Любуясь прибывшими въ цѣлости, онъ разспрашивалъ, гдѣ онѣ берутся. „Кречаты водятся въ Холмогорахъ, на Двинѣ и на Бѣлѣ озерѣ".

„Спросилъ шахъ князь Ондрея: которые роды у Государя вашего мѣстомъ больше? И князь Ондрей говорилъ: у Государя, Государь, у нашего у великаго Государя много всякихъ родовъ царскихъ и королевскихъ, и государскихъ родовъ и княженецкихъ, и боярскихъ, а всѣхъ больши чтитъ и жалуетъ Государь своего царскаго величества шурина Годунова".

Звенигородскій толковалъ съ Аббасомъ о Бухарѣ, о тщетной присылкѣ ею пословъ въ Москву. Въ присутствіи князя

---

[1]) „Iter Persicum", ed. Schefer. Paris. 1877.

шахъ выпытывалъ у дружественныхъ хивинцевъ, велико ли царство сибирское. Они отрицали, приравнивали его по размѣрамъ своему отечеству. Русскій посолъ заспорилъ: „поставили Государя нашего люди больши двадцати городовъ и церкви поставили, а старыхъ городовъ во всей Сибирской землѣ было до дву-сотъ. И живутъ ныне въ Сибири многіе Государевы воеводы, и на житье многіе люди устроилъ Государь дѣтей боярскихъ и литовскихъ и нѣмецкихъ людей, и казаковъ, и стрельцовъ, и дань съ Сибирскіе земли нашему Государю идетъ многая: соболи и лисицы черныя, и иной звѣрь всякой“.

Любознательный шахъ разспрашивалъ и о другихъ предметахъ: „у Государя вашего пушки сколь велики, и какъ ихъ въ походѣ волочатъ? Пушекъ много: ныне великій Государь его царское величество велѣлъ слити больши прежнего, а ядра у нихъ живутъ мало не въ стояча человѣка ядро. И коли Государь нашъ посылаетъ подъ городы воеводъ своихъ, и тогды подъ большими пушками живетъ по три тысячи человѣкъ и больши“.

Аббасъ поинтересовался: „Большіе Нагаи въ какой мѣрѣ со Государемъ и гдѣ и въ которомъ мѣстѣ кочевье ихъ?“ „Нагаи Заволскіе издавна служатъ, а нынѣ *всѣ мирзы со всею ордою во всей Государевой волѣ.* Кочюютъ межь Поволскихъ городовъ и на службу дѣтей и братью посылаютъ сколько куды, коли Государь велитъ послать: *Урусовы княжіе дѣти* ходили подъ крымскіе улусы и отогнали до тридцати тысячь лошадей и людей многихъ, которые за ними ходили, побили. А на княженье въ Заволскихъ Нагаѣхъ князи изъ Государя нашего царскихъ рукъ садятца“.

Шаху, очевидно, немаловажно было знать, что-за силы находились отчасти въ распоряженіи Москвы противъ западныхъ татаръ. Однако онъ тотчасъ перешелъ на иную тему. „Жемчюгъ отколѣ ко Государю идетъ?“ „Жемчюгъ ведетца на Двинѣ на Колмогорахъ и въ великомъ Новѣгородѣ въ рѣкахъ“. Затѣмъ шахъ заговорилъ о полученныхъ имъ свѣдѣніяхъ, какъ изъ Сибири бухарскіе купцы повезли владыкѣ Абдуллѣ 27 кречетовъ, но доѣхало лишь три, причемъ одного онъ отправилъ къ сыну въ Балхъ. Звенигородскій встрепенулся, услышавъ про такой въ сущности совершенно ничтожный фактъ, хотя мнѣ сдается, что слухъ относился къ 25 кречетамъ,

(дѣйствительно, какъ видно изъ нашихъ архивныхъ дѣлъ) подареннымъ эмиру Москвой въ 1589 г.: „Сибирскимъ воеводамъ крѣпкой заказъ, чтобы бухарскимъ людемъ кречетовъ и дорогихъ соболей и лисицъ продавати не велѣли. (Это наказывалось и позже, чтобы не одешевить царскіе подарки). Нѣчто будетъ, которые люди нѣ въ которомъ въ украиномъ въ дальнемъ городѣ продали украдомъ, утаяся отъ воеводъ". Тутъ пришла очередь Аббаса испытать непріятное чувство. Онъ желалъ усиленія торговыхъ сношеній Средней Азіи съ Сибирью, откуда въ Персію сравнительно очень дешево доставлялись цѣнные мѣха. „Въ томъ бы Государь ни въ чемъ заповѣдати не велѣлъ въ торговлѣ, лише бы велѣлъ заповѣдати воеводамъ, чтобы не продавали ратного доспѣховъ и иные никакія ратныя сбруи. А то бъ велѣлъ торговати бухарскимъ людемъ всякими товары съ сибирскими людьми безъ запрещенія, опричь ратного".

Вообще,—кромѣ одного періода, около исхода XVI в. (ужь и вправду-ли не изъ-за личной непріязни Годунова къ эмиру?) коммерческія связи нашихъ зауральскихъ владѣній съ югомъ были очень обширны и крѣпки, поощрялись самимъ правительствомъ. Выходцы оттуда селились у насъ и до сихъ поръ мѣстами сохранялись. Объ этомъ есть немало данныхъ, хотя бы, напримѣръ, въ недавно изданныхъ трудахъ: „Заселеніе Сибири" Буцинскаго, „Матеріалы, собранные для министерства государственныхъ имуществъ г. Паткановымъ объ инородцахъ Тюменскаго округа", „Сношенія Россіи съ Средней Азіей и Индіей" Уляницкаго.

О дѣлахъ Звенигородскій предпочиталъ вести бесѣду съ Аббасомъ, всякій разъ „какъ шахъ почелъ быти на веселѣ", а извѣстно, что онъ любилъ пить.

Въ то время мы не прочь были завязывать наивозможно тѣсныя сношенія съ единовѣрной Грузіей „Иверской землей греческаго закону". Тамъ велъ переговоры „Ывanъ Всеволодцкой". Желая чѣмъ-нибудь угодить тогдашнему царю Александру, наше правительство предложило Аббасу отпустить въ Россію жившаго у него царевича „Костентина". Этотъ однако самъ отказался: „я нынѣ здѣсь обусурманенъ и ожененъ и учинился въ холопствѣ у шахова величества". Параллельно съ тѣмъ онъ предостерегалъ довѣрять отцу, который по-настоящему не принадлежитъ ни къ какой религіи и обма-

ныває тъ Москву, также какъ и турокъ, и персіянъ. Значитъ, на подобнаго союзника трудно было вполнѣ разсчитывать.

По наведеннымъ справкамъ въ Стамбулѣ начинали серьезно подумывать о прекращеніи ссоры съ Ираномъ, засылали пословъ, наказывали имъ поминать (кормленіемъ убогихъ людей) родителя Аббаса. Послѣдній хотя и колебался, но надежды на миръ являлись слишкомъ заманчивыми. Только такимъ путемъ казалось возможнымъ защититься отъ Бухары. Ея войско, переправляясь черезъ Аму-Дарью у Чарджуя, довольно легко наступало къ Хорасану. Шаху же во-первыхъ не удавалось своевременно поспѣвать на встрѣчу нападающимъ, а гнаться за ними съ изнуренной переходами ратью представлялось почти безуміемъ, когда впереди мѣстами разстилалась безкормная и безводная степь. Такимъ образомъ Персія вообще въ политическомъ отношеніи не могла быть особенно полезной. Еслибы ей довелось стѣснить бухарцевъ, мы бы разсчитывали, что они, въ лицѣ своихъ кочевниковъ, перестанутъ обижать нашу заволжскую ногайскую орду. Но и этого нельзя было имѣть въ виду,—почему русскіе на нѣкоторый срокъ даже поставили городъ на р. Яикѣ.

Въ 1597 г. посломъ къ Аббасу отправили арзамасскаго воеводу кн. Тюфякина съ 75 спутниками. Онъ поѣхалъ хворый, скончался въ дорогѣ на морѣ и затѣмъ понемногу умерло на сушѣ еще тридцать восемь человѣкъ свиты. Ее встрѣчали съ почестями. Когда замѣстившій князя дьякъ Емельяновъ высадился въ Гилянѣ, „били въ бубны и обезьяна плясала, ѣздя на козлѣ, въ пансыре и въ шеломе и въ саадакѣ и съ щитомъ, а козелъ подъ нею оседланъ".

Но вскорѣ „Божья воля сталаса: Емельяновъ рознемогся огненою немощью". Вѣроятно, виноватъ былъ тамошній климатъ и очень нездоровая вода. Въ 1603 г. въ этихъ же краяхъ умерли австрійскій посланникъ Залонкемени съ 6 спутниками.

Емельянова и другихъ больныхъ кого понесли, кого повезли дальше къ шаху: „а который не можетъ на лошади сидѣти, и тѣхъ привязывали къ лошади; а иной сваляся съ лошади, тутъ и умретъ, а иново на станъ мертвово привезутъ привязана къ лошади, а иново мужикъ держитъ, чтобъ не свалился. А се жарко непомѣрно, отъ солнца испекло, а укрытись негдѣ, лѣсу отнюдь нѣтъ". Подобное безчеловѣчное отношеніе на востокѣ представлялось довольно естественнымъ, разъ

что рѣчь шла о путешествіи къ мѣстному властелину. Совершенно аналогичное случилось съ посольствомъ, имѣвшимъ во главѣ Клавихо, ѣхавшимъ въ 1403 г. отъ кастильскаго короля Генриха III привѣтствовать Тамерлана. На пути въ Самаркандъ нѣкоторые испанцы не выдержали принудительнаго движенія впередъ и скончались. Вышеупомянутый Тектандеръ доставленъ былъ къ шаху чуть живой. Въ 16-мъ между моремъ и Казвинымъ умерло нѣсколько купцевъ-англичанъ.

Съ нашими кончилось тѣмъ, что надъ Емельяновымъ поставили каменную гробницу. Персіяне повлекли тюфякинскую свиту въ Казвинъ. Когда она прибыла туда, старшимъ оказывался переводчикъ Есенъ Алѣй Дербышевъ: „его больново посадили на обычную лошадь, а у него сѣлъ мужикъ кизылбашанинъ за бедры, да его въ беремя взявъ, держалъ, а два мужика, по сторонамъ идучи, держали. А Есенъ Алѣй и голову по плечамъ изложилъ и очима не взозритъ, и не помнитъ ничего“. На встрѣчу несчастнымъ вышло до двухъ тысячъ народу. „И выносили три человѣки на головахъ три теремки, кругло сдѣланы да изцвечены всѣ каменьемъ, да зеркалы большими булатными, да лоскутками бархатными и камчатыми, и дороговинными всякими цвѣты; а на верху теремковъ по пѣтуху здѣлано по великому, а мужикъ, вскакивая, пляшетъ, а теремокъ-отъ надъ нимъ кругомъ вертитца“.

Эти полуживые русскіе, и почетный ихъ пріемъ: вотъ по истинѣ потрясающая картина!..

Аббасъ „умывался слезами жалостно“, что не довелось увидѣть посольствъ въ цѣлости, „и разъяряся великою яростію, съ великіе кручины поѣхалъ недруга своего курдистанскаго царя головы доѣжжати“. Такое выраженіе грусти всего болѣе подходило шаху, которому ничего не стоило собственноручно кого-нибудь обезглавить во-время аудіенціи или на пиру, отдать султану передъ войной съ турками заложникомъ шестилѣтняго племянника, такъ какъ его все равно бы дома казнили, а не то ослѣпили, подобно другимъ родственникамъ. Впослѣдствіи два шахова сына пострадали отъ отца. Приближеннымъ онъ иногда велѣлъ рѣзать языки и т. п.

Хотя Аббасъ оказывалъ всяческія милости прибывшимъ изъ Москвы, утѣшалъ ихъ, бесѣдовалъ съ ними,—они, въ простодушьи своемъ, не знали, какъ поступать: напримѣръ, отдавъ царскіе поминки, почему-то утаивали грамоты. Пер-

сіяне сердились: „межъ двухъ царей и любовныхъ братій ножъ кладете. Государь нашъ говоритъ: язъ-де не могу одново часа терпѣти, не видя грамотъ, сердце мое трепещетъ во мнѣ, на мѣстѣ своемъ не стоитъ". На русскихъ „кричали, вопили много и неподобными лаями лаяли". Тогда они, наконецъ, испугались и отдали.

Несмотря на невзгоды, недомогающіе москвичи за всѣмъ старались слѣдить, все подмѣчать, начиная отъ подробностей чисто внѣшняго характера и до фактовъ съ политическимъ значеніемъ. Когда Аббасъ призвалъ къ себѣ русскихъ, на немъ былъ „зипунецъ тоненькой, короткой, впущенъ въ штаны въ золотные, кушакомъ опоясанъ золотнымъ, а на немъ шапка гилянская вострая мерлушчатая, сѣрая, подложена лисицею, а на ногахъ башмаки сафьяные желты". Вообще шахъ одѣвался проще своей свиты. Онъ каждаго изъ привезенныхъ кречетовъ сажалъ себѣ на руку, „и росклобучивалъ и опять клобучилъ, и водою сахарною изъ рта напрыскивалъ". При угощеніи „передъ шахомъ стояла фляга, съ оловяннымъ тискомъ, русская, съ виномъ съ русскимъ". Послѣднее предлагалось нашимъ. *Аббасъ „пришелъ къ посламъ и говорилъ, а встати противъ себя никому не дастъ"*. Это случилось въ присутствіи бухарскаго посла, причемъ шахъ (бывшій малорослымъ), сталъ показывать свою громадную физическую силу, натягивая очень тугой лукъ: „станетъ-де меня Богъ миловати и язъ естемъ лукомъ поѣду бухарскаго Абдуллы головы доходити; выдастъ Богъ мнѣ бухарскаго царя, голову его окую золотомъ, стану ею пити. А што-де вашъ за царь, не царь-де жонка роба, торговый мужикъ, тезикъ" [1]). „Да учалъ шахъ молитись, сидя,

---

[1]) Это выраженіе довольно знаменательно: при Абдуллѣ бухарскія владѣнія были благоустроены и въ цвѣтущемъ состояніи. Такъ повторялось тамъ всегда, когда коренное, осѣдлое, трудолюбивое населеніе иранскаго происхожденія (таджики) не терпѣло черезчуръ отъ инородныхъ элементовъ. Аббасъ видимо съ пренебреженіемъ смотрѣлъ на врага, отчасти и за его культурныя стремленія. Любопытно, что шахъ, производившій себя отъ пророка Магомета, употреблялъ слово „тезикъ" въ бранномъ смыслѣ, а между тѣмъ оно средневѣковыми персіанами прилагалось еще къ самымъ арабамъ, какъ побѣдителямъ-горожанамъ, въ отличіе отъ сельскаго туземнаго населенія. Впослѣдствіи „тази" стало „таджикъ" и получило пренебрежительное значеніе въ глазахъ воинственныхъ элементовъ.

вверхъ глядя, и всѣ его люди, чтобы имъ Богъ далъ помощь на бухарскаго, да молясь, молясь потихоньку, да вскликнули во весь голосъ шахъ и всѣ его люди трожды, ставъ на колѣнки: дай-де намъ Господи умереть за свою прироженую землю, и бухарскаго царя догнати и голова его на копьѣ видяти. А посолъ бухарской сидитъ подле шаха почернѣвъ, ни живъ ни мертвъ, ни одново слово не отвѣчалъ. И послѣ того учалъ шахъ веселъ быти и вино пити". Въ этомъ безъискусственномъ разсказѣ много трагизма: такъ и чувствуешь ожесточеніе иранскаго владыки и окружающей его знати при мысли, что ничего не подѣлаешь съ суннитской Бухарой, что разъ въ столѣтія удается побѣдить и уничтожить такого героя, какъ Шейбани. Это совершилъ подъ Мервомъ знаменитый шахъ Измаилъ въ 1510 г., пославъ затѣмъ въ золото оправленный черепъ врага турецкому султану Баязиду, съ которымъ тотъ былъ въ соглашеньи, а правую руку въ иранскую провинцію Мазендаранъ, дружившую съ бухарцами. Такъ, впрочемъ, и во время Аббаса оставалось то же настроеніе.

Ухаживая за русскими, онъ однажды выразился: „тако бы не море, язъ бы *по трожды на всякой годъ* ко брату своему царю Ѳедору Ивановичу ѣздилъ самъ *на поклоненіе*. Богъ мнѣ далъ брата Бѣлово царя русскаго, на него сь и надѣюимся и хвалю, имъ и живу, и его великимъ имянемъ во всѣхъ земляхъ грозенъ. И токо-бъ мнѣ не брата Богъ далъ Бѣлово царя, и недруги бъ давно меня спихнули изъ достальново моево юрта".

„По шахову приказу были кличи многіе и на базарѣ и по улицамъ: у кого есть въ шахове земле русской полонъ купленой, и тѣ бъ люди вели ихъ по всѣмъ городамъ къ воеводамъ а воеводы за нихъ изъ шаховы казны деньги даютъ. И выходили русскіе полоненики".

Теперь говорится о фанатизмѣ персіянъ. Любопытно съ этимъ сопоставить, что было триста лѣтъ назадъ. Фергатъ-ханъ писалъ Годунову: „молимъ Бога, еже бы Бѣлому царю съ славою послѣдовати Исусу, его же силою мертвыя воскресоша и всегда бъ съ нимъ Исусова Духа помощь была". Въ подарокъ Ѳеодору отъ Аббаса въ 1594 г. привезенъ „бархатъ на золотой землѣ, а на немъ жены съ младенцы бархачены разными шолки, а поверхъ ихъ люди крылаты, а въ рукахъ у нихъ кабы ковчежцы шолковы, а противъ младенцовъ дѣвы стоячія съ ковчежцы, да деревье большое. А посолъ про тотъ

бархатъ сказалъ, что по немъ *Пречистая* Богородица съ младенцы, а надъ ними ангилы со звѣздою".

Навѣщая кн. Звенигородскаго, шахъ разсматривалъ у него православныя иконы и потомъ подарилъ ему образъ Богоматери на золотѣ, добавивъ, что „тотъ *образъ писали его писцы со фряскова образа*". Многія шаховы жены (грузинки) были христіанки.

Оріенталистъ Нёлдеке сравниваетъ настроеніе Аббаса съ вѣротерпимостью великаго сасанидскаго царя Хозроя, правившаго въ VI в. послѣ Р. Хр.

И. СУГОРСКІЙ.

ЗААТЛАНТИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТІЯ.

I.

Одно изъ заблужденій, общихъ людямъ всякаго образа мыслей. — Поучительный опытъ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ для разрѣшенія вопроса о вліяніи демократическихъ учрежденій на равенство матеріальное и соціальное.—Крайнее развитіе капитализма и новое примѣненіе акціонернаго начала. — Горячечная спекуляція.— Колоссальныя состоянія. — Обособленность праздныхъ богачей. — Демократическое лицемѣріе плутократіи.

Обыкновеніе преувеличивать вліяніе формы правленія принадлежитъ къ числу самыхъ распространенныхъ заблужденій Теоретики и практики, великіе мыслители и заурядные критики явленій общественной жизни въ равной мѣрѣ склонны видѣть въ политическихъ учрежденіяхъ того или другаго типа панацею отъ народныхъ недуговъ или оплотъ государственнаго могущества, внутренняго порядка, личной свободы и всѣхъ вообще благъ устроеннаго человѣческаго общежитія. Такъ думающіе консерваторы мало разнятся въ степени пониманія отъ либераловъ, монархисты — отъ республиканцевъ. Люди того или другаго образа мыслей отдаютъ предпочтеніе, конечно, не одинаковымъ формамъ правленія, но они одинаково вѣруютъ въ спасительность формы, помимо того глубокаго внутренняго смысла, который присущъ, напримѣръ, нашему самодержавію. Такое суевѣріе разростается въ національный культъ, овладѣваетъ цѣлыми народами, а потому тѣмъ труднѣе выяснить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ причинную связь между явленіями соціальнаго порядка и даннымъ политическимъ строемъ или опровергнуть существованіе подобной связи. Между тѣмъ, опредѣленные отвѣты необходимы. Въ наше время демократическихъ стремленій, всюду усердно

пропагандируемыхъ во имя личныхъ благъ, доставляемыхъ свободою и равенствомъ, весьма важно рѣшить вопросъ, дѣйствительно ли *демократія*, т. е. народное правленіе, обезпечиваетъ наиболѣе полное пользованіе этими благами—и рѣшить на столько удовлетворительно, чтобы невозможно было дальнѣйшее смѣшеніе понятій, чтобы государственные дѣятели, политическіе наставники и руководители общества выбрались, наконецъ, изъ тумана ложныхъ идеаловъ, если ими преслѣдуемые идеалы дѣйствительно ложны.

Передъ нами обширный опытъ примѣненія системы народнаго правленія, небывалый еще на земномъ шарѣ по чистотѣ демократическаго типа и громадности своихъ размѣровъ, это опытъ демократіи сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, непрерывно дѣйствующій уже болѣе столѣтія, демократіи, разросшейся въ мощное государство на пространствѣ 9.668.272 кв. килом. [1]) и съ населеніемъ свыше 50-ти милліоновъ [2]). Въ немъ мы вправѣ искать рѣшающихъ указаній.

Высокій уровень народнаго благосостоянія въ первенствующей на американскомъ материкѣ республикѣ уже давно обратилъ на себя вниманіе европейскихъ демократовъ, которые смѣло связывали его съ развитіемъ народовластія и ссылались на извѣстную книгу Токвилля [3]) въ подтвержденіе той неоспоримой, будто бы, истины, что политическое равенство создаетъ и упрочиваетъ равенство матеріальное. Дѣйствительно Токвилль былъ пораженъ равномѣрнымъ распредѣленіемъ богатствъ въ Соединенныхъ Штатахъ и отсутствіемъ капиталистовъ. Но послѣ того, какъ новое полустолѣтіе независимаго существованія штатовъ и удивительно быстраго матеріальнаго развитія американской націи увеличило слишкомъ въ пять разъ народное богатство и слишкомъ втрое число населенія, картина распредѣленія богатствъ сильно измѣнилась. Просвѣщенный англійскій писатель и государственный дѣятель, Джемсъ Брайсъ, два раза въ теченіе восьмидесятыхъ годовъ посѣтившій Соединенные Штаты, уже не нашелъ имущественнаго равновѣсія въ средѣ американской демократіи. Его превосходное

---

[1]) Вся Европейская Россія, со включеніемъ Финляндіи, Кавказа и Закавказья занимаетъ значительно меньшее пространство, именно: 5.721.343 кв. килом.

[2]) По переписи 1880 года. Теперь, надо полагать, это населеніе возрасло до 60-ти милл.

[3]) Вышла въ свѣтъ въ 1834 году.

изслѣдованіе, изданное въ трехъ томахъ, подъ заглавіемъ „Американская Республика", изобилуетъ данными, свидѣтельтельствующими о крайнемъ развитіи капитализма въ странѣ образцоваго соціальнаго равенства. Здѣсь больше, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ государствѣ, людей, обладающихъ многими милліонами и людей съ капиталами отъ 250.000 до 1.000.000 долларовъ, „а лѣтъ черезъ пятьдесятъ, вѣроятно, будетъ столько же большихъ состояній, сколько во всѣхъ европейскихъ странахъ, взятыхъ вмѣстѣ". Самымъ замѣчательнымъ явленіемъ въ экономической жизни Соединенныхъ Штатовъ за послѣдніе двадцать пять лѣтъ было возникновеніе не только нѣсколькихъ колоссальныхъ состояній, но и многихъ второстепенныхъ, въ размѣрѣ отъ 5.000.000 до 15.000.000 долларовъ. Число ихъ постоянно увеличивается.

Громадныя состоянія возникаютъ здѣсь не въ силу обычаевъ или законовъ, которые сосредоточиваютъ собственность въ рукахъ немногихъ людей по такъ называемому праву первородства [1]). Не являются они, въ большинствѣ случаевъ, и результатомъ свободы производительнаго труда, въ свою очередь возводимой почему-то на степень демократическаго учрежденія. Иностранцу бросается въ глаза особое умѣнье американцевъ наживать деньги,—„не то умѣнье, которое увеличиваетъ въ странѣ массу богатствъ, а то, которое переноситъ часть уже находящихся на лицо богатствъ въ карманы частнаго лица". Могущественнымъ къ тому средствомъ служитъ образованіе компаній на акціяхъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ южныхъ провинцій, находящихся въ положеніи застоя и небогатыхъ капиталами, въ Соединенныхъ Штатахъ путешественникъ всюду чувствуетъ себя окруженнымъ атмосферою, пропитанною запахомъ акцій и облигацій. Объявленія, указывающія колебанія цѣнъ, вывѣшиваются у газетныхъ конторъ и въ улицахъ и замѣняются новыми черезъ каждый часъ или черезъ каждые два часа въ теченіе цѣлаго дня. Въ сельскихъ округахъ заведены небольшія лавочки, обыкновенно называемыя bucket shops, для торговли акціями. Ими спекулируютъ всѣ, не только крупные биржевики, но и мелкіе лавочники, и заурядные городскіе жители, и фермеры, даже домашняя прислуга, даже няньки и китайскія прачки въ Санъ-Франциско. Этимъ повальнымъ стремленіемъ

---

[1]) Американцы имѣютъ обыкновеніе дѣлить наслѣдство поровну между всѣми членами семейства. Такъ же поступаютъ и завѣщатели.

къ наживѣ безъ труда, разумѣется, пользуются предприниматели всякаго рода. Въ одномъ штатѣ Иллинойсѣ было составлено въ теченіе 1886 года, на основаніи общаго закона, 1714 компаній съ капиталомъ въ 819.101.100 долларовъ. Въ этомъ числѣ было 632 мануфактурныхъ компаніи, 114 рудокопныхъ, 41 желѣзно-дорожная. Спекуляція ни передъ чѣмъ не останавливается. Покупка и продажа „будущихъ продуктовъ“ достигаетъ безобразныхъ размѣровъ: приведено въ извѣстность, что на товарной биржѣ въ Нью-Іоркѣ ежегодно запродается *впятеро* больше хлопка, чѣмъ сколько его собирается, и что въ 1887 году было запродано керосина въ *пятьдесятъ* разъ больше того количества, какое было добыто въ этомъ году. Земледѣліе сдѣлалось въ Америкѣ чѣмъ-то въ родѣ особой отрасли торговли. Въ восточныхъ городахъ, гдѣ цѣны на землю, повидимому, уже успѣли пріобрѣсти устойчивость, существуютъ особыя биржи, на которыхъ земли и дома покупаются спекуляторами только для перепродажи по возвышенной цѣнѣ иногда черезъ нѣсколько часовъ или черезъ нѣсколько дней; а на западѣ цѣны земель, особенно подгороднихъ, подвергаются болѣе сильнымъ колебаніямъ, чѣмъ цѣны самыхъ неустойчивыхъ акцій на лондонской биржѣ: тамъ цѣнность земельныхъ участковъ (по мѣстному названію, real estate) нерѣдко возвышается или падаетъ на двѣсти или триста процентовъ въ теченіе одного года. „Врожденная склонность американцевъ къ рискованнымъ предпріятіямъ, — говоритъ Брайсъ, — находитъ для себя сильное поощреніе въ существованіи множества акціонерныхъ компаній и въ удобствахъ, доставляемыхъ этими компаніями для помѣщенія самыхъ мелкихъ капиталовъ“; хотя такія же удобства встрѣчаются и въ старомъ свѣтѣ, „но до сихъ поръ лишь немногіе изъ европейцевъ научились пользоваться ими и употреблять ихъ во зло“. Американскіе промышленники попытались недавно дать дальнѣйшее развитіе акціонерному началу и создали тѣхъ „безобразныхъ гигантовъ“, которые получили названіе trusts (довѣренныхъ) — безотвѣтственныхъ правителей компаній, стремящихся, чрезъ посредство подчиненныхъ имъ агентовъ, достигнуть господства на торговыхъ рынкахъ, подчинить себѣ другихъ промышленниковъ или торговцевъ и держать потребителей въ полной отъ себя зависимости. Наиболѣе выдаются правители желѣзно-дорожные.

Въ Соединенныхъ Штатахъ почти всѣ большія желѣзныя дороги находятся подъ управленіемъ или небольшой группы

людей, или одного человѣка, обыкновенно пользующагося диктаторскими полномочіями. Не касаясь покуда причинъ возникновенія и упроченія владычества желѣзно-дорожныхъ царьковъ на такой демократической почвѣ, приведемъ лишь отзывы о нихъ одного почтеннаго американца и затѣмъ англійскаго наблюдателя. Первый изъ нихъ, м-ръ Гайтчкокъ, говорилъ въ рѣчи, произнесенной въ 1887 году въ обществѣ американскихъ юристовъ:

„Нельзя не подивиться тому факту, что владычествомъ въ такой важной сферѣ, какъ желѣзно-дорожная, даже государство не могло бы пользоваться иначе какъ для общей пользы, а между тѣмъ это владычество предоставлено безотвѣтственнымъ лицамъ для ихъ личныхъ выгодъ не только безъ всякой гарантіи, что они будутъ охранять общественные интересы, но и при подтверждаемой опытомъ увѣренности, что эти интересы будутъ приноситься въ жертву денежнымъ выгодамъ. Въ Миссури, если у пяти человѣкъ найдется достаточно денегъ для постройки только пяти миль желѣзной дороги на гладкой мѣстности, то имъ ничто не помѣшаетъ составить компанію для постройки дороги въ пятьсотъ миль,—такой дороги, сооруженіе которой не требуется для общей пользы и отъ которой ни одинъ опытный человѣкъ не можетъ ожидать хорошихъ дивидендовъ“ [1]).

Джемсъ Брайсъ пишетъ:

„Эти желѣзно-дорожные царьки принадлежатъ къ числу самыхъ великихъ людей Америки, и даже можно сказать, что они—ея самые великіе люди. Они обладаютъ богатствомъ, безъ котораго не могли бы удержаться на своемъ высокомъ положеніи. Они пользуются громкой извѣстностью, потому что ихъ

---

[1]) Большая желѣзная дорога Central Pacific была построена четырьмя лицами; изъ нихъ двое начали свою карьеру съ торговли въ мелочныхъ лавочкахъ. Когда они приступили, въ 1860 году, къ осуществленію своего предпріятія, ихъ общій капиталъ не превышалъ 120.000 долларовъ. Они строили дорогу небольшими частями на тѣ деньги, которыя добывали отъ залога построенныхъ участковъ, а удерживая въ своихъ рукахъ акціи, подчинили всю компанію своему контролю. Эта же компанія впослѣдствіи построила дорогу Southern Pacific и многочисленныя соединительныя вѣтви; она сдѣлалась самой могущественной въ западныхъ штатахъ, такъ какъ почти всѣ желѣзныя дороги Калифорніи и Невады перешли въ ея собственность. Когда одинъ изъ упомянутыхъ четырехъ строителей умеръ въ 1878 г., то послѣ него осталось состояніе въ 30.000.000 долларовъ („Амер. Респ.“, III, 315).

подвиги всѣмъ извѣстны; за каждымъ ихъ шагомъ слѣдятъ всѣ газеты. Они очень влiятельны, даже болѣе чѣмъ кто-либо изъ политическихъ дѣятелей за исключенiемъ президента республики и предсѣдателя палаты представителей въ конгрессѣ; однако, эти два лица пользуются влiянiемъ во время своего непродолжительнаго пребыванiя въ должности, между тѣмъ какъ желѣзно-дорожный монархъ можетъ сохранить свое влiянiе въ теченiе всей своей жизни. Когда владѣтель которой-нибудь изъ самыхъ большихъ западныхъ желѣзныхъ дорогъ отправляется на берега Тихаго океана въ своемъ вагонѣ, роскошномъ какъ дворецъ, его путешествiе похоже на путешествiе царствующей особы. Губернаторы штатовъ и территорiй преклоняются передъ нимъ; законодательныя собранiя принимаютъ его въ торжественномъ засѣданiи; города и сельскiе округа стараются снискать его благосклонность, потому что онъ можетъ обезпечить ихъ благосостоянiе и можетъ разорить ихъ. Хотя желѣзно-дорожныя компанiи не пользуются популярностью и хотя усиленiю ихъ непопулярности содѣйствуетъ такая выставка ихъ могущества, но я не думаю, чтобы сами желѣзно-дорожные магнаты были вообще нелюбимы народомъ. Напротивъ того, къ нимъ народъ относится съ такимъ же уваженiемъ, съ какимъ американцы обыкновенно относятся ко всякому, кто успѣшно достигъ того, чего всякiй желалъ бы лично для себя. Едва-ли можно указать другую карьеру, которая такъ же сильно привлекала бы къ себѣ или также успѣшно развивала бы отличительныя способности американской нацiи, и я не думаю, чтобъ какiе-либо изданные конгрессомъ законы могли значительно понизить господствующее положенiе, занимаемое этими царьками въ качествѣ хозяевъ такихъ предпрiятiй, которыя не имѣютъ ничего себѣ подобнаго въ старомъ свѣтѣ, ни по громадности своихъ богатствъ, ни по своему географическому объему, ни по своему влiянiю на благосостоянiе и всей страны и частныхъ лицъ“ [1]).

Вообще всякая промышленная и въ особенности торговая дѣятельность въ Соединенныхъ Штатахъ сильно сосредоточивается. Мелкiя предпрiятiя исчезаютъ безвозвратно или сливаются въ немногiя крупныя единицы, попадающiя въ руки малочисленныхъ, но могущественныхъ плутократовъ, широко распространяющихъ свое влiянiе не только на производитель-

---

[1]) A. P., III, 317—318.

ныя силы страны, но и на ея политическую жизнь. Вслѣдъ за царьками желѣзно-дорожными идутъ царьки телеграфные, золотопромышленные, серебряные и всякіе рудокопные, затѣмъ милліонеры трактирщики [1]), кабатчики и т. д. Хотя крупныя промышленныя предпріятія и ведутся на обширныхъ пространствахъ, но ихъ капиталы сосредоточены большею частію въ городахъ, причемъ шесть седьмыхъ такихъ капиталовъ находятся всего въ четырехъ или пяти самыхъ большихъ восточныхъ городахъ. Первенствующее мѣсто принадлежитъ городу Нью-Іорку, съ его Produce Exchange (торговою биржею) и знаменитою Уоллъ-Стритъ или просто „улицею" (street)—этимъ главнымъ гнѣздомъ банкировъ, маклеровъ и компаній, направляющихъ на пространствѣ всего американскаго союза финансовыми операціями и перевозкою товаровъ, т. е. двумя двигающими силами всякихъ предпріятій.

Праздные богачи хотя сравнительно и немногочисленны въ Соединенныхъ Штатахъ, но уже достаточно многочисленны для того, чтобы составить особый и довольно замкнутый классъ въ большихъ приатлантическихъ городахъ. Повсюду женщины и мужчины, сами себя считающіе за лэди и за джентльменовъ, проводятъ между собою и между народной массой такую же раздѣльную черту, какая проведена въ Европѣ,—и даже проводятъ ее, по свидѣтельству Брайса, такимъ же способомъ, какимъ она проведена въ Европѣ: родъ занятій, образованіе, манеры и воспитаніе, размѣръ постоянныхъ доходовъ, родственныя связи—все это принимается въ соображеніе, точно такъ же, какъ и въ Англіи, для разрѣшенія вопроса о правѣ принадлежать къ разряду джентльменовъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ сынъ „образованныхъ родителей" не захочетъ заняться мелочной торговлей; тамъ рѣже, чѣмъ въ Англіи, употребляется выраженіе not quite a lady (не такъ, какъ прилично лэди), но даже въ „менѣе цивилизованныхъ" западныхъ городахъ можно слышать отзывъ, что такое-то общество было very mixed (очень смѣшанное). Въ нѣкоторыхъ изъ старыхъ городовъ такъ называемое лучшее общество считаетъ себя самымъ избраннымъ; доступъ въ его среду такъ же труденъ,

---

[1]) Одна хозяйка гостинницы въ Колорадо уговаривала Джемса Брайса организовать въ Лондонѣ общество для разработки купленной ею руды. „А какъ великъ будетъ капиталъ вашей компаніи? — спросилъ онъ.—Пять милліоновъ долларовъ, отвѣчала она.

какъ въ самыхъ аристократическихъ англійскихъ графствахъ, а дамы, принадлежащія къ избранному городскому обществу, нерѣдко отзываются о жителяхъ предмѣстій съ такимъ же пренебреженіемъ, съ какимъ жители лондонскаго Бельгревскаго квартала отзываются о жителяхъ Ислингтона; эти чопорныя дамы разспрашиваютъ „о нравахъ и обычаяхъ“ обитателей предмѣстій случайно попавшихъ туда молодыхъ людей своего круга точно такъ же, какъ стали бы ихъ разспрашивать послѣ посѣщенія ими одного изъ племенъ центральной Африки. Эта замкнутость нѣкоторыхъ слоевъ общества все болѣе и болѣе распространяется съ востока на западъ и, по увѣренію людей свѣдущихъ, вскорѣ въ каждомъ большомъ городѣ будутъ существовать кружки, считающіе себя за лучшее общество. Въ восточныхъ городахъ и въ такихъ лѣтнихъ резиденціяхъ богачей, какъ Ньюпортъ, начинаютъ появляться экипажи съ гербами на дверцахъ, хотя это и вызываетъ неодобренія и насмѣшки, и считается за англоманію, болѣе приличную для какого-нибудь выскочки, чѣмъ для потомка старинной фамиліи. Въ Нью-Іоркѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ основанъ клубъ исключительно для тѣхъ, кто можетъ доказать, что его предки поселились въ штатѣ до революціи; теперь и въ другихъ мѣстахъ есть клубы съ такими же притязаніями на исключительность. У американцевъ доходитъ почти до страсти влеченіе къ генеалогическимъ изслѣдованіямъ. Всякому лестно выводить свое происхожденіе отъ какого-нибудь древняго или извѣстнаго въ странѣ рода (нѣкоторые бездоказательно приписываютъ себѣ такое происхожденіе), и въ обществѣ всегда возбуждаетъ нѣкоторый интересъ потомокъ котораго-либо изъ героевъ борьбы за независимость или знаменитаго дѣятеля, прославившаго себя высоко-нравственными подвигами во времена англійскаго управленія колоніями, подобно, напримѣръ, апостолу индійцевъ Эліоту; но считается дурно воспитаннымъ тотъ, кто будетъ самъ разсказывать о своемъ происхожденіи отъ знаменитыхъ предковъ: не предосудительно говорить о такомъ происхожденіи только въ отвѣтъ на сдѣланный вопросъ. Огромному большинству нынѣшнихъ законодателей приличій въ американскихъ салонахъ равенство неизвѣстности, конечно, пріятнѣе непрошенныхъ воспоминаній о великихъ трудахъ и великихъ заслугахъ передъ отечествомъ родоначальниковъ очень немногихъ фамилій. Люди обѣднѣвшіе сами не позволяютъ себѣ гордиться предками. Такъ,

напримѣръ, плантаторы Виргиніи въ прежнее время имѣли обыкновеніе придавать большую важность своему происхожденію, и нѣкоторые изъ нихъ выставляли на визитныхъ карточкахъ буквы F. F. V. (First Families of Virginia — главныя семьи Виргиніи), но не заявляютъ болѣе притязаній этого рода послѣ окончанія междоусобной войны, когда въ бывшихъ рабовладѣльческихъ штатахъ измѣнились условія общественной жизни, и богатства плантаторовъ померкли передъ колоссальными состояніями новѣйшаго образованія [1]). Центръ тяжести такъ называемой англоманіи перемѣстился съ юга на сѣверъ подъ уютную сѣнь капиталовъ, разросшихся до гигантскихъ размѣровъ.

Духъ демократическаго равенства, безсильный противостоять напору уродливыхъ явленій, вызываемыхъ горячечною погонею за матеріальными благами милліоновъ людей, т. е. противостоять быстрому обогащенію или банкротству и разложенію равенства матеріальнаго, а затѣмъ и соціальнаго, находитъ себѣ нѣкоторое удовлетвореніе въ притворной скромности или демократическомъ лицемѣріи богачей. Лишь въ немногихъ городахъ они выставляютъ на показъ свое богатство и открыто наслаждаются жизнью. Въ людномъ мѣстѣ морскихъ купаній—въ Ньюпортѣ — громадныя деньги тратятся ими на содержаніе прислуги, на лошадей, экипажи и другіе предметы роскоши; великолѣпные дома нью-іоркской Fifth Avenue [2]) по своему внутреннему убранству и по собраннымъ въ нихъ художественнымъ произведеніямъ могутъ соперничать съ дворцами европейскихъ аристократовъ; магнаты центральной тихо-океанской желѣзной дороги покрыли живописные холмы въ окрестностяхъ Санъ-Франциско своими виллами съ нарочитымъ намѣреніемъ блеснуть передъ городскими жителями своимъ богатствомъ, хотя, по врожденной американцамъ безвкусицѣ, эти виллы отличаются только громадностію построекъ. Въ другихъ мѣстахъ необходима сдержанность, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда разбогатѣвшимъ янки овладѣваютъ честолюбивые замыслы и когда нажитое имъ состояніе еще не такъ колоссально, чтобы всеобщее удивленіе и заискиванія со всѣхъ

[1]) Старинныя аристократическія семейства южныхъ штатовъ частію окончательно погибли.

[2]) Въ новыхъ американскихъ городахъ поперечныя улицы обыкновенно называются аллеями (avenues) и обозначаются особымъ рядомъ цифръ. Въ Вашингтонѣ аллеи носятъ названія штатовъ.

сторонъ могли охранить его отъ недоброжелательства завистниковъ. Джемсъ Брайсъ разсказываетъ, что во время сенаторскихъ выборовъ, недавно происходившихъ въ одномъ изъ сѣверо-западныхъ штатовъ, противники выставленнаго кандидата добыли фотографію его красиваго вашингтонскаго дома, построеннаго на одной изъ лучшихъ улицъ, и показывали ее членамъ мѣстнаго законодательнаго собранія съ цѣлью объяснить имъ, въ какой роскоши живетъ ихъ представитель въ конгрессѣ, а одинъ государственный человѣкъ, намѣревавшійся выступить кандидатомъ на должность президента республики, не осмѣлился за годъ до выборовъ поселиться въ своемъ вашингтонскомъ домѣ изъ опасенія вызвать точно такую же критику. Въ Соединенныхъ Штатахъ, особенно на западѣ, въ сельскихъ и рудокопныхъ округахъ, проглядываетъ злобное отвращеніе ко всякому внѣшнему неравенству и стремленію богачей обособиться отъ своихъ менѣе счастливыхъ сосѣдей. Тамъ косо смотрятъ на человѣка, который построитъ для себя въ паркѣ замокъ, обнесетъ свой садъ высокой стѣной и будетъ принимать въ своихъ блестящихъ золотомъ салонахъ „избранное“ общество. Поэтому, выдающіеся политическіе дѣятели, конечно хорошо знающіе, какой путь вѣрнѣе ведетъ къ цѣли, охотнѣе всего разыгрываютъ роль Цинциннатовъ. Принимая репортеровъ мѣстныхъ газетъ въ своихъ скромныхъ фермахъ, они заботятся о томъ, чтобы эти репортеры описали, какъ просто убранство ихъ комнатъ и какъ они мало держатъ прислуги. Такіе наивные пріемы демократическаго лицемѣрія производятъ желаемое впечатлѣніе на фермеровъ и ремесленниковъ, т. е. на главную толпу выборщиковъ, хотя, по ироническому замѣчанію Брайса, и вызываютъ насмѣшки со стороны „циниковъ нью-іоркской прессы.“

II.

Разложеніе земледѣльческой среды.—Исчезновеніе прежняго типа поселенцевъ.—Дѣйствіе соблазна быстраго обогащенія.—Вторженіе плутократіи въ область земледѣлія и сельскаго хозяйства.—Владычество и всемогущество плутократіи.—Безсильная борьба съ нею.—Безвыходность положенія.

Мы сказали выше, что земледѣліе въ Соединенныхъ Штатахъ сдѣлалось чѣмъ-то въ родѣ особой отрасли торговли, что

въ восточныхъ городахъ для спекуляторскихъ оборотовъ недвижимою собственностію устроены особыя биржи и что на западѣ поземельныя цѣны подвергаются болѣе сильнымъ колебаніямъ, чѣмъ цѣны самыхъ неустойчивыхъ акцій на лондонской биржѣ. Американскій земледѣлецъ идетъ туда, гдѣ ему выгоднѣе и пріятнѣе, повидимому не чувствуя къ землѣ никакой привязанности. Уже въ теченіе многихъ лѣтъ обнаруживается охота сельскихъ жителей къ переселенію въ города. Болѣе четверти всего населенія штатовъ живетъ въ городахъ, имѣющихъ свыше 8.000 жителей. Переселяются въ города не только по экономическимъ соображеніямъ и не только вслѣдствіе свойственной американскому юношеству предпріимчивости, но также потому, что американскіе уроженцы болѣе англійскихъ или нѣмецкихъ поселянъ любятъ общественную жизнь и развлеченія и потому, что „имъ надоѣдаютъ и одинокая жизнь на фермахъ и однообразіе земледѣльческихъ работъ". Привлекательный типъ старыхъ поселенцевъ Новой Англіи скоро совершенно исчезнетъ, а жизнь переселяющихся на обширныя сѣверо-западныя преріи пуританъ уже не воспроизводитъ тамъ идиллическихъ картинъ ихъ прежней домашней обстановки. Еще не особенно давно выходцы изъ Новой Англіи и изъ штата Нью-Іоркъ занимались хотя и хищнической рубкой лѣсовъ и обработкой полей на западѣ, но все же трудились охотно и въ потѣ лица, а теперь, когда желѣзно-дорожная сѣть протянулась къ этимъ лѣсамъ и преріямъ и, повидимому, сдѣлала трудъ фермера и болѣе сноснымъ и болѣе производительнымъ, на западѣ едва-ли рѣже, чѣмъ на востокѣ, слышатся жалобы на то, что американскіе уроженцы обоего пола вздыхаютъ по городской жизни и охотно предоставляютъ обработку земель новымъ пришельцамъ изъ Германіи и Скандинавіи. Тамъ люди живутъ все болѣе пылкою, торопливою и перемѣнчивою жизнью по мѣрѣ того, какъ передвигаются съ востока къ западу,—а передвигаются они постоянно. Очень немногіе живутъ въ новыхъ городахъ болѣе нѣсколькихъ недѣль или нѣсколькихъ мѣсяцевъ; кто прожилъ тамъ цѣлый годъ, тотъ считается старожиломъ, и, если онъ имѣлъ успѣхъ, его имя произносится съ уваженіемъ, если не умѣлъ успѣха—его имя произносится съ насмѣшкой; а чтобъ имѣть тамъ успѣхъ, надо браться за все и умѣть ловить удобный случай. Отсюда склонность къ опрометчивости всякаго рода. „Каждый такъ увлекается надеждой разбогатѣть, —пи-

шетъ Брайсъ въ особой главѣ, посвященной имъ западнымъ нравамъ,—что не считаетъ того, что̀ тратитъ, а въ виду дороговизны всего необходимаго для жизни, за исключеніемъ съѣстныхъ припасовъ (въ земледѣльческихъ округахъ), всѣ пріучаются къ мысли, что не сто̀итъ труда сберегать мелкія суммы. Въ Калифорніи въ теченіе многихъ лѣтъ не было въ обращеніи другой чеканной монеты, кромѣ монетъ въ десять центовъ[1]); даже въ 1881 году, когда многіе изъ съѣстныхъ припасовъ находились въ изобиліи, ничего нельзя было купить дешевле пяти центовъ. Въ рудокопныхъ округахъ, конечно, чаще чѣмъ гдѣ-либо бываютъ случаи такого быстраго обогащенія, что ослѣпляютъ людей несбыточными надеждами и заставляютъ ихъ рисковать всѣмъ, что имѣютъ". Брайсу показывали въ 1881 году въ Калифорніи имѣніе въ 600.000 акровъ (222.249 десятинъ), которое было не задолго передъ тѣмъ куплено за 225.000 долларовъ (294.750 рубл. золотомъ) человѣкомъ, пришедшимъ туда безъ гроша и нажившимъ состояніе въ рудокопномъ дѣлѣ въ теченіе *двухъ* лѣтъ. Подобное счастье, понятно, выпадаетъ на долю ничтожнаго меньшинства, отдѣльныхъ единицъ, а между тѣмъ соблазнъ подрываетъ ежегодно благосостояніе многихъ тысячъ способныхъ къ труду искателей быстраго обогащенія. Ихъ разореніе ускоряется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что деньги для спекуляцій землями и скотомъ, равно для торговыхъ предпріятій, можно добывать въ западныхъ штатахъ и территоріяхъ не иначе, какъ за очень большіе проценты. Въ Валла-Валла (на вашингтонской территоріи) можно было добыть въ 1881 году деньги подъ вѣрный залогъ лишь за 14% въ годъ съ условіемъ уплачивать проценты помѣсячно.

Стремленіе къ сосредоточенію поземельной собственности обнаруживается слабо. Большія помѣстья находятся только на дальнемъ западѣ, преимущественно въ Калифорніи. Въ штатахъ, расположенныхъ по верхнему теченію Миссисипи, есть компаніи и отдѣльные спекуляторы, которые владѣютъ обширными землями, но они распродаютъ ихъ переселенцамъ небольшими участками. На югѣ большія плантаціи встрѣчаются рѣже прежняго, а разведеніемъ хлопка часто занимаются мелкіе фермеры.

---

[1]) Въ переводѣ на нашу *звонкую* монету, десять центовъ равняются 13,1 коп.

Самыми крупными и оказывающими наиболѣе сильное вліяніе на земледѣльческую промышленность поземельными собственниками являются желѣзно-дорожныя компаніи.

Въ самомъ началѣ сооруженія желѣзно-дорожной сѣти въ Соединенныхъ Штатахъ предпріимчивымъ частнымъ компаніямъ приходилось прокладывать рельсы по малонаселеннымъ или даже вовсе необитаемымъ мѣстностямъ, по степнымъ пространствамъ и чрезъ высокіе горные хребты, поэтому ихъ предпріятія казались такими невыгодными для акціонеровъ, но такими полезными для всей страны, что конгрессъ находилъ нужнымъ поощрять ихъ посредствомъ субсидій [1]) и главнѣйше посредствомъ дароваго отвода обширныхъ незаселенныхъ земель, лежавшихъ вдоль проектированныхъ желѣзно-дорожныхъ линій и составлявшихъ собственность федераціи. Эти даровые отводы нерѣдко дѣлались неосмотрительно и служили поводомъ для заискиваній и для интригъ, сначала съ цѣлію получить ихъ, а потомъ съ цѣлію предохранить отъ признанія ихъ недѣйствительными, вслѣдствіе неисполненія желѣзнодорожною компаніей которой-нибудь изъ обязанностей, возложенныхъ на нее конгрессомъ. Но желѣзныя дороги были построены, колонисты стали селиться тамъ, гдѣ проходили эти дороги, часть даромъ полученныхъ земель была продана или спекуляторамъ, или переселенцамъ, и еще значительная ихъ часть до сихъ поръ остается во владѣніи двухъ или трехъ компаній. Приводимъ перечень главнѣйшихъ дорогъ съ обозначеніемъ количества полученныхъ каждою изъ нихъ государственныхъ земель:

	Земельные надѣлы.	
	Въ акрахъ.	Въ десятинахъ.
Union Pacific	13.000.100	4.815.395
Kansas „	6.000.000	2.222.490
Central „	12.100.100	4.482.059
Northern „	47.000.000	17.409.305
Atlantic „	42.000.000	15.557.230
Southern „	9.520.000	3.526.351
Итого . .	129.620.200	48.013.730

[1]) У насъ распространено совершенно невѣрное мнѣніе, будто казна Соединенныхъ Штатовъ вовсе не тратила денегъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ частными компаніями. Въ дѣйствительности, на сооруженіе первыхъ рельсовыхъ путей, пересѣкавшихъ американскій континентъ отъ береговъ Атлантическаго океана до береговъ Тихаго океана, конгрессъ выдалъ субсидій болѣе чѣмъ на 60.000.000 долларовъ.

Обладая поземельною собственностью въ такихъ размѣрахъ и по своему усмотрѣнію распредѣляя ее между колонистами или спекуляторами, желѣзно-дорожныя компаніи весьма естественно сдѣлались настоящими распорядителями сельско-хозяйственной промышленности, именно главнѣйшихъ ея отраслей: производства хлѣбовъ и скотоводства. А такъ какъ онѣ же становились въ большинствѣ случаевъ и монопольными перевозчиками сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ мѣста ихъ потребленія и сбыта, т. е. въ восточные штаты и порты Атлантическаго океана, то понятно, какая страшная сила сосредоточилась въ рукахъ желѣзно-дорожныхъ царьковъ, пользующихся неограниченною властью въ распоряженіи дѣлами компаній и услугами цѣлой арміи покорныхъ агентовъ. Производить сильное давленіе на благосостояніе городовъ, графствъ, а иногда и цѣлыхъ штатовъ, губить это благосостояніе или надѣлять имъ они могли, конечно, всего чаще въ западной половинѣ республики, но и въ старыхъ штатахъ всякая крупная желѣзно-дорожная компанія имѣетъ большое вліяніе, потому что нерѣдко пользуется монополіей торговыхъ сообщеній. По свидѣтельству Брайса, въ 1870 году нерѣдко приходилось слышать, что въ Нью-Джерзеѣ всѣмъ заправляетъ компанія желѣзной дороги Camden and Amboy. Въ Нью-Іоркѣ большая нью-іоркская компанія центральной желѣзной дороги, а въ Пенсильваніи компанія мѣстной желѣзной дороги пользовались громаднымъ вліяніемъ на законодательныя собранія: частію благодаря своимъ богатствамъ, частію благодаря тому, что оказывали милостивое покровительство нѣкоторымъ лицамъ и нѣкоторымъ мѣстностямъ, не говоря уже о томъ, что онѣ раздавали доровые билеты на проѣздъ и могли управлять подачею голосовъ своихъ подчиненныхъ. Въ Нью-Іоркѣ и въ Пенсильваніи случалось, что они рѣшительно брали сторону которой-нибудь изъ двухъ политическихъ партій, снабжая эту партію деньгами и подавая голоса за ея кандидатовъ со всѣмъ сонмомъ своихъ служащихъ. „Но еще чаще случалось, что они ограничивались заботами о своихъ собственныхъ интересахъ и, когда это было нужно, склоняли на свою сторону вожаковъ обѣихъ партій или при помощи услугъ, или при помощи угрозъ".

Бороться съ алчностью этой новѣйшей плутократіи весьма трудно. Сѣверо-западные фермеры составили союзы, носившіе названіе patrons of husbandry (покровителей хлѣбопашества)

или granges (фермъ), и добились изданія нѣсколькихъ законовъ, которыми налагались нѣкоторыя стѣсненія на распорядительную дѣятельность желѣзно-дорожной администраціи и установлена максимальная плата за перевозку сельскихъ продуктовъ. Могущественныя компаніи попытались не подчинить ся изданнымъ по настоянію фермеровъ законамъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они находятся, будто бы, въ противорѣчіи съ конституціями отдѣльныхъ штатовъ, но потерпѣли пораженіе отъ верховнаго федеральнаго суда, который въ 1876 году признаъ за штатами право налагать ограниченія на такія предпріятія, которыя имѣютъ характеръ монополіи [1]). Тогда желѣзно-дорожныя компаніи, ссылаясь на невозможность перевозить товары съ убыткомъ для себя, отказались (къ великому неудовольствію населенія) отъ постройки новыхъ дорогъ, имѣвшихъ значеніе подъѣздныхъ путей, и этимъ способомъ достигли въ большинствѣ штатовъ отмѣны такъ называемыхъ фермерскихъ законовъ. Впослѣдствіи, когда волненіе умовъ стало утихать, они прибѣгли къ разнымъ средствамъ вліянія на членовъ законодательныхъ собраній, и ихъ тактика увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Борьба доставила болѣе всего выгодъ тѣмъ законодателямъ, которые не отличались добросовѣстностью: если они не получали никакихъ милостей отъ желѣзно-дорожныхъ компаній, то выманивали отъ этихъ компаній деньги, угрожая имъ составленіемъ какого-нибудь невыгоднаго для нихъ билля [2]). Въ 1887 году, послѣ долгихъ преній въ конгрессѣ, изданъ федеральный законъ, учреждающій особую коммисію для завѣдыванія торговыми сношеніями между различными штатами (inter-state commerce commission) съ правомъ регулировать способы перевозки и провозную плату на желѣзныхъ дорогахъ, проходящихъ по территоріямъ или болѣе, чѣмъ по одному штату. Компаніи противились утвержденію и этого постановленія, но когда оно состоялось, не нашли въ немъ ничего опаснаго для своихъ доходовъ и едва-ли найдутъ что-либо угрожающее ослабленіемъ ихъ вліянія.

Могущество желѣзно-дорожной плутократіи, повидимому, несокрушимо въ Соединенныхъ Штатахъ, управляемыхъ,

---

[1]) Значительно позже, по поводу изданнаго штатомъ Іовою ограничительнаго статута, однимъ изъ членовъ окружнаго федеральнаго суда запрещено назначать такой низкій размѣръ провозной платы, при которомъ желѣзныя дороги не могли бы получать умѣренныхъ доходовъ.

[2]) A. P., III, 311.

какъ увидимъ ниже, не исполнительными властями и не народомъ, а попеременно двумя, почти равносильными, въ настоящее время, политическими партіями. Не будь этого, большія дороги или ихъ магистральныя линіи могли бы поступить въ собственность всей націи, т. е., конгрессъ могъ бы постановить о выкупѣ ихъ въ казну. Но главное возраженіе противъ такой рѣшительной и единственно цѣлесообразной мѣры заключается не въ томъ, что она сопряжена съ громадностью и трудностью финансовыхъ операцій (для ихъ осуществленія у американцевъ не было бы недостатка ни въ умѣніи, ни въ патріотизмѣ), а въ томъ, что она предоставила бы господствующей въ данную минуту политической партіи возможность замѣщать своими приверженцами безчисленное множество должностей и чрезвычайно усилило бы ея вліяніе. Въ виду сильнаго недовольства, постоянно возбуждаемаго раздачей должностей въ награду за привязанность къ той или другой политической партіи, и въ виду невозможности, при существующей системѣ народовластія, регулировать эту раздачу какими-нибудь разумными правилами, было бы очень опасно отдать въ распоряженіе государственнаго секретаря (министра) финансовъ, принадлежащаго къ одной изъ политическихъ партій, сотни тысячъ должностей, изъ которыхъ нѣкоторыя очень важны и оплачиваются большимъ жалованьемъ. Еслибы этимъ способомъ и были обезпечены нѣкоторыя выгоды въ экономическомъ отношеніи, то за нихъ пришлось бы дорого поплатиться политическими невыгодами. Болѣе всего американцы опасаются, и не безъ основанія, нарушенія въ такомъ случаѣ равновѣсія между федеральною конституціею и конституціями отдѣльныхъ штатовъ, т. е., опасаются крушенія всего государственнаго строя республики. Положеніе безвыходное и воистину трагическое! Нація сознаетъ великій вредъ, постоянно наносимый народному благосостоянію присутствіемъ въ ея составѣ сильнаго плутократическаго элемента и въ то же время не видитъ никакой возможности удалить этотъ элементъ, отравляющій ея существованіе. Съ грустью и сердечною болью взирая на судорожныя движенія демократическаго безсилія, англійскій наблюдатель замѣчаетъ:

„Плутократія обыкновенно считалась за одну изъ формъ олигархіи и за нѣчто несовмѣстимое съ демократіей. Но въ американской демократіи есть очень сильный плутократическій элементъ, а оттого, что онъ совершенно игнорируется консти-

туціями штатовъ, его вліяніе нисколько не ослабляется и даже дѣлается еще болѣе вреднымъ. Вліяніе богатствъ принадлежитъ къ числу тѣхъ опасностей, отъ которыхъ народу необходимо постоянно предохранять себя, потому что оно проникаетъ и въ законодательныя собранія, и въ организацію политическихъ партій, а способы, которыми она дѣйствуетъ, столько же многочисленны, сколько коварны" [1])—или наглы, прибавимъ мы отъ себя.

Плутократія является нежданно-негаданно. Она—тотъ журавль въ лягушечьемъ царствѣ демократіи, который сваливается съ неба на неразумные призывы спасительнаго, будто бы, равенства. Не только по ту, но и по сю сторону Атлантическаго океана, не только въ республикахъ, но и въ монархіяхъ, она водворяется на могилахъ правящихъ сословій, погибшихъ или отъ руки революціи, или подъ гнетомъ „либеральныхъ" преобразованій свыше.

III.

Послѣдствія развитія плутократіи.—Деморализація.—Появленіе демагоговъ.—Характерная страничка изъ исторіи Калифорніи: „кирнеизмъ".—Пауперизмъ.—Анархисты.

Развитіе плутократіи разлагающимъ образомъ дѣйствуетъ на общественные нравы и вноситъ порчу въ слабый механизмъ демократическаго правленія, намѣренно ослабленный крайнимъ раздѣленіемъ властей. Безотвѣтственныя вслѣдствіе такого раздѣленія власти сами охотно становятся игрушкою въ рукахъ богачей и затѣмъ совращаются ими съ прямаго пути служенія народному благу. Очень недавно, по настоянію клики немногихъ владѣльцевъ серебряныхъ рудъ въ Невадѣ, конгрессомъ принятъ такъ называемый „серебряный билль" [2]), которымъ просто на просто налагается на государственное казначейство Соединенныхъ Штатовъ ежегодная дань въ пользу серебропромышленниковъ. Политическія партіи построили свою дѣятельность на „системѣ грабежа", которая благополучно царствуетъ уже болѣе полувѣка. Случается, что губернаторы за взятки

---

[1]) Тамъ же стр. 279.

[2]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ „Русск. Вѣстн." за 1890 г. кн. VIII.

налагаютъ свое veto на весьма полезные билли и совершаютъ мошенническія продѣлки. И служебный долгъ, и доброе имя приносятся въ жертву Ваалу. „Тѣхъ, кто, наслаждаясь матеріальнымъ благосостояніемъ, погружается въ самодовольство, только великіе люди могли бы вывести изъ умственнаго усыпленія указаніемъ на болѣе возвышенные идеалы, на болѣе благородныя цѣли національной жизни“ [1]). Но такіе люди не появляются нынѣ на политическомъ горизонтѣ республики, ея самые великіе люди—плутократы, а въ политикѣ играютъ видную роль люди низшаго разряда; здѣсь выдающіяся личности отсутствуютъ. Раздражаемый грабительскими продѣлками и постоянно возрастающею притязательностью плутократіи и податливостью ея ставленниковъ, народъ ищетъ справедливости и заботливаго отношенія къ его нуждамъ внѣ конституціонныхъ формъ и среды оффиціальныхъ властей. Онъ создаетъ себѣ демагоговъ и слѣдуетъ за ними въ легкомысленной надеждѣ, что они возвратятъ ему, по его мнѣнію, утраченное, въ дѣйствительности же никогда несуществовавшее, матеріальное равенство. Въ Калифорніи не такъ давно проявилось и приняло грозные размѣры это народное движеніе, извѣстное подъ названіемъ „кирнеизма“. Джемсъ Брайсъ разсказываетъ, на основаніи добытыхъ имъ на мѣстѣ и частію провѣренныхъ свѣдѣній [2]):

„Когда Калифорнія была уступлена Соединеннымъ Штатамъ, спекуляторы стали скупать огромные земельные участки по испанскимъ (т. е. мексиканскимъ) документамъ; другіе спекуляторы, предвидѣвшіе будущее процвѣтаніе страны, стали впослѣдствіи скупать земли или у желѣзно-дорожныхъ компаній, получившихъ эти земли безвозмездно, или прямо у американскаго правительства. Нѣкоторые изъ нихъ выжидали возвышенія цѣнъ на земли, чѣмъ затруднили для переселенцевъ пріобрѣтеніе мелкихъ земельныхъ участковъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ препятствовали развитію фермъ. Другіе отдавали свои земли въ краткосрочный наемъ фермерамъ, которые такимъ образомъ создали для себя сравнительно непрочное положеніе и нерѣдко терпѣли нужду. Третьи завели громадныя фермы,

---

[1]) A. P., III, 259.

[2]) Между прочимъ, онъ руководствовался также напечатанною въ нью-іоркскомъ журналѣ Popular Science Monthly (авг. 1880 г.) статьею бывшаго испанскаго консула въ Санъ-Франциско, извѣстнаго Генри Джорджа, изобрѣтателя ученія о національзаціи земли, т. е. объ упраздненіи частной поземельной собственности.

на которыхъ почва воздѣлывалась наемными рабочими, большею частію расходившимися по сторонамъ послѣ сбора жатвы,— это было рѣдкое явленіе въ Соединенныхъ Штатахъ, такъ какъ тамъ, какъ всякому извѣстно, существуютъ только фермы небольшихъ размѣровъ, принадлежащія такимъ людямъ, которые исполняютъ большую часть сельскихъ работъ или своими собственными руками, или руками своихъ дѣтей. И такъ, система землевладѣнія въ Калифорніи представляетъ кантрастъ между очень крупными помѣстьями, нерѣдко препятствующими развитію общаго благосостоянія, и мелкими фермами, зачастую попадающими въ очень стѣсненное положеніе; кромѣ того, она создаетъ массу неимѣющихъ постоянной осѣдлости рабочихъ, которые проводятъ часть года въ городахъ безъ всякой работы".

Уже одного аграрнаго неустройства, явившагося результатомъ податливости федеральнаго правительства, не устоявшаго передъ происками спекуляціи, было бы достаточно для порожденія смуты въ умахъ народныхъ массъ, имѣющихъ обыкновеніе винить вся и всѣхъ, кромѣ самихъ себя, въ медленномъ приближеніи идеальнаго благосостоянія и постоянно увеличивавшихся приливомъ новыхъ поселенцевъ и рабочихъ, привлекаемыхъ сюда земельными барышниками чрезъ посредство многочисленныхъ агентовъ въ восточныхъ штатахъ; но къ этому присоединилась еще наглость желѣзно-дорожныхъ монополистовъ.

Никакой другой штатъ не попадалъ въ такую сильную зависимость отъ одной могущественной желѣзно-дорожной компаніи, въ какую попала Калифорнія. Центральная желѣзная дорога, достигающая береговъ Тихаго океана, проходитъ отъ Санъ-Франциско до Огдена въ Утахѣ, гдѣ соединяется съ желѣзной дорогой Union Pacific и съ водными путями сообщенія по Денверу и Ріо-Гранде, впадающему въ Мексиканскій заливъ; она была до 1877 года, когда началось народное движеніе, и остается до сихъ единственнымъ путемъ сообщенія между долиной Миссиссипи и атлантическимъ побережьемъ, поэтому имѣла громадное вліяніе на торговлю всего штата. Она „находилась въ рукахъ небольшой группы людей возвысившихся изъ ничтожества, управляющихъ почти всѣми другими желѣзными дорогами въ Калифорніи, содержавшихъ множество письмоводителей и рабочихъ и мѣшавшихся во все, что имѣло какую-нибудь связь съ ихъ интересами. Своими огромными богатствами они были обязаны, повидимому, не столько своимъ

личнымъ дарованіямъ, сколько быстрому заселенію Калифорніи [1]); поэтому они были предметомъ ненависти какъ для земледѣльцевъ, такъ и для фермеровъ и для торговцевъ. Такъ какъ большія состоянія обыкновенно наживались въ Америкѣ людьми съ выдающимися дарованіями, то возбуждаемая ими зависть умѣрялась уваженіемъ къ тѣмъ личнымъ достоинствамъ, благодаря которымъ они были пріобрѣтены. Въ отзывахъ простонародья о покойномъ A. T. Stewart'ѣ выражалось нѣчто похожее на чувство гордости; даже въ настоящее время американцы съ самодовольствомъ указываютъ на яраго „монополиста“ Jay Gould'a. Но кромѣ этихъ даровитыхъ желѣзно-дорожныхъ магнатовъ, въ Калифорніи было не мало милліонеровъ, разбогатѣвшихъ только благодаря удачнымъ спекуляціямъ. Эти люди чванились своимъ богатствомъ, и ничего не удѣляя изъ него на общественную пользу, ничѣмъ не смягчали ненависть, которую возбуждали въ народныхъ массахъ“.

Въ 1877 году въ Калифорніи обнаружился застой торговли, вслѣдствіе кризиса, начавшагося въ восточныхъ штатахъ еще за четыре года раньше. Отъ него сильно пострадали прикащики, лавочники и рабочіе, потому что потеряли безвозвратно свои сбереженныя деньги, по обыкновенію истраченныя на покупку акцій, почти совершенно потерявшихъ всякую цѣнность. Городская чернь Санъ-Франциско постоянно увеличивалась вслѣдствіе того, что къ ней присоединились толпы оставшихся безъ работы рудокоповъ и бродячихъ земледѣльцевъ. Этимъ бѣднякамъ приходилось умирать съ голоду въ то время, какъ газеты описывали роскошные пиры въ дворцахъ спекуляторовъ, державшихъ за пятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ мелочныя лавочки, что, конечно, дѣйствовало на чернь далеко не успокоительнымъ образомъ. Фермеры также роптали, потому что также проигрались на биржѣ, ихъ фермы были заложены и многіе изъ нихъ обанкротились. Но жаловались они не на свою опрометчивость и непостоянство счастья въ азартной биржевой игрѣ, а на высокую плату, взимаемую желѣзными дорогами за перевозку сельскихъ произведеній, и спрашивали: почему они должны трудиться безъ всякой для себя пользы, между тѣмъ какъ мѣстные милліонеры и богатые восточные акціонеры извлекаютъ огромныя выгоды изъ торговли, созданной плугомъ земледѣльца и заступомъ рудокопа? Подобные вопросы

---

[1]) По переписи 1880 г., въ этомъ штатѣ 864.694 жителя.

могли бы навести на мысль о необходимости заняться устраненіемъ главныхъ поводовъ къ народному неудовольствію и позаботиться по крайней мѣрѣ о нѣкоторомъ облегченіи участи голодающихъ. Но объ этомъ некому было думать. Политическія партіи только искали должностей для своихъ приверженцевъ, руководители этихъ партій — „начальники кружковъ"— искали только удобнаго случая для устройства какой-нибудь выгодной для нихъ сдѣлки и охотно продавали свои услуги могущественнымъ торговымъ и промышленнымъ корпораціямъ. Законодательное собраніе штата состояло почти исключительно или изъ городскихъ искателей должностей или изъ нищихъ и невѣжественныхъ сельскихъ ходатаевъ по дѣламъ, такъ какъ зажиточные мѣстные жители чувствовали отвращеніе и къ политикѣ, и къ политиканамъ. Тѣ изъ членовъ законодательныхъ собраній, которые были достаточно благородны для того, чтобы не прислуживаться хозяевамъ крупныхъ предпріятій, не были достаточно развиты, чтобы умѣть высвободиться изъ-подъ гнета плутократіи. „Во всемъ штатѣ слышались толки о томъ, что каждое новое законодательное собраніе по своему составу хуже стараго. Собранія народныхъ представителей всѣ ожидали со страхомъ, и всѣ были довольны, когда оно закрывалось[1]). Каждой изъ двухъ палатъ давали оскорбительныя прозвища. Одну называли „законодательнымъ собраніемъ пьяницъ", другую называли „законодательнымъ собраніемъ воровъ". Управленіе графства (земское управленіе) было немного лучше, а городское управленіе даже было хуже". Должностныя лица обогащались, а мощеніе улицъ, содержаніе водосточныхъ трубъ и освѣщеніе города оставлялись въ полномъ пренебреженіи; подкупъ и политическія интриги проникли даже въ школьное вѣдомство; крѣпкіе напитки продавались повсюду, потому что содержатели харчевень вошли въ соглашеніе съ полицейскими начальниками и не допускали исполненія дѣйствующихъ законовъ. Судьи хотя и не были продажны, но получали очень небольшое жалованье и потому набирались изъ разряда малообразованныхъ людей, были неспособны состязаться съ адвокатами. Ни одна изъ политическихъ партій не принималась за уничтоженіе этихъ золъ. Тогда народъ самъ надумался ввести лучшіе порядки.

---

[1]) Въ Америкѣ вообще принимаютъ понудительныя мѣры къ тому, чтобы какъ можно болѣе сократить время законодательныхъ сессій.

„Въ концѣ 1877 года былъ созванъ въ Санъ-Франциско митингъ для выраженія сочувствія рабочимъ, вступившимъ въ стачку въ Питтсбургѣ (въ Пенсильваніи). Своими буйствами питтсбургскіе рабочіе возбудили тревогу въ лучшихъ классахъ всего американскаго населенія, но вызвали сочувствіе со стороны недовольныхъ желѣзно-дорожныхъ рабочихъ въ Калифорніи, въ то время также помышлявшихъ объ устройствѣ стачки по поводу угрожавшаго имъ уменьшенія жалованья. Нѣкоторыя рѣзкія слова, произнесенныя на митингѣ и преувеличенныя газетными репортерами, навели страхъ на дѣловыхъ людей и побудили ихъ организовать нѣчто въ родѣ комитета общественной безопасности“. Навербованные этимъ комитетомъ люди расхаживали въ теченіе нѣсколькихъ дней по улицамъ съ палками въ рукахъ, но вскорѣ убѣдились въ отсутствіи дѣйствительной опасности, а послѣдствіемъ ихъ вооруженныхъ прогулокъ по городу было усиленное раздраженіе бѣдныхъ классовъ населенія, которые поняли, что зажиточные классы боятся ихъ и потому, въ случаѣ безпорядковъ, будутъ сурово обходиться съ ними. Вскорѣ послѣ того настало время выбора муниципальныхъ должностныхъ лицъ и членовъ мѣстнаго законодательнаго собранія. Избирательная борьба, какъ обыкновенно бываетъ въ Америкѣ, вызвала устройство нѣсколькихъ клубовъ и между прочимъ устройство общества, которое называло себя „промышленнымъ и рабочимъ союзомъ трудящихся людей“; секретаремъ его былъ Денисъ Кирней. Крикливыя ругательныя рѣчи этого человѣка стали собирать вокругъ него многочисленныхъ слушателей, что дало ему возможность образовать свою собственную партію и стать калифомъ на часъ.

Денисъ Кирней былъ по профессіи ломовой извощикъ, по рожденію—ирландецъ, по крещенію—католикъ, „но онъ привыкъ включать свою религію въ число тѣхъ существующихъ учрежденій, которыя онъ находилъ никуда негодными“. Онъ былъ хорошимъ работникомъ, покуда, по совѣту друга, не вовлекся въ биржевую игру акціями, а не сбывшаяся надежда разбогатѣть была, какъ разсказываютъ, главною причиною того, что онъ сдѣлался агитаторомъ. Сначала его собирались слушать на „песчаномъ участкѣ“—пустопорожнемъ мѣстѣ на городской окраинѣ—одни только оборванцы, hoodlums, какъ называютъ въ Америкѣ празднощатающихся юношей съ дурными наклонностями, но соревнованіе двухъ мѣстныхъ газетъ—Chronicle и Morning Call—устроило ему извѣстность. Chronicle,

въ надеждѣ взять верхъ надъ своей соперницей наполненіемъ своихъ столбцовъ сенсаціонными новостями, рядомъ статей объ ораторскихъ подвигахъ Кирнея сдѣлала его важною особою, а одинъ изъ газетныхъ репортеровъ училъ этого, совершенно невѣжественнаго, человѣка придавать своимъ выраженіямъ нѣчто похожее на литературную форму и приготовлялъ къ печати его рѣчи. Кирней отплачивалъ за услуги газеты тѣмъ, что совѣтовалъ рабочимъ покупать ее. Но его положеніе „извѣстности" окончательно упрочилось лишь благодаря тому, что онъ былъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими ораторами арестованъ и преданъ суду „за возбуждавшія къ мятежу публичныя рѣчи", произнесенныя на одномъ изъ митинговъ—на вершинѣ Nob Hill [1]). „Кирней былъ оправданъ и съ тѣхъ поръ сдѣлался народнымъ героемъ. Образованные и зажиточные граждане стали съ тѣхъ поръ являться на устроенные имъ митинги,—конечно, главнымъ образомъ изъ такой же любознательности, какая побуждала ихъ посѣщать циркъ; а партія калифорнскихъ рабочихъ получила подъ предсѣдательствомъ Кирнея правильную организацію, обнимавшую весь штатъ. На „песчаный участокъ" стали собираться по воскреснымъ днямъ всѣ „жаждавшіе чего-нибудь новаго" (такъ изстари назывался классъ недовольныхъ); тамъ публика рукоплескала публичнымъ доносамъ на корпораціи и на монополистовъ и тамъ утверждались резолюціи, неблагопріятныя для людей богатыхъ; поэтому „песчаный участокъ" сдѣлался центромъ политической жизни города Санъ-Франциско, а благодаря сочувственнымъ статьямъ нѣкоторыхъ газетъ и нападкамъ нѣкоторыхъ другихъ, населеніе всего штата пришло въ сильное возбужденіе. Morning Call послѣдовала примѣру газеты Chronicle и даже постаралась превзойти ее своей горячей заботливостью объ интересахъ рабочихъ. Ни въ газетныхъ напыщенныхъ фразахъ, ни въ программѣ партіи не было ничего положительнаго или примѣнимаго на практикѣ, но собирающаяся на открытомъ воздухѣ толпа обыкновенно не способна къ критикѣ: она выражаетъ самое громкое одобреніе тому, кто употребляетъ самыя рѣзкія выраженія. Кирней не имѣлъ никакой другой опредѣленной цѣли, кромѣ желанія упрочить существованіе своей партіи, но онъ былъ самона-

[1]) Одна изъ живописныхъ утесистыхъ возвышенностей въ Санъ-Франциско.

дѣянъ, любилъ властвовать и не былъ лишенъ практической изворотливости. Онъ по меньшей мѣрѣ умѣлъ выдвинуться впередъ и пріобрѣсти репутацію строгой честности; онъ всегда одѣвался какъ рабочій и не искалъ никакой должности, а называя политикановъ (т. е. людей, занимающихся политикою по профессіи) ворами, капиталистовъ—кровопійцами, и угрожая ружейными выстрѣлами и висѣлицей въ случаѣ неудовлетворенія народныхъ требованій, онъ воздерживался отъ прямаго нарушенія дѣйствующихъ законовъ".

Но его рѣчи навлекли на него преслѣдованіе. Онъ былъ вторично преданъ суду и на этотъ разъ приговоренъ къ тюремному заключенію, что, однако, нисколько ему не повредило. Когда онъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы, его приверженцы увѣнчали ему голову цвѣтами и повезли съ тріумфомъ въ его собственной телѣгѣ; газетные репортеры толпились вокругъ него въ надеждѣ, что онъ заговоритъ съ ними; выдающіеся поликаны втихомолку пріѣзжали повидаться съ нимъ, чтобъ снискать его милостивое расположеніе.

Газеты, безспорно, играли важную роль въ успѣхахъ кирнеизма, особенно газета Chronicle, которая наполнялась хорошо написанными статьями въ похвалу этому народному движенію и самому демагогу, покупалась повсюду и придавала особую пикантность публичнымъ рѣчамъ бывшаго ломоваго извощика, излагая ихъ въ болѣе изящной формѣ, чѣмъ та, въ которой онѣ произносились передъ грубою толпою. Содѣйствуя агитаціи, газета устраивала свое собственное благополучіе. Нѣкоторые полагали даже, что богатымъ людямъ, которыхъ не могло не тревожить все шире и шире разроставшееся и главнымъ образомъ противъ нихъ направленное народное движеніе, слѣдовало бы въ то время купить газету Chronicle (предполагая, что они сдѣлали бы это втайнѣ), и что ея тогдашній издатель и собственникъ поступилъ бы очень неблагоразумно, еслибы не согласился продать себя. Газеты сдѣлали партію рабочихъ сильною, утверждая, что она уже очень сильна. Но всего болѣе благопріятствовали успѣхамъ кирнеизма вожделѣнія недовольной и буйной толпы соотечественниковъ демагога—ирландцевъ и сброда изъ низшихъ слоевъ нѣмецкихъ переселенцевъ, зараженныхъ соціализмомъ, а также изъ другихъ національностей—разныхъ пришлыхъ французовъ, итальянцевъ, португальцевъ, даже грековъ и дѣтей австралійскихъ ссыльныхъ. Агитаціи не мало содѣйствовала и народная не-

нависть къ китайцамъ. По словамъ Брайса, она такъ сильна въ Калифорніи, что та партія, которая возьмется доказывать ея основательность, возьметъ верхъ надъ всѣми другими. Денисъ Кирней, вѣроятно, самъ былъ не чуждъ этой ненависти, по крайней мѣрѣ онъ провозглашалъ, при громкихъ рукоплесканіяхъ публики, что когда его партія выберетъ своего кандидата на должность губернатора штата, то доберется до доковъ компаніи, завѣдующей пароходствомъ по Тихому океану, и будетъ отсылать назадъ тѣ пароходы, которые привозятъ китайцевъ. Наконецъ, важнымъ обстоятельствомъ, способствовавшимъ успѣху кирнеизма, было и то, что обѣ дѣйствующія на всемъ пространствѣ территоріи Соединенныхъ Штатовъ политическія партіи, республиканцы и демократы, были заподозрѣны въ пристрастіи при разрѣшеніи желѣзно-дорожнаго вопроса въ Калифорніи; онѣ уронили свой кредитъ въ то тяжелое для штата время, когда его жители были бѣдны и когда собиравшіеся съ нихъ налоги тратились безъ всякаго толка или расхищались. Партія „песчанаго участка“ набирала приверженцевъ преимущественно между демократами. которые и въ Калифорніи, точно такъ же, какъ и въ восточныхъ штатахъ, пользовались преобладающимъ вліяніемъ среди простонародья, а республиканцы радовались образованію новой партіи, надѣясь забрать ее въ свои руки и при ея помощи побѣдить противниковъ. Благодаря такому стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, партія „песчанаго участка“ стала быстро усиливаться, въ чемъ, конечно, былъ неповиненъ народившійся демагогъ, хотя онъ и стоялъ въ ея главѣ, и начала замѣщать своими приверженцами бо́льшую часть городскихъ должностей. Тогда стали поступать въ число ея членовъ рабочіе лучшаго разряда, прикащики и лавочники. Въ сельскихъ округахъ она нашла еще болѣе вліятельныхъ союзниковъ. Такъ называемая „фермерская“ партія (granger party), о которой мы уже говорили выше, проникла изъ штатовъ верхняго Миссиссиппи въ Калифорнію и привлекла тамошнихъ фермеровъ къ участію въ борьбѣ съ желѣзно-дорожными управленіями и съ другими „монополистами“ и корпораціями. Она требовала уменьшенія цѣнъ за перевозку товаровъ и пассажировъ, желала предотвратить соглашеніе между желѣзно-дорожнымъ управленіемъ и компаніей пароходства, уменьшить общественные расходы, переложить часть податнаго бремени на богатыхъ людей и вообще ослабить капиталистовъ.

Такимъ образомъ у партіи „песчанаго участка“ выработалась положительная программа, которая служила руководствомъ при пересмотрѣ конституціи.

Новая конституція, утвержденная въ маѣ 1879 года [1]), произвела коренныя перемѣны почти во всѣхъ отрасляхъ управленія; но главною и тайною цѣлью новой конституціи было нападеніе на капиталъ, скрывавшееся подъ благовиднымъ названіемъ „противодѣйствія всякимъ монополіямъ“: было задумано „подтягиваніе“ (cinching) капитала и въ особенности соединенныхъ капиталовъ, въ чьихъ бы рукахъ они ни оказались.

„Тѣмъ временемъ Кирней все болѣе и болѣе утрачивалъ и свою громкую извѣстность, и свое вліяніе. Онъ не засѣдалъ ни въ конституціонномъ конвентѣ, ни въ законодательномъ собраніи 1880 года. Народу надоѣли его публичныя рѣчи, потому что онѣ, повидимому, не вели ни къ чему и потому что кандидаты „рабочей партіи“ вели себя на своихъ должностяхъ не лучше кандидатовъ старыхъ партій. Онъ поссорился съ газетой Chronicle. Сверхъ того, онъ по невѣжеству и по неопытности не былъ въ состояніи обсуждать юридическіе, экономическіе и политическіе вопросы, затронутые новой конституціей, поэтому былъ отодвинутъ на задній планъ необходимостью разрѣшить эти вопросы“. Въ мартѣ 1880 г. „рабочая партія“ потерпѣла неудачу на городскихъ выборахъ и затѣмъ вскорѣ сошла окончательно со сцены; уцѣлѣвшая отъ нея небольшая группа примкнула къ демократамъ, изъ среды которыхъ вышла и съ которыми имѣла много общаго. Городское управленіе сдѣлалось почти такимъ же, какимъ было до агитаціи, и законодательное собраніе, какъ кажется, не сдѣлалось ни болѣе безукоризненнымъ по своей честности, ни болѣе благоразумнымъ. Когда пришлось назначать членовъ желѣзно-дорожной коммисіи, желѣзно-дорожные магнаты умѣли такъ искусно пользоваться своимъ вліяніемъ, что двое изъ трехъ членовъ коммисіи были выбраны народомъ между преданными имъ людьми, а третій членъ былъ „пустой краснобай“. Ни одинъ изъ нихъ не обладалъ тѣми практическими свѣдѣніями, которыя были необходимы для прекращенія желѣзно-дорожныхъ злоупотребленій согласно съ требованіями новой кон-

---

[1]) При народномъ голосованіи было подано *за* проектъ новой конституціи 78.000 голосовъ и *противъ* него 67.000 голосовъ. Новая конституція, конечно, была утверждена цѣликомъ, потому что поправки невозможны при народномъ голосованіи.

ституціи. Само собою разумѣется, что притѣсненія со стороны желѣзно-дорожныхъ управленій нисколько не уменьшились. Когда Джемсъ Брайсъ спросилъ: почему желѣзно-дорожные магнаты не прибѣгли къ защитѣ федеральной конституціи (тогда inter-state commerce acte еще не былъ изданъ), то ему отвѣтили, что они дѣйствительно намѣревались такъ поступить, но потомъ разочли, что имъ обойдется дешевле подкупъ большинства коммисіи. Оказались благотворными лишь стѣсненія, наложенныя новою конституціею на законодательныя собранія (относительно изданія спеціальныхъ биллей) и на мѣстныя правительственныя власти (относительно заключенія займовъ и заказа дорогихъ общественныхъ построекъ).

„Во время моего пребыванія въ Санъ-Франциско въ концѣ 1881 года,—пишетъ далѣе Джемсъ Брайсъ,—городскіе жители называли Кирнея лопнувшей ракетой; нѣкоторые изъ нихъ даже не знали, находится ли онъ въ городѣ. Другіе утверждали, что капиталисты сдѣлали его безвреднымъ, подаривши ему новую телѣгу и упряжку. Какъ кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что онъ пріобрѣлъ въ собственность домъ, въ которомъ жилъ". Года черезъ два Кирней ѣздилъ въ Нью-Іоркъ произносить публичныя рѣчи въ защиту интересовъ „рабочей партіи", но не имѣлъ успѣха, потому что „вліяніе краснорѣчія на невѣжественную народную массу принадлежитъ къ числу такихъ цвѣтковъ, которые не всегда можно пересаживать на новую почву".

По мнѣнію не только просвѣщеннаго англійскаго изслѣдователя, но и его американскихъ друзей, въ стремленіяхъ агитаторовъ было очень мало сознательнаго сочувствія къ теоріямъ коммунистовъ или соціалистовъ. Фермеры, подававшіе голоса за новую конституцію, были собственниками своихъ фермъ и, конечно, отвергли бы всякую мысль объ аграрномъ соціализмѣ. Одинъ парижскій коммунистъ, выбранный делегатомъ въ конвентъ для составленія проекта новой конституціи, не пользовался никакимъ вліяніемъ и былъ даже исключенъ изъ числа членовъ рабочей партіи за то, что отказался поддерживать новую конституцію, которая составлена далеко не въ интересахъ исключительно рабочаго класса: такъ, напримѣръ, она всѣхъ безъ исключенія облагаетъ подушною податью [1]).

[1]) Американскіе демократы не считаютъ, повидимому, подушную подать за нѣчто унизительное для человѣческаго достоинства и несовмѣстное съ понятіемъ о свободѣ личности,—а наши либералы (не исключая и либераловъ славянофильскаго толка) объявили ее принадлежностью крѣпостничества.

Тѣмъ не менѣе, новая конституція Калифорніи можетъ обратиться въ орудіе нарушенія безспорныхъ правъ капиталистовъ, если народъ когда-нибудь настойчиво потребуетъ точнаго исполненія нѣкоторыхъ ея статей и изданія законовъ въ этомъ смыслѣ.

Калифорнійскій демагогъ, какъ „лопнувшая ракета", обратился въ ничтожество, оставивъ лишь дурной примѣръ для будущаго. Но пропаганда примѣненія демократической идеи равенства къ отношеніямъ соціально-экономическимъ становится реальною опасностью для республики по мѣрѣ развитія пауперизма—неизбѣжнаго спутника плутократіи.

Еще въ тридцатыхъ годахъ пауперизма не было въ Соединенныхъ Штатахъ, и до послѣдняго времени республика не тяготилась переселенцами, въ какомъ бы количествѣ они ни прибывали на американскій материкъ и какъ бы ни были бѣдны. Въ этой новой обѣтованной землѣ милліоны людей находили широкій просторъ, полное приволье и ту свободу для примѣненія производительнаго труда, которая составляетъ неоспоримое достоинство демократическихъ странъ, при высокомъ нравственномъ уровнѣ населенія, при той духовной трезвости, которая одна только предохраняетъ человѣка отъ злоупотребленія свободою—этимъ Божьимъ даромъ.

Теперь обстоятельства измѣнились, и не могли не измѣниться, какъ только республика перестала управляться „добродѣтелью". И въ прежнее время постоянно проглядывало въ духѣ американской націи преобладающее стремленіе къ пріобрѣтенію матеріальныхъ благъ; но оно больше всего внушалось и поддерживалось представителями англійской короны. Когда Вильгельмъ и Марія (въ 1693 г.) согласились назначить изъ свободныхъ доходовъ Виргиніи 2.000 фунтовъ стерлинговъ на постройку коллегіи, носившей названіе ихъ имени и разрушенной во время междоусобной войны (1862), послѣ чего она уже болѣе не возстановлялась, епископъ Блэръ передалъ генералъ-прокурору Сеймуру королевское приказаніе выдать разрѣшеніе на эту постройку. Сеймуръ колебался. Англія была занята въ ту пору войной и ей не время было заботиться о Виргиніи. Блэръ настаивалъ, говоря, что новое заведеніе будетъ приготовлять молодыхъ людей къ занятію пасторскихъ должностей. Вѣдь и жителямъ Виргиніи,—говорилъ онъ,—не менѣе, чѣмъ ихъ англійскимъ соотечественникамъ, необходимо заботиться о спасеніи своихъ душъ.—„О спасеніи душъ!"

возразилъ Сеймуръ. „Пусть ваши души отправляются къ чорту! Разводите табакъ“ [1]). Колоніальные взгляды метрополіи далеко не вполнѣ раздѣлялись первыми переселенцами и ихъ ближайшими потомками. Спасеніе душъ они ставили выше всѣхъ земныхъ благъ; неприкосновенная за океаномъ свобода совѣсти была для нихъ самымъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ. Высокій уровень народнаго благосостоянія, равномѣрное распредѣленіе богатствъ и отсутствіе крупныхъ капиталовъ, поразившіе Токвилля въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, были результатомъ не демократическихъ учрежденій, а еще не нарушенной душевной гармоніи тружениковъ, воспитанныхъ въ строгой нравственной дисциплинѣ. Мы увидимъ ниже, что вліяніе духовенства и дисциплина религіозныхъ корпорацій и теперь еще сдерживаютъ американскихъ уроженцевъ, не допускаютъ до крушенія нравственный строй общественной жизни и ослабляютъ зло крайняго развитія плутократіи; но они не на столько сильны, чтобы остановить это развитіе, вытекающее изъ мутнаго источника низменныхъ страстей и питаемое извнѣ постояннымъ приливомъ иноземцевъ, не воодушевленныхъ никакими идеалами и ищущихъ за океаномъ только наживы, а иногда и свободы строить козни и приводить въ исполненіе преступные планы, задуманные ими въ ненависти къ своему прежнему отечеству и даже въ ненависти ко всему цивилизованному міру.

Большія состоянія американцевъ возникли вслѣдствіе быстраго заселенія западныхъ странъ; калифорнійскіе фермеры до извѣстной степени были правы, говоря, что торговля, изъ которой милліонеры извлекаютъ огромныя выгоды, создана плугомъ земледѣльца и заступомъ рудокопа; они неправы только въ томъ, что труду земледѣльца и рудокопа придавали преобладающее значеніе въ образованіи крупныхъ состояній, тогда какъ „милліонеры“ занимаются и такою торговлею, которая ничего общаго съ производительнымъ трудомъ не имѣетъ, именно торговлею акціями и всякими спекулятивными цѣнностями, и весьма многіе предпочитаютъ этотъ путь обогащенія всякому другому, а къ этимъ „многимъ“ въ Соединенныхъ Штатахъ принадлежитъ едва-ли не все населеніе

---

[1]) Извлечено изъ обзора: „Коллегія Вильгельма и Маріи“, составленнаго докторомъ Адамсомъ и напечатаннаго въ 1887 году по распоряженію U. C. Bureau of Education.

поголовно. Несомнѣнно, что въ настоящее время переселенцы болѣе всего служатъ выгодамъ крупныхъ предпринимателей. Изъ 280.000 [1]) нынѣ ежегодно прибывающихъ изъ Европы переселенцевъ лишь меньшинство обзаводится на новымъ мѣстахъ самостоятельнымъ хозяйствомъ; большинство же поступаетъ на фермы, въ ремесленныя и торговыя заведенія, на желѣзныя дороги, фабрики, заводы и т. д. въ качествѣ наемныхъ рабочихъ, что въ значительной мѣрѣ обусловливается тѣмъ, что въ свободныхъ земляхъ съ плодородною почвою уже чувствуется недостатокъ, а мелкія производства, за исключеніемъ нѣкоторыхъ ремеслъ, вытѣсняются крупными, какъ ручной трудъ вытѣсняется машиною, живой двигатель—силою пара.

Существуютъ рѣзкія различія между рабочими изъ американскихъ уроженцевъ и пришлыми изъ Европы.

Первые, т. е. американскіе уроженцы, довольно хорошо образованы, читаютъ газеты и даже какой-нибудь еженедѣльный *религіозный* журналъ и одно изъ ежемѣсячныхъ обозрѣній; многіе изъ нихъ, составляющіе, какъ полагаетъ Джемсъ Брайсъ, большинство, принадлежатъ внѣ большихъ городовъ къ какой-нибудь конгрегаціи. Многіе совершенно отказываются отъ употребленія крѣпкихъ напитковъ. Ихъ жены и дольше учатся въ школахъ, и больше ихъ читаютъ. Въ небольшихъ селеніяхъ въ Новой Англіи и на западѣ (гдѣ рабочіе изъ американскихъ уроженцевъ—выходцы Новой Англіи) и даже въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ, напримѣръ въ Филадельфіи и Чикаго, лучшіе изъ нихъ пріобрѣтаютъ въ городскихъ предмѣстіяхъ въ собственность небольшіе деревянные домики съ верандой и съ садикомъ [2]). Ихъ жены одѣваются съ такимъ вкусомъ, что, встрѣчаясь съ ними въ воскресный день или въ желѣзно-дорожномъ вагонѣ, нельзя не

---

[1]) Мы беремъ среднюю цифру за десятилѣтіе 1870—1880 гг. по оффиціальнымъ даннымъ, а у Джемса Брайса эта цифра поставлена въ 500.000.

[2]) Въ городѣ квакеровъ, въ Филадельфіи, несмотря на его многолюдство (850.000 жит. по переписи 1880 г.), рабочій классъ, имѣющій собственные дома, болѣе многочисленъ, чѣмъ въ которомъ-либо изъ городовъ Американскаго Союза. Такое отрадное явленіе нельзя не отнести къ достоинствамъ нравственнаго режима квакерскихъ религіозныхъ общинъ, и никто, кажется, не станетъ утверждать, что квакеры демократичнѣе другихъ американскихъ сектантовъ, — пуританъ, напримѣръ.

принять ихъ за женщинъ, живущихъ въ достаткѣ. До послѣдняго времени стачки случались между рабочими изъ американскихъ уроженцевъ рѣже, чѣмъ въ Англіи, и несмотря на недавнія смуты, они не питаютъ общаго чувства вражды къ своимъ хозяевамъ. Вражда эта если не внушается прямо, то разжигается всего болѣе правящими страною политиканами, которые въ послѣдніе годы начали выдавать себя за людей, спеціально заботящихся объ интересахъ рабочихъ. Хотя и сомнительно, чтобы въ такой странѣ, гдѣ народное голосованіе всемогуще, рабочіе нуждались въ чьемъ-либо покровительствѣ, но агитація въ пользу рабочихъ находитъ достаточное для себя основаніе въ громадной силѣ капитала, въ постоянно увеличивающемся неравенствѣ состояній и въ томъ, что богачъ не участвуетъ въ уплатѣ налоговъ соразмѣрно съ своими капиталами. Тѣмъ не менѣе, несмотря на существованіе т. н. рабочей партіи (гринбекеровъ) и на ея недавнее усиленіе, несмотря на то, что недавно основано общество „рыцарей труда" (knights of labour), въ которое входятъ ремесленники всякаго рода, разсѣянные по всей территоріи Союза, американскіе рабочіе рѣже англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ вступаютъ соединенными силами въ борьбу съ тѣми, кого считаютъ своими врагами, и не потому, разумѣется, что менѣе европейскихъ рабочихъ способны организовать союзы (trade unions),—никакой народъ не превосходитъ американцевъ въ охотѣ и умѣніи соединяться въ корпораціи,—а потому, что не раздѣляютъ мнѣній, подобныхъ общему убѣжденію нынѣшнихъ англійскихъ переселенцевъ, будто бы между рабочими и хозяевами не могутъ существовать какія-либо другія чувства кромѣ взаимнаго недоброжелательства.

Совсѣмъ иной типъ представляютъ наемные рабочіе изъ европейскихъ переселенцевъ.—По переписи 1880 года, за исключеніемъ населенія уступленныхъ Россіею земель [1]) и всѣхъ индійскихъ племенъ [2]), изъ 50.232.678 [3]) жителей обоего пола въ Соединенныхъ Штатахъ около 8 милл.—негры и 6.679.943—иностранные уроженцы. Изъ нихъ нѣкоторая часть обзавелась

[1]) Населеніе территоріи Аляска переписью 1880 г. исчислено въ 33.426 человѣкъ обоего пола.

[2]) 179.232 человѣкъ обоего пола.

[3]) У Джемса Брайса показано 50.155 738. У него изъ общаго итога числа жителей, вѣроятно, вычтены еще китайцы и другіе переселенцы изъ Азіи и Австраліи.

самостоятельными хозяйствами на фермахъ[1]), другіе имѣютъ свои лавки или свои мастерскія (число крупныхъ торговцевъ и промышленниковъ, равно какъ и переселенцевъ, занимающихся либеральными профессіями, понятно, не велико) и около *двухъ милліоновъ* такихъ наемныхъ рабочихъ, которые по своему образованію и по своему искусству разомъ становятся на одинъ уровень съ рабочими изъ мѣстныхъ уроженцевъ. По отзыву Джемса Брайса, этотъ классъ пришлыхъ рабочихъ еще сравнительно невѣжественъ и такъ какъ онъ частію еще не успѣлъ слиться съ американскимъ населеніемъ, то не подчиняется обычнымъ въ странѣ умственнымъ и нравственнымъ вліяніямъ, а дѣйствуетъ за-одно, съ замѣчательнымъ единодушіемъ, по указанію своихъ вождей; поэтому эти вожди пользуются большимъ вѣсомъ и могутъ предписывать заискивающимъ ихъ расположенія политиканамъ свои условія въ тѣхъ случаяхъ, когда силы двухъ главныхъ политическихъ партій почти уравновѣшиваются. „Тѣмъ не менѣе, — говоритъ англійскій изслѣдователь,—было бы несправедливо возлагать на этотъ классъ населенія такую тяжелую отвѣтственность за недостатки американскаго управленія, какую иногда возлагаютъ иностранцы, полагающіеся на слова самихъ американцевъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ замѣтно расположеніе сваливать все дурное на переселенцевъ и въ особенности на ирландцевъ, подобно тому, какъ кухарка сваливаетъ на кошку отвѣтственность за разбитую посуду и за исчезнувшіе съѣстные припасы. Участіе переселенцевъ въ выборахъ, безспорно, было вредно для большихъ городовъ. Но Нью-Іоркъ не былъ земнымъ раемъ до прибытія ирландцевъ, и, конечно, не сдѣлался бы земнымъ раемъ, еслибы всѣ живущіе въ немъ ирландцы переселились въ Санъ-Франциско“. Рабочіе изъ переселенцевъ лучшаго разряда, по прошествіи 15 или 20 лѣтъ почти повсюду, за исключеніемъ нѣсколькихъ большихъ городовъ, достигаютъ одинакаго съ американскими уроженцами нравственнаго уровня и матеріальнаго благосостоянія, чему самымъ очевиднымъ доказательствомъ служитъ ихъ домашняя обстановка, т. е. „изобильная пища, приличная одежда, чистота и комфортъ внутри ихъ жилищъ, благонравность ихъ образа жизни и склонность ихъ женъ къ

---

[1]) Въ сѣверныхъ частяхъ Миннесоты, въ Висконсинѣ и въ Дакотѣ земледѣльческое сословіе состоитъ главнымъ образомъ изъ скандинавовъ и нѣмцевъ, а американскіе уроженцы занимаются торговлей и желѣзно-дорожнымъ дѣломъ.

ченію". Но если снять, выражаясь фигурально, этотъ все же довольно толстый слой сливокъ, то подъ нимъ останется масса, которая болѣе всего соотвѣтствуетъ тому, что англичане понимаютъ подъ словомъ the residuum (осадокъ), въ его переносномъ смыслѣ. Дѣйствительно, та невѣжественная чернь, которая толпится въ большихъ городахъ (въ Нью Іоркѣ, Бруклайнѣ, Филадельфіи, Чикаго и Санъ-Франциско), никакъ не можетъ быть причислена къ рабочему классу. Она, конечно, состоитъ не изъ однихъ иностранцевъ: въ ея разноплеменномъ и разноязычномъ составѣ много негровъ и тѣхъ американскихъ уроженцевъ, которые разорились отъ пьянства и впали въ нищету, но еще больше—переселенцевъ изъ разныхъ европейскихъ странъ,—ирландцевъ, нѣмцевъ, скандинавовъ, французовъ (преимущественно изъ Канады), итальянцевъ, чеховъ, поляковъ и русскихъ. Любопытны характеристики, дѣлаемыя Джемсомъ Брайсомъ. По его отзыву, всѣ вообще переселенцы этого сорта стоятъ за торговлю опьяняющими напитками. „Нѣмцы любятъ пить пиво и полагаютъ, что въ той странѣ, гдѣ ихъ лишаютъ этого удовольствія, свобода не существуетъ, а ирландцы не хотятъ, чтобы стѣсняли торговлю (питейную), въ которой принимаютъ живое участіе ихъ соотечественники". Кромѣ того, „переселившіеся въ Америку ирландцы ненавидятъ Англію, рады всякому случаю сдѣлать ей какую-нибудь непріятность и стараются возбуждать ссоры между нею и своимъ новымъ отечествомъ". Брайсъ замѣтилъ, что тѣ нѣмецкіе переселенцы, которые остаются въ большихъ городахъ, какъ кажется, бо́льшею частію принадлежатъ къ католической церкви по меньшей мѣрѣ номинально; то же можно сказать о полякахъ и чехахъ. Между переселенцами тѣхъ же національностей, т. е. между нѣмцами, поляками и чехами, и отчасти между ирландцами имѣли успѣхъ идеи коммунистическія или соціалистическія. Онъ ничего не говоритъ о русскихъ переселенцахъ, но отзывается съ нескрываемою брезгливостію объ эмигрантахъ славянской расы „изъ восточныхъ частей центральной Европы". Вотъ подлинныя его слова: „Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ Америку наводняли новыя массы европейскихъ эмигрантовъ изъ восточныхъ частей центральной Европы; эти эмигранты, бо́льшею частію принадлежавшіе къ славянской расѣ, стояли на болѣе низкомъ уровнѣ цивилизаціи, чѣмъ прежніе нѣмецкіе эмигранты, а такъ какъ они говорили на языкахъ, непонятныхъ для американцевъ, то они труднѣе ирландцевъ под-

чинялись американскому вліянію. Повидимому, можно опасаться, что если они не перестанутъ переселяться въ Америку въ значительномъ числѣ, они сохранятъ свои старыя привычки къ нарушенію общественныхъ приличій и къ отсутствію комфорта и помѣшаютъ американскимъ рабочимъ классамъ достигать того болѣе высокаго уровня цивилизаціи, къ которому они почти повсюду обнаруживаютъ стремленіе"[1]. Они и въ американскомъ обществѣ уже начинаютъ возбуждать опасенія, только, разумѣется, не своими „привычками къ нарушенію общественныхъ приличій". Такія привычки отвратительны, конечно; могутъ возбудить неудовольствіе рабочихъ классовъ, живущихъ въ довольствѣ, и „привычки къ отсутствію комфорта", если благодаря имъ переселенцы изъ восточныхъ частей центральной Европы станутъ довольствоваться низкою заработною платою въ подрывъ благосостоянію рабочихъ изъ американскихъ уроженцевъ. Но во всемъ этомъ еще ни для кого нѣтъ прямой опасности, а серьезное соперничество со стороны европейцевъ, какъ и со стороны китайцевъ, могущее подорвать благосостояніе американскихъ рабочихъ, явится только при усиленіи спроса на *дешевый* трудъ, т. е. когда станутъ исчезать условія, до сихъ поръ обезпечивавшія въ Соединенныхъ Штатахъ достаточный заработокъ всякому труженику, всякому способному и прилежному рабочему.

По наблюденіямъ Джемса Брайса, такія условія дѣйствительно исчезаютъ и нарождаются новыя, крайне неблагопріятныя для будущности труда. На западѣ уже заняты почти всѣ самыя хлѣбородныя земли, такъ что скоро придется приступить къ воздѣлыванію земель второстепеннаго и третьестепеннаго достоинства, кромѣ того, истощенная почва лучшихъ земель уже не будетъ давать прежней обильной жатвы даже при усиленномъ удобреніи, т. е. при гораздо болѣе дорогомъ способѣ ея обработки. Хотя перевозка продуктовъ, быть можетъ, и сдѣлается тогда болѣе дешевой, но цѣны на съѣстные припасы поднимутся; тогда будетъ труднѣе заводить фермы, а чтобы извлекать изъ нихъ доходъ, потребуется затрата болѣе значительныхъ капиталовъ; тогда борьба за существованіе сдѣлается болѣе трудной. А такъ какъ западъ перестанетъ служить отводомъ для излишка населенія большихъ городовъ, то эти города сдѣлаются чрезвычайно многолюдными; пауперизмъ, ко-

---

[1]) A. P., III, 510–511.

торый въ настоящее время не выходитъ за предѣлы шести-семи самыхъ большихъ городовъ, распространится на болѣе широкое пространство, заработная плата, вѣроятно, уменьшится, а добываніе работы сдѣлается болѣе труднымъ. „Тогда и на дѣвственной почвѣ Соединенныхъ Штатовъ возникнутъ тѣ хроническіе общественные недуги и тѣ проблемы, которыми озабочены старыя и густо-населенныя европейскія страны". Авторитетные политико-экономы утверждаютъ, что такое тяжелое для Соединенныхъ Штатовъ время настанетъ не позже, чѣмъ лѣтъ черезъ тридцать.

Конечно, въ такихъ вопросахъ невозможны точные ариѳметическіе подсчеты, но несомнѣнно, что два обстоятельства содѣйствуютъ ускоренію развитія пауперизма: во-первыхъ, у людей физически слабыхъ и нравственно неразвитыхъ родится больше дѣтей, чѣмъ у людей богатыхъ, а люди коренной англійской расы размножаются на американской почвѣ менѣе быстро, чѣмъ ирландцы или нѣмцы, и гораздо менѣе быстро, чѣмъ лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ [1]); во-вторыхъ, приливъ переселенцевъ не прекращается, а слѣдовательно не прекращается и наплывъ въ страну пролетаріевъ, постоянно усиливающій зло переполненія городовъ населеніемъ, не находящимъ себѣ занятій, и еще болѣе затрудняющій отливъ на западъ безпрерывно наростающихъ и другъ друга давящихъ излишковъ городскаго населенія, понижающихъ общій уровень благосостоянія рабочихъ классовъ. Хотя конгрессомъ въ Вашингтонѣ уже издаются законы, закрывающіе доступъ въ Америку преступникамъ, рабочимъ, нанятымъ по контракту и такимъ лицамъ, присутствіе которыхъ могло бы сдѣлаться обременительнымъ для республики; но цѣлесообразное исполненіе этихъ законовъ едва-ли возможно, потому что въ моментъ прибытія эмигрантовъ не всегда есть основаніе рѣшить, кто изъ нихъ принадлежитъ къ числу преступниковъ или бѣдняковъ [2]),

---

[1]) По исчисленію генерала F. A. Walker'a, за десятилѣтіе 1870—1880 гг. число бѣлыхъ уроженцевъ Соединенныхъ Штатовъ увеличилось на 31,25 проц., а число бѣлыхъ уроженцевъ, родители которыхъ были также американскими уроженцами, увеличилось только на 28 проц. Средній размѣръ семействъ американскихъ уроженцевъ уменьшился въ теченіе того же десятилѣтія съ 5,09 на 5,04.

[2]) Что видно ужь изъ того, что, какъ передавали Джемсу Брайсу, только около 500 человѣкъ изъ сотенъ тысячъ ежегодно переселяющихся въ Америку европейцевъ отсылаются обратно.

„присутствіе которыхъ могло бы сдѣлаться обременительнымъ для республики", и еще потому, что неуклонное исполненіе мѣръ предосторожности, налагающихъ узду на демократическую распущенность, не входитъ въ разсчеты спекуляторовъ и политикановъ. По этой послѣдней причинѣ, вѣроятно, будетъ обходимъ и законъ о закрытіи доступа на территорію Союза рабочимъ, нанятымъ по контракту, если только эти рабочіе не китайцы. Между тѣмъ, по крайней мѣрѣ треть эмигрантовъ изъ старыхъ европейскихъ странъ, по причинѣ своего невѣжества и вслѣдствіе своей склонности (въ значительной мѣрѣ обусловленной невѣжествомъ) къ усвоенію анти-соціальныхъ и анархическихъ ученій, — болѣе, чѣмъ обременительна для республики. Эмигранты, зараженные такими ученіями, дѣлаются источникомъ опасностей для всего американскаго общества, понижаютъ его общій тонъ, превращаются въ удобныя орудія для демагоговъ и угрожаютъ государству внутренними смутами въ родѣ тѣхъ, какія происходили въ 1877 году въ Пенсильваніи, въ 1884 въ Цинциннати, въ 1886 въ Чикаго. Джемсъ Брайсъ полагаетъ, что американцамъ нечего опасаться анархіи. Такъ думали еще недавно и сами американцы, упоенные тщеславнымъ убѣжденіемъ въ своемъ величіи и въ непоколебимости своихъ демократическихъ устоевъ. Но эти устои расшатываются сверху плутократіей и снизу пауперизмомъ и демагогами, а насилія анархистовъ въ Чикаго пробудили образованные классы населенія Соединенныхъ Штатовъ и обратили общее вниманіе на этотъ новый источникъ опасностей для истинной цивилизаціи.

А. М—СКІЙ.

(До слѣд. №.)

ПУСТЫНЯ.

I.

Они шли по широкой улицѣ станицы. Ей было лѣтъ двадцать пять, быть можетъ тридцать. Ея темные глаза смотрѣли свѣжо и ясно. Вокругъ этихъ глазъ и вокругъ губъ еще не было замѣтно морщинокъ. Загаръ покрылъ золотымъ матомъ и лицо, и шею, и руки. На ней было легкое платье, сшитое по модѣ столичной портнихой. На грудь она приколола яркій пунцовый цвѣтокъ, рѣзко краснѣвшій на прозрачно-молочной ткани. Она шла красивой, слегка развалистой поступью, какой ходятъ женщины ея лѣтъ, еще не отяжелѣвшія, но уже утратившія воздушную походку первой молодости. Все лицо ея, освѣщенное матовою полутѣнью отъ зонтика, сіяло счастьемъ и здоровьемъ.

Онъ былъ моложе ея. Черные усы и борода еще не вполнѣ опушили его лицо, и только густыя сросшіяся брови указывали, что восточный типъ развернется впослѣдствіи съ полной силой. Продолговатое лицо, тонкій носъ, каріе глаза съ длинными выгнутыми рѣсницами, коротко-стриженая голова, барашковая шапка и темная черкеска съ серебряными „козырями" по обѣ стороны груди,— все обличало въ немъ горца. Онъ мягко ступалъ сафьянными чувяками, и только иногда вскидывалъ на спутницу своимъ глубокимъ, искрящимся взглядомъ.

Улица была залита горячимъ іюльскимъ солнцемъ. Короткія южныя тѣни отъ деревьевъ ложились пестрымъ узоромъ поперегъ песчаной дорожки, замѣнявшей троттуаръ. Знойный кавказскій полдень загналъ всѣхъ подъ тѣнь—подъ широкіе навѣсы дворовъ, на прохладный сквознякъ бѣлыхъ мазанокъ. Изрѣдка, вдали, въ концѣ улицы, всплывало облако пыли, и

загорѣлый кабардинецъ бѣглой иноходью проѣзжалъ по дорогѣ, высоко вздернувъ морду гнѣдаго мерина и ласково похлестывая его нагайкой. Поджарыя, остроносыя собаки, высунувъ языки, неподвижно лежали, прижавшись къ стѣнамъ домовъ. Только куры равнодушно бродили, да мухи мелькали взадъ и впередъ въ сіяющей истомѣ раскаленныхъ лучей.

— Вы, Антонина Михайловна,—говорилъ онъ, чисто произнося по-русски и показывая при разговорѣ рядъ бѣлыхъ маленькихъ крѣпкихъ зубовъ,—вы, Антонина Михайловна, на насъ, кавказскихъ горцевъ, развѣ смотрите, какъ на людей? Что я для васъ такое? Просто неудавшійся отставной офицеръ русской службы, торгующій лошадьми. Я для васъ что-то вродѣ вашего московскаго кучера.

— Зачѣмъ вы это говорите, Коля! съ полуупрекомъ возразила она, чувствуя, какъ кровь то̀ приливаетъ къ ея щекамъ, то̀ отливаетъ. Развѣ я позволила когда-нибудь относительно васъ...

Онъ сдвинулъ брови.—Я помню, когда въ первый разъ я далъ вамъ, по просьбѣ вашего доктора, лошадей, — сказалъ онъ, нервно поправляя шапку,—какъ вы посмотрѣли на меня. Такъ и видно было, что вы подумали: „ну, ты, какъ тебя,— подсаживай, не знаешь своей обязанности“. Если теперь вы удостоиваете меня своей бесѣдой, то потому только, что начитались Лермонтова, и, за неимѣніемъ Печорина, хотите присмотрѣться къ первому встрѣчному горцу.

— Вы начинаете говорить дерзости, Коля! крикнула она, притопнувъ ногой и остановилась.—Какое вы имѣете право... Я не пойду съ вами дальше.

Она хотѣла повернуть назадъ, но онъ схватилъ ее за руку.

— Нѣтъ, ради Бога! тихо проговорилъ онъ,—и въ его голосѣ послышалась мольба.—Ради Бога не уходите. Вы обѣщали заглянуть ко мнѣ. Не возвращайтесь назадъ, пойдемте. Осчастливьте мой уголъ, освѣтите его хоть на минуту, на одну минутку. Объ этомъ днѣ я на всю жизнь...

Онъ не договорилъ и запнулся; то выраженіе какой-то собачьей привязанности и вмѣстѣ трусости, которое вотъ уже третью недѣлю она подмѣчаетъ во взглядѣ этого сильнаго и красиваго кабардинца, при разговорѣ съ нею, опять появилось въ немъ. Ей становилось въ такія минуты жалко̀ его до боли. Она колебалась. Рѣсницы ея вздрагивали, какія-то тѣни пробѣгали по лбу. Наконецъ она рѣшилась и твердо, но не

говоря ни слова, пошла впередъ. Онъ тоже молчалъ, только зубы стискивалъ все сильнѣе и сильнѣе.

— Здѣсь, проговорилъ онъ, останавливаясь предъ широкимъ отверстіемъ въ бѣлой мазаной стѣнѣ.—Что же! зайдете, или все не рѣшаетесь? Боитесь мужа?

Она окинула его рѣзкимъ взглядомъ, и первая вошла во дворъ. Онъ, торопливо обгоняя ее, сдерживая приливъ своего счастья, перебѣжалъ до мазанки-флигелька и отворилъ низенькую почернѣвшую дверь. Оттуда пахнуло тепломъ, кожей, только-что выпеченымъ хлѣбомъ. Старуха-казачка возилась у какого-то ведра. Дальше—шла глубокая темнота сѣней.

— Вотъ вамъ и дворецъ мой,—насильно улыбаясь, проговорилъ онъ, отворяя дверь въ комнату, гдѣ было немного свѣтлѣе и чище. На постели лежала брошеная бурка. Тутъ же въ углу горой были навалены сѣдла, уздечки, арчаки. — Вотъ и все мое помѣщеніе.

II.

Она старалась подавить въ себѣ поднимавшееся чувство брезгливости, и ей невольно пришло въ голову сравненіе, на которое онъ самъ ее направилъ: какъ хорошо и чисто въ кучерской у нихъ въ Москвѣ. Она даже не выпускала изъ руки слегка подобраннаго платья, точно боясь запачкаться въ этой берлогѣ.

— Здѣсь жарко, и мухъ много,—замѣтивъ ея смущеніе, торопливо заговорилъ онъ.—Пойдемте лучше въ конюшню. Тамъ чудесно.

Лошади у него стояли подъ плетенымъ навѣсомъ, звучно жуя овесъ и обмахиваясь хвостами. Молоденькій конюхъ чистилъ большую гнѣдую кобылу, довольно подставлявшую скребницѣ свои запыленные бока.—Съ боку навѣса, гдѣ горой навалено было душистое свѣжее сѣно и гдѣ была тѣнь отъ конюшни, они остановились.

— Не побрезгаете сѣсть на сѣно? спросилъ онъ, наклоняясь и сбивая его въ сидѣнье возлѣ стѣны.

— Я пить хочу, дайте мнѣ воды, Коля,—сказала она, складывая зонтикъ и тяжело дыша.

Онъ пошелъ опять къ дому; она, оправляя платье, опустилась на сѣно. Здѣсь было, въ самомъ дѣлѣ, хорошо—и не жарко, и тихо, и уютно. Она въ первый разъ поймала себя на

томъ, что называла его Колей. Его такъ всѣ звали—всѣ „курсовые", которые жили въ гостинницѣ и покупали у него лошадей. Теперь вдругъ ей показалось неловкимъ это уменьшительное, ласкательное „Коля". Она только сегодня поняла, что вѣдь и онъ такой же мужчина, какъ всѣ эти „курсовые",—почему же она допускаетъ съ нимъ такую фамильярность?—Онъ нѣсколько образованъ, былъ въ корпусѣ въ Петербургѣ, говоритъ даже немного по-французски; по службѣ ему что-то не повезло—онъ вышелъ изъ полка. Теперь, вотъ уже второй мѣсяцъ, она его знаетъ, и за послѣднее время онъ ходитъ за нею по пятамъ, глядя на нее изъ-за угла печальными большими глазами. Въ немъ нѣтъ ни кавказской дикости, ни ухарства, ни молодечества; только когда сидитъ на лошади, онъ выглядитъ настоящимъ джигитомъ. Онъ почти всегда тихъ и грустенъ. Онъ никогда ничего относительно ея не позволилъ, но она знаетъ и понимаетъ, что нравится ему.

Онъ принесъ воду въ чайникѣ.

— Извините, что такъ безъ стакана,—сказалъ онъ, опускаясь передъ ней на колѣна.

Она взяла обѣими руками чайникъ. Крышки не было; внутри колыхалась чистая холодная вода.

— Какъ же пить? спросила она въ неудомѣніи.

Онъ засмѣялся ея наивности.—Изъ носика, Антонина Михайловна, какъ же иначе!

Она тоже засмѣялась. Пить черезъ носикъ изъ чайника воду, сидя на сѣнѣ въ гостяхъ у кабардинца—это совсѣмъ не по-московски—и во всякомъ случаѣ оригинально. Вода была такая вкусная, свѣжая.

— Скажите, Коля,—спросила она напившись,—у васъ есть родня?

— Есть—братъ.

— Гдѣ же онъ?

— Онъ живетъ тамъ дальше, въ горахъ, верстъ сто отсюда. Онъ очень богатый.—Я вамъ покажу его портретъ. Вася,—крикнулъ онъ конюху,—принеси портретъ въ рамкѣ, что на печи виситъ. Живо!—Мы съ нимъ не видимся, прибавилъ онъ.

Вася принесъ фотографію.—Чернобородый высокій, рѣзкаго типа мужчина сидѣлъ на стулѣ. Возлѣ него, опершись о какой-то камень, стояла женщина лѣтъ сорока, красивая, въ амазонкѣ, съ хлыстомъ и въ пенсне.

— Что-за знакомое лицо—это кто же? спросила про нее Антонина Михайловна.

— Это жена брата. Чего вы удивляетесь? Это ваша московская—Хохрякова... Богатая. У нея сотни три тысячъ. Она здѣсь безвыѣздно живетъ.—Впрочемъ они не вѣнчаны,—такъ,—она только съ московскимъ мужемъ развелась. Вы что̀ думаете? У насъ въ Кабардѣ много барынь. По пяти, по шести лѣтъ живутъ. Уйдутъ отъ мужа, дѣтей забудутъ. Здѣсь въ станицѣ есть двѣ такихъ. Ихъ въ Москвѣ умершими считаютъ. Прiѣхали на курсъ и остались.

— Коля, что̀ вы разсказываете—быть не можетъ!

— Хотите—сегодня же васъ съ ними познакомлю? Онѣ впрочемъ отъ „курсовыхъ" прячутся—только съ осени начинаютъ выходить на улицу, а то все у себя въ садикѣ сидятъ.—Да, вотъ у насъ какая она Кабарда! какъ бы хвастаясь, прибавилъ онъ.

— И что же—счастливо живутъ? въ раздумьѣ спросила она.

— Иныя — счастливо, другiя — нѣтъ. — Мой братъ бьетъ ее... Не хорошо!

Она вздрогнула.

— Что же, она несчастна? Уйти отъ него не можетъ?

— Нѣтъ—онъ гонитъ ее: „Уйти ты, провались со своими деньгами!" Выгонялъ ее сколько разъ. Нѣтъ, опять назадъ приходитъ.

Онъ допилъ изъ чайничка оставшуюся воду и, выплеснувъ остатки за плетень, усѣлся по-восточному, скрестивъ ноги.

— А хорошая она женщина,—прибавилъ онъ.—Братъ пьяница, разбойникъ,—и чего она его такъ полюбила! Цѣнить это надо было. Слѣды ея ногъ цѣловать... А онъ разбойничаетъ... Страшное дѣло, что̀ у нихъ только бываетъ...

III.

Въ ворота иноходью-развалкой въѣхалъ всадникъ, гораздо старше Коли, въ простой черкескѣ, съ дорогимъ наборнымъ поясомъ. Подъ нимъ былъ крѣпкiй гнѣдой конь съ розовой лысиной на мордѣ, и бѣлой бородкой на нижней губѣ. Онъ подъѣхалъ прямо къ Колѣ, такъ что копыта лошади почти наступили на платье его гостьи.

Коля вскочилъ и поздоровался съ тою азіатской малоуловимой вѣжливостью, которая обозначала, что гость старше его родомъ и дѣлаетъ честь своимъ посѣщеніемъ.

— Не безпокойся,—солидно замѣтилъ барынѣ пріѣхавшій, лошадь смирная—сиди смѣло.—Пріѣхалъ сказать, Коля,—продолжалъ онъ, очевидно изъ уваженія къ барынѣ говоря по-русски и дѣлая для этого значительныя усилія,—сегодня ночь—вотъ сегодня ночь — ѣду въ Арчаковъ аулъ къ Ужипсѣ по дѣлу. Ѣдешь со мной,—ты хотѣлъ?

— Ѣду. Сказалъ, такъ и ѣду,—съ серьезной важностью отвѣтилъ Коля.

— Много народъ будетъ. Со всѣхъ сторонъ пріѣдутъ. Буза будетъ.—Джигитовка будетъ. Къ Ужипсѣ прямо пріѣдемъ.—Такъ вмѣстѣ ѣдемъ? Какъ разсвѣтъ—такъ и ѣдемъ?

— Хорошо.

— На сѣромъ поѣзжай—джигитовать будешь.

Онъ приподнялъ слегка баранью шапку и повернулъ какъ на шкворнѣ коня; свиньи, гулявшія по двору, метнулись всторону и забились куда-то между камнями, подъ фундаментъ мазанки.

— Куда это вы ѣдете, Коля? спросила она. Въ какой аулъ?

— Верстъ семьдесятъ отсюда. Хотите ѣхать вмѣстѣ? прибавилъ быстро онъ.—Только верхомъ—въ экипажѣ туда не проѣхать. Вы ѣздите отлично—мы живо доскачемъ.

— Кто же еще поѣдетъ?.. Одна я не поѣду...

— Найдутся „курсовые"... Вамъ очень интересно посмотрѣть... У нихъ праздникъ въ воскресенье. И лезгинку и сандаракъ танцовать будутъ. Бузу вы никогда не пробовали? Это настоящій аулъ: стоитъ на утесахъ, внизу горная рѣчка... А дорога туда какая—прелесть... Поѣдемъ, а?

Онъ ласково-вопросительно заглянулъ ей въ глаза.—Ну, что же?

— Хорошо. Я подумаю, вечеромъ дамъ отвѣтъ.

— Ну, вотъ и ладно.

Онъ схватилъ ея руку и прижалъ къ губамъ.

— Пустите! слабо высвобождалась она,—не надо.

— Ахъ, какъ люблю я васъ! внезапно вырвалось у него.

Онъ прислонился къ столбу и закрылъ лицо руками.

— Что съ вами, Коля! Полно глупить, перестаньте, — говорила она съ тѣмъ сознаніемъ довольства, которое охватываетъ женщину послѣ признанія въ любви, сдѣланнаго ей.—

Выбросьте вздоръ изъ головы... Если такъ, я съ вами не поѣду.

Онъ поднялъ руки отъ лица. Глаза были полны слезъ.

— Уѣдете вы опять къ себѣ къ мужу, къ роднымъ—и я опять здѣсь одинъ...

Онъ упалъ возлѣ нея на сѣно, и заплакалъ неудержимымъ судорожнымъ рыданіемъ.

Она быстро поднялась и открыла зонтикъ.

— Успокойтесь,—взволнованно проговорила она, и сдѣлала шага два впередъ, чтобы видѣла ее изъ хаты старая казачка.—Еслибы я знала, что разговоръ этимъ кончится, я не пришла бы къ вамъ. Пожалуйста, не провожайте меня—это лишнее.

Она, сдерживая порывистое дыханіе, перешла дворъ и вышла на улицу.

Все это случилось такъ быстро, неожиданно. — Нѣтъ, отъ такихъ ухаживаній надо держаться подальше. Эти кавказскія страсти не то, что у насъ, сѣверныхъ жителей. Тутъ надо быть осторожной.

И невольно мысли ея перешли на то, что онъ говорилъ объ этихъ дамахъ, что остались въ Кабардѣ. Неужели же это правда? Оставить все—семью, домъ и уйти въ горы! Навсегда отказаться отъ всего прежняго, и зажить вотъ такой азіатской жизнью—пить изъ чайника воду, или ту бузу, о которой онъ говорилъ?.. Хорошо поговорить съ этимъ красивымъ кабардинцемъ, пококетничать, пожалуй, съ нимъ, но жить навсегда, среди тѣхъ синихъ горъ, что громоздятся тамъ, на горизонтѣ, и которыя хороши только издали, или на декораціяхъ—это ужасно!..

Но опять невольное сравненіе всплыло передъ ней. Ей ясно представляется ея мужъ, занимающій такое солидное положеніе въ обществѣ, такъ всецѣло погруженный въ свои занятія. Онъ возьметъ отпускъ на двадцать восемь дней и пріѣдетъ сюда немного попить номера семнадцатаго и покупаться въ Нарзанѣ. Онъ еще молодъ—ему нѣтъ сорока лѣтъ, онъ любитъ ее—отпустилъ сюда на Кавказъ съ вѣрной горничной, и слѣдитъ за ея здоровьемъ ихъ постоянный докторъ Чибисовъ, живущій въ той же гостиницѣ этажемъ выше ея. Онъ пишетъ ей аккуратно два раза въ недѣлю письма, неизмѣнно начинающіяся обращеніемъ „Дорогая Тоня“, и оканчивающіяся всегда подписью „Цѣлую тебя крѣпко. Любящій тебя мужъ Викторъ“. Онъ съ

неизмѣнной аккуратностью будетъ здѣсь черезъ десять дней, будетъ по вечерамъ винтить съ знакомыми на галлереѣ и кататься въ фаэтонахъ, увѣряя, что и онъ участвуетъ въ кавалькадѣ. Докторъ Чибисовъ говоритъ всегда про него: „рыхлый мужъ". Онъ въ самомъ дѣлѣ какой-то рыхлый: это весьма удачное опредѣленіе.

А Коля... Она совершенно ясно сознавала, что промѣнять мужа на Колю она не въ состояніи, что для жизни къ Кабардѣ она не годится. Но все-таки—отчего же не поѣхать въ аулъ съ этимъ горцемъ? Ну, онъ еще два-три раза поцѣлуетъ ее руку. Она уѣдетъ—онъ будетъ „страдать". Да и страданія-то у этихъ кавказцевъ вѣроятно скоропреходящи...

IV.

Уже надвигались сумерки, когда горничная Антонины Михайловны доложила ей, что Чибисовъ, о которомъ она нѣсколько разъ уже справлялась, воротился домой, и проситъ ее къ себѣ. Она поднялась во второй этажъ и постучала у двери, гдѣ на карточкѣ лаконично значилось: „Чибисовъ—принимаетъ съ семи утра".—Докторъ оказался сидящимъ по-турецки на диванѣ. Его маленькая кругленькая головка была покрыта феской, во рту онъ держалъ янтарный мундштукъ кальяна, изрѣдка его посасывая. Гладко-выбритый подбородокъ и ровно подстриженныя сѣдѣющія бачки гораздо болѣе дѣлали его похожимъ на нѣмца, чѣмъ на восточнаго человѣка. Впрочемъ онъ восточнымъ человѣкомъ и не хотѣлъ казаться, а привыкъ къ тахтѣ, кальяну и фескѣ, двадцать лѣтъ подърядъ проживъ на Кавказѣ.

При входѣ барыни, онъ спустилъ свои коротенькія ножки, успѣлъ сдѣлать два-три маленькихъ шажка и даже облобызалъ ручку.

— Я за совѣтомъ къ вамъ. Не помѣшала?

Онъ мотнулъ отрицательно головой, поправилъ зеленый абажуръ на лампѣ, и опять сѣлъ въ прежнюю позу противъ нея.

— Вы извините,—соблюлъ онъ вѣжливость,—привычка.

— Сидите,—въ первый разъ я васъ вижу, что ли...

Онъ уставился на нее, ожидая объясненія.

— Что васъ цѣлый день не было? мнѣ одной скучно.

— Въ станицѣ былъ. Бабу рѣзалъ. Нарывъ вотъ какой. Все снять пришлось.

— Благополучно?

Онъ утвердительно моргнулъ глазами.

— Андрей Андреевичъ,—мнѣ скучно. Не съ кѣмъ слова сказать. Генералы и московскіе купцы мнѣ не интересны—а больше здѣсь никого...

— Потерпите: скоро мужъ пріѣдетъ.

— Удивительно весело!

Глаза его прищурились и засмѣялись, хотя лицо осталось серьезнымъ.

— Ну да, конечно,—сказалъ онъ. Пятый годъ женаты, слава Богу. Пора и честь знать. Только я вамъ никого здѣсь порекомендовать не могу.

— Что вы мнѣ за гадости говорите, какъ вы смѣете! крикнула она.

Онъ вдругъ потянулся съ дивана черезъ столъ.—Дайте-ка пульсъ. Ого!—Бьетъ дробь. Чего же это вы?

— Что?

— Да ничего.—Чѣмъ я виноватъ, что вы молоды. Ходитъ жизнь въ васъ и наружу просится. Тутъ ужь ничего не подѣлать.

— Я васъ, докторъ, знаю съ пеленокъ, а до сихъ поръ понять не могу—какъ вы смотрите на жизнь, на меня, на мужа... Повидимому вы его любите, а сами...

Докторъ утонулъ въ синеватой табачной дымкѣ, такъ что нѣсколько секундъ лица его не было видно. Когда дымъ разсѣялся, лицо снова было безстрастно и спокойно.

— Я созерцаю, какъ индійскій йоги, врачую болящихъ, а въ философію не пускаюсь,—проговорилъ онъ.

— Вы сочувствуете браку?

Онъ пожалъ плечами.—Отчего же,—при законномъ семейномъ очагѣ всегда бываетъ болѣе или менѣе порядочный домашній столъ.

Она нетерпѣливо повернулась на стулѣ.—Ее онъ бѣсилъ. Онъ говорилъ совсѣмъ не то, что она хотѣла.—Вы опять за свою противную манеру разговаривать?—Все глупости...

— Ну, нѣтъ, для стараго холостяка, какъ я, домашній столъ—большое дѣло.

Она оперлась на локти и внимательно посмотрѣла на него.

— А отчего вы старый холостякъ? Отчего вы не женились?

Онъ вынулъ янтарь изо-рта и, задумчиво посмотрѣвъ въ потолокъ, проговорилъ:

— Такъ, что-то ни разу не захотѣлось.

— Нѣтъ, вы отъ меня такъ не отвяжетесь: говорите, отчего вы не женаты?

— Оттого что я не желалъ бы, чтобы моя жена скучала, вотъ какъ вы теперь.—Онъ вдругъ воодушевился и замахалъ своими пухлыми ручками, точно ловилъ что̀ въ воздухѣ.—Оттого что я самолюбивъ, себялюбивъ—и чортъ меня знаетъ еще что̀. Еслибъ я женился, я бы требовалъ, чтобъ жена молилась на меня, потому что нѣтъ лучше меня существа въ мірѣ. А такъ какъ нѣтъ такой дуры, которая этому бы повѣрила, такъ я вотъ и сижу здѣсь одинъ бонзой, самъ себѣ ѳиміамъ воскуряю. Вотъ отчего я не женатъ. Экономку въ домѣ еще готовъ держать—и то затѣмъ, чтобы стерлядей покупать дешевле,—а ужь вотъ такую, какъ вы—merci!

Онъ тяжело задышалъ, утомленный и разсерженный на себя, что доставилъ себѣ столько труда, выговаривая совершенно ненужныя слова и цѣлыя предложенія.

— Фу, какой вы сегодня,—сморщась, сказала она.

— Мало я видалъ васъ, какъ же! бурчалъ онъ, уже на два тона ниже.—Вѣдь и ко мнѣ, когда я былъ помоложе, обращались: „Ахъ, я несчастная, ахъ, я не понята!“

— Что же вы?

— Утѣшалъ, какъ умѣлъ.—У животныхъ этого не бываетъ —утѣшенія-то;—это только у нашей породы: путемъ высшаго мозговаго процесса додумываемся до необходимости совершить подлость. А впрочемъ кто ихъ знаетъ—подлость ли это. Все вѣдь отъ взгляда зависитъ...

— Ну, а вашъ взглядъ? покусывая кончики своего платка, спросила она.

— Да вѣдь и нашъ братъ—свинья порядочная. Какъ посмотришь со стороны на мужей—такъ и подумаешь—такъ тебѣ, скоту и надо—роговой оркестръ, тушъ въ честь того, что ты животное...

— Однако вы сегодня настроены!

— Я всегда таковъ.

Они помолчали.

— Вы знаете, здѣсь, въ аулахъ живетъ у кабардинцевъ много нашихъ дамъ изъ общества?

— Знаю. Лѣчилъ ихъ.—Вы что же? Въ аулъ захотѣли?

Она густо покраснѣла.

— Нѣтъ. Я собиралась только проѣхаться туда—на праздникъ. Хотѣла спросить у васъ совѣта—ѣхать ли?

— Другими словами,—поднимая брови, сказалъ онъ,—вы хотите, чтобъ я не говорилъ мужу объ этой поѣздкѣ?

Она ни одной минуты не думала объ этомъ. Но онъ ей подсказалъ далекую, ей самой неясную, затаенную мысль.

— Я никогда лишняго никому не говорю,—продолжалъ онъ.—Да и кто же узнаетъ? Зачѣмъ благовѣстить о томъ, куда и по какой причинѣ вы ѣдете.

— Андрей Андреевичъ,—строго сказала она, вставая:—вы привыкли говорить здѣсь съ курсовыми дамами—но я къ такимъ разговорамъ не привыкла. Ваши намеки дерзки—слышите, дерзки. И больше говорить съ вами я не желаю.

Онъ опять потянулся къ ней.

— Дайте-ка пульсъ.

Она отвернулась и быстро вышла изъ комнаты.

V.

Она шла по ярко освѣщенной устланой краснымъ сукномъ лѣстницѣ внизъ къ себѣ въ номеръ, и даже слѣда гнѣва не оставалось на ея лицѣ. Внизу, у зеркала, она остановилась и внимательно посмотрѣла на себя. Румянецъ еще игралъ на щекахъ, глаза сверкали ярче обыкновеннаго. Изъ-подъ накинутаго на плечи оренбургскаго платка выступали пухленькія молочныя руки съ розовенькими, вылощеными ногтями. Прическа слегка измялась, но и эта небрежность къ ней шла. Она знала, что именно въ эту минуту она хороша и можетъ нравиться мущинамъ. Она чувствовала, что ея красота—не циплячья нѣжность расцвѣтающей дѣвочки, а полный пышный расцвѣтъ женщины, уже пять лѣтъ бывшей замужемъ и не имѣвшей дѣтей. И съ сознаніемъ своей красоты, она увѣренной и смѣлой походкой пошла черезъ стеклянныя двери къ своей комнатѣ.

У самой двери она встрѣтилась съ Колей. Сердце ея вдругъ сжалось. Она почувствовала, что эта встрѣча будетъ безповоротная, что надо будетъ сейчасъ уйти и постараться никогда болѣе не встрѣчаться съ этимъ кабардинцемъ. Вся его фигура была полна страстью. Той собачьей жалобной любви, которая

сквозила въ его выраженіи еще утромъ — не было и помина. Онъ стоялъ передъ ней смѣло и самоувѣренно. Это не былъ тотъ рыхлый Викторъ, который дѣлалъ ей предложеніе, точно исполнялъ какую-то служебную камандировку. Предъ ней стоялъ человѣкъ свободный отъ всѣхъ условностей ихъ городской служебной жизни—человѣкъ, у котораго одно было цѣлью—страсть, у котораго весь смыслъ существованія сосредоточивался въ вопросѣ обладанія той женщиной, отъ которой онъ не могъ оторвать взгляда. Еслибы ея мужу поставлено было препятствіе — онъ либо обошелъ бы его съ ловкостью европейца, либо отказался отъ того, достиженіе чего сопряжено съ извѣстными усиліями. Этотъ кабардинецъ пойдетъ на проломъ: убьетъ, самъ умретъ, если будетъ нужно — не станетъ сохранять жизнь, столь необходимую министерству, какъ жизнь Виктора.

Эти мысли неслись бурей въ ея головѣ, когда стояла она передъ нимъ, вся дрожа и кутаясь въ платокъ. Она ждала, чтобы онъ заговорилъ. И онъ заговорилъ.

— Вы обѣщали дать сегодня вечеромъ отвѣтъ: ѣдете ли въ аулъ. Мнѣ надо знать заранѣе: лошадямъ съ вечера засыпать овса—путь дальній.

— Гдѣ же моя Саша? спросила она у проходящей горничной.—Позовите Сашу; мнѣ она нужна.

— Саша къ портнихѣ пошла,—отвѣтила горничная:—сказала, что вы ее послали.

Она, правда, послала ее къ портнихѣ зашить разорванную амазонку. Сама судьба была противъ нея.

— Зажгите у меня огонь. Вотъ вамъ ключъ.

Она осталась въ корридорѣ и ждала, пока горничная зажигала свѣчи. Коля стоялъ блѣдный, впившись въ нее глазами.

— Пожалуйте,—сказала горничная—свѣтло.

Она дрожа вошла въ комнату. Она не звала его войти за ней. Но она слышала, что и онъ вошелъ. Она слышала, какъ ключъ два раза повернулся за нею. Она хотѣла вскрикнуть и не могла. Весеннее, жгучее, молодое опьяненіе охватило ее. Она остановилась на серединѣ комнаты.

— Вы спрашиваете меня, поѣду ли я въ аулъ? спросила она, чувствуя, съ какимъ трудомъ выговариваетъ слова.—Нѣтъ, я не поѣду.

— Не поѣдете, нѣтъ? растерянно спросилъ онъ,—и опять

что-то жалкое разлилось по его лицу. Но это была мимолетная слабость. Брови его сдвинулись, зубы сжались.

— Какъ не поѣдешь? Какъ не поѣдешь? Шепталъ онъ, подходя къ ней.— Слышишь, ты должна ѣхать, — иначе...

Она, со слабымъ вскрикомъ кинулась въ уголъ. Но онъ и тутъ сталъ передъ нею.

— А! такъ ты не поѣдешь! Онъ взялъ ее за плечи и встряхнулъ; она почувствовала на себѣ его сильныя, мускулистыя руки. Она видѣла близко-близко отъ себя его лицо. — Зачѣмъ же ты приходила ко мнѣ, зачѣмъ я, какъ сумасшедшій, двухъ лошадей загналъ сегодня въ степи?

Онъ обнялъ ее поверхъ ея рукъ и крѣпко стиснулъ. Она не могла болѣе стоять на ногахъ. Она только чувствовала его жаркое дыханіе у себя на щекѣ, прикосновеніе его горячихъ влажныхъ губъ, чувствовала, какъ она отдѣлилась отъ земли, лежитъ у него на рукахъ и какъ онъ тихо и бережно несетъ ее чрезъ комнату и что-то шепчетъ ласковое, хорошее, и она прильнула къ нему,—какъ бывало прижималась къ старушкѣ-нянѣ, когда она ее сонную уносила въ ея дѣтскую кроватку.

VI.

Въ эту ночь, съ двѣнадцати до двухъ она опять сидѣла у доктора. Онъ хотѣлъ спать, но сдерживался, сосалъ кальянъ, изрѣдка открывалъ глаза шире обыкновеннаго и смотрѣлъ на ея радостно-возбужденное лицо. Она звала его непремѣнно ѣхать съ нею въ аулъ. Онъ отказывался.

— Куда я поѣду! Бузу ихъ поганую пить? Трястись сто верстъ на лошади? Я лучше завалюсь спать, чѣмъ туда ѣхать. Вы другое дѣло—и молоды, да и вся сегодня на пружинахъ.

— Я не боюсь—я хоть на край свѣта поѣду!

Пока она сидѣла, ему невыносимо хотѣлось спать. Когда она ушла, и онъ легъ въ кровать, разныя мысли, одна на перегонку другой, закружились въ его мозгѣ. Ночь была душна. Сквозь неспущенные занавѣсы оконъ глядѣли въ комнату огромныя южныя фосфорическія звѣзды. Онѣ стали блекнуть, передвигаться къ западу, а онъ все не спалъ. Потомъ онъ услышалъ конскій топотъ у подъѣзда гостинницы, услышалъ голосъ Коли, что-то кому-то говорившій. Сонъ совсѣмъ отлетѣлъ. Онъ закутался въ пледъ и вышелъ на балконъ своего

номера. Разсвѣтъ уже обозначился тамъ, далеко, надъ клубившейся туманомъ степью. Желтовато-розовые отблески уже скользили по острымъ отрогамъ Бештау. Въ полутьмѣ кони звучно прикусывали удила и топали ногами. Онъ видѣлъ смутные лиловые силуэты фигуръ въ буркахъ, сидѣвшихъ на этихъ коняхъ. Потомъ онъ различилъ привыкшими къ разсвѣтнымъ сумеркамъ глазами, какъ Антонина Михайловна вышла на крыльцо въ своей амазонкѣ, и какъ подсадили ее на большую темную лошадь. Коля накинулъ ей на плечи бурку, и Чибисову показалось, что онъ сказалъ ей „ты“. Потомъ подковы застучали о камни, и Коля громко проговорилъ:

— Пока прохладно, карьеромъ поѣдемъ,—живо до Кисловодска доскачемъ—а тамъ отдыхъ.

Силуэты скрылись за зеленью парка. Утренній холодъ пробѣжалъ дрожью по спинѣ доктора. Онъ заперъ балконную дверь и легъ опять въ постель.

— Да, вотъ, извольте видѣть, какой-нибудь хамъ-азіатъ, и запускаетъ лапу на такую...—ворчалъ онъ на себя.—И подѣломъ: не будь чиновникомъ, не рыскай лѣтомъ по столичнымъ садамъ и вертепамъ...

Онъ билъ кулакомъ неловко положенную подушку и напрягался заснуть.

— Старый холостякъ,—приходило ему въ голову:—старый чортъ, который только и можетъ, что нарывы на боку прорѣзать изъ чувства альтруизма... Никогда не имѣть возможности придти къ женщинѣ законно и полно тебѣ принадлежащей... И вѣдь были, сколько разъ были случаи!.. Нѣтъ—надо, видишь ли, сохранить вольность стараго холостяка! Ну, вотъ и дождался,—что же, весело—хорошо?

Сквозь надвигавшуюся путаницу смутныхъ сновидѣній, онъ услышалъ подъ окнами звонъ бубенчиковъ подъѣхавшаго экипажа.

— Дня имъ мало, подумалъ онъ;—только рыщутъ, подлецы!

Онъ закутался въ одѣяло съ головою.

— На пикники ѣздятъ, на воды тоже лѣчиться пріѣзжаютъ! продолжалъ онъ свои размышленія и невольно прислушивался къ смутному шуму на подъѣздѣ.

Потомъ все умолкло. Онъ сталъ засыпать. Ему вдругъ такъ ясно нарисовался тотъ семейный очагъ, который такъ хорошо умѣютъ изображать англійскіе романисты: таганъ съ водой ве-

село кипитъ, старинные часы мѣрно оповѣщаютъ кукушкой пройденное время; у очага сидитъ молодая няня съ ребенкомъ. Хозяйка, тоже молодая, полная, красивая, возится съ ужиномъ. А изъ двери входитъ и самъ хозяинъ—весь заиндивѣвшій отъ рождественскаго мороза, но веселый, оживленный, любящій жену. Звонкій поцѣлуй оглашаетъ высокую темную комнату, и сколько веселья, тепла, счастья, радости у этого семейнаго очага!.. И вдругъ въ комнату врывается стукъ, какой-то посторонній, ненужный стукъ. Онъ мѣшаетъ общей картинѣ сна, и Чибисовъ сознаётъ это отлично. Онъ отгоняетъ этотъ стукъ, говоритъ, что онъ не хочетъ его слышать, и что, какъ это и прежде бывало, нить сновидѣній должна уступить его требованію. Но стукъ повторяется еще громче, настойчивѣе.

Онъ открылъ глаза. Стучатъ въ дверь. Часы показываютъ четыре. За дверью чьи-то голоса.

— Кто тамъ?

— Отвори, Андрей, это я!

Голосъ знакомый, но съ просонья все-таки онъ не могъ опредѣлить—чей. Паціентъ какой-нибудь, но кто же съ нимъ на „ты"?

Онъ отперъ дверь. Предъ нимъ стоялъ Викторъ—блѣдный, возбужденный, съ бѣгающими глазами.

— Можно? я тебѣ помѣшалъ. Ради Бога—гдѣ жена? Саша не знаетъ... Я пріѣхалъ, говорятъ, только-что уѣхали верхами... Что это? Съ кѣмъ, куда? Я опоздалъ съ поѣзда. Я четыре часа стоялъ въ степи—у меня сломался экипажъ...

Чибисовъ силился придти въ себя и сообразить, что сонъ, что нѣтъ. Онъ кинулся за перегородку и началъ надѣвать панталоны.

— Андрей, вѣдь это что же! Постой, можетъ быть, всё это очень глупо, что я дѣлаю. Она, можетъ быть, къ знакомымъ... или куда... Ради Бога... Мнѣ говорятъ, она съ какимъ-то офицеромъ Колей...

— Какой тамъ офицеръ,—разсердился Чибисовъ,—просто юнкеръ... Успокойся ты первымъ долгомъ. Всѣ вы мужья—глупѣйшіе звѣри. Ну, что изъ того, что жена поѣхала съ проводникомъ ночью? Еслибы она хотѣла тебѣ измѣнить, такъ, полагаю, это можно было бы сдѣлать вечеромъ... Сиди больше въ Москвѣ, такъ не то̀ будетъ...

Викторъ схватилъ попавшійся подъ руки стулъ и пустилъ имъ объ полъ. Двѣ ножки вылетѣли.

— Да ты съ ума спятилъ,—крикнулъ на него докторъ. Вѣдь у меня о-бокъ генеральша съ блуждающей почкой, а ты ночью стулья ломаешь. Ну, что случилось? Велика важность, что на пикникъ жена поѣхала. Да тамъ еще тридцать другихъ барынь, можетъ быть, съ нею ѣдетъ.

О тридцати барыняхъ Чибисовъ прибавилъ уже по внезапному вдохновенію, думая этимъ успокоить Виктора.

— Смотри, какъ тебѣ кровь въ виски стучитъ, говорилъ онъ, усадивъ гостя на диванъ. Растолстѣлъ ты тамъ на своемъ вице-директорскомъ стулѣ. Того и гляди еще кондрашка хватитъ. Ну полно, вздоръ. Хочешь кахетинскаго стаканъ? Доброе вино. Выпей.

Викторъ взялъ бутылку и, не дождавшись стакана, сдѣлалъ изъ горлышка нѣсколько глотковъ.

VII.

Черезъ полчаса, онъ нѣсколько успокоился. Онъ сталъ сдаваться на убѣжденія Чибисова, что напрасно волновался, что если онъ хочетъ непремѣнно повидаться теперь съ женой, то стоитъ нанять курьерскую тройку и догнать ее. Послали напротивъ на почту. Но какое-то неясное щемящее чувство продолжало сжимать его сердце. Онъ хотѣлъ сдѣлать сюрпризъ женѣ, нарочно не сообщилъ ей, что отпускъ полученъ имъ ранѣе, и не смотря на ночную пору, поскакалъ къ ней проселкомъ. За девять верстъ коляска обломила ось, пришлось стоять, поджидая встрѣчнаго или попутнаго обоза. Нетерпѣніе его все усиливалось, и когда на разсвѣтѣ онъ подъѣзжалъ къ сонной гостинницѣ, ему казалось, что онъ такъ любитъ жену, какъ никогда не любилъ, даже въ первый день ихъ свадьбы; мысль о томъ, что онъ сегодня весь остатокъ ночи проведетъ съ нею, наполняла его всего чувствомъ пылкой и живой радости. Онъ старался угадать, за которой изъ спущенныхъ сторъ спитъ она, и какъ обрадуется она его пріѣзду. На вопросъ сонному швейцару—гдѣ живетъ она, тотъ равнодушно отвѣтилъ: „живутъ-то въ номерѣ четвертомъ, а только онѣ только-что, вотъ часа нѣтъ, какъ уѣхали“. Онъ бросился въ номеръ. Саша, оказавшаяся на барыниной постели, перепуга-

лась, и отъ нея ничего нельзя было добиться, кромѣ того, что барыни нѣту—уѣхала съ офицеромъ на два дня. Чибисовъ его нѣсколько успокоилъ. Онъ давно уже не испытывалъ такого прилива ревности, какъ теперь—ревности какой-то инстинктивной, ни на чемъ не основанной. Онъ не чувствовалъ ни усталости послѣ безсонной ночи, ни желанія выпить чего-нибудь горячаго, онъ такъ продрогъ въ степи, когда они стояли возлѣ сломанной коляски. Онъ думалъ объ одномъ—поскорѣй бы подали лошадей, чтобы летѣть впередъ во что бы то ни стало, а тамъ—будь что будетъ.

Онъ вынулъ свой дорожный револьверъ и, потихоньку отъ доктора, осмотрѣлъ его барабанъ. Заряды были всѣ на мѣстѣ. Онъ ничего не думалъ, не рисовалъ себѣ будущаго, но положилъ себѣ въ карманъ револьверъ машинально, съ твердымъ сознаніемъ, что такъ надо. Потомъ онъ опять пошелъ къ ней въ комнату. Тамъ все жило и дышало ею. Вотъ ея утренній персидскій капотъ, ея духи, ея дорожный несессеръ возлѣ складнаго зеркала на комодѣ; вотъ и его портретъ на столѣ въ плюшевой рамкѣ. И тутъ же, въ малиновомъ бюварѣ, начатая записка—всего четыре слова, зачеркнутыя,—вѣрно не понадобились: „Пріѣзжай къ тремъ, я буду гот...“.

Саша, все съ тѣмъ же испуганнымъ недоумѣніемъ на лицѣ сказала, что лошади поданы. Докторъ—по-южному—въ бѣломъ картузѣ и буркѣ ждалъ уже на подъѣздѣ. Прозябшая тройка тронула, гостинница промелькнула и осталась позади.

— Ишь ты какъ его разноситъ! думалъ про себя Чибисовъ, поглядывая искоса на пріятеля. Попался вице-директоръ! Будешь въ другой разъ жену одну оставлять? Спать только не дали;—то сперва одна, теперь вотъ этотъ. Какія они рожи другъ на друга будутъ корчить—вице-директоръ и кабардинецъ?

Солнце уже взошло и залило холмы золотисто-пурпуровымъ свѣтомъ. Еще холодныя голубыя тѣни лежали накось отъ хатъ и раинъ. Далекія снѣговыя горы, какъ огненные призраки, недвижно стояли въ дымившейся тучами дали. Первые отроги хребта зелеными пологими откосами обнимали дорогу. Все еще спало—только рѣчка звенѣла въ сторонѣ, прорываясь между камнями и тростникомъ.

— Ты въ первый разъ въ этомъ краѣ? спросилъ докторъ.

— Въ первый, нехотя отвѣчалъ онъ,—и больше уже они не говорили всю дорогу.

Викторъ все смотрѣлъ вдаль, куда зигзагами убѣгала дорога,

Верста мчалась за верстой—какъ мчатся онѣ только навстрѣчу русской курьерской тройкѣ. Наконецъ, сверху одного изъ холмовъ показался и Ключеводскъ со своими тополями, стоявшими по-казенному врядъ, какъ строй заштатныхъ инвалидовъ.

— Что же, гдѣ жъ они? безпокойно спросилъ Викторъ, оглядывая оставшійся передъ нимъ кусокъ дороги до въѣзда въ мѣстечко.

— А вотъ, сейчасъ поищемъ, отвѣтилъ Чибисовъ.

При самомъ въѣздѣ въ Ключеводскъ, имѣющемъ видъ скорѣе неопрятный, чѣмъ живописный, расположился какой-то „садикъ" съ вывѣской „Фриштики европейскіе и азіатскіе отпускаютъ и на дома". Чибисовъ зналъ, что это излюбленное мѣсто стоянки проводниковъ—потому что тутъ можно дешево выпить и закусить. Они вышли изъ экипажа, и по мостику, переброшенному черезъ пѣнистую рѣченку, вошли въ „садикъ".

Народу еще не было. Между деревьями на проволокахъ покачивались бумажные фонари. У одного дерева лежалъ привязанный козелъ. Крупный щенокъ бродилъ тоскливо между пустыми стульями и столиками. Докторъ отправился прямо въ буфетъ наводить справки.

— Полчаса назадъ, небольше, проѣхала дама съ двумя кабардинцами. Одинъ изъ нихъ былъ Коля. Они сидѣли вотъ здѣсь, за столомъ, въ бесѣдкѣ, пили чай, ѣли бутерброды, а Коля пилъ пиво.—Викторъ Ивановичъ какъ-то странно поводилъ головою, слушая докладъ лакея.

— Что же, надо ѣхать дальше, сказалъ онъ.

— Дальше проѣзда нѣтъ въ экипажѣ,—возразилъ докторъ.

— Я поѣду верхомъ, отвѣтилъ Викторъ.

— Да вѣдь ты плохо ѣздишь?

— Нѣтъ, когда-то я ѣздилъ хорошо.

— Но ты знаешь ли, что тамъ? Докторъ показалъ рукой по направленію къ горамъ. Тамъ пустыня. Намъ придется ѣхать пустыней, гдѣ на шесть часовъ пути не встрѣтишь человѣка.

— Если тамъ ѣдетъ жена, тамъ могу проѣхать и я. Тебя я не прошу ѣхать. Достань мнѣ только проводника и лошадей, я заплачу, что хочешь. Но только скорѣй,—мнѣ каждая минута дорога.

Чибисовъ посмотрѣлъ на его помутившіеся глаза и на складки, что появились на лбу.

— Мой тебѣ совѣтъ—останься и жди здѣсь. Я пошлю въ аулъ—и они вернутся немедленно.

— Я ѣду самъ—ты слышишь?

Докторъ пробурлилъ что-то про себя и пошелъ разыскивать проводника.

VIII.

Когда онъ возвратился съ проводникомъ и двумя лошадьми, онъ засталъ пріятеля за бутылкой коньяку. Онъ молча и сосредоточенно пилъ, изрѣдка хватаясь за голову.

— Викторъ, еще есть время, сказалъ Чибисовъ.—Подумай—едва-ли мы на пути ихъ догонимъ. Туда верстъ семьдесятъ. Наконецъ, насъ вѣдь туда не звали, а съ непрошенными гостями азіаты не церемонятся. Вѣдь ты посмотри, на какую высоту намъ надо идти.

Онъ показалъ ему наверхъ, на хребетъ громоздившихся надъ ними горъ.

— Зачѣмъ же тебѣ ѣхать, оставайся,—небрежно сказалъ Викторъ Ивановичъ, и пошелъ по тому направленію, гдѣ стояли лошади.

— Да, дожидайся! оставлю я тебя! сердито пробормоталъ Чибисовъ и, бросивъ лакею бумажку, отправился за своимъ пріятелемъ.

Ни тотъ, ни другой не были готовы къ верховой ѣздѣ—даже длинныхъ сапоговъ у нихъ не было. Вдобавокъ, Виктору Ивановичу приходилось впервые садиться на азіатское сѣдло, на туго набитую подушку. Сзади сѣделъ лежали скатанныя бурки. Стремена были длинны и неудобны.

— Бери ногайку,—посовѣтовалъ докторъ,—здѣсь такая выѣздка—безъ ногайки лошадь не пойдетъ.

Онъ машинально взялъ и ногайку.—Скорѣй бы, скорѣе тронуться!

— Не пускай, баринъ, вскачь! крикнулъ ему проводникъ. Устанетъ лошадь — сядемъ на полдорогѣ. Будешь вскачь ѣхать—съ сѣдла сниму.

Въ другое время, онъ, можетъ быть, обратилъ бы вниманіе на грубый тонъ азіата, но теперь ему было все равно, лишь бы скорѣе, скорѣе доѣхать.

Они вытянулись цѣпью и, перейдя бродъ, стали вздыматься на гору. Высокія скалы сразу обступили ихъ со всѣхъ сторонъ и загородили кругозоры. Лошади шли привычной иноходью—„ходой“, какъ говорятъ на Кавказѣ. Проводникъ ѣхалъ

впередъ, заломивъ баранью шапку, на поджаромъ конѣ, бойко выбивавшемъ дробь ногами.

— Ты замѣчаешь,—заговорилъ докторъ, выравниваясь съ лошадью пріятеля,—ты замѣчаешь этотъ опредѣленный тактъ, который даетъ мѣрная иноходь? ты слушай: совершенный мотивъ лезгинки. Я убѣжденъ, что лезгинка вышла отсюда, отъ кавказскихъ иноходцевъ. Слышишь: тàра-тàта, тàра-тà.

Викторъ Ивановичъ напрегъ свое вниманіе,—но онъ не помнилъ мотива лезгинки и помнить его не хотѣлъ—поэтому ничего не замѣчалъ въ иноходи лошади, кромѣ трясущихся ушей и мѣрно позвякивающей уздечки.

— Послушай, сказалъ онъ.—Что бы ты сдѣлалъ на моемъ мѣстѣ, еслибы жена тебѣ измѣнила?

— Я бы назвалъ себя дуракомъ, спокойно отвѣтилъ Чибисовъ.

— То-есть какъ это?

— Если я выбиралъ ее въ жёны, я долженъ былъ знать, кого беру. Если же она не сумѣла быть тѣмъ, чѣмъ нужно—значитъ была сдѣлана мною ошибка. Тутъ вѣдь что-нибудь одно изъ двухъ: или я стòю того, чтобы меня обманывать, или жена дрянь. Въ обоихъ случаяхъ виноватъ я: зачѣмъ дрянь бралъ, или зачѣмъ самъ дрянь.

Викторъ Ивановичъ нахмурился.

— Знаешь мой совѣтъ тебѣ? продолжалъ докторъ.—Догонимъ мы ихъ—на дорогѣ ли, въ аулѣ—все равно—не разыгрывай Отелло: право, это нейдетъ къ твоему сану. И то уже смѣшно, что московскій директоръ департамента скачетъ за женою по степямъ и горамъ.

— Что же тутъ смѣшнаго? спросилъ онъ.

— Смѣшно, со стороны очень смѣшно. У насъ это совсѣмъ не принято. Я знаю, что у тебя въ душѣ растетъ драма, и обстановка къ этому грандіозная,—а все это какъ-будто не то. У насъ, русскихъ, нѣтъ этого въ крови, что у иностранцевъ, или у здѣшнихъ кабардинцевъ: кинжалъ, скрежетъ зубовный. „Га, злодѣй—теперь лежи!“ У насъ это все какъ-то попросту. Пырнетъ въ бокъ сапожнымъ ножемъ, потомъ на колѣни: „Вяжите меня, окаяннаго, люди добрые!“ вотъ тебѣ и вся драма.

— Къ чему ты все это ведешь? спросилъ Викторъ Ивановичъ.

— А къ тому, мой другъ, что не лучше ли все свести на во-

девиль? Ты посмотри на себя: дорожный котелокъ, пиджакъ, панталоны поднялись въ стременахъ—это ли фигура героя?—Я не знаю, что ты тамъ намѣренъ дѣлать, но во всякомъ случаѣ ты на ложномъ пути...

Тропинка стала настолько узкой, что доктору пришлось пропустить пріятеля впередъ. Внизъ, направо шли крупными изломами скалы, слѣва подымалась круча желтовато-коричневой скалы. Мѣстами камни принимали странныя формы башенъ, воротъ, фронтоновъ и карнизовъ. Внизу, глубоко въ долинѣ цвѣтными точками двигались стада.—Путники подымались уступами все выше и выше. Снѣговая масса Эльбруса двуконечной жемчужной шапкой вздымалась справа и какъ царственной короной увѣнчивала хребетъ. Воздухъ сталъ рѣже, сердце стало биться усиленнѣе, дыханіе стало чаще. Горные цвѣты, то желтые, то розовые, высоко подымали свои головки, задѣвая за ноги и за плечи путниковъ. Солнце подымалось все выше, тѣни становились все короче.—Одинокія арбы съ бѣлыми волами иногда попадались имъ на встрѣчу. Какой-то джигитъ на сѣромъ конѣ обогналъ ихъ, и перекинувшись нѣсколькими словами съ проводникомъ, исчезъ гдѣ-то за поворотомъ скалы.

Прохладныя балки, всѣ поросшія травой, съ свѣтлыми ручейками, порою разливающимися въ болото, освѣжали ихъ на время. Лошади, почуявъ воду шли бодрѣе, пофыркивая и поводя ушами. — Сначала показавшееся ему ловкимъ сѣдло теперь сдѣлалось узко. Задняя лука невыносимо напирала на него при спускахъ. Стоять все время на стременахъ онъ не могъ: ноги безъ того уже дрожали.—Докторъ, привычный къ верховой ѣздѣ, сидѣлъ на лошади, какъ на стулѣ, иногда подбирая подъ себя свои ножки или перекидывая одну черезъ луку и продолжая путь по-дамски. Проводникъ былъ по-прежнему хмуръ и неразговорчивъ. Онъ ѣхалъ все впередъ, изрѣдка оглядываясь—выбирая, гдѣ легче ступать лошадямъ и зорко посматривая въ туманную колыхающуюся даль голубыхъ вершинъ, куда направлялся ихъ путь.

IX.

А путь все выше, выше. Орелъ паритъ надъ балкой неподалеку отъ нихъ. Бѣлое облако проплываетъ надъ ними,

цѣпляясь за скалы.—Ароматъ отъ цвѣтовъ все сильнѣе, все меньше вѣтерка, все жгучѣе лучи солнца.

Викторъ чувствуетъ, какъ сильнѣе и сильнѣе приливаетъ кровь ему къ головѣ. Онъ машинально натягиваетъ поводья и чаще ударяетъ ногайкой лошадь, которая ступаетъ уже не такъ увѣрено, какъ вначалѣ. Какія-то зеленоватыя мухи и оводы носятся тучей надъ ними и жалятъ лошадей. Лошади вздрагиваютъ всѣмъ тѣломъ, вскидываютъ головой, хватаютъ зубами себя за грудь и ноги. Мѣстами показалась изъ ранъ кровь—ногайки уже въ крови.

— Слушай, Викторъ,—началъ опять докторъ, подъѣзжая къ нему.—Въ дорогѣ намъ ихъ не догнать. У нихъ лошади крѣпче: ихъ вчера выдержали и весь вечеръ кормили. Наши лошади вчера ходили на Бермамутъ—и отъ нихъ нельзя требовать невозможнаго. Мы пріѣдемъ въ аулъ часа въ три, если все будемъ идти ходою—они будутъ часа на два раньше. Насъ тамъ не ждутъ. Аулъ это, помни, настоящій магометанскій—я не думаю, чтобы насъ тамъ любили... Не вздумай крикнуть или приказать что-нибудь. Гости тамъ подъ священной охраной—ни женѣ, ни этому Колѣ ты, все равно, даже сказать ничего не можешь. Не забудь—мы въ Азіи. Если ты думаешь, что здѣсь Европа — ты глубоко заблуждаешься. Повторяю, держи ухо востро... Возвращаться уже нечего—надо идти впередъ. Верстъ черезъ шесть будетъ источникъ, тамъ напоимъ коней—а оттуда пойдетъ пустыня.

Викторъ Ивановичъ низко опустилъ голову. Кровь то опускается, то поднимается въ немъ. Иногда ему казалось, что онъ спитъ, и что всѣ эти горы, цвѣты и облака только сновидѣніе и не больше. Что онъ все еще ѣдетъ туда, на Кавказъ къ своей женѣ,—и пріѣдетъ къ ней, и она обрадуется, кинется къ нему. А вотъ это, что вокругъ—это все смутный сонъ какого-то демона, который хочетъ смутить его, отравить радость свиданія.

Проводникъ пустилъ своего скакуна карьеромъ по узкой тропинкѣ межъ двухъ стѣнъ колыхающихся цвѣтовъ, и на ходу оглянувшись, крикнулъ:

— Вода!

Въ нагорной балкѣ изъ-подъ камня выбивалась холодная струя чистаго ручейка. Лошадей оставили наверху, связавъ ихъ другъ съ другомъ. Викторъ съ трудомъ сдѣлалъ нѣ-

сколько шаговъ—отъ долгой ѣзды ноги его онѣмѣли,—боль въ икрахъ и колѣнахъ не давала ступить.

— Это вздоръ, сейчасъ пройдетъ, утѣшилъ докторъ, помогая ему спуститься внизъ. У источника они легли на землю. Проводникъ прямо прильнулъ губами къ водѣ.

— Ну, давай пить, какъ войско Гедеоново, сказалъ Чибисовъ, кто пригоршней, кто прямо...

Даже проводникъ, и тотъ съ удовольствіемъ растянулся у воды, разостлавъ подъ себя бурку. Солнце близилось уже къ полудню. Тѣни стали отъ всего короткія—все получило тотъ бѣлесоватый жгучій оттѣнокъ, какимъ отличается южный полдень. Круглыя облака, какъ „мечты почіющей природы" неслись тихо и плавно въ потерявшемъ цвѣтъ отъ яркаго свѣта небѣ. Истома охватила всѣхъ, желаніе не двигаться, не говорить, а только лежать и дышать тихо-тихо.

Викторъ Ивановичъ перестал сознавать, что дѣлается, зачѣмъ и почему. Онъ не закрывалъ глазъ, смотрѣлъ на небо и горы—и никакихъ мыслей у него не было. Одинъ мигъ ему пришло въ голову, что онъ умеръ, и остался съ открытыми глазами, что и небо и горы запечатлѣлись въ его глазахъ, и застыли.—„Есть жена, или нѣтъ ея?" вдругъ задалъ онъ себѣ вопросъ и началъ добираться тяжело, съ трудомъ до отвѣта. Добираться приходилось черезъ горы и балки, и всё-таки отвѣта не было.—Голубыя вершины горъ смотрѣли безучастно. Онѣ много разъ видѣли мужей, которые задавали этотъ же вопросъ—и никогда не было на него отвѣта.

—Пустыня! внезапно для самого себя сказалъ онъ.—Это „пустыня" отдалось какъ-то странно и беззвучно кругомъ.

Проводникъ всталъ, посмотрѣлъ, на мѣстѣ ли лошади, оглядѣлся и пошелъ на вершину зеленаго холмика. Тамъ онъ что-то высматривалъ между камнями. Потомъ онъ воротился съ кускомъ какой-то тряпки.

— Только-что предъ нами здѣсь были, — сказалъ онъ — и костеръ оставили. Должно, шашлыкъ жарили.

— Кто былъ? спросилъ, тяжело ворочая языкомъ, Викторъ.

— Барыня была. Вотъ дамскій платокъ.

Онъ подалъ ему оторванный уголъ батиста. Знакомая мѣтка съ короной, знакомые духи, еще сильнѣе дающіе ароматъ оттого, что кусокъ былъ совсѣмъ мокрый...

- Только-что были здѣсь—они недалеко?

— Должно быть, долго стояли. Барыня устала, отдыхали. Тамъ бурками трава примята.

— Скорѣй! крикнулъ Викторъ Ивановичъ—скорѣй: если мы сейчасъ ихъ догонимъ—сто рублей—и кромѣ того я плачу за каждую испорченную лошадь.

Кабардинецъ серьезно кивнулъ головой и побѣжалъ за лошадьми на гору. Викторъ растолкалъ заснувшаго доктора.

Лошадей напоили. Минуту спустя они карьеромъ подымались въ гору.—Въѣхавъ на кряжъ перевала, они на минуту придержали коней передъ спускомъ.

Докторъ показалъ на разстилавшуюся передъ ними долину и сказалъ:

— Вотъ и пустыня!

X.

Цвѣтущая долина разстилалась передъ ихъ глазами. По срединѣ бѣжала свѣтлая рѣчка. По берегамъ ея пестрѣли ковромъ цвѣты, подымаясь пестрыми узорами по скаламъ. Скалы всё шли выше, переходили въ обрывистые утесы и мощными углами взлетали на верхъ. На сколько хваталъ глазъ, всё шло вдаль—это цвѣтущее, ароматное ложе какой-нибудь допотопной рѣки, катившей нѣкогда свои волны среди гигантскихъ береговъ. На бокахъ скалъ еще остались слѣды вымоинъ воды, замѣтно было, гдѣ потокъ отрывалъ цѣлыя массы и сбрасывалъ ихъ на дно.—Цвѣты курились опьяняющимъ благоуханіемъ. Праздничное ликованіе природы чудилось всюду. И ни жилья, ни человѣка—ничего намного верстъ вокругъ. Только тамъ, въ голубой волнующейся дали, на холмахъ, замыкавшихъ долину, что-то смутно сверкало сквозь волнующійся туманъ — тамъ былъ тотъ аулъ, куда стремились они.

На поворотѣ дороги, откуда ясно видѣлся на много верстъ предстоящій путь, вдругъ проводникъ задержалъ коня:

— Ѣдутъ! крикнулъ онъ. Ѣдутъ!

Викторъ стегнулъ лошадь и подскакалъ къ нему. Весь дрожа, приподнявшись на стременахъ, посмотрѣлъ онъ, куда указывалъ кабардинецъ.

На далекій холмъ у скалы, надвинувшейся лилово-зеленой глыбой на дорогу, тихо, какъ муравьи, подымалось три всадника. Два, насколько различалъ глазъ, были въ горскихъ

одеждахъ; третья—была амазонка. Амазонка ѣхала рядомъ съ однимъ изъ спутниковъ, другой ѣхалъ на полверсты впередъ.

— Это они, они! крикнулъ Викторъ.

Онъ выхватилъ изъ кармана револьверъ и два раза сряду выстрѣлилъ на воздухъ. Проводникъ покачалъ головою.

— Далеко, не услышатъ! сказалъ онъ.

Викторъ выстрѣлилъ еще разъ. Голубоватый дымокъ повисъ въ воздухѣ и не проходилъ. Всадники также мѣрно и тихо подымались на холмъ. Вотъ уже передній исчезъ за поворотомъ горы.

— Ну, теперь впередъ! задыхаясь проговорилъ Викторъ и со всего маху вытянулъ плетью лошадь.

И всѣ понеслись впередъ. Камни дождемъ летѣли изъ-подъ ногъ скакуновъ. Никто не разбиралъ, на гору ли, подъ гору ли шла дорога. Надо было во что бы то ни стало догнать этихъ движущихся муравьевъ — тамъ впереди. Тамъ ѣдутъ осторожной иноходью. Почемъ знать—можетъ и вынесутъ крѣпкія кавказскія лошаденки! Даже проводникъ говоритъ:

— Догонимъ. Если за лошадей „курсовой господинъ" заплатитъ—догонимъ.

Цѣлый часъ длится уже эта скачка. Но и впереди должно быть поѣхали рысью—хотятъ поскорѣе поспѣть въ аулъ—посмотрѣть, какъ будутъ рѣзать жертвеннаго барана. Лошади покрылись пѣной, онѣ уже чаще спотыкаются, и какъ-то безпомощно поводятъ ушами.

И вдругъ, на новомъ поворотѣ, передняя кавалькада вся явилась передъ ними въ какой-нибудь верстѣ отъ нихъ. Теперь ясно видно, какъ амазонка ѣдетъ рядомъ съ кавказцемъ въ коричневой черкескѣ, и какъ онъ, наклонившись къ ней, говоритъ ей что-то.

Викторъ опять выстрѣлилъ. Тамъ услышали. Передній верховой услышалъ. Онъ остановился, посмотрѣлъ въ ихъ сторону и присоединился къ товарищамъ.

— Постой! крикнулъ Чибисовъ, нагоняя Виктора. — Постой, мы ихъ нагнали, не торопись.

— Пустыня, пустыня! хрипло-сдавленнымъ голосомъ отвѣтилъ онъ, все погоняя лошадь, которая храпя перешла на тихій галопъ и не прибавляла шагу.

— Отдай мнѣ твой револьверъ, настойчиво крикнулъ докторъ, схватывая подъ уздцы его лошадь.

— Пустыня! отвѣтилъ Викторъ, криво усмѣхаясь.—Вездѣ пустыня: ни дерева, ни куста, ни человѣка—никого, никого! Докторъ спрыгнулъ съ сѣдла, и схватилъ его за руки—онъ видѣлъ, какъ лицо чернѣетъ и наливается кровью. Онъ кивнулъ проводнику. Они подхватили его; онъ не сопротивлялся и тихо началъ клониться имъ на плеча. Какой-то хриплый звукъ выходилъ у него изъ горла. Они сняли его съ сѣдла.

— Ножъ есть? спросилъ Чибисовъ у проводника. Давай сюда, да скачи впередъ—зови ихъ скорѣе.

Онъ наклонился къ лежащему на буркѣ пріятелю.

— Ну, такъ и есть—возись теперь съ нимъ, пробормоталъ онъ и, засучивъ ему рукавъ, провелъ острымъ ножемъ по его вздувшейся жилѣ.

П. ГНѢДИЧЪ.

Новая книга о Мицкевичѣ.

(Окончаніе [1]).

На слѣдующій день послѣ извѣстнаго ноябрьскаго наводненія 1824 года Мицкевичъ прибылъ въ С.-Петербургъ въ обществѣ Малевскаго и нѣсколькихъ другихъ изъ своихъ товарищей по заключенію. Пребываніе въ столицѣ могло быть лишь кратковременнымъ, пока въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ не опредѣлятъ дальнѣйшее назначеніе высланныхъ.

Завязались знакомства, и естественно, прежде всего между земляками. Съ Пржецлавскимъ, давнимъ товарищемъ по университету, поэтъ встрѣтился на другой же день по пріѣздѣ, во время прогулки. Это очень пригодилось, такъ такъ Пржецлавскій былъ вхожъ къ людямъ близкимъ къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, Шишкову и другимъ вліятельнымъ лицамъ въ столицѣ [2]). Весьма скоро заведено было зна-

---

[1]) См. „Русскій Вѣстникъ", сентябрь 1890 г.

[2]) О. А. Пржецлавскій, родственникъ одного изъ виленскихъ помѣщиковъ, пользовавшагося покровительствомъ Новосильцова, успѣлъ, благодаря этому, а равно и браку своей двоюродной сестры Юліи Лобаржевской (урожд. Нарбутъ) съ А. С. Шишковымъ, достигнуть впослѣдствіи виднаго положенія въ государственной службѣ. Благодаря ему Мицкевичъ былъ принятъ потомъ въ домѣ министра и пользовался его расположеніемъ. Объ отношеніяхъ къ Мицкевичу Пржецлавскій многое сообщилъ въ воспоминаніяхъ своихъ, помѣщенныхъ въ „Русскомъ Архивѣ" 1872 г. № 9. Само собою разумѣется, что дѣятельность Пржецлавскаго не могла вызвать похвалъ со стороны столь непримиримаго врага всякаго сближенія съ русскимъ обществомъ, какъ Вл. Мицкевичъ. Въ воспоминаніяхъ Пржецлавскаго, говоритъ біографъ, виденъ полякъ, пропитанный насквозь сервилизмомъ, пріобрѣтеннымъ на службѣ.

комство съ двумя выдающимися тогда членами польскаго круга въ С.-Петербургѣ—художниками Орловскимъ [1]) и Олешкевичемъ. Послѣдній († 1830 г.) пользовался большимъ уваженіемъ знавшихъ его, вслѣдствіе его религіозности и высокой гуманности. Олешкевичъ, по натурѣ своей и убѣжденіямъ мистикъ и теозофъ, былъ во главѣ масонской ложи Бѣлаго орла и имѣлъ поэтому связи съ с.-петербургскими масонами. Съ ними онъ и познакомилъ Мицкевича [2]).

Этимъ ли путемъ или иначе сошелся Мицкевичъ съ нѣкоторыми изъ декабристовъ, нельзя сказать съ достовѣрностью. Русскіе заговорщики уже и ранѣе старались войти въ соглашеніе съ польскими тайными обществами. Задачи филаретскаго общества, хотя можетъ быть и смутно, были имъ извѣстны, и потому нисколько не удивительно, что въ прибывшихъ виленскихъ студентахъ они видѣли своихъ до нѣкоторой степени сообщниковъ. Что Мицкевичъ въ свое кратковременное пребываніе въ столицѣ успѣлъ войти въ пріязненныя сношенія съ мѣстными заправилами декабристскихъ кружковъ—фактъ общеизвѣстный. О немъ свидѣтельствуетъ не только извѣстное обращеніе „do przyjaciol moskali“ въ 3 части „Дзядовъ“, но и замѣтки въ альбомѣ Мицкевича, писанныя рукой Рылѣева, Бестужева и другихъ [3]). Мицкевичъ посѣщалъ декабристовъ и участвовалъ въ ихъ бесѣдахъ. Онъ не вынесъ однако оттуда стремленія ближе сплотиться съ своими новыми друзьями, такъ какъ находилъ, что они увлекались лишь формулами поверхностнаго французскаго либерализма, мало имѣвшими значенія въ глазахъ болѣе практичнаго литовца. Мицкевичъ не разъ ставилъ въ тупикъ и обливалъ холодной водой увлеченія разгоряченныхъ фантазеровъ. Такъ однажды зашла рѣчь

---

[1]) Извѣстный разсказчикъ сценъ изъ военной жизни. Пользуясь покровительствомъ великаго князя Константина Павловича, онъ жилъ тогда въ Мраморномъ дворцѣ.

[2]) Мистическое настроеніе Олешкевича нашло отзывъ въ расположенной къ тому же душѣ поэта. Памятникомъ ихъ сношеній осталось помѣщенное въ приложеніи къ 3 части „Дзядовъ“ стихотвореніе „Олешкевичу“. Нельзя сказать, на сколько въ этомъ стихотвореніи обращеніе къ русскому народу—„Spijcie spokojnie, jak zwierzęta glupie. Nim was gniew Panski iak Mysliwiec sploszy“—содержитъ въ себѣ profession de foi самаго Олешкевича. Это клало бы странный оттѣнокъ на евангельско-кроткій духъ воззрѣній теозофа.

[3]) Альбомъ этотъ, по словамъ Богдана Залѣскаго, былъ похищенъ кѣмъ-то изъ навѣщавшихъ поэта пріятелей и поклонниковъ.

о будущемъ составѣ палаты земскихъ представителей, о которой мечтали декабристы. Мицкевичъ, обсуждая этотъ вопросъ, замѣтилъ, что подобное учрежденіе едва-ли бы было примѣнимо къ современной Россіи: онъ полагалъ, что еслибы пришлось на скамьѣ депутатовъ сидѣть, рядомъ съ аристократомъ или сановникомъ, какому-нибудь купцу изъ Москвы или Нижняго, то онъ не осмѣлился бы противорѣчить мнѣнію своего знатнаго сосѣда изъ боязни быть поколоченнымъ. Замѣчаніе было признано собесѣдниками весьма серьезнымъ и послужило поводомъ къ долгимъ совѣщаніямъ. Результатомъ, къ великой потѣхѣ Мицкевича, было рѣшеніе возвести предположенныхъ народныхъ представителей въ рангъ восьмаго класса. Подобныя наивныя затѣи не могли его особенно интересовать, но изъ разговоровъ оказывалось еще и кое-что другое, свидѣтельствовавшее, что прочнаго соглашенія между поляками и русскими въ будущемъ, еслибы и осуществилась мечта революціонеровъ, ожидать нельзя было. Поляки не таили отъ своихъ приближенныхъ, что судьба и интересы будущей Россіи ихъ мало занимаютъ. Имъ желалось лишь устроить мятежъ въ Россіи и воспользоваться этимъ для своихъ собственныхъ цѣлей. Въ свою очередь многіе изъ декабристовъ категорически высказывались противъ отдѣленія къ Польшѣ западныхъ губерній [1]. Поэтому, по словамъ Мицкевича, позднѣе высказаннымъ (literatura Slowiańska. T. II, Str. 312), между

---

[1] На совѣщаніяхъ, происходившихъ въ 1825 г. между Пестелемъ и Яблоновскимъ, представителемъ польскихъ тайныхъ обществъ, было впрочемъ принято рѣшеніе, удовлетворявшее требованіямъ польской программы. Пестель призналъ основательность этихъ требованій и для убѣжденія не соглашавшихся съ ними единомышленниковъ употребилъ слѣдующій пріемъ. Онъ задалъ прежде всего вопросъ: съ какого времени и какъ долго владѣла Россія Украйной? Отвѣтъ на это былъ: со временъ Владиміра Св. триста лѣтъ. За тѣмъ спрошено: какъ долго владѣла спорнымъ краемъ Литва и Польша? Отвѣтъ: пятьсотъ лѣтъ. На третій вопросъ, кто прежде владѣлъ, Россія или Польша, отвѣтили: Россія. И такъ, заключилъ Пестель, если Польша долѣе и позже владѣла Украиной, чѣмъ Россія, то право на ея сторонѣ. Ибо еслибы пришлось отказаться отъ того, что Россія присвоила себѣ въ теченіе послѣднихъ 300 лѣтъ, то что бы осталось при ней? Эту удивительную аргументацію, свидѣтельствующую, если она не плодъ досужей фантазіи, о крайнемъ невѣжествѣ Пестеля въ исторіи и этнографіи, Вл. Мицкевичъ приводитъ въ своемъ сочиненіи со словъ Мохницкаго (Powstanie Naroda polskiego t. I стр. 408).

русскими и польскими заговорщиками не было и не могло быть какой-либо общей программы дѣйствій. Приходилось лишь ограничиваться выраженіемъ симпатій и благопожеланій. Вл. Мицкевичъ утверждаетъ, что еслибы его отецъ дождался въ С.-Петербургѣ декабрьскихъ событій 1825 года, то легко бы могло случиться, что и онъ бы вышелъ съ другими на площадь и во всякомъ случаѣ раздѣлилъ бы судьбу декабристовъ. Приведенное выше мнѣніе поэта, относительно различія въ стремленіяхъ, позволяетъ усомниться въ томъ, чтобы онъ нашелъ нужнымъ отваживаться на что-нибудь рѣшительное. Онъ, правда, высказалъ въ одной изъ бесѣдъ съ заговорщиками (см. статью Л. Реттеля въ V томѣ изданія сочиненія Ад. Мицкевича 1880 г., стр. 262), что готовъ немедленно стать въ ряды тѣхъ, которые возьмутся за оружіе. Но отъ подобныхъ словъ, при томъ сказанныхъ подъ вліяніемъ увлеченій пирушки, до дѣла еще далеко. Поэтъ былъ вовсе не такъ порывистъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ все его позднѣйшее поведеніе. Вооруженное возстаніе 1830 года его не видѣло въ рядахъ сражающихся.

Во всякомъ случаѣ скоро послѣдовавшій выѣздъ Мицкевича изъ столицы былъ для него большимъ счастьемъ, ибо Богъ знаетъ, какая судьба постигла его въ будущемъ, еслибы продолженіе личныхъ свиданій съ заговорщиками выяснило болѣе его связи съ ними и попало предъ глаза слѣдственной коммисіи. Судьба хранила поэта. Ему предстояло удалиться въ другую среду, и жизнь, казалось, послѣ пройденныхъ испытаній, начинала ему улыбаться. Назначеніе, которое Мицкевичу предстояло, было таково, что онъ не могъ и мечтать о чемъ-нибудь лучшемъ. Еще не задолго до этого, во время своей учительской службы въ Виленскомъ учебномъ округѣ, онъ разсчитывалъ, при помощи своихъ мѣстныхъ покровителей и знакомыхъ, перемѣнить тяготившія его учительскія обязанности на каѳедру въ Кременецкомъ лицеѣ. Теперь предстояло нѣчто въ этомъ родѣ, такъ какъ министръ народнаго просвѣщенія рѣшилъ отправить Мицкевича и Ежовскаго въ Одессу, для занятія преподавательскихъ должностей въ Ришельевскомъ лицеѣ. Жизнь въ тепломъ климатѣ, на берегу моря, среди удобствъ, доставляемыхъ южной природой—все это было само по себѣ заманчиво, а къ тому же еще присоединялась возможность пользоваться обществомъ соотечественниковъ, такъ какъ Одесса была мѣстомъ пребыванія и частыхъ посѣщеній земле-

владѣльцевъ юго-западныхъ губерній. И въ другомъ отношеніи поэтъ не долженъ былъ чувствовать себя одинокимъ, такъ какъ съ нимъ, кромѣ Ежовскаго, отправлялся въ Одессу и Малевскій, назначенный на службу въ канцелярію Новороссійскаго генералъ-губернатора, графа М. С. Воронцова.

Путешественники выѣхали изъ С.-Петербурга 24 января 1824 года и употребили на свой длинный путь почти мѣсяцъ. По дорогѣ они останавливались въ Гомелѣ, Кіевѣ, Стебловѣ — имѣніи помѣщика Головинскаго въ Кіевской губерніи, и Елисаветградѣ. Въ Гомелѣ цѣлью остановки было посѣщеніе канцлера графа Н. П. Румянцева, къ которому Малевскій везъ письмо отъ отца. Вельможа оказалъ имъ весьма любезный пріемъ и далъ Малевскому порученіе къ митрополиту Евгенію. Послѣдняго въ Кіевѣ не застали. Въ Елисаветградѣ путешественники представились наиболѣе значительному тогда въ Новороссійскомъ краѣ лицу, инспектору резервной кавалеріи графу Витту [1]). 17 февраля 1825 г. они прибыли наконецъ въ Одессу.

Новой осѣдлой жизни не суждено было однако осуществиться. Не прошло и двухъ недѣль со времени пріѣзда поэта и его товарищей, какъ получилось изъ С.-Петербурга распоряженіе, отмѣнявшее ихъ водвореніе въ Одессѣ и предоставлявшее имъ хлопотать о поступленіи на службу въ одной изъ другихъ мѣстностей имперіи, за исключеніемъ Новороссійскаго края и граничащаго съ западными губерніями раіона. Поводъ къ этому распоряженію остался неизвѣстнымъ, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ въ связи съ опасеніями, причиненными правительству извѣстіями о состояніи умовъ въ мѣстахъ расположенія южной арміи. Могли также быть въ С.-Петербургѣ и сообщенія отъ великаго князя изъ Варшавы, указывавшія на неудобство пребыванія бывшихъ виленскихъ дѣятелей въ мѣстностяхъ, дающихъ имъ возможность имѣть частыя сношенія съ польскимъ обществомъ [2]). Такъ какъ вы-

---

[1]) Графъ Виттъ, по словамъ Вл. Мицкевича, съ своей прямой обязанностью соединялъ и званіе попечителя Одесскаго учебнаго округа. Это невѣрно, ибо Одесса входила тогда въ составъ Харьковскаго округа. Впрочемъ, Виттъ имѣлъ на всѣ отрасли управленія огромное вліяніе.

[2]) Въ письмѣ Малевскаго отцу, отъ 12 августа 1825 г., говорится, что графу Витту дѣлались сообщенія изъ Варшавы и Вильны, настаивавшія касательно скорѣйшаго удаленія его изъ Одессы.

боръ новаго пребыванія былъ предоставленъ на волю лицъ, которыхъ мѣра касалась, то всѣ они изъявили желаніе устроиться въ Москвѣ. Малевскій пожелалъ служить въ канцеляріи Московскаго генералъ-губернатора кн. Голицына, а Ежовскій рѣшился приготовляться при Московскомъ университетѣ для занятія профессорской каѳедры. Что касается Мицкевича, котораго учительство вовсе не привлекало, то онъ сталъ проситься на службу въ Московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Осуществить это однако оказалось невозможнымъ, такъ какъ начальство архива отозвалось, что не имѣетъ въ своемъ распоряженіи ни свободныхъ должностей, ни средствъ для отпуска содержанія сверхъ штата. Переписка, которая завязалась какъ по этому поводу, такъ и послѣ заявленнаго Мицкевичемъ новаго желанія опредѣлиться, по примѣру Малевскаго, въ канцелярію кн. Голицына, разлучила поэта съ товарищами. Послѣдніе выѣхали въ Москву въ іюлѣ, поэтъ же остался въ Одессѣ. Постоянныя требованія объ ускореніи выѣзда, бывшія слѣдствіемъ сообщеній изъ С.-Петербурга и Варшавы, побудили наконецъ и его, не дождавшись окончательнаго рѣшенія на счетъ новаго назначенія, отправиться вслѣдъ за товарищами. Онъ получилъ 300 руб. пособія на путевыя издержки и 12 ноября 1825 г. выѣхалъ изъ Одессы въ Москву.

Отсутствіе служебныхъ занятій во время одесской жизни и желаніе чѣмъ-нибудь разсѣяться отъ тоски, причиняемой праздной жизнью и неопредѣленностью будущности, втянули Мицкевича въ вихрь свѣтскихъ развлеченій. Склонность къ впечатлительности поэта не могла устоять противъ женской красоты, въ свою же очередь онъ заинтересовалъ собой кое-кого изъ дамъ.

Къ числу наиболѣе выдающихся красавицъ въ тогдашней Одессѣ принадлежала Каролина Собанская, урожденная графиня Ржевусская. Это была веселая и остроумная женщина, но при этомъ въ высшей степени кокетливая. Желаніе нравиться составляло у нея потребность жизни. Она сама не знала, гдѣ въ ней кончается искренность и начинается притворство. Даже въ глубокой старости многочисленный кругъ почитателей плѣнялся игрой этой восхитительной актрисы [1]).

---

[1]) Каролина Собаньская вышла по смерти мужа за гр. Витта. Разведшись съ нимъ, она была женою Чирковича и затѣмъ de la Croix.

Разумѣется, что увлеченіе женщиной съ подобными качествами не могло оставить въ душѣ Мицкевича прочныхъ слѣдовъ. Оно не было даже долговременно, и подъ конецъ своей одесской жизни поэтъ предпочиталъ общество другой особы, а именно г-жи Залѣсской, которой онъ и посвятилъ впослѣдствіи 3-ю часть „Дзядовъ". Тѣмъ не менѣе отношенія къ Собанской не остались безъ вліянія. За прекрасной Каролиной сильно ухаживалъ гр. Виттъ, и это доставило Мицкевичу, какъ protégé красавицы, доступъ въ гостиную графа. Послѣ этого открылись предъ нимъ двери и многихъ другихъ пріемныхъ одесской аристократіи. Въ августѣ 1825 года Мицкевичъ, по приглашенію Собанскихъ и Витта, посѣтилъ въ ихъ обществѣ Крымъ. Большая часть участвовавшихъ въ прогулкѣ, высадившись послѣ бурнаго переѣзда въ Севастополѣ, добралась до Евпаторіи, гдѣ и предпочла оставаться остальное время. Но Мицкевичъ въ обществѣ нѣсколькихъ человѣкъ, а иногда и одинъ, дѣлалъ частыя экскурсіи, восхищаясь величественными и восхитительными видами мѣстностей на южномъ берегу. Эти впечатлѣнія и вылились въ знаменитыхъ крымскихъ сонетахъ, драгоцѣнной жемчужинѣ творческой фантазіи поэта.

Изъ біографіи Вл. Мицкевича и обнародованной корреспонденціи поэта и Малевскаго не видно, чтобы друзья интересовались въ Одессѣ русской частью общества, и тѣмъ болѣе сходились съ кѣмъ-нибудь изъ ея выдающихся представителей. Мнѣнія объ образованныхъ русскихъ у Мицкевича остались прежнія, т. е. виленскія, не затертыя кратковременной жизнью въ С.-Петербургѣ и сношеніями съ декабристами. Въ нихъ онъ естественно видѣлъ лишь ничтожную часть всего русскаго общества. Въ какомъ видѣ представлялъ себѣ Мицкевичъ въ то время типическихъ представителей русскаго общества, мы можемъ судить по сохранившимся двумъ актамъ написанной имъ въ 30-хъ годахъ трагедіи „Барскіе конфедераты". Тамъ, въ лицѣ русскаго генерала, бездушнаго формалиста на службѣ и безхарактернаго сластолюбца въ частной жизни, выведенъ гр. Виттъ, въ лицѣ же лишеннаго совѣсти проходимца доктора, стремящагося составить карьеру шпіонствомъ—нѣкто Бошнякъ, состоявшій при Виттѣ, какъ полагали, въ роли тайнаго полицейскаго агента. Бошняку приписывало общественное мнѣніе обнаруженіе заговора въ южной арміи еще ранѣе, чѣмъ былъ поданъ доносъ Шервуда. Польская графиня, употребляющая свое вліяніе на генерала, достигнутое

не вполнѣ благовиднымъ образомъ, это—Каролина Собанская. Не знаемъ, почему поэтъ могъ считать себя вправѣ наложить печать отверженія на женщину, вниманіемъ которой онъ нѣкоторое время дорожилъ, но не можемъ не указать на то, что онъ порицаетъ ее не за то, что она очутилась въ фальшивомъ положеніи вообще, а за то, что она пользовалась вниманіемъ русскаго сановника. Братъ графини, Адольфъ (въ лицѣ его выведенъ братъ Собанской Генрихъ Ржевусскій, впослѣдствіи извѣстный польскій писатель аристократическаго консервативнаго направленія) обращается въ драмѣ къ сестрѣ съ слѣдующими словами: „ты, полька, дочь воеводы, дочь нашего отца, ты принимаешь ухаживаніе москаля!" Вотъ въ чемъ, значитъ, заключается преступленіе. Оно не затирается въ умѣ читателя словами графини, сообщающими, что „войны со временемъ прекратятся, и ненависть народовъ исчезнетъ". Да и кто будетъ сообразовать свой образъ дѣйствій съ требованіями будущаго, въ такой средѣ, болѣзненную раздражительность которой считаютъ святымъ долгомъ поддерживать люди, представляющіе себя олицетвореніемъ исполненія долга. Какъ, по мнѣнію, Мицкевича, должны были говорить подобные люди, сообщаетъ онъ устами о. Марка (извѣстный кармелитскій монахъ, военный капелланъ барскихъ конфедератовъ). „Москаль всегда останется москалемъ", учитъ насъ этотъ святой подвижникъ, „т. е., разбойникомъ и воромъ. Подобно тому, какъ дикій казакъ уже съ колыбели грабитель. Если не отрубятъ ему головы или рукъ—не помогутъ вопли всего свѣта"! Конечно, эти злобныя слова въ трагедіи могли быть плодомъ позднѣйшаго настроенія въ душѣ поэта, тѣмъ не менѣе, они не могли бы появиться, еслибы опытъ предшествовавшихъ годовъ внушилъ ему другія чувства, другія понятія. Недаромъ польскіе писатели хвалятъ Мицкевича за стойкость его убѣжденій, которую они не признаютъ за нашимъ Пушкинымъ.

Въ дополненіе къ сказанному, мы не можемъ въ этомъ мѣстѣ не привести слѣдующихъ словъ біографіи, служащей намъ источникомъ. „Изъ Одессы Мицкевичъ", говоритъ его сынъ,—„вывезъ болѣзненное настроеніе духа. Онъ убѣдился тамъ, что какъ для однихъ любовь составляетъ лишь забаву, патріотизмъ у другихъ является лишь наружнымъ покровомъ. Современемъ, описывая незнакомые ему изъ личнаго наблюденія варшавскіе салоны, Мицкевичъ преиму-

щественно имѣлъ въ виду типы польскаго помѣщичьяго общества, встрѣчавшіеся ему въ Одессѣ. Онъ скоро понялъ, что въ подобныхъ людяхъ свѣтскій лоскъ заглушалъ всякое высшее побужденіе, и сказалъ себѣ: „стыжусь чрезвычайно, ибо принялъ этихъ обезьянъ, этихъ трутней за людей и ставилъ ихъ въ своемъ мнѣніи выше нашей почтенной, хотя и чудаковатой, воеводской шляхты“ [1]). „Если въ двухъ сохранившихся актахъ „Барскихъ кондефератовъ“, замѣчаетъ далѣе Владиславъ Мицкевичъ, помѣщено столь многое, взятое живьемъ изъ гостиной генерала Витта, то, безъ сомнѣнія, утерянные акты къ этому прибавили бы еще гораздо болѣе. Польскіе магнаты, московскіе сановники, шпіоны и салонныя куклы двигались вереницей предъ глазами поэта. Если Крымъ являлся въ его представленіи востокомъ въ миніатюрѣ, то на крошечномъ одесскомъ театрѣ разыгрывался предъ нимъ одинъ изъ эпизодовъ великой польско-русской трагедіи, пѣвцомъ которой ему суждено было сдѣлаться“.

Переходимъ къ пребыванію Мицкевича въ Москвѣ, куда онъ прибылъ въ декабрѣ 1825 года. Поэтъ въ новомъ мѣстопребываніи не очутился одинокимъ, ибо Малевскій, вновь сдѣлавшійся его неразлучнымъ сожителемъ, приготовилъ ему почву. Нашлись знакомые по С.-Петербургу и явились новые. Весьма скоро обнаружилась и помощь вліятельныхъ лицъ, пришедшаяся весьма кстати. Мицкевичъ прибылъ въ Москву, состоя еще въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія. Попечитель Московскаго университета, Писаревъ, не былъ вовсе знакомъ съ литературной репутаціей поэта и не выказалъ въ отношеніи къ нему никакого участія. Онъ не зналъ, что съ нимъ дѣлать въ Москвѣ, и уже готово было назначеніе его въ одно изъ провинціальныхъ учебныхъ заведеній округа. Начались поэтому усиленныя хлопоты у генералъ-губернатора, увѣнчавшіяся успѣхомъ—кн. Голицынъ согласился принять друзей въ свою канцелярію. Они не получили какого-либо штатнаго назначенія и связаннаго съ нимъ содержанія, но за то сохранили полную свободу располагать своимъ временемъ. Главное было то, что въ кн. Голицынѣ они пріобрѣли высокогуманнаго начальника, которымъ не могли нахвалиться. Теперь они могли чувствовать себя безо-

[1]) Приведенное мѣсто составляетъ четверостишіе изъ другой драмы Мицкевича „Яковъ Ясинскій“.

*

пасными отъ преслѣдователей Варшавы и Вильны и смѣлѣе смотрѣть въ глаза будущности. Опытъ показалъ, что они не ошибались, ибо кн. Голицынъ значительно помогъ имъ потомъ, когда наступила возможность улучшить свое положеніе.

Товарищи устроились вмѣстѣ на одной квартирѣ и не ограничились небольшимъ кружкомъ бывшихъ виленскихъ студентовъ и земляковъ. Они охотно посѣщали и русскіе дома, гдѣ встрѣчены были съ обычнымъ московскимъ гостепріимствомъ. Умъ и образованность поэта, симпатичныя черты его деликатнаго обращенія, состраданіе къ его положенію — все способствовало къ возбужденію интереса къ его личности. Приглашенія стали сыпаться и скоро отворились предъ нимъ аристократическія гостиныя, гдѣ поэтъ очаровывалъ своими манерами, рѣчами и импровизаціей на французскомъ языкѣ. Это было на руку, ибо Мицкевичъ нуждался въ поддержкѣ, затѣявъ печатаніе въ Москвѣ привезенныхъ съ собою въ рукописи сонетовъ. Почему онъ рѣшился издать ихъ на мѣстѣ своего новаго пребыванія, гдѣ число знавшихъ польскій языкъ было крайне невелико, догадаться не трудно. Нужно было спѣшить съ изданіемъ, чтобы извлечь изъ него необходимыя для жизни матеріальныя средства, и поэтому некогда было тратить времени на отыскиваніе издателя въ Варшавѣ и Литвѣ, тѣмъ болѣе, что слѣдовало имѣть въ виду также полицейскія и цензурныя препятствія на родинѣ и сильную непопулярность Мицкевича между господствовавшими въ варшавскихъ литературныхъ кружкахъ приверженцами классическаго направленія. Въ Москвѣ, благодаря новымъ связямъ, хлопоты по изданію и съ цензурой могли уладиться скорѣе.

Изъ товарищей поэта по высылкѣ, жившихъ въ другихъ городахъ и поддерживавшихъ съ нимъ переписку, не всѣ были довольны образомъ его жизни и затѣяннымъ въ Москвѣ изданіемъ. Чечотъ, находившійся въ то время въ Уфѣ и сохранившій между товарищами нравственное вліяніе, пріобрѣтенное на университетской скамьѣ, разсердился не на шутку. Онъ готовъ былъ простить Мицкевичу сношенія съ декабристами, но не могъ, по своимъ убѣжденіямъ, не осуждать знакомствъ съ обыкновенными русскими семьями и посѣщенія ихъ. Мицкевичъ оправдывался въ письмѣ друзьямъ отъ 5 января 1827 г. въ слѣдующихъ выраженіяхъ, которыя мы здѣсь, въ качествѣ характеризующихъ его тогдашній взглядъ по отношенію къ русскимъ знакомымъ, помѣстимъ цѣликомъ (см. Korresp. т. 1,

стран. 15, по изданію 1870 г.). „Ты“, обращается онъ къ Чечоту, пишешь, что имѣешь двоякую любовь. Второй я не раздѣляю, но первая, если только я хорошо понялъ, къ кому она относится, всегда горячо раздѣлялась всѣми нами, и бѣда намъ, если когда-либо кому-нибудь прійдется усомниться въ этой любви. Но мы должны высказывать ее, не по примѣру Донъ Кихота, ставшаго на распутьи и вызывавшаго на бой всѣхъ безъ разбора, а такъ, какъ это было заповѣдано Карломъ Великимъ, приказывавшимъ своимъ рыцарямъ заслужить любовь Анжелики [1]). Можно ли присоединять къ столь высокому чувству ничтожныя и маловажныя обстоятельства. Не становишься ли ты похожимъ на столовицкихъ мужиковъ, готовыхъ бить любаго еврея въ отмщеніе распятія Спасителя. Ты цитируешь моавитянъ и, кажется, не прочь бы, по ветхозавѣтному примѣру, распространить мщеніе на перворódныхъ дѣтей, пожалуй, даже на собакъ. Я, съ своей стороны, скажу тебѣ откровенно, что, вынуждаемый голодомъ, готовъ ѣсть не только трефный бифштексъ моавитянъ, но даже и мясо съ алтаря Дагона и Ваала. Это не мѣшаетъ мнѣ оставаться добрымъ христіаниномъ. Любопытствуешь знать, что я читаю, возвратившись домой. Изволь. Это—Фіеско Шиллера и исторія Маккіавеля“.

„Я“, продолжаетъ далѣе авторъ письма, „сдѣлалъ новыя знакомства. Отъ многихъ приходится встрѣчать расположеніе и даже пріязнь. Мнѣ пріятно было бы отблагодарить, ибо „прокляты тѣ, которые ни чѣмъ не отплачиваютъ [2]). Я посѣщаю гостиныя, но не играю тамъ видной роли. Не потому, чтобы не желалъ, но не умѣю. Радъ былъ бы хорошо танцовать или играть на какомъ-либо инструментѣ. Еслибы могъ пѣть, это было бы весьма кстати. Комплименты могу по временамъ сплетать и не замедлю усовершенствоваться въ этомъ отношеніи. Ибо, скажу тебѣ, что можно танцовать, играть и быть вѣжливымъ, не дѣлаясь лѣнтяемъ. Благодаря этимъ качествамъ, я могъ бы сдѣлаться

---

[1]) Мицкевичъ здѣсь намекаетъ на то мѣсто въ Аріостовомъ „Orlando furioso“, въ которомъ Карлъ Великій мирить рыцарей, добивавшихся руки Анжелики. Онъ обѣщаетъ предоставить ее въ награду тому, кто причинитъ наиболѣе ущерба врагу.

[2]) Выраженіе взятое изъ Dziad'овъ.

полезнымъ для другихъ, и это было бы величайшей наградой моихъ стремленій"[1]).

Все это весьма ясно. Поэтъ оправдывается силой обстоятельствъ, заставившихъ его быть любезнымъ для пользы его и дорогихъ ему лицъ. Лишь голодъ заставляетъ его принимать пищу съ алтаря Дагона и Ваала. Не будь вынужденъ его образъ дѣйствій, было бы другое, что и осуществилось впослѣдствіи, когда Мицкевичу удалось вырваться изъ нашего отечества.

Знакомства распространились скоро и на литературное общество въ Москвѣ. Въ эту новую сферу ввелъ Мицкевича Николай Полевой, издатель „Московскаго Телеграфа". Въ „Живописной русской библіотекѣ" (№ 10-й 1858 г.) помѣщены воспоминанія Кс. Полеваго о началѣ его знакомства съ польскимъ поэтомъ. Оно устроилось благодаря прибывшимъ въ Москву изъ Варшавы офицерамъ, дивившимся, что въ Москвѣ литераторы ничего не знаютъ о пребывающемъ между ними польскомъ писателѣ, геній котораго уже началъ ярко сіять на польскомъ литературномъ горизонтѣ. Полевые, какъ представители органа русскихъ романтиковъ, обрадовались случаю войти въ сношенія съ талантомъ, направленіе котораго имъ представлялось родственнымъ ихъ собственному направленію. Они думали, что представитель польскаго романтизма охотно подастъ имъ руку и примкнетъ къ новому движенію въ литературѣ братскаго славянскаго народа. „Въ свою очередь, пишетъ Владиславъ Мицкевичъ, и Адамъ былъ доволенъ, что нашелъ въ новыхъ знакомыхъ людей, трезво смотрящихъ на обстоятельства и знакомыхъ съ новымъ направленіемъ въ западно-европейской литературѣ". Мицкевичъ полагалъ, что Полевые раздѣляютъ его воззрѣнія, и мы полагаемъ, что онъ былъ правъ настолько, насколько дѣло касалось общихъ началъ научнаго и литературнаго движенія. Николай Полевой увлекался новыми взглядами въ западно-европейской литературѣ, хотя многаго, какъ видно изъ его трудовъ, напр. исторіи русскаго народа и не могъ, будучи автодидактомъ, взвѣсить и вполнѣ понять. О польской литературѣ и партіяхъ въ Польшѣ онъ не имѣлъ

---

[1]) Эта аргументація не особенно однако подѣйствовала на Чечота. Узкій фанатикъ не хотѣлъ впослѣдствіи даже и читать сонетовъ Московскаго изданія, и ему пришлось поэтому высылать Львовское изданіе, вышедшее безъ позволенія автора и къ его ущербу въ денежномъ отношеніи.

понятія [1]) и не въ интересѣ Мицкевича было посвящать его въ сокровенныя тайны. Новыхъ знакомыхъ могли связывать лишь вопросы нейтральные, отвлеченнаго свойства.

Послѣ первыхъ церемоніальныхъ визитовъ, обмѣненныхъ по иниціативѣ Н. Полеваго, Мицкевичъ и Малевскій сдѣлались въ его домѣ частыми гостями. У Полеваго поэтъ познакомился съ проживавшимъ тогда въ Москвѣ въ отставкѣ и сотрудничавшимъ въ „Телеграфѣ" кн. П. А. Вяземскимъ. Князь, познакомившійся во время своей предшествовавшей службы въ Варшавѣ съ польскимъ языкомъ и вошедшій въ пріязнь съ многими изъ представителей Варшавскаго и Краковскаго общества, съ перваго же раза почувствовалъ къ Мицкевичу живую симпатію, никогда его не покидавшую. Впослѣдствіи онъ не разъ имѣлъ возможность оказывать Мицкевичу немаловажныя услуги. Уже въ самомъ началѣ знакомства онъ ввелъ его въ домъ Елагиной, матери братьевъ Кирѣевскихъ, и къ княгинѣ Зинаидѣ Александровнѣ Волконской. Волконская, вращавшаяся въ высшихъ придворныхъ кругахъ, была искренно предана поэзіи и искусству. Въ ея салонѣ собирались европейскія музыкальныя знаменитости, навѣщавшія Москву, и сама хозяйка очаровывала своимъ пѣніемъ и артистическимъ исполненіемъ. Увлеченная художественнымъ талантомъ Мицкевича, она почувствовала къ нему сердечную привязанность, продолжавшуюся и первое время послѣ оставленія имъ Россіи. Мицкевичъ съ свой стороны высоко цѣнилъ оказываемое ему расположеніе, часто посѣщалъ домъ княгини и читалъ ей свои произведенія. Памятникомъ этой дружбы, кромѣ сохранившихся писемъ къ поэту отъ княгини и ея приближенныхъ, въ томъ числѣ и Шевырева, является одинъ изъ сонетовъ Мицкевича, начинающійся словами: „поэзія! гдѣ чудная кисть твоей руки".

У Елагиной пріемы были болѣе скромны, но тамъ собирались люди, исключительно интересовавшіеся литературой. Многіе изъ нихъ достигли потомъ громкой у насъ извѣстности. Изъ числа постоянныхъ посѣтителей этого дома, дружески сошедшихся съ Мицкевичемъ, слѣдуетъ назвать Рожалина, хорошо знавшаго польскій языкъ, извѣстнаго библіографа и друга Пушкина Соболевскаго и поэтовъ Веневитинова и Баратынскаго.

---

[1]) Это видно изъ послѣднихъ строкъ 239 стран. и начала слѣдующей въ біографіи Вл. Мицкевича.

Появлялись также по временамъ въ Москвѣ Жуковскій и Козловъ, но съ ними болѣе тѣсное знакомство заключилъ Мицкевичъ позднѣе, въ С.-Петербургѣ.

Мы видѣли выше, какъ смотрѣлъ Мицкевичъ на свое положеніе въ кругу русскихъ своихъ знакомыхъ. Приведемъ теперь изъ статьи кн. П. А. Вяземскаго о Мицкевичѣ (напеч. въ VII т. изданія его сочиненій), какъ относились къ поэту въ русскомъ обществѣ. „Когда Мицкевичъ прибылъ въ Москву, говоритъ кн. Вяземскій, польскаго вопроса еще не существовало (увы! добродушные москвичи сильно въ этомъ ошибались. Онъ существовалъ, но они этого не подозрѣвали). То время не было столь подозрительно, какъ наше. Польшу тогда знали мало, мало говорили о ней. Польская литература была совершенно неизвѣстна. Москва видѣла въ Мицкевичѣ молодаго человѣка, подпавшаго дѣйствію административной мѣры, но это явленіе было довольно обыкновенное, и потому мало заботились о поводѣ мѣры. Все въ Мицкевичѣ привлекало къ нему. Онъ былъ уменъ, благовоспитанъ, одушевленъ въ разговорѣ, обхожденія утонченнаго. Держался онъ просто, то есть благородно и благоразумно, не корча изъ себя политической жертвы, при оттѣнкѣ меланхолическаго выраженія; онъ былъ веселаго склада, остроуменъ и скоръ на мѣткія и удачныя слова. Говорилъ онъ по-французски не только свободно, но даже изящно. По-русски онъ говорилъ также хорошо[1]), а потому могъ сближаться съ разными слоями общества. Онъ былъ вездѣ у мѣста: и въ кабинетѣ ученаго и писателя, и въ салонѣ умной женщины, и за веселымъ пріятельскимъ обѣдомъ. Поэту, то-есть степени и могуществу его дарованія, вѣрили пока на слово и по наслышкѣ. Немногіе, знакомые съ польскимъ языкомъ, могли оцѣнить поэта, но всѣ оцѣнили и полюбили Мицкевича, какъ человѣка“.

Эти строки весьма интересны въ нашихъ глазахъ, потому что уясняютъ намъ причины успѣховъ Мицкевича въ московскомъ обществѣ. Вліяло не умственное и нравственное превосходство культуры и образованія поэта, какъ это представ-

---

[1]) Это засвидѣтельствованіе князя Вяземскаго разбиваетъ увѣренія, приводимыя въ разныхъ мѣстахъ Вл. Мицкевичемъ, относительно того, что отецъ его не зналъ достаточно русскаго языка и избѣгалъ его употребленія. Адамъ Мицкевичъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять, что языкъ не можетъ быть предметомъ вражды, что онъ средство а не цѣль.

ляется увлекающимся его соотечественникамъ, не удивленіе высотѣ его таланта, котораго не могли оцѣнить, а салонныя его способности и добродушіе довѣрчивой и легко открывающейся на распашку натуры русскаго человѣка. Гостепріимнымъ москвичамъ, изъ которыхъ нѣкоторые увлекались модными идеями западно-европейскаго либерализма, и потому готовы были преклоняться предъ чужимъ, другіе же изъ деликатности избѣгали откровеннаго разговора о щекотливыхъ вопросахъ, и въ голову не приходило, что этотъ чужой смотрѣлъ на ихъ общество, какъ на необходимое, въ его положеніи, зло и изучалъ принципы Маккіавеля для своего руководства. Сынъ поэта не стѣсняется объяснить намъ, что главная сила притяженія московскихъ гостиныхъ заключалась въ томъ, что домашнюю жизнь съ ея лишеніями не всегда можно было выдержать. (Zyw. A. M., стр. 292).

Наиболѣе выдающимся знакомствомъ, сдѣланнымъ Мицкевичемъ въ Москвѣ, въ послѣдніе мѣсяцы 1826 года, было знакомство съ Пушкинымъ. О немъ, впрочемъ, въ книгѣ Вл. Мицкевича, равно какъ и о позднѣйшихъ отношеніяхъ Пушкина къ его отцу, мы встрѣчаемъ лишь то, что было уже оглашено въ печати, а именно въ статьѣ Л. Реттеля въ V томѣ парижскаго изданія произведеній Мицкевича, письмахъ Малевскаго, воспоминаніяхъ Полеваго и нѣкоего Шалковскаго [1]). Заимствовано кое-что изъ „Русскаго Архива“ и сочиненія Н. П. Барсукова „Жизнь и труды М. П. Погодина“. Разумѣется, что окраска собранныхъ изъ русскихъ источниковъ матеріаловъ та, которая удовлетворяетъ чувству сыновней гордости Вл. Мицкевича и его взгляду на русскихъ. Что оба поэта высказывали другъ къ другу симпатію, неоднократно встрѣчались и проводили вмѣстѣ время въ Москвѣ и вслѣдъ за тѣмъ въ Петербургѣ, мы хорошо знаемъ. Какія любезности расточали они другъ другу, намъ не представляется важнымъ. Интереснѣе другое обстоятельство, а именно—на сколько Пушкинъ былъ дѣйствительно посвященъ во взгляды Мицкевича на русскій народъ и его отношенія къ полякамъ. Обращался ли Адамъ и къ нему „съ той голубиной простотой“, о которой упоминается въ печатномъ обращеніи къ пріятелямъ-москалямъ. По мнѣнію польскихъ писателей, вопросъ о томъ, что Пушкинъ былъ посвященъ въ сокровенные взгляды Миц-

[1]) Статья его помѣщена въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“.

кевича, не подлежитъ сомнѣнію. Поэтому, они вооружаются на нашего поэта за его укоръ, брошенный Мицкевичу въ извѣстномъ стихотвореніи, написанномъ послѣ революціи 1830 г.[1]). Толкуютъ, что упрекъ въ томъ, что Мицкевичъ измѣнилъ свои взгляды, льстя слушающей его черни, несправедливъ, и если кто измѣнилъ тому, что высказывалось у памятника Петру Великому, то развѣ самъ Пушкинъ. Какая разница между прежними взглядами и поведеніемъ Пушкина послѣ революціи! Въ іюлѣ 1831 г. Пушкинъ уже сообщаетъ графу Беккендорфу, что прежнія его стремленія принадлежатъ къ заблужденіямъ молодости, и что въ настоящее время рукопожатіе Лелевеля было бы ему горше ссылки въ Сибирь. Въ особенности достается Пушкину, какъ и слѣдовало ожидать, за его стихотворенія: „Бородинская годовщина“ и „Клеветникамъ Россіи“. Вл. Мицкевичъ пользуется характеристикой этихъ стихотвореній, сдѣланной княземъ Вяземскимъ и помѣщенной въ IX томѣ сочиненій послѣдняго (стр. 155—159), чтобы сообщить, что и въ русской литературѣ того времени нашлись стойкіе въ убѣжденіяхъ люди, рѣзко вооружившіеся противъ роли, принятой Жуковскимъ и Пушкинымъ по отношенію къ польскимъ событіямъ.

Нападки на Пушкина, относительно неискренности его позднѣйшаго поведенія и осужденія имъ польскаго возстанія 1830 г., не могутъ имѣть для насъ цѣны. Что касается до стихотворенія Мицкевича Pomnik Piotra Wielkiego, то уже не разъ обращалось вниманіе на то, что вложенные въ этомъ стихотвореніи Пушкину взгляды принадлежатъ не ему, а самому Мицкевичу. Г. Спасовичъ въ статьѣ своей „Mickiewicz i Puszkin“, напечатанной въ памятникѣ литературнаго общества имени Адама Мицкевича, указалъ польской публикѣ, что и въ нѣкоторыхъ изъ своихъ произведеній болѣе ранняго періода дѣятельности Пушкинъ не обнаруживалъ стремленія стать на точку зрѣнія поляковъ. Онъ не довѣрялъ искренности поляковъ по отношенію къ Россіи и полагалъ, что раздѣляющій народности споръ можетъ утихнуть не въ реальной дѣйствительности, а въ высшемъ мірѣ идей. „Но огнь поэзіи чудесной, сердца враждебныя миритъ“. Пушкинъ, приверженецъ западно-европейскаго либерализма, подобно прочимъ своимъ соотечественникамъ, мало интересовался польско-русскимъ во-

---

[1]) Это стихотвореніе: „онъ жилъ среди насъ“, написано въ 1834 г.

просомъ, пока революція 1830 г. не выставила его въ своемъ настоящемъ видѣ. Тогда онъ могъ, и не отрекаясь отъ своихъ идеаловъ, протестовать противъ того, законности чего не хотѣло признать и большинство декабристовъ 1825 года. Конечно, нѣкоторыя отдѣльныя выраженія, въ родѣ: „кичливый ляхъ, буйная Варшава“ и т. п., не вполнѣ соотвѣтствуютъ повидимому настроенію поэта — „не дать падшимъ услышать пѣснь обиды отъ лиры русскаго пѣвца“. Но въ сущности, эти выраженія, не могли и сравниться съ той бранью, какой осыпали русскій народъ произведенія польской поэзіи и имѣютъ весьма мало значенія. Дѣло не въ нихъ, а въ общемъ отношеніи Пушкина къ польско-русскому вопросу, который разроссся не по русской инициативѣ и заставилъ поэта заговорить языкомъ, въ которомъ прежде не было надобности.

Что касается до осужденія Пушкина княземъ Вяземскимъ, то и этого защитники польскихъ притязаній 1830 года не должны бы были приводить въ свою пользу. Князь вовсе не былъ приверженцемъ законности требованій поляковъ и осуждалъ предпринятую войну лишь потому, что она казалась ему веденной неумѣло. Онъ сожалѣлъ, что ее допустили, не подавивъ бунта въ началѣ болѣе энергической дѣятельностью, и находилъ, что она, какъ предметъ печальной необходимости, не можетъ доставлять пищи вдохновенію поэта. Какъ смотрѣлъ чрезъ нѣсколько лѣтъ кн. Вяземскій на значеніе для Россіи ея государственной силы, видно изъ того, что онъ вооружался потомъ въ защиту Карамзина, о чемъ польскіе читатели могли бы найти кое-какія подробности и въ указанной нами выше статьѣ г. Спасовича.

Возвратимся къ московской жизни Мицкевича въ 1826 году. Рядъ развлеченій не отклонялъ поэта отъ различныхъ плановъ. Наступало время коронаціи и ожидались по этому случаю разныя милости. Мицкевичъ и Малевскій надѣялись, что имъ дано будетъ разрѣшеніе хотя на время посѣтить родину, чтобы повидаться съ близкими и устроить кое-какія домашнія дѣла. Князь Голицынъ обѣщалъ содѣйствіе, и великій князь Константинъ Павловичъ, которому друзья представились по пріѣздѣ его въ Москву, не отвергъ совершенно просьбы, предложивъ однако повременить. Надежды впрочемъ скоро разсѣялись, ибо Новосильцовъ, которому Константинъ Павловичъ передалъ вопросъ на разсмотрѣніе и къ которому обратился Голицынъ, отвѣ-

тилъ 9 ноября князю, прося отложить на болѣе позднее время удовлетвореніе желанія просителей. Новосильцовъ въ своемъ письмѣ приводитъ основаніе, что хотя поведеніе Мицкевича и Малевскаго въ Москвѣ было безупречно, нельзя разсчитывать на то же въ мѣстѣ, служившемъ гнѣздомъ ихъ вредныхъ мечтаній и дѣйствій. Приходилось вооружиться терпѣніемъ.

За то другая забота Мицкевича, при содѣйствіи московскихъ благожелателей, дала хорошій результатъ. Это было изданіе сонетовъ, отъ успѣха котораго зависѣло во многомъ матеріальное благосостояніе поэта и распространеніе его извѣстности. И здѣсь не обошлось сначала безъ затрудненій, ибо цензоръ Анастасевичъ, на расположеніе котораго надѣялся Мицкевичъ, перешелъ въ Петербургъ. Другаго цензора въ Москвѣ, знающаго польскій языкъ, не оказывалось. Наконецъ согласился принять на себя просмотръ сонетовъ профессоръ университета М. Т. Каченовскій, который и подписалъ разрѣшеніе печатать 26 октября 1826 г. Онъ выбросилъ изъ рукописи лишь слѣдующее двустишіе:

Trzy tylko znam poklony, co spodlić nie mogą
Przed Bogiem, rodzicami i kochanki nogą.

Въ декабрѣ изданіе сонетовъ вышло наконецъ въ свѣтъ и къ нему приложенъ былъ литографированный переводъ на персидскій языкъ „вида Чатырдага изъ козловскихъ степей", сдѣланный, по просьбѣ товарища поэта, Александра Ходзьки, учителемъ его въ коллегіи восточныхъ языковъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, профессоромъ Мирзой Джафаромъ Топчибашевымъ. Первая часть этихъ прелестныхъ стихотвореній навѣяна была одесскими мимолетными впечатлѣніями Мицкевича, вторая—природой Крыма. Сильно подѣйствовала южная природа на вдохновеніе поэта, но она не могла заглушить въ немъ тоски по родинѣ. „Литва!" восклицалъ онъ, „твои шумящіе лѣса пѣли моему сердцу привлекательнѣе, чѣмъ соловьи Байдара и дѣвы Салгира. О, мысль! въ твоей глубинѣ лежитъ гидра воспоминаній: она спитъ въ годину бѣдствій и въ бурю страсти, но, когда сердце спокойно, она вонзаетъ въ него когти свои".

Въ Москвѣ почва была хорошо подготовлена, чтобы сонеты Мицкевича были приняты съ оцѣнкой, которой они вполнѣ заслуживали. Князь Вяземскій познакомилъ весьма скоро съ ними публику, сдѣлавъ переводъ наиболѣе вы-

дающихся прозой и присовокупивъ къ этому рецензію, наполненную весьма лестными выраженіями. Другіе литераторы не отставали. 14 апрѣля 1827 г. Мицкевичъ пишетъ Одынцу: „Старикъ Дмитріевъ, извѣстный поэтъ, сдѣлалъ мнѣ честь, переведши одинъ изъ сонетовъ“. Въ другомъ письмѣ отъ 29 марта говорится: „во всѣхъ почти альманахахъ (здѣсь ихъ выходитъ множество) фигурируютъ мои сонеты. Есть уже нѣсколько переводовъ ихъ. Лучшій, какъ кажется, изъ этихъ переводовъ, принадлежащій Козлову, скоро начнетъ по частямъ печататься, и Жуковскій, съ которымъ я познакомился и который ко мнѣ весьма расположенъ, пишетъ, что онъ, если еще возьмется за перо, посвятитъ трудъ переводу моихъ стиховъ. Публика идетъ по слѣдамъ передовыхъ писателей“. Дѣйствительно увлеченіе у многихъ доходило до энтузіазма и не только присяжные знатоки и цѣнители литературы, но и много лицъ среди обыкновенной публики изъявили желаніе учиться по-польски. 4 іюля 1827 г. Малевскій увѣдомляетъ Лелевеля, что онъ и Мицкевичъ, уступая обращеннымъ къ нимъ просьбамъ, предположили для русскихъ любителей польскаго языка составить учебникъ въ родѣ краткой грамматики съ приложеніемъ небольшой хрестоматіи, содержащей отрывки въ прозѣ и стихахъ. Объ этомъ писалъ изъ Москвы Лелевелю и одинъ изъ товарищей Мицкевича, Дашкевичъ, присовокупляя, что нѣсколько листовъ предположеннаго учебника уже готовы.

Между поляками пріемъ, оказанный сонетамъ, былъ не одинаковъ. Литовцы и молодежь въ Варшавѣ восхищались ими и распространяли повсюду, гдѣ могли. Но не такъ радушно отозвалось стоявшее во главѣ современнаго польскаго Парнаса старшее поколѣніе польскихъ писателей, воспитавшееся въ духѣ классицизма прошлаго столѣтія. Въ мартѣ 1827 года одинъ изъ вліятельныхъ представителей этого направленія, Каэтанъ Козьмянъ пишетъ Моравскому. „Сонеты Мицкевича лучше всего характеризуются однимъ словомъ: гадость. Что могли найти въ нихъ хорошаго? Все тамъ мерзко, грязно и низко. Все можетъ быть крымское, турецкое, татарское, но не польское. Мицкевичъ похожъ на человѣка, выпущеннаго изъ заведенія умалишенныхъ, несущаго дичь на перекоръ требованіямъ разсудка и правильнаго вкуса. И при этомъ, однако, онъ гордится и убѣжденъ въ своемъ превосходствѣ, принимая сумасбродство за поэзію, грязь за краски, непониманіе за со-

вершенство". Болѣе снисходительный Моравскій не отрицалъ въ Мицкевичѣ достоинствъ, но и онъ не одобрялъ начинавшаго распространяться увлеченія имъ. „Жаль, писалъ онъ, что Мицкевичъ не живетъ въ Варшавѣ. Нужно смотрѣть на него, какъ на дитя природы, родившееся гдѣ-то въ литовскихъ лѣсахъ. Въ немъ есть дарованіе, но нѣтъ правильной формы, полировки и какого-либо знакомства съ требованіями искусства" [1]).

Поклонники Мицкевича между его соотечественниками не могли быть довольными, что на родной почвѣ встрѣчались авторитетные голоса, столь рѣзко осуждавшіе поэта въ то время, когда въ чуждой Москвѣ произведенія его встрѣчали лишь симпатію и похвалы. Самого Мицкевича нападки раздражали и наводили по временамъ на мысль начать полемику съ цѣлью нанесенія удара своимъ критикамъ. Онъ ясно понималъ, что послѣдними руководила частью мелкая зависть, частью же педантическое поклоненіе отжившимъ требованіямъ, заставлявшимъ обращать преимущественное вниманіе на выработанныя французами правила, стѣснявшія свободное движеніе чувства и не позволявшія ему выразиться во всей его глубинѣ. Товарищи Мицкевича не считали его подготовленнымъ къ дѣятельности журналиста, но въ средѣ русскихъ знакомыхъ литераторовъ смотрѣли иначе. Полевой уже раньше старался склонить его къ сотрудничеству въ „Телеграфѣ", и поэтъ вмѣстѣ съ Малевскимъ помѣщали по временамъ въ этомъ журналѣ свои статьи безъ подписи [2]). Конечно, не безъ участія Полеваго зародилась въ 1827 г. мысль объ основаніи въ Москвѣ литературнаго журнала на польскомъ языкѣ „Iris", имѣвшаго выходить подъ редакціей Мицкевича. По крайней мѣрѣ объ осуществленіи этого предпріятія Полевой, какъ видно изъ письма Малевскаго, долженъ былъ похлопотать въ Петербургѣ, куда онъ отправился 16 августа 1827 г.

---

[1]) Приведенные отзывы варшавскихъ классиковъ заимствованы Вл. Мицкевичемъ изъ статьи Л. Семенскаго „Лагерь классиковъ", помѣщенной въ V т. его сочиненій.

[2]) Это видно изъ письма Малевскаго къ сестрѣ, писаннаго въ апрѣлѣ 1826 г.; см. Вл. Мицк. стр. 282. Оно въ парижскомъ изданіи корреспонденціи Мицкевича неправильно поставлено подъ 1825 г., то-есть временемъ, когда Мицкевича еще не было въ Москвѣ. Что именно писалъ Мицкевичъ въ „Телеграфѣ" неизвѣстно, ибо впослѣдствіи Малевскій на обращенные къ нему относительно этого вопросы отозвался запамятованьемъ.

Видно, что проектъ встрѣтилъ большія препятствія и для улаженія ихъ требовалось присутствіе въ Петербургѣ самого Мицкевича. Кромѣ того, являлось и другое обстоятельство, побуждавшее предпринять поѣздку. Сонеты были плодами вдохновенія поэта еще во времена его одесской жизни. Въ Москвѣ Мицкевичъ, какъ скоро жизнь его стала нѣсколько удовлетворительнѣе, не потерялъ временидаромъ, несмотря на свѣтскія развлеченія. Онъ въ августѣ 1827 г. привелъ къ окончанію свой новый трудъ, пользующійся нынѣ всемірной извѣстностью. То была поэма „Конрадъ Валенродъ". Нужно было подумать объ ея напечатаніи, и въ головѣ поэта и его пріятеля, легко могла явиться мысль, что съ цензурой придется на этотъ разъ имѣть болѣе хлопотъ, чѣмъ тѣ, которыя доставило изданіе сонетовъ. Поэту совѣтовали представить рукопись въ Петербургскій цензурный комитетъ, въ которомъ служилъ тогда Анастасевичъ.

Также и кн. Голицынъ совѣтовалъ друзьямъ предпринять поѣздку въ С.-Петербургъ, гдѣ Мицкевичъ долженъ былъ пробыть лишь короткое время, нужное для улаженія его дѣлъ, Малевскій же навсегда. Послѣдній разсчитывалъ получить въ Петербургѣ какое-нибудь болѣе удобное для него служебное положеніе, въ чемъ и не ошибся. Кн. Голицынъ взялъ ихъ обоихъ съ собой въ качествѣ состоящихъ при себѣ чиновниковъ и въ началѣ декабря 1827 г. послѣ трехлѣтней разлуки съ невской столицей они увидали ее вновь. Какая разница была между прежнимъ положеніемъ въ ней поэта и настоящимъ. Въ 1825 году онъ уѣзжалъ въ Петербургъ, никого почти не зная въ русскомъ обществѣ, кромѣ декабристовъ. Теперь онъ прибылъ, предшествуемый извѣстностью и вошедши въ пріязненныя сношенія съ выдающимися представителями московскаго общества, долженствовавшими открыть ему доступъ въ вліятельныя сферы столицы и помочь въ осуществленіи его желаній.

Изъ письма Малиновскаго къ Лелевелю отъ 28 декабря 1827 года видно, что планъ Мицкевича касательно изданія предположеннаго журнала, не смотря на всѣ старанія, не осуществился. Къ величайшему сожалѣнію его земляковъ, послѣдовалъ отказъ и притомъ безъ объясненія причинъ. Но зато напечатаніе Валленрода осуществилось безпрепятственно. Къ Анастасевичу рукопись была отправлена заблаговременно, по почтѣ, и сейчасъ же послѣ пріѣзда Мицкевича получено

цензурное разрѣшеніе. Цензоръ выпустилъ лишь одинъ стихъ изъ разсказа Войделота: „Ты невольникъ, единственное оружіе невольника—измѣна". 21 февраля 1828 г., какъ видно изъ письма Малиновскаго къ Лелевелю, „Валленродъ" вышелъ въ свѣтъ.

Если первое напечатанное въ нашей средѣ изданіе Мицкевича было почти лишено тенденціозной подкладки, ибо кому бы пришло на мысль видѣть ее въ столь симпатичной чертѣ, какъ тоска разлученнаго съ родиной, то этого, разумѣется, нельзя сказать о Валленродѣ. Тенденція здѣсь бьетъ въ глаза. И какая тенденція! Предательство, маскирующееся притворствомъ, для лучшаго достиженія цѣли. Значеніе поэмы, какъ проводника подобной тенденціи, признано впослѣдствіи вполнѣ, и различные комментаторы хвалятъ или порицаютъ ее, каждый съ своей точки зрѣнія. Мохнацкій сожалѣлъ лишь, что она не высказана еще яснѣе. Словацкій, не симпатизировавшій своему старшему собрату по творчеству, выразился, что валленродизмъ ничто иное, какъ измѣна, проводимая методически. Цыбульскій въ своихъ лекціяхъ о польской поэзіи (Познань, 1870 г.) главной мыслью поэмы считаетъ спасеніе народа посредствомъ предательства и осуждаетъ ее въ качествѣ нехристіанской и безнравственной. Новѣйшіе критики стараются оправдать Мицкевича ненатуральнымъ положеніемъ общества, требовавшимъ для своего спасенія исключительныхъ средствъ. Такъ Белциковскій видитъ въ Валленродѣ олицетвореніе эпохи заговоровъ. Нерингъ напоминаетъ, что неестественное положеніе производитъ и неестественныя отношенія. Краковскій профессоръ Третьякъ, изъ статьи котораго заимствовали мы перечень приведенныхъ нами оцѣнокъ, говоритъ, что не образъ дѣйствій, принятый Валленродомъ для мести за отечество, а глубина патріотическаго чувства героя поэмы и сила его характера должны были привлечь къ себѣ сердце и фантазію поэта [1]).

Ту же мысль проводитъ и Владиславъ Мицкевичъ. „Мы не будемъ, говоритъ онъ, полемизировать съ людьми, возстававшими во имя религіи и нравственности противъ апоѳеоза ненависти и предательства. Ненависть является плодомъ утѣше-

---

[1]) Статья г. Третьяка напечатана въ 1 томѣ Pam. liter. imienia Ad. Mick.

нія. Польша можетъ быть и была бы въ состояніи произвести изъ своей среды болѣе благороднаго спасителя своего, чѣмъ Валленродъ, но Россія въ Польшѣ способна вызывать лишь Валленродовъ. Поэтъ имѣлъ въ виду не прославленіе предательства, а лишь логическія послѣдствія угнетенія. Пока въ предѣлахъ бывшей Польши постоянное уничиженіе со стороны врага является вседневнымъ хлѣбомъ поляковъ, проклятія Валленрода будутъ находить отголосокъ въ польскихъ сердцахъ [1]).

Намъ нечего здѣсь распространяться о томъ, на сколько порядокъ, заведенный Александромъ Благословеннымъ въ Польшѣ, и система управленія въ литовскихъ губерніяхъ, гдѣ польской національности предоставлено было предъ 1830 г. неограниченное пользованіе школой въ національномъ духѣ и не стѣсняли ни религіи, ни гражданскихъ, ни имущественныхъ правъ, могли назваться угнетеніемъ и вызвать валленродовскія мысли и приготовленіе къ возстанію путемъ образованія тайныхъ обществъ. Полемика принесла бы мало пользы. Во всякомъ случаѣ валленродизмъ былъ не отвлеченнымъ мечтаніемъ и не плодомъ настроенія болѣзненной души единичной личности. Это была зараза, вызванная наслѣдіемъ минувшихъ временъ и неправильно понятыхъ задачъ. Она проникла въ общество, и несчастіе заключалось въ томъ, что такой высокій талантъ, какъ Адамъ Мицкевичъ, всосалъ ее въ себя наравнѣ съ другими и силой своего поэтическаго могущества помогъ разлиться пламени.

Мы не можемъ понять, зачѣмъ послѣ только-что приведенныхъ нами словъ и на ряду съ признаніемъ, что тенденціозность Валленрода проявляется почти въ каждомъ стихѣ поэмы [2]), Владиславъ Мицкевичъ приводитъ отзывъ г. Спасовича, толкующаго, что современники не видѣли въ Валленродѣ оправданія предательства при нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, подобно тому какъ не видѣли этого и лучшіе русскіе поэты, какъ напр. Пушкинъ и Лермонтовъ [3]). Относительно послѣднихъ мы готовы согласиться, полагая, что они не были подготовлены къ тому, чтобы понять во всей полнотѣ значеніе проводимой въ поэмѣ тенденціи. Не даромъ князь

---

[1]) Żywot Ad. Mick. стр. 305.
[2]) Ibid. стр. 308.
[3]) Ibid. стр. 306.

Вяземскій, одинъ изъ усерднѣйшихъ въ то время благожелателей и покровителей поэта, сознается, что въ ихъ глазахъ польскаго вопроса еще не существовало. Но для земляковъ Мицкевича дѣло было ясно. Младшее увлекающееся мыслями поэта молодое поколѣніе въ Литвѣ и Польшѣ пріобрѣтало новое произведеніе его на расхватъ, и скоро оно сдѣлалось настольной книгой въ гостиныхъ и будуарахъ Варшавы. Не могъ не радоваться и старый патріотъ Нѣмцевичъ, выражавшій по поводу сонетовъ соболѣзнованіе, что столь великій талантъ долженъ скитаться по чужбинѣ и не настраивается мощнымъ гражданскимъ чувствомъ (см. письмо Нѣмцевича отъ 8 февраля 1829 г., помѣщенное во II томѣ корреспонденціи Мицкевича, стр. 50). Варшавскіе однако классики, не равнодушные къ политическимъ задачамъ настоящаго [1]), высказывали свое негодованіе. Никому еще не приходило въ голову, писалъ Каэтанъ Козьмянъ Моравскому, прославлять риѳмами помѣшаннаго и для большей еще славы дѣлать его, вопреки исторіи, литвиномъ. Имъ хочется показать, какимъ благороднымъ образомъ литовцы любятъ свою родину. Что творится въ этихъ пинскихъ головахъ, превосходитъ всякое воображеніе. На несчастіе въ этомъ чудовищномъ произведеніи, авторъ даетъ себя болѣе понять, чѣмъ въ балладахъ или сонетахъ [2]). Заграницей немногочисленные еще въ то время польскіе эмигранты поняли тотчасъ же, какую поддержку для своей политической пропаганды они получили въ твореніяхъ поэта. Поэтому Леонардъ Ходзько, удалившійся въ 1822 г. въ Парижъ, въ обществѣ князя Огинскаго и поставившій задачей своей жизни стремиться къ тому, чтобы покорители Польши подавились проглоченной имъ добычей [3]), поспѣшилъ собрать средства для изданія въ Парижѣ сочиненій Мицкевича. Часть вырученнаго дохода предполагалось вручить поэту по его при-

---

[1]) Владиславъ Мицкевичъ характеризуетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: политическіе взгляды классиковъ были въ тѣсной связи съ ихъ литературными воззрѣніями. Ихъ пугало проявленіе жизни на какомъ бы то ни было полѣ.

[2]) См. V томъ сочин. Л. Семенскаго, стр. 82.

[3]) Любопытное письмо къ поэту Л. Ходзько, превосходно свидѣтельствующее о стремленіяхъ бывшихъ виленскихъ филаретовъ, писано 3 мая 1828 г. и помѣщено во II томѣ корреспонденціи Мицкевича на стр. 51 и слѣд. Оно знакомитъ насъ съ зародышемъ эмиграціонной литературной пропаганды, начавшейся еще предъ революціей 1830 года

бытіи въ Парижъ, какъ какъ парижскіе издатели питали надежду, что это незадолго осуществится.

Какъ ни мало могъ Мицкевичъ разсчитывать въ началѣ 1828 года, чтобы подобная мечта исполнилась, скоро оказалось, что она вовсе не такъ далека отъ дѣйствительности, и новая поэма, за послѣдствія которой для себя Мицкевичъ еще недавно въ Москвѣ побаивался, сослужила ему хорошую службу. Л. Реттель, слышавшій впослѣдствіи изъ устъ самаго поэта объ его жизни въ Россіи и сношеніяхъ съ русскими литераторами, сообщаетъ слѣдующее: Послѣ напечатанія въ Петербургѣ Валленрода собралась было на Мицкевича буря, благодаря Новосильцову, который, хотя и не заботился объ эстетикѣ, но оказался проницательнымъ критикомъ. Императоръ Николай Павловичъ находился при арміи Дибича за Дунаемъ. Онъ получилъ въ это время присланное изъ Варшавы обширное донесеніе, содержавшее указаніе на вредное направленіе новаго произведенія Мицкевича, и отослалъ его въ Петербургъ, приказавъ назначить для разсмотрѣнія и доклада Государю особую коммисію. Въ составъ этой коммисіи назначены: Жуковскій, большой поклонникъ таланта Мицкевича, какое-то лицо не изъ литературнаго круга, бывшее съ Адамомъ въ большой дружбѣ, и третій членъ, не обладавшій самостоятельнымъ мнѣніемъ и привыкшій поэтому присоединяться къ мнѣнію большинства. Неудивительно, что докладъ коммисіи оказался написаннымъ въ вполнѣ благопріятномъ для Мицкевича смыслѣ и даже въ немъ отважились помѣстить нѣсколько словъ о безосновательномъ преслѣдованіи польскаго юношества. Государь принялъ докладъ благосклонно. Этимъ рѣшились воспользоваться, и нѣкоторыя вліятельныя особы стали стараться о разрѣшеніи Мицкевичу выѣхать на непродолжительное время для поправленія здоровья заграницу. Вопреки ожиданіямъ, дѣло получило благополучный исходъ, и такимъ образомъ, замѣчаетъ Реттель, Валленродъ, долженствовавшій, по разсчету Новосильцова и его клеврета цензора Шанявскаго, послужить къ окончательной погибели Мицкевича, сдѣлался, по волѣ судьбы, поводомъ его освобожденія [1]).

---

[1]) Жуковскій, говоритъ Реттель, жаловался впослѣдствіи на то, что былъ обманутъ Мицкевичемъ, и прибавляетъ: подобная жалоба крайне неосновательна, ибо Адамъ не могъ допустить, чтобы его обязанности, въ качествѣ поляка, зависѣли бы отъ личныхъ дружескихъ отношеній къ Жуковскому.

*

Владиславъ Мицкевичъ, старающійся всячески выставлять своего отца мученикомъ народнаго дѣла въ Россіи, повторяетъ приведенный нами разсказъ Реттеля и не говоритъ ничего о благопріятныхъ послѣдствіяхъ для поэта доклада коммисіи. Онъ упоминаетъ даже о томъ, что Мицкевича постигли новыя преслѣдованія, а именно запрещенъ въ печати критическій разборъ Валленрода. Послѣднее могло быть частной мѣрой, послѣдовавшей въ Варшавѣ по распоряженію мѣстныхъ властей. Въ имперіи похвалы Валленроду допускались безпрепятственно, какъ это видно напр. изъ отзыва о поэмѣ московскаго журнала „Bulletin du Nord“ въ февральскомъ нумерѣ 1829 г., въ которомъ выражено сожалѣніе, что переводъ Врончено не даетъ понятія о красотахъ подлинника, и желаніе, чтобы за подобный переводъ взялась опытная рука Козлова; что склонялись не къ преслѣдованію, а напротивъ облегченію участи филаретовъ—свидѣтельствовалъ цѣлый рядъ фактовъ. Нѣкоторые изъ высланныхъ получили профессорскія каѳедры, какъ напр. Ежовскій и Лукашевскій въ Казани, другіе, какъ напр. Ковалевскій, отправлены были въ ученую командировку для приготовленія къ профессорскому званію или устроились на учительскихъ мѣстахъ и въ административной службѣ. Изъ троихъ, наиболѣе скомпрометтированныхъ, Чечоту и Сузину разрѣшено поступить на службу. Малевскій не только получилъ хорошее назначеніе въ одномъ изъ петербургскихъ департаментовъ Сената, но вскорѣ послѣ этого исхлопоталъ разрѣшеніе посѣтить Вильно, въ чемъ ему прежде отказывали. Мицкевичъ, возвратившійся въ половинѣ февраля 1828 г., по окончаніи отпуска, на опредѣленное ему мѣсто пребываніе въ Москву, уже въ маѣ получилъ возможность переселиться на жительство въ Петербургъ. Его влекли туда не только новыя сдѣланныя имъ связи, при помощи которыхъ онъ надѣялся устроить свою участь, но и начатыя старанія касательно изданія въ Петербургѣ полнаго собранія своихъ сочиненій.

Цензурное разрѣшеніе этого изданія подписано тѣмъ же самымъ Анастасевичемъ, который просматривалъ Валленрода. Чтобы обезопасить себя отъ какихъ-либо случайностей, Мицкевичъ, по совѣту своихъ друзей, въ предисловіи къ Валленроду помѣстилъ прославленіе милостей Императора Николая Павловича, и это, по словамъ его сына, понравилось друзьямъ поэта, какъ защита Валленрода валленродизмомъ. Авторъ въ этомъ введеніи припоминаетъ, что уже третье про-

изведеніе на польскомъ языкѣ издается имъ въ столицѣ монарха, которому подчинено большее число различныхъ племенъ и нарѣчій, чѣмъ какому-либо другому властителю. Будучи отцемъ своихъ подданныхъ, Императоръ Николай упрочиваетъ за ними спокойное обладаніе благами земными и еще болѣе драгоцѣнными благами—нравственными и умственными. Онъ не только предоставляетъ каждому блюсти свои обычаи, вѣру и языкъ, но и старается спасти отъ утраты памятники давнихъ вѣковъ. Благодаря щедротамъ его, ученые предпринимаютъ экспедиціи для отысканія и сохраненія финскихъ памятниковъ, ученыя общества заботятся объ изслѣдованіи нарѣчія леттовъ, собратій литовцевъ. Поэтъ въ заключеніе выражаетъ желаніе, чтобы имя отца стольких народностей одинаково славилось въ будущемъ всѣми поколѣніями. Приводя эти слова, Вл. Мицкевичъ успокоиваетъ себя по поводу роли, разыгранной его отцомъ, аргументомъ г. Спасовича, относящимся къ показаніямъ поэта, нѣкогда въ виленской слѣдственной коммисіи, и именно тѣмъ, что подобнымъ сознаніямъ никто не вѣритъ, ни тотъ, кто ихъ даетъ, ни тотъ, кто получаетъ. Во всякомъ случаѣ, прибавляетъ біографъ, самолюбіе поэта сильно страдало по поводу его поступка, казавшагося необходимостью. Трагизмъ подобной необходимости лжи Адамъ изображалъ потомъ въ слѣдующихъ словахъ трагедіи „Барскіе конфедераты“:

„Еще разъ наложимъ на себя маску, послѣдній разъ.
..Странное, дикое время,
Когда нельзя безъ притворства думать, чувствовать
И поступать согласно съ мыслью и чувствомъ“ [1]).

Намъ представляется, что автору Валленрода едва-ли могло приходить серьезно на умъ стыдиться валленродизма и что во всякомъ случаѣ онъ не былъ въ безвыходномъ положеніи, вынуждавшемъ его на поступокъ, несогласный съ его правилами. Въ данномъ случаѣ дѣло шло лишь о полученіи нѣкоторыхъ удобствъ, и кто для достиженія ихъ соглашается употребить обманъ и притворство, тому не трудно убаюкивать голосъ внутренней совѣсти. Громкія фразы ничего еще не означаютъ. Конечно, Мицкевичу нужно было для своего будущаго положенія, объ устроеніи котораго заботились его русскіе пріятели, дать имъ фактическія доказательства,

[1]) См. Zywot Ad. Mick. стр. 347.

которыя бы они могли пустить въ ходъ. Во всякомъ случаѣ слава его значительно бы выиграла, еслибы онъ держался пути, болѣе сообразнаго съ нравственнымъ достоинствомъ. Польская заграничная пресса упрекаетъ Пушкина и Жуковскаго, что они измѣнили съ теченіемъ времени своимъ политическимъ тенденціямъ относительно польскаго дѣла. Еслибы это и было справедливо, что далеко еще не такъ, то во всякомъ случаѣ никто не убѣдитъ, что наши знаменитые поэты вступили на новый путь, котораго въ душѣ не одобряли. Взгляды, проводимые Пушкинымъ въ ту эпоху дѣятельности, когда онъ отрѣшился отъ космополитическихъ доктринъ западно-европейскаго либерализма и сталъ принимать характеръ національнаго поэта,— никакого внутренняго противорѣчія но заключаютъ. Искренность Жуковскаго не заподозривалась. Такъ ли поступалъ Мицкевичъ, говорившій льстивыя фразы съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность замѣнить ихъ при первомъ удобномъ случаѣ рѣчью ненависти?

Въ теченіе 1828 года Мицкевичъ не могъ еще быть увѣренъ, что ходатайства о поѣздкѣ его заграницу увѣнчаются успѣхомъ. Ему, какъ видно изъ тогдашней переписки, приходили по временамъ на умъ разныя другія предположенія. Поднятъ былъ вновь планъ объ изданіи польскаго журнала въ столицѣ [1]). Являлась мысль посѣтить восточныя окраины европейской Россіи и Кавказъ. Матеріальный бытъ поэта улучшился, ибо кромѣ дохода отъ петербургскаго изданія, ревностно распространяемаго друзьями и земляками, польскіе заграничные издатели предложили и съ своей стороны услуги. Жизнь проходила спокойно и весело. Мицкевичъ охотно посѣщалъ русскихъ писателей, изъ числа которыхъ онъ, кромѣ Жуковскаго и Пушкина, сошелся съ Крыловымъ и Козловымъ. Также и въ гостиныхъ нѣкоторыхъ высшихъ сановниковъ его принимали весьма благосклонно, какъ напримѣръ у Шишковыхъ и у М. М. Сперанскаго, жившаго вмѣстѣ съ дочерью своей, г-жей Фроловой-Багрѣевой. Само собою разумѣется, что еще болѣе привлекали къ себѣ поэта земляки,

---

[1]) Старанія объ изданіи журнала на сей разъ увѣнчались успѣхомъ, но самый журналъ „Tygodnik Peterburgski“ началъ выходить въ свѣтъ уже по отъѣздѣ Мицкевича. Участіе его въ немъ было весьма ограниченное.

между которыми были и давніе товарищи и знакомые и много новыхъ. Въ Петербургѣ количество представителей польской интеллигенціи замѣтно увеличивалось. Тамъ кромѣ чиновниковъ статсъ-секретаріата Ц. Польскаго, между которыми встрѣчались молодые люди изъ богатыхъ польскихъ семействъ, поселились на довольно продолжительное время нѣкоторые изъ польскихъ аристократовъ, какъ напр., Хоткевичъ. Было порядочное количество поляковъ-юристовъ, ходатайствовавшихъ по дѣламъ помѣщиковъ западныхъ губерній. Со многими изъ этой публики поэтъ и его неразлучный спутникъ Малевскій встрѣчались часто за товарищескимъ обѣдомъ во французскомъ table d'hôte'ѣ въ домѣ Котомина [1]). Болѣе всего, однако, любили оба друга тѣсный семейный кружокъ прибывшей въ февралѣ 1828 г. въ Петербургъ варшавской піанистки г-жи Шимановской, съ которой они подружились еще ранѣе въ Москвѣ. Впослѣдствіи оба друга, какъ уже упомянуто ранѣе, породнились, женившись на дочеряхъ Шимановской [2]).

Въ мартѣ 1829 года, Мицкевичъ получилъ наконецъ увѣдомленіе, что разрѣшенъ выѣздъ заграницу для лѣченія, причемъ въ оффиціальной бумагѣ онъ былъ поименованъ „извѣстнымъ польскимъ поэтомъ". Ближайшіе друзья поспѣшили заняться устройствомъ денежныхъ дѣлъ поэта, для пріобрѣтенія путевыхъ средствъ. Самъ онъ отправился въ Москву, чтобы попрощаться навѣки съ людьми, высказывавшими ему столько участія и расположенія [3]). Возвратившись въ половинѣ апрѣля, Мицкевичъ оставался въ Петербургѣ лишь самое короткое время. 15-го мая онъ отплылъ изъ Кронштадта на англійскомъ кораблѣ въ Любекъ. Отъѣздъ былъ такъ неожиданъ, что поэтъ

---

[1]) Тамъ познакомился, между прочимъ, Мицкевичъ съ гр. Алекс. Валевскимъ, впослѣдствіи министромъ иностранныхъ дѣлъ Наполеона III, а въ то время русскимъ офицеромъ, присланнымъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ о взятіи Варны.

[2]) Шимановская, обучавшая музыкѣ при Дворѣ и принятая въ высшихъ кругахъ столичнаго общества, умерла отъ холеры въ 1830 г.

[3]) Московскіе пріятели торжественно простились съ Мицкевичемъ еще ранѣе, по случаю окончательнаго переѣзда его изъ Москвы въ Петербургъ въ апрѣлѣ 1828 г. На данномъ въ честь его вечерѣ ему поднесенъ былъ серебряный кубокъ съ именами русскихъ почитателей и, вручая, И. В. Кирѣевскій прочелъ написанное имъ по этому случаю стихотвореніе. На томъ же вечерѣ Боратынскій читалъ свои извѣстные стихи, въ которыхъ уговаривалъ его не припадать къ стопамъ Байрона, вспомнивъ, какой онъ самъ поэтъ.

не успѣлъ проститься съ наиболѣе близкими къ нему, въ томъ числѣ и съ семействомъ Шимановской. Причиной этого были слухи, что полиція получила почему-то распоряженіе отобрать выданный Мицкевичу заграничный паспортъ. Его провожали лишь Малевскій, а въ Кронштадтѣ давнишній московскій знакомый Оленинъ помогъ ускорить исполненіе путевыхъ для выѣзда формальностей. Едва оставилъ Адамъ за собою Кронштадтъ, пишетъ Реттель, онъ пришелъ въ такую радость, что, вынувъ изъ кармана горсть денегъ, сталъ бросать въ воду монету за монетой, съ ненавистью и дѣтской радостью „смотря на исчезновеніе двуглаваго московскаго чудовища“. Этотъ поступокъ отлично характеризуетъ Мицкевича и тѣ чувства, которыя онъ увозилъ съ собой. Они были прологомъ къ его послѣдующей заграничной дѣятельности.

Выѣздомъ Мицкевича изъ Россіи заканчивается вышедшій первый томъ сочиненія Владислава Мицкевича. Изложенное достаточно выясняетъ, какимъ путемъ онъ долженъ былъ идти далѣе. Горизонтъ умственныхъ и нравственныхъ воззрѣній поэта не сталъ выше міросозерцанія той среды, среди которой онъ выросъ и развился. Онъ пошелъ за ней слѣдомъ и талантъ свой употребилъ на сѣяніе сѣмянъ ненависти и предубѣжденія, а также ложныхъ надеждъ, отвлекавшихъ отъ познанія истинныхъ нуждъ времени. Посѣянное имъ пустило крѣпкіе корни и, не смотря на всѣ разочарованія, держится крѣпко и доселѣ. Тѣмъ болѣе должны мы цѣнить тѣ немногіе мужественные голоса, которые рѣшаются открыто заявлять истину, и не можемъ поэтому не обратить вниманія читателей на характеристику значенія дѣятельности Мицкевича, помѣщенную въ статьѣ „Поэтъ и общество“, напечатанной въ изданіи здѣшней газеты „Kraj“. Авторъ, подобно другимъ своимъ соотечественникамъ, признаетъ великую заслугу Мицкевича касательно укрѣпленія чувства любви къ своему народу. Но какая разница между его воззрѣніями и тѣми, которыя высказывались въ рѣчахъ по поводу перенесенія праха поэта, въ Парижѣ и Краковѣ! „Идея народности, говорится въ статьѣ, пробужденная въ Европѣ деспотизмомъ Наполеона и мѣстными условіями быта въ каждомъ изъ обществъ, нашла въ Мицкевичѣ геніальнаго представителя. Онъ могъ писать о себѣ, что чувствовалъ то же, что милліоны его соотечественниковъ, ибо эти милліоны мало еще разумѣли, а потому и отзываться не могли. Но когда, благодаря поэту и другимъ условіямъ, народное

чувство сдѣлалось могучимъ, нужно было, чтобы наука и трудъ укрѣпили его и не на поэтической почвѣ. Между тѣмъ, Мицкевичъ и его послѣдователи, ударяя постоянно въ одну и ту же струну, такъ воспламенили чувство, что малѣйшій голосъ разсудка казался въ эмиграціонной и заграничной польской печати измѣной народной идеѣ. Оцѣнивая происшествія и людей лишь подъ вліяніемъ впечатлѣній испытанныхъ обидъ, идеализируя отнюдь не наилучшія стороны прошлаго, воспитавшееся подъ вліяніемъ романтизма поколѣніе стало кощунственно выставлять польское общество подобіемъ Христа, страждущаго за человѣчество, и поставило ему задачей избавить людей отъ подчиненія эгоизму и матеріализму. Цѣль возвышенная, но не по силамъ. Можно чувствовать за другихъ, но принять на себя трудъ ихъ не мыслимо, а безъ этого труда возрожденіе общества не возможно".

Пожелаемъ и мы, съ своей стороны, чтобы въ польскомъ обществѣ трезвыя мнѣнія, призывающія къ вѣрному пониманію задачи будущаго, раздавались почаще и выслушивались внимательно. Отъ этого выиграетъ не одно лишь польское общество, но и дѣйствительные интересы всего славянства.

А. КОПЫЛОВЪ.

Русскій лѣсъ.

Въ дни дѣтства ранняго я помню русскій лѣсъ,
Таинственный пріютъ живительной прохлады;
Могучіе стволы вздымали до небесъ
Его здоровыя и гордыя громады.

Съ душою русскою сроднилася сосна
И ель высокая и стройная береза:
Одна—зеленая, какъ русская весна,
Другая—бѣлая, какъ иней отъ мороза.

Цѣлебный ароматъ живилъ любовно грудь
На всемъ пространствѣ родины великой,
И было радостно и весело вздохнуть,
Какъ Муромцу Ильѣ, смолой и земляникой...

Служа защитою отъ солнечныхъ лучей,
Лѣсъ Божью влагу сохранилъ на долго
И тамъ, подъ сѣнію сплетавшихся вѣтвей,
Брала начало царственная Волга.

И царственную дочь хранилъ маститый лѣсъ,
На всемъ ея пути притоками питая,
И пѣсню пѣлъ народъ про этотъ міръ чудесъ,
Про красоту твою, о родина святая!...

Въ былыя времена, куда ни кинешь взоръ,
Вездѣ стоялъ зеленый, русскій боръ.

И пѣсни тѣ теперь, какъ погребальный звонъ
Звучатъ больной душѣ уныло и тоскливо;

Враждой упорною родимый лѣсъ сраженъ,
И ель съ березою поникли сиротливо.

И очереди ждутъ за старшими идти
На прихоть и корысть безжалостнаго вѣка.
На этомъ горестномъ и пагубномъ пути
Жаль чудный русскій лѣсъ, но жаль и человѣка.

Безумьемъ ослѣпленъ и прошлое забывъ,
Онъ превратился весь въ стремительный порывъ,
Ему хотѣлось знать, что за лѣсомъ творится,
И сталъ зеленый лѣсъ подъ топоромъ валиться!

И бѣдный, русскій лѣсъ рѣдѣлъ и все рѣдѣлъ,
Жестокихъ палачей паденьемъ утѣшая.
Онъ черпымъ дымомъ къ Богу улетѣлъ,
Тамъ, у Престола, жалобы свои слагая...

И тяжко стало жить: прохлады больше нѣтъ,
Укрыться некуда въ часъ бурной непогоды,
Лѣсъ мститъ безжалостно и къ довершенью бѣдъ
Мелѣетъ Волга къ ужасу народа...

Да, тяжело! но въ этотъ страшный мигъ
Вновь побуждается народное сознанье;
Погибъ развѣнчанный, замученный старикъ—
Но корни—это наше достоянье.

И вотъ, кой-гдѣ уже, отъ брошенныхъ корней,
Побѣги юные, зеленые мелькаютъ,
И мнится мнѣ, что въ шелестѣ вѣтвей
Преданья старины незримо оживаютъ.

О! снова вознесись, родимый, русскій лѣсъ,
Укрыться снова дай подъ тѣнью благодатной,
И пусть про чудный міръ явленій и чудесъ
Раздастся снова пѣснь по Руси необъятной!

В. ТУРЕНИНЪ.

Къ спору съ г. Вл. Соловьевымъ.

I.

И для моралиста, и для педагога, и для политика, стремящихся осуществить въ дѣйствительности свои идеалы должнаго и желательнаго, необходимо точное знаніе не только того, что они признаютъ *должнымъ и желательнымъ*, но и тѣхъ силъ, и условій, которыя въ дѣйствительности *есть* на-лицо, которыя *возможно* направить такъ или иначе, и къ которымъ *возможно* предъявлять тѣ или другія требованія. Это такъ не потому, чтобы самые идеалы должнаго и желательнаго коренились въ наличной дѣйствительности, изъ нея вытекали и *ею* оправдывались, представляя собою только нѣкоторое дальнѣйшее преобразованіе того, *что есть*. Въ самомъ фактѣ, что что-нибудь есть, дано намъ, не заключается еще ни малѣйшаго оправданія факта, доказательства того, что онъ и *долженъ быть*, не лежитъ ни малѣйшей обязательности. Такъ напримѣръ, изъ тѣхъ фактовъ, что люди *ищутъ* въ дѣйствительности полезнаго и пріятнаго или что борьба за существованіе есть естественный законъ органическаго міра, нельзя безъ кореннаго недоразумѣнія выводить, что люди и *должны* дѣйствовать только ради пользы или удовольствія, должны руководствоваться только задачею борьбы за существованіе или—(какъ Спенсеръ)—задачею увеличенія „и по количеству, и по качеству суммы жизни на земномъ шарѣ". Но, не вытекая изъ дѣйствительности, оправдываясь не ею, а коренными требованіями духа, не только воспринимающаго дѣйствительность, какъ она ему дана, но и *судящаго* о ней, придающаго ей свои опредѣленія доброй или

злой, истинной или ложной, прекрасной или безобразной [1]), *идеалы* должнаго и желательнаго направляютъ такъ или иначе только то, что *есть*, осуществляются только тѣми силами, которыя *суть* идеалы для того, что есть. Знать то, что есть, обязательно поэтому и для ставящаго вопросъ о томъ, что должно быть, хотя области сущаго и должнаго и не тождественны, какъ и относящіеся къ нимъ вопросы—теоретическій и этическій.

И для рѣшенія вопроса: какое значеніе должно придавать въ нашей нравственной и политической жизни началу народности? необходимо предварительно уяснить себѣ вопросъ *чисто-теоретическій*: въ какихъ формахъ, какими характерными чертами дѣйствительной жизни проявляетъ себя это начало и въ наукѣ, и въ искусствѣ, и въ бытѣ, и въ исторіи? какія значенія и вѣсъ оно дѣйствительно имѣетъ и въ личной, и въ общественной жизни нашей, и *почему* оно имѣетъ эти вѣсъ и значеніе? Этотъ теоретическій вопросъ и составляетъ, главнымъ образомъ, задачу моей статьи „Національное самосознаніе и общечеловѣческія задачи“ (отдѣльнымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ „Національность“ и т. д.). Здѣсь, установивъ въ первой главѣ, что національный духъ, дающій общечеловѣческимъ идеаламъ ихъ опредѣленный *строй*, придаетъ имъ черезъ то не только ихъ національную, особую окраску, но и полноту, и опредѣленность формы, и внутреннюю правду, и дѣйствительную силу, и прочность,—я во второй главѣ перехожу къ характеристикѣ *русскаго* національнаго духа. На достоинства и силы этого духа, замѣченныя мною вслѣдъ за нашими славянофилами и родными поэтами, я указываю [2]) также опредѣленно, какъ и на его недостатки и слабости. *Психологическое* значеніе народнаго духа, какъ начала, глубоко и прочно-воспитательнаго, придающаго душевной жизни и опредѣленность, и крѣпость, и страстность, и внутреннюю законченность также какъ и ограждающаго эту жизнь отъ той шаткости, исключительности и неопредѣленности, которыя неизбѣжно сопровождаютъ всякое исключительно-личное и отвлеченно-разсудочное развитіе и творчество, — вынуждаетъ меня къ признанію за національнымъ началомъ *вообще* и высокой моральной цѣнно-

[1]) То, что совершенно лишено духа, чуждо духовности, не можетъ быть ни добрымъ, ни злымъ, ни прекраснымъ, ни безобразнымъ, но признается только полезнымъ или вреднымъ.

[2]) Конечно, съ возможною въ журнальной статьѣ полнотой.

сти, и значенія одного изъ важнѣйшихъ *положительныхъ* руководящихъ началъ жизни. Тѣ же изъ подмѣченныхъ мною чертъ русскаго народнаго характера, которыя представляются мнѣ особенно *высоко цѣнными* въ моральномъ отношеніи и прочнымъ залогомъ сильной и глубокой духовной жизни Россіи, приводятъ меня къ признанію такого же руководящаго значенія для *нашей* жизни и спеціально за *русскимъ* народнымъ духовнымъ строемъ. Признаю это несмотря на его неустрашимые ни въ чемъ земномъ и связанные съ его достоинствами (вѣдь omnis determinatio est negatio!) недостатки. Рѣшая свой теоретическій вопросъ, я прихожу, такимъ образомъ, вслѣдствіе опредѣленной моральной оцѣнки фактовъ, къ конечному заключенію, что русскій народъ всего лучше послужитъ и общечеловѣческимъ задачамъ, оставаясь вѣренъ *своему* духу и характеру, содержащимъ въ себѣ много прекрасныхъ и богатыхъ задатковъ, достойныхъ сохраненія и дальнѣйшаго развитія.

Вл. С. Соловьевъ очень много, гораздо больше меня, занимался „національнымъ вопросомъ". Какъ постановка вопроса, такъ и пріемы его рѣшенія, и самое конечное заключеніе о значеніи въ жизни и дѣятельности человѣчества національнаго начала у него совершенно иныя, чѣмъ у меня. Вопросъ о должномъ и желательномъ въ этой области,—вопросъ моралиста и публициста, почти *исключительно* приковываетъ къ себѣ его вниманіе, отодвигая совершенно на задній планъ теоретическую, то-есть прежде всего *психологическую* сторону вопроса. Сколько либо точно и связно взгляда своего на психологическое значеніе національнаго духа въ личной душевной жизни и ея развитіи онъ не высказалъ ни въ одной изъ посвященныхъ оцѣнкѣ этого духа статей своихъ. Съ точки зрѣнія исключительно своихъ морально-религіозныхъ *идеаловъ*, онъ видитъ въ національности прежде всего начало языческое, обособляющее, исключительное само по себѣ, то-есть пока оно играетъ *руководящую* роль въ жизни людей и народовъ, а не занимаетъ подобающаго ему *служебнаго* положенія относительно задачъ *единаго* вселенскаго человѣчества, *какъ цѣлаго*. Только въ той мѣрѣ, въ какой національность можетъ быть такимъ служебнымъ орудіемъ вселенскихъ задачъ и признаетъ за нею г. Соловьевъ *положительное* значеніе *вообще*. Онъ признаетъ, что усиленіе и развитіе народности (также какъ и личности) въ ея положительномъ содержаніи всегда желательно, тогда какъ

усиленіе и развитіе націонализма (равно какъ и личнаго эгоизма) всегда вредно и пагубно; что отреченіе отъ своего національнаго эгоизма вовсе не есть отрицаніе своей народности, а напротивъ, ея высочайшее утвержденіе. Руководящее значеніе принадлежитъ, по его взгляду, не началу національной самобытности, но началу единаго человѣчества, какъ цѣлаго. Опустивъ здѣсь вовсе, во имя исключительно нравственно-религіозной точки зрѣнія, вопросъ о естественномъ, психическомъ значеніи національнаго духа въ душевной жизни (вопросъ, рѣшеніе котораго можетъ быть заставило бы нѣсколько усумниться и въ самой возможности развитія только *„положительнаго“* (т.-е. только хорошаго его содержанія при отреченіи отъ своей органической полноты и своего „эгоизма“), г. Соловьевъ въ спеціальномъ вопросѣ объ особенностяхъ русскаго народнаго духа останавливается преимущественно на его *отрицательныхъ* сторонахъ, его слабостяхъ и недостаткахъ. Здѣсь онъ, далеко, по нашему мнѣнію, не безпристрастно, старается доказать безплодность этого духа, церковную несамобытность его и малую производительность въ области искусства, науки и философіи. Все это для того дѣлается имъ, чтобы подготовить заключеніе своей книги „Національный вопросъ въ Россіи“ и сказать на 209 стр. ея, что наше самосознаніе должно быть для „зрячаго“ русскаго патріота не сознаніемъ нашихъ силъ и призванія, а сознаніемъ *„о грѣхахъ“* Россіи [1]). Этимъ путемъ г. Соловьевъ подготовляетъ, расчищаетъ нашему сознанію путь къ отреченію отъ своего національнаго „эгоизма и самодовольства“ для служенія вселенской задачѣ „единаго человѣчества, какъ цѣлаго“,—задачѣ самаго *созиданія*, осуществленія этого, еще не существующаго, но тѣмъ болѣе настоятельно требуемаго единства. Въ такомъ служеніи дѣлу объединенія „человѣчества, какъ цѣлаго“, при отреченіи отъ національнаго эгоизма, г. Соловьевъ видитъ, наконецъ, прямое выраженіе той особой *„соціальной любви“*, которую онъ приводитъ въ связь съ любовью христіанской.

При столь серьезномъ и коренномъ различіи нашихъ точекъ зрѣнія, путей изслѣдованія и конечныхъ выводовъ въ вопросѣ

---

[1]) Если г. Соловьевъ *эту*, высказанную въ его книгѣ, мысль признаетъ за только „приписываемую“ ему мною и „неправдоподобную“,— то пусть справится съ 209 стр. своего „Національн. вопр.“, изд. 2-е и прикажетъ ее перепечатать.

о значеніи національнаго начала и его отношенія къ задачѣ „единаго человѣчества, какъ цѣлаго“,—взаимныя недоразумѣнія между нами не только естественны, но и почти неизбѣжны. Крупныя недоразумѣнія со стороны г. Соловьева, доводящія его мѣстами до совершенно извращеннаго толкованія моихъ мыслей и невѣрной ихъ передачи, составляютъ одну часть его статьи „Самосознаніе или самодовольство?“—ученіе о „соціальной любви“, требующей, въ духѣ христіанства, служенія народовъ и лицъ дѣлу „единаго человѣчества, какъ цѣлаго“,—другую положительную ея часть. Въ моей мысли о нравственно и политически *обязательномъ* руководящемъ личною и общественной жизнью значеніи національнаго начала вообще и для насъ русскихъ, какъ оно охарактеризовано мною въ статьѣ „Національное самосознаніе“,—въ особенности,—г. Соловьевъ видитъ выраженіе національизма, національнаго *эгоизма, самодовольства.* Этой мысли, внушенной будто бы узкимъ эгоизмомъ и самодовольствомъ, онъ противопоставляетъ свою идею служенія „единому человѣчеству, какъ цѣлому“ во имя *соціальной любви*, выражающей будто бы любовь христіанскую и требующей самоотреченія, отреченія и отъ своего самодовольства и отъ эгоизма. Существуетъ вообще такая масса недоразумѣній и насчетъ всячески осуждаемаго „эгоизма“, и насчетъ всячески превозносимой соціальной любви, что способствующій къ ихъ разрѣшенію разборъ высказанныхъ мнѣ по поводу того и другаго въ статьѣ „Самосознаніе или самодовольство?“ г. Соловьевымъ замѣчаній уже самъ по себѣ представлялъ бы нѣкоторый интересъ, еслибы даже этотъ разборъ и не служилъ къ выясненію самаго жгучаго и жизненнаго изъ современныхъ общественныхъ и государственныхъ вопросовъ, — вопроса національнаго. На этомъ разборѣ мы и остановимся здѣсь.

II.

Настаивая на различеніи между націонализмомъ, какъ національнымъ, самодовольно обособляющимся отъ вселенскаго человѣчества эгоизмомъ и народностью, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей служащею общему дѣлу человѣчества, какъ цѣлаго, г. Соловьевъ требуетъ отреченія народовъ отъ своего національнаго *эгоизма* только, а не отъ тѣхъ свойствъ и силъ своего духа, которыя могутъ послужить средствами и орудіями

для вселенскаго дѣла. Это различеніе, представляющееся ему вполнѣ убѣдительнымъ и до очевидности яснымъ, постоянно упускается однако изъ виду, по его мнѣнію, его противниками въ „національномъ вопросѣ, какъ напримѣръ Н. Н. Страховъ, И. С. Аксаковъ и я". Въ злополучномъ отождествленіи націонализма и народности „мы-де видимъ незыблемую твердыню патріотическихъ чувствъ и обязанностей". У меня это отождествленіе, какъ утверждаетъ г. Соловьевъ, доходитъ до того, что „г. Астафьевъ думаетъ, что религіозно-нравственный идеалъ русскаго народа ни къ чему, кромѣ національнаго самодовольства, не обязываетъ... онъ обращается къ русскому народу какъ бы съ словами: у тебя высокій идеалъ святости, слѣдовательно ты святъ и можешь съ самодовольнымъ пренебреженіемъ смотрѣть на прочіе народы, какъ евангельскій фарисей на мытаря". Оставляя на отвѣтственности г. Соловьева самыя эти *„какъ бы мои"* слова, которыя однако выражали бы съ моей стороны слишкомъ наивное самоосужденіе, опредѣлю поточнѣе, *что́* именно послужило противнику моему поводомъ къ признанію въ моей мысли выраженія національнаго *самодовольства и эгоизма.* Всѣ возможные къ этому поводы сводятся къ двумъ. Во-первыхъ, говоря о русскомъ народномъ характерѣ, я упоминаю не объ однихъ недостаткахъ и слабостяхъ его, но *преимущественно* о его достоинствахъ. Я съ любовью говорю о тѣхъ симпатичныхъ чертахъ его, которыя составляютъ его духовную силу и которыхъ или вовсе не представляютъ, или представляютъ въ очень слабой степени другіе опредѣленные характеры: — въ этомъ, по мнѣнію г. Соловьева, сказывается не самосознаніе, а *самодовольство.* Во-вторыхъ, найдя въ особенностяхъ русскаго народнаго характера нѣкоторыя высоко-цѣнныя и глубоко-симпатичныя черты, я желаю и сохраненія и дальнѣйшаго развитія этого *нашего* драгоцѣннаго духовнаго достоянія, съ другой стороны—я не только самъ отношусь холодно и даже враждебно къ той задачѣ служенія „объединенію человѣчества, какъ цѣлаго", которую г. Соловьевъ признаетъ вселенскою, видя въ ней „объединеніе всего міра въ одно живое тѣло, въ совершенный организмъ богочеловѣчества" („Націон. вопр.", стр. 32), подготовленіе „пришествія царствія Божія на землѣ" и требованіе „соціальной любви", но и нахожу такое же холодное отношеніе къ этой задачѣ русскаго народнаго духа *похвальнымъ* и свидѣтель-

ствующимъ о его дѣйствительной религіозности и живомъ практическомъ здравомъ смыслѣ:—въ этомъ выражается для г. Соловьева стремленіе къ національному обособленію, мой національный *эгоизмъ*. Охотно признавая въ себѣ и *этотъ* эгоизмъ, націонализмъ, и *это* самодовольство, думаю однако, что осужденіе г. Соловьевымъ того и другаго мотивируется съ его стороны только недоразумѣніями или совершенно призрачными доводами и произвольными теоріями.

Г. Соловьевъ совершенно правъ, считая свое различеніе между личностью и эгоизмомъ, націонализмомъ и народностью настолько простымъ и яснымъ, что нужно удивляться тѣмъ, кто эти понятія смѣшиваетъ. Въ такомъ смѣшеніи, однако, оказываются, къ удивленію, виновны не его противники. Виновенъ въ немъ прежде всего онъ самъ, называя *эгоизмомъ*, то-есть осуждая *всякую любовь къ себѣ*, а *самодовольствомъ—всякое* сознаніе своихъ силъ и способностей.

Не всякая любовь къ себѣ есть эгоизмъ, и не всякая любовь къ себѣ осуждается, но только такая, которая во всемъ окружающемъ видитъ только свое *достояніе* (der Einzige und sein Eigenthum), средство своего удовлетворенія, не признавая за этимъ окружающимъ никакого самостоятельнаго значенія и собственнаго права, не признавая и надъ собою никакого закона и руководства, кромѣ требованій своего личнаго интереса. Сама же по себѣ „любовь къ себѣ не только не составляетъ какого-либо грѣха,—что было бы невѣроятно уже потому, что вся животная жизнь на ней держится (самосохраненіе),—и не исключается возможности любви къ другому и другимъ, но даже составляетъ необходимое *основаніе*, *предисловіе* послѣдней. Это не сомнѣнно психологически: человѣкъ, дѣйствительно лишенный всякой любви къ себѣ, лишенъ возможности и вообще любить кого-либо или что-либо, ибо любовь есть *самое дѣятельно и страстное* изъ всѣхъ чувствъ, а дѣятельность возможна только тамъ, гдѣ есть сознаніе своей силы, вѣра въ нее и стремленіе ее воплотить. Несомнѣнно это и съ точки зрѣнія христіанской морали, въ основѣ которой лежатъ двѣ заповѣди: люби Бога больше, чѣмъ *самого себя*, и люби ближняго, *какъ самого себя*,—заповѣди, не *отрицающія* любви къ себѣ, „но принимающія ее *за критерій* и основаніе“ всякой иной любви. Полное отреченіе отъ себя и съ той и съ другой точки зрѣнія было бы полнымъ отреченіемъ и отъ всякой любви; такъ и въ

психологической области полное уничтоженіе *самочувствія* есть и полное замираніе *всякаго* чувства и сознанія вообще.

Не всякое также сознаніе своихъ силъ и способностей есть самодовольство и не всякое осуждается, но только то, которое дѣлаетъ человѣка слѣпымъ къ силамъ и способностямъ другихъ, ставя его собственныя силы внѣ возможнаго сравненія съ другими, внѣ возможной, слѣдовально, критики и усовершенствованія. Само же по себѣ сознаніе своей силы и вѣра въ нее, какъ необходимое условіе *всякой* энергической и страстной дѣятельности и,—какъ я доказывалъ въ другомъ мѣстѣ,—*всякой любви*[1]), не только не осуждается, но должно быть тщательно уясняемо и развиваемо нами въ себѣ, вовсе не составляя еще самодовольства.

Когда я вхожу на каѳедру, чтобы читать лекцію, а чиновникъ отправляется на исполненіе своей службы, то конечно, если только и онъ и я *добросовѣстны*, оба мы знаемъ и думаемъ, что обладаемъ извѣстнымъ запасомъ нужныхъ для нашего дѣла знаній и силъ. Неужели это *самодовольство*?! И возможна ли, безъ *такого* самодовольства не только болѣе или менѣе напряженная и обдуманная, но и *какая бы то ни было* дѣятельность и дѣятельная любовь? Поэтому-то всякій педагогъ и публицистъ, заботясь о развитіи въ своей аудиторіи самосознанія, долженъ развивать его не только въ смыслѣ сознанія слабостей, грѣховъ и пороковъ своихъ слушателей, но и сознанія чаще ихъ силъ и достоинствъ. Онъ обязанъ изыскивать пути для проявленія послѣднихъ и всячески вызывая ихъ наружу: иначе его дѣятельность будетъ только *растлѣвающая* и мертвящая дѣятельность! Напрасно утверждаетъ г. Соловьевъ, будто „съ точки зрѣнія практической мудрости гораздо лучше предоставить другимъ признавать наши доблести и заслуги, а самимъ побольше заботиться объ исправленіи своихъ недостатковъ“. Этотъ совѣтъ, дѣйствительно, часто раздающійся изъ устъ елейныхъ, лицемѣрныхъ и довольныхъ своимъ ничтожествомъ или ищущихъ ему оправданія филистеровъ и другихъ „моралистовъ“ *того же* калибра, очень удивляетъ насъ въ устахъ г. Соловьева. Преднамѣренно закрывать глаза на свои силы, игнорировать ихъ практически можетъ быть только *вредно*. Но оно и едва-ли особенно умно: вѣдь еслибы послѣдовать этому совѣту, то

[1]) Въ брошюрѣ „Чувство, какъ нравственное начало“ М. 1886 г., спеціально трактующей о чувствѣ любви (психологически и этически).

вышло бы, что всѣ одновременно и съ *равнымъ* правомъ другъ друга, то-есть, *всѣхъ* хвалятъ, и всѣ сами себя, то-есть, опять *всѣхъ*,—порицаютъ. Получилось бы два равноправныя и взаимно-исключающія утвержденія, которыя пришлось бы или оба отринуть, или, сохранивъ оба, не сознаться въ никому ненужномъ *лицемѣріи*. Не выручаетъ здѣсь г. Соловьева и то его соображеніе, будто „по духу русскаго языка слово *сознаніе* связано съ мыслію объ отрицательномъ отношеніи къ себѣ, о самоосужденіи". Вѣдь и слову „художество" въ народной рѣчи придается смыслъ „виртуозность въ худыхъ дѣлахъ"; но не значитъ же это, чтобы у русскаго человѣка не было художественнаго вкуса, способности и т. п.!? Прежде чѣмъ стать сужденіемъ и *осужденіемъ* какого-либо факта, сознаніе есть его воспріятіе и *констатированіе*, утвержденіе (апперцепція). Ясно оно, не болѣзненно и полно только тогда, когда въ воспринятомъ фактѣ внѣшняго или внутренняго міра видитъ не однѣ отрицательныя, но и наличныя *положительныя* стороны. Такое *здоровое*, ясное и полное сознаніе и самосознаніе столь же далеки отъ „самодовольства", какъ и простая, естественная любовь къ себѣ—отъ „эгоизма".

Смѣшеніе Вл. С. Соловьевымъ здоровой любви къ себѣ съ эгоизмомъ и здороваго самосознанія съ самодовольствомъ, происходящее изъ односторонняго преувеличенія имъ нѣкоторыхъ нравственно-религіозныхъ требованій (смиренія, самоотреченія и т. п.), особенно ярко сказывается въ той части его статьи, которая посвящена критикѣ моей характеристики русскаго народнаго духа. Этотъ духъ я характеризую такъ: „глубина, многосторонность, энергичная подвижность и теплота *внутренней жизни и ея интересовъ*, рядомъ съ неспособностью и несклонностью ко всякимъ задачамъ *внѣшней организаціи*, внѣшняго упорядоченія жизни и—соотвѣтствующимъ равнодушіемъ къ внѣшнимъ *формамъ*, *внѣшнимъ благамъ и результатамъ* своей жизни и дѣятельности. *Душа выше и дороже всего: ея спасеніе*, полнота, цѣльность и глубина ея внутренняго міра прежде всего, а все прочее несущественно само приложится". Г. Соловьевъ *въ сущности согласенъ* съ этою характеристикой, но въ то же время, видя самодовольство и эгоизмъ во всякомъ настоятельномъ оттѣненіи какой-либо *положительной* черты, составляющей особенность русскаго характера, ожесточенно противъ ея *положительнаго итога полемизируетъ*. Онъ признаетъ и „мягкость, и подвижность нашего народнаго ха-

рактера, многогранность русскаго ума, воспріимчивость и терпимость русскаго чувства" („Нац. вопр." стр. 106), и живой практическій и историческій смыслъ русскаго народа, и его религіозное настроеніе, и его идеалъ святости, также какъ и связанныя съ *преобладаніемъ* этихъ мотивовъ душевной жизни, отчужденность отъ задачъ собственно политики („Нац. вопр.", страницы 107 и 108), строй жизни, основанный на взаимномъ довѣріи (начало нравственное), а не гарантіяхъ (юридико-политическое) и т. п. Признаетъ онъ и „до нѣкоторой степени справедливымъ, что западные народы сравнительно болѣе обращаютъ вниманіе на средства исторической жизни, теряяиногда изъ вида ея высшую цѣль" и отличаются стараніемъ объ организаціи общественныхъ формъ. И *оцѣниваетъ* эти различныя стремленія г. Соловьевъ также, какъ и я, ставя спасеніе души, какъ цѣль, *выше* заботы объ организаціи формъ жизни, какъ средствъ, признавая, что, конечно, моральность *выше* формальной легальности и т. п. И все это не мѣшаетъ ему, однако, спорить съ моей *положительной* оцѣнкой русскаго народнаго характера, представляющаго именно преобладаніе этихъ *высшихъ*, по его же признанію, стремленій, надъ низшими, юридико-политическими. Почву для отрицанія моей положительной оцѣнки онъ находитъ въ томъ, что высокое развитіе однихъ сторонъ и стремленій русскаго духа естественно связано съ слабымъ развитіемъ другихъ (напр., высокая моральность и слабая легальность), его способности и силы связаны съ соотвѣтствующими слабостями и недостатками. Моралистъ требуетъ здѣсь безусловнаго исправленія всякихъ слабостей и недостатковъ, полнаго отсутствія ихъ и *сплошнаго* развитія въ какомъ-либо характерѣ, для его положительной оцѣнки, *однихъ* достоинствъ и добродѣтелей. Почтенный философъ забываетъ здѣсь, однако, что въ нашемъ земномъ, временнопространственномъ мірѣ, гдѣ omnis determinatio est negatio, не бываетъ свѣта безъ отражающаго лучи непрозрачнаго предмета и тѣни. Въ этомъ мірѣ нельзя чему-нибудь быть и круглымъ и квадратнымъ, и тяжелымъ и невѣсомымъ вмѣстѣ. Невольно напрашивается здѣсь на напоминаніе нашему моралисту, забывающему дѣйствительность, ироническій совѣтъ Мефистофеля Фаусту:

Условьтеся съ романтикомъ-поэтомъ;
Пускай для образца создастъ вамъ идеалъ:

Чтобъ безъ труда и размышленья
Умѣлъ онъ все на свѣтѣ постигать,
Съ правдивостью умѣлъ коварство сочетать,
Съ горячею душой—холодное терпѣнье,
Съ разсудкомъ пылкую соединялъ мечту,
Со львиной силою оленя быстроту,
Ну, словомъ, чтобъ его творенье,
Какъ въ фокусѣ, въ себѣ вмѣщало все.

Въ сравненіи съ подобнымъ, *все* въ себѣ вмѣщающимъ идеаломъ, ни одинъ живой характеръ,—личный ли, народный ли,—не окажется безупречнымъ, ибо всѣ они будутъ неизбѣжно, какъ характеры, *односторонни. За то и воплощеніе этого всесторонняго идеала будетъ вполнѣ безхарактерно; чуждое односторонности, сосредоточенія своихъ силъ и стремленій въ одномъ направленіи, но разбрасываясь во всѣхъ, оно будетъ, и безлично, и безцвѣтно, и безстрастно, и безсильно.* Поэтому, опредѣляя какой-нибудь характеръ,—личный или народный, психологъ неизбѣжно вынужденъ искать, въ совокупности принадлежащихъ ему общихъ душевныхъ свойствъ, присущихъ только въ разной степени всякому характеру и лицу, какой-нибудь *особенной* ихъ комбинаціи, группировкѣ, зависящей отъ *преимущественнаго* развитія однихъ изъ этихъ свойствъ въ ущербъ развитію другихъ,—ищетъ *односторонняго преобладанія* однихъ надъ другими. Если онъ такой *особенности* въ комбинаціи общихъ свойствъ, такой *односторонности* въ душевномъ развитіи не нашелъ, то не нашелъ и опредѣленнаго характера, но имѣетъ передъ собою нѣчто безцвѣтное, безхарактерное, общечеловѣчное только. Такой особенности, такого преобладанія однѣхъ силъ и стремленій надъ другими, долженъ былъ искать и я, заговоривъ о *характерѣ* разныхъ историческихъ народовъ. Указаніями моими на эти, создающія опредѣленные характеры, *особенности и односторонности* и недоволенъ г. Соловьевъ, имѣющій въ виду одно воплощеніе *общечеловѣческаго*, безхарактернаго идеала, чуждаго односторонности, но лишеннаго и сосредоточенной силы, и страсти. Всякая особенность, всякая односторонность, уже какъ такія, ему ненавистны, что заставляетъ его быть даже крайне несправедливымъ въ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ указанныхъ мною и несомнѣнныхъ особенностей духовнаго строя русскаго народа.

Особенно рѣзко сказывается такая несправедливость въ оцѣнкѣ г. Соловьевымъ характеризующихъ нашъ народъ, по моему мнѣнію, во-первыхъ, малой *юридичности* его при преобла-

дающей моральной оцѣнкѣ указанныхъ явленій и моральномъ интересѣ, и во-вторыхъ, его малой способности и склонности къ задачамъ *политики*, къ организаціи внѣшнихъ формъ жизни. Характеризуя русскій народъ въ первомъ отношеніи, я говорю: „понятіе *долга*, безусловнаго предписанія совѣсти, исполненіе котораго требуется независимо отъ какихъ-либо сопряженныхъ съ нимъ положительныхъ выгодъ и положительныхъ же обязательствъ, для него безконечно священнѣе юридическихъ понятій права и обязанности, состоящихъ между собою въ отношеніи ариѳметическаго равенства (такъ что безъ равносильныхъ правъ нѣтъ и обязанностей) [1]. И видя *грѣхъ* въ нарушеніи долга, онъ и сравнительно легко уступаетъ свое право и не рѣдко легкомысленно, безъ тяжелой внутренней борьбы, уклоняется отъ своей обязанности". Съ этимъ преобладаніемъ интереса моральнаго надъ юридическимъ я связываю и нѣкоторые наши *недостатки* съ вытекающими изъ нихъ житейскими неудобствами и неустройствами (безпорядочность, халатность, неряшливость въ исполненіи житейскихъ *обязанностей*). Я *мирюсь* съ этими недостатками (признаваемыми мною, однако, за недостатки и такъ и называемыми) во имя преобладанія *высшаго* начала, моральнаго, надъ требованіями низшаго, юридическаго, хотя осуществленіе послѣднихъ приводитъ къ благоустройству и правильному ходу жизни. Все это представляется г. Соловьеву очень *страннымъ*.

Что же именно „странно" ему въ изложенномъ? *Различеніе ли* понятій безусловнаго моральнаго долга и условной юридической обязанности? Едва-ли, ибо г. Соловьеву, такъ много нѣкогда занимавшемуся философіею, *не можетъ быть неизвѣстно* это различеніе, обязательное во всякой системѣ этики, *не отрицающей* вовсе понятія безусловнаго долга, а не отрицаетъ его, полагаемъ, и г. Соловьевъ! То ли обстоятельство, что я, вмѣстѣ съ русскимъ народомъ, ставлю долгъ выше обязанности, моральность выше юридической легальности? Опять невѣроятно, ибо и г. Соловьевъ дѣлаетъ то же и даже полагаетъ, что даже всякій „западный буржуа" ставитъ моральность выше легальности. Въ этомъ онъ, я думаю, однако, очень заблуждается, такъ какъ очень сомнительно, чтобы идея безусловнаго *долга*, отрицаемая самыми авторитетными западными философскими системами (Шопенгауэръ, эволюціонизмъ, утилитаризмъ) со-

[1]) „Нѣтъ правъ безъ обязанностей и обратно"—одна изъ аксіомъ юридической науки.

временности, имѣла особенно много горячихъ поклонниковъ въ средѣ именно современной западной *буржуазіи!* То ли, наконецъ, что я *мирюсь* съ слабостью нашего юридическаго интереса во имя силы интереса моральнаго, тогда какъ г. Соловьеву хотѣлось бы, чтобы мы *выше всего* ставили и моральность и легальность одновременно, *вмѣстѣ?* Повидимому такъ; но здѣсь г. Соловьевъ ужь *положительно* ошибается. Нельзя одновременно *выше всего* ставить и долгъ и обязанность, *и* мораль *и* право,—уже потому, что между ними *очень часто происходятъ столкновенія, коллизіи.* Этихъ коллизій между ними и *не можетъ не быть* до тѣхъ поръ, пока начало морали, законъ совѣсти, безусловно; право же, какъ вытекающее изъ „взаимоограниченія свободъ", по существу своему условно, пока мораль по существу своему неутилитарна, а право утилитарно, пока въ морали осуществляется личная любовь, а въ правѣ—безличная, уравнительная справедливость и т. д. Еслибы этихъ принципіальныхъ различій (не въ *степени* только, а въ самомъ *существѣ*) между моралью и правомъ не было, то не было бы и коллизій между ними, но не было бы и права *рядомъ* съ моралью, а въ жизни всецѣло царило бы *одно* изъ двухъ. Прудонъ все свое ученіе строитъ на этихъ столкновеніяхъ, на борьбѣ между „justice" и „idéal". И не находитъ ли г. Соловьевъ самъ напр. *немножко безнравственною* фразу, читаемую на первой же страницѣ юридическаго корана, Corpus juris: jus civile scriptum est pro vigilantibus (въ вольномъ переводѣ: на то щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ). Не кажется ли ему даже очень безнравственною, конечно, не безъизвѣстная ему теорія, созданная однимъ изъ знаменитѣйшихъ германскихъ ученыхъ юристовъ нашего времени, по которой *„право развивается путемъ обхода законовъ?"* Не кажется ли ему знаменательнымъ и то обстоятельство, что на Западѣ, гдѣ въ настоящее время почти исключительно господствуютъ и разрабатываются *такія,* отрицающія идею долга, этическія системы, какъ утилитаризмъ и эволюціонизмъ,—на томъ же Западѣ съ несомнѣннымъ *успѣхомъ* развиваются и утилитарное по своимъ цѣлямъ право и науки чисто-юридическія? Не явствуетъ ли изъ всего этого, что между моральностью и легальностью *дѣйствительно* приходится нерѣдко *выбирать,* по необходимости поступаясь однимъ во имя другаго? И выборъ этотъ разными народами *сдѣланъ* уже довольно явственно: русскій народъ *сохранилъ* идею долга и выбралъ моральность, Западъ *утратилъ*

идею долга и живетъ преимущественно интересомъ права [1]). Въ *общемъ*, по крайней мѣрѣ, это несомнѣнно (а вѣдь всякая характеристика *народовъ* и можетъ говорить, что-либо утверждать только въ общемъ); и со стороны каждаго, признающаго идею безусловнаго долга сочувствія *долженъ* ожидать выборъ, сдѣланный именно не Западомъ, а русскимъ народомъ, порядокъ и строй жизни моральный, основанный на довѣріи, личной совѣсти, а не правовой, основанный на формальныхъ и общихъ гарантіяхъ. Здѣсь—логическая и нравственная необходимость, но нѣтъ ничего *страннаго*, нѣтъ и никакого *презрѣнія* къ праву [2]), въ которомъ меня г. Соловьевъ укоряетъ. Нѣтъ и серьезнаго *повода* обращаться ко мнѣ, какъ дѣлаетъ г. Соловьевъ, съ изумительнымъ вопросомъ: неужели я нечестность отношу тоже къ „моральности?"

Ту же ошибку, какъ въ настоящемъ случаѣ,—т. е. упущеніе изъ виду того обстоятельства, что *всякая* характеристика вообще указываетъ въ своемъ предметѣ только *преобладающе*, односторонне развитыя стороны, а характеристика *народовъ* можетъ вдобавокъ утверждать такое преобладаніе какой-либо стороны только *въ общемъ*,—повторяетъ г. Соловьевъ и въ другихъ частяхъ своей черезъ-чуръ страстной полемики противъ представленныхъ мною въ статьѣ „Національное самосознаніе" характеристикъ разныхъ народовъ. Эту полемику г. Соловьевъ сопровождаетъ такимъ резюмирующимъ замѣчаніемъ: „Огульно обвинять ветхо-завѣтныхъ евреевъ въ полномъ незнаніи совѣсти, а романо-германцевъ въ стремленіи *всегда* замѣнять совѣсть формальнымъ закономъ, мы можемъ только при нѣкоторомъ „легкомысленномъ уклоненіи отъ своей обязанности", именно отъ первой обязанности: быть справедливымъ къ своимъ ближнимъ. Рѣшительно не признаемъ за „обязанность", да еще первую обязанность, „быть справедливымъ къ своимъ ближнимъ",—возвѣщаемую намъ обязанность *забыть или не знать* такія несомнѣнныя истины и общественные факты, какъ напр., что еврейская религія (а на ней *исключительно* построенъ и *весь* еврейскій бытъ) противополагается христіанству именно какъ религія положительнаго

---

[1]) Здѣсь идетъ, очевидно, рѣчь не объ исключеніи и *отрицаніи* одного во имя другаго, права во имя морали и обратно, но о *преобладаніи* одного надъ другимъ.

[2]) Неужели признавая, что симфонія выше оперы, а драма выше романа, я этимъ высказываю *презрѣніе* къ оперѣ и роману?!

закона—религіи *совѣсти*, любви; что мораль неутилитарна, и *право утилитарно* и, по существу своему, близко утилитарному по природѣ классу, буржуазіи; *существенно — буржуазно*; что буржуазіи и политиканства въ Россіи *нѣтъ*, а на Западѣ *очень много*; что въ дѣлѣ умственнаго образованія *мы гораздо универсальнѣе* нашихъ западныхъ сосѣдей; что романскіе народы суть представители преимущественно *юридико-политическихъ* организаторскихъ стремленій (что признаетъ справедливымъ и г. Соловьевъ), а семитическіе народы отличаются *утилитаризмомъ* во всемъ, даже въ религіи (напр. евреи) и т. п. Предоставляемъ эту странную „обязанность“ *забывать и игнорировать* разныя важныя вещи желающимъ, сами же отъ нея вполнѣ сознательно „уклоняемся“.

III.

Но въ своей враждѣ ко всякой характерной особенности и слѣдовательно односторонности въ духовномъ строѣ отдѣльныхъ народовъ г. Соловьевъ опирается не на одинъ предносящійся ему, какъ исключительно моралисту, идеалъ чуждой всякой односторонности и все въ себѣ объединяющей (но по нашему разумѣнію именно вслѣдствіе того и безхарактерной, и безсильной, и безцвѣтной) общечеловѣчности, а и на особое ученіе о *соціальной любви*. Эта любовь будто-бы вытекаетъ изъ любви христіанской и требуетъ отъ людей и народовъ служенія дѣлу *единаго человѣчества, какъ цѣлаго*.

Обосновываетъ свое ученіе о „соціальной любви“ г. Соловьевъ слѣдующимъ образомъ: „По русскому понятію, которое должно быть прежде всего христіанскимъ, спасеніе души зависитъ не отъ отвлеченнаго созерцанія, а отъ дѣятельной любви и при томъ ко *всѣмъ*, ибо по Евангелію, всѣ люди суть наши ближніе. Дѣйствительная любовь ко всѣмъ требуетъ, чтобы мы дѣлали всѣмъ добро, то-есть работали для общаго блага всего человѣчества, какъ цѣлаго [1]). Это есть любовь

---

[1]) Просимъ читателя обратить вниманіе на это „*общее благо* человѣчества, *какъ цѣлаго*“, на которое мы, признаемся, много разъ перечитавъ Евангеліе *ни одного* въ немъ намека не встрѣтили, какъ не встрѣтили и чего-либо, оправдывающаго отождествленіе „любви къ ближнему“ съ любовью къ „человѣчеству, *какъ цѣлому*“,—оправдывающаго унитарныя стремленія г. Соловьева.

объективная и соціальная, которою, конечно, не упраздняется, а восполняется и совершенствуется любовь, какъ субъективное и индивидуальное чувство. Чувствовать ко всѣмъ любовь и благотворить всѣмъ *по одиночкѣ* ни у кого нѣтъ возможности въ условіяхъ земной жизни. Но существуютъ и всегда существовали болѣе или менѣе обширныя соціальныя группы, солидарныя въ своихъ интересахъ, и служа этимъ общимъ интересамъ, каждый человѣкъ можетъ дѣлать добро заразъ всѣмъ членамъ данной группы". Служеніе общимъ интересамъ этихъ группъ и осуществляетъ „соціальную любовь", а „заботы о наилучшемъ устроеніи общественныхъ формъ доказываютъ прежде всего дѣятельную любовь къ людямъ" и патріотизмъ, какъ одинъ изъ видовъ „соціальной любви", обязываетъ насъ стараться о томъ, чтобы учрежденія и законы, въ которыхъ воплощается и черезъ которые дѣйствуетъ національное единство и цѣлость, были *какъ можно лучше*". Но что народность въ формѣ національнаго государства есть крайнее, высшее выраженіе соціальнаго единства, это никогда не было и не можетъ быть доказано по совершенной произвольности такой мысли. Высшая группа, служеніе которой и требуется „соціальною любовью", выражающею будто бы любовь христіанскую, есть „единое человѣчество, какъ цѣлое", и „тотъ фактъ, что единство человѣчества не имѣетъ явнаго, ощутительнаго выраженія, что человѣчество является раздѣленнымъ, казалось бы, долженъ только побуждать къ болѣе живому и энергическому стремленію дать человѣчеству то, чего ему недостаетъ, т. е. *единство*. Служить *созиданію* этого единства", объединенію всего міра въ одно живое тѣло, въ совершенный организмъ богочеловѣчества („Націон. вопр." стр. 32), отрекаясь отъ „національнаго эгоизма" и „приготовляя пришествіе царствія Божія для всего человѣчества, какъ цѣлаго (l. c. 1),—вотъ высшая задача, по мнѣнію г. Соловьева, и достойнѣйшее выраженіе „соціальной" и христіанской любви. Доказываютъ это, по его мнѣнію, и провозвѣстники полной истины, апостолы и отцы церкви, которые „не задавались никакими особыми національными задачами, а всецѣло посвящали себя такому дѣлу, въ которомъ всѣ народы безусловно солидарны между собою".

Что апостолы и отцы церкви дѣйствительно не задавались никакими національными задачами, а служили такому дѣлу, въ которомъ всѣ народы безусловно солидарны,—это вполнѣ несомнѣнно. *Но столь же несомнѣнно и то, что дѣлали они это*

вовсе не во имя „соціальной любви“ и „блага единаго человѣчества, какъ цѣлаго“, а во имя любви къ Христу и любви къ возвѣщенной Имъ божественной истинѣ.

Любовь есть *чувство личное и направленное на лица или личную задачу дѣятельности* (искусство, наука и т. д.), но никогда не на „учрежденія“ или „интересы“. Любовь къ ближнему, предписанная Христомъ, есть только любовь ко *всякому* ближнему, и только въ этомъ смыслѣ — любовь ко *всѣмъ* ближнимъ, но отнюдь не любовь къ „единому человѣчеству, какъ цѣлому“, котораго никто еще не знаетъ (ибо его *еще нѣтъ*), а потому и любить *не можетъ*, и о которомъ Христосъ ничего не говоритъ. Любовь должна быть дѣятельна, а такъ какъ она не можетъ быть дѣятельна по отношенію ко *всякому* отдѣльному лицу изъ моихъ ближнихъ, то она, заключаетъ г. Соловьевъ, какъ „соціальная любовь“, должна выражаться въ дѣятельности, служащей *интересамъ* разныхъ, болѣе и болѣе обширныхъ соціальныхъ группъ и въ устроеніи *общественныхъ формъ учрежденій*. Что любовь есть не только дѣятельное чувство, но даже и *самое* дѣятельное изо всѣхъ и страстное изо всѣхъ чувствъ,—это я несомнѣнно знаю, ибо именно доказательству этого положенія посвятилъ спеціальную, небольшую, но представляющую нѣкоторый интересъ для научной психологіи чувства вообще и чувства любви въ особенности брошюру „Чувство, какъ нравственное начало“. Въ ней я именно изъ *дѣятельности* и страстнаго характера любви вывожу возможность любви христіанской, любви къ ближнему (всякому и всѣмъ) и вмѣстѣ *невозможность любви къ человѣчеству, какъ цѣлому*[1]). Но, совершенно правый въ томъ, что любовь *всегда* дѣятельна и требуетъ дѣятельности, г. Соловьевъ глубоко ошибается, видя любовь во *всякой дѣятельности*, служащей прямо или косвенно *интересамъ* разныхъ соціальныхъ группъ или устроенію общественныхъ формъ. Любовь *не можетъ быть* недѣятельною; но дѣятельность очень *можетъ быть* и весьма энергичною, и умною *безъ* всякой любви. Г. Соловьевъ долженъ бы замѣтить, что и Апостолъ не всякое *доброе* (служащее какимъ-либо интересамъ) *дѣло* признаетъ дѣломъ *живой любви*, и что множество добрыхъ, служащихъ тѣмъ или другимъ общимъ интересамъ дѣлъ, совершаемыхъ *безъ*

---

[1]) Г. Соловьеву этотъ мой трудъ повидимому неизвѣстенъ, иначе онъ не старался бы *мнѣ* доказывать многое такое, что я *самъ* когда-то, (съ достаточной правда ученой обстановкой, но не какъ публицистъ) серьезно доказывалъ.

всякой любви, безъ всякаго личнаго любовнаго чувства, могутъ имѣть и общественное и политическое значеніе, не имѣя значенія ни моральнаго, ни религіознаго именно потому, что *любви въ нихъ нѣтъ* (таковы дѣла многихъ напр. филантропическихъ обществъ нашихъ). Много ли *любви въ человѣчеству*, какъ цѣлому, признаемъ мы напр. въ лихорадочной дѣятельности кандидата въ члены парламента во время выборной агитаціи? или въ нашихъ земцахъ? или въ членахъ оживленнаго собранія какого-нибудь „Общества взаимнаго кредита"? А вѣдь все это дѣятельность на пользу болѣе или менѣе обширной соціальной группы, учрежденія, слѣдовательно доказывающая, по мнѣнію г. Соловьева, „соціальную любовь", а потому и „любовь христіанскую"!! Въ наше время на лицо уже такой легіонъ безличныхъ и безъименныхъ представителей ученія „соціальной любви" въ лагерѣ эволюціонистской дешевой морали съ ея теоріей „альтруистическихъ чувствъ", что нельзя не пожалѣть о томъ, что къ этому „сѣренькому" легіону желаетъ, въ данномъ вопросѣ, примкнуть и Вл. С. Соловьевъ!

Если не всякое *дѣло* и не всякое устроеніе общественныхъ формъ и учрежденій и вытекаютъ изъ любви и свидѣтельствуютъ о любви, то не только „соціальная любовь" является чѣмъ-то весьма двусмысленнымъ, но и „любовь къ единому человѣчеству, какъ цѣлому" — является невозможностью. Человѣчество, *какъ единое цѣлое*, не можетъ быть, какъ я доказывалъ въ монографіи „Чувство, какъ нравственное начало", тѣмъ *объектомъ личнаго* чувства любви (безъ котораго чувство и самое доброе дѣло *мертво*), какимъ можетъ быть всякій изъ моихъ ближнихъ (а слѣдовательно, и всѣ они). Но и энергичная дѣятельность во имя этого неопредѣленнаго, безхарактернаго и не существующаго цѣлаго, сама по себѣ невозможна и никогда не замѣнитъ дѣятельности *ради Христа*, отнюдь единаго человѣчества, какъ цѣлаго, въ виду не имѣющей. Любовь есть или *личное чувство*, или она есть *ничто* и для религіи, и для морали, и для психологіи. А такимъ *ничто* и является именно „соціальная любовь", въ формѣ любви къ „человѣчеству, какъ цѣлому", не существующему и даже *непредставляемому* никакъ (ср. „Чувство, какъ нравственное начало", стр. 75—82). Совершенно въ иномъ положеніи къ чувству *любви* находится народность, могущая быть и объектомъ *личнаго чувства* любви, и объектомъ личной *любовной дѣятельности*, ибо она и *есть* въ дѣйствительности, а не только „сочиняется",— sit

venia verbo,—и ея единство и цѣлость проявляются *вполнѣ реально, положительно и неизбѣжно* (общая исторія, опредѣленный бытъ, вѣрованія, задачи и языкъ [1]).

Во имя чего же, въ виду всего сказаннаго, должны мы отрекаться отъ своихъ *положительныхъ, данныхъ* намъ и ставящихъ намъ свои задачи, національныхъ особенностей и заботиться о созиданіи единства *человѣчества, какъ цѣлаго*, не существующаго въ дѣйствительности, но составляющаго идеалъ Вл. С. Соловьева?!

Во имя закрѣпленія и выраженія *въ учрежденіяхъ* и точныхъ формахъ общаго всѣмъ народамъ содержанія ихъ *духа*, общихъ ихъ вѣрованій, главнымъ образомъ, религіозныхъ? На это стремленіе создавать *земную* организацію „царству не отъ міра сего", духовному содержанію человѣка,—есть совершенно подавляющее историческое *предостереженіе*, очень ярко и умѣло, при всей сжатости, описанное А. А. Кирѣевымъ въ его брошюрѣ „Національность, какъ основа порядка". Въ древности государство, внѣшняя организація вполнѣ поглощали духовную личность, бывшую совершенно сама по себѣ безправной. Христіанство эмансипировало духовную личность, показавъ ея высшее, чѣмъ какая бы то ни была организація, самостоятельное значеніе. „Христосъ училъ подчиняться властямъ предержащимъ, Онъ повторялъ, что царство Его не отъ міра сего, но именно тѣмъ, что Онъ указывалъ на другое, высшее царство, на другіе (не политическіе) идеалы, Онъ и сокрушилъ царство отъ міра сего" (l. c. 17—18), эмансипировавъ отъ деспотіи *учрежденій* (вполнѣ *правовыхъ*) *духовную личность*. Папство, затѣмъ, захотѣло организовать, *матерьялизовать* въ учрежденіяхъ это торжество эмансипированной духовной личности, но и достигло—только *матерьялизаціи* этой эмансипированной духовной личности, организаціи эмансипированнаго *себялюбія и интереса*. А вѣдь и оно хотѣло организовать „царство Божіе!!"

Во имя ли моральныхъ требованій смиренія и самоотреченія, отреченія отъ всякаго *узкаго* эгоизма и самодовольства, ради служенія *великому* общему дѣлу? Но *гдѣ* болѣе смиренія и са-

---

[1]) Языкъ есть не только *форма выраженія* готовой мысли, но и производящій факторъ въ ея образованіи, какъ и математическое *построеніе* (геометрическое и алгебраическое) не только *выражаетъ* готовое математическое понятіе, но и участвуетъ въ его созиданіи. Безъ такого значенія языка для самаго *образованія* мысли, вся ученая филологія была бы лишена серьезнаго значенія и интереса.

моотреченія: въ служеніи ли той задачѣ, которая обозначена для меня ясно и точно *положительными* фактами моего рожденія, положенія, пола и т. п., или въ служеніи задачѣ, мною самимъ, независимо отъ положительныхъ требованій жизни, или и наперекоръ имъ *избранной и опредѣленной?* Думаю, что въ первомъ родѣ служенія. Думаю, что чуждъ христіанскаго смиренія, но гордъ и самодоволенъ тотъ, кто отрекается отъ своего прошлаго, отъ своего рода и имени, каковы бы они ни были, кто презираетъ свое положеніе и данное ему судьбою хотя бы и маленькое дѣло, жертвуя всѣмъ этимъ *лично* имъ излюбленному и лично имъ *опредѣленному*, созданному идеалу болѣе высокаго дѣла, положенія, имени. Вся древняя греческая мораль въ основѣ своей имѣла заповѣдь: τὰ αὑτὰ πράττειν, т. е. „каждый дѣлай свое". И въ этой мудрой заповѣди, думается намъ, гораздо болѣе христіанскаго смиренія и гораздо менѣе эгоизма и заносчиваго самодовольства, чѣмъ въ „*филантропическомъ*" презрѣніи къ *своему* родному, сравнительно маленькому, дѣлу, во имя задачи „объединенія человѣчества, какъ цѣлаго", самозваннаго подготовленія „пришествія царствія Божія" и т. п.! Это мнѣ представляется совершенно яснымъ.

Кончу словами самого Вл. С. Соловьева: „только „вѣрный въ маломъ" „поставляется во многомъ": плодотворное служеніе высокимъ историческимъ задачамъ возможно только при добросовѣстномъ отношеніи къ ближайшимъ обязанностямъ".

П. АСТАФЬЕВЪ.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ.

Русской.

I.

Вс. Вл. Крестовскій. „Тьма Египетская". „Тамара Бендавидъ". Ром. Петербургъ 1889 и 1890 гг.

Вышли и съ успѣхомъ расходятся отдѣльнымъ изданіемъ замѣчательныя книги, заглавія которыхъ нами выписаны выше; вѣроятно много уже лицъ, интересующихся выдающимися явленіями въ области нашей словесности, успѣли съ ними познакомиться. Романъ „Тьма Египетская" и продолженіе его „Тамара Бендавидъ" печатались въ нашемъ журналѣ и тогда уже обращали на себя вниманіе, независимо отъ интереса фабулы и талантливости изложенія, еще замѣчательно вѣрнымъ изображеніемъ современной еврейской жизни въ предѣлахъ Россіи, изображеніемъ, которому по полнотѣ и точности подробностей по данному предмету рѣшительно нѣтъ ничего равнаго не только въ русской, но и въ иностранной беллетристикѣ. Несмотря на все это, или, вѣрнѣе, быть можетъ благодаря всему этому, въ теченіе цѣлаго года не появилось о новомъ произведеніи г. Крестовскаго ни одного отзыва; выражаясь жаргономъ шестидесятыхъ годовъ, мы сказали бы, что эта книга принадлежитъ къ числу явленій, пропущенныхъ нашей критикой, еслибы самое это слово не истрепалось порядочно, и еслибы дѣйствительно можно было принимать за отзывы кружковыя, партійныя рецензіи, появляющіяся время отъ времени въ нашей журналистикѣ. Систематически и пространно докладывая „своей" публикѣ о всякомъ малѣйшемъ и ничтожнѣйшемъ произведеніи „своихъ" писателей, о каждомъ „очеркѣ", „эскизѣ"

и „этюдѣ“, либеральные обозрѣватели конечно не могли не замѣтить и новаго романа г. Крестовскаго; восхваляя „реализмъ“ „молодыхъ писателей, подающихъ надежды“, они конечно могли бы оцѣнить по достоинству и широкій реализмъ названнаго романа, реализмъ, чуждый сантиментальничанья съ одной стороны и искаженій и преувеличеній съ другой. Наконецъ даже литературные враги г. Крестовскаго не могутъ отрицать талантливость новаго произведенія автора „*Кроваваго пуфа*“, романа, который въ свое время рѣшили также „замолчать“. Это пріемъ не новый и практикующійся уже давно... Можно подумать, что мы до того пресыщены обиліемъ талантовъ, что явленіе, которое бы обратило на себя вниманіе во всякой литературѣ, для насъ ничего не стоитъ. Но гдѣ же это обиліе и гдѣ они, эти многочисленные таланты?

Что касается журналовъ другаго толка, то, собственно говоря, еслибы въ нихъ и могли появиться сочувственныя г. Крестовскому статьи, то это могло бы ввести даже въ смущеніе многочисленныхъ почитателей его таланта и заставить ихъ думать, не пошелъ ли этотъ талантъ по ложной дорогѣ.

Такъ какъ оба романа печатались раньше въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и читатели нашего журнала уже съ этими романами ознакомились, мы не считали удобнымъ дать въ то время отзывы объ нихъ. Въ виду же того, что новые подписчики „Русскаго Вѣстника“ не имѣли возможности ихъ прочесть, мы рѣшили помѣстить настоящую замѣтку. Лица, прочитавшіе романъ г. Крестовскаго, могутъ увидѣть, что нашъ отзывъ безпристрастенъ.

Фабула романовъ немногосложна. На широкомъ фонѣ еврейской бытовой жизни, со всѣми ея отличительными особенностями, событія группируются около двухъ центральныхъ фигуръ: еврейки-дѣвушки Тамары Бендавидъ и авантюриста графа Каржоля-де-Нотрекъ—типъ весьма своевременно и мѣтко выхваченный изъ нашей современной дѣйствительности. Тамара Бендавидъ изъ богатой семьи мѣстнаго именитаго еврея (дѣйствіе происходитъ въ западно-русскомъ губернскомъ городѣ Украинскѣ), раббп Соломона Бендавида, повинуясь влеченію своего сердца, рѣшила принять православіе. Въ этомъ ей усердно помогаетъ изъ корыстныхъ, эгоистическихъ видовъ, графъ Каржоль-де-Нотрекъ, надѣющійся современемъ жениться на Тамарѣ и завладѣть ея милліонами. Молодая дѣвушка, обманутая хитрыми рѣчами авантюриста, влюблена въ него, или по край-

ней мѣрѣ ей такъ кажется. Несмотря на противодѣйстіе евреевъ, Тамарѣ удается принять православіе, и она уѣзжаетъ въ Петербургъ. На этомъ первый романъ и кончается. Въ смыслѣ внѣшняго интереса онъ уступаетъ немного слѣдующему роману г. Крестовскаго „Тамара Бендавидъ", составляющему продолженіе „Тьмы Египетской", гдѣ описывается жизнь этой молодой дѣвушки въ Петербургѣ и на театрѣ послѣдней русско-турецкой войны, гдѣ она является въ качествѣ сестры милосердія. Но за то романъ „Тьма Египетская" чрезвычайно богатъ бытовыми подробностями и съ этой точки зрѣнія представляетъ особенный и высокій интересъ. Мы должны, мы обязаны имѣть точное и полное понятіе о той силѣ, которая такъ окружаетъ насъ и такъ воздѣйствуетъ и которая называется еврействомъ. Тутъ евреи являются передъ нами во всевозможныхъ положеніяхъ и обстановкахъ. И у себя дома, въ обыкновенной будничной и праздничной жизни, и среди синагоги, среди дѣйствій таинственнаго кагала, въ ихъ сношеніяхъ съ *гойями* (невѣрными). Масса любопытнѣйшихъ подстрочныхъ примѣчаній, множество ссылокъ на талмудъ, на еврейскія книги, молитвы, обычаи и т. п., на еврейскія слова и выраженія,—все это хотя и развлекаетъ отчасти вниманіе, но показываетъ, какъ авторъ глубоко и основательно изучилъ всѣ поучительныя подробности своеобразнаго быта, о которомъ ведетъ рѣчь. Нечего и говорить, что отъ этого его романъ, нисколько не теряя въ занимательности, становится авторитетнѣе: всѣ эти подробности впервые появляются въ печати.

Симпатичный образъ юной Тамары, ясно почувствовавшей превосходство христіанской религіи, невольно привлекаетъ къ себѣ читателя. Подробный прекрасный дневникъ, который она ведетъ, позволяетъ намъ прослѣдить постепенно тотъ глубокій переломъ, который совершается въ мысляхъ и убѣжденіяхъ дѣвушки. Принужденная жить среди фанатической семьи, она въ концѣ концовъ не видитъ инаго исхода, какъ отдаться подъ защиту любимаго человѣка и укрыться за стѣнами монастыря. Хитрые и мстительные соплеменники, узнавъ объ этомъ, чуть не въ буквальномъ смыслѣ осадили монастырь. Эпизодъ этотъ, а равно разсказъ о послѣдовавшемъ затѣмъ еврейскомъ погромѣ въ Украинскѣ принадлежатъ къ числу блестящихъ страницъ нашей литературы. Особенно ярко начертана грандіозная картина погрома, гдѣ преслѣдовались не тотъ или другой еврей отдѣльно—евреевъ почти

не трогали—а только истребляли все имъ принадлежащее. Были и попытки сопротивленія, и одна изъ нихъ приведена г. Крестовскимъ: еврейская толпа подъ предводительствомъ фанатика Иссахара, вооруженная чѣмъ попало, налетаетъ на христіанъ съ криками:

— Ага! вы зъ насъ випускали пугхъ, мы зъ васъ будемъ випускать дугхъ!

Интересно проведена въ романѣ вся интрига евреевъ по отношенію къ графу Каржолю. Убѣдившись, что этотъ авантюристъ хочетъ завладѣть деньгами Тамары, они путемъ различныхъ комбинацій (скупивъ векселя графа и пр.), добились того, что онъ долженъ былъ уѣхать изъ Украинска, причемъ для большей увѣренности дали ему даже негласнаго провожатаго, юркаго агента, который долженъ былъ сопровождать его всюду, куда бы тотъ ни поѣхалъ.

Кромѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, въ романѣ фигурируетъ масса второстепенныхъ, нерѣдко мастерски выписанныхъ и отдѣланныхъ. Тутъ и либеральный губернаторъ Украинска, и дѣвица Ухова, подруга Тамары, и въ то же время возлюбленная Каржоля, и величественная фигура настоятельницы монастыря, матери Серафимы, и либеральный, но „себѣ на умѣ“ дѣятель мѣстной консисторіи. Но такъ какъ городъ Украинскъ заполоненъ жидами, то не удивительно, что и въ романѣ они фигурируютъ на каждомъ шагу и во всевозможныхъ положеніяхъ. Это настоящая „Тьма Египетская“ нашихъ дней, одна изъ казней, ниспосланныхъ на наше отечество. Романъ кончается „полнымъ аккордомъ торжества кагала“. Повторяемъ, такого правдиваго и вѣрнаго изображенія жизни евреевъ въ Россіи еще не бывало въ русской литературѣ. Не это ли отчасти и причина замалчиванія такого крупнаго выдающагося явленія?

Что касается втораго романа „Тамара Бендавидъ“, то широкія картины минувшей войны, прекрасныя подробности пребыванія Тамары въ Петербургѣ и масса характерныхъ типовъ этой жизни—все это придаетъ интересъ и разнообразіе роману. Здѣсь мы должны указать на прямо замѣчательное изображеніе вечера у либеральной высокопоставленной чиновницы, со всею обстановкою подобныхъ вечеровъ въ то время, схваченною очень вѣрно и мѣтко. Кто пережилъ это время, не можетъ не помнить такихъ эпизодовъ или не признать вѣрности и живости изображенія.

———

*

II.

Улянипкій.—„Сношенія Россіи съ Среднею Азіею и Индіею въ XVI—XVII вв.“, Москва. (По документамъ Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ).

Первый нашъ путешественникъ въ „Гундустанъ бесерменскій“ тверской купецъ Аѳанасій Никитинъ (14 столѣтія) нашелъ, что тамъ для насъ нѣтъ подходящаго товара. Притѣсненія на таможняхъ, грабежи по дорогѣ, дороговизна жизни, опасенія, какъ бы не вынудили отречься отъ своей вѣры,— все это не располагало къ дальнѣйшимъ „хожденіямъ“ туда. Въ 1533 г. „индѣйскій Бабуръ-падша“ прислалъ Василію Іоанновичу „гостя“ съ предложеніемъ братства, великій князь „о братствѣ къ нему не приказалъ, потому что не вѣдаетъ его государства, невѣдомо—онъ государь или государству этому урядникъ“. Іоаннъ Грозный, побуждаемый энергичными англичанами, сталъ уже замѣтно призадумываться надъ возможностью завязать выгодныя сношенія и съ Бухарой, и съ дальнимъ востокомъ,— тѣмъ болѣе что тамъ этого видимо желали. Но до окончанія „смутнаго времени“ и воцаренія дома Романовыхъ связи оставались крайне неопредѣленными. Посланнаго въ Среднюю Азію Михаиломъ Ѳедоровичемъ Хохлова чаще обижали дорогой, чѣмъ держали въ чести. Въ „Шамархантѣ“ эмиръ не далъ отвѣтныхъ подарковъ, самъ отъ себя не всталъ, при произнесеніи государева имени, хотя потомъ и извинялся. Азіатскіе купцы тѣмъ не менѣе бойко у насъ торговали,—особенно черезъ Тобольскъ и Самару,—крѣпко защищались отъ произвола воеводъ, пользовались различными льготами. Товариществу такъ-называемыхъ „тобольскихъ бухарцевъ“ правительство разрѣшило ѣздить въ Казань, Астрахань, Архангельскъ. Въ свою очередь и западная Европа добивалась войдти въ тѣсное общеніе съ востокомъ черезъ русскія владѣнія. Англичане просили права искать *пути въ восточную Индію рѣками Обью и Леною*. Передъ вступленіемъ на престолъ Алексѣя Михайловича между нами и Средней Азіей начала пошаливать калмыцкая орда, двигавшаяся со своей родины на новыя привольныя мѣста. На требованія Москвы выдавать „православныхъ рабовъ“ Бухара отвѣчаетъ согласіемъ, но на нелѣпомъ условіи „освободить находящихся въ Россіи ногайцевъ и другихъ людей магометанскаго закона“. Попытки съ нашей стороны завязать какія бы то ни было

непосредственныя сношенія съ Индіей долго были тщетны, хотя индійскіе купцы къ намъ часто пріѣзжали.

Наконецъ въ 1675 г. туда отправили Мамета Исупа Касимова съ грамотой на русскомъ, татарскомъ и латинскомъ языкахъ для передачи „великому моголу". Тамъ предписывалось обо всемъ политически важномъ развѣдывать, „припоя и прикормя къ себѣ людей". Нашего посланнаго снабдили подлинными грамотами отъ турецкаго султана и персидскаго шаха, чтобы знали на дальнемъ востокѣ, какъ въ отвѣтѣ перечислять титулы Государя. Между прочими порученіями наказывалось: „а если отыщутся самые художные мастера каменныхъ мостовъ и иныхъ дѣлъ, то тѣхъ приговаривать на службу на время и вывезти, если объ нихъ шахъ позволитъ, съ собою въ Москву. Если есть сѣмена огородныя или звѣри небольшіе и птицы, отъ которыхъ въ Московскомъ государствѣ можно ожидать плоду, то и ихъ купить и вывезти сколько можно". Согласно мысли англичанъ русское правительство думало и велѣло разузнавать о путяхъ во владѣнія „могола" изъ Сибири черезъ Обь, Иртышъ и даже Селенгу, что недалеко отъ Кяхты.

Индійскій властелинъ не допустилъ до себя Касимова. Его тѣснили. Царскіе подарки признали малоцѣнными. Онъ вернулся въ 1678 г., успѣвъ счастливо выкупить въ Индіи 40 рабовъ—русскихъ. Въ 1695 г. туда удачнѣе ходили купцы Маленькій и Аникѣевъ. Имъ вручили отвѣтное намъ посланіе „намѣстника индѣйскаго шаха", многихъ рѣчей котораго не съумѣли впрочемъ перевести въ Посольскомъ приказѣ.

III.

Н. Сыромятниковъ. „Сага объ Эйрикѣ Красномъ". Спб. 1890.

Есть факты, которые какъ-то странно игнорировать, но между тѣмъ они долго бываютъ извѣстны лишь небольшой группѣ специалистовъ. Къ числу такихъ научно установленныхъ данныхъ относятся доказательства въ пользу открытія Америки гораздо раньше Колумба.

Свѣтъ вовсе не распадался до XV в. на двѣ совершенно лишенныя связи половины. Кельты издавна переправлялись на заатлантическій материкъ. Плутархъ еще писалъ, что въ первомъ столѣтіи до Р. Хр. Сулла зналъ о существованіи тамъ колоній. Къ нимъ съ западно-европейскаго прибрежья тянулись естественныя звенья: Британскіе и Фарэй-

скіе острова, Исландія, Гренландія, Лабрадоръ, Ньюфаундлэндъ. Очагомъ древнихъ переселенческихъ поселеній служили земли при р. св. Лаврентія. На далекой родинѣ неугасимо жила увѣренность въ томъ, что за бурными волнами океана высится гостепріимный берегъ и въ теченіе многихъ вѣковъ Drang nach Westen не ослабѣвалъ. Туда постепенно проникло христіанство и распространилось до предѣловъ нынѣшней Мексики. Здѣсь учили преемники святаго Колумбана, спасавшіеся отъ преслѣдованія скандинавскихъ пиратовъ. Испанцы впослѣдствіи нашли изображенія крестовъ на щитахъ туземцевъ, монастыри со школами, епископскія митры и жезлы у идоловъ, и т. д. Обо всемъ этомъ обстоятельно пишетъ Бовуа и въ „Revue de l'histoire des réligion", и въ бельгійскомъ журналѣ „Muséon".

Нашъ молодой ученый, Сыромятниковъ, задался цѣлью познакомить русскую читающую публику съ тѣмъ немногимъ, что извѣстно о колонизаціонныхъ стремленіяхъ исландцевъ въ предѣлахъ Америки, куда они отправлялись съ конца X вѣка изъ Гренландіи („Зеленой земли"), нѣкогда болѣе населенной, заманчивой для скотоводовъ и охотниковъ. Дальше, за моремъ, предпріимчивые пловцы открывали и везли домой дикорастущую пшеницу, такой же виноградъ, великолѣпные клены, цѣнный строевой лѣсъ. Сношенія съ этой любопытной страной длились до середины XIV столѣтія.

Исландія, родина сагъ, сохранила живыя воспоминанія объ упомянутыхъ связяхъ. Великій Колумбъ, посѣтивъ ее въ 1477 г., здѣсь могъ вдохновиться своими смѣлыми, приведенными въ исполненіе замыслами. У насъ еще въ 1857 году въ „Морскомъ Сборникѣ" появилась статья Головачева „Норманны въ Америкѣ". Разбираемое изслѣдованіе, конечно, неизмѣримо компетентнѣе. Авторъ—филологъ, хорошо знакомъ съ иностранною литературою, видимо съ глубокимъ вниманіемъ вчитывался въ созданія скандинавскаго духа. Переводу саги объ Эйрикѣ Красномъ, первомъ гренландскомъ колонистѣ, коего сынъ углубился на западъ, предпослано краткое, но обстоятельное изложеніе, каковъ былъ строй исландской жизни. Мы,—надо признаться,—не избалованы числомъ сочиненій на подобную тему, хотя и несомнѣнны наши тѣсныя взаимоотношенія со Скандинавіей, выходцы откуда то и дѣло ходили и въ Пермь, и на югъ Россіи. Сѣвернымъ творчествомъ у насъ занимались только Сеньковскій (баронъ Брамбеусъ), настоя-

тель копенгагенской посольской церкви отецъ Сабининъ, академикъ Я. К. Гротъ, въ послѣднее время Ѳ. Д. Батюшковъ. Заграницей же объ этомъ предметѣ написано много. Содержаніе выбраннаго г. Сыромятниковымъ произведенія заключается въ слѣдующемъ.

Нѣкій Торбьёрнъ съ красавицей-дочерью Гудридой и 30 спутниками отправляется изъ Исландіи въ Гренландію. По дорогѣ, среди бурь, погибаетъ половина путешественниковъ. По прибытіи на мѣсто, тамъ застаютъ голодъ у туземцевъ. Они, желая заглянуть въ будущее, призываютъ ворожею, которая является въ голубомъ плащѣ, украшенномъ драгоцѣнными камнями, въ черной барашковой шапкѣ, подбитой бѣлымъ кошачьимъ мѣхомъ. Колдунью угощаютъ кашицей на козьемъ молокѣ и сердцами всякаго рода животныхъ. Подробно повѣствуется о странныхъ обычаяхъ коснѣющаго въ язычествѣ народа—сюда проникаютъ пока еще слабые лучи христіанства, отчасти черезъ Эйрикова сына Лейфа, побывавшаго при норвежскомъ королевскомъ дворѣ и въ Америкѣ, куда гренландца занесло непогодой. Братъ его женился на христіанкѣ Гудридѣ, но вскорѣ умираетъ, ночью встаетъ изъ гроба, требуетъ жену, увѣщеваетъ освящать кругомъ землю: иначе покойники, не обрѣтая забвенья, станутъ тревожить живыхъ. Въ сагѣ есть нѣсколько эпизодовъ мистическаго характера.

Вдова выходитъ замужъ за Карлсефни. Онъ снаряжается въ поиски за найденной Лейфомъ богатой землей. Ихъ сопровождаетъ большая дружина. На пути попадаются нынѣшніе Ньюфаундлэндъ, Новая Шотландія. Наконецъ пристаютъ и къ материку, изобилующему естественными богатствами. Автохтоны стеклись въ весьма значительномъ количествѣ. До сихъ поръ неясно, были ли это эскимосы, еще не вытѣсненные отсюда краснокожими, или индѣйцы. Пришельцы выгодно торговали краснымъ товаромъ, въ обмѣнъ на мѣха. Однажды вдругъ замычалъ привезенный изъ Гренландіи быкъ. Толпа дикарей въ ужасѣ бросилась бѣжать. Дикари затѣяли потомъ войну и, въ свою очередь, перепугали мореплавателей метаніемъ шаровъ, издававшихъ шумъ при паденіи на землю. Простодушное повѣствованіе доведено до возвращенія гренландцевъ обратно.

Иностранной.

I.

Comte Pontevès de Sabran.—„Un raid en Asie", Paris. 1890.

Французы,—особенно молодежь, теперь увлекаются Россіей. Наша Средняя Азія, благодаря новой желѣзной дорогѣ, ихъ положительно притягиваетъ. Тамъ можно съ нѣкоторыми удобствами путешествовать, выдавая себя за смѣлыхъ скитальцевъ въ дикомъ краю, охотиться, болтать о задачахъ высшей политики. Они много пишутъ о своихъ впечатлѣніяхъ, но въ большинствѣ случаевъ это легкомысленно, почти безсодержательно, по временамъ даже совершенно нелѣпо по тону. Такова напримѣръ книга графа Шолле съ его отзывами о русскихъ звѣрствахъ въ Закаспійской области.

Тѣмъ пріятнѣе встрѣтить книгу вродѣ путевыхъ очерковъ гусара—графа Сабрана. Онъ поэтъ, превосходный стилистъ, занимательный и простодушный разсказчикъ. Его симпатіи къ намъ вполнѣ искренни. Въ нихъ не замѣтно ни одной фальшивой ноты. Радушно вездѣ принятый, онъ не отблагодарилъ за это клеветой, какъ дѣлали другіе.

Авторъ любитъ странствовать. Еще недавно онъ побывалъ въ англо-индійскихъ владѣніяхъ, выпустилъ въ свѣтъ сочиненіе „L'inde à fond de train". Затѣмъ въ 1888 году онъ проѣхалъ черезъ Константинополь и Тегеранъ въ Асхабадъ мешхедскою дорогой. Въ священномъ городѣ Имама Ризы, куда мы только весьма недавно могли назначить консула, жители боялись сопровождать Сабрана съ его спутникомъ Вердэ къ нашей границѣ, говоря, что мѣстность неспокойна отъ отчаянныхъ разбойниковъ-туркменъ іомудскаго племени. Здѣсь французовъ привѣтствовалъ извѣстный англійскій генералъ Макъ-Линъ, разъѣзжавшій по краю съ какими-то тайными порученіями, въ сопровожденіи блестящей свиты. Появленіе такихъ дѣятелей въ близкой къ намъ области,—пока мы еще довольно апатично относимся къ собственнымъ интересамъ въ Персіи,—несомнѣнно подымаетъ въ глазахъ туземцевъ престижъ враждебной намъ націи. Сабранъ и Вердэ благополучно проникли въ г. Кучанъ и оттуда черезъ горы на русское шоссе, начинающееся въ 43 верстахъ отъ

административнаго центра Туркменіи, гдѣ мало-по-малу образуется средоточіе нашей торговли съ богатымъ Хорасаномъ.

Въ качествѣ военнаго—да еще знакомаго съ положеніемъ англичанъ въ Азіи, авторъ задавалъ себѣ вопросъ, велики ли наши шансы на успѣхъ, если мы захотимъ взять Гератъ и идти дальше. Сабрану кажется, что это будетъ—смерть Альбіона за Гималаями.

Въ числѣ ошибокъ, допущенныхъ въ книгѣ, нельзя не отмѣтить хотя бы слѣдующихъ: будто въ 1878 г. (т. е. до знаменитой Скобелевской экспедиціи и паденія Геокъ-Тепе) генералъ Комаровъ, управляя уже Закаспійской областью, сносился съ авганцами; будто ея пустыри черезъ 20 лѣтъ сдѣлаются житницей Россіи, будто мервскій оазисъ, только и оживавшій благодаря иранской культурѣ, въ прошломъ вѣкѣ томился (?) подъ персидскимъ игомъ. Св. Владиміръ, по мнѣнію автора, adopta la réligion *grecque schismatique* (это въ такую эпоху, когда еще церкви не раздѣлились окончательно). Многія свѣдѣнія Сабранъ бралъ у „Gaspodin-Lessar", воображая, что нашъ почтенный изслѣдователь носитъ эту двойную фамилію. Впрочемъ, въ такое же заблужденіе впалъ герцогъ Аргайль въ своей „Eastern Question".

II.

Fr. Brentano. Vom Ursprung Sittlicher Erkentniss (О происхожденіи знанія нравственнаго) Leipzig. 1889 (122 стр.).

Эта любопытная и во многихъ отношеніяхъ поучительная брошюра содержитъ въ себѣ рефератъ, прочитанный въ Вѣнскомъ юридическомъ Обществѣ авторомъ, извѣстнымъ профессоромъ Лейпцигскаго университета, Брентано. Онъ одинъ изъ весьма видныхъ представителей современной философской мысли въ Германіи и притомъ рѣшительный противникъ господствующаго въ ней нынѣ теченія, представляемаго пресловутымъ Гартманомъ, по мнѣнію котораго (см. его Grunproblem), есть только одинъ „*послѣдовательный идеализмъ*"—нелѣпый идеализмъ. Всякій другой идеализмъ непослѣдователенъ, заключая въ себѣ посторонніе реалистическія примѣси.

Брентано — послѣдовательный идеалистъ, весьма рѣшительно возстающій противъ попытокъ и намѣреній нѣкоторыхъ нѣмецкихъ (да и не однихъ нѣмецкихъ) юристовъ отдѣлить юриспруденцію отъ нравственной философіи. Онъ счи-

таетъ такую операцію невозможной, а опытъ этого рода растлѣвающимъ общественное сознаніе и чувство правды. Въ основаніи юридической науки лежитъ и должно лежать ученіе объ *естественномъ правѣ*, корни котораго питаются началами нравственной философіи.

Брентано въ вышеназванной брошюрѣ подвергаетъ подробному анализу вопросы о естественномъ правѣ, указавъ, что слово „*естественный*" имѣетъ двоякое значеніе, означая, во-первыхъ, нѣчто данное отъ природы, врожденное, и во-вторыхъ, правила, которыя познаются сами по себѣ, какъ истинныя и обязательныя.

Относясь также, какъ и Локкъ, скептически къ врожденнымъ нравственнымъ чувствамъ, Брентано настаиваетъ на существованіи естественнаго права во второмъ значеніи, доказывая рядомъ фактическихъ и убѣдительныхъ данныхъ нравственность истинъ, внушаемыхъ намъ самой природой. По мнѣнію Брентано, существуетъ естественный нравственный законъ всеобщій и непоколебимый, имѣющій значеніе для людей всѣхъ мѣстъ и всѣхъ временъ,—даже для всѣхъ родовъ мыслящихъ и чувствующихъ существъ, и этотъ законъ доступенъ нашему познанію.

Высшую санкцію этого закона онъ выводитъ изъ естественныхъ правилъ этики, которыя также, какъ и законы логики, обладаютъ внутренней правильностью и вызываютъ *необходимо* предпочтеніе однихъ актовъ воли предъ другими — предпочтеніе нравственнаго передъ безнравственнымъ.

Всѣ акты воли имѣютъ въ виду извѣстную цѣль, и потому всѣ вопросы нравственности сводятся къ опредѣленію того, какая цѣль наилучшая—маякомъ для разысканія такой цѣли можетъ служить только наше понятіе о *добрѣ*. Почему мы что-либо считаемъ добромъ? Брентано дѣлитъ всѣ душевныя явленія: на а) *представленія*, б) *сужденія* и с) *движенія души*. Какъ логическія сужденія, такъ и движенія души, отличаются отъ представленія тѣмъ, что въ нихъ всегда есть *субъективное отношеніе*, которое въ области сужденій выражается въ утвержденіи или отрицаніи, а въ области движеній души—въ любви или ненависти. Изъ двухъ противоположныхъ способовъ отношенія, любви и ненависти, въ каждомъ случаѣ можетъ быть правиленъ только одинъ, и въ этомъ случаѣ любовь будетъ истинная, а то, на что она обращена—ея объектъ—„*добро*". И такъ добро—это то, что дѣйствительно достойно любви.

Мы постарались передать вкратцѣ и возможно ясно содержаніе ученія Брентано. Оно достойно вниманія, какъ реакція отрицающихъ нравственныя начала соплеменниковъ лейпцигскаго профессора, современныхъ нѣмецкихъ философовъ, послѣдователей Шопенгауэра и Гартмана, которые и у насъ смущаютъ многихъ.

Воззрѣнія Брентано хотя и весьма симпатичны, какъ энергическій протестъ противъ ученій, игнорирующихъ нравственныя начала, но несомнѣнно грѣшатъ нѣкоторой туманностью, дающей поводъ Гартману глумиться надъ нимъ, какъ представителемъ *нелѣпаго идеализма*. По нашему мнѣнію, это происходитъ оттого, что почтенный авторъ нѣсколько стѣсняется идеаловъ, которые принято называть прирожденными идеалами, безъ которыхъ современная философія обречена плавать на угадъ въ туманѣ софизмовъ и противорѣчій. При отрицаніи прирожденности не только нравственныхъ идей, но и чувствъ, какъ учитъ Брентано, при признаніи независимости нравственнаго закона отъ авторитета, остается неяснымъ и неразрѣшимымъ, откуда же берется въ насъ не только истинная любовь, но и способность отличить достойную любовь отъ недостойной. Слишкомъ подчиняясь воззрѣніямъ Локка на независимость морали отъ авторитета и выводя ихъ не изъ прирожденныхъ человѣку идей о добрѣ и злѣ, авторъ даетъ сильное оружіе въ руки своихъ противниковъ, которые упрекаютъ его, и не безъ основанія, въ нѣкоторой непослѣдовательности.

Во всякомъ случаѣ вышеуказанная брошюра—интересное явленіе въ области современной нѣмецкой мысли, и мы рекомендуемъ ее вниманію нашихъ читателей.

ПИСЬМА ОБЪ ИСКУССТВѢ.

VII.

О русскомъ театрѣ.

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ „о русскомъ театрѣ“ [1]), говоря о средствахъ къ поднятію все болѣе и болѣе падающаго уровня художественности сценическаго исполненія, я упомянулъ о театральной *школѣ въ тѣсномъ смыслѣ*, т. е. какъ объ образовательномъ учрежденіи для подготовленія сценическихъ дѣятелей. Такая школа въ особенности необходима тамъ, гдѣ, какъ у насъ, *школы въ обширномъ смыслѣ*, т. е. извѣстной, выработанной годами и преемственностію, общности художественныхъ пріемовъ и стиля игры,—болѣе не существуетъ, и гдѣ совершенно порвана связь съ прошлымъ. Не потому возлагаю я всѣ надежды на школу, что она есть вообще *единственное* средство поднятія художественнаго уровня сцены, а потому, что *для насъ*, въ настоящемъ, и нѣтъ другаго средства. Всѣ прежніе „актеры школы“, актеры блестящаго періода русской сцены, покончили свою земную карьеру, не оставивъ послѣ себя ни преемниковъ, ни традицій. Съ шестидесятыхъ годовъ, русскій театръ завоевывался мало по малу дилеттантизмомъ и наконецъ очутился въ полномъ его распоряженіи. Новое актерское поколѣніе, не стѣсняемое ни связью съ прошлымъ, ни уваженіемъ къ задачамъ искусства, ни яснымъ сознаніемъ его художественныхъ средствъ,—съ развязностію самаго безшабашнаго самомнѣнія и невѣжества, провозгласило „натуру“ своимъ единственнымъ руководителемъ, маскируя какъ бы принципіальнымъ отрицаніемъ всякой школы свое полное невѣдѣніе и безсиліе. Могли ли они признавать какіе-либо законы, пріемы или стили художественнаго исполненія, когда все это были для нихъ одни „страшныя слова“. Для недоучившихся или ничему не учив-

---

[1]) „Письма объ искусствѣ“ „Русскій Вѣстникъ“, 1890 г. августъ.

шихся неудачниковъ, бросившихся развязно на русскую сцену, гораздо проще было отрицать во имя „нутра" все то, чего достигнуть они не могли по недостатку развитія, знанія и желанія трудиться. Этотъ артистическій *нигилизмъ* нашелъ для себя въ театрѣ необыкновенно благопріятную почву и прочно пустилъ въ нее свои корни. При полной неопредѣленности художественныхъ идеаловъ въ публикѣ, при сбивчивости понятій о цѣляхъ и средствахъ драматическаго театра, не мудрено, что дилеттанты-нигилисты могли сойти за артистовъ *новаго, реальнаго* направленія. Они ставили единственнымъ требованіемъ отъ актера—*талантъ*, прирожденную способность; но вѣдь талантъ дѣйствительно есть первоисточникъ всякаго художества. При смутности разумѣнія тѣхъ границъ, которыя лежатъ между прирожденною способностію и формами ея проявленія въ искусствѣ, оставался всего одинъ шагъ до отрицанія необходимости какой бы то ни было школы, и шагъ этотъ былъ сдѣланъ. Все это было какъ нельзя болѣе на руку невѣжественному дилеттантизму, водворившемуся на русской сценѣ. За актерствомъ пошли драматурги, за ними художественная критика, и за всѣми ими—вся масса зрителей. Воцарился полнѣйшій сумбуръ понятій, и теперь стоитъ заговорить о школѣ, чтобы всѣ перестали понимать другъ друга. Какая школа? Да развѣ есть какая-нибудь школа? Талантъ не нуждается ни въ какихъ школахъ! Никакія школы талантовъ не сдѣлаютъ! *Театръ—вотъ школа*! и т. д.

Да, несомнѣнно, лучшая школа—это театръ, театръ, *какъ образецъ*. Но если такого театра нѣтъ? Если образцомъ онъ почитается только въ своемъ собственномъ мнѣніи? Если вся его дѣятельность, въ силу извѣстныхъ, хотя бы и временныхъ причинъ,— противухудожественна? Можетъ ли онъ создать или замѣнить школу?.. А мы находимся лицомъ къ лицу именно съ такимъ обстоятельствомъ. Вотъ почему я и утверждаю, что единственную надежду на обновленіе духа нашего театра или лучше сказать на возрожденіе въ немъ его прежней художественности, можно ожидать только отъ новаго поколѣнія, подготовленнаго и воспитаннаго разумной школой.

Но я уже сказалъ, что стоитъ только произнести слово „школа", чтобы сейчасъ же возникли всевозможныя недоразумѣнія. Всѣ спорятъ, но никто не хочетъ уяснить себѣ или не понимаетъ, *чего можно* ожидать отъ школы, *какія ея задачи* и цѣли и *какими путями* можетъ она ихъ выполнить. Одни *требуютъ* отъ школы больше, чѣмъ она можетъ дать; другіе *ждутъ отъ*

нея результатовъ, превышающихъ ея задачи. Эта сбивчивость понятій существуетъ не только въ массѣ „публики“, всегда склонной авторитетно разсуждать о томъ, что требуетъ болѣе близкаго знакомства, не потрудившись вникнуть поглубже, но даже въ средѣ лицъ, близко стоящихъ къ искусству, любящихъ его и серьезно смотрящихъ на его интересы. Весьма интересны напр. нѣкоторыя сужденія такого образованнаго и талантливаго знатока сцены, какъ Д. В. Аверкіевъ, высказанныя имъ въ статьѣ „Новаго Времени“ (отъ 28 марта текущаго 1890 г. №5057), озаглавленной „Театральные парадоксы“. Авторъ усматриваетъ, что теперь у насъ „идетъ отверженіе, или по крайности приниженіе первоисточника всякаго художества—таланта. Никогда такъ много и пусто не толковали о „школѣ“, никогда не возлагали на нее столь несбыточныхъ надеждъ. Всѣхъ обуяло какое-то идолопоклонство передъ школой; всякій, даже самый лѣнивый любитель искусства, спѣшитъ твердить: „учитесь, учитесь!“ Точно мы не видали и теперь не видимъ ученыхъ дураковъ“. Причину такого явленія и объясненіе, почему статья озаглавлена парадоксомъ, авторъ даетъ далѣе: „въ наше время смутныхъ и шаткихъ представленій о художествѣ, прямой и искренній взглядъ на него многимъ покажется парадоксомъ. Что дѣлать? Мы слишкомъ недавно пережили періодъ такъ называемаго нигилизма. По отношенію къ искусству, онъ былъ вреденъ не столько потому, что отвергалъ его (отверженіе факта не ведетъ къ его уничтоженію), сколько потому, что, явясь въ видѣ догматическаго ученія, въ видѣ секты, основанной на своего рода пятикнижіи, онъ вообще отучалъ отъ самостоятельнаго мышленія. Теперь, покончивъ съ нигилизмомъ, мы хотимъ какъ бы наверстать потерянное время, но по укоренившейся привычкѣ, вмѣсто того, чтобы обдумывать и изслѣдовать, провѣряя и взвѣшивая свои мысли, мы легко бросаемся на первое мнѣніе и заботимся не столько о его правильности, сколько о томъ, чтобы оно было въ ходу. Вдобавокъ, никогда посредственность не была въ такомъ авантажѣ, какъ нынче. Ужь одно обиліе журналовъ и театровъ ставитъ въ необходимость довольствоваться посредственнымъ. Посредственность не только не чутка къ таланту, но въ глубинѣ, судя по себѣ, сомнѣвается въ его существованіи; оттого-то она такъ и напираетъ на школу и твердитъ про ученье, хотя сама и лѣнится, и — главное — не умѣетъ учиться“.

Выходитъ такъ, что находящаяся теперь „въ особенномъ

авантажѣ" *посредственность*, отвергая самое существованіе *таланта*, всѣ свои, явно несбыточныя надежды, возлагаетъ на *школу*, сдѣлавшуюся ходовымъ вопросомъ, вопросомъ моды и даже предметомъ какого-то „идолопоклонства". Другими словами, что *школа*, по ходячему нынѣ мнѣнію, *можетъ* вполнѣ *замѣнить* прирожденный *талантъ*. Я не знаю, въ какихъ признакахъ почтенный авторъ усматриваетъ такое пристрастіе къ школѣ, доходящее до идолопоклонства; я вижу, наоборотъ, что даже теперь, когда мы, по его свидѣтельству, „покончили съ нигилизмомъ", все еще приходится отстаивать необходимость школы, постоянно оспариваемую не только нелѣпою *посредственностію*, способною смѣшать такія два разныя понятія, какъ школа и талантъ, но и лицами, отъ которыхъ можно ожидать „прямыхъ и искреннихъ" взглядовъ на художество. Если даже эти лица не чужды „смутныхъ и шаткихъ представленій о художествѣ", то стоитъ ли серьезно возражать на нелѣпыя мнѣнія въ родѣ того, что таланта нѣтъ и не нужно, а нужна только выучка, школа. Г. Аверкіевъ совершенно правъ, говоря, что „не слѣдуетъ возлагать *чрезмѣрныхъ надеждъ* на школу и приписывать ей черезчуръ важное значеніе", потому что „при всемъ трудолюбіи и прилежаніи нельзя сдѣлаться, *безъ нѣкоторой врожденной способности*, не только настоящимъ художникомъ, но и хорошимъ сапожникомъ"; но онъ совершенно правъ также, говоря выше, что „*конечно, справедливо, что извѣстная подготовка нужна* для всякаго дѣла; *безъ нея не сдѣлаешься ни художникомъ*, ни даже сапожникомъ". Все возраженіе стало быть сводится къ тому, чтобы не возлагать на школу *чрезмѣрныхъ* надеждъ, но сама по себѣ *школа необходима*, на ряду съ талантомъ, необходима, какъ „извѣстная подготовка", и въ этомъ смыслѣ значеніе ея „черезчуръ важно" и оспариваемо быть не можетъ.

Настоящая художественная школа, говоритъ г. Аверкіевъ, заключается въ уединенномъ художественномъ самовоспитаніи таланта, такомъ, какое проходитъ напримѣръ каждый прирожденный поэтъ. „Поэтъ не станетъ истиннымъ художникомъ, не пройдя самостоятельно и самодѣятельно извѣстной школы; ему необходимо изучить, самымъ тщательнымъ и подробнымъ образомъ, своихъ предшественниковъ, изучить не только ихъ красоты, планъ ихъ произведеній и манеру развитія дѣйствія, но и ихъ языкъ, слогъ, механизмъ ихъ стиля".

Такое *самостоятельное* и *самодѣятельное* прохожденіе извѣст-

ной школы, такое *художественное самовоспитаніе* стоитъ, по нашему мнѣнію, совершенно внѣ вопроса, насъ занимающаго. Какъ ни велика была бы прирожденная способность и какъ ни совершенно, съ другой стороны, была бы поставлена школа, понимаемая какъ спеціальное художественно - образовательное заведеніе,—значеніе художественнаго самовоспитанія остается неизмѣннымъ. Никакому, даже самому ярому, „идолопоклоннику“ школы не придетъ въ голову отрицать необходимость самообразованія и самоусовершенствованія. Въ сценическомъ искусствѣ (какъ впрочемъ и въ другихъ формахъ художественной дѣятельности) школа актера, въ смыслѣ самоусовершенствованія—непрерывна; актеръ-художникъ „учится“ до гробовой доски или до тѣхъ поръ, пока онъ не сошелъ съ досокъ сцены. Сама дѣятельность его, по своей сущности — непрерывная цѣпь опытовъ, этюдовъ, стремленій къ совершенству. Понятно, что такое „уединенное самовоспитаніе“ нисколько не исключаетъ школу и не лежитъ въ противорѣчіи съ ней; напротивъ, школа должна служить преддверіемъ къ такой самостоятельной и самодѣятельной обработкѣ дарованія и облегчить ея первые шаги. Чтобы сдѣлаться свѣтиломъ науки —нужно самообразованіе, самостоятельная работа, университетскаго образованія одного не достаточно; но изъ этого никто еще, кажется, не выводилъ заключенія о его безполезности.

„Актеру необходимѣе всего *художественная образованность* и *развитіе вкуса*, по справедливому замѣчанію Д. В. Аверкіева. То и другое пріобрѣтается *знаніемъ литературы*, и притомъ *живымъ и непосредственнымъ*, а не по учебникамъ, и *созерцаніемъ образцовъ*. Для актера весьма важно посѣщать по возможности часто *хорошій театръ*. Во Франціи, театральная школа обязана своимъ значеніемъ именно той тѣсной связи, въ которой она находится съ первымъ французскимъ театромъ, „Comedie Française“, театромъ *образцовымъ по репертуару и по постановкѣ пьесъ*. Отсюда выводъ: чтобы устроить театральную школу, надо раньше озаботиться устройствомъ театра. Консерваторія безъ помощи симфоническихъ концертовъ, съ одними школьными упражненіями, ушла бы не далеко въ дѣлѣ развитія вкуса учащихся, т. е. въ дѣлѣ ихъ художественнаго образованія“.

Все это неоспоримо справедливо; но если театръ находится не на высотѣ своего призванія, если онъ „довольствуется не-

разборчивой постановкой кой-какихъ пьесъ", если уровень художественности исполненія палъ на его сценѣ и средствъ подняться ему ждать не откуда? Какъ тогда дѣлать? Если представить себѣ, какъ говоритъ самъ г. Аверкіевъ, „музыкальное училище, гдѣ развивали бы вкусъ учениковъ при помощи такъ называемой *садовой музыки* и заставляли бы ихъ упражняться въ ея исполненіи"—какъ поступить въ этомъ случаѣ? Вѣдь это выйдетъ заколдованный кругъ: театру не откуда ждать обновленія, какъ отъ школы, а школу невозможно устроить безъ образцоваго театра. Махнуть ли рукой на театръ и на школу и успокоиться на томъ, что, при такомъ положеніи дѣла, „успѣхи школы, даже при необыкновенно удачномъ выборѣ преподавателей, окажутся ничтожными"?

Оставлять безъ вниманія такой существенно важный и серьезный вопросъ, какъ положеніе отечественнаго театра—невозможно. Надо всѣми силами изыскивать способы къ улучшенію дѣла, и въ числѣ этихъ способовъ, вопросъ школы, конечно, занимаетъ наиболѣе видное мѣсто. Стоитъ только разъ навсегда покончить со всѣми недоумѣніями и уяснить себѣ, чего можемъ мы ждать отъ школы, и чего въ правѣ мы отъ нея требовать.

По мнѣнію Д. В. Аверкіева, возлагать надежду на спеціальныя художественныя заведенія, въ родѣ театральной школы, „какъ на *разсадникъ талантовъ*, какъ на двигателей искусства, вполнѣ неразумно. Назначеніе всѣхъ такихъ училищъ—въ приготовленіи *рядовыхъ исполнителей*, а не бойцовъ искусства".

Я не думаю, чтобы кто-нибудь серьезно могъ полагать, что школа—это такая фабрика талантовъ, которая можетъ бездарность переработать въ дарованіе. Еслибы и оказались на дѣлѣ такія курьезныя мнѣнія, то пришлось бы вновь повторять то, что было сказано по поводу смѣшенія понятій таланта и школы. Во всякомъ случаѣ, одинъ фактъ школьной подготовки не даетъ ручательствъ въ даровитости артиста, но съ другой стороны, не думаю, чтобы и прирожденная даровитость *должна* или *могла* бы избѣгать школьной обработки, или чтобы школа могла оказать неблагопріятное вліяніе на талантъ; конечно, я имѣю въ виду школу, разумно поставленную. Говоря далѣе о техникѣ актерскаго дѣла, составляющей главное содержаніе школьнаго образованія, г. Аверкіевъ самъ сознаетъ, что чрезъ нее „полезно пройти не только рядовому таланту, *но и высоко-*

даровитому артисту". Да оно иначе и быть не можетъ. Сфера и задачи школы настолько опредѣленны и самостоятельны, что стоятъ внѣ вопроса о талантливости, опредѣляющей лишь большую или меньшую степень воспринимаемости школьныхъ пріемовъ. Мнѣніе же, что школьная подготовка сушитъ, вяжетъ талантъ и страдаетъ академическимъ педантизмомъ, не выдерживаетъ критики, если имѣть въ виду точно поставленныя цѣли школы и характеръ ея пріемовъ, что будетъ яснѣе изъ послѣдующаго.

Если даже и допустить, что *бойцы* искусства могутъ, силою своего прирожденнаго дарованія, обойтись безъ школы (къ чемъ я сильно сомнѣваюсь, и во всякомъ случаѣ—не безъ своей, *одинокой*, но не менѣе солидной школы самообразованія) и что школа будетъ приготовлять только *рядовыхъ исполнителей*, то и въ этомъ случаѣ школа не утратитъ своего значенія, какъ *двигателя искусства*, ибо высокое состояніе уровня сценическаго исполненія данной страны, выражающееся въ стройности (ансамбль) общаго исполненія, достигается умѣлостію именно рядовыхъ исполнителей. Геніальные художники являются не часто и не въ большомъ количествѣ; они безспорно даютъ могучій толчокъ искусству, представляя собою образецъ и примѣръ для подражаній, но общій уровень сценическаго исполненія опредѣляется все-таки дѣятельностію рядовыхъ исполнителей, не блещущихъ яркими прирожденными дарованіями, но сильныхъ умѣньемъ, знаніемъ и трудомъ. Высокій уровень французскаго сценическаго искусства объясняется именно обиліемъ такихъ спеціально образованныхъ, трудолюбивыхъ и умѣлыхъ исполнителей, подготовленныхъ школой,—крупные же таланты и тамъ не болѣе часты, какъ и въ другихъ странахъ.

Идя далѣе по пути уясненія истинныхъ задачъ школы, нельзя пройти молчаніемъ одно обстоятельство, затемняющее вопросъ въ значительной мѣрѣ. Среди самыхъ искренныхъ сторонниковъ школы господствуетъ одно увлеченіе, способное затруднить достиженіе и безъ того не легкихъ школьныхъ задачъ, — это увлеченіе *образованностію* актера, понимаемою широко и неопредѣленно. Послѣдствіемъ такого увлеченія является усложненіе школьной программы предметами, неоспоримо полезными сами по себѣ, но имѣющими почти такое же отношеніе къ задачамъ школы, какъ и всѣ другія отрасли человѣческаго знанія. Никто, конечно, не станетъ спорить, что

актеръ, какъ и вообще всякій художникъ, чѣмъ будетъ образованнѣе, тѣмъ болѣе будетъ на высотѣ своего призванія. Съ другой стороны, образованность будетъ тѣмъ обширнѣе и глубже, чѣмъ болѣе познаній она будетъ въ себѣ совмѣщать; и познанія въ астрономіи и медицинѣ могутъ сослужить свою службу актеру, но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы актеръ непремѣнно изучалъ и медицину, и астрономію. Даже въ сферѣ знаній, ближе соприкасающихся къ сценическому искусству, многія изъ требуемыхъ сторонниками актерской „образованности" не могутъ входить въ задачи школы, *какъ лежащія внѣ ея.* Очевидно, что такое увлеченіе основано на недоразумѣніи: предметы *общаго образованія*—приняты за спеціальныя познанія, обязательныя въ спеціально художественномъ учрежденіи, какова актерская школа. Эти предметы, не только полезные, но допустимъ даже необходимые актеру, должны принадлежать всецѣло къ сферѣ актерскаго *внѣшкольнаго самообразованія*, безъ котораго, конечно, нельзя сдѣлаться истинно-образованнымъ актеромъ, включеніе же ихъ въ программы школы и неосновательно, и *безполезно.* Сколько бы мы ни включали теоретическихъ знаній, прямо или косвенно относящихся къ актерскимъ задачамъ, въ школьное преподаваніе—учащіеся будутъ схватывать всюду только верхушки, теряя на это время и трудъ, необходимые для существенныхъ школьныхъ занятій. Кругъ теоретическихъ, научныхъ свѣдѣній долженъ быть ограниченъ *самою тѣсною необходимостію*, ровно настолько, чтобы служить пособіемъ и объясненіемъ главныхъ занятій школы, все же остальное должно быть вынесено за предѣлы школы, какъ ей неподлежащее и *недостижимое* ею, иначе—гоняясь за призрачными цѣлями, мы невозвратно упустимъ главную, и не подготовимъ *ни образованныхъ людей, ни актеровъ.* Все дѣло, стало быть, въ томъ, чтобы опредѣлить кругъ познаній, прямо вытекающихъ изъ сущности актерскихъ задачъ и *доступныхъ школьному преподаванію.* Вопросъ не въ томъ, желательно ли, чтобы наши актеры были близко знакомы съ исторіею, археологіею, общею литературой отечественной и иностранной, чтобы они хорошо знали европейскіе языки, чтобы они рисовали, пѣли и играли на разныхъ инструментахъ и проч., а въ томъ—насколько это достижимо путемъ школьной подготовки, въ спеціальномъ художественномъ учрежденіи, подготовляющемъ актеровъ.

Рядомъ съ увлеченіями „образованностію" будущихъ акте-

ровъ, слѣдуетъ отмѣтить увлеченія вообще *теоріею* въ вопросѣ школьнаго преподаванія. Я разумѣю въ этомъ случаѣ теорію спеціальныхъ предметовъ, входящихъ въ понятіе сценическаго искусства. Съ легкой руки Льюиса, теоретическая разработка вопросовъ театральнаго искусства нашла себѣ не малое число послѣдователей, въ особенности между нѣмецкими мыслителями, и литература этого вопроса, въ настоящее время, занимаетъ уже довольно значительное мѣсто. Все это вполнѣ понятно и законно. Сценическое искусство, хотя и зиждется, главнымъ образомъ, на неуловимомъ и малоподдающемся теоретическимъ опредѣленіямъ факторѣ — художественномъ, творческомъ талантѣ, но внѣшнія формы его проявленія, его пріемы, наконецъ, предъявляемыя къ искусству современнымъ зрителемъ требованія, настолько опредѣленны, что могутъ быть уловимы въ рамки теоріи. Роль теоріи—пояснительная; она выясняетъ причины явленій, фактовъ, указываетъ на взаимную ихъ связь и дѣлаетъ выводы, могущіе служить руководящими указаніями. Понятно, что для яснаго уразумѣнія теоретическихъ положеній, требуется не только сознательное отношеніе къ фактической сторонѣ дѣла, но и способность обобщенія и критическаго анализа. Насколько такихъ свойствъ возможно ожидать отъ учащихся театральныхъ школъ, настолько должно быть отведено теоріи и мѣста въ преподаваніи; иначе, вмѣсто разъясненія, теорія затемнитъ пониманіе, запутаетъ понятія учащихся и не только не принесетъ ожидаемой пользы, но окажетъ несомнѣнный вредъ. Объясню примѣромъ: теорія объясняетъ намъ связь между душевными движеніями и внѣшнимъ ихъ проявленіемъ въ тѣлодвиженіяхъ, жестахъ и личной мимикѣ; она указываетъ, на анатомическихъ и физіологическихъ данныхъ, какими именно способами проявляются эти видимые и всѣмъ извѣстные признаки внутренней, душевной жизни человѣка, какія при этомъ сокращаются мускулы, какіе нервы приводятся въ дѣйствіе и т. д. Теорія говоритъ напримѣръ: „главный источникъ любви есть наслажденіе, вызываемое созерцаніемъ красоты, и проявляется главнымъ образомъ посредствомъ зрительнаго органа. Въ выраженіи глазъ будетъ, прежде всего, сказываться *сочувственное удивленіе*, въ которомъ соединены: *вниманіе и радостное удовольствіе*. Съ одной стороны, удовольствіе расширяетъ глаза и ноздри и складываетъ въ улыбку верхнюю губу; но, въ то же время, сочувственное изумленіе парализуетъ нижнюю губу,

которая опускается отъ собственной тяжести" [1]). Не трудно представить себѣ ту гримасу, которую изобразитъ на своемъ лицѣ учащійся, желая выразить любовь *по теоріи*, понятой имъ не какъ *объясненіе*, а какъ *указаніе*, какъ рецептъ *способа изображать любовь!* А между тѣмъ, тотъ же учащійся, *инстинктивно*, можетъ быть, и сумѣлъ бы придать своему лицу влюбленное выраженіе, еслибы не былъ сбитъ съ толку неправильно понятой теоріей.

Я не отвергаю теорію, какъ предметъ преподаванія, но повторяю: она должна быть включена въ программы театральныхъ школъ въ размѣрѣ, строго необходимомъ для разумнаго объясненія практической части занятій, и въ формахъ, доступныхъ сознательному усвоенію учащимися. У насъ же замѣчаются случаи и увлеченія теоретическою стороною преподаванія, и погони за приготовленіемъ не только *образованныхъ*, но даже *ученыхъ* актеровъ. Таковъ, напримѣръ, проектъ театральной школы покойнаго С. А. Юрьева.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что такое научное, теоретическое направленіе въ театральномъ преподаваніи стало признаваться у насъ сравнительно въ очень недавнее время; гораздо распространеннѣе было, да и до сихъ поръ еще прочно держится, особенно въ актерскихъ сферахъ, противоположное направленіе—отрицающее, для практическихъ занятій, всякую теорію, какъ совершенно безполезную. Еслибы этотъ взглядъ составлялъ достояніе только заурядныхъ актеровъ или практиковался только тѣми пародіями на театральныя школы, которыя содержатся частными лицами съ чисто спекулятивными цѣлями,—оспаривать не стоило бы труда: многіе актеры отвергаютъ теорію, не имѣя объ ней даже и отдаленнаго понятія, а содержатели частныхъ школъ эксплоатируютъ распространенный въ обществѣ театральный дилеттантизмъ и пріемами чисто любительскими. Важно то, что отрицаніе всякой теоретической стороны въ театральномъ образованіи и признаніе одной лишь практической части господствовало и въ спеціальныхъ нашихъ театральныхъ заведеніяхъ, находя себѣ оправданіе въ примѣрѣ прославленной парижской консерваторіи, гдѣ, какъ извѣстно, теорія въ программѣ преподаванія совершенно отсутствуетъ. Наше первое театральное училище, ввѣренное знаменитому И. А. Дмитревскому—основателю сценическаго

---

[1]) П. Боборыкинъ. „Театральное искусство". стр. 120—121.

воспитанія въ Россіи, было скопировано съ французскихъ образцовъ, и съ тѣхъ поръ не прекращается преклоненіе передъ парижскимъ примѣромъ, какъ въ организаціи, такъ и въ формахъ преподаванія, за весьма незначительными уклоненіями. Подобное увлеченіе французскою консерваторіей совершенно неосновательно.

Выше было уже указано, что причина высокаго уровня сценической игры во Франціи лежитъ не въ консерваторіи, а во многихъ другихъ явленіяхъ; французы, по самой натурѣ своего національнаго характера, весьма предрасположены къ театральной дѣятельности—это во-первыхъ; во-вторыхъ—въ средѣ лицъ, предназначающихъ себя театру, несравненно больше, чѣмъ у насъ, распространено искусство чтенія, декламаціи и выработки дикціи, что и немудрено при обиліи въ Парижѣ частныхъ учителей и извѣстныхъ преподавателей этого искусства внѣ консерваторіи, и въ третьихъ—главнымъ образомъ, художественному воспитанію будущихъ сценическихъ дѣятелей способствуетъ обиліе прекрасныхъ живыхъ образцовъ на парижскихъ сценахъ, тѣсная связь, соединяющая консерваторію съ образцовою сценою Французской Комедіи и тщательное соблюденіе традицій, оставленныхъ современному поколѣнію актеровъ ихъ знаменитыми предшественниками. Юные артисты консерваторіи постоянно окружены такими яркими примѣрами, дышатъ такой художественной атмосферой, что невольно проникаются ею, и вступивъ, по выходѣ изъ консерваторіи, въ артистическую семью, сливаются съ нею въ общности стиля и школы игры.

Что же касается до преподаванія въ стѣнахъ самой консерваторіи, то сами французы далеко не считаютъ его образцовымъ. Зная лично положеніе преподаванія въ парижской консерваторіи, могу съ увѣренностью сказать, что не его достоинства даютъ Франціи хорошихъ актеровъ. Все преподаваніе ограничивается практическимъ классомъ maintien и лекціями по литературѣ профессора де-Лапоммере. Курсъ литературы совершенно эпизодическій: одинъ годъ, г. де-Лапоммере читаетъ своимъ слушателямъ о Рассинѣ, другой—о В. Гюго и уже другому составу слушателей и т. д. При этомъ, лекціи ограничиваются только французскою литературой, такъ что ученики консерваторіи только о ней выносятъ отрывочныя, смутныя свѣдѣнія, объ источникахъ же иностранной литературы и совсѣмъ не имѣютъ понятія. Если имѣть въ виду, что

г. де-Лапоммере читаетъ *одинъ часъ* въ недѣлю, и то только въ теченіе шести мѣсяцевъ, а иногда и меньше, то никому не покажется невѣроятнымъ, что молодые французскіе артисты отличаются изумительнымъ невѣжествомъ въ своей, не говоря уже о чужой, литературѣ. Классу maintien отведенъ тоже *одинъ урокъ* въ недѣлю, и конечно, не ему обязаны французскіе актеры своимъ умѣньемъ держаться на сценѣ и тѣми „хорошими манерами", которыя ставятся всегда въ примѣръ нашимъ актерамъ. Затѣмъ, практическихъ классовъ, совершенно независимыхъ одинъ отъ другаго, четыре, подъ руководствомъ актеровъ французской комедіи: Го, Делонэ, Вормсъ и Мобанъ. Каждый изъ этихъ четырехъ преподавателей набираетъ себѣ классъ изъ числа вновь вступающихъ учениковъ и ученицъ и занимается ими до того времени, когда сочтетъ подготовку достаточною для *конкурса* на выпускныя *преміи*. Занятія въ классѣ (два урока въ недѣлю) состоятъ изъ разучиванія ролей репертуара театровъ: Comedie Française, Odeon и Gymnase, причемъ учитель исправляетъ недостатки дикціи, показываетъ *съ голоса* интонаціи роли и необходимыя сценическія движенія на классной эстрадѣ, но безъ всякихъ декорацій, костюмовъ, грима или аксессуаровъ, которыхъ ученики консерваторіи никогда и не видятъ во все время прохожденія курса. Напавъ на какую-нибудь роль, подходящую ближе къ способностямъ учащагося, преподаватель начинаетъ „вдалбливать" ее въ ученика со всѣми подробностями тона (*съ голоса же*) и жестовъ, и къ конкурсу доводитъ свою *работу* до желаемаго совершенства: молодой артистъ играетъ *свою роль* (Тартюфа, Арманъ Дюваля или другую) *тонъ въ тонъ* и *жестъ въ жестъ*, какъ старый актеръ—исполнитель этой роли на „большой" сценѣ, или, какъ самъ учитель, если роль эта принадлежитъ къ репертуару сего послѣднято. Выученный съ голоса, какъ канарейка подъ шарманку, молодой артистъ удостоивается преміи и по уставу консерваторіи вступаетъ въ число артистовъ одного изъ субсидируемыхъ театровъ, гдѣ и оказывается... ничего не умѣющимъ играть, кромѣ своей *школьной* роли, и лишнимъ бременемъ для сцены. Тогда начинается то именно самовоспитаніе уже на сценѣ, которое въ результатѣ и даетъ болѣе или менѣе полезнаго актера, весьма мало чѣмъ обязаннаго пресловутой консерваторіи. Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что въ консерваторію поступаетъ матеріалъ, подготовленный относительно хорошо, въ смыслѣ дикціи и декламаціи, и избранный

между лучшими претендентами: изъ 200 человѣкъ, стремящихся въ консерваторію и читающихъ вообще не дурно, попадаетъ въ нее человѣкъ 20 не болѣе. Эти избранные, въ теченіе консерваторскаго курса, конечно, еще улучшаютъ свою дикцію, и эта именно сторона представляется единственнымъ неотъемлемымъ качествомъ всѣхъ французскихъ актеровъ, которымъ они *отчасти* обязаны школьной подготовкѣ; причину же вообще высокаго сценическаго уровня французскихъ артистовъ надо искать, какъ выше уже было сказано, не въ консерваторіи, а *внѣ ея*. Какъ я уже сказалъ, сами французы сознаютъ слабыя стороны своей школьной художественной подготовки и не рѣдко подаютъ голосъ за коренныя преобразованія парижской консерваторіи, въ чемъ можетъ убѣдиться всякій, прочтя въ „Revue des deux mondes“ статьи Луи де-Гондераксъ по этому вопросу.

Въ чемъ же, однако, должна заключаться школьная подготовка актеровъ? Д. В. Аверкіевъ, въ приведенной уже выше статьѣ, даетъ слѣдующій отвѣтъ: „въ театральныхъ школахъ слѣдуетъ обращать большое вниманіе на выработку того матеріала, при посредствѣ котораго воплощается творческая мечта артиста, т. е. на выработку его голоса, который долженъ быть и силенъ и гибокъ; на выработку его движеній, при чемъ, конечно, не такъ важно изученіе условныхъ жестовъ и позицій, или манеръ, сколько выработка подвижности и гибкости членовъ, которыя дѣлали бы ихъ послушливыми намѣреніямъ артиста; не манеры ему нужны, а именно полная свобода движеній. Въ этомъ и заключается собственно техника актерскаго дѣла, сама по себѣ ничего не значущая, но чрезъ которую полезно пройти не только рядовому таланту, но и высокодаровитому артисту. А у насъ подъ техникой разумѣютъ хорошія манеры, умѣнье играть извѣстныя роли, даже чуть-ли не умѣнье выражать лицомъ всевозможныя душевныя чувства и движенія! Стоитъ, молъ, поучиться,—и станешь актеромъ. Къ сожалѣнію, у насъ весьма мало обращается вниманія на выработку настоящей актерской техники, на упражненія голоса и тѣла“.

Хотя и нельзя согласиться съ почтеннымъ авторомъ „парадоксовъ“, что въ этомъ и состоитъ *вся* техника сценическаго художества, есть кое-что и еще, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ,—но несомнѣнно, что главною задачею школы должна быть обработка актерскаго матеріала—голоса, дикціи

и движеній. Эта задача далеко не изъ легкихъ, если принять въ соображеніе, что въ школу являются люди такого возраста, когда складъ организма почти уже опредѣлился, когда многія привычки и особенности успѣли уже прочно привиться къ натурѣ, сдѣлавшись ея инстинктивными, непроизвольными свойствами. Чтобы побѣдить укрѣпившіяся многими годами привычки, чтобы, взамѣнъ ихъ, привить другія, и привить съ такой же силой *непроизвольныхъ, инстинктивныхъ привычекъ*, свойствъ, *какъ бы врожденныхъ* (иначе они всегда будутъ обличать искусственность и страдать отсутствіемъ естественной свободы),—нужно много мускульнаго труда, напряженія воли и частыхъ упражненій. Понятно, что какіе-нибудь одинъ, два часа въ недѣлю такихъ упражненій никакой пользы не принесутъ и будутъ только формальною мѣрою для соблюденія полноты школьной программы, что, къ несчастью, у насъ постоянно и дѣлается. Человѣкъ до двадцатилѣтняго возраста былъ неуклюжъ въ своихъ движеніяхъ, и эта неуклюжесть вошла въ его плоть и кровь,—не сдѣлается же онъ болѣе ловкимъ и изящнымъ отъ того, что, разъ въ недѣлю, его будутъ заставлять продѣлывать упражненія для развитія ловкости движеній! Упражняйте его ежедневно, ломайте настойчиво его дурныя привычки соотвѣтствующими упражненіями, и только тогда можно будетъ добиться какого-нибудь результата. То же самое и съ развитіемъ голоса, и съ обработкой дикціи: только тогда выйдетъ толкъ, когда путемъ энергическихъ упражненій прививаемыя качества обратятся въ инстинктивныя привычки.

Еслибы актеровъ подготовляли съ малыхъ лѣтъ,—задача упрощалась бы значительно. Физическое воспитаніе малолѣтнихъ могло бы вестись именно къ извѣстнымъ цѣлямъ, и необходимыя свойства пріобрѣтались бы исподволь, естественнымъ путемъ. Наше театральное училище находится въ этомъ отношеніи въ исключительномъ, привилегированномъ положеніи; его воспитанники и воспитанницы могутъ съ малыхъ лѣтъ подготовляться, *на всякій случай*, къ карьерѣ *драматическихъ* артистовъ, ибо нельзя знать впередъ, къ чему они окажутся съ лѣтами способнѣе: въ балетъ, оперу или драму. Танцовальные классы у нихъ обязательны для всѣхъ—это служитъ ручательствомъ, что всѣ будутъ умѣть красиво ходить и держаться на сценѣ, будутъ ловки и граціозны въ движеніяхъ и хорошо носить костюмъ. Стоитъ обратить бо́льшее вниманіе на голосовыя упражненія и выразительное чтеніе съ

младшихъ же классовъ, и цѣль первоначальной подготовки будетъ достигнута, безъ всякаго ущерба прочимъ задачамъ училища,—вѣдь и балетные артисты хуже не будутъ, если выучатся пѣть и выразительно читать.

Театральное училище можетъ и свою научную программу приспособить къ потребностямъ сценической карьеры, давъ въ ней болѣе обширное мѣсто словеснымъ наукамъ, историческимъ и литературнымъ познаніямъ, что значительно приблизило бы къ осуществленію идеалъ *образованныхъ* актеровъ.

Но не будемъ отклоняться въ сторону; мы должны имѣть въ виду не воспитанниковъ и воспитанницъ интерновъ театральнаго училища, а общій типъ учащихся взрослыхъ, составляющихъ контингентъ театральныхъ школъ.

Какія требованія должны быть предъявляемы къ поступающимъ въ театральныя школы? Французская консерваторія никакого образовательнаго ценза отъ поступающихъ не требуетъ; у насъ, напротивъ,—склонны требовать, не ниже полнаго курса средне-учебныхъ заведеній. Мнѣ кажется, что истинная точка зрѣнія лежитъ не въ этихъ противуположныхъ крайностяхъ. Причина высокаго образовательнаго ценза у насъ кроется въ той же погонѣ за *образованнымъ актеромъ*, несостоятельность которой я уже указалъ. Всякій знаетъ, насколько различны и независимы другъ отъ друга сферы общаго образованія и художественнаго творчества: люди, одаренные большимъ талантомъ, часто не въ состояніи одолѣть всю книжную премудрость полнаго курса средне-учебныхъ заведеній, и закрывать двери театральной школы оттого, что человѣку не дался греческій синтаксисъ или тригонометрія,—по меньшей мѣрѣ странно. Съ другой стороны, никому не тайна, что аттестаты нашихъ гимназій мужскихъ и женскихъ не представляютъ еще собою ручательства въ *толковомъ* знаніи и тѣхъ наукъ, которыя имѣютъ близкое отношеніе къ театральному искусству: исторіи, словесности и знанія литературы. Конечно, не слѣдуетъ настежь открывать двери школы разнымъ, совсѣмъ безграмотнымъ, неудачникамъ, смотрящимъ на театральную школу, какъ на послѣдній путь къ жизненной карьерѣ. Вступительный контроль имѣетъ всѣ средства избавить школу отъ наплыва такихъ лицъ, выгнанныхъ отовсюду, которыя ищутъ въ ней послѣдняго прибѣжища, безъ всякихъ признаковъ *призванія*. Положимъ, вступительныя испытанія могутъ оцѣнивать почти исключительно *матеріалъ*, пригодный къ дѣлу, а не *спо-*

собность, обнаруживающуюся иногда далеко не сразу, проявляющуюся при дальнѣйшихъ школьныхъ занятіяхъ,—но они вправѣ предполагать у аспирантовъ наличность *влеченія* къ искусству и, въ силу этого, требовать извѣстнаго *знакомства* съ предметомъ, какъ *доказательства этого влеченія.* Знакомство это должно проявиться въ извѣстной литературной начитанности (хотя въ области драматической литературы), исключающей возможность такихъ отвѣтовъ, что Гамлета написалъ „какой-то заграничный сочинитель", какъ это случилось однажды въ дѣйствительности.

Вотъ почему, не исключая всякій образовательный цензъ, какъ во Франціи, и не требуя, какъ у насъ, аттестатовъ полнаго курса средне-учебныхъ заведеній, - желающихъ поступить въ театральныя школы слѣдовало бы подвергать особому, независимому отъ окончанія или неокончанія прежде проходимыхъ курсовъ, *спеціальному вступительному испытанію,* которое должно удостовѣрить, *во-первыхъ,* наличность *пригоднаго для сцены матеріала,* т. е. наружныхъ данныхъ, голоса и элементарныхъ качествъ дикціи (мы не можемъ быть такъ строги въ этомъ отношеніи, какъ во Франціи, такъ какъ у насъ еще слишкомъ мало распространено обученіе выразительному чтенію и декламаціи), а *во-вторыхъ,*—у лицъ, удовлетворяющихъ уже этому главному требованію,—наличность познаній *въ исторіи, въ отечественномъ языкѣ, словесности, и знакомство съ главнѣйшими литературными памятниками* общеевропейскими (переведенными) и отечественными. Этихъ познаній совершенно достаточно для вступленія въ школу и для дальнѣйшаго прохожденія ея курса.

Обратимся теперь къ вопросу раціональной программы курса театральной школы. Курсъ ея долженъ быть трехгодичнымъ, какъ *минимальная* норма, максимальная же опредѣлится способностями и успѣхами учащихся. Перваго учебнаго года вполнѣ достаточно для того, чтобы способности учащагося выяснились въ глазахъ опытныхъ преподавателей. Поэтому, переводъ на второй курсъ долженъ быть дѣлаемъ съ большимъ разборомъ, непереведенные же могутъ быть прямо удаляемы изъ школы, чтобы избавить ихъ отъ дальнѣйшей безплодной потери времени. Второй курсъ долженъ окончательно выяснить сценическій темпераментъ, склонности и характеръ способностей учащихся, ибо возможны случаи, что, удовлетворяя требованіямъ перваго курса, они оказываются несостоятельными предъ болѣе спеціальными требованіями втораго; поэто-

му, и переходъ со втораго на третій курсъ долженъ быть произведенъ также по испытанію. Пребываніе на третьемъ курсѣ не должно быть ограничено срокомъ, а зависитъ отъ успѣховъ и степени готовности учащагося.

Главное вниманіе, какъ уже сказано, должно быть обращено на *обработку актерскаго матеріала*. Поэтому особенную важность имѣеть *первая группа занятій*: обработка голоса, движеній и дикціи. Занятія эти образуютъ слѣдующіе классы:

1. *Классъ Сольфеджіо*, имѣющій предметомъ: опредѣлить регистръ голоса, выравнять голосъ, укрѣпить и развить его; развить искусство дыханія, чувство ритма и музыкальный слухъ; согласованіе тона своего голоса съ тонами другихъ; совмѣстныя голосовыя упражненія, хоровое пѣніе. *Классъ этотъ долженъ продолжаться 2 года*; учащіеся обоихъ курсовъ занимаются совмѣстно, при чемъ учащіеся втораго курса могутъ упражняться на болѣе сложныхъ сольфеджіо, чѣмъ учащіеся перваго курса. Этотъ классъ долженъ происходить *не менѣе двухъ разъ въ недѣлю по часу*.

2. *Классъ танцевъ и maintien*—тоже *двухлѣтній* и *не менѣе трехъ уроковъ въ недѣлю*—сперва какъ общая гимнастика тѣла, упражненія съ цѣлью придать движеніямъ гибкость, ловкость и округленность; затѣмъ—упражненія въ значительности, красотѣ и отчетливости элементарныхъ позъ и жестовъ и умѣнье сообразовать движенія, позы и жесты съ костюмомъ. Въ помощь этимъ упражненіямъ (на второмъ курсѣ) непремѣнно должны быть даны костюмы и аксессуары главнѣйшихъ культурныхъ эпохъ и народовъ (классическій, средневѣковой, французскій XVI, XVII и XVIII вв. и историческій и бытовый русскій), а иногда и гриммъ, чтобы *сроднить* ученика со внѣшними формами изображаемаго лица, чтобы онъ не чувствовалъ себя стѣсненнымъ ими.

3. Въ помощь къ этому классу и съ тѣми же цѣлями, возможно болѣе развить свободу движеній, долженъ стоять *классъ фехтованія*, не менѣе *двухъ разъ въ недѣлю*, и также *двухлѣтній*, причемъ на второмъ курсѣ могутъ быть показаны пріемы (въ костюмахъ) *историческаго фехтованія*.

4. *Классъ дикціи и декламаціи* долженъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ программѣ *перваго курса* и не менѣе *четырехъ уроковъ въ недѣлю, по два часа* каждый, полагая вообще средній составъ курса 20—30 человѣкъ. (Во второмъ и третьемъ курсахъ надо предполагать 15—20 человѣкъ). Предметъ класса

ясенъ самъ собой; замѣчу только, что съ выработкой технической стороны сценической дикціи и съ переходомъ къ декламаціоннымъ упражненіямъ въ эпическихъ и лирическихъ, прозаическихъ и стихотворныхъ произведеніяхъ, опытное ухо преподавателя всегда подмѣтитъ прирожденную способность или даровитость и почти безошибочно можетъ опредѣлить предназначеніе учащагося къ ролямъ того или другаго характера. Искренность драматическаго чувства, искренность порыва, комическая жилка, естественная наивность или веселость тона, непремѣнно скажутся въ чтеніи и не драматическихъ произведеній и укажутъ будущихъ любовниковъ, комиковъ, ingenue или кокетокъ. Преподаватель дикціи и декламаціи обязанъ всѣ свои указанія и упражненія направлять къ спеціальной цѣли школы и не упускать изъ виду, что его задача—подготовить *актеровъ*, а *не чтецовъ*, хотя каждый актеръ и долженъ быть хорошимъ чтецомъ и декламаторомъ.

Если классы декламаціи и сценической практики вручены въ школѣ разнымъ лицамъ (что гораздо цѣлесообразнѣе и удобнѣе), а не соединены въ одномъ, то классъ декламаціи не долженъ касаться драматическаго чтенія, ограничиваясь подготовительными занятіями на чтеніи эпическомъ и лирическомъ. Иначе ученики могутъ быть сбиты съ толку въ дальнѣйшихъ занятіяхъ, такъ какъ каждый преподаватель сценической практики неминуемо вноситъ извѣстную долю субъективности въ свои замѣчанія и поправки.

5. *Классъ сценической практики*, сообразно числу учащихся, можетъ быть врученъ одному или нѣсколькимъ преподавателямъ, но съ строгимъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, разъединеніемъ одного класса отъ другаго и съ воспрещеніемъ переходовъ отъ одного преподавателя къ другому, какъ это впрочемъ вездѣ и практикуется. Оно и понятно: обработывая актерскій матеріалъ учащагося, преподаватель придаетъ ему извѣстный складъ, стиль, манеру игры, и, являясь отвѣтственнымъ за художественную физіономію ученика, долженъ имѣть его подъ своимъ вліяніемъ все время курса.

По количеству труда, классъ сценической практики долженъ занимать, на второмъ курсѣ—не менѣе *четырехъ уроковъ въ недѣлю* по *два часа* каждый, а на третьемъ курсѣ всѣ *шесть уроковъ*, т. е. *ежедневно* и продолжительности класса опредѣлить нельзя, но приблизительно *по четыре часа* или 24 въ недѣлю.

Было бы непростительнымъ увлеченіемъ и существенной

ошибкой задаваться въ практическомъ классѣ пріобрѣтеніемъ учащимися *сценической опытности*. Школа, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ дать театру вполнѣ готоваго актера, и выше уже было говорено, что только дальнѣйшее, на практической карьерѣ, самосовершенствованіе дѣлаетъ актера вполнѣ пригоднымъ для художественной дѣятельности. Равнымъ образомъ, совершенно не въ задачахъ и силахъ школы *составить учащемуся репертуаръ ролей его амплуа*. По размѣрамъ времени занятій и кропотливости прилагаемаго труда, въ школьныхъ упражненіяхъ, можетъ быть пройдено количественно весьма лишь немногое; да кромѣ того, и школьный репертуаръ, служа извѣстнымъ, такъ сказать, педагогическимъ цѣлямъ, можетъ совершенно не совпадать съ тѣмъ, какой понадобится молодому артисту послѣ выхода изъ школы. Поэтому, главною задачею класса сценической практики должно быть, съ одной стороны, ближайшее опредѣленіе характера сценическихъ способностей ученика, а съ другой—преподаніе пріемовъ, *какъ обращаться съ порученной ролью*. Пріемы исполненія, основной тонъ роли, стиль игры и детали воспроизведенія на сценѣ авторскаго замысла, конечно, могутъ быть указаны лишь въ наиболѣе крупныхъ чертахъ, насколько они достижимы неопытному исполненію учащихся. Главное дѣло, повторяю, все-таки, указать, какъ должно относиться къ воспроизведенію извѣстнаго образа, разъяснить его существенные признаки и его соотношенія къ другимъ лицамъ пьесы. Матеріаломъ для такихъ указаній должны служить только такія созданія, въ которыхъ, какъ въ фокусѣ, всѣ наиболѣе характерныя черты типа сосредоточены и рельефно освѣщены авторскимъ геніемъ. Такимъ именно матеріаломъ преимущественно долженъ быть *классическій репертуаръ*, образы котораго являются прототипомъ остальныхъ разновидностей. Актрисы, овладѣвшія характерными чертами ролей Агнессы или Селимены, легко совладаютъ съ прочими ролями ingénue или кокетокъ, а актеръ, уловившій суть роли Тартюфа, легко уже будетъ справляться съ подобными характерными ролями.

Форма классныхъ занятій будетъ зависѣть отъ состава учащихся и такта преподавателя. Начинаясь съ упражненій менѣе сложныхъ, съ исполненія отдѣльныхъ мѣстъ роли и сценъ пьесы, во второмъ курсѣ,—занятія могутъ развиться, въ третьемъ курсѣ, до воспроизведенія цѣлыхъ ролей въ полномъ объемѣ ихъ содержанія и выдержаннаго съ начала до конца

стиля, и до исполненія цѣлыхъ пьесъ, если это окажется возможнымъ. Такія ученическія упражненія *не должны быть публичными*, ибо вредъ, неизбѣжно соединенный съ „публичностію" ихъ, ничѣмъ не выкупается. Въ оправданіе, приводится обыкновенно необходимость пріучать учащихся къ обстановкѣ настоящаго театра, къ публикѣ. Смѣю увѣрить, что присутствіе преподавателей и сотоварищей не только вполнѣ замѣняетъ публику по силѣ воздѣйствія *на нервы* исполнителей (если это ужь такъ необходимо), но и значительно превосходитъ. Серьезность же упражненія, его педагогическое значеніе, могутъ только выиграть отъ недопущенія публики. Конечно, школамъ, которымъ поневолѣ приходится „показывать свою работу" контролю общественнаго мнѣнія, нельзя ставить въ вину ихъ „ученическіе спектакли", но тамъ, гдѣ нѣтъ этой необходимости — непедагогичность такого пріема ничѣмъ оправдываема быть не можетъ.

Нельзя также оправдать никакими воспитательными выгодами участіе учащихся на „большой" сценѣ въ качествѣ *выходныхъ* актеровъ, съ цѣлью якобы пріучить ихъ къ настоящей сценѣ. Кромѣ значительной и безполезной траты времени, такая мѣра ничего не принесетъ: никакой привычки ученики не пріобрѣтутъ отъ того, что выйдутъ на пять минутъ *помолчать* на сценѣ, утомленные долгимъ, тоскливымъ ожиданіемъ выхода въ неудобномъ и жаркомъ костюмѣ, кое-какъ пригнанномъ и сшитомъ не по росту, а если и пріобрѣтутъ что-либо, то развѣ привычку небрежнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ.

Обязательный выпускъ окончившихъ школу, на сцену образцоваго театра, какими должны быть наши столичныя, казенныя сцены, тоже не можетъ считаться правильнымъ. Такое правило совершенно не вяжется съ понятіемъ объ образцовомъ театрѣ. Образцовая труппа должна быть составлена изъ лучшихъ, вполнѣ сформировавшихся и уже заявившихъ себя артистовъ, а не изъ неопытной, *не готовой* еще молодежи. Образцовый театръ — не школьная сцена, гдѣ „выигрывались" бы будущіе артисты на глазахъ публики, имѣющей право предъявлять къ такому театру болѣе строгія требованія. Пускай молодежь обыгрывается на частныхъ, провинціальныхъ сценахъ; если же существуетъ опасеніе, что складъ провинціальныхъ труппъ можетъ вредно повліять на еще не окрѣпшія способности, то еще лучше устроить отдѣльный

театръ молодыхъ артистовъ, театръ публичный, платный, съ хорошимъ и *полезнымъ* репертуаромъ, на которомъ молодыя силы могли бы развиться, окрѣпнуть и сформироваться въ готовыхъ артистовъ.

Въ поясненіе и научное подкрѣпленіе практическихъ занятій приведенной первой группы школьной программы, необходимо должны имъ сопутствовать нѣкоторыя теоретическія познанія, въ томъ строго необходимомъ лишь размѣрѣ, какъ было выше указано. Эта *вторая группа теоретическихъ занятій* могла бы заключаться:

6. **Въ лекціяхъ о теоріи сценической техники** (на первомъ курсѣ, одинъ часъ въ недѣлю), разумѣя подъ этимъ заглавіемъ: анатомическій очеркъ костной, мускульной и нервной системы, кровеносныхъ органовъ, дыхательнаго и звуковаго аппарата; физіологическія понятія о дыхательномъ и голосовомъ процессѣ; образованіе звуковъ и элементы рѣчи; артикуляція гласныхъ и согласныхъ, недостатки произношенія и ихъ исправленіе; гимнастика голоса и рѣчи; теоретическія основы выразительнаго чтенія, декламація и ея идеалы; языкъ жестовъ, естественные и общепонятные жесты, условные жесты, сценическая жестикуляція; краткое понятіе о сценической пластикѣ; краткая анатомія лица и понятія о физіономикѣ; черты человѣческаго лица и ихъ значеніе для характеристики сравнительная морфологія лица; теорія мимики, выраженіе ощущеній и законъ Дарвина; естественное выраженіе душевныхъ состояній; мимика дѣтей и дикарей, выработка этихъ выраженій подъ вліяніемъ условій цивилизованнаго общежитія; искусственное воспроизведеніе ихъ на сценѣ; техническія условія сценическаго успѣха.

7. **Лекціи о синтезѣ сценическаго искусства** (на второмъ курсѣ, по одному часу въ недѣлю), по слѣдующей программѣ: основы сценическаго творчества; факты наблюденія и историческаго изученія, какъ элементы созданія сценическихъ типовъ. Теорія обдуманной и вдохновенной игры. Анализъ теоріи Дидро. Умственная подготовка актера. Цѣль ея—ясное представленіе типовъ классическихъ и выдающихся современныхъ произведеній и пониманіе того, какъ ихъ слѣдуетъ воспроизводить на сценѣ. Нервная выработка актера. Умѣнье владѣть и пользоваться своими нервами. Сценическая внѣшность. Вліяніе ея на выборъ амплуа. Сценическія средства. Сценическій темпераментъ. Амплуа въ зависимости отъ темперамента. Прежнія обозначенія амплуа. Измѣненія ихъ въ зависимости отъ репертуара. Сценическій талантъ. Созданіе типовъ. Естественный комизмъ и естественный драматизмъ. Пріемы драматической и комической игры. Художественныя начала сценическаго maintien. Благородство игры. Значеніе традицій. Сценическій реализмъ. Оптика сцены. Необходимость измѣненія жизненной правды примѣнительно къ условіямъ сцены. Художественное впечатлѣніе, какъ руководящее начало театральной оптики. Пріемы театральнаго искусства въ

связи съ господствующимъ репертуаромъ. Особенности исполненія классическаго, современнаго европейскаго и русскаго бытоваго и общаго репертуаровъ. Сценическій тонъ и сценическій maintien этихъ репертуаровъ. Классическая, мелодраматическая и реалистическая игра въ смыслѣ школы. Критическій разборъ игры знаменитѣйшихъ представителей всѣхъ трехъ школъ, у французовъ, нѣмцевъ и англичанъ (Гаррикъ, Кинъ, Мэкреди, Тальма, Рашель, Марсъ, Жоржъ, Фредерикъ Леметръ, Ольдриджъ, Сальвини, Росси и др.). Русская школа. Ея знаменитые представители: Мочаловъ, В. Каратыгинъ, Щепкинъ, Садовскій, Мартыновъ, Шумскій и др. Художественный реализмъ, какъ основное правило сценическаго выполненія.

8. *Классъ аналитическаго чтенія драматическихъ произведеній* долженъ пополнять собою вышеизложенныя теоретическія свѣдѣнія по синтезу, какъ примѣры, представляемые литературой, и служить къ ознакомленію съ тѣми произведеніями, которыя не вошли въ практическія сценическія упражненія; а такъ какъ таковыхъ будетъ, конечно, не мало (рѣчь идетъ, конечно, только о наиболѣе важныхъ пьесахъ), то классъ этотъ потребуетъ не менѣе двухъ уроковъ въ недѣлю, по два часа каждый, въ теченіе и перваго, и втораго курсовъ. Читая ученикамъ драматическое произведеніе, преподаватель долженъ входить не въ литературно-критическую ихъ оцѣнку, а въ *анализъ пьесы съ точки зрѣнія ея сценическаго исполненія*. Задача преподавателя, поэтому, будетъ главнымъ образомъ — охарактеризировать главнѣйшихъ лицъ пьесы, какъ сценическіе типы, указать наиболѣе характерныя сцены и мѣста роли и разъяснить главныя черты ихъ исполненія. Къ этому должно быть присоединено, гдѣ возможно, указаніе традицій и особенностей игры того или другаго знаменитаго исполнителя этой роли. Классъ этотъ весьма важенъ по задачамъ и, при талантѣ преподавателя, можетъ имѣть огромное образовательное значеніе для учащихся и большой интересъ въ ихъ глазахъ.

Остается *третья группа* занятій, имѣющая предметомъ необходимыя для артиста дополнительныя свѣдѣнія, которыя могутъ быть преподаны въ слѣдующей формѣ:

9. Лекціи по *исторіи драматической литературы и театра*, понимая указанія главнѣйшихъ драматическихъ памятниковъ, біографіи ихъ авторовъ и историческія свѣдѣнія о театральной жизни эпохи, театральныхъ формахъ и главнѣйшихъ сценическихъ дѣятеляхъ. Курсъ этихъ лекцій *двухлѣтній* (на 1 и 2 курсахъ), причемъ, избѣгая излишнихъ подробностей,

возможно было бы, вслѣдъ за исторіей европейскаго театра, прочесть и исторію русскаго театра. На каждомъ курсѣ такихъ лекцій должно быть не менѣе *двухъ въ недѣлю*, каждая *по часу*.

10. *Лекціи по исторіи внѣшняго быта* (одна часовая лекція въ недѣлю на 1-мъ и столько же на 2-мъ курсѣ) должны давать, въ формѣ живаго разсказа и демонстрацій рисунками и предметами, понятія о формахъ жизни въ различныя историческія эпохи, подразумѣвая: одежду, оружіе, домашнюю обстановку, моды, нравы, этикеты и вообще обычаи и пріемы общежитія. Лекціи эти должны касаться только эпохъ, *наиболѣе важныхъ и чаще воспроизводимыхъ на сценѣ*. Какъ-то: античной Греціи и Рима, среднихъ вѣковъ, XVI—XVIII столѣтій, до-Петровской Руси и Россіи первой половины текущаго столѣтія.

11. Наконецъ, *классъ гримировки* (*одинъ часъ* въ недѣлю для 1-го и 2-го курсовъ *совмѣстно*) долженъ дать элементарныя теоретическія указанія искусства грима и, главнымъ образомъ, служить для *практическихъ упражненій* учащихся въ гримировкѣ, употребленію парика и т. д.

Въ сложности, *каждый курсъ* будетъ занятъ по 24 часа въ недѣлю или въ среднемъ выводѣ, *по 4 часа ежедневно*, что нельзя признать особенно обременительнымъ. Остается достаточно времени и для приготовленія и обдумыванія заданнаго, и для другихъ занятій съ цѣлью самообразованія. Такова, въ общихъ чертахъ, должна быть, по моему мнѣнію, программа театральныхъ школъ, не впадая въ крайности избытка теоріи или полнаго ея отсутствія.

Неминуемо возникаетъ вопросъ, должны ли быть обязательными, а стало быть и подлежащими провѣркѣ чрезъ экзамены, такіе предметы, какъ теорія сценической техники, синтезъ сценическаго искусства, исторія театра, быта и аналитическое чтеніе? Какъ поступать съ учащимися, не удовлетворившими требованіямъ переводныхъ экзаменовъ по этимъ предметамъ, при успѣхахъ въ практическихъ занятіяхъ и очевидной сценической способности? Несомнѣнно, что въ театральной школѣ главное дѣло—это способность и успѣхъ въ практикѣ искусства; на остальное можно смотрѣть очень снисходительно при этомъ условіи. Если же лекціи по перечисленнымъ предметамъ будутъ читаться талантливо, живо и интересно, то и безъ всякой обязательности онѣ будутъ посѣщаться учащимися, которые невольно поддадутся захватываю-

щему интересу вопросовъ, касающихся близкаго для нихъ дѣла.

Другой вопросъ, гдѣ найти пpoподавательскій персоналъ, вполнѣ удовлетворяющій своему назначенію. Для классовъ сольфеджіо, танцевъ, фехтованія, дикціи, грима и сценической практики еще можно найти людей знающихъ и способныхъ усвоить условія воспитательныхъ пріемовъ. Для лекцій по исторіи театра и быта—тоже найдутся спеціалисты, имѣющіе возможность подготовить потребный курсъ. Теоретическіе же предметы, какъ техника, синтезъ и аналитическое чтеніе, должны еще создать себѣ и курсы, и преподавателей, такъ какъ дѣло это у насъ еще совсѣмъ новое. Конечно, не боги горшки обжигаютъ, и подготовка къ такимъ предметамъ—дѣло чисто компилятивнаго труда, но такъ какъ потребности до сихъ поръ не было, то и вопросы эти систематически еще не затрогивались. Особенно трудно было бы хорошо поставить классъ аналитическаго чтенія, требующій или литературно-образованнаго актера, или литературнаго критика, близко знакомаго съ условіями сцены и актерской практикой; а у насъ и то, и другое—явленія далеко не частыя. Къ этому затрудненію надо присоединить и другое—бѣдность педагогической литературы по вопросамъ курса театральныхъ школъ. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ слѣдуетъ привѣтствовать появленіе новаго опыта по этой части, опыта—принадлежащаго перу и инціативѣ г. С. Васильева. Имъ предпринято изданіе отдѣльныхъ брошюръ подъ общимъ названіемъ: „Драматическіе характеры. Опытъ разбора отдѣльныхъ ролей, какъ пособіе при ихъ исполненіи“,—изданіе, совершенно отвѣчающее требованіямъ аналитическаго чтенія. Г. Васильевъ началъ съ „Горя отъ ума“ и издалъ пока 2 выпуска, заключающихъ въ себѣ роли Молчалина и Софьи. Послѣ лицъ комедіи Грибоѣдова, г. Васильевъ намѣренъ издать рядъ анализовъ отдѣльныхъ типовъ изъ произведеній А. Н. Островскаго, а затѣмъ и изъ европейскихъ классиковъ. Хорошо, еслибы это намѣреніе осуществилось, но сомнительно, чтобы задуманный трудъ могъ оказаться подъ силу одному лицу, и во всякомъ случаѣ осуществить его можно не скоро, судя по срокамъ выхода первыхъ двухъ выпусковъ. Еслибы примѣру г. Васильева послѣдовали еще нѣсколько знатоковъ дѣла, каждый по излюбленному имъ типу, дѣло было бы двинуто сильно впередъ, и школьная литература могла бы быстро обогатиться. Но пока нельзя не быть

благодарнымъ г. Васильеву и за то, что имъ уже сдѣлано, тѣмъ болѣе, что задачу свою онъ выполняетъ прекрасно. Его анализы характеровъ ясны, чужды всякихъ произвольныхъ измышленій, послѣдовательны и основаны на данныхъ самой роли, пьесы и автора. Каждый выпускъ, кромѣ разбора характера, содержитъ рисунокъ костюма роли, саму роль и примѣчанія о чтеніи нѣкоторыхъ мѣстъ ея, въ смыслѣ правильной разстановки интерпунктаціи, удареній и надлежащаго тонированія. Въ двухъ только мѣстахъ, кажется, нельзя согласиться съ г. Васильевымъ: въ словахъ Молчалина: „собакѣ дворника, чтобъ ласкова была", авторъ усматриваетъ „потребность ласки, въ которой заключается глубоко человѣческая черта, вносящая блѣдный лучъ свѣта въ мракъ, закутывающій Молчалиныхъ", а въ восклицаніи Софьи: „Богъ насъ свелъ" видитъ что-то „піетистическое" въ увлеченіи ея Молчалинымъ: кажется, оба эти замѣчанія произвольны и едва-ли вѣрны.

Г. Васильевъ положилъ хорошее начало учебной театральной литературѣ и тѣмъ сдѣлалъ цѣнный вкладъ въ школьное дѣло, нуждающееся въ дружномъ содѣйствіи всѣхъ, кому дороги интересы роднаго театра и его будущность.

Д. К—Ъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Путешествія министровъ.—Пожеланія торговаго сословія.—Необходимость государственнаго промышленнаго и меліораціоннаго кредита.—Средства къ его осуществленію.—Слухи объ учрежденіи министерства земледѣлія.—Его задачи.—Курсъ и хлѣбныя цѣны.—По поводу фиксированія курса и преобразованія нашей денежной системы.—Нѣмцы на Волыни.—Обузданіе еврейскихъ выходокъ.

Вторая половина августа и весь сентябрь многими начальниками высшихъ правительственныхъ учрежденій проведены въ поѣздкахъ по Россіи съ цѣлями служебными и въ видахъ нагляднаго, такъ сказать, изученія народныхъ нуждъ, выдвигающихъ на разрѣшеніе сложныя государственныя задачи. Обозрѣвали свои вѣдомства министры военный и государственныхъ имуществъ, протопресвитеръ арміи и флота, синодальный оберъ-прокуроръ и государственный контролеръ. Министръ путей сообщенія обозрѣвалъ желѣзно-дорожныя и портовыя сооруженія, присутствовалъ при началѣ новыхъ работъ по урегулированію русла Днѣпра и на открытіи движенія по обходному пути и сквозь туннель Сурамскаго перевала. Начальникъ главнаго тюремнаго управленія по дѣламъ службы предпринялъ путешествіе въ наши средне-азіатскія владѣнія [1]). Министръ финансовъ, въ сопровожденіи директора департамента желѣзно-дорожныхъ дѣлъ, посѣтилъ Нижегородскую ярмарку, Казань, Саратовъ, Ростовъ, Тифлисъ и, подробно ознакомившись съ нефтянымъ промысломъ въ Баку, прослѣдовалъ въ

[1]) И мы съ удовольствіемъ прочли въ телеграммѣ изъ Ташкента, что однимъ изъ послѣдствій этого путешествія явилось предположеніе утилизировать арестантскій трудъ для крупныхъ ирригаціонныхъ и другихъ общественныхъ работъ.

Закаспійскую область, Бухару и Туркестанское генералъ-губернаторство, гдѣ на мѣстной выставкѣ, въ Ташкентѣ, имѣлъ случай обозрѣть естественныя богатства и убѣдиться въ быстромъ развитіи производительныхъ силъ этого богатаго края, названнаго имъ алмазомъ въ русской коронѣ. Наконецъ, нельзя не отмѣтить, какъ провѣрку боевой готовности нашихъ войскъ, и большихъ маневровъ на Волыни, происходившихъ подъ личнымъ наблюденіемъ Государя Императора. Конецъ лѣта и начало осени проведены ближайшими сотрудниками Верховнаго Правителя Россіи за работою практическихъ изслѣдованій, которыя, повидимому, начинаютъ преобладать надъ теоретическими построеніями въ системѣ нашего государственнаго управленія. Конечно, опыты, подобные волынскимъ маневрамъ, и путешествія государственныхъ сановниковъ на дальнія окраины обходятся не дешево, но странѣ еще дороже стоили бы канцелярскія измышленія бюрократіи, ни на какихъ положительныхъ данныхъ не основанныя или впадающія въ противорѣчіе съ дѣйствительными явленіями жизни. Никакая подготовка, никакія личныя дарованія не могутъ замѣнить администратору впечатлѣній живой дѣйствительности, постоянно видоизмѣняющейся и нерѣдко предъявляющей требованія, вовсе не предусмотрѣнныя теоретиками. Наука и природный умъ несомнѣнно помогаютъ разобраться въ этихъ требованіяхъ, но они не предохраняютъ отъ несноснѣйшаго и величайшаго изъ золъ бюрократіи—самомнѣнія,—всегдашняго спутника канцелярской обособленности или кабинетной замкнутости,—которое обыкновенно ведетъ къ тому, что и вѣрно намѣченныя цѣли не достигаются вслѣдствіе непрактичности пріемовъ, т. е. не только по причинѣ безусловной негодности, но и несогласованности законодательныхъ или административныхъ мѣръ съ мѣстными условіями или съ характеромъ населенія. Иногда не приноситъ пользы и непосредственное общеніе государственныхъ сановниковъ съ „землею", понимая это слово въ его древне-русскомъ смыслѣ; но самомнѣніе иныхъ бюрократовъ все же до нѣкоторой степени отрезвляется обмѣномъ мыслей съ живыми людьми, изъ опыта знающими, чего именно имъ недостаетъ и какими средствами сами они располагаютъ для борьбы съ препятствіями.

Къ сожалѣнію, газетныя извѣстія о путешестіяхъ министровъ слишкомъ сухи, чтобы изъ нихъ можно было вывести не лишенныя вѣроятія предположенія о программѣ грядущей

дѣятельности различныхъ вѣдомствъ, тѣмъ не менѣе, даже изъ скудныхъ содержаніемъ телеграммъ „Сѣвернаго телеграфнаго агенства“ и хроникъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ газетъ видно, съ какимъ сознаніемъ выгодъ національной торговли и промышленности городскіе гласные и купечество обращаютъ свои ходатайства къ представителямъ высшаго правительства, готовымъ потрудиться на пользу общую и съ этою цѣлью изучающимъ нужды народнаго хозяйства въ разныхъ мѣстностяхъ, не исключая и дальнихъ окраинъ государства. Повсюду слышатся однѣ и тѣ же настойчивыя просьбы, повсюду пожеланія городскихъ обывателей, торговаго люда и промышленниковъ сводятся къ исправленію естественныхъ и развитію искусственныхъ путей сообщенія и механическихъ перевозочныхъ средствъ, къ установленію правильныхъ провозныхъ тарифовъ и дешеваго кредита для производительныхъ цѣлей. Прислушиваясь къ голосу людей повседневнаго опыта, нельзя не придти къ заключенію, что наши пути сообщенія и перевозочныя средства сильно отстали отъ быстраго роста производительныхъ силъ въ послѣдніе годы мирнаго времени, что система тарифныхъ ставокъ не свободна отъ погрѣшностей, препятствующихъ движенію товаровъ на ихъ естественные рынки путями кратчайшими или наиболѣе удобными, что бездорожье и отсутствіе или дороговизна промышленнаго кредита задерживаютъ развитіе матеріальнаго благосостоянія нашихъ юго-восточныхъ окраинъ, изобилующихъ дарами природы. Несомнѣнно, что здѣсь во многихъ точкахъ сталкиваются интересы казны съ частными интересами, но несомнѣнно также, что эти столкновенія въ значительной мѣрѣ обусловливаются внутреннею финансовою политикою, и что для общей пользы необходимо найти выходъ къ удовлетворенію обѣихъ сторонъ, при чемъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что казна играетъ роль подчиненную, такъ какъ не она снабжаетъ средствами народное хозяйство, а на-оборотъ. Государство самостоятельно располагаетъ только силою національнаго кредита, но эта сила опять же создается не имъ, а всею совокупностью народной производительности, развитіе которой и составляетъ главную задачу правительственныхъ органовъ, вѣдающихъ дѣла экономическія. Наши новыя земли, видимо, разсчитываютъ на широкое примѣненіе къ производительнымъ цѣлямъ этой могущественной силы; до сихъ поръ онѣ были безусловно лишены блага пользованія ею и не менѣе, чѣмъ наши сельскія захолустья, страдаютъ отъ ростовщичества.

Было бы излишне распространяться о размѣрахъ посильнаго для страны кредита въ этомъ направленіи. Стоитъ только начать и поставить дѣло на твердую почву, а затѣмъ, ускоряемый доступностію дешеваго промышленнаго кредита, ростъ народнаго благосостоянія самъ собою будетъ служить источникомъ для новыхъ оборотныхъ средствъ. Для начала же достаточно и тѣхъ мелкихъ суммъ, которыя временно остаются безъ дѣла, т. е. не втягиваются промышленными или торговыми оборотами, и чрезъ посредство сберегательныхъ кассъ сосредоточиваются въ рукахъ правительства, образуя въ общей массѣ весьма крупные капиталы. Опытъ показываетъ, что цѣлая половина суммъ, поступающихъ вкладами въ сберегательныя кассы, безъ всякой помѣхи въ своевременномъ удовлетвореніи потребованнаго вкладчиками возврата взносовъ, можетъ быть обращаема въ ссуды подъ долгосрочныя обязательства. Такъ, напримѣръ, изъ обзора операцій сберегательныхъ кассъ за 1888—89 г., составленнаго прусскимъ статистическимъ бюро, видно, что болѣе 52% общей суммы вкладовъ были выданы подъ закладныя на городскую и сельско-хозяйственную недвижимость. Въ процентныя бумаги было помѣщено лишь около $^1/_3$ общей суммы; затѣмъ выдано подъ долговыя обязательства съ поручительствомъ 4,38%, подъ векселя 1,47%, подъ ручные залоги 1,69%, общественнымъ учрежденіямъ и корпораціямъ 6,52%. Относительная величина капиталовъ, помѣщенныхъ въ ипотеки, колебалась весьма незначительно, начиная съ 1871 года, и хотя эта величина, въ среднемъ, не превышаетъ 52%, но нѣкоторыя бранденбургскія кассы всѣ ввѣренныя имъ суммы помѣстили въ ипотеки. Общая сумма вкладовъ въ прусскія сберегательныя кассы къ концу отчетнаго 1888—89 года достигла 2.889.770.000 марокъ, стало быть въ ипотеки было помѣщено свыше 1.500 милліоновъ и подъ одну сельско-хозяйственную недвижимость, несмотря на сильное развитіе въ Пруссіи спеціальнаго поземельнаго кредита, болѣе 770 милл. марокъ (25,98% общей суммы вкладовъ). У насъ къ концу первыхъ семи мѣсяцевъ текущаго года состояло на лицо вкладовъ въ городскія сберегательныя кассы всего на сумму 136,2 милл. рублей; изъ нихъ, слѣдуя назидательному примѣру Пруссіи, можно было бы до 70 милл. удѣлить въ помощь сельскому хозяйству и промышленности, т. е. организовать государственный кредитъ промышленный (преимущественно для артелей кустарей) и сельско-хозяйственный меліораціонный (преиму-

щественно для снабженія сельскихъ хозяевъ земледѣльческими орудіями и машинами), первоначально съ оборотнымъ капиталомъ въ 70 милл. рублей. Оборотныя средства такого кредита постоянно возрастали бы съ развитіемъ сберегательныхъ кассъ, въ особенности почтово-телеграфныхъ, всего же болѣе съ ускореніемъ и упроченіемъ при его помощи роста народнаго благосостоянія. Такимъ образомъ, для устройства и дѣйствія государственнаго промышленнаго и сельско-хозяйственнаго кредита не представляется надобности въ какихъ бы то ни было займахъ и реализаціяхъ, слѣдовательно не представляется и надобности въ предварительныхъ соглашеніяхъ съ банкирами. Въ данномъ случаѣ правительство вовсе не нуждается въ услугахъ крупныхъ капиталистовъ, имѣя базисомъ для операцій своихъ новыхъ кредитныхъ установленій мелкія народныя сбереженія.

Само собою разумѣется, что прочная постановка и разумное веденіе дѣла промышленнаго и сельско-хозяйственнаго кредита требуетъ гораздо болѣе сложной и тонкой работы, чѣмъ безхитростная покупка на деньги вкладчиковъ государственныхъ процентныхъ бумагъ по курсу дня. Но, кажется, едва-ли желательно, въ виду вредной для народнаго труда склонности нашихъ капиталистовъ къ пріобрѣтенію процентныхъ бумагъ, о чемъ мы говорили въ предъидущемъ обозрѣніи, отклонять отъ производительныхъ цѣлей также и мелкія сбереженія. Если же администрація сберегательныхъ кассъ не можетъ поступать иначе, то это указываетъ только на неудовлетворительность правилъ, которыми она обязана руководствоваться, и на отсутствіе органа, связующаго предоставленные въ ея распоряженіе капиталы съ производительными силами страны. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что, распоряжаясь сотнями милліоновъ народныхъ сбереженій, она въ лицѣ государственнаго банка имѣетъ связи только съ биржевыми маклерами, т. е. съ посредниками спекуляціи и агентами биржевой игры? Въ то же время, въ составѣ высшихъ государственныхъ учрежденій нѣтъ спеціальнаго органа для завѣдыванія промышленностію и важнѣйшею изъ ея отраслей—сельскимъ хозяйствомъ. Сюда относящіеся предметы вѣдѣнія разрознены и безъ всякой системы распредѣлены по разнымъ министерствамъ. Винокуреніемъ и свеклосахарнымъ производствомъ, въ сущности, руководитъ департаментъ неокладныхъ сборовъ; обширная отрасль добывающей промышленности — горное дѣло—

совсѣмъ изъ ятаизъ вѣдѣнія министерства финансовъ; департаментъ мануфактуръ и торговли больше всего занятъ выдачею патентовъ на привилегіи; всякое страхованіе: строеній отъ огня, посѣвовъ отъ градобитія, скота отъ падежей, ветеринарная часть и переселенческое дѣло отнесены къ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ; коннозаводство выдѣлено въ особое управленіе; сельско-хозяйственная статистика будто бы ведется центральнымъ статистическимъ комитетомъ, но съ нимъ конкуррируетъ департаментъ земледѣлія министерства государственныхъ имуществъ, пользующійся по этой части услугами болѣе 2.000 вольныхъ корреспондентовъ; статистика фабрикъ, заводовъ и ремесленныхъ заведеній принадлежитъ главнѣйше къ числу любительскихъ занятій; вполнѣ достовѣрными могутъ считаться только свѣдѣнія о фабрикахъ и заводахъ съ производствами, обложенными акцизомъ,—свѣдѣнія, не отвѣчающія, впрочемъ, на весьма многіе изъ вопросовъ промышленнаго характера; распространеніемъ въ народѣ сельско-хозяйственныхъ знаній занимается сvнодальный оберъ-прокуроръ, а департаментъ земледѣлія упраздняетъ земледѣльческую академію, во главѣ которой стоялъ врачъ-окулистъ, и т. д. До чего можно растеряться въ поискахъ за подлежащимъ вѣдомствомъ для разрѣшенія назрѣвающихъ экономическихъ вопросовъ, лучше всего показываетъ тотъ фактъ, что вопросъ о мѣрахъ къ поднятію цѣнъ на сельско-хозяйственныя произведенія разсматривался въ коммисіи, учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Въ виду такихъ порядковъ, служащихъ очевидною помѣхою для воспособленія народному хозяйству всѣми имѣющимися въ распоряженіи правительства средствами,—порядковъ, тормозящихъ наиболѣе важную въ мирное время и прямо введенную въ нашу государственную программу дѣятельность власти,—не разъ возникала мысль объ учрежденіи особаго министерства промышленности и сельскаго хозяйства. Она уже давно поддерживается купечествомъ и помѣстнымъ дворянствомъ—двумя сословіями, наиболѣе сознающими интересы промышленности и сельскаго хозяйства и недостатокъ авторитетнаго предстательства за эти интересы въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Теперь, по свѣдѣніямъ „Нов. Времени", въ нашей столицѣ снова усиленно толкуютъ о министерствѣ земледѣлія. Вопросъ какъ бы уже предрѣшенъ, и учрежденія новаго министерства ждутъ въ ближайшемъ буду-

щемъ. По мнѣнію газеты, конечно, рискованно отожествлять эти толки съ самою дѣйствительностью, тѣмъ болѣе, что о министерствѣ земледѣлія не переставали говорить съ отмѣны крѣпостнаго права, а въ послѣдніе десять лѣтъ нерѣдко вопросъ этотъ считался, какъ и нынѣ, на самой близкой очереди. Но, повидимому, на этотъ разъ толки эти служатъ отголоскомъ серьезной попытки. Въ добрый часъ! Хотя мы и стоимъ за болѣе обширный кругъ дѣятельности новаго министерства, не видя достаточныхъ основаній къ обособленію вѣдомства сельскаго хозяйства отъ завѣдыванія многими, органически связанными съ сельскимъ хозяйствомъ, промыслами и отраслями обработывающей промышленности, но удачный починъ не останется, конечно, безъ вліянія на дальнѣйшія улучшенія въ государственномъ механизмѣ.

Главною задачею предполагаемаго министерства выставляется защита сельскаго хозяйства, которое, не смотря на то, что составляетъ основу нашего народнаго и государственнаго хозяйства, поминутно приносится въ жертву всякимъ другимъ отраслямъ промышленности и торговли, имѣющимъ болѣе дѣятельное и организованное представительство въ администраціи (совѣтъ при департаментѣ торговли и мануфактуръ, биржевые комитеты). Министерство земледѣлія должно-де предстательствовать, а въ нужныхъ случаяхъ и ходатайствовать по дѣламъ сельскаго хозяйства. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ оно являлось бы экспертомъ, указывая соотношеніе проектируемыхъ мѣропріятій въ области народнаго хозяйства къ основѣ этого хозяйства—къ земледѣлію. Голосъ министерства земледѣлія въ каждомъ отдѣльномъ вопросѣ народнаго хозяйства имѣлъ бы во всякомъ случаѣ большой вѣсъ, тогда какъ въ настоящее время, при возбужденіи всѣхъ подобныхъ вопросовъ, интересы земледѣлія остаются на послѣднемъ планѣ и далеко не всегда принимаются во вниманіе. Названная столичная газета приводитъ такой примѣръ: Въ случаѣ какого-нибудь невыгоднаго для земледѣлія домогательства со стороны другихъ промышленниковъ и торговцевъ, дѣло идетъ черезъ департаментъ торговли и мануфактуръ, который является ex officio покровителемъ всякой торговли и промышленности, кромѣ земледѣлія, и не можетъ входить въ оцѣнку дѣла съ точки зрѣнія интересовъ сельскаго хозяйства. Если въ канцеляріи и возникнетъ иногда вопросъ: не повредитъ ли предположенная мѣра какой-либо отрасли земледѣльческой промышленности?—то это дѣ-

лается „большею частью случайно, вслѣдствіе того, напримѣръ, что столоначальникъ какого-нибудь министерства, куда дѣло передается на заключеніе, лично не чуждъ интересамъ земледѣлія и настолько понимаетъ эти интересы, что можетъ замѣтить, по крайней мѣрѣ, грубое нарушеніе ихъ въ данномъ случаѣ“.

Кромѣ защиты, отъ министерства земледѣлія ожидаютъ и полезныхъ для сельскаго хозяйства начинаній. Кому охота въ настоящее время возбуждать вопросъ о страхованіи урожаевъ, такъ дѣятельно обсуждавшійся въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ? Кому какое дѣло до организаціи, хотя бы только въ предѣлахъ сельскаго хозяйства, государственнаго страхованія взамѣнъ дорого стоющаго акціонернаго и несостоятельнаго земскаго взаимнаго? На комъ лежитъ обязанность организовать предложенный выше меліораціонный и промышленный кредитъ, пользуясь вполнѣ готовыми для того средствами? Кто поставленъ по долгу службы, если не по собственной охотѣ, прислушиваться къ подобнымъ предложеніямъ, имѣющимъ цѣлью несомнѣнную пользу народнаго хозяйства? Припомнимъ, что и дворянскій поземельный банкъ возникъ по непосредственному указанію верховной власти, а не по мысли котораго-либо изъ вѣдомствъ.

Указываютъ на примѣръ маленькой и бѣдной Финляндіи, съ ея ничтожнымъ бюджетомъ. Она имѣетъ десятки среднихъ сельско-хозяйственныхъ школъ, высшій агрономическій институтъ, опытныя станціи и образцовыя фермы, прекрасно организованное руководительство по молочному хозяйству, по полеводству, по огородничеству. Положимъ, и мы стали заводить у себя все это, завели также скопированный съ финляндскаго „институтъ агрономическихъ смотрителей“, но онъ свелся у насъ къ назначенію крупныхъ окладовъ 3—4 чиновникамъ, къ которымъ, по увѣренію скептиковъ, не обратится за совѣтомъ ни мужикъ, ни помѣщикъ; что же касается сельско-хозяйственныхъ школъ, опытныхъ станцій и образцовыхъ фермъ, то развѣ ихъ количество въ обширной и крайне разнообразной по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ Россіи соотвѣтствуетъ финляндскому масштабу?

Если новое министерство безпощаднымъ изгнаніемъ изъ области народнаго хозяйства типа праздношатающихся или промышляющихъ интригами и разными аферами чиновниковъ поставитъ на надлежащую высоту занятіе дѣломъ

народнаго хозяйства, будетъ постоянно на сторожѣ интересовъ земледѣлія, при помощи меліораціоннаго кредита и разумнаго сельско-хозяйственнаго руководительства, опираясь на мѣстныя силы, спасетъ отъ окончательной гибели превосходную породу русской извозной и рабочей лошади, надѣлитъ земледѣльца доброкачественными орудіями и сѣменами, вызоветъ къ жизни умирающую на сѣверѣ культуру льна и другихъ фабричныхъ растеній, разовьетъ хлопковыя плантаціи на нашей средне-азіатской окраинѣ и разведеніе плодовыхъ деревьевъ внутри Россіи, наконецъ, научитъ правильному воспитанію домашняго скота и птицы, то оно уже окажетъ великую услугу народному и государственному хозяйству. Разумѣется, многое будетъ зависѣть отъ выбора главы предполагаемаго министерства, отъ его знаній, опытности, способностей, личной энергіи и любви къ дѣлу.

Нашему земледѣлію въ нынѣшнемъ году предстоятъ новыя испытанія вслѣдствіе рѣзкихъ колебаній курса кредитнаго рубля. Это крайне стѣснительное для нашей отпускной торговли обстоятельство съ особенною силой дало себя знать въ половинѣ истекшаго мѣсяца.

Съ конца августа цѣна кредитнаго рубля стала повышаться особенно быстро, такъ что въ первую сентябрьскую недѣлю за полуимперіалъ платили всего 6 р. 18 коп. кредитныхъ, слѣдовательно кредитный рубль стоилъ 80,906 коп. золотомъ. Такую высокую цѣну кредитный рубль имѣлъ только до Восточной войны, именно въ 1876 году. Но уже на второй сентябрьской недѣлѣ произошла, по выраженію биржевыхъ хроникеровъ, „ожесточенная схватка“ понижателей съ повышателями, вызванная приближеніемъ мѣсячной ликвидаціи. Схватка была-де очень жаркая; торговля кредитными билетами приняла большіе размѣры какъ заграницей, такъ и въ Петербургѣ, колебанія же курса происходили не только ежедневно, но по нѣскольку разъ въ день. „Уже отягченные значительными обязательствами“, повышатели не думали о дальнѣйшемъ ихъ увеличеніи, а обнаружили, напротивъ, намѣреніе реализовать свои барыши, и очень многіе изъ нихъ перешли на сторону противниковъ. Понижатели, въ теченіе долгаго времени постоянно остававшіеся въ проигрышѣ, ободрились, чему не мало способствовало также и слабое настроеніе рынковъ парижскаго и лондонскаго,—послѣдняго вслѣдствіе значительнаго изъятія зо-

лота изъ англійскаго банка, что понудило этотъ банкъ повысить учетный процентъ съ 4 до 5-ти. Германскій банкъ, изъ осторожности, послѣдовалъ примѣру англійскаго, а такъ какъ это повышеніе учетныхъ процентовъ совпало съ подготовительными дѣйствіями къ мѣсячной ликвидаціи, то оно произвело угнетающее вліяніе на нашъ курсъ, и полуимперіалы вздорожали въ промежутокъ 2 — 3 дней до 6 р. 45 к. кредитныхъ. Такова, въ краткихъ словахъ, исторія „небывалаго“ еще колебанія курса нашего кредитнаго рубля.

Понятно, что когда курсъ мѣняется по нѣскольку разъ въ день, то покупатели нашихъ дешевыхъ отпускныхъ товаровъ совершенно теряются, не зная, какую цѣну давать за товаръ на русскихъ рынкахъ, т. е. въ переводѣ на русскія деньги, послѣдствіемъ чего является затишье въ торговыхъ сдѣлкахъ и даже совершенная ихъ пріостановка. Такимъ образомъ застой въ нашей отпускной торговлѣ хлѣбомъ обусловливался въ истекшемъ мѣсяцѣ главнѣйше не высокою цѣною кредитнаго рубля, а рѣзкими колебаніями вексельнаго курса. Конечно, на хлѣбныя цѣны имѣло вліяніе удешевленіе золота по отношенію къ кредитному рублю, но не столь рѣшительно, какъ это могло бы казаться на первый взглядъ, потому что, сравнительно съ прошлогодними, хлѣбныя цѣны повысились на заграничныхъ рынкахъ, т. е. въ валютѣ металлической, слѣдовательно повышеніе курса кредитнаго рубля не могло вызвать *пропорціональнаго* этому повышенію паденія хлѣбныхъ цѣнъ на нашихъ отпускныхъ рынкахъ. Пудъ пшеницы подешевѣлъ всего на 7—8 коп., пудъ ржи на 3 коп., т. е. хлѣбныя цѣны подешевѣли на нашихъ рынкахъ процентовъ на 8, тогда какъ цѣна кредитнаго рубля (мы считаемъ начало сентября 1889 и 1890 гг.) поднялась на 20%. Въ настоящее время [1]) цѣна кредитнаго рубля нѣсколько оправилась послѣ описаннаго выше потрясенія, но за полуимперіалъ платятъ уже не 6 р. 18 к., а 6 р. 39 к., т. е. четырьмя копѣйками на рубль дороже, стало быть хлѣбныя цѣны на нашихъ рынкахъ еще болѣе приблизились къ прошлогоднимъ, и если настроеніе нашихъ отпускныхъ хлѣбныхъ рынковъ все еще „тихое“ и „вялое“, то винить въ этомъ можно, пожалуй, *неустойчивость* курса кредитнаго рубля, но не его *повышеніе*, котораго нѣтъ въ настоящую минуту.

---

[1]) Биржевой курсъ 24-го сентября.

Во всякомъ случаѣ рѣзкія колебанія курса крайне нежелательны. Они тормозятъ торговлю, спутывая самые правильные коммерческіе разсчеты, и неопредѣленностію положенія угнетаютъ промышленность. Поэтому, если невозможно скорое возстановленіе размѣна, на что, будто бы, надѣялись въ нашихъ финансовыхъ сферахъ, то неотложнымъ представляется фиксированіе курса бумажныхъ денегъ. Въ печати было высказано мнѣніе, что фиксированію курса много содѣйствовало бы пріобрѣтеніе серебра въ то время, когда оно было дешево, продавалось на лондонской биржѣ по 42 пенса за унцію, но министерство финансовъ или изъ опасенія дальнѣйшаго пониженія цѣны серебра, или потому, что сомнѣвалось въ возможности скораго возстановленія размѣна нашихъ бумажныхъ денегъ на этотъ металлъ, упустило удобный моментъ, а теперь американскій Silver bill поднялъ цѣну серебра на 25%, и нашъ кредитный рубль снова сильно отсталъ отъ цѣны серебрянаго рубля. Предусмотрѣть успѣхъ интриги такъ называемыхъ серебряныхъ королей, вынудившихъ изданіе серебрянаго билля, наше финансовое вѣдомство не могло даже въ томъ случаѣ, еслибы отчеты и донесенія русскихъ консуловъ отличались совершенною точностію и полнотою сообщаемыхъ ими свѣдѣній, чего, къ сожалѣнію, никакъ нельзя утверждать; тѣмъ не менѣе оно могло готовиться, если не къ возстановленію размѣна, то къ фиксированію курса и одновременно къ установленію въ нашемъ денежномъ обращеніи системы золотаго монометаллизма. Если таковы дѣйствительно намѣренія финансоваго вѣдомства, то оно поступаетъ съ должнымъ тактомъ, храня ихъ до поры до времени въ тайнѣ, иначе слухи о предстоящемъ коренномъ преобразованіи нашей денежной системы могли бы вызвать такую усиленную спекуляцію, что счетъ на кредитныя деньги долженъ бы былъ вовсе прекратиться, а затѣмъ рушились бы и многія изъ тѣхъ основаній, на которыхъ строилось задуманное преобразованіе. Такія рѣшительныя мѣры, какъ преобразованіе денежной системы, обязательно должны подготовляться въ строжайшей тайнѣ и приводиться въ исполненіе немедленно по ихъ обнародованіи.

Статьи Велицына, помѣщенныя въ нашемъ журналѣ, добросовѣстно и многосторонне выяснили современное значеніе нѣмецкихъ колоній для русскаго государства, для нашей народной жизни и народнаго хозяйства. Можно сказать безъ пре-

увеличенія, что г. Велицыну принадлежитъ заслуга изслѣдователя, раскрывшаго русскимъ людямъ глаза на великое зло, которое подъ личиною культурнаго элемента прокралось къ намъ и вкоренилось растлѣвающею язвою въ народномъ тѣлѣ. Мы знаемъ, съ какимъ стараніемъ г. Велицынъ изслѣдовалъ это зло, прежде чѣмъ рѣшился гласно обличить его, но тѣ, кому неизвѣстны были предварительные труды молодаго писателя и бытъ нѣмецкихъ колонистовъ былъ знакомъ только по наслышкѣ, или кто не былъ настолько прозорливъ, чтобы проникнуть во внутреннюю жизнь колоній, — тѣ относились съ нѣкоторымъ недовѣріемъ не къ самымъ фактамъ, выставленнымъ на показъ г. Велицынымъ, а къ ихъ освѣщенію, усматривали „сгущеніе красокъ", подборъ темныхъ сторонъ и т. п. Оказалось, однако, на повѣрку, что нашъ молодой писатель никакихъ красокъ не сгущалъ, темныхъ сторонъ не подбиралъ и вообще не создавалъ въ своемъ воображеніи болѣе уродливыхъ образовъ, чѣмъ давала сама дѣйствительность. Оказалось, что и другіе изслѣдователи выносятъ тѣ же впечатлѣнія, какія вынесъ г. Велицынъ изъ посѣщенія нѣмецкихъ колоній на югѣ Россіи, и что эти колоніи, въ какой бы мѣстности Россіи онѣ ни развелись, всѣ пропитаны одинаковымъ духомъ и преслѣдуютъ однѣ и тѣ же цѣли, враждебныя русскому государству и русской народности.

Недавно въ Кіевѣ вышла книжка г. Липранди, озаглавленная: „Какъ остановить мирное завоеваніе нашихъ окраинъ?" Авторъ брошюры доказываетъ, что нѣмцы избрали Волынь „вовсе не случайно". По мнѣнію г. Липранди, вполнѣ согласному съ мнѣніемъ г. Велицына, они заселяютъ пограничный уголъ русской земли, слѣдуя чьимъ-то указаніямъ по строго обдуманному плану. Здѣсь они создаютъ своего рода операціонный базисъ и отсюда разливаются по всему югу Россіи, вытѣсняя коренное населеніе. Нѣмцы не останавливаются ни передъ какими цѣнами, когда задумываютъ овладѣть какимъ-нибудь имѣніемъ, вслѣдствіе чего въ Дубенскомъ, Новградъ-Волынскомъ, Кременецкомъ и Ровенскомъ уѣздахъ образовались огромные участки нѣмецкой территоріи, какъ, напримѣръ, цѣлая мѣстность въ нѣсколько десятковъ квадратныхъ верстъ, называемая нынѣ Keneberg по фамиліи ея владѣльца Вильгельма Кене—главы одной торговой фирмы въ Берлинѣ. Въ Волынской губерніи нѣмцы овладѣли 620.000 десят. (что равняется четвертой части крестьянскихъ земель въ губерніи),

а изъ всей площади юго-западнаго края имъ принадлежитъ десятая часть.

Ростъ нѣмецкой колонизаціи въ краѣ выражается слѣдующими цифрами:

Съ 1781 по 1861 г. переселилось въ губерніи Кіевскую, Волынскую и Подольскую всего	13.025	нѣмцевъ
Съ 1861 по 1876 г.	40.121	„
„ 1876 „ 1882 „	49.962	„
„ 1882 „ 1890 „	75.800	„

Пресловутая нѣмецкая „культура“ представляетъ систематическое расхищеніе нашихъ естественныхъ богатствъ [1]). Крупные капиталисты покупаютъ сплошь всѣ имѣнія въ трехъ пограничныхъ уѣздахъ Волынской губерніи и дробятъ ихъ на мелкіе участки. На этихъ участкахъ возникаютъ поселки съ постоянно мѣняющимся населеніемъ. Нѣмецъ-колонистъ какъ-будто учится здѣсь хищническому способу хозяйства, освоившись съ которымъ и запасшись средствами, онъ двигается дальше въ глубь Россіи.

Онѣмеченіе занятыхъ колонистами мѣстностей совершается само собою. Мѣняются русскія названія на нѣмецкія, по-нѣмецки начинаютъ говорить работники, во множествѣ живущіе у колонистовъ, мѣстные крестьяне, когда имъ приходится (а это случается все чаще и чаще) вступать въ сношенія съ нѣмцами, и, по необходимости,—мѣстныя власти. Министерскія народныя школы въ значительномъ большинствѣ въ рукахъ нѣмцевъ. Вотъ цифры:

Уѣзды	*Число министерскихъ школъ:* *русскихъ*	*нѣмецкихъ*
Ровенскій	15	32
Луцкій	22	52
Новгр.-Волынскій	22	71
Житомірскій	28	83

Приведя эти удивительныя цифры, г. Липранди говоритъ далѣе:

1) Въ одномъ изъ нашихъ обозрѣній мы говорили, „что наиболѣе цѣнными лѣсами Полѣсья завладѣли иностранцы, которые и даютъ направленіе нашей заграничной лѣсной торговлѣ, доводя, при содѣйствіи евреевъ, естественныя богатства края до совершеннаго истощенія“ („Русск. Вѣстн.“ за 1890 г. VI).

„Вопросъ о нѣмецкихъ школахъ—это вопіющій вопросъ. Несмотря на то, что еще съ 1887 года всѣ нѣмецкія школы въ юго-западныхъ губерніяхъ подчинены вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія и обязаны все преподаваніе, кромѣ закона Божія, вести на государственномъ русскомъ языкѣ, онѣ до сихъ поръ *продолжаютъ быть разсадниками германизма и воспитываютъ враждебныхъ намъ членовъ общества.* Не говоря уже о томъ, что *все преподаваніе въ нихъ ведется на нѣмецкомъ языкѣ*, русскій языкъ въ нѣмецкихъ (министерскихъ?) школахъ строго игнорируется и по-прежнему преслѣдуется“ (разумѣется, колонистами и пасторами). „Изъ нѣсколькихъ десятковъ посѣщенныхъ нами нѣмецкихъ школъ, намъ ни въ одной не случилось найти *хотя бы какой-нибудь русской книги.* Мало того, *ни одинъ учитель не могъ объясняться* съ нами *по-русски.* Даже *журналы* въ этихъ министерскихъ школахъ *ведутся на нѣмецкомъ языкѣ* и *инструкціи* для школъ *отпечатаны по-нѣмецки.* Въ нѣсколькихъ школахъ намъ случилось найти польскія книги и учебники, но и тѣ были напечатаны нѣмецкимъ алфавитомъ. Такія книги существуютъ *для облегченія изученія нѣмецкаго языка польскими дѣтьми, которыя... воспитываются не въ русскихъ, а, по преимуществу, въ нѣмецкихъ школахъ.* Вообще говоря, въ нѣмецкихъ школахъ на юго-западѣ Россіи нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, что это юго-западъ Россіи, а не центръ Германіи. Посѣщая эти школы и прислушиваясь къ производимому въ нихъ преподаванію, трудно, даже *невозможно повѣрить, что это школы русскаго министерства народнаго просвѣщенія;* ни въ одной изъ нихъ намъ не пришлось видѣть портрета Государя Императора... Но за то во многихъ школахъ мы замѣтили на видныхъ мѣстахъ портреты германскаго императора; *ни одинъ изъ* спрошенныхъ нами *учениковъ не могъ отвѣтить* намъ, *какъ зовутъ Русскаго Императора*, но за то всѣ безъ запинки отвѣчали, кто такой Бисмаркъ, сколько ему лѣтъ и пр.“

Немыслимо, чтобы подобныя показанія во всеуслышаніе остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Принимая рѣшительныя мѣры къ водворенію русскаго языка въ прибалтійскихъ губерніяхъ, и не только въ правительственныхъ, но и въ частныхъ школахъ, министерство народнаго просвѣщенія не могло бы завѣдомо допустить изгнанія государственнаго языка изъ школъ искони русскихъ областей и къ тому же еще изъ такихъ школъ, которыя носятъ названіе „министерскихъ“. На обязанности центральнаго вѣдомства лежитъ подробное из-

слѣдованіе и выясненіе причинъ такого попустительства со стороны мѣстнаго учебнаго начальства, оно обязано немедленно возстановить нарушенный порядокъ или немедленно же закрыть школы, упорствующія въ своемъ противодѣйствіи объединительнымъ мѣропріятіямъ правительства. Во всемъ Юго-Западномъ краѣ, такъ же, какъ и въ краѣ Прибалтійскомъ и во всѣхъ нѣмецкихъ поселеніяхъ въ Россіи, вопросъ о преподаваніи на русскомъ языкѣ не есть вопросъ школьной дисциплины, а вопросъ государственный, и уклоненіе отъ преподаванія предметовъ на русскомъ языкѣ въ тамошнихъ школахъ является дерзкимъ фрондерствомъ и соблазномъ для юношества, которое тѣмъ труднѣе воспитывать въ духѣ гражданскаго долга, чѣмъ менѣе оно будетъ русскимъ по языку и по образу мыслей, усвоенному имъ на школьной скамьѣ еще въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ. Кромѣ того, если вѣрить наблюденіямъ г. Липранди, министерскія школы въ нѣмецкихъ колоніяхъ являются орудіемъ порчи дѣтей польскаго происхожденія, уроженцевъ Юго-Западнаго края. Туда намѣренно отдаются дѣти, обреченныя ихъ неразумными родителями на воспитаніе въ духѣ враждебномъ русской народности. Эти quasi-министерскія школы становятся, такимъ образомъ, притономъ и разсадникомъ не одного только германизма, къ которому и поляки не питаютъ особаго расположенія.

Г. Липранди говоритъ прямо, что, становясь временно подъ защиту русскаго государства, нѣмцы объявляютъ ожесточенную и непримиримую войну русской народности, а чтобы вѣрнѣе обезпечить за собой побѣду, ведутъ атаку на самыя основы русскаго духа—на вѣру, обычаи и культуру. Анализомъ многочисленныхъ совращеній онъ доказываетъ, что штунда имѣетъ не только религіозную, но также національную и политическую подкладку, стремясь разными соблазнами и вымыслами обратить православнаго въ лютеранина, русскаго въ нѣмца, духовнаго сына Россіи въ сына Германіи. Въ тѣсной связи со штундой распространяются мнѣнія о неизбѣжномъ отторженіи края отъ Россіи, о благодѣяніяхъ германскаго правленія и объ особыхъ милостяхъ „нѣмецкаго царя“ къ тѣмъ, кто успѣетъ къ моменту соединенія съ Германіей добровольно воспринять нѣмецкій духъ, вѣру и языкъ [1]).

---

[1]) Обо всемъ этомъ еще раньше сообщалъ Вс. Вл. Крестовскій, и тѣ же указанія находятся въ статьяхъ г. Велицына.

*

По мнѣнію г. Липранди, два закона, изданные въ послѣднее время съ цѣлью ослабить переселеніе нѣмцевъ въ русскіе предѣлы, нисколько не мѣшаютъ имъ мирно завоевывать наши окраины и если кому связываютъ руки, то только намъ самимъ. Законъ 14-го марта 1887 г., воспретившій иностраннымъ подданнымъ аренду и землевладѣніе въ десяти привислинскихъ и одиннадцати пограничныхъ и западныхъ губерніяхъ, какъ извѣстно, вызвалъ со стороны Германіи, повидимому придающей особую важность выселенію нѣмцевъ въ Россію, еще небывалую мѣру, именно допущеніе двойнаго подданства. Въ результатѣ получилось-де, что всѣ поселившіеся въ запретныхъ мѣстностяхъ нѣмцы, безъ колебаній, массами перешли въ русское подданство, сохранивъ всѣ права и обязанности подданныхъ германскимъ. (Понятно теперь, почему эти фактивные русскіе подданные такъ противятся введенію преподаванія на русскомъ языкѣ въ ихъ школахъ). Но тогда была еще нѣкоторая возможность очистить отъ инородцевъ по крайней мѣрѣ ближайшую пограничную полосу. Колонисты *арендаторы*, а не собственники земель, никуда не были приписаны, составляли временное населеніе и въ случаѣ войны могли быть удалены въ глубь Россіи. Эта возможность уничтожена вторымъ, направленнымъ противъ нѣмцевъ, закономъ 15-го іюня 1888 г., въ силу коего, нѣмцы-колонисты (не исключая арендаторовъ мелкихъ участковъ) на долгіе сроки были обязаны приписаться къ мѣстнымъ сельскимъ и мѣщанскимъ обществамъ. Такимъ образомъ мы собственными руками закрѣпили нѣмцевъ на своей границѣ. Со дня изданія послѣдняго закона нашъ юго-западъ обогатился *сорока тысячами* новыхъ гражданъ, а затѣмъ, каждый день „съ каждымъ поѣздомъ“ прибываютъ „все новыя и новыя толпы“...

Здѣсь очевидно недоразумѣніе, которое, казалось бы, можно и устранить. Но г. Липранди предлагаетъ болѣе вѣрное средство достигнуть цѣли, намѣченной правительствомъ,—средство, на всегда устраняющее всякія недоразумѣнія. Ссылаясь на законы 1864, 1865 и 1884 годовъ, касающіеся лицъ польскаго и еврейскаго происхожденія, онъ молитъ распространить эти законы также и на лицъ нѣмецкаго происхожденія, причемъ предлагаетъ такую редакцію: „Воспрещается лицамъ польскаго, еврейскаго и нѣмецкаго [1]) происхожденія покупка,

---

[1]) А не „иностраннымъ подданнымъ“, какъ выражено въ законѣ 14-го марта 1887 года.

аренда, залогъ, управленіе и вообще пользованіе на какихъ бы то ни было основаніяхъ землями въ западныхъ и вообще во всѣхъ пограничныхъ и сосѣднихъ съ ними губерніяхъ". Мы охотнѣе бы поставили въ этомъ проектѣ, вмѣсто словъ: „нѣмецкаго происхожденія", слова: „германскаго происхожденія", иначе можетъ возникнуть лишенное всякаго разумнаго повода предположеніе, что правительство намѣрено выселить изъ Прибалтійскаго края тамошнихъ уроженцевъ тевтонской крови или воспретить этимъ уроженцамъ селиться въ пограничныхъ и западныхъ губерніяхъ. Впрочемъ и такая редакція не вполнѣ бы насъ удовлетворила, потому что въ пограничныхъ мѣстностяхъ нежелательно имѣть поселенцевъ не только „германскаго", но и всякаго другаго *иностраннаго* происхожденія. Слѣдовательно, удобнѣе всего было бы сказать: „воспрещается лицамъ польскаго, еврейскаго, а также всякаго иностраннаго происхожденія" и далѣе, какъ выше изложено.

Слова генералъ-губернатора юго-западнаго края: „нельзя не страшиться, что путемъ колонизаціи нашей западной окраины Германія и Австрія пріобрѣтутъ среди насъ всегда готовое вѣрно служить имъ, для нихъ родное, населеніе", конечно, имѣютъ серьезное основаніе, и мы увѣрены, что высшее правительство неотложно приметъ самыя дѣйствительныя мѣры къ совершенному прекращенію въ западномъ краѣ иностранныхъ поселеній и позаботится о томъ, чтобы потомство нынѣшнихъ поселенцевъ вполнѣ сроднилось съ русскимъ народомъ и по языку и по духу.

По нашему мнѣнію, гораздо труднѣе претворить въ русскихъ людей громадное и скученное въ городахъ и мѣстечкахъ еврейское населеніе Эта масса нерастворима, какъ сѣра въ водѣ, и администраціи приходится, повидимому, только ее обезвреживать, всѣми мѣрами удаляя отъ соприкосновенія съ народомъ и въ то же время сдерживая ее въ границахъ внѣшней благопристойности. Въ послѣднемъ направленіи кое-что сдѣлано минувшимъ лѣтомъ. Вскорѣ послѣ извѣстнаго циркуляра могилевскаго губернатора, въ одесскія газеты мѣстнымъ градоначальникомъ было разослано объявленіе слѣдующаго содержанія:

„Многіе почтенные граждане города Одессы часто обращаются ко мнѣ съ просьбою объ обузданіи проявляемой евреями наглости при скопленіи публики и, въ особенности, во время занятія мѣста въ вагонахъ пригородныхъ желѣзныхъ дорогъ. Согласно заявленію

просителей, молодые люди изъ евреевъ, вмѣсто того, чтобы оказать уваженіе лицамъ преклоннаго возраста или носящимъ форму, свидѣтельствующую о ихъ высокомъ служебномъ положеніи, пренебрегая правилами вѣжливости и благопристойности, позволяютъ себѣ даже наносить обиды словами и дѣйствіемъ другимъ ѣдущимъ, которые вынуждены уступать невѣжамъ, не обладая еврейскою, въ данномъ случаѣ, смѣлостью Подобное поведеніе евреевъ, оставаясь безнаказаннымъ вслѣдствіе производимой ими сумятицы и кратковременности остановки вагоновъ, возбуждая ненависть противъ еврейскаго населенія, легко можетъ стать поводомъ возникновенія насилія надъ личностью и имуществомъ евреевъ.

„Вслѣдствіе этого, въ видахъ предупрежденія и для отвращенія поводовъ къ подобнымъ безпорядкамъ, объявляю во всеобщее свѣдѣніе, что каждый еврей, замѣченный въ нарушеніи порядка въ мѣстахъ скопленія публики или при посадкѣ въ вагоны пригородныхъ желѣзныхъ дорогъ, или же вообще въ оказаніи кому-либо при этомъ неуваженія или обиды—будетъ немедленно подвергнутъ строгому взысканію въ административномъ порядкѣ, примѣняемомъ къ лицамъ вреднымъ для общественнаго спокойствія.

„Вмѣстѣ съ симъ предлагаю г. одесскому полиціймейстеру сдѣлать распоряженіе объ усиленномъ наблюденіи за сборищами евреевъ въ публичныхъ мѣстахъ".

Безъ особыхъ полномочій, предоставленныхъ одесскому градоначальнику положеніемъ объ усиленной охранѣ, административная власть не могла бы оградить людей почтенныхъ отъ еврейской толпы. Мѣстныя газеты иллюстрируютъ ее многочисленными примѣрами, дѣйствительно возмутительными.

Виленскій генералъ-губернаторъ, въ свою очередь, не могъ не обратить вниманія на повседневное нарушеніе евреями внѣшней благопристойности и во время пріема депутацій отъ виленской городской думы, 3-го сентября, сказалъ, обращаясь къ гласнымъ изъ евреевъ:

„Во всѣхъ городахъ Европы, въ общественной жизни евреи стараются не отличаться отъ другихъ національностей; у насъ же наоборотъ: евреи, наперекоръ всѣмъ стремленіямъ правительства, силятся отстоять свою обособленность. Не буду касаться еврейской вообще распущенности, она возмутительна. Дѣти ваши находятся безъ всякаго надзора, они ползаютъ кучами по тротуарамъ и улицамъ, мѣшая проходящимъ и ѣдущимъ, болѣе же взрослые прямо безчинствуютъ. Наконецъ, нигдѣ не замѣчается такого безобразнаго явленія - еврейской толпы, собирающейся тотчасъ, какъ только въ дѣлѣ замѣшано что-нибудь касающееся евреевъ. Любопытные вездѣ есть, но собираться толпою и дѣйствовать, мѣшая полиціи и стараясь отбить изъ ея рукъ какого-нибудь захваченнаго на мѣстѣ преступленія еврея-воришку, спутать обстоятельства и затемнить дѣло—

спеціальная, присущая только еврейской толпѣ, черта. Случаи Бѣлостока и Вильны нынѣшняго лѣта достаточно краснорѣчивы; поэтому примите къ свѣдѣнію и передайте вашимъ единовѣрцамъ, что ни единый подобный случай не пройдетъ безслѣдно: за всякое нарушеніе общественной тишины, спокойствія и порядка, виновные не останутся безнаказанными. Вы, выборные, облеченные довѣріемъ своихъ единовѣрцевъ, гласные іудейскаго закона, слѣдовательно лица, пользующіяся въ своей средѣ извѣстною долею вліянія, можете на своихъ единовѣрцевъ повліять нравственно, для достиженія общими силами общественнаго порядка и благоустройства въ городѣ, ради общаго блага.

Сомнѣваемся, чтобы евреи добровольно послѣдовали благому совѣту начальника края, но неуклонное преслѣдованіе всякихъ уличныхъ безчинствъ убѣдитъ и самыхъ дерзкихъ изъ распущенной еврейской массы, что въ мѣстахъ своей постоянной осѣдлости, какъ и въ остальныхъ русскихъ городахъ, они не хозяева улицъ и площадей. Необходимо только, чтобы полиція дѣйствовала энергично, не давала никакихъ поблажекъ, и чтобы мѣстные судьи, съ своей стороны, дружно поддерживали авторитетъ власти.

Коснувшись еврейскаго вопроса въ западныхъ губерніяхъ, не можемъ не упомянуть о весьма странномъ *акцизномъ* порядкѣ, дозволяющемъ любому шинкарю обходить законъ о воспрещеніи евреямъ селиться въ деревняхъ. Правила питейнаго устава дозволяютъ евреямъ торговать водкой въ сельскихъ домахъ, купленныхъ ими на сносъ. Пользуясь этимъ разрѣшеніемъ, они покупаютъ на сносъ крестьянскія усадьбы и преспокойно живутъ въ нихъ, такъ какъ закономъ не опредѣленъ срокъ для сноса строеній. И не одно, пожалуй, такое удобное для обхода законовъ правило застряло въ уставахъ казенныхъ управленій.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

С.-Петербургъ, 19 сентября (1 октября) 1890 г.

Сегодня знаменательный день во внутренней жизни Германіи. Соціалъ-демократы, цѣли и стремленія которыхъ признавались доселѣ государственною опасностію, а пропаганда сдерживалась и наказывалась строгимъ, особымъ, исключительнымъ для нихъ закономъ — снова вступаютъ въ пользованіе всѣми правами нѣмецкихъ гражданъ. Такова воля императора Вильгельма II, рѣшившаго вести борьбу съ соціализмомъ его собственнымъ оружіемъ. Отнынѣ государство будетъ заботиться объ удовлетвореніи законодательнымъ путемъ нуждъ и требованій рабочаго сословія. Этимъ способомъ молодой государь надѣется внести разстройство въ организацію соціалъ-демократической партіи, вызвать въ ней расколъ и подчинявшихся внушеніямъ ея и руководству рабочихъ обратить въ своихъ вѣрныхъ и довольныхъ подданныхъ.

Удастся ли великодушнымъ начинаніямъ главы Имперіи задержать ростъ и развитіе демократическаго соціализма, покажетъ будущее. Но нельзя не признать, что прямымъ и ближайшимъ послѣдствіемъ отмѣны охранительнато закона является пока оживленіе и усугубленіе усилій соціалистовъ къ ниспроверженію настоящаго политическаго и хозяйственнаго строя Германіи. Во всѣхъ промышленныхъ центрахъ приступлено къ изданію множества новыхъ газетъ и летучихъ листковъ, предназначенныхъ распространять въ народѣ идеи общественной ликвидаціи; созываются многочисленныя сходки для гласнаго обсужденія тѣхъ же вопросовъ; соціалистическіе кружки и сообщества вступаютъ въ связь между собою и готовятся покрыть всю Имперію сплошною сѣтью, узелъ которой —въ ру-

кахъ общепризнанныхъ вождей, представителей соціализма въ Рейхстагѣ. Въ самомъ этомъ собраніи соціалъ-демократическая партія получаетъ небывалый вѣсъ и вліяніе, представляя группу въ нѣсколько десятковъ голосовъ, безъ поддержки которой имперскому правительству трудно, даже невозможно будетъ, провести свои мѣропріятія въ пользу улучшенія положенія рабочихъ и огражденія труда отъ давленія и притѣсненій капитала.

Все это предвѣщаетъ въ Германіи цѣлый рядъ затрудненій и усложненій въ области внутренней политики, которыя не могутъ не отразиться на ходѣ политикѣ внѣшней. Не даромъ князь Бисмаркъ въ предвидѣніи ихъ такъ твердо и упорно противился преобразовательнымъ замысламъ императора и предпочелъ скорѣе вовсе удалиться отъ власти, чѣмъ принять за нихъ на себя какую-либо, хотя бы малѣйшую, долю отвѣтственности. Его многолѣтній государственный опытъ и трезвый политическій смыслъ уяснили ему тѣсное соотношеніе внѣшняго положенія съ внутреннимъ. Онъ вполнѣ сознавалъ, что порядокъ и миръ внутри имперіи—вѣрнѣйшій залогъ успѣха ея внѣшнихъ предпріятій, и что только то государство внушаетъ почтеніе друзьямъ и страхъ врагамъ, которое покоится на широкихъ и незыблемыхъ домашнихъ основахъ. Всякое посягательство на эти основы неминуемо должно поколебать равновѣсіе между внутреннею крѣпостію Германіи и внѣшнимъ проявленіемъ ея могущества.

Императоръ Вильгельмъ II разсуждаетъ иначе. Онъ считаетъ возможнымъ согласовать коренной переломъ внутри съ сохраненіемъ извнѣ прежнихъ политическихъ цѣлей и средствъ къ ихъ удовлетворенію. Теперь не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что онъ не отступаетъ ни на шагъ отъ политики, завѣщанной ему его бывшимъ канцлеромъ, имъ же удаленнымъ на покой. Политика эта—тройственный союзъ средне-европейскихъ государствъ, расширенный привлеченіемъ въ него Англіи, союзъ обоюдуострый, направленный противъ Россіи съ одной стороны, противъ Франціи съ другой. Улыбки, время отъ времени посылаемыя нѣмецкимъ Янусомъ то въ Петербургъ, то въ Парижъ, ничего не измѣняютъ въ сущности дѣла. Онѣ болѣе походятъ на гримасу, плохо прикрывающую досаду, что вызываетъ въ нѣмцахъ неудача политической комбинаціи, назначеніе которой было вдвинуться клиномъ между Россіей и Франціей и навѣки разъединить ихъ, и которая въ дѣйствитель-

ности сблизила и совокупила обѣ столь другъ отъ друга отдаленныя державы.

Единеніе Франціи съ Россіей—блестящее созвѣздіе, отрицать которое не рѣшаются болѣе даже самые близорукіе дипломатическіе астрономы. Оно побуждаетъ Германію болѣе чѣмъ когда-либо дорожить своими вольными или невольными союзницами. Тотчасъ по возвращеніи изъ Нарвы и Петергофа, Вильгельмъ II не поскупился на выраженіе дружбы и союзнической вѣрности императору Францу-Іосифу. Поводъ къ этому представлялся трижды: на морскихъ маневрахъ въ Голштиніи, въ коихъ приняла участіе и австро-венгерская эскадра подъ флагомъ эрцгерцога Стефана, въ Ронштокскомъ замкѣ, при личномъ свиданіи съ австрійскимъ императоромъ, почтившимъ своимъ присутствіемъ упражненія расположенныхъ въ Силезіи германскихъ войскъ; наконецъ въ горныхъ ущельяхъ Штиріи, гдѣ охотится нынѣ юный Гогенцоллернъ, въ гостяхъ у государя, который, по словамъ его, обращается съ нимъ, какъ съ „роднымъ сыномъ". Въ его рѣчахъ не только постоянно превозносится неразрывность узъ, связующихъ обоихъ монарховъ, ихъ правительства и народы, но и съ особеннымъ удареніемъ поминается „братство по оружію" нѣмецкой арміи съ австро-венгерскою.

Если справиться съ исторіей, то на повѣрку окажется, что братающіяся нынѣ въ лицѣ верховныхъ вождей своихъ арміи цѣлыя два столѣтія то и дѣло сражались одна съ другой и дѣйствовали въ союзѣ противъ общаго врага лишь въ сравнительно кратковременную эпоху такъ-называемыхъ войнъ за освобожденіе Европы въ 1813—14 годахъ, когда связующимъ между ними звеномъ являлась русская армія. Изъ сего ясно слѣдуетъ, что слова германскаго императора относятся скорѣе къ будущему, чѣмъ къ прошлому. Пріемъ, оказанный ему въ Вѣнѣ, свидѣтельствуетъ, что тамъ раздѣляютъ его чувства, пожеланія, надежды. Австро-нѣмецкій союзъ, это первоначальное ядро грозной коалиціи, обнимающей четыре великія державы, не считая примкнувшихъ къ ней государствъ второстепенныхъ, представляется нынѣ болѣе прочнымъ и тѣснымъ, чѣмъ даже въ годину его заключенія.

На происхожденіе этого союза проливаетъ яркій и неожиданный свѣтъ признаніе, недавно и вѣроятно невольно вырвавшееся у служащей личнымъ органомъ бывшему канцлеру газеты „Hamburger Nachrichten". Какъ извѣстно, союзный

договоръ Германіи съ Австро-Венгріей былъ условленъ въ Вѣнѣ, осенью 1879 года лично между княземъ Бисмаркомъ и графомъ Андраши, тогдашнимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ императора Франца-Іосифа. Нельзя было не подивиться смѣлости, съ которою оба государственные человѣка рѣшились бросить дерзкій вызовъ общей ихъ союзницѣ, Россіи, подписавъ актъ, прямо противъ нея направленный и который русскій дворъ имѣлъ несомнѣнное право счесть за нарушеніе принятыхъ предъ нимъ обязательствъ, другими словами, за casus belli. Гамбургскій листокъ разоблачилъ намъ тайную причину такой смѣлости.

Изъ него узнаемъ мы, что при свиданіи въ Александровѣ, состоявшемся за мѣсяцъ до прибытія нѣмецкаго канцлера въ австрійскую столицу, императоры Александръ II и Вильгельмъ обмѣнялись честнымъ словомъ ни въ какомъ случаѣ не воевать одинъ противъ другаго. Этимъ немедленно воспользовался князь Бисмаркъ, чтобы на свой страхъ, безъ согласія и даже безъ вѣдома своего монарха, обратить тройственный союзъ въ двойственный, т. е. совершить такое дѣло, которое при другихъ условіяхъ несомнѣнно вызвало бы войну съ Россіей. Онъ могъ это сдѣлать совершенно спокойно, не подвергая ни малѣйшей опасности ни Германію, ни Австрію, потому что хорошо зналъ благородство покойнаго Государя и не сомнѣвался, что его величество сочтетъ себя связаннымъ своимъ словомъ и сдержитъ его во всякомъ случаѣ.

Мы неоднократно имѣли случай утверждать, что австро-германскій союзный договоръ 1879 года безповоротно опредѣлилъ въ направленіи враждебномъ Россіи внѣшнюю политику обѣихъ смежныхъ съ нею имперій. Неразрывность его обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ, что Германія хотя и властна нарушить его по своему произволу, но никогда этого не захочетъ, Австро-Венгрія же напротивъ лишена этой возможности, даже еслибы когда-нибудь того захотѣла.

Объяснимся. Германіи, послѣ того какъ Россія извѣрилась въ ней, а Франція ее возненавидѣла, нельзя обойтись безъ Австро-Венгріи. Она не свободна въ своемъ выборѣ. По географическому положенію своему, по количеству своихъ вооруженныхъ силъ, монархія Габсбурговъ—единственно возможная для нея союзница на европейскомъ материкѣ, будучи достаточно могущественна, чтобы усилить ея боевыя средства, и все же настолько слаба, чтобы подчиниться ея главенству и

политическому руководству. Въ случаѣ войны Германіи съ Франціей или съ Россіей, въ особенности въ случаѣ борьбы на два фронта, военная помощь Австро-Венгріи для нея неоцѣнима: она почти удвоиваетъ численный составъ ея арміи. Но не только въ войнѣ, а и въ мирѣ дипломатическая поддержка вѣнскаго двора обезпечиваетъ за берлинскимъ преобладаніе въ совѣтахъ Европы. Въ довершеніе всего союзъ Австро-Венгріи достался Германіи необычайно дешевою цѣною, просто даромъ, если принять во вниманіе, что послѣдняя обязалась ограждать свою союзницу отъ опасностей мнимыхъ, призрачныхъ, каковыми представляется напримѣръ, вторженіе Россіи въ ея предѣлы, посягательство съ русской стороны на ея государственную цѣлость и т. п. Противъ Италіи, очевидно, не нужна нѣмецкая помощь. Австро-Венгрія всегда можетъ справиться съ нею одними собственными средствами.

Что же побудило вѣнскій дворъ вступить въ столь явно для него убыточную сдѣлку? Страхъ предъ Россіей, искусно возбужденный въ немъ княземъ Бисмаркомъ тринадцать лѣтъ назадъ, въ эпоху послѣдней русско-турецкой войны и не менѣе искусно поддерживаемый и донынѣ. Но вѣдь страхъ этотъ легко можетъ разсѣяться путемъ непосредственныхъ объясненій Австро-Венгріи съ Россіей? Обѣ сосѣднія державы могутъ, пожалуй, попытаться согласовать свои взаимные интересы и при этомъ обойтись безъ посредничества третьей державы, которая, быть можетъ, и удерживала ихъ отъ явнаго разрыва, но, конечно, еще чаще и настойчивѣе воздвигала всевозможныя между ними преграды, препятствовала ихъ искреннему примиренію. Чего добраго въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ придутъ одновременно къ сознанію, что объединенная подъ властью Гогенцоллерновъ Германія рано или поздно простретъ хищную руку на нѣмецкія области Дунайской монархіи и на русское прибалтійское побережье подъ тѣмъ предлогомъ, что земли эти входили когда-то въ составъ Священной римской имперіи нѣмецкаго языка, а естественнымъ послѣдствіемъ такого взгляда явится и потребность общими силами оградить свое достояніе противъ посягательствъ общаго врага.

Для предотвращенія подобнаго исхода австро-русскихъ несогласій, нѣмецкая политика и постаралась увлечь Австро-Венгрію въ такомъ направленіи, въ которомъ та неизбѣжно столкнулась бы съ Россіей, вынужденною выступить открытою ея противницею. Князь Бисмаркъ давно задумалъ этотъ

политическій маневръ, и выполнилъ его блистательно, съ замѣчательною проницательностью, настойчивостью и послѣдовательностью. При самомъ вступленіи своемъ въ должность прусскаго министра-предсѣдателя въ 1862-мъ году, онъ далъ совѣтъ Австріи „перенести изъ Вѣны въ Пештъ центръ тяжести своей политики", что означало: забирайте въ свои руки Балканскій полуостровъ, весь славянскій и православный Востокъ. Но въ Вѣнѣ долго не внимали такому совѣту, предпочитая удержать за Австріею преобладающее положеніе, предоставленное ей исторіею и договорами въ Германіи и Италіи. Война 1866 года вырвала у нея послѣднюю пядь итальянской земли—Венецію и знаменитый четырехъугольникъ ломбардскихъ крѣпостей и саму ее выкинула изъ состава германскаго союза. Но великодушный побѣдитель тутъ же снова указалъ ей на Востокъ, какъ на прибыльную и легкую добычу. Австрійскіе нѣмцы еще колебались: имъ больно было отречься навсегда отъ вѣковаго наслѣдія Габсбурговъ на Аппенинскомъ полуостровѣ и въ Нѣмецкой землѣ; за то венгерцы, получившіе какъ разъ въ это время преобладающее значеніе въ двойственной монархіи, возликовали и, усвоивъ мысль германскаго канцлера, принялись усердно проводить ее. Осуществленіемъ ея было австро-мадьярское занятіе Босніи и Герцоговины и воздѣйствіе вѣнскаго двора на сосѣднюю Сербію. Со времени освобожденія сербовъ изъ-подъ опутывавшихъ ихъ сѣтей австрійской дипломатіи излюбленнымъ полемъ ея козней и происковъ явилась Болгарія.

Не знаемъ, много ли выиграла Австро-Венгрія отъ такого обращенія къ политикѣ „приключеній", но польза, извлеченная изъ нея Германіей, огромна и несомнѣнна. Ею прекращена всякая возможность примиренія и сближенія между дворами С.-Петербургскимъ и Вѣнскимъ, такъ какъ Россія, не измѣняя своему историческому призванію, не поступаясь самыми дорогими изъ своихъ государственныхъ и народныхъ интересовъ, не можетъ допустить порабощенія единовѣрныхъ и единокровныхъ ей племенъ, и самобытность ихъ, политическую и духовную, вынуждена защищать какъ свою собственную. Разъединеніе съ Россіей Австро-Венгріи обращаетъ послѣднюю въ подручницу и прислужницу Германіи подъ страхомъ предоставленія ея собственному жребію, обреченія на жертву Россіи.

Страхъ предъ Россіей вовлекъ Австро-Венгрію въ союзъ съ

Германіей, страхъ предъ Германіей удерживаетъ ее въ немъ. Одно изъ двухъ, говорятъ ей нѣмцы: или будь намъ покорною союзницею или мы обратимся противъ тебя, подѣлимъ твои ризы, сотремъ съ лица земли. Что же остается дѣлать австрійцамъ, какъ не то, что выражается французской поговоркой: faire bonne mine à mauvais jeu. Они это и дѣлаютъ. Чѣмъ теснѣе заключаетъ ихъ Германія въ свои дружескія объятія, тѣмъ болѣе выражаютъ они удовольствія, радости, едва-ли не восторга. Но объятія Германіи—стальное кольцо, и узы ея дружбы—тяжелыя цѣпи, приковавшія къ ней Австро-Венгрію—навсегда.

Другой участникъ бывшаго „тройственнаго", нынѣ „четвернаго" союза—Италія сохранила несравненно бо́льшую свободу дѣйствій. Вступила она въ союзъ по своей охотѣ, въ надеждѣ извлечь изъ него выгоду въ свою пользу. Первоначальнымъ поводомъ къ ея соглашенію съ Германіей и Австро-Венгріей послужило занятіе французами Туниса, который итальянцы давно намѣтили въ добычу самимъ себѣ. Занятіе это, какъ извѣстно, состоялось съ согласія и едва-ли не по наущенію князя Бисмарка, вѣрно разсчитавшаго, что естественнымъ его послѣдствіемъ будетъ обостреніе отношеній Италіи къ Франціи. Дѣйствительно, приступая къ тройственному союзу, итальянцы имѣли, главнымъ образомъ, въ виду отомстить французамъ за претерпѣнное дипломатическое пораженіе. Со свойственною ихъ національному характеру пылкостью, они вообразили, что скоро явится возможность, опираясь на сильныхъ и вѣрныхъ союзниковъ, одновременно съ Германіей напасть на Францію и, пользуясь ея разгромомъ, воротить себѣ Ниццу и Савойю, коими Италія заплатила Франціи за помощь, оказанную тою ея объединенію. Впредь до сведенія счетовъ своихъ съ французами, итальянцы рѣшили отложить довершеніе единства отечества завладѣніемъ „неискупленныхъ" итальянскихъ земель: Тріеста и Трентино, находящихся подъ властью Австріи и которые—разсуждали они—все равно достанутся имъ рано или поздно.

Хитроумному разсчету потомковъ Маккіавелли не суждено было оправдаться. Прошло нѣсколько лѣтъ безъ того, чтобы между Франціей и Германіей послѣдовалъ разрывъ. Тѣмъ временемъ французская республика, умиротворенная внутри, дала широкое развитіе своимъ военнымъ силамъ сухопутнымъ и морскимъ. Армія и флотъ ея достигли высокой степени совер-

шенства при численности, превосходящей едва-ли не вдвое составъ ихъ передъ войною 1870—71 годовъ. Сближеніе съ Россіей еще болѣе укрѣпило международное положеніе Франціи. Пораженіе ея въ будущей войнѣ представляется уже весьма сомнительнымъ, расчлененіе — просто невозможнымъ. Съ другой стороны, охлажденіе политическихъ отношеній привело къ порванію торговыхъ связей Итали съ Франціей: франко-итальянскій торговый договоръ не былъ возобновленъ по истеченіи срока. Италія терпитъ большой ущербъ и отъ уменьшенія вывоза своихъ произведеній во Францію, и отъ непомѣрныхъ расходовъ на вооруженія, о примѣненіи которыхъ къ дѣлу нечего пока и помышлять. Въ итогѣ—полное разочарованіе итальянцевъ въ надеждахъ, возлагавшихся ими на тройственный союзъ.

Но срокъ союзу истекаетъ чрезъ два года. Стоитъ ли возобновлять его?

Надъ этимъ вопросомъ давно уже размышляетъ общественное мнѣніе Италіи. Неудивительно, что призадумался надъ нимъ и отвѣтственный руководитель ея внѣшней политики, первый министръ г. Криспи. Хорошо, если можно добыть что-нибудь въ пользу Италіи при соучастіи двухъ союзныхъ дворовъ: убѣдить, напримѣръ, Англію уступить Касалу или даже, съ согласія Европы, похитить у Порты послѣднее ея владѣніе на африканскомъ берегу—Триполи. А если это не удастся, то почему же и не перемѣнить фронтъ и, отложивъ попеченіе о Савойѣ, Ниццѣ и Корсикѣ, снова не направить всѣ силы къ пріобрѣтенію Южнаго Тироля и сѣвернаго побережья Адріатики. Для этого нужно только разорвать союзную связь съ Австро-Венгріей и помириться съ Франціей, чтобы потомъ, при содѣйствіи французовъ, напасть на австрійцевъ и выгнать ихъ изъ „неискупленныхъ“ земель. Такой пріемъ—преданіе, твердо установившееся въ Савойскомъ домѣ. Нужно только заблаговременно задобрить Францію, расположить ее въ свою пользу.

Такъ и поступилъ г. Криспи, и—надо отдать ему справедливость,—прибѣгъ для того къ самому дѣйствительному способу. Еслибы онъ со своими заискивающими рѣчами обратился къ французской дипломатіи, то звукъ ихъ такъ бы и заглохъ въ тиши его кабинета. Но глашатаемъ своимъ онъ избралъ сотрудника самой распространенной изъ французскихъ газетъ, и слова его пронеслись по всей Франціи, а отголосокъ ихъ

раздался на всю Европу. Въ первомъ случаѣ дѣйствіе ихъ ограничилось бы тѣснымъ дипломатическимъ кружкомъ и осталось бы безъ вліянія на французское общество; во второмъ—они сильно воздѣйствовали на французовъ и, польстивъ ихъ національному самолюбію, вызвали въ ихъ средѣ движеніе, несомнѣнно, благопріятное для цѣлей итальянскаго министра.

„Нигдѣ чувство патріотизма"—говорилъ г. Криспи представителю газеты „Figaro"—„не обнаруживается сильнѣе, чѣмъ во Франціи. Вы совершили чудеса. Прежде я только любилъ Францію, теперь она возбуждаетъ во мнѣ чувство удивленія. Никогда Франція не была такъ сильна, какъ нынѣ. Бисмаркъ не помогалъ монархистамъ, потому что думалъ, что республика обречена на безсиліе. Онъ ошибался: у васъ республика можетъ сдѣлать больше монархіи. Всѣ, рѣшительно всѣ—теперь васъ боятся, и если вспыхнетъ война, то Богъ одинъ знаетъ, что случится. Повторяю: вы очень сильны, васъ очень страшатся, и вотъ почему я въ войну не вѣрю. Будемте братьями, бросимъ пререканія и взаимныя колкости, прекратимъ негласную войну, успокоимъ умы. Не я вѣдь создалъ тройственный союзъ. *Союзъ не возобновленъ, и въ настоящую минуту ни одинъ изъ государственныхъ людей не думаетъ объ его возобновленіи*".

Каковы бы ни были заднія мысли перваго министра короля Гумберта, слова его не лишены убѣдительности, потому что сами выражаютъ искренное убѣжденіе. Возрожденная Франція дѣйствительно стала снова великою и могущественною державою, вражды которой нельзя не опасаться, а дружбою слѣдуетъ дорожить. Это сознали въ Римѣ, начинаютъ сознавать и въ Берлинѣ. Застрѣльщикъ оффиціозной нѣмецкой печати, газета „Post", снова затянула старую пѣсню о примиреніи Франціи съ Германіей, во имя солидарности всѣхъ государствъ и народовъ германо-латинскаго Запада. Прочія газеты не рѣшаются пока установить ее на почвѣ чисто-политической, но ищутъ доказать общность интересовъ западно-европейскихъ державъ въ области промышленности, торговли и народнаго хозяйства, призывая ихъ дружно противодѣйствовать стремленіямъ къ экономической обособленности Америки съ одной стороны, Россіи съ другой.

До сихъ поръ огромное большинство французовъ остается глухо ко всѣмъ этимъ captationes benevolentiae, на которыя откликнулось, да и то довольно робко и недовѣрчиво, лишь

нѣсколько второстепенныхъ газетъ. За то, съ каждымъ днемъ все громче и единодушнѣе, сказывается сочувствіе ихъ къ Россіи, признаніе въ нашей родинѣ единственнаго мощнаго и надежнаго друга ихъ собственнаго отечества. Гласное выраженіе нашли эти чувства въ краткой, но прямодушной рѣчи генерала Феррона, поднявшаго свой бокалъ за *несравненную, братскую* русскую армію, для которой, прибавилъ онъ, не страшны никакія коалиціи, такъ какъ если для пораженія ихъ недостаточно оказалось бы одной кампаніи, то русскій народъ не колеблясь предприметъ ихъ нѣсколько, пока не одержитъ полной побѣды. Нельзя было лучше отвѣтить на угрозу австро-нѣмецкаго *братства по оружію*, о которомъ не разъ упоминалось въ рѣчахъ, произнесенныхъ на морскихъ маневрахъ въ Голштиніи и на сухопутныхъ—въ Силезіи.

„Единеніе Франціи съ Россіей“ (L'Union franco-russe)—таково названіе газеты, основанной въ Парижѣ съ нарочитою цѣлью служить органомъ взаимныхъ интересовъ обоихъ дружественныхъ народовъ. По справедливому замѣчанію редакціи: „это больше чѣмъ названіе, больше даже чѣмъ программа; это—свидѣтельство о явленіи, господствующемъ надъ всею современною политикой“. Газета намѣрена содѣйствовать сближенію Россіи съ Франціей развитіемъ между ними торговыхъ и промышленныхъ сношеній. „Обѣ державы,—заявляетъ редакціонный комитетъ въ передовой статьѣ перваго листа,—„сознаютъ какъ свою отвѣтственность, такъ и свою силу. Онѣ хотятъ мира, но мира достойнаго, и хотя никакая подпись не стѣсняетъ пока ихъ свободы, но взаимное сочувствіе уже соединяетъ ихъ, а завтра быть можетъ ихъ соединитъ и обоюдная опасность“.

Привѣтствуя новонародившагося собрата и отъ всей души желая ему успѣха въ дѣлѣ намъ столь сочувственномъ, не можемъ не поздравить его съ условіями, имъ самимъ намѣченными для своей дѣятельности, которая только при точномъ ихъ соблюденіи можетъ стать дѣйствительно плодотворною. „Политика партій“—читаемъ мы въ той же статьѣ,—„не найдетъ отголоска въ нашихъ столбцахъ; мы—патріоты, принадлежащіе ко всѣмъ партіямъ; нашъ органъ будетъ независимъ, и мы станемъ заявлять эту независимость, уважая законы нашей страны, въ интересахъ родины, которую ставимъ выше нашихъ внутреннихъ несогласій“.

Читатели наши помнятъ, что именно эти положенія всегда развивали мы на страницахъ *Русскаго Вѣстника*, утверждая,

что тяготѣетъ къ Россіи—вся Франція безъ различія партій или оттѣнковъ; что ни одна партія не имѣетъ права монополизировать Россію въ свою пользу, выдавать себя за единственныхъ друзей ея и злоупотреблять ея именемъ въ борьбѣ съ политическими противниками; что въ особенности должно остерегаться подобныхъ пріемовъ со стороны партій оппозиціонныхъ, всегда склонныхъ порицать и порочить правительство, тогда какъ правительство республики безупречно относительно Россіи, прямитъ и дружитъ ей искренно, не на словахъ, но и на дѣлѣ, и служитъ, такимъ образомъ, вѣрнымъ выразителемъ мыслей и чувствъ французскаго народа. На важность оказываемыхъ имъ намъ услугъ указываютъ между прочимъ обнародованныя на дняхъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" пожалованія русскихъ орденовъ цѣлому ряду французскихъ генераловъ и офицеровъ артиллерійскаго вѣдомства и лицъ, завѣдующихъ оружейными фабриками и пороховыми заводами.

Къ сожалѣнію, политическія партіи во Франціи никакъ не могутъ отвыкнуть отъ вовлеченія русскаго имени въ свои пререканія и раздоры. Такъ, недавно нѣкоторыя парижскія газеты предъявили противъ бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ Спюллера столь же нелѣпое, сколько и бездоказательное, обвиненіе въ томъ, что онъ-де отвергнулъ союзный договоръ, яко бы предложенный ему г. Коцебу, совѣтникомъ нашего посольства въ Парижѣ. Мы бы вовсе не упомянули объ этой нескладной баснѣ, еслибы сочинители ея не примѣшали къ ней насъ самихъ и *Русскаго Вѣстника*, увѣряя, что впервые распространили ее мы въ этомъ журналѣ и за нашею подписью.

Насколько мы невинны въ приписываемомъ намъ наговорѣ—всего лучше знаютъ наши читатели. Они знаютъ также, что мы едва-ли не одни во всей русской печати возставали противъ довольно у насъ распространеннаго предубѣжденія, будто г. Спюллеръ и партія умѣренныхъ республиканцевъ, къ коей онъ принадлежитъ, не сочувствуетъ сближенію съ Россіей. Въ бытность этого государственнаго человѣка министромъ иностранныхъ дѣлъ, мы не разъ имѣли случай засвидѣтельствовать объ искренности его усилій именно въ этомъ направленіи и объ успѣхѣ, ихъ увѣнчавшемъ, ибо г. Спюллеръ передалъ дѣла своему преемнику въ несравненно лучшемъ положеніи, чѣмъ принялъ ихъ самъ въ разгаръ волненія, вызваннаго злополучнымъ происшествіемъ въ Сагалло. Оставивъ министер-

ство, онъ и нынѣ выступаетъ въ газетѣ „République française" вѣрнымъ и убѣжденнымъ другомъ и сторонникомъ Россіи, какъ то доказываетъ статья его по поводу казни Паницы, произведшая сильное впечатлѣніе во Франціи. Вотъ почему мы долгомъ считаемъ громко протестовать противъ всякаго участія въ интригѣ, прямаго или косвеннаго, столь же противнаго истинѣ, какъ и нашимъ личнымъ убѣжденіямъ, и просимъ почтеннаго вице-президента Палаты Депутатовъ принять гласное выраженіе нашего глубокаго къ нему уваженія.

Чѣмъ тверже наша вѣра въ безусловную необходимость оборонительнаго союзнаго договора Россіи съ Франціей, какъ вѣрнѣйшаго средства обезпечить безопасность обѣихъ державъ и миръ Европы, тѣмъ болѣе желали бы мы, чтобы французская печать воздержалась отъ распространенія преждевременныхъ вѣстей и слуховъ объ этомъ важномъ международномъ актѣ, которые, по своей фантастичности, не только не могутъ споспѣшествовать скорѣйшему его заключенію, но являются, напротивъ, помѣхою и тормазомъ въ дѣлѣ. По глубокому нашему убѣжденію, роль печати ограничивается всестороннимъ обсужденіемъ вопроса, освѣщеніемъ и выясненіемъ положенія. Перейти отъ слова къ дѣлу—зависитъ не отъ нея. Съ этой минуты патріотическою обязанностію для нея становится не создавать правительству затрудненій, не усложнять его задачи и спокойно ждать обнародованія результатовъ правительственной дѣятельности.

Таковъ именно,—что бы ни говорили наши противники—смыслъ поѣздки, предпринятой нами шесть недѣль тому назадъ въ Болгарію. Цѣль ея была произвести развѣдку въ странѣ, въ которую скоро четыре года, какъ не проникалъ русскій глазъ, и провѣрить на мѣстѣ заключенія наши, выведенныя изъ изученія болгарскаго вопроса по оффиціальнымъ даннымъ, проникшимъ въ печать.

Развѣдка наша, смѣемъ думать, достигла отчасти цѣли. Мы, конечно, не взяли позицію съ бою, но кто же и могъ ожидать и требовать того отъ развѣдчика? Задача наша была—разузнать, что происходитъ въ непріятельской крѣпости, какіе къ ней пути, подступы, какая въ ней сила сопротивленія, сколько требуется усилій, чтобы одолѣть ее? Рѣшать же, какъ взять ее,—требовать ли сдачи на капитуляцію, начинать ли правильную осаду или брать приступомъ—конечно, не наше

дѣло. Но тѣмъ или другимъ способомъ, а овладѣть надо, во что бы то ни стало, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Что нынѣшнее положеніе дѣлъ въ Болгаріи не отвѣчаетъ ни пользамъ, ни достоинству Россіи, доказываетъ изступленный вопль средне-европейской печати при одномъ намекѣ на возможность его измѣненія. А такой намекъ усмотрѣла она въ нашей поѣздкѣ въ Софію и поспѣшила излить на насъ цѣлые потоки злобной брани и самой гнусной клеветы. Для русскаго, независимаго писателя не зазорны грубыя и наглыя нападки заклятыхъ и непримиримыхъ враговъ Россіи, и служить имъ мишенью вмѣняемъ мы себѣ въ великую честь.

Но когда такія же нападки встрѣчаемъ мы въ органахъ, именующихъ себя русскими, то рѣшительно недоумѣваемъ, какъ и чѣмъ ихъ объяснить: скудоуміемъ и недомысліемъ или затаенною личною къ намъ ненавистью? Послѣдняя такъ и сквозитъ въ голосахъ, доносящихся до насъ изъ Москвы, и этого достаточно, чтобы мы отнеслись къ нимъ съ глубочайшимъ презрѣніемъ. Оставляя безъ возраженія всѣ голословные на насъ навѣты, мы ограничимся замѣчаніемъ, что люди, укоряющіе насъ въ уклоненіи отъ возвышенныхъ, нравственныхъ принциповъ, сами прибѣгаютъ къ безнравственнѣйшему изъ пріемовъ, взводя на насъ небывалыя обвиненія и приписывая намъ виды и намѣренія, которыхъ мы никогда не имѣли.

Да будетъ же вѣдомо всѣмъ, апостоламъ лицемѣрія, книжникамъ Страстнаго бульвара и фарисеямъ дипломатическихъ канцелярій, что не иновѣрцамъ разъяснять православному христіанину смыслъ евангельскаго ученія, не инородцамъ поучать русскаго человѣка, какъ долженъ онъ разумѣть честь и достоинство Россіи. Пусть знаютъ они, что анаѳема, изрекаемая ими намъ съ пѣною у рта, возмущаетъ насъ, но нимало не смущаетъ. Не такія бури выносили мы, не склоняя предъ ними головы, мы и впредь не дадимъ сбить себя никакимъ прельщеніямъ съ одной стороны, никакимъ угрозамъ, съ другой, въ исповѣданіи убѣжденій, внушенныхъ намъ многолѣтними историческими трудами, ревностью о благѣ Россіи и сознаніемъ священнаго долга предъ Государемъ и Отечествомъ.

С. ТАТИЩЕВЪ.

Сообщенія и извѣстія.

Неизданная рѣчь Наполеона I къ полякамъ въ 1806 году. (Сообщ. Н. К. Шильдеромъ).

Когда въ Варшавѣ въ декабрѣ 1806 года, польская депутація явилась къ Наполеону съ привѣтствіемъ, то онъ съ запальчивостью (avec véhémence) отвѣчалъ:

„Предупреждаю васъ, что ни я, ни кто-либо другой изъ французскихъ принцевъ и не думаемъ о вашемъ польскомъ престолѣ. У меня есть короны для раздачи, и я не знаю, куда дѣвать ихъ. А вы прежде всего позаботьтесь дать хлѣба моимъ солдатамъ. Хлѣба, хлѣба, хлѣба! У меня милліоны, я дамъ вамъ денегъ, но только вы съ вашей стороны доставьте мнѣ продовольствіе".

Депутатъ Кохановскій отвѣчалъ на это, что только вывозъ изъ Галиціи могъ бы помочь этому, но императоръ въ гнѣвѣ повернулся къ нему спиною и продолжалъ:

„Это относится къ политикѣ и не касается васъ вовсе. Какъ! (ударяя себя при этомъ по карманамъ) я управляю при посредствѣ ихъ Франціею и не въ состояніи прокормить своихъ войскъ въ этой странѣ, гдѣ кромѣ дворянъ и жалкихъ крестьянъ и нѣтъ никого. — Гдѣ же ваши знатныя фамиліи, ваши Потоцкіе, ваши Чарторыжскіе, ваши Сапѣги? Всѣ они продали себя Россіи. Никто иной, какъ князь Чарторыжскій, написалъ Костюшкѣ не возвращаться въ Польшу".

Одинъ галиційскій депутатъ началъ говорить съ цѣлью узнать о судьбѣ, ожидающей эту область. Наполеонъ отвѣтилъ:

„Развѣ вы воображаете, что ради одной провинціи, я захочу навлечь на себя новыхъ враговъ“.

Сообщаемъ также французскій текстъ Наполеоновской рѣчи:

„Je vous préviens que ni moi, ni aucun Prince français ne nous sonçions de votre trone de Pologne. J'ai des couronnes à donner et je ne sais qu'en faire. Songez premièrement à donner du pain à mes soldats. Du pain, du pain, du pain! J'ai des millions, je vous donnerai de l'argent, mais quant à vous, fournissez toutes mes provisions“.

„Ceci est de la politique et ne vous regarde pas. Comment! (en secouant ses poches) je gouverne la France avec mes poches et je ne puis faire vivre mes troupes dans ce pays, ou il n'y a que des nobles et des paysans misérables.—Où sont vos grandes familles, vos Potocky, vos Czartorisky, vos Sapieha? Ces gens sont tous vendu à la Russie. C'est le Prince Czartorisky qui a ecrit à Kosсziusko de ne pas revenir en Pologne“.

„Croyez Vous que pour une province j'irai m'attirer de nouveaux ennemis sur les bras“?

Содержаніе этой любопытной бесѣды было сообщено прусскимъ агентомъ изъ Варшавы (19-го декабря) королю Фридриху Вильгельму III, который передалъ ее русскому послу барону Криднеру.

Въ донесеніи министру иностранныхъ дѣлъ, барону Будбергу, посолъ по этому поводу пишетъ 17-го (29-го) января 1807 года: „Cette pièce cadre assez avec des propos que le chef du gouvernement français a tenu en d'autres occasions“.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМА ДВѢСТИ ДЕСЯТАГО.

СЕНТЯБРЬ.

ОКТЯБРЬ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПАРІЯ.

Романъ въ шести частяхъ. Части 3-я и 4-я.

Ф. Ансти.

ВЪ МОЛОДЫЕ ГОДЫ.

Романъ въ трехъ частяхъ. И. Тасма.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПАРІЯ.

Романъ въ шести частяхъ.

Соч. **Ф. Ансти**.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

IX.

Меллодью, по пріѣздѣ, прямо прошелъ въ кабинетъ м-ра Чадвика, гдѣ тотъ просматривалъ въ эту минуту отчеты агента, которому поручено было управленіе остъиндской факторіей.

— И такъ вы вернулись? все обошлось благополучно? вы устроили его на новосельи? засыпалъ Чадвикъ вопросами Меллодью, такъ что тому послѣ этого стало еще болѣе неловко сообщить, что туторъ коллегіи Маргариты отказался принять Аллена въ число студентовъ, и злополучный юноша вернулся въ родительскій домъ.

— Когда я нанималъ васъ, сказалъ Чадвикъ, то разсчитывалъ, что вы съумѣете устранить такую неудачу.

— Что жъ дѣлать! я старался, какъ могъ, отвѣчалъ развязно Меллодью.

— Что жъ вы хотите сказать, что Алленъ лѣнился?

Меллодью пожалъ плечами.

— Я готовъ объяснить это природной неспособностью, отвѣтилъ онъ.

— О! въ самомъ дѣлѣ? пошлите его ко мнѣ пожалуйста... и сами приходите.

Когда Алленъ появился, повѣся носъ, отецъ набросился на него:

— И такъ, сэръ, вы провалились; вы не могли выдержать шуточнаго экзамена, который каждый ребенокъ выдержалъ бы,

*

по словамъ Фаншо! И все это благодаря вашей адской лѣни! М-ръ Меллодью говоритъ, что онъ употребилъ всѣ усилія, но ничего не могъ съ вами сдѣлать!

Алленъ много натерпѣлся за послѣдніе два дня. Его угнетала мысль о всеобщей къ нему несправедливости, и слова отца переполнили чашу.

— Онъ говоритъ это! проговорилъ онъ съ усиліемъ. Ему лучше знать! Я повторялъ ему, что это ни къ чему не поведетъ и что я не могу въ толкъ взять всей этой чепухи, а онъ отвѣчалъ: не стоитъ и стараться, все и такъ пройду. Онъ совсѣмъ и не занимался со мной; ни разу толкомъ не отвѣтилъ на мои вопросы. Онъ постоянно писалъ что-то свое.

— Такъ это вы такъ-то исполняете свои обязанности, м-ръ Меллодью? Что вы на это скажете?

— Только то, что я взялся за невозможное дѣло, и сообразилъ это слишкомъ поздно.

— И вмѣсто того, чтобы отказаться отъ мѣста и лишиться заработка, продолжали увѣрять всѣхъ, что все обстоитъ благополучно. Вы надѣялись во всякомъ случаѣ получить денежки, не такъ ли? Прекрасно, я докажу вамъ, что вы ошиблись. Вы не получите отъ меня ни гроша, м-ръ Меллодью, а если вы вздумаете со мной судиться, то я обличу васъ передъ всѣми. Извольте немедленно оставить мой домъ. Вы можете еще поспѣть на поѣздъ.

— Я, разумѣется, тотчасъ же оставлю вашъ домъ, отвѣчалъ Меллодью, призвавъ на помощь все свое хладнокровіе, что же касается вашихъ упрековъ, то я прощаю ихъ, какъ весьма естественное выраженіе вашего разочарованія.

Онъ однако не сѣлъ на поѣздъ, а отправился къ пріятелю викарію, который согласился пріютить его на день или на два.

— Что касается васъ, сэръ, сказалъ Чадвикъ сыну, когда они остались одни, то какъ я вижу, не стоитъ мнѣ больше тратиться на васъ. Вы — сорная трава! Я старался сдѣлать изъ васъ джентльмена, но вы неисправимы, вы лѣнтяй и дуракъ, и я умываю руки въ вашей дальнѣйшей судьбѣ. Предупреждаю васъ только, что при первой непріятности отъ васъ отошлю васъ въ Остъиндію и тамъ заставлю зарабатывать свое пропитаніе. А теперь ступайте.

Алленъ не заставилъ повторять себѣ это два раза; онъ былъ день или два глубоко несчастливъ отъ постигшей его неудачи, но затѣмъ утѣшился. Мимолетное знакомство съ Кембриджемъ

устрашило его; то немногое, что онъ успѣлъ узнать изъ обычаевъ и занятій—показалось ему чуждо и антипатично: смѣлый и развязный видъ студентовъ болѣзненно давалъ ему чувствовать его неравенство и возбуждалъ къ нимъ зависть; суетливая жизнь студента, со всѣми ея контрастами между усиленными умственными занятіями и физическими упражненіями—внушала ему скорѣе отвращеніе, нежели привлекала его. Тишина и величіе старинныхъ коллегій удручали его, и онъ не видѣлъ для себя мѣста ни въ сферѣ труда, ни въ сферѣ увеселеній университетской жизни.

За исключеніемъ перваго момента острой боли, когда туторъ коллегіи съ снисходительной ласковостью объявилъ ему, что онъ не можетъ быть принятъ въ коллегію,—онъ мало огорчался своей неудачей. Теперь по крайней мѣрѣ онъ не будетъ разлученъ съ Марго; онъ даже утѣшалъ себя мыслью, что она пожалѣетъ объ его неудачѣ.

Чадвикъ немедля извѣстилъ домашнихъ о своемъ новомъ разочарованіи. Жена сдѣлала нѣсколько ѣдкихъ замѣчаній; Марго промолчала, хотя въ душѣ бѣсилась на разстройство плана, въ тотъ самый моментъ, какъ она льстила себя надеждой на его успѣхъ. Теперь ей поневолѣ надо примириться съ испытаніемъ, какое доставляло ея нервамъ присутствіе Аллена: она ничего не выиграла, не послушавшись Нодлжента Орма.

Ида проливала горькія слезы, оставшись наединѣ съ гувернанткой:

— О! Генни, онъ уѣхалъ, не простясь со мной. Онъ долженъ мнѣ написать... какъ вы думаете, Генни, напишетъ онъ? повторила она разъ десять къ ряду, пока гувернантка не нашла нужнымъ успокоить ее увѣреніемъ, что напишетъ.

На другое утро послѣ своего возвращенія, Алленъ, которому не надо было больше исполнять невыполнимыя задачи, бродилъ безцѣльно по дому и набрелъ на Марго съ Идой, наполнявшихъ вазы осенними цвѣтами и зеленью.

— Хотите, я вамъ помогу, сказалъ онъ, радуясь возможности побыть въ обществѣ Марго, мнѣ рѣшительно нечего дѣлать.

— Вы ужъ и безъ того успѣли натворить дѣлъ, отвѣчала Ида, покраснѣвъ отъ гнѣва, и мы не нуждаемся въ вашей помощи, не правда ли, Марго?

— Ужъ довольно, кажется, и того, что отецъ постоянно

меня бранитъ, а тутъ еще и вы суетесь! Марго конечно не обидитъ меня; я не виноватъ, что не попалъ въ Кембриджъ.

— Вы могли бы не сваливать вину на другихъ, перебила Ида.

— Я говорю не съ вами, отрѣзалъ онъ; мы всѣ знаемъ, на чьей вы сторонѣ.

— Марго думаетъ точно такъ же, какъ и я... что вы поступили какъ подлецъ, какъ самый неблагородный подлецъ... не правда ли, Марго?

Миссъ Чевенингъ на минуту подняла глаза и отвѣтила:

— Разумѣется, я такъ думаю.

Подлецъ! Вотъ мысль, которая никогда не приходила ему въ голову. Почему онъ подлецъ? желательно было бы знать, въ чемъ онѣ его обвиняютъ.

— Вы заставили выгнать изъ дому бѣднаго м-ра Меллодью, выгнать съ позоромъ, потому что увѣрили своего отца, что онъ нисколько съ вами не занимался... какъ будто стоило съ вами заниматься! сказала Ида, дрожа отъ гнѣва.

— Я сказалъ правду; онъ нисколько мною не занимался, полдня гулялъ, а другую половину ничего ровно не дѣлалъ. Съ какой стати я долженъ былъ принять всю вину на себя, объясните мнѣ это, Марго?

— Конечно, вы не *должны* были это сдѣлать, но только джентльмены такъ не поступаютъ, отвѣчала она съ спокойнымъ презрѣніемъ.

Но этого онъ уже не могъ выдержать, тѣмъ болѣе, что надѣялся какъ разъ на ея симпатію.

— Послушайте, Марго, сказалъ онъ, мнѣ все равно, что бы Ида ни говорила и ни думала, но я не могу вынести того, что и *вы* противъ меня... это меня окончательно убиваетъ. Я... я всегда старался заслужить ваше доброе мнѣніе, старался угодить вамъ... *во всемъ*. Научите меня, какъ поступаютъ джентльмены, и я буду такъ поступать. Меня вѣдь не воспитывали въ этихъ идеяхъ.

Онъ говорилъ такъ серьезно, что совсѣмъ позабылъ о присутствіи Иды, но она напомнила о себѣ презрительнымъ смѣхомъ.

— Боюсь, васъ придется очень долго учить! сказала она, унося готовую вазу съ букетомъ. Марго, милая, желаю тебѣ успѣха съ твоимъ ученикомъ.

Алленъ сѣлъ за столъ, стоявшій посреди комнаты, и оперся на него локтями.

— Марго, проговорилъ онъ съ мольбой въ голосѣ, будьте же хоть сколько-нибудь добры. Если я поступилъ дурно, то объясните мнѣ, какъ бы поступилъ на моемъ мѣстѣ настоящій джентльменъ... въ родѣ Орма, напримѣръ.

Она не обратила на него взгляда, но голосъ ея сталъ замѣтно мягче, когда она отвѣчала:

— М-ръ Ормъ... всякій джентльменъ... все бы перенесъ скорѣе, чѣмъ сваливать вину на другаго. Подумайте, какъ это низко... это все равно, какъ дѣлаютъ подлые мальчишки въ школѣ:—„простите, сэръ, не я одинъ виноватъ, а вотъ и тотъ, и тотъ!“ Неужели вы въ самомъ дѣлѣ не понимаете, какъ неблагородна такая самозащита. Въ такомъ случаѣ вы безнадежны.

— Понимаю. Теперь понимаю. Но меня такъ взбѣсило, когда меня назвали лѣнтяемъ. Я сказалъ это не подумавши. Послушайте, Марго, даю вамъ честное слово, на будущее время буду поступать лучше. Вамъ больше не придется укорять меня въ подлости.

— Ахъ! сказала она небрежно, подождемъ, пока не представится случая.

Она проговорила это съ загадочной улыбкой, выходя изъ комнаты; онъ постоялъ съ минуту неподвижно и затѣмъ пошелъ въ садъ, сгарая желаніемъ, чтобы поскорѣе представился случай, о которомъ она говорила.

Безцеремонное обращеніе съ Меллодью сдѣлало его еще интереснѣе въ глазахъ Иды. Онъ представлялся ей угнетеннымъ героемъ, и она оплакивала его горести и свои собственныя. Она увѣрила себя со всѣмъ пыломъ преждевременнаго романтизма, что онъ благородно подавляетъ любовь къ ней и молчитъ изъ гордости.

По мѣрѣ того какъ проходили дни, а о немъ не было ни слуху, ни духу, напряженное ожиданіе сказывалось на ея здоровьи и состояніи духа, хотя она никому не довѣрялась, кромѣ миссъ Гендерсонъ, а та постоянно ей сочувствовала и поощряла ея признанія.

Ида иногда плакала, когда оставалась одна, и въ одну изъ такихъ минутъ Алленъ вошелъ въ классную.

— Уходите! капризно закричала она, это наша комната, и вамъ тутъ нечего дѣлать.

И отвернувшись, украдкой отерла глаза.

— Эге! да вы плачете! объявилъ Алленъ съ обычнымъ тактомъ.

— Нѣтъ, не плачу. Да и вы бы заплакали, еслибы вамъ пришлось переводить „Минну фонъ Барнгельмъ“.

— Не хитрите, Ида. Я знаю, по комъ вы плачете... по туторѣ.

— Алленъ! вскричала дѣвушка, внѣ себя отъ волненія. Какъ вы узнали? Это... неправда! зачѣмъ я буду плакать по м-рѣ Меллодью? зачѣмъ вы мнѣ говорите такія вещи?

Ей невыразимо унизительно казалось, что ея дорогая тайна отгадана ненавистнымъ Алленомъ. Послѣдній могъ гордиться своей догадливостью.

— У меня есть глаза, отвѣчалъ онъ; я знаю, кто гулялъ съ вами ежедневно.

Она отскочила отъ него.

— Вы... вы не скажете мамашѣ! закричала она.

— Ахъ! вотъ все, на что вы меня считаете способнымъ, съ горечью отвѣтилъ онъ. И подѣломъ было бы вамъ, еслибы я и сказалъ. Вы всегда на меня нападаете. Послушайте, Ида, я вовсе не такой дурной человѣкъ, и кромѣ того все это глупости. Вы знаете, что онъ и не думаетъ о васъ, да еслибы и думалъ, то васъ не стоитъ.

— Вы ничего не знаете и не имѣете права такъ о немъ отзываться, послѣ того какъ выжили его изъ дома.

— Какъ далеко по-вашему онъ теперь уѣхалъ?

— Почемъ я знаю. Очень далеко, вѣроятно... въ Лондонъ.

— Нисколько. Онъ и не уѣзжалъ изъ Горскомба. Онъ каждый день прохаживается въ Паддокъ-Ленѣ. Я его тамъ видѣлъ.

Паддокъ-Ленъ была узенькая и пустынная тропинка, огибавшая сады Агра-Гауза.

Глаза Иды засверкали.

— О! Алленъ, я очень жалѣю, что была невѣжлива съ вами; скажите мнѣ про него... онъ говорилъ съ вами?.. онъ вамъ поручилъ передать что-нибудь... кому-нибудь?

— А какъ бы вы думали? сказалъ Алленъ, который не могъ удержаться отъ удовольствія подразнить Иду.

— Я... я не знаю... о, да! знаю... онъ далъ вамъ письмо ко мнѣ... поскорѣе отдайте мнѣ его!

— Ну вотъ видите ли, вы ошиблись, миссъ Ида, потому что никакого письма вамъ нѣтъ. Онъ даже не упоминалъ вашего имени. Знаете ли, прибавилъ онъ, я вамъ добра желаю,

клянусь, а потому вамъ лучше выбросить все это изъ головы, право такъ. Помилуйте, вы еще ребенокъ; молодые люди его лѣтъ совсѣмъ не интересуются маленькими дѣвочками.

Онъ въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ направить ее на путь истинный, но она не оцѣнила его добрыхъ намѣреній.

— Вы говорите такъ изъ ненависти ко мнѣ, зарыдала она, и это неправда. Я знаю, что это неправда. Онъ меня любитъ... вы ни за что не поколеблете моей вѣры въ него. Я не хочу васъ больше слушать. Я заткну уши!

— Какъ вамъ угодно! сказалъ Алленъ, направляясь къ дверямъ. Нѣтъ хуже слѣпыхъ, какъ глухіе.

И вышелъ изъ комнаты въ удивительно насмѣшливомъ настроеніи духа.

Но тутъ какъ разъ вернулась миссъ Гендерсонъ; на ея лицѣ было какое-то особенное выраженіе, не ускользнувшее отъ зоркаго взгляда Иды.

— Генни, гдѣ вы были? зачѣмъ вы каждый день оставляете меня одну въ это время?

— Ахъ, какая же вы требовательная дѣвочка! неужели я не могу на минутку оставить васъ одну?

— Вы были почти часъ въ отсутствіи.

— Я бѣгала искать два шара отъ тенниса, которые, знаете, закатились. Знаете, гдѣ я ихъ нашла: подъ веллингтоніей; теперь у насъ всѣ двѣнадцать на лицо.

— Мнѣ нѣтъ дѣла до шаровъ, Генни; я хочу знать правду. Вы видѣли его; о! не увѣряйте, будто не видѣли!

— Его? о! м-ръ Меллодью! Милая Ида, что-за идея!

— Если вы скрываете отъ меня что-нибудь, то разобьете мнѣ сердце. Какъ можете вы быть такой обманщицей, Генни. Безполезно притворяться, Алленъ видѣлъ васъ, прибавила она на удачу.

Миссъ Гендерсонъ рѣшила очевидно, что безопаснѣе будетъ сказать правду.

— Ахъ, вы ревнивый котенокъ! ласково проговорила она. Я видѣла его... ну да. Предоставляю вамъ угадывать, зачѣмъ онъ захотѣлъ меня видѣть и о комъ мы все время проговорили.

— О, Генни, простите меня! Я такъ счастлива. Этотъ скверный мальчишка... мнѣ наговорилъ. И такъ, онъ не забылъ меня! Могу я увидѣться съ нимъ завтра? Мнѣ такъ хочется его видѣть!

— Ни за что въ свѣтѣ, дитя мое! Вы съ ума сошли. Онъ

и слышать объ этомъ не хочетъ; онъ человѣкъ съ такими благородными принципами. И сказать вамъ по правдѣ, онъ вообще теперь слишкомъ разстроенъ. Онъ забралъ себѣ въ голову, что вы всѣ его презираете. Еслибы вы знали, какъ мнѣ трудно было успокоить его! Нѣтъ, вы должны предоставить это мнѣ. Кромѣ того онъ завтра уѣзжаетъ. Его отецъ опасно боленъ.

— Могу я написать ему? Скажите, что могу, Генни.

— Нѣтъ, пока... мы не должны рисковать... современемъ, небольшую записочку, вложенную въ мою. Ахъ, Ида, еслибы тутъ не было шпіоновъ, которые могутъ повредить намъ! Вы совсѣмъ нездоровы на видъ! Я скажу вашей мамашѣ, что хорошо бы вамъ было побыть недѣльки двѣ-три въ Борнмоутѣ... вы совсѣмъ не дышали морскимъ воздухомъ нынѣшнее лѣто, бѣдное дитя!

— И мы вмѣстѣ туда поѣдемъ! вскричала Ида съ восторгомъ; мы вдвоемъ съ вами, и если вы дадите ему знать, то и онъ пріѣдетъ, не правда ли, Генни! Вы устроите это, не правда ли? Бѣды большой не будетъ въ этомъ, а я не могу жить, не видя его.

— Предоставьте все мнѣ, сказала гувернантка и... увидимъ... можетъ быть, я и устрою.

— Я такъ довольна, милая Марго, говорила нѣсколько дней спустя м-съ Чадвикъ дочери; это не то, что какая-нибудь толкучка, въ родѣ общественнаго бала въ Гоули, куда всякій можетъ попасть; тутъ будетъ одно только избранное общество. Но я бы желала только, чтобы у тебя былъ приличный случаю туалетъ. Я бы телеграфировала Клементинѣ, и она прислала бы тебѣ хорошенькое платье, да времени мало; никакъ не поспѣешь.

— И такъ будетъ хорошо, мамаша, спокойно отвѣчала Марго, мое тюлевое платье совсѣмъ еще новое.

— Ты должна быть такъ хороша, какъ только можно. Надо будетъ показать тебѣ какихъ-нибудь *bijoux*, выбери изъ моихъ что-нибудь, если между твоими не найдется ничего подходящаго.

— Врядъ ли, мамаша, у меня почти ничего нѣтъ въ этомъ родѣ, кромѣ медальона, который мнѣ подарилъ м-ръ Чадвикъ, а онъ слишкомъ безобразенъ и я не могу его надѣть. И вы знаете, что мнѣ не на что покупать себѣ золотыхъ вещей.

— Я бы желала назначить тебѣ большую сумму на туалетъ, дитя мое; просто стыдъ, что тебѣ нечего надѣть; но ты права, медальона носить нельзя, хотя онъ и дорого стоитъ. Надѣюсь, онъ у тебя въ цѣлости и сохранности?

— О, да, лѣниво отвѣчала Марго; онъ лежитъ въ одномъ изъ ящиковъ моего туалета.

— Напрасно ты такъ безпечна, дитя мое; такія вещи слѣдуетъ держать подъ замкомъ.

— И такъ не пропадетъ.

— Дѣло въ томъ, что Марго не огорчилась бы, еслибы его у ней и украли! проговорилъ голосъ Аллена въ дверяхъ.

Онѣ сидѣли въ потемкахъ, и онъ неслышно вошелъ въ комнату.

М-съ Чадвикъ вздрогнула.

— Ахъ, Алленъ, это ты! замѣтила она. Я и не подозрѣвала, что ты тутъ. Хотя это право непріятно, когда такъ подкрадываются. Страшно разговаривать, все кажется, что тебя подслушиваютъ.

— Вы вѣдь сами жаловались, зачѣмъ я шумно вхожу въ комнату. Вотъ вы говорили про балъ у Готамовъ. Я тоже ѣду.

— Вы! вскричала Марго.

— Да. Папаша говоритъ, что онъ не поѣдетъ; что ему лэди Адель надоѣла хуже горькой рѣдьки, когда у нихъ обѣдалъ, а такъ какъ я тоже приглашенъ, то онъ говоритъ, что я могу быть полезенъ хоть разъ въ жизни. Я вамъ не буду мѣшать, Марго!

— О, Боже мой! конечно нѣтъ! почему же вамъ и не ѣхать, если вамъ этого хочется? но вамъ будетъ очень скучно, если вы не танцуете.

— Я ужь какъ-нибудь попрыгаю. Можетъ быть, не откажетесь протанцовать со мной.

— Я отказываюсь прыгать съ кѣмъ бы то ни было. Поищите себѣ болѣе энергичную танцорку, Алленъ.

— Если мнѣ нельзя съ вами танцовать, то я совсѣмъ не буду.

— Какой эгоизмъ съ вашей стороны! что же, вы просидите въ углу весь вечеръ, или какъ?

— Ну вотъ вы уже и насмѣхаетесь надо мной, но я не сержусь; вы всегда добродушно смѣетесь.

— Я воплощенное добродушіе, но я спрашиваю изъ любопытства, какъ вы будете проводить время, если не намѣрены танцовать?

— Какъ-нибудь; не безпокойтесь обо мнѣ, былъ флегматическій отвѣтъ.

Миссъ Гендерсонъ не трудно было убѣдить м-съ Чадвикъ, что Идѣ требуется перемѣна воздуха, хотя съ гораздо большимъ трудомъ удалось добиться согласія м-ра Чадвика.

— Мнѣ не денегъ жаль, говорилъ онъ, но я не вижу, чтобы она была менѣе здорова, чѣмъ ея сестры. Все это фантазіи, Селина; вѣрнѣе, что сама эта дѣвочка Гендерсонъ хочетъ развлечься.

— Ахъ, отвѣчала м-съ Чадвикъ, сейчасъ видно, что она не ваша дочь. Вы никогда ни въ чемъ не оказываете Аллену.

— Ну, пошла... вѣдь говорю же, не въ деньгахъ дѣло. Я никакой разницы не дѣлаю. Что касается Аллена, то ты какъ разъ и ошиблась. Я еще два дня тому назадъ сказалъ ему, что уменьшаю цифру его карманныхъ денегъ и не стану платить его долги. Если ему нравится водиться съ дрянью и посѣщать пѣтушные бои, пусть себѣ, но только я не намѣренъ снабжать его деньгами, чтобы онъ сорилъ ими попусту.

— Бѣдная Ида не соритъ деньгами, и ей право слѣдуетъ ѣхать, Джошуа.

— Ну, такъ пускай ѣдетъ, но только на двѣ недѣли, не долѣе; этого довольно, чтобы поправиться, если ей въ самомъ дѣлѣ не здоровится.

Надо сказать, что Ида казалась гораздо живѣе и веселѣе послѣднее время—благодаря отрывкамъ изъ писемъ, которыя получала миссъ Гендерсонъ и сообщала Идѣ. Но хитрость тѣмъ не менѣе увѣнчалась успѣхомъ, и гувернантку вмѣстѣ съ Идой отправили въ Борнмоутъ.

Въ концѣ второй недѣли однако извѣстія стали приходить тревожныя; Ида не такъ скоро поправлялась, какъ надѣялась гувернантка; было бы жестоко, писала эта послѣдняя, не дать ей подышать морскимъ воздухомъ еще двѣ недѣли.

Чадвикъ вышелъ изъ себя при этомъ.

— Меня бѣситъ это дурацкая безсмыслица, грубо объявилъ онъ. Я не вѣрю, чтобы дѣвушка была больна. Все это глупости! Еслибы это было нужно—другое дѣло, но какъ могу я знать, что это не одни прихоти.

— Хотите, чтобы Марго съѣздила на день или на два? На нее вы можете положиться, она съумѣетъ различить, больна Ида или нѣтъ.

— Что жъ, это не дурной планъ. Пошлите ее, если хотите. Когда она поѣдетъ?

— Послѣ бала въ Гоули; этого бала она никакъ не можетъ пропустить: лэди Адель была такъ любезна.

— Устройте это между собой, сказалъ Чадвикъ. Я только хочу знать навѣрное, что меня не водятъ за носъ.

Марго согласилась ѣхать по многимъ причинамъ, она безпокоилась на счетъ Иды и все болѣе и болѣе не довѣряла вліянію, какое гувернантка пріобрѣла надъ нею. Марго всей душей любила Иду, и ей тяжело было, что другая заняла первенствующее мѣсто въ сердцѣ сестры.

Вечеръ, назначенный для бала въ Гоули-Кортѣ, наступилъ, и Алленъ дожидался въ сѣняхъ Агра-Голли появленія м-съ Чадвикъ и Марго. Марго сошла первая, и въ то время какъ она медленно спускалась съ лѣстницы, застегивая длинныя перчатки, она была такъ хороша, что могла вскружить и болѣе крѣпкую голову, чѣмъ его. Онъ глядѣлъ на нее, онѣмѣвъ отъ восхищенія. Онъ всегда находилъ ее красавицей, но въ эту минуту она казалась ему совершенно недосягаемой. А между тѣмъ она была его сводная сестра; онъ каждый день видѣлъ ее; онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ нею на балъ... имъ овладѣло старинное, знакомое состояніе удивленнаго и недовѣрчиваго восторга.

— Вы критикуете меня? безпечно спросила она.

— Я... я думалъ, что вы очень авантажны, глупо отвѣтилъ онъ. Я бы хотѣлъ, чтобы вы позволили мнѣ застегнуть вамъ перчатку... или вообще услужить вамъ.

— Благодарю васъ, не желаю васъ безпокоить; я предпочитаю сама все дѣлать.

Манеры ея были холоднѣе обыкновеннаго. Бѣдный Алленъ не принадлежалъ къ тѣмъ счастливымъ смертнымъ, которые выигрываютъ во фракѣ, и удовольствіе, съ какимъ Марго оглядѣла себя въ послѣдній разъ въ зеркалѣ, было теперь испорчено перспективой появленія на балѣ въ сопровожденіи такого кавалера.

— Какой удивительный бантъ! замѣтила она, вы, должно быть, помучались таки надъ нимъ.

— Не умѣю я завязывать этихъ проклятыхъ галстуховъ; еслибы вы были такъ добры, Марго, повязали его мнѣ.

Она покачала головой.

— Я думаю, его теперь только больше изомнешь, сказала она.

Тутъ къ нимъ присоединилась м-съ Чадвикъ.

— Скажите Тофаму, что мы готовы, Мастерманъ, пожалуйста. Алленъ, я надѣюсь, что вы берете съ собою теплое пальто, потому что вамъ придется сѣсть на козлы. Втроемъ въ каретѣ будетъ тѣсно.

И такъ Аллену пришлось сѣсть на козлы— обстоятельство, котораго онъ не предвидѣлъ, такъ какъ мечталъ сидѣть въ каретѣ напротивъ Маргó. Но онъ не посмѣлъ возражать мачихѣ.

Ночь была холодная и сырая, но м-съ Чадвикъ спустила стекло въ каретѣ, жалуясь, что у нея весь день болѣла голова, и что холодный воздухъ ее освѣжитъ. Она слышать не хотѣла о томъ, чтобы вернуться домой, объявляя, что это ничего, и пройдетъ, къ тому времени какъ онѣ пріѣдутъ. Въ самомъ дѣлѣ, ничто кромѣ очень серьезной болѣзни, не заставило бы м-съ Чадвикъ свернуть на полпути. Еще не много, и ихъ экипажъ попалъ въ рядъ другихъ, медленно проѣзжавшихъ въ ворота замка.

Красивыя, старинныя сѣни съ широкой лѣстницей и галлереей, вымощенныя каменными черными и бѣлыми квадратами, были полны народа; легкіе наряды женщинъ красиво выдѣлялись на фонѣ живой зелени и древнихъ рыцарскихъ облаченій по стѣнамъ.

Маргó тотчасъ же убѣдилась, что ей вовсе не грозитъ роль бездѣятельной зрительницы: нѣсколько молодыхъ сквайровъ и младшихъ сыновей, которые недавно познакомились съ Чадвиками, протѣснились къ ней, и она вскорѣ была приглашена на всѣ танцы.

Многіе изъ ея кавалеровъ, красивые молодые люди, которые очень цѣнятся въ бальныхъ залахъ, хотя сами считаютъ танцы скучной и утомительной работой, послѣ цѣлаго дня, проведеннаго на охотѣ, не только не находили утомительнымъ вальсировать съ миссъ Чевенингъ, но наперерывъ другъ передъ другомъ приглашали ее.

Для Маргó всѣ эти кавалеры были безразличны, всѣ танцовали одинаково хорошо, были приторно красивы и прилично скучны. Ей бы очень хотѣлось, чтобы Ноджентъ Ормъ находился въ числѣ гостей, но онъ былъ заграницей—это она знала отъ Милли Ормъ.

Какъ бы то ни было, а она очень пріятно проводила время, такъ какъ любила поклоненіе и не успѣла еще имъ пресытиться.

Но по прошествіи нѣкотораго времени, она вдругъ замѣтила, что матери ея нѣтъ въ залѣ.

— Какъ жаль, дорогая миссъ Чевенингъ, сказала ей лэди Адель, что вашей мамашѣ нездоровится... О! не пугайтесь! ничего, ровно ничего нѣтъ опаснаго... просто голова закружилась. Вы этого не знали. Она, вѣроятно, не хотѣла, чтобы васъ потревожили.

— Гдѣ она? пожалуйста проведите меня къ ней, лэди Адель, просила Марго.

— Душа моя, да она уже, вѣроятно, теперь дома; милый д-ръ Ситонъ счелъ за лучшее, чтобы она уѣхала домой, и отвезъ ее въ собственной каретѣ. Вамъ не зачѣмъ покидать насъ. Вашъ братъ отвезетъ васъ домой.

— Я бы желала сейчасъ же уѣхать, если можно. Еслибы меня предупредили, я бы уѣхала съ нею; я буду страшно тревожиться, пока не узнаю, въ чемъ дѣло.

— Я велю подавать вашу карету, если вы непремѣнно хотите уѣзжать, сказала лэди Адель, но увѣряю васъ, что ваша мамаша совсѣмъ уже оправилась, когда уѣзжала домой.

Теперь оставалось найти Аллена, и Марго попросила одного изъ своихъ танцоровъ помочь ей разыскать его въ различныхъ комнатахъ.

— Ни въ одной не видѣлъ его! сказалъ танцоръ; никого нѣтъ, кто бы былъ похожъ....

— Благодарю васъ—*вотъ* мой сводный братъ, а теперь рѣшительно прошу васъ вернуться въ бальную залу, я не хочу долѣе лишать васъ удовольствія танцовать.

Алленъ нѣкоторое время какъ уже удалился въ буфетъ. Онъ усталъ отъ толчковъ и просьбъ посторониться нарядной толпы, которой онъ наступалъ на ноги и шлейфы, а потому съ уныніемъ помышляя о долгихъ и скучныхъ часахъ, которые ему еще предстоитъ провести здѣсь, прежде чѣмъ отправиться домой, и утѣшался шампанскимъ, когда кто-то легко дотронулся до его плеча. Онъ оглянулся и увидѣлъ Марго.

— Какъ? вы все-таки хотите танцовать со мной? вскричалъ онъ. Что жъ! я готовъ!

Когда онъ услышалъ, чего она желаетъ, то поспѣшно повиновался; ея пальто и плэдъ были скоро найдены, карета подана, и сэръ Эверардъ самъ вышелъ усадить ее въ экипажъ, Алленъ сѣлъ напротивъ Марго. На предложеніе курить и сѣсть на козлы, онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, я не хочу курить. Я сяду лучше въ карету.

А она не посмѣла настаивать въ присутствіи сэра Эверарда и цѣлой толпы слугъ.

И какъ ей ни непріятно было его общество, въ эту минуту въ особенности, но дѣлать было нечего, дверца кареты захлопнулась, сэръ Эверардъ ушелъ, и карета покатилась.

X.

Они проѣхали мимо длиннаго ряда каретъ, дожидавшихся господъ, и Алленъ самъ не вѣрилъ своему счастію. Они были вдвоемъ и совсѣмъ одни; свѣтъ отъ фонарей кареты слабо освѣщалъ ея лицо, обрамленное своимъ кружевнымъ капоромъ. Она сидѣла, прислонивъ голову къ подушкамъ, полураскрывъ глаза и слегка раскрывъ губы. Шампанское, выпитое Алленомъ, развязало ему языкъ и сдѣлало болѣе, чѣмъ когда-либо впечатлительнымъ къ ея красотѣ.

— Какъ мнѣ весело, началъ онъ, что я наединѣ съ вами, Марго! Послѣднее время я совсѣмъ не видѣлъ васъ наединѣ. Вамъ непріятно, что вы со мной однѣ!

— Прошу васъ помнить, я не была бы съ вами наединѣ, еслибы не болѣзнь мамаши.

— У нея только голова закружилась... и болѣе ничего. Не тревожьтесь объ этомъ, Марго. Вы увидите, что она совсѣмъ здорова, когда мы пріѣдемъ домой.

— Ахъ! еслибы мы скорѣе пріѣхали! я не успокоюсь, пока не узнаю, что съ нею.

Въ огорченіи она была прелестнѣе, чѣмъ когда-либо, и онъ окончательно потерялъ голову. Вѣдь Бобъ Барчардъ говорилъ ему, что съ женщинами нужна смѣлость. Почемъ онъ знаетъ, можетъ быть, она все это время про себя его любила! Онъ рѣшилъ попытаться счастія—другаго такого случая могло долго не представиться.

— Марго, началъ онъ, не глядите такъ печально, позвольте мнѣ утѣшить васъ.

Глаза ея теперь широко раскрылись.

— Я долженъ сказать вамъ, торопливо продолжалъ онъ, что я не могу вынести, если вы печальны, Марго, потому что я люблю васъ... я давно уже люблю васъ; я съ самаго начала полюбилъ васъ. Скажите, что и вы меня немножко любите!

Она съ ужасомъ забилась въ уголъ кареты.

— *Васъ!* слабо вскрикнула она, о! вы сами не знаете, что говорите... это невозможно! Это слишкомъ нелѣпо. Алленъ, вы съ ума сошли! выпустите мои руки!

Онъ схватилъ ея нѣжныя руки и крѣпко держалъ ихъ.

— Я сошелъ съ ума, если хотите! хрипло проговорилъ онъ, и... я васъ люблю... хотите вы этого или нѣтъ... вы не можете помѣшать мнѣ. Я васъ люблю, я васъ люблю!

Прежде чѣмъ она успѣла вырваться, онъ страстно поцѣловалъ ее въ губы и вдругъ, опомнившись, весь содрогнулся отъ своей собственной дерзости.

Нѣсколько секундъ прошло, прежде чѣмъ Марго обрѣла голосъ. Еслибы мальчишка, помощникъ садовника, осмѣлился поступить съ нею такъ, она бы почувствовала себя не болѣе униженной и оскорбленной, чѣмъ теперь.

— Негодяй! сказала она наконецъ, какъ вы смѣете! Чѣмъ могла я заслужить такое обращеніе?

— Я... я нечаянно... я самъ не знаю, что это со мной сдѣлалось, пролепеталъ онъ.

— Остановите карету, приказала она.

Онъ повиновался. Марго спустила стекло.

— Тофамъ! м-ръ Алленъ желаетъ сѣсть на козлы, объявила она.

— Марго, умоляющимъ тономъ проговорилъ Алленъ, я больше не буду.

— Будьте такъ добры немедленно выйти вонъ изъ кареты, если не хотите, чтобы я вернулась домой пѣшкомъ.

Онъ повиновался и поѣхалъ домой на козлахъ, рядомъ съ Тофамомъ, въ настроеніи духа далеко не изъ пріятныхъ. А Марго, какъ только осталась одна, дала волю слезамъ: послѣдній испугъ слишкомъ разстроилъ ея нервы, находившіеся уже въ напряженномъ состояніи подъ вліяніемъ извѣстія о болѣзни матери.

Но когда карета подъѣхала къ дому, никто бы не угадалъ, что миссъ Чевенингъ плакала. Она немедленно стала разспрашивать Мастермана о здоровьи м-съ Чадвикъ, такъ какъ въ настоящую минуту мысль о матери поглощала все ея вниманіе.

Къ счастію, вѣсти, сообщенныя имъ, были успокоительнаго свойства: м-съ Чадвикъ поручила ему передать миссъ Марго, что она чувствуетъ себя гораздо лучше и увидится съ

нею поутру. Послѣ того буфетчикъ поклонился и ушелъ, оставивъ Марго и Аллена вдвоемъ. Она глядѣла величественно, онъ—какъ самъ чувствовалъ—точно собака, которую только-что прибили. Наконецъ робко, какъ будто боясь, что ему не позволятъ и такой прозаической услуги, онъ зажегъ одну изъ свѣчей, и она взяла ее, не глядя на него.

Въ другое время она сообразила бы весь комизмъ ихъ положенія, но, въ настоящую минуту, негодованіе брало верхъ надъ юморомъ, и она пошла на верхъ, не удостоивая его ни словомъ.

Онъ смиренно послѣдовалъ за нею.

— Марго, проговорилъ онъ взволнованнымъ шепотомъ, скажите мнѣ, что вы намѣрены дѣлать?

— Я почемъ знаю, отвѣтила она черезъ плечо.

— Если отецъ прослышитъ объ этомъ, то, пожалуй, отошлетъ меня въ Индію, ворчливо сказалъ Алленъ. Онъ поклялся, что при первой жалобѣ на меня это сдѣлаетъ. Марго... неужели вы не пожалѣете меня и заставите отца выгнать меня изъ дома?...

Она уже дошла до верхней площадки и повернула къ нему блѣдное лицо и горящіе гнѣвомъ глаза.

— Не говорите со мной! сказала она. Молчите... если не хотите окончательно разсердить меня!

И ни слова не прибавивъ пошла по корридору въ свою комнату.

Какъ она теперь поступитъ! Алленъ и не догадывался, что не могъ хуже для себя выдумать, какъ заронить въ нее мысль о возможности услать его въ Индію! Ахъ! еслибы только можно было отдѣлаться отъ него такимъ образомъ! Но въ такомъ случаѣ пришлось бы разсказать вотчиму... а онъ способенъ обратить все это въ шутку... и надъ нею же подтрунивать... нѣтъ! отъ одной мысли она сгоритъ со стыда.

Еслибы даже онъ отнесся къ этому обстоятельству серьезно, то и тогда она знала, что не можетъ разсчитывать на его скромность. Но она была сверхъ того убѣждена, что онъ не усмотритъ въ этомъ фактѣ достаточнаго повода услать сына въ Индію. Пожаловавшись на Аллена, она только сдѣлаетъ себя посмѣшищемъ въ глазахъ вотчима.

Когда на слѣдующее утро она пришла къ матери, то нашла ее почти совсѣмъ здоровой.

— Сама не знаю, съ чего это мнѣ вчера сдѣлалось дурно,

сказала она. Я слишкомъ много суетилась въ послѣднее время. Надѣюсь, ты не испугалась, милочка. Я не хотѣла, чтобы тебѣ говорили. Д-ръ Ситонъ былъ такъ добръ, что отвезъ меня домой. А я вѣдь все-таки оставила тебя не одну.

Еслибы м-съ Чадвикъ была нездорова, Марго побоялась бы тревожить ее, но теперь она не могла удержаться, чтобы не передать ей о случившемся.

— Еслибы была одна, было бы гораздо лучше! и я бы не подверглась тому униженію, какое перенесла, мама! Если я скажу вамъ, то вы не должны никому передавать... а пуще всего моему вотчиму... обѣщайте мнѣ это, мама.

— Обѣщаю. Я вообще не говорю твоему вотчиму ничего касающагося тебя лично... Скажи, что случилось?

— Все этотъ негодный Алленъ надѣлалъ! мы возвращались вдвоемъ въ каретѣ... и онъ осмѣлился признаться мнѣ въ любви... и... и цѣловать меня!

М-съ Чадвикъ выпытала всю исторію отъ Марго.

— Я такъ же сердита, какъ и ты, мой ангелъ! Негодный мальчишка! но ты права; отцу объ этомъ говорить не слѣдуетъ. Ужасно было бы, еслибы всѣ объ этомъ узнали!

— И неужели я должна жить въ одномъ съ нимъ домѣ! Мама, нельзя ли хоть мнѣ уѣхать куда-нибудь?

— Ну! что жъ! вѣдь ты и поѣдешь теперь, хотя и на короткое время; а затѣмъ потерпи немного. Его отецъ все болѣе и болѣе недоволенъ имъ; еще немного... и онъ рѣшится отослать его въ Индію. Но мы должны выждать болѣе благопріятнаго случая; а теперь онъ только посмѣется надъ нами.

— Да, я знаю, знаю, отвѣчала Марго, содрогаясь. Я вамъ только потому разсказала, что... ахъ! какъ это все отвратительно! Еслибы только это какъ-нибудь кончилось... и поскорѣе...

— Ну, на это нельзя разсчитывать!

Марго должна была ѣхать въ Борнмоутъ съ двѣнадцатичасовымъ поѣздомъ, а потому у нея, послѣ продолжительнаго совѣщанія съ матерью, оставалось ровно столько времени, чтобы уложиться. Она не брала съ собой горничной, и миссъ Гендерсонъ должна была встрѣтить ее по пріѣздѣ.

Первое лицо, которое она увидѣла на платформѣ, было Алленъ. Она нахмурила брови отъ гнѣва при видѣ его; они впервые еще встрѣчались сегодня.

— Успокойтесь, презрительно сказала она ему; вашъ отецъ

не узнаетъ о вчерашнемъ. Есть вещи, которыя слишкомъ непріятно пересказывать.

Онъ не могъ скрыть своей радости.

— Боже благослови васъ, Марго! вы не пожалѣете объ этомъ... никогда! И... и я бы скорѣе умеръ, чѣмъ позволилъ себѣ оскорбить васъ...

— Никто не проситъ васъ умирать; и единственнымъ извиненіемъ вамъ служитъ то, что вы сами не понимали, что дѣлаете. Но никогда не говорите объ этомъ со мной... или съ кѣмъ бы то ни было. Постараемся оба забыть.

— Значитъ, вы прощаете меня! Ахъ! я этого не заслуживаю! Я поступилъ, какъ пошлякъ, какъ грубое животное, но если вы доставите мнѣ случай оказать вамъ услугу, то увидите, что я не неблагодарный. Вы сдѣлаете это, Марго?

— Я не даю никакихъ обѣщаній и... вотъ мой поѣздъ.

Она холодно кивнула ему головой, и поѣздъ тронулся. На губахъ ея играла даже улыбка, холодная, принужденная, но все же улыбка. Онъ смотрѣлъ вслѣдъ поѣзду, пока тотъ не скрылся изъ виду, и съ облегченнымъ сердцемъ вернулся домой. Она простила его! онъ не будетъ изгнанъ изъ ея присутствія и можетъ постараться вернуть ея доброе расположеніе.

По пріѣздѣ въ Борнмоутъ, Марго нашла Иду и миссъ Гендерсонъ въ очень уютной квартиркѣ на виллѣ, выходившей окнами въ общественный садъ. Что касается общаго состоянія здоровья, то Ида, казалось, совсѣмъ поправилась, но обращеніе ея съ сестрой было натянутое и такое неласковое, что Марго про себя глубоко обидѣлась, хотя по гордости и виду не показала.

— Для тебя приготовлена очень хорошенькая спальня наверху, сказала Ида сестрѣ. Генни, покажите Марго ея комнату.

— На то короткое время, какое мы здѣсь пробудемъ, я бы могла помѣститься въ твоей комнатѣ, Ида.

— Нѣтъ, Марго, этого нельзя; если только ты не хочешь выгнать бѣдную Генни.

— Конечно, я могу перейти въ другую комнату, если вы желаете помѣститься вмѣстѣ съ Идой, предложила миссъ Гендерсонъ.

— Вы, кажется, очень рады уйти отъ меня, Генни, сказала Ида, надувшись.

— О, пожалуйста не безпокойтесь, отвѣтила миссъ Чеве-

нингъ, закусывая губу; я отправлюсь на вверхъ, мнѣ рѣшительно все-равно.

Только на другой день могла она вызвать Иду на объясненіе. Онѣ гуляли по морскому берегу; было ясное ноябрьское утро; солнце грѣло, но дулъ рѣзкій вѣтеръ, гнавшій бѣлую пѣну, точно хлопья шерсти, на темный песокъ.

Миссъ Гендерсонъ рѣшительно отказалась сопровождать ихъ.

— Вамъ пріятно будетъ поговорить другъ съ другомъ, объявила она, и, къ удивленію Марго, Ида съ жаромъ поддержала ее.

— Пойдемъ гулять однѣ сегодня, Марго. Генни не обидится за это.

Но оставшись вдвоемъ съ Марго, Ида отвѣчала ей коротко и односложно, и даже какъ бы съ досадой, которую старшая сестра наконецъ замѣтила.

— Ты такъ хотѣла остаться со мной вдвоемъ, Ида, а между тѣмъ тебѣ, кажется, рѣшительно не хочется со мной разговаривать.

Ида остановилась и стала зонтикомъ водить по песку.

— О чемъ мнѣ разговаривать? сказала она сердитымъ голосомъ.

— Не капризничай, Ида. Если я чѣмъ-нибудь досадила тебѣ, то скажи. Я очень хорошо вижу, что ты не рада моему пріѣзду.

— Потому что я знаю, зачѣмъ ты пріѣхала... чтобы увезти меня съ собой. Ты думаешь, я совсѣмъ здорова. Ты, можетъ быть, и не вѣришь, что я была больна?

— Я конечно не считаю тебя больше больной, моя милая; и боюсь, тебѣ нужно примириться съ мыслью о необходимости вернуться домой.

— Какъ скоро?

— Послѣ завтра, самое позднее.

— Марго, я не могу, я не хочу такъ скоро уѣзжать! Ты.. ты не знаешь, каково это мнѣ. О! позволь мнѣ остаться еще недѣльку... только одну недѣльку!

— У тебя есть какія-нибудь причины, чтобы желать остаться? Почему тебѣ непріятно возвращаться домой? Довѣрься мнѣ, Ида?

— Какое мнѣ удовольствіе возвратиться домой и снова жить въ одномъ домѣ съ Алленомъ. О, Марго, онъ ненавидитъ

меня! Ты этому не повѣришь, потому что съ тобой онъ обращается совсѣмъ иначе; онъ тебя боится... но еслибы ты знала, какъ онъ мучитъ меня... а теперь будетъ еще хуже, если только... ахъ! я просто съ ума сойду, если... если все устроится не по-моему.

— Нѣтъ, не бойся! съ негодованіемъ проговорила миссъ Чевенингъ, бѣдная Ида! сколько ты, должно быть, натерпѣлась! Онъ слишкомъ презрѣнное существо, чтобы стоило о немъ думать. Но во всякомъ случаѣ я положу этому конецъ на будущее время. Если я устрою, чтобы ты осталась здѣсь еще недѣлю, ты вернешься домой безъ неудовольствія? Обѣщаю, что онъ не будетъ больше приставать къ тебѣ; да можетъ быть и вообще пробудетъ съ нами не долго. Потерпи еще немножко.

— Недѣлю! вскричала Ида, да это все, что мнѣ нужно, Марго; ты душка, и я жалѣю, что была сердита.

— И я тоже, потому что люблю тебя больше, чѣмъ всѣ Камиллы въ свѣтѣ... еслибы ты только этому могла повѣрить!

— Я вѣрю, но только не брани Генни, потому что я не могу этого слышать. Никто не знаетъ, какой она мнѣ другъ... никто, Марго! И я такъ была несчастна!

Марго обвила твердой, покровительственной рукой тоненькую фигуру сестры; глаза ея горѣли гнѣвомъ.

— Еслибы я это только знала, проговорила она; но я найду способъ наказать его, повѣрь, мой ангелъ.

Ей совсѣмъ и въ голову не пришло, что Ида не сказала настоящей причины, почему ей хочется остаться въ Борнмоутѣ, или что она преувеличила вовсе не злобныя, хотя и неуклюжія шутки Аллена и обратила ихъ въ безпощадное преслѣдованіе.

Предубѣжденная противъ ненавистнаго своднаго брата, миссъ Чевенингъ готова была вѣрить всему дурному о немъ. Онъ не заслуживалъ пощады, и она не пощадитъ его, когда настанетъ моментъ расплаты.

И такъ обѣ сестры помирились, и Марго вернулась съ прогулки въ жгучемъ негодованіи—не безъ примѣси личнаго чувства—на угнетателя сестры.

— Неужели нѣтъ способовъ, спрашивала она себя, избавиться отъ него?

Размышленія миссъ Чевенингъ, пока еще неопредѣленныя и смутныя, ничего хорошаго не обѣщали невинному Аллену,

который въ это время утѣшалъ себя мыслью, что онъ прощенъ, и готовился долгимъ и упорнымъ угожденіемъ загладить свою вину.

Алленъ находилъ долгими и скучными дни, проведенные Марго въ Борнмоутѣ. Безъ нея единственная радость и цѣль его жизни улетучивалась. Съ Летиціей онъ теперь видѣлся очень мало. Ссора между ними не была вполнѣ улажена, и дѣвочка больше не вѣрила въ его доброе расположеніе и упорно отказывалась отъ его общества и хотя уроки ея пока прекратились, она больше сидѣла съ матерью.

Отецъ ѣздилъ на охоту по сосѣдству и проводилъ большую часть дня внѣ дома, къ великому удовольствію Аллена, такъ какъ охотничій сезонъ снова оживилъ досаду Чадвика на сына.

— Сегодня въ одиннадцать часовъ назначена охота съ гончими въ Рамшотскомъ лѣсу, проронилъ онъ какъ-то за завтракомъ.

Алленъ почелъ за лучшее промолчать. Это раздражало его отца.

— Еслибы у тебя была хоть капля энергіи, съ горечью сказалъ онъ, то ты бы могъ поспорить со всѣми ними, вмѣсто того, чтобы весь день слоняться ничего не дѣлая. Мнѣ просто тошно видѣть молодаго человѣка твоихъ лѣтъ, который совсѣмъ не умѣетъ веселиться!

— Не легко веселиться, когда нѣтъ ни гроша въ карманѣ, отвѣтилъ Алленъ угрюмо.

— Я довольно потратилъ денегъ на тебя, а толку вышло мало! Теперь больше ты не получишь отъ меня денегъ, пока не увижу, что ты стоишь того. У меня расходовъ и безъ того пропасть, а тутъ еще ты будешь сорить деньгами! Я думалъ было сдѣлать изъ тебя человѣка, но ты вылѣчилъ меня отъ этой фантазіи!

Такія рѣчи приводили Аллена въ состояніе тупаго и упрямаго недовольства и сознанія незаслуженной и несправедливой обиды. Развѣ онъ виноватъ, что не способенъ къ деревенской жизни? На сколько онъ могъ, онъ старался исправить свои манеры и избѣгать дурнаго общества, но чѣмъ же ему было занять себя? только и оставалось, что безцѣльно бродить по окрестностямъ, не разбирая погоды и пламенно желая, чтобы Марго поскорѣе воротилась домой... онъ не скучалъ, когда она была дома.

— Еслибы не одна особа, Сусанна, сказалъ онъ въ одной изъ конфиденціальныхъ бесѣдъ, которыя теперь часто возобновлялись между ними, то я бы не выдержалъ. Вы знаете, кого я разумѣю подъ „одной особой“.

Тщеславная Сусанна перетолковала его слова: до сихъ поръ онъ еще никогда не говорилъ такъ прямо; его стоило только немного поощрить!

— Думаю, что могу догадаться, если поломаю голову, отвѣтила она съ напускнымъ хладнокровіемъ.

— Да, я полагаю, что вы могли догадаться. А какъ вы думаете, Сусанна, могу я надѣяться, что современемъ... когда-нибудь она обратитъ на меня вниманіе?

— У дѣвушки есть своя скромность. Вы не можете ждать, что она станетъ забѣгать впередъ. И къ тому же, какъ вы хотите, чтобы на васъ обращали вниманіе, когда вы не умѣете себя поставить въ своемъ собственномъ домѣ. Да еще могу вамъ сказать, вы никогда ничего не получите, если сами не попросите!

Онъ былъ слишкомъ разочарованъ.

— Безполезно просить; я хотѣлъ только знать, какъ вы думаете объ этомъ, и если вы говорите, что надежда не потеряна, я могу и подождать.

И повернувшись, ушелъ, предоставивъ ей утѣшаться собственною фантазіей.

Въ сущности Сусанна была увѣрена, что могла каждую минуту заставить его высказаться болѣе категорическимъ образомъ. Онъ жалкое созданіе—это правда; онъ ей ни капельки не нравится, но стоило однако забрать его въ руки. Почему бы ей не выдти замужъ теперь же. Отецъ вѣрно дастъ имъ что-нибудь на прожитокъ.

Алленъ, не воображавшій, что нежданно-негаданно возбудилъ неосновательныя надежды, безцѣльно брелъ по дорогѣ въ Клозборо, когда услышалъ стукъ колесъ за спиной. Его обогналъ Бобъ Барчардъ, и остановилъ свой догкартъ.

— Извините, если осмѣливаюсь безпокоить, заговорилъ онъ съ насмѣшливой почтительностью, вы меня совсѣмъ знать не хотите, съ тѣхъ поръ какъ собрались въ университетъ, хотя я слышалъ, что вы все-таки туда не поступили. Но конечно я не достоинъ водить компанію съ такимъ знатнымъ джентльменомъ, какъ вы. Я и самъ это знаю, нечего вамъ краснѣть. Я хотѣлъ васъ видѣть только потому, что мнѣ по-

ручили вамъ передать нѣчто. И уже два дня тому назадъ. Приславшій это мнѣ вѣроятно думаетъ, что мы по-прежнему неразлучны. Я таскалъ это съ собой все время, ожидая наткнуться на васъ. Это письмо! Вотъ оно. Теперь мое дѣло сдѣлано... но можетъ быть вы захотите покататься со мной.

Но Алленъ не принялъ приглашенія, какъ это сдѣлалъ бы прежде.

— Нѣтъ, благодарю васъ, неловко отвѣтилъ онъ, беря письмо. Сегодня мнѣ некогда.

— Ахъ! сказалъ Бобъ, вы слишкомъ горды стали. Ну что жъ вы не читаете вашего любовнаго письма? Развѣ вамъ не хочется узнать, какой это женщинѣ вы вскружили голову.

— Поспѣю, отвѣчалъ Алленъ, которому хотѣлось, чтобы онъ поскорѣе уѣхалъ.

Барчардъ ѣхалъ нѣкоторое время шагомъ, пока не убѣдился, что Алленъ не намѣренъ удовлетворить его любопытство.

— Хорошо, сказалъ онъ, я вижу, вы въ самомъ дѣлѣ заважничали. Не хотите знать пріятелей. Ну что жъ! я, авось, не заплачу. Да и то сказать, вы не особенно забавный товарищъ. Я вамъ не навязываюсь съ своей дружбой, мое почтеніе! читайте свое письмо на здоровье.

Какъ только онъ уѣхалъ, Алленъ оглядѣлъ конвертъ, не распечатывая его. На немъ стояло: „Секретное. Передать въ собственныя руки и безъ свидѣтелей“,—смѣлымъ, но торопливымъ почеркомъ, который показался ему знакомымъ. Сердце его забилось, когда, сорвавъ конвертъ, онъ поглядѣлъ на подпись... письмо было отъ Марго.

Съ секунду онъ боялся прочитать письмо... первое, какое онъ получилъ отъ нея. Удивительно, зачѣмъ она писала ему? неужели за тѣмъ, чтобы взять назадъ свое прощеніе? Но письмо превзошло всѣ его ожиданія. Онъ долженъ былъ нѣсколько разъ перечитать его, прежде нежели повѣрилъ своимъ глазамъ.

Вотъ что оно гласило:

„Мадейра-Вилла, Истъ-Клифъ,
Борнмоутъ.

„Мой дорогой Алленъ,—помните ли, какъ вы говорили, что сдѣлаете все, о чемъ бы я васъ ни попросила? Вы можете теперь оказать мнѣ услугу, если хотите, такую, какую никто другой не можетъ. Вотъ что я хочу: чтобы вы, никого не предупреждая, пошли въ мою комнату и взяли тамъ медальонъ съ

цѣпочкой, подаренный мнѣ вашимъ отцомъ. Онъ лежитъ въ одномъ изъ ящиковъ моего туалета. Затѣмъ продайте его; вы говорили какъ-то, что онъ стоитъ 15 фунтовъ, но продайте какъ можно дороже и пошлите деньги по слѣдующему адресу: М. Ч. Почтовая контора, Борнмоутъ. Устройте такъ, чтобы васъ никто не видѣлъ и пришлите деньги какъ можно скорѣе, иначе онѣ не будутъ нужны. Сдѣлайте это и сохраните въ тайнѣ ото всѣхъ. Даже со мной я бы желала, чтобы вы держали себя такъ, какъ еслибы ничего не случилось, и не говорили бы со мной объ этомъ, пока я сама съ вами не заговорю. Помните, что я на васъ полагаюсь. Марго.

„P. S. Разорвите его".

Трудно описать, какое впечатлѣніе произвело письмо на Аллена. Марго была въ затруднительномъ положеніи, обратилась къ нему за помощью! Случай, котораго онъ такъ жаждалъ, представляется. Зачѣмъ ей понадобились деньги подъ покровомъ тайны, надъ этимъ онъ не задумывался, но она проситъ его объ услугѣ—этого довольно.

Она увидитъ, что не понапрасну понадѣялась на него. Онъ добудетъ медальонъ, не привлекая ничьего вниманія, въ этомъ онъ увѣренъ; не трудно отвезти его въ Кловборо и тамъ продать. Во всякомъ случаѣ у него не хватило ума, чтобы предвидѣть какія-нибудь затрудненія, хотя онъ и не отступилъ бы передъ ними, еслибы даже ихъ и предвидѣлъ.

Единственнымъ свѣтлымъ пунктомъ въ его ничтожномъ и ограниченномъ характерѣ была его преданность къ Марго. Въ минуту возбужденія, она выразилась въ глубокомъ порывѣ, но тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, страсть эта была болѣе чистымъ и безкорыстнымъ чувствомъ, чѣмъ можно было отъ него ожидать.

Въ письмѣ безмятежно игнорировалась всякая опасность, какой онъ могъ подвергнуться, исполняя подобную просьбу; но еслибы даже онъ и сознавалъ опасность, то тѣмъ болѣе гордился бы, что она выбрала его. Тѣмъ болѣе для него чести и тѣмъ сильнѣе будетъ ея благодарность!

Ея благодарность? При мысли о такихъ новыхъ и восхитительныхъ отношеніяхъ между нимъ и ею сердце его трепетало отъ гордой радости.

Глупость ли это, что онъ не почувствовалъ ни малѣйшаго колебанія, никакого сомнѣнія или подозрѣнія на счетъ мотивовъ, какіе могли руководить ею? Можетъ быть, но, во всякомъ случаѣ, такой глупости ему нѣчего было стыдиться.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Когда улегся первый взрывъ восторга, Алленъ сталъ придумывать, какъ достать медальонъ, не привлекая ничьего вниманія. Онъ не могъ терять времени и рѣшилъ, что всего лучше сдѣлать это вскорѣ послѣ полдника, когда м-съ Чадвикъ будетъ сидѣть въ гостиной, а прислуга пойдетъ обѣдать. За полдникомъ и мачиха и Летиція (отца не было дома; онъ поѣхалъ на охоту) замѣтили необыкновенную разсѣянность и нервность Аллена. Такой плохой лицемѣръ, какъ онъ, не умѣлъ, конечно, ничего скрыть.

— Я не жду Марго раньше недѣли, отвѣчала на его вопросъ м-съ Чадвикъ. Почему вы спрашиваете? у васъ есть какая-нибудь причина?

— Причина? пробормоталъ онъ, точно она могла въ его глазахъ прочитать его тайну, нѣтъ... я... я такъ.

И сконфуженно замолчалъ, а затѣмъ заговорилъ съ Летти такъ развязно, что та на него глаза вытаращила.

Онъ подождалъ нѣкоторое время послѣ того, какъ они вышли изъ комнаты, пока не убѣдился, что путь свободенъ, и затѣмъ пробрался на верхъ и пошелъ по корридору въ комнату Марго. У двери онъ остановился какъ бы охваченный невольнымъ благоговѣніемъ, точно входилъ въ святилище. Ему было жутко, и онъ долженъ былъ повторить себѣ, что поступаетъ согласно ея желанію.

Счастіе ему благопріятствовало; ничто не было заперто, кромѣ гардероба, да и тамъ торчалъ ключъ. Онъ выдвигалъ одинъ ящикъ за другимъ, второпяхъ позабывъ, что его могутъ услышать, пока не нашелъ сафьяннаго футляра съ медальономъ и цѣпочкой.

Онъ положилъ его въ карманъ и вышелъ вонъ изъ комнаты, исполнивъ первую и труднѣйшую часть своей задачи, легко и безопасно, какъ ему казалось, какъ вдругъ онъ увидѣлъ Летти, одѣтую какъ для прогулки въ шляпкѣ и въ пальто. Она стояла на площадкѣ лѣстницы и глядѣла на него, раскрывъ ротикъ.

— Эге, Летиція? проговорилъ онъ, съ неловкой попыткой

показать, какъ будто ровно ничего необыкновеннаго не случилось. Идете гулять?

— Сейчасъ, отвѣчала дѣвочка. Алленъ, вы были въ комнатѣ Марго?

— Да. Что жъ такое?

— Ничего. Но только что вамъ тамъ понадобилось?

— Просто посмотрѣть комнату. Я проходилъ мимо, дай, думаю, загляну, какая комната у Марго. Вотъ и все, Летти.

— Еслибы Марго была здѣсь, она бы разсердилась... она нашла бы это нескромнымъ съ вашей стороны.

— Чего глазъ не видитъ, о томъ сердце не тоскуетъ! Марго бы не разсердилась, и при томъ, это не ваше дѣло, миссъ Летти.

— Я знаю это; но все-таки, Алленъ, это не хорошо съ вашей стороны, прибавила она наставительнымъ тономъ, какой приняла съ нимъ въ послѣднее время.

— О! отправляйтесь гулять! сказалъ онъ, впадая въ уличный жаргонъ отъ волненія.

— Я сейчасъ пойду гулять, отвѣтила Летиція съ достоинствомъ, но вовсе не по вашему приказу.

Оскорбленная, Летиція направилась въ гостиную.

— О! милочка моя! закричала ея мать въ большой тревогѣ: ты была на верху? одѣвалась? ты ничего не слыхала? Боюсь, что въ домъ забрался чужой человѣкъ; я сейчасъ позвоню, чтобы пришелъ Мастерманъ, и велю ему осмотрѣть.

— Чужой человѣкъ? почему вы думаете, мамочка, что къ намъ забрался чужой человѣкъ?

— Потому что я слышала мужскіе шаги въ комнатѣ Марго. такіе тяжелые шаги... навѣрное мужскіе. Но кому же ходить въ комнатѣ Марго?

Летиція весело разсмѣялась.

— Бѣдная трусиха мамочка, какъ вы легко пугаетесь! Совсѣмъ незачѣмъ звать Мастермана; зачѣмъ мѣшать ему обѣдать, онъ всегда за это сердится. Сказать вамъ, кто былъ въ комнатѣ Марго? Алленъ и никого больше. Я сама видѣла, какъ онъ оттуда выходилъ.

— Алленъ? повторила м-съ Чадвикъ. Ты говорила съ нимъ Летти? что онъ сказалъ?

— Онъ сказалъ, что заглянулъ только на минуту, чтобы поглядѣть, какова комната. Вѣдь не правда ли, какая смѣшная фантазія.

— Во всякомъ случаѣ большая вольность. Онъ, конечно,

этого не понимаетъ. Я рада, что это не воръ, Летти. Я такъ ихъ боюсь.

— И я тоже, милая мама, но только ночью. Ужасно, что грабители надѣваютъ маски и пугаютъ людей по ночамъ. Днемъ бы не такъ страшно.

Всѣ воры, по представленію Летти, надѣваютъ маски и вообще ходятъ ряженными, какъ въ романахъ.

— Вы идете на верхъ!

— Да. Если увидишь Аллена, то скажи ему, что мнѣ нужно его видѣть.

М-съ Чадвикъ слышала, какъ Алленъ ходилъ по комнатѣ Марго—поступь у него была не изъ легкихъ—но она слышала также, какъ онъ отпиралъ и выдвигалъ ящики, а потому знала, что Алленъ сказалъ неправду Летти, будто только заглянулъ въ комнату.

Она пошла на верхъ въ комнату дочери и заботливо ее осмотрѣла; футляра съ медальономъ не было, и вполнѣ невѣроятно, чтобы Марго взяла съ собой украшеніе, которое ей такъ не нравилось. Еслибы ея подозрѣнія оказались вѣрными, еслибы она могла доказать мужу полную испорченность и безнравственность его сына, тогда можно было бы наконецъ отъ него отдѣлаться.

— Я должна вполнѣ увѣриться, прежде чѣмъ что-либо предпринять, думала она, ошибиться крайне рискованно.

Сойдя внизъ, она освѣдомилась, ушелъ ли Алленъ? и нашла его въ библіотекѣ, гдѣ онъ разсматривалъ росписаніе поѣздовъ.

— Вы собираетесь путешествовать? шутливо спросила она его.

— Не очень далеко. Я вернусь къ обѣду.

— Куда же вы ѣдете?

— Въ Клозборо.

Ему не хотѣлось говорить ей этого, но онъ не зналъ, какъ это скрыть. Марго безъ сомнѣнія выбрала очень неумѣлаго союзника.

— Въ Клозборо? переспросила м-съ Чадвикъ, приподнявъ брови. У васъ есть дѣло?

Медальонъ навѣрное въ его рукахъ, подумала она; еслибы только я могла быть увѣрена, что въ карманѣ у него оттопыривается не сигарочница. Онъ взялъ медальонъ и теперь хочетъ продать его въ Клозборо. *Допустить ли мнѣ его до этого?*

Но м-съ Чадвикъ до смерти боялась всякаго скандала; она боялась, что онъ скомпрометтируетъ себя, если станетъ продавать медальонъ.

— Зачѣмъ вамъ понадобилось такъ неожиданно ѣхать въ Клозборо? спросила она.

— Такъ, пустое дѣло, отвѣтилъ онъ.

— Знаете ли, что я вамъ лучше посовѣтую: поѣдемте кататься вмѣстѣ со мной. Я должна сдѣлать нѣсколько визитовъ, вы можете не входить, если вамъ не хочется, а только, право, не слѣдуетъ вамъ такъ уединяться. Если вы откажете мнѣ, я подумаю, что у васъ есть такое дѣло, въ которомъ вы стыдитесь признаться.

Ему ничего болѣе не оставалось, какъ отказаться отъ мысли продать сегодня медальонъ. Онъ улизнетъ завтра; можетъ быть Марго не въ такихъ уже тискахъ... а мачиха давно уже не была съ нимъ такъ любезна, какъ сегодня. Онъ согласился сопровождать ее такъ охотно, какъ только съумѣлъ это сдѣлать.

М-съ Чадвикъ оставила Летицію, свою обычную спутницу въ отсутствіе Марго, дома и была очень привѣтлива съ Алленомъ во время прогулки. Она разсказала ему про свой испугъ и какъ она думала, что воръ забрался въ домъ.

— Я навѣрное слышала, какъ отворяли ящики, говорила она. У бѣдной Марго можно украсть всего одну вещь; я должна хорошенько обыскать ея комнату сегодня вечеромъ, чтобы видѣть, цѣла ли она. Я помню, она лежала въ одномъ изъ ящиковъ туалета.

— Быть можетъ, съ трудомъ проговорилъ Алленъ, глядя въ окно кареты, она взяла медальонъ съ собой въ Борнмоутъ?

— Какой вы, однако, догадливый? Какъ это вы узнали, что я говорю про медальонъ? Но вы ошибаетесь! я навѣрное знаю, она не брала его съ собой въ Борнмоутъ. Онъ вѣроятно лежитъ въ одномъ изъ ящиковъ.

— О, да, согласился онъ, съ подозрительной торопливостью, будьте увѣрены, что онъ тамъ!

И м-съ Чадвикъ улыбнулась про себя тому, что ея намекъ возымѣлъ надлежащее дѣйствіе.

Алленъ повѣсилъ носъ, ему приходилось положить медальонъ на прежнее мѣсто; но дѣлать нечего. Онъ долженъ положить медальонъ на прежнее мѣсто или же затрудненія, въ какія поставлена Марго, какія бы они ни были, обнаружатся.

Какъ онъ проклиналъ свою неловкость! У него явился случай заслужить ея благодарность, и онъ упустилъ его! Она станетъ презирать его, упрекать за то, что онъ не съумѣлъ помочь ей въ дѣлѣ. Быть можетъ, за неимѣніемъ денегъ, она терпитъ крупныя непріятности, а онъ не можетъ ее выручить! Единственную вещь цѣнную, принадлежавшую ему—золотые часы—у него украли нѣсколько недѣль тому назадъ на осеннемъ митингѣ въ Клозборо, а не то онъ бы продалъ ихъ, чтобы выручить Марго!

Мысли его были очень мрачны во время этой прогулки, не смотря на болтовню его мачихи и ея очевидное желаніе занять его. Пока она заходила въ два или въ три дома по сосѣдству, онъ сидѣлъ въ экипажѣ и казнился. Дѣйствуй онъ осмотрительнѣе, онъ былъ бы теперь уже въ Клозборо и могъ бы отослать деньги, вырученныя за медальонъ и цѣпочку, тогда какъ теперь долженъ изловчиться, чтобы положить медальонъ на прежнее мѣсто, прежде чѣмъ м-съ Чадвикъ станетъ искать его, какъ говорила. Марго ни за что не повѣритъ, что онъ пытался помочь ей; она подумаетъ, что онъ по трусости или лѣни даже и не пробовалъ это сдѣлать—какъ это, однако, тяжело!

Они вернулись уже въ сумерки. Чадвикъ былъ въ своемъ кабинетѣ, куда жена сейчасъ же пошла, какъ пріѣхала.

— Я хочу съ тобой посовѣтоваться, Джошуа, слышалъ Алленъ, какъ она сказала мужу, и затѣмъ дверь за ней затворилась.

Она, значитъ, пошла совѣтоваться съ нимъ на счетъ своихъ опасеній. У Аллена хватило на столько догадливости, чтобы понять, что ему нельзя терять ни минуты. Онъ улизнулъ на верхъ и, на этотъ разъ, на цыпочкахъ подкрался къ дверямъ комнаты Марго. Къ его великому ужасу, комната оказалась запертой.

Было совсѣмъ темно, онъ не смѣлъ принести свѣчу и не могъ видѣть: заперта она изнутри или нѣтъ. Нѣтъ ли кого-нибудь въ комнатѣ. Онъ тихонько постучался. Отвѣта не было. Онъ прислушался; ничего не было слышно. Онъ долженъ войти въ эту комнату и положить медальонъ на мѣсто. Но какъ это сдѣлать? Ему пришла мысль: ключа въ замкѣ нѣтъ; но другой можетъ подойти къ замку. Онъ вынулъ ключъ изъ дверей сосѣдней комнаты; тотъ не подходилъ; онъ попробовалъ другой; этотъ вошелъ въ замокъ, но ни повернуть, ни вынуть

его не было возможности, а онъ боялся сильнѣе налечь на него, чтобы не сломать.

Онъ разгорячился и позабылъ обо всемъ, кромѣ необходимости немедленно вынуть этотъ ключъ. Послѣ того, онъ пойдетъ къ Сусаннѣ и спроситъ, не у нея ли настоящій ключъ? Если да, то онъ уговоритъ ее подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ довѣрить ключъ ему.

Не Сусанна ли это поднимается на верхъ со свѣчей, отъ которой лучи проникаютъ въ корридоръ? Вотъ они освѣтили весь корридоръ, спасаться бѣгствомъ поздно... и онъ увидѣлъ, увы! не Сусанну, но мачиху, все еще въ мѣховомъ пальто; она подходила къ нему. Онъ попался.

М-съ Чадвикъ сама заперла дверь и взяла ключъ. Она не говорила себѣ, что устраиваетъ западню для своего несчастнаго пасынка; лишаетъ его всякой возможности исправить свое заблужденіе; она приняла мѣры предосторожности—вотъ и все.

Но она не могла сдержать порыва радости, когда увидѣла оправдавшимися свои худшія подозрѣнія. Онъ, какъ ребенокъ, далъ провести и поймать себя.

Она прочитала вину на его помертвѣломъ лицѣ. Но какъ ни была она увѣрена въ томъ, что онъ укралъ медальонъ, она не стала преждевременно тревожить его.

— Вы старались открыть эту дверь, проговорила она такъ спокойно, какъ будто бы это была самая обыкновенная вещь. Она заперта и... кажется, васъ зоветъ отецъ. Ступайте къ нему; онъ въ кабинетѣ.

Обрадовавшись, что она ни о чемъ его не разспрашиваетъ, онъ пошелъ въ кабинетъ, куда затѣмъ послѣдовала м-съ Чадвикъ, сдерживая волненіе.

— Вы звали, меня, отецъ, сказалъ Алленъ.

— Я? отвѣчалъ Чадвикъ, и не думалъ. На кой чортъ ты мнѣ нуженъ.

— Я послала его, объявила мачиха, мнѣ кажется, онъ можетъ сообщить намъ про медальонъ.

— Ну, его совсѣмъ! раздражительно произнесъ Чадвикъ, съ меня довольно на сегодняшній вечеръ. Можетъ быть, она увезла его въ Борнмоутъ, можетъ быть, нѣтъ. Если она не увезла, то подѣломъ ей. Впередъ будетъ осмотрительнѣе. Почему не подождать до вечера? она пріѣдетъ, и все объяснится.

— Марго? пріѣдетъ сегодня вечеромъ? что ты говоришь, Джошуа?

— Развѣ я тебѣ не сказалъ? Ты мнѣ не дала слова выговорить съ своей исторіей. Вотъ, что пришло, когда я пріѣхалъ съ охоты. Я положилъ въ карманъ, чтобы передать тебѣ, а ты выбила у меня это изъ головы.

Онъ подалъ розовую депешу женѣ, которая вслухъ прочитала: — „вернемся въ 6 ч. 45 м. Вышлите карету, Марго“.

— Что это значитъ? она хотѣла пробыть до конца недѣли.

— Спросишь ее, когда она пріѣдетъ, сказалъ Чадвикъ; теперь не долго ждать и поспѣемъ тогда разобрать, куда дѣвался медальонъ.

Алленъ повеселѣлъ. Марго возвращается... Такъ скоро! Это выручитъ его изъ затрудненія; онъ передастъ ей медальонъ; она скажетъ, что нужно, и никто не пострадаетъ.

Но м-съ Чадвикъ рѣшила не упускать такого прекраснаго случая.

— Джошуа, ты долженъ меня выслушать, сказала она, я увѣрена, что медальонъ украденъ... и что Алленъ знаетъ, кто его укралъ.

— Ну, такъ, пускай скажетъ и дѣлу конецъ. Ну-съ, сэръ, что вы скажете. Прошу не вилять.

Алленъ сознавалъ, что попалъ въ очень затруднительное положеніе: единственной его заботой въ настоящую минуту было, какъ бы не сказать чего-нибудь во вредъ Марго. У него не хватило ума вывернуться, и онъ рѣшилъ лучше молчать.

— Я ничего не знаю, сказалъ онъ.

— Джошуа, у меня есть основанія это думать, и я должна все сказать, какъ это ни тяжело. Я только-что застала, какъ онъ старался отпереть дверь комнаты Марго своимъ ключемъ, такъ какъ я спрятала настоящій. Мнѣ кажется, онъ долженъ объяснить, зачѣмъ старался пройти въ ея комнату.

— Господи! Селина, ты, кажется, готова пожаловать его въ воры! вскричалъ Чадвикъ. Вѣдь сама же ты говорила, что медальона уже нѣтъ въ комнатѣ—зачѣмъ же бы онъ пошелъ его брать? Къ чему ты приходишь ко мнѣ съ такимъ вздоромъ?

— Выслушай спокойно, и тогда узнаешь. Тебѣ слѣдовало бы знать, что я не рѣшусь высказать такого страшнаго обвиненія безъ достаточныхъ доводовъ. Когда я говорила тебѣ о шумѣ, который слышала въ комнатѣ Марго днемъ, то умолчала о томъ, что Летиція видѣла, какъ Алленъ вышелъ изъ комнаты Марго вскорѣ затѣмъ. Я думаю, онъ тогда и взялъ медальонъ. И когда услышалъ про мои подозрѣнія, то испугал-

ся. Вотъ, почему я застала его у дверей въ то время, какъ онъ старался отпереть комнату, чтобы положить медальонъ обратно. Да, я увѣрена, что медальонъ при немъ. Если я обижаю его напрасно, то онъ можетъ доказать это, вывернувъ свои карманы.

— Вы слышите, сэръ, сказалъ отецъ, если это все ошибка— а я, ей-Богу, не повѣрю противному, пока меня не заставятъ— то вамъ легко это доказать.

— Я не кралъ медальона—и это правда, отвѣчалъ Алленъ. Если вы не вѣрите этому, то я не виноватъ. А кармановъ я выворачивать не стану.

— Вы такъ отъ меня не отдѣлаетесь, объявилъ отецъ, и напротивъ, заставите думать, что тутъ кроется нѣчто. Теперь не время упираться изъ ложной гордости: или докажите своей мачихѣ, что она съ ума сошла, подозрѣвая васъ, или, клянусь небомъ, я велю васъ обыскать. Я такъ этого не оставлю. Полноте, не будьте упрямымъ дуракомъ, вѣдь говорю же, что я васъ не подозрѣваю. Но дѣло зашло слишкомъ далеко, и на полдорогѣ остановиться невозможно!

Обыскать его! а письмо Марго все еще не уничтожено! Она пріѣдетъ домой и узнаетъ, что тайна ея—какая бы она тамъ ни была—открыта. Она будетъ думать, что онъ при первой же опасности выдалъ ее, и станетъ сильнѣе прежняго презирать, какъ труса и подлеца, мало того что дурака! Онъ боялся презрѣнія, какое прочитаетъ въ ея карихъ глазахъ, боялся краткихъ, но обидныхъ комментаріевъ о томъ, какъ онъ выполнилъ ея просьбу. И вдругъ онъ придумалъ возвыситься въ ея глазахъ... Онъ докажетъ ей, что можетъ поступить, какъ настоящій джентльменъ и скорѣе перенесетъ обвиненіе въ воровствѣ, чѣмъ оправдается, выдавъ ея тайну! Не говорила ли она, что джентльменъ ни за что не станетъ спасать себя такимъ путемъ? Она будетъ ему благодарна, она, можетъ быть, похвалитъ его, когда узнаетъ, что онъ перенесъ ради нея? Для этого стоитъ немножко претерпѣть. Конечно, все разъяснится, когда она вернется.

Онъ вынулъ футляръ изъ кармана и положилъ его на письменный столъ.

— Незачѣмъ обыскивать меня, произнесъ онъ съ возбужденіемъ, придававшимъ ему нахальный видъ.

— Вы хотѣли этого, ну, вотъ вамъ!

Можно было сказать, что это была выходка глупѣйшаго

героизма... если только есть героизмъ въ жертвѣ, отъ которой ждешь скораго вознагражденія, и несомнѣнно, человѣкъ болѣе разсудительный и толковый, съумѣлъ бы сохранить тайну Марго, не беря на себя обвиненія въ воровствѣ.

Но онъ этого не умѣлъ и искренно желалъ поступить согласно правиламъ чести, которыя ему преподала сама Марго.

Немудрено, что онъ самому себѣ представлялся героемъ.

Какъ ни низко упалъ въ послѣднее время Алленъ въ глазахъ отца, но онъ дѣйствительно не считалъ его способнымъ на подобный поступокъ. При такомъ очевидномъ доказательствѣ дальнѣйшее сомнѣніе было невозможно.

М-ръ Чадвикъ съ усиліемъ перевелъ духъ и не съ разу могъ заговорить отъ негодованія и боли:

— Вотъ до чего тебя довели дурное общество и мотовство! произнесъ онъ, наконецъ, какимъ-то свистящимъ голосомъ. Воръ! Боже мой! единственный мой сынъ сталъ такимъ безнадежнымъ негодяемъ!

Алленъ стоялъ и упрямо молчалъ; онъ не былъ даже оскорбленъ тѣмъ, что отецъ такъ скоро повѣрилъ въ его вину: онъ былъ даже этому радъ—это упрощало дѣло. Что касается рѣзкихъ словъ, то онъ готовъ былъ и не то вытерпѣть ради Марго.

М-съ Чадвикъ вздохнула свободнѣе — она боялась одного только: что Алленъ неизвѣстнымъ ей способомъ—успѣлъ отдѣлаться отъ медальона. Она была почти благодарна ему теперь и вмѣшалась, чтобы предотвратить потокъ горькихъ словъ, какими могъ разразиться его отецъ.

— Отпусти его, сказала она, ты теперь недостаточно спокоенъ, чтобы говорить съ нимъ. Алленъ, вамъ лучше уйти.

Когда онъ вышелъ, наступило молчаніе; Чадвикъ сидѣлъ насупивъ брови и глядя въ полъ, а м-съ Чадвикъ стояла у камина, опершись на него рукой.

Наконецъ она сказала:

— Не могу выразить, какъ я огорчена и разстроена этимъ несчастнымъ дѣломъ, Джошуа!

Онъ уловилъ неискреннюю ноту въ голосѣ, которую, несмотря на весь свой тактъ, она не могла подавить.

— Неужели? сардонически отвѣчалъ онъ: въ такомъ случаѣ не стоило и стараться.

Она не обратила вниманія на эту маленькую грубость.

*

— Я бы хотѣла знать, что ты теперь намѣренъ дѣлать, холодно проговорила она; этого вѣдь нельзя такъ оставить.

— Тебѣ, должно быть, хочется, чтобы мальчишку посадили въ тюрьму, такъ что ли? сказалъ онъ, сердито вертясь въ креслѣ.

— Ты не вправѣ говорить такія вещи. Напротивъ того, я желаю какъ нельзя болѣе сохранить это въ секретѣ. Никто этого не знаетъ кромѣ насъ съ тобой, и никто не долженъ знать. Надо избѣгать скандала.

— Ты думаешь вѣрно, я такъ горжусь сыномъ-воромъ, что разглашу это по всему округу? Но есть одно лицо, которому слѣдуетъ объ этомъ сказать—это ваша прекрасная миссъ Марго... она тутъ главное лицо, и ее слѣдуетъ спросить.

— Джошуа, къ чему разстраивать ее? не говори ей.

— Почемъ я знаю, не замѣшана ли и она въ этомъ дѣлѣ? сказалъ Чадвикъ просто чтобы подразнить жену, но не питая никакихъ подозрѣній этого рода.

— Марго замѣшана въ этомъ дѣлѣ? вскричала ея мать, блѣднѣя. Какъ это можетъ быть? но если ты настаиваешь на томъ, чтобы довести это до ея свѣдѣнія, то я сама сообщу ей. Послушай! вотъ, кажется, ѣдетъ экипажъ. Конечно, это онѣ... Ни слова объ этомъ, Джошуа, пока не отобѣдаемъ!

Алленъ, сидя въ своей комнатѣ, тоже слышалъ стукъ колесъ: Марго пріѣхала; ей сообщатъ бѣду, въ какую онъ попалъ, и ея причину... и тогда все перемѣнится къ лучшему! Глаза ея мягко и дружелюбно будутъ глядѣть на него, когда она узнаетъ, какому испытанію подвергался онъ ради нея. Онъ былъ увѣренъ, что она будетъ такъ же откровенна и пряма въ похвалѣ, какъ и въ порицаніи. Онъ старался убить время, представляя себѣ, какъ она будетъ глядѣть на него и что говорить.

II.

М-съ Чадвикъ успѣла прибѣжать въ сѣни какъ разъ въ ту минуту, какъ вносили багажъ подъ надзоромъ Мастермана, а Ида, опираясь на Марго, медленно поднималась по лѣстницѣ. Она побѣжала за ними и нагнала ихъ, прежде нежели онѣ достигли широкой верхней площадки.

— Развѣ вамъ не говорили, что я дожидаюсь васъ внизу,

закричала она, нѣжно обнимая ихъ. Я была такъ удивлена твоей телеграммой, Марго? Ида, радость моя, кажется, воздухъ Борнмоута пошелъ тебѣ не впрокъ... а гдѣ же миссъ Гендерсонъ?

При этомъ имени, Ида, пассивно принимавшая ласки матери, вдругъ вырвалась и убѣжала. Онѣ слышали, какъ она заперла дверь своей комнаты на ключъ.

— Ида очень разстроена, отвѣтила Марго на нѣмой вопросъ матери. Она перенесла сильное потрясеніе. Камилла очень дурно поступила съ ней. Это длинная исторія, и неудобно сообщать ее на лѣстницѣ, но мы сегодня нашли записку, извѣщающую, что она убѣжала съ м-ромъ Меллодью, чтобы съ нимъ обвѣнчаться. Бѣдная Ида такъ любила ее, что была этимъ страшно поражена. Она, кажется, ровно ничего не знала. И вообще, мама, она меня такъ встревожила, что я нашла за лучшее вернуться домой.

— Ты отлично сдѣлала, отвѣчала м-съ Чадвикъ. Ей гораздо лучше быть дома. Какая, однако, притворщица эта дѣвушка! Да и м-ръ Меллодью тоже каковъ? Они почти не разговаривали здѣсь другъ съ другомъ, на сколько я могла замѣтить. (М-съ Чадвикъ, очевидно, не давала себѣ труда наблюдать за ними). Но какъ бы то ни было, а я нисколько не огорчена, что она сама себя уволила... я уже давно рѣшила ей отказать и только болѣзнь Иды... ну да она погорюетъ немножко, но все-таки такъ лучше. А теперь, Марго, пойдемъ ко мнѣ въ комнату, мнѣ нужно сообщить тебѣ нѣчто очень важное.

— Не теперь, просила Марго, пустите меня сначала пойти къ Идѣ. Я боюсь оставлять ее одну.

Она подошла къ дверямъ Иды и тихонько постучалась; нѣкоторое время отвѣта не было, наконецъ жесткій, утомленный голосъ отозвался:

— Пожалуйста, уходи, мнѣ ничего не надо... я устала.

Марго, однако, заставила сестру отпереть дверь. Ида все еще не раздѣвалась. Она была въ состояніи какого-то оцѣпенѣнія и слишкомъ несчастна, чтобы плакать. Марго боялась оставлять ее одну и убѣдила перейти въ ея комнату, которая къ этому времени была, по приказанію м-съ Чадвикъ, отперта и приведена въ порядокъ.

Послѣ того, не снявъ дорожнаго костюма, пошла въ комнату матери.

— Ида заснула, сообщила она ей. Я уложила ее на свою

постель, а сама лягу на диванѣ. Если ей не станетъ лучше завтра утромъ, надо будетъ послать за д-ромъ Ситономъ. Она совсѣмъ убита поведеніемъ Камиллы.

— Ида утѣшится, бѣдное дитя. А мнѣ надо сказать тебѣ, что случилось сегодня. Марго, представь себѣ! этотъ ужасный Алленъ чуть было не укралъ медальонъ, который тебѣ подарилъ вотчимъ. Къ счастію, я накрыла его почти на мѣстѣ преступленія.

— Укралъ! медленно проговорила Марго и прижала ладони рукъ къ глазамъ, какъ она обыкновенно дѣлала, когда хотѣла освоиться съ какой-нибудь новой мыслью.

Но вотъ она отняла руки отъ глазъ и спросила равнодушнымъ тономъ, которому противорѣчило выраженіе глазъ.

— Вы кому-нибудь говорили объ этомъ?

— Я сообщила его отцу, въ присутствіи Аллена о своихъ подозрѣніяхъ. Тотъ заставилъ его вывернуть карманы. Къ счастію, футляръ оказался въ одномъ изъ нихъ.

— Ахъ! произнесла Марго, съ сухой интонаціей, которая заставила мать поспѣшно прибавить:

— Я хочу сказать, что онъ могъ легко забросить его куда-нибудь!

— Онъ сообщилъ, для чего ему понадобился медальонъ?

— Конечно, для какихъ-нибудь безчестныхъ цѣлей. Должно быть, у него долги или вообще что-нибудь позорное, я въ этомъ увѣрена. Но какая бы ни была у него цѣль, а самый фактъ воровства несомнѣненъ. И подумай: украсть у тебя и единственную цѣнную вещь, какая у тебя есть!

— Я вовсе не желаю выставлять себя жертвой. Я ненавидѣла эту вещь. Я бы съ радостью отъ нея отдѣлалась. Мама, вдругъ прибавила она,—и на лбу ея легла тѣнь какъ бы отъ стыда за свой вопросъ, чѣмъ это кончится, какъ вы думаете? неужели и это сойдетъ ему съ рукъ, какъ и все остальное?

— Это, душа моя, зависитъ во многомъ отъ тебя самой. Вотчимъ хочетъ поговорить съ тобой объ этомъ послѣ обѣда.

Марго отступила назадъ, и вся ея гибкая фигура выразила возмущеніе.

— Говорить со мной? зачѣмъ... какое мнѣ до этого дѣло! О, нѣтъ, я, мама, не хочу объ этомъ слышать. Уладьте это дѣло безъ меня.

— Душа моя, не будь безразсудна и выслушай. Я думаю, что съ нѣкоторой ловкостью на этотъ разъ можно будетъ из-

бавиться отъ Аллена. Чего я боюсь, это чтобы ты по добродушію не стала оправдывать его и не повліяла на рѣшеніе вотчима. Ты будешь *тверда*, не правда ли? Ты знаешь, какое онъ для всѣхъ насъ наказаніе... а другаго такого случая можетъ не представиться. Ты не разстроишь этого дѣла?

Марго засмѣялась горькимъ смѣхомъ.

— Неужели я такъ добродушна? Не бойтесь, мама, если онъ можетъ оправдаться, то пускай самъ оправдывается. Я не стану вступаться за него. Пусть несетъ послѣдствія своей глупости!

Она говорила это съ такой энергіей и такимъ настойчивымъ желаніемъ уклониться отъ всякой отвѣтственности, что м-съ Чадвикъ успокоилась.

Алленъ сошелъ къ обѣду какъ обыкновенно. Онъ ожидалъ, придя въ столовую, найдти себя оправданнымъ отъ оскорбительныхъ подозрѣній. Отецъ извинится передъ нимъ, а въ глазахъ Марго онъ прочитаетъ одобреніе за свою стойкость.

Но ожиданія его совсѣмъ не оправдались. Марго совсѣмъ не пришла въ столовую, и мать извинилась за нее передъ вотчимомъ и хотя отецъ во весь обѣдъ не сказалъ съ нимъ ни слова, но его манеры показывали, что онъ считаетъ присутствіе Аллена новымъ оскорбленіемъ. Чадвикъ мало говорилъ съ женой, пилъ вина больше обыкновеннаго и мрачно глядѣлъ на Аллена изъ-подъ насупленныхъ бровей. Но Аллену послѣ первой минуты разочарованія, причиненнаго отсутствіемъ Марго, все остальное было безразлично. Онъ не находилъ обѣдъ скучнѣе обыкновеннаго; мысли его сосредоточились на свиданіи съ Марго, такъ какъ мачиха сказала, что она сойдетъ послѣ обѣда. Что она скажетъ правду, хотя бы ей это и было непріятно—въ этомъ Алленъ и не думалъ сомнѣваться. Онъ не думалъ, чтобы въ тайнѣ ея было что-нибудь въ самомъ дѣлѣ худое, и безусловно вѣрилъ въ то, что она не допуститъ его страдать отъ незаслуженныхъ подозрѣній.

— Мы съ Марго будемъ ждать тебя, Джошуа, въ гостиной, сказала м-съ Чадвикъ за дессертомъ, приходи, какъ только кончишь пить вино.

— Я сейчасъ приду. У меня нѣтъ особой охоты сидѣть за виномъ въ его обществѣ. Что до васъ касается, сэръ, обратился онъ къ сыну, вы останетесь здѣсь или гдѣ вамъ угодно, пока за вами не пришлютъ.

Алленъ сидѣлъ за столомъ одинъ; онъ зналъ, что въ гостиной собрался конклавъ судить его, но не боялся приговора, Марго была тамъ, она узнаетъ, чего онъ натерпѣлся, чтобы не обмануть ея довѣрія, и скажетъ имъ, какъ они несправедливы къ нему.

Конклавъ длился довольно долго: гостиная была въ концѣ корридора, и онъ не могъ ничего слышать. Въ нетерпѣніи онъ всталъ и подошелъ къ камину. Потомъ сталъ ходить по комнатѣ.

Наконецъ его позвали и самымъ прозаическимъ образомъ. Появился Мастерманъ и сказалъ:

— М-ръ Алленъ, васъ ждутъ пить кофе въ гостиной.

Алленъ радостно вздрогнулъ: наступалъ часъ торжества, часъ награды! Сердце его сильно билось, когда онъ шелъ по корридору въ гостиную и отворялъ дверь въ ведшую въ нее небольшую пріемную. Дверь не сразу отворилась, точно ее кто-то придерживалъ извнутри, и онъ очутился лицомъ къ лицу съ Марго. Она очевидно ожидала, что онъ пройдетъ въ другую дверь, и собиралась улизнуть, потому что слегка вздрогнула, увидя его.

— Марго! вскричалъ онъ, и некрасивое лицо его омрачилось и слова замерли на губахъ.

Она отвернулась отъ него; она не взяла протянутую ей руку, только взглянула ему въ лицо какъ бы противъ воли и тотчасъ же отвернулась.

Что же такое прочиталъ онъ въ ея ясныхъ глазахъ? не восхищеніе, не благодарность, а какъ будто состраданіе, къ которому примѣшивалось непобѣдимое отвращеніе или—что было больнѣе всего—опасеніе.

— Васъ тамъ ждутъ, проговорила она съ легкой дрожью, указывая на большую гостиную, гдѣ онъ могъ видѣть отца и мачиху въ арку, раздѣлявшую обѣ комнаты.

— Не уходите, Марго, позвалъ Чадвикъ. Я хочу, чтобы вы присутствовали.

Она неохотно вернулась и сѣла за спиной у матери, гдѣ ея лицо было въ тѣни.

Алленъ не могъ отвести глазъ отъ нея. Она была одѣта въ черномъ въ этотъ вечеръ; одинъ или два бѣлыхъ цвѣтка японскаго *chrysantheum* дрожали на ея груди. Бѣлая шея и руки сверкали сквозь черное кружево. Брови были сдвинуты, а гордый ротъ крѣпко сжатъ. Она сидѣла съ такимъ выраженіемъ,

будто рѣшилась перенести мучительную сцену. Глаза ея были опущены, она не глядѣла на него.

— Ну, сказалъ Чадвикъ мрачно, что вы можете сказать въ свое оправданіе. Хотя по-моему вамъ нѣтъ оправданій.

И такъ она ничего не сказала! Она оставила его подъ бременемъ позорнаго обвиненія. На минуту голова у него закружилась, онъ возмутился противъ такой низости, такой жестокости. Какъ она блѣдна! Какое презрѣніе выражается въ поворотѣ головы, въ сжатыхъ губахъ.

Онъ все понялъ; Богъ вѣсть, въ чемъ заключалась ея тайна, но только она не нашла въ себѣ мужества высказать ее... она ждала, чтобы онъ заговорилъ, и очевидно была слишкомъ горда, чтобы хотя взглядомъ попросить его о пощадѣ. Она конечно ждала, что онъ оправдаетъ себя... она не вѣрила въ его молчаніе.

Въ первомъ порывѣ негодованія онъ могъ бы заговорить; но *мысль*, что она *ожидаетъ* этого, что она заранѣе *презираетъ* его за это, обожгла его, какъ каленое желѣзо. Онъ заставитъ ее признать, что онъ не такой подлецъ, какъ она думаетъ. Пусть предательство будетъ на ея сторонѣ, а не на его; она увидитъ, что ей нечего бояться.

— Я не стану оправдываться, угрюмо проговорилъ онъ. Я взялъ медальонъ... больше пока ничего не могу сказать.

Она подняла глаза, цвѣты на ея груди заколебались; онъ неясно видѣлъ ея лицо въ полусвѣтѣ лампы съ абажуромъ, но ему показалось, что онъ уловилъ мимолетное выраженіе удивленія, стыда и благодарности.

Еслибы онъ зналъ истинную исторію письма и мотивы, его вызвавшіе, онъ бы не истолковалъ такъ невѣрно выраженіе ея лица, и никакіе рыцарскіе идеалы, и вкривь и вкось понятыя понятія о чести не заставили бы его молчать. Но онъ ничего не зналъ; онъ забралъ себѣ въ голову, что она должна быть ему благодарна, и совсѣмъ не подозрѣвалъ, какъ она далека въ эту минуту отъ всякихъ чувствъ благодарности и удивленія.

— Ну, сказалъ отецъ унылымъ голосомъ и не глядя на Аллена, я предупреждалъ тебя, что терпѣніе мое можетъ лопнуть, хотя Богу извѣстно, не считалъ тебя способнымъ на такую низость. Но ты зашелъ слишкомъ далеко. Я рѣшилъ, что дѣлать, а когда я разъ что-нибудь рѣшилъ, то не легко перемѣняю свое рѣшеніе... и короче сказать —ему, казалось, трудно

было это выговорить—я не могу дальше держать тебя у себя въ домѣ.

Алленъ не понялъ сначала отца, хотя долженъ бы былъ къ этому приготовиться; вѣдь его предупреждали дѣйствительно, но ему ни на минуту не приходило въ голову, что его жертва могла довести его до такой ужасной крайности. Это невозможно... Марго не допуститъ до этого. Почему она молчитъ?

— Папенька! отчаянно вскричалъ онъ, вы... вы этого не сдѣлаете... вы не выгоните меня! Куда я дѣнусь?

— Я уже это уладилъ, отвѣчалъ Чадвикъ. Я не хочу поступить съ тобой такъ, какъ поступилъ со мной отецъ, хотя ты гораздо больше этого заслуживаешь, чѣмъ я. Я пошлю тебя туда, гдѣ ты можешь стать порядочнымъ человѣкомъ, если захочешь. Ты отправишься въ Бенгалію.

— Въ Бенгалію? въ Индію? пролепеталъ Алленъ, что я буду тамъ дѣлать?

— Будешь во всякомъ случаѣ удаленъ отъ соблазна. Будешь трудиться и, право, для тебя полезнѣе сажать индиго, чѣмъ балбесничать здѣсь и идти къ погибели.

Несчастный мальчикъ въ отчаяніи обратился къ Марго.

— Марго! вы слышите? Не допускайте, чтобы меня выгоняли изъ дому! О! скажите имъ... заступитесь за меня... вы *знаете*, что я... что я этого не заслуживаю.

— Алленъ, отвѣчала Марго тихимъ, взволнованнымъ голосомъ, не... нечестно обращаться ко мнѣ. Я ничего не могу сказать, чего бы вы сами не могли сказать. Мама, отпустите меня, обратилась она къ м-съ Чадвикъ, я не могу далѣе этого выносить!

— Она можетъ уйти, Джошуа? спросила мать, она и безъ того устала послѣ дороги; за что ее такъ мучить.

— Пусть идетъ, если хочетъ и захватитъ съ собою это.

Онъ вынулъ изъ кармана сафьянный футляръ и подалъ ей. Марго неохотно взяла его. Проходя мимо Аллена, она взглянула на него; въ глазахъ выражалось состраданіе; но губы дрожали отъ страха. Во всей ея фигурѣ было нѣчто трепещущее, робкое даже; она какъ будто хотѣла заговорить, хотѣла протянуть ему руку на прощанье, но затѣмъ, гордо кивнувъ головой, отвернулась и вышла.

И такъ она до конца выдержала характеръ. Она знала, что въ его власти изобличить ее и однако не хотѣла снизойти до просьбъ... она ушла, не желая слышать, какъ ее будутъ обви-

нять. Она все-таки ожидаетъ, что онъ ее выдастъ! — Мысль эта тѣмъ больнѣе уязвила его, что въ первую минуту негодованія онъ подумалъ, что безъ сомнѣнія вправѣ сказать всю правду. Но взглядъ Марго вторично произвелъ въ немъ переворотъ. Она не довѣряла ему; она была увѣрена, что онъ не выдержитъ далѣе и провозгласитъ свою невинность и ея позоръ. Хорошо же: онъ этого не сдѣлаетъ. Какъ началъ, такъ и кончитъ.

Быть можетъ теперь, когда она убѣдится, что ошибалась въ немъ, она смягчится и не дастъ совершиться его изгнанію. Но еслибы даже она и не смягчилась, то все же разлука съ нею легче для него, нежели ея презрѣніе. Теперь она въ долгу передъ нимъ; какъ она ни горда, а въ душѣ не можетъ же не сознавать этого. Впервые онъ почувствовалъ себя выше и въ нравственномъ отношеніи.

Къ тому же глухое раздраженіе противъ отца поддерживало и подкрѣпляло его рѣшимость. Отецъ повѣрилъ его виновности и выгоняетъ его изъ дому, — хорошо же, Алленъ не станетъ его выводить изъ заблужденія. Родительскій домъ былъ для него не раемъ, за исключеніемъ присутствія Марго... ему не горько съ нимъ разстаться.

Всѣ эти соображенія смутно вертѣлись у него на умѣ въ тѣ нѣсколько секундъ, которыя протекли послѣ ухода Марго.

— Алленъ, сказала м-съ Чадвикъ, вы видѣли, какъ ваше поведеніе огорчаетъ вашу сводную сестру. Я должна васъ просить; я просто настаиваю на томъ, чтобы вы больше не обращались къ ней съ просьбами такого рода. Ей было такъ тяжко перенести все это, и я запрещаю вамъ съ нею разговаривать.. это такъ неделикатно.

— Полно, Селина, угрюмо проговорилъ Чадвикъ, малаго высылаютъ... довольно съ тебя этого; нечего его еще пилить!

— Ты умѣешь выбирать самыя обидныя выраженія, Джошуа, отвѣчала жена сердито и покраснѣвъ. Кажется, я не принадлежу къ тому классу людей, которые пилятъ! И я хочу, чтобы Алленъ понялъ, что ради него самого и ради насъ все это дѣло слѣдуетъ сохранить въ безусловной тайнѣ и никому не сообщать причинъ, которыя привели къ его отъѣзду въ Индію. Мы конечно тоже будемъ молчать. Я не могу допустить, чтобы имя моей дочери было замѣшано въ исторіи пошлой кражи. Никто до сихъ поръ этого не знаетъ. Все, что слѣдуетъ объявить, это что онъ ѣдетъ, чтобы сдѣлаться планта-

торомъ и что это дѣло давно рѣшенное. Алленъ, вы понимаете это?

— Мачиха твоя права, сказалъ отецъ; къ счастію, мы можемъ замять дѣло. Поэтому ты отъ насъ объ этомъ больше не услышишь и самъ конечно держи языкъ за зубами. Вотъ все, что отъ тебя пока требуется.

— Хорошо, отвѣчалъ Алленъ, я буду молчать. И... когда я поѣду, папенька?

— Какъ только я устрою все. Недѣли черезъ двѣ, полагаю. Я сегодня же напишу своему агенту и прикажу ему выѣхать тебѣ на встрѣчу въ Бомбей. На будущей недѣлѣ я возьму тебя съ собой въ городъ и закажу все, что необходимо. Макдональдъ справитъ остальное. Больше мнѣ тебѣ сказать пока нечего. Ступай спать и подумай, какъ ты счастливъ, что позоръ твой неоглашенъ.

Алленъ постоялъ съ минуту, ожидая, не протянетъ ли отецъ ему руку или не скажетъ ли прощай; но отецъ не сдѣлалъ ни того, ни другаго, и сынъ ушелъ съ растерзаннымъ сердцемъ и помутившейся головой.

Ида не только не поправилась отъ пребыванія въ Борнмоутѣ, а напротивъ того вернулась въ худшемъ состояніи, чѣмъ уѣхала. По цѣлымъ днямъ лежала она въ апатичномъ, полулетаргическомъ оцѣпенѣніи, съ неестественной рѣзкостью отвергая всѣ ласки и прося объ одномъ только, чтобы ее оставили въ покоѣ. Д-ръ Ситонъ, котораго пригласили къ больной, спросилъ: не перенесла ли она какого нибудь потрясенія, и когда ему сказали, что любимая ею гувернантка внезапно оставила домъ, воздержался отъ дальнѣйшихъ разспросовъ, какъ опытный домашній врачъ, и предписалъ полный покой на первое время и перемѣну мѣста и обстановки, какъ только больная въ силахъ будетъ перенести путешествіе. Про себя онъ усумнился, чтобы одинъ только отъѣздъ мисс Гендерсонъ вызвалъ такое потрясеніе его паціентки,—и сомнѣнія его были, какъ намъ извѣстно, небезъосновательны.

Какимъ хитросплетеніемъ лжи и обмана миссъ Гендерсонъ поощряла бѣдную дѣвушку въ ея нелѣпыхъ фантазіяхъ — это могла бы сказать только Ида. Но во всякомъ случаѣ миссъ Гендерсонъ сдѣлала это не изъ пустой жестокости. Она рѣшила выйдти замужъ за Меллодью, который, благодаря смерти отца, сталъ самъ себѣ господинъ. Онъ готовъ былъ жениться въ эту минуту, съ тѣмъ только, чтобы ему не нужно было дѣ-

лать очень большихъ усилій; но она знала, что если упустить настоящій случай, то онъ можетъ не повториться. Она навела его на мысль предложить ей обвѣнчаться въ Борнмоутѣ, но такъ какъ на жениха нельзя было положиться, то она должна была сама уладить всѣ детали, сопряженныя съ такимъ поспѣшнымъ бракосочетаніемъ. При этомъ ей приходилось умасливать Иду, постоянно сомнѣвавшуюся и вполнѣ основательно — въ любви къ себѣ Меллодью. Только необычайный талантъ въ веденіи интригъ помогъ миссъ Гендерсонъ выдти побѣдительницей изъ такого труднаго положенія. Въ то время какъ Ида ждала свиданія, на которомъ Меллодью долженъ былъ, по увѣреніямъ гувернантки, объяснить ей свои чувства, она получила записку отъ послѣдней Въ нѣсколькихъ торопливыхъ словахъ любимая гувернантка сообщала, что обвѣнчалась сегодня утромъ съ Меллодью, къ чести котораго слѣдуетъ сказать, что онъ понятія не имѣлъ объ обманѣ, которому подвергалась бѣдная Ида.

Наступившее разочарованіе было слишкомъ жестоко и сокрушительно. Какъ ни была она молода, но страсть, искусственно разжигаемая, глубоко и всецѣло завладѣла ей. И при этомъ ея довѣріе такъ нагло обмануто. Вѣра въ людей, интересъ къ жизни были въ корнѣ подорваны въ ней; въ безпредѣльной тоскѣ она желала только одного: сохранить тайну своего оскорбленнаго сердца.

Нѣжное сложеніе ея не выдержало, и впродолженіи нѣсколькихъ дней она была прямо физически больна отъ нравственнаго потрясенія и горя. Марго ухаживала за нею и почти не выходила изъ ея комнаты. Во всякомъ случаѣ нѣжная привязанность къ сестрѣ заставила бы ее принять на себя обязанности сидѣлки. При существующихъ обстоятельствахъ она вдвойнѣ обрадовалась имъ. Эти обязанности помогали ей избѣгать Аллена.

Она встрѣчалась съ нимъ случайно, хотя всегда при другихъ; но его мрачное лицо преслѣдовало ее даже въ комнатѣ больной сестры. Ее раздражалъ нѣмой упрекъ въ его глазахъ. Она боялась себя, боялась, что разстроитъ собственное дѣло въ минуту сантиментальной слабости. Для всѣхъ вообще, а для него въ особенности, ему лучше было уѣхать. Зачѣмъ онъ принимаетъ такъ безсмысленно близко къ сердцу свое изгнаніе? Какъ онъ не понимаетъ, что она *не можетъ* ходатайствовать за него?

И миссъ Чевенингъ употребляла всѣ усилія, чтобы заглушить совѣсть и ожесточить сердце, и это ей на столько удавалось, что она съ нетерпѣніемъ ожидала отъѣзда Аллена.

— Мнѣ кажется, тебѣ сегодня лучше, милочка, сказала она однажды Идѣ, тебѣ скоро можно будетъ сойти внизъ и тебѣ нечего бояться, что Алленъ будетъ тебя дразнить; онъ уѣзжаетъ.

— Да? спросила Ида лѣниво. Я вовсе не боюсь, что онъ будетъ дразнить меня; почему ты это думаешь?

— Но вѣдь ты сама мнѣ говорила, что онъ отравляетъ тебѣ жизнь, отвѣчала Марго, втайнѣ разочарованная равнодушіемъ Иды къ отъѣзду ненавистнаго Аллена.

— Развѣ? Я позабыла. Все это было такъ давно. Куда онъ уѣзжаетъ?

— Отецъ посылаетъ его въ Индію; онъ будетъ тамъ плантаторомъ, и это гораздо лучше для него, чѣмъ бить здѣсь баклуши.

Ида помолчала нѣсколько минутъ.

— Надѣюсь, его отсылаютъ не въ наказаніе за что нибудь? спросила она наконецъ.

— Разумѣется, нѣтъ, поспѣшно отвѣчала Марго.

Она была довольна, что лицо ея скрывалось въ тѣни.

— Я рада этому, мягко проговорила Ида... и въ ушахъ Марго слова ея прозвучали упрекомъ.

(*До слѣд. №*).

ВЪ МОЛОДЫЕ ГОДЫ.

Романъ въ трехъ частяхъ

И. Тасма.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Мельбурнскія скачки въ 186... году удались „на рѣдкость“, какъ принято выражаться въ такихъ случаяхъ, — что кстати доказываетъ укоренившееся убѣжденіе у людей о необыкновенной рѣдкости всего прекраснаго. Достаточно сказать, что длинная вереница экипажей всякаго рода, загромождавшая дорогу въ Флемингтонъ, не подняла даже облаковъ пыли и песку,—этого бича туристовъ въ Викторіи.

Рано поутру обильный, но теплый дождь, прибилъ всю пыль, и поля, окружавшія гипподромъ, блестѣли яркой и нѣжной зеленью. Лѣтнее солнце еще не выжгло ихъ. Скрываясь въ легкихъ, опаловаго цвѣта облакахъ, оно по временамъ выглядывало изъ-за нихъ, какъ изъ-подъ покрывала, и тогда отъ его жгучихъ поцѣлуевъ люди прятались подъ зонтиками и подъ вуалями.

Иностранцы могли видѣть здѣсь представителей всѣхъ классовъ и сословій, начиная съ богатыхъ и знатныхъ, и кончая бродягами и уличными мальчишками. Разъ въ году, несмотря на все различіе состоянія, одно чувство и одна мысль объединяли всю эту разношерстную толпу.

„Великихъ и малыхъ сравниваетъ смерть"—говоритъ Шелли: великихъ и малыхъ въ Мельбурнѣ сравнивалъ одинаковый интересъ къ скачкамъ.

Проницательность романиста удивительнѣе всякой другой проницательности, и въ силу ея мы сейчасъ узнаемъ, какія мысли копошатся въ головѣ одного молодаго человѣка, въ то время какъ онъ катитъ въ кабріолетѣ на мѣсто скачекъ, занятый повидимому изученіемъ скаковыхъ записей. Его большіе изъ-сѣра-голубые глаза на выкатѣ выражаютъ разочарованіе, а подвижныя, добрыя, но безхарактерныя губы жалобно надуты, какъ у обиженнаго ребенка.

Характеръ выражается не только въ лицѣ, но и во всей фигурѣ человѣка. Плечи Джоржа Драфтона прямо указываютъ въ немъ прирожденнаго наѣздника. Онъ легкаго сложенія, спортсменъ, съ претензіей на джентльмена, какъ это свидѣтельствуетъ его костюмъ: обтянутые рейтузы и сюртукъ съ закругленными полами. Познанія его по лошадиной части разнообразны и глубоки. Онъ можетъ сообщить генеалогію всѣхъ извѣстныхъ скакуновъ въ колоніи и скажетъ не запинаясь, какія лошади взяли призы въ Мельбурнѣ и Сиднеѣ въ промежутокъ, обнимающій не одинъ десятокъ лѣтъ, а чего добраго назоветъ и жокеевъ, скакавшихъ на нихъ.

Въ Рубріи — такъ называется помѣстье его дяди, гдѣ онъ главный управляющій—Джоржъ старательно изучаетъ столбцы „Australasian", отведенные для спортсменскихъ дѣлъ, и внимательно слѣдитъ за колебаніями тотализатора.

Онъ лелѣетъ золотую мечту, и эта мечта — взять главный призъ, и не разъ уже приходилъ онъ въ отчаяніе отъ того, что мечта такъ долго не осуществляется. По дорогѣ въ конюшни ему попадается много знакомыхъ и пріятелей: ихъ шутки разгоняютъ облако на его лицѣ. Степенные банкиры дружески киваютъ ему головой, и солидные дѣловые люди въ бѣлыхъ жилетахъ, ради торжественности настоящей минуты, привѣтливо пожимаютъ ему руку. Люди съ чрезмѣрно крупными и горбатыми носами и неприлично толстыми золотыми цѣпочками съ привѣшанными къ нимъ брелоками, сверкающими каменьями, кланяются ему съ довольнымъ видомъ, какъ человѣку, доставляющему имъ не малую прибыль. Въ немъ уважаютъ племянника и вѣроятнаго наслѣдника дядюшки, владѣющаго тысячами акровъ земли въ Викторіи, и милліонами акровъ въ

Квинслендѣ, наконецъ большими торговыми складами и конторами въ Флиндерс-Ленѣ. Джоржъ прибѣгаетъ въ иныхъ случаяхъ къ имени дядюшки, какъ къ талисману.

— Джосія Карпъ, фирма Кевиль Карпъ — вѣдь это мой дядя, знаете. Одинъ изъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ въ Викторіи. Клянусь Юпитеромъ, я бы желалъ имѣть десятую долю тѣхъ денегъ, какія онъ ежегодно бросаетъ на хозяйственныя улучшенія.

И вслѣдъ за тѣмъ Джоржъ заказываетъ сѣдельщику сѣдло для скаковой лошади, предоставляя присутствующимъ „какаду" (такъ величаютъ въ Викторіи мелкихъ фермеровъ), таращить глаза на племянника Джосіи Карпъ, фирма Кевиль Карпъ и К°.

Сегодня Джоржъ почти позабылъ, что онъ племянникъ своего дяди. Онъ разсѣянно глядитъ на людской калейдоскопъ, мелькающій у него передъ глазами. Вся его душа поглощена созерцаніемъ доски, прибитой къ столбу около ложи судьи и напоминающей длань простертую и внезапно окаменѣвшую.

Доска чернаго цвѣта, и на ней стоятъ ряды бѣлыхъ цифръ въ такомъ порядкѣ: 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9, 11.

Брови Джоржа почти исчезаютъ подъ шляпой, пока онъ глядитъ на нихъ, а три легкихъ горизонтальныхъ складочки на лбу превращаются въ глубокія морщины.

— Розина отстала! Чортъ побери! вѣчная незадача! Нѣтъ, брошу все къ чорту! восклицаетъ онъ.

И такъ золотой мечтѣ не суждено осуществиться сегодня. На слѣдующій день Джоржу предстоитъ вернуться въ помѣстье бѣднѣе, чѣмъ онъ пріѣхалъ оттуда на нѣсколько сотъ фунтовъ.

Вотъ онъ сѣлъ на поѣздъ, единственнымъ пассажиромъ въ вагонѣ и, положивъ протянутыя ноги на сидѣнья напротивъ, а голову, сильно болѣвшую, прислонивъ къ мягкой подушкѣ, задумался. Мысли его приблизительно были слѣдующаго рода: во-первыхъ, онъ проклиналъ свою неудачу. Затѣмъ самого себя, хотя и старался ободрить себя надеждой, что дядя ничего не узнаетъ, и наконецъ сталъ высчитывать шансы на будущій успѣхъ. Послѣ того онъ вдругъ вспомнилъ, что собирался послѣ стрижки овецъ съѣздить въ Сидней и задумался о цѣли своего визита туда. Это измѣнило направленіе мыслей Джоржа, такъ какъ въ Сиднеѣ обитала другая мечта его жизни, на этотъ разъ не золотая, но представлявшая очаровательный образъ съ

мягкимъ взглядомъ и чудной улыбкой. Это видѣніе обыкновенно стояло передъ нимъ, пока онъ не засыпалъ, и наполняло его сны.

— Я не стою ея, думалъ онъ. Она понятія не имѣетъ о дурномъ! И все-таки я думаю, что будь она моимъ ангеломъ-хранителемъ, я бы велъ себя не хуже всякаго другаго. Чортъ побери! вѣдь я не пью и въ жизнь свою не сдѣлалъ ничего безчестнаго! А играть я бы бросилъ, честное слово, и постарался бы сдѣлать ее счастливой. Если же бы мнѣ не удалось исправиться... ну тогда я бы разомъ покончилъ съ собой, сдѣлавъ ее свободной. Да, нѣтъ! не можетъ этого быть, чтобы я не сталъ порядочнымъ человѣкомъ, разъ Полина согласится выйти за меня замужъ! но только согласится ли она? Старая хрычевка, ея бабушка, не позволила мнѣ спросить ее объ этомъ въ послѣдній разъ, какъ я былъ у нихъ, а вѣдь этому теперь слишкомъ годъ! Ну, да я навѣрно скоро узнаю теперь все, и если она скажетъ: „нѣтъ", то я перестану думать о женитьбѣ, да и объ исправленіи, а если она скажетъ: „да"...

Что будетъ, если Полина скажетъ Джоржу „да", осталось покрыто мракомъ неизвѣстности, потому что въ эту минуту кондукторъ отворилъ дверцу и прокричалъ: — десять минутъ остановки, и поѣздъ подошелъ къ станціи.

Джоржъ пошелъ бродить по платформѣ съ мыслью: не набредетъ ли на знакомыхъ, съ которыми можно было бы „сразиться въ картишки".

II.

Дядя Джоржа (дядя по свойству) былъ что называется nouveau riche. Онъ „взялъ подругу для услады жизни", какъ говорится въ пѣснѣ, то-есть по-просту безъ затѣй женился на сестрѣ матери Джоржа, но она не долго пожила съ нимъ и оставила его вдовцомъ и бездѣтнымъ. Исторія не говоритъ, очень ли горько онъ ее оплакивалъ. Ее, правда, пышно похоронили и поставили гранитный памятникъ надъ ея бренными останками.

„Бѣдная м-съ Карпъ, говорили люди, она была очень сдержанная особа! Да и такъ рано умерла! совсѣмъ, совсѣмъ молодою, бѣдняжка! Кто-то будетъ ея преемницей?

Вотъ элегія, пропѣтая ея знакомыми на поминкахъ. Но

что жъ дѣлать? Неужели же намъ горевать отъ того, что сосѣдей постигло несчастіе. Еслибы мы принимали къ сердцу огорченія ближнихъ, то намъ пришлось бы на всю жизнь облечься во вретище и посыпать голову пепломъ.

Итакъ Джосія Карпъ носилъ трауръ положенное время и не думалъ о вторичной женитьбѣ. Приличія были его евангеліемъ, а дѣла—его богомъ. Онъ представлялъ странную смѣсь добра и зла, невѣжества и смышлености, необузданнаго эгоизма съ одной стороны и промышленной энергіи съ другой. Крупный землевладѣлецъ, управители котораго трепетали при его приближеніи; торговый магнатъ, президентъ различныхъ комитетовъ, предсѣдатель нѣсколькихъ правленій, директоръ банка и страховаго общества; автократъ по призванію, надѣленный громаднѣйшей шишкой самодовольства на обширнѣйшемъ изъ череповъ, когда-либо попадавшихъ въ руки френологовъ. Самыя плечи его—онъ былъ невысокаго роста, но сильнаго сложенія человѣкъ—свидѣтельствовали о томъ, что въ этомъ человѣкѣ сидѣлъ демонъ непобѣдимаго самовластія и самоувѣренности.

Самодовольныя плечи и нахальная спина м-ра Карпа часто возбуждали досаду Джоржа, когда онъ былъ еще мальчикомъ. Онъ долженъ былъ идти возлѣ дяди и слушать его нравоученія, причемъ какъ примѣръ, подтверждающій истинность этихъ нравоученій, приводился самъ м-ръ Карпъ и его добродѣтели. Молодежи остается только преклоняться передъ нимъ и смиренно слѣдовать по его стопамъ.

Мальчикъ боялся своего опекуна и не любилъ прогулокъ въ его обществѣ. Онъ содрогался отъ холоднаго, пристальнаго взгляда, имѣвшаго свойство подобно Медузѣ превращать въ камень того, на кого устремлялся; взглядъ этотъ, казалось, хотѣлъ просверлить насквозь и приводилъ въ смущеніе невинность, заставляя ее краснѣть и вопрошать себя:—въ чемъ я провинилась? что такое худое узналъ онъ обо мнѣ?

Когда тетка Джоржа умерла, онъ уже былъ сиротой и остался въ видѣ живаго капитала, завѣщаннаго дядѣ, который опекалъ также и его небольшое имущество, равнявшееся четыремъ или пяти тысячамъ франковъ. Праздничные дни своей жизни онъ проводилъ въ школѣ; наказаніемъ же для него служило время, проведенное въ домѣ м-ра Карпа. Джоржъ ненавидѣлъ великолѣпную виллу, гдѣ онъ не смѣлъ пробѣжать по залѣ, чтобы сапогами не поцарапать мраморнаго пола; въ гостиную

его не пускали во весь день, чтобы онъ не запылилъ богатаго ковра, и онъ могъ только сквозь стекло глядѣть на книги въ богатыхъ переплетахъ, красовавшіяся въ библіотекѣ дяди.

Тщетно „Родерикъ Рандомъ" улыбался ему съ полки или „Жиль-Блазъ" манилъ ознакомиться съ его богатой приключеніями жизнью. Онъ могъ съ жаднымъ любопытствомъ взирать на ихъ переплеты и только!

Но эти скучные промежутки въ жизни Джоржа были не часты. Онъ пользовался большой популярностью въ школѣ, и товарищи постоянно приглашали его на праздники къ себѣ, а онъ съ радостью принималъ ихъ приглашенія, спасаясь отъ дядина жилища, гдѣ самый садъ, съ подстриженныли деревьями, скучными бесѣдками и другими никому ненужными затѣями, наводилъ на него уныніе.

Слово „отецъ" не имѣло никакого смысла для Джоржа. Онъ привыкъ, будучи маленькимъ ребенкомъ, говорить „папа" каждому человѣку въ военномъ мундирѣ, потому что его пріучили называть этимъ именемъ плохое изображеніе чахоточнаго ветерана, на которомъ живописецъ одинаково не пожалѣлъ красной охры ни для мундира, ни для щекъ модели.

Другое дѣло мать. Онъ живо помнилъ ея милое лицо, ея нѣжные, любящіе глаза мерещились ему, нѣжный голосъ звучалъ въ ушахъ, и чудилось ласковое прикосновеніе мягкой руки, когда рѣзкій голосъ м-ра Карпа сверлилъ ему слухъ, а холодные глаза строго и сурово глядѣли на него, наполняя непостижимымъ томленіемъ и тоской.

Когда ему исполнилось восемнадцать лѣтъ, дядя впервые заговорилъ съ нимъ объ его будущей карьерѣ.

— Ты достаточно учился, Джоржъ, сказалъ онъ, и если все еще не обученъ, то самъ виноватъ. У меня есть готовое мѣсто для тебя въ конторѣ; вставай въ семь часовъ, принимайся за работу въ девять; возвращайся домой въ шесть часовъ, и у тебя еще хватитъ времени на то, чтобы доучиваться и читать книги по вечерамъ.

Вотъ перспектива, которую представили юношѣ, не лишенному дарованій и благороднаго честолюбія. Онъ пытался нѣкоторое время примириться съ нею, но скоро она ему опротивѣла.

— Какой толкъ въ этихъ занятіяхъ, говорилъ онъ себѣ. Я ненавижу ихъ, и они ни къ чему не приведутъ.

Джоржъ былъ впечатлительный малый. Ласковое слово,

одобрительный взглядъ поощряли бы его, какъ шпоры коня но ни того, ни другаго онъ никогда не получалъ отъ дяди, и это его окончательно обезкураживало.

Иногда м-ръ Карпъ ѣздилъ въ клубъ или проводилъ время „въ собраніи". Въ этихъ случаяхъ Джоржъ сидѣлъ дома и скучалъ, но не смѣлъ отправиться, какъ другіе молодые люди, въ театръ. Если же и рѣшался когда на это, то мысль о томъ, что скажетъ дядя и какъ онъ будетъ глядѣть на него своими холодными, пронзительными глазами, удручала его и портила все удовольствіе. Онъ, какъ воръ, прокрадывался обратно домой и влѣзалъ въ окно своей спальни, которое служанка, бывшая съ нимъ въ заговорѣ, оставляла для него открытымъ.

Онъ рѣшилъ наконецъ, что не въ силахъ долѣе выносить этой жизни. И разъ вечеромъ послѣ обѣда, въ то время какъ м-ръ Карпъ сидѣлъ за недопитымъ стаканомъ вина, держа въ рукѣ *Mark Lane Express*, заговорилъ съ нимъ объ этомъ.

— Я думаю, дядя, что... что конторскія занятія не по мнѣ, сказалъ онъ, запинаясь, робѣя и прокашливаясь на каждомъ словѣ.

М-ръ Карпъ отвелъ глаза отъ столбцовъ *Mark Lane Express* и неодобрительно устремилъ ихъ на раскраснѣвшееся лицо юноши.

— Тебѣ слѣдуетъ исправить свой почеркъ, сухо отвѣтилъ онъ. Вставай часомъ раньше и занимайся каллиграфіей. Когда *я* былъ твоихъ лѣтъ, я поднимался до зари и, какъ только разсвѣтало, принимался за писанье.

Такъ какъ почеркъ м-ра Карпа и теперь не отличался красотой или особенной четкостью, то примѣръ былъ не совсѣмъ удаченъ и не особенно убѣдителенъ. Поэтому Джоржъ собравшись съ духомъ, рѣшилъ настаивать.

— Я не это собственно хотѣлъ сказать, дядя... я хотѣлъ... я хотѣлъ...

— Что же ты хотѣлъ, ради Бога? спросилъ раздражительно дядя. Скажи же наконецъ.

— Видите ли, я хотѣлъ бы пожить деревенской жизнью... заняться сельскимъ хозяйствомъ... я готовъ быть хоть пастухомъ, только...

Тутъ спазма въ горлѣ помѣшала ему договорить, но конецъ фразы его могъ быть приблизительно такимъ: — только бы уйти изъ-подъ вашего надзора.

Дядя положилъ газету. Въ немъ поднялась буря, которая могла помѣшать его пищеваренію. Племянникъ, достигнувъ совершеннолѣтія, долженъ былъ получить собственныхъ шесть тысячъ фунтовъ и могъ стать вполнѣ независимымъ отъ дяди и опекуна. Кромѣ того, Джосія терпѣть не могъ мѣнять своихъ служащихъ или переводить ихъ на новыя должности. Причинъ этому было много, какъ дурныхъ, такъ и хорошихъ. Во-первыхъ, онъ требовалъ отъ служащихъ безукоризненной честности и добросовѣстности. Во-вторыхъ не терпѣлъ, чтобы ежедневная рутина жизни нарушалась. Ему случалось доводить своихъ служащихъ до бѣшенства придирчивостью и сварливостью, и если тѣ требовали разсчета, онъ немедленно понижалъ тонъ, обѣщая даже прибавку жалованья, лишь бы они остались.

Въ настоящемъ случаѣ быстро сообразивъ *pro* и *contra* предложенія Джоржа, онъ рѣшилъ уступить. Можетъ быть, подъ толстой корой его эгоизма теплились искорки привязанности къ юношѣ. Кромѣ того, онъ обращалъ большое вниманіе на мнѣніе свѣта, а свѣтъ могъ осудить его, узнавъ, что онъ поступилъ съ безполезной суровостью съ сиротой-племянникомъ и помѣшалъ ему слѣдовать своимъ желаніямъ и природнымъ наклонностямъ безъ всякой разумной причины. До сихъ поръ никто не могъ сказать, чтобы онъ худо кормилъ, одѣвалъ или воспитывалъ Джоржа.

Какъ бы то ни было, м-ръ Карпъ рѣшилъ дозволить Джоржу заняться сельскимъ хозяйствомъ.

Онъ сухо сказалъ:

— Если ты хочешь быть фермеромъ, то я могу послать тебя на одну изъ своихъ мызъ. Это дѣло не такое выгодное, какъ городское, и я думаю, что игра не стоитъ свѣчъ! Но съ упрямцами безполезно спорить!

Джоржъ не смѣлъ вѣрить, что одержалъ такую легкую побѣду. Онъ поблагодарилъ дядю голосомъ, которому тщетно старался придать твердость. Всю эту ночь онъ почти не спалъ и поутру колебался, идти въ контору или нѣтъ. Сердце упало у него, когда дядя за завтракомъ проворчалъ:

— Какъ ты копаешься, Джоржъ, ты опоздаешь въ контору.

Онъ неохотно побрелъ туда, и такъ длилось еще два дня, пока наконецъ дядя не велѣлъ ему укладываться поскорѣе, такъ какъ онъ отправляетъ его въ почтовой каретѣ, отходящей

сегодня вечеромъ, на одну изъ своихъ мызъ на Муррѣ, гдѣ онъ будетъ помощникомъ управителя.

Все это происходило за восемь лѣтъ передъ тѣмъ, какъ мы видѣли Джоржа въ кабріолетѣ, торопившагося на скачки, и мы еще увидимъ, какъ эти раннія вліянія отразились на его послѣдующей жизни.

Дядя Карпъ нашелъ въ немъ болѣе надежнаго и хорошаго арендатора, чѣмъ разсчитывалъ, и переводя съ мызы на мызу, назначилъ, наконецъ, главнымъ управителемъ того большаго имѣнія, о которомъ упоминалось въ первой главѣ.

Въ жизни всѣхъ молодыхъ людей бываетъ эпоха, когда, какъ обыкновенно выражаются, имъ приходится „перебѣситься".

Джоржъ не ушелъ отъ общей судьбы, хотя нельзя сказать, чтобы онъ особенно сильно предавался разгулу. Онъ часто ѣздилъ въ городъ. Очень усердно и не безъ искусства игралъ на билліардѣ. Объ его спортсменскихъ увлеченіяхъ мы уже упоминали.

Послѣ этого краткаго очерка его предыдущей жизни, мы предоставимъ отнынѣ ему характеризовать себя передъ читателями своими поступками.

III.

Дневникъ Полины.

Приходится занести въ дневникъ двѣ катастрофы! Дядюшка Пузырь посаженъ въ тюрьму (гардеробная бабушки) за то, что сказалъ: чортъ возьми! а меня не пустили на вечеръ къ Крокерамъ! Удрученная двумя такими бѣдами, я не знаю, въ чемъ искать утѣшенія! Философія нисколько не поможетъ, потому что безполезно говорить: мнѣ все-равно, когда я хорошо знаю въ душѣ, что мнѣ совсѣмъ не все-равно. Философія прекрасная вещь, когда ее преподносишь другимъ, и вовсе не утѣшительная, когда ее приходится преподавать себѣ или критиковать самому! Я знаю, что въ эту минуту Пузырь, навѣрное, сто разъ къ ряду повторяетъ: чортъ возьми! чортъ возьми!

И хотя я не сижу подъ ключемъ въ гардеробной бабушки, однако, готова тоже говорить:—Чортъ возьми!

Но вернемся къ моему личному горю. Вонъ сидитъ бабушка! Я вижу ее въ окно веранды, на которой теперь нахожусь. Хотя теперь уже не на столько свѣтло, чтобы я могла разглядѣть выраженіе ея лица, но я увѣрена, что она необыкновенно тверда, и какъ бы говоритъ:—я такъ хочу и такъ будетъ!

Желала бы я знать, произвела ли бы я желанный эффектъ, еслибы ворвалась теперь *toute éplorée* въ гостиную, бросилась передъ нею на колѣни и стала взывать:—Chère et bien aimée petite grand mère (всегда выгоднѣе говорить ей нѣжности на ея родномъ языкѣ) de grâce aie pitié de ton enfant gâtée! rends-la heureuse cette seule fois! Думаю, что нѣтъ! Мнѣ кажется, что я вижу удивленное и холодно-вѣжливое лицо бабушки, столь обидное для униженнаго и раболѣпнаго просителя. Она бы отвѣтила на самомъ отборномъ англійскомъ языкѣ:—что я разъ сказала, отъ того никогда не отступлюсь. И я бы осталась съ носомъ и только бы даромъ унизила себя.

О! чортъ возьми! какъ отрадно написать эти мятежныя слова! Мнѣ хочется пойти въ гардеробную и пропѣть ихъ дуэтомъ съ дядей Пузыремъ! Я пишу ощупью, потому что совсѣмъ уже стемнѣло. Вонъ, Фифина несетъ лампу. Да! я была права! Никакія просьбы, никакія униженія сегодня не помогутъ! Я было составила планъ ничего не ѣсть за чаемъ; я не буду дуться, нѣтъ, это неприлично, но буду глядѣть кроткой мученицей, покорной, конечно, но слишкомъ удрученной духомъ, чтобы нуждаться въ такихъ матеріальныхъ утѣшеніяхъ, какъ кофе со сливками и бутербродами.

Увы! какъ сильна наша плоть. Я слышу, запахло ватрушкой! Да, Фифина вноситъ ватрушку; щеки ея разгорѣлись отъ кухоннаго жара и торжества. Подумавъ хорошенько, я отказываюсь отъ роли мученицы. Съ одной стороны это ни къ чему не поведетъ, съ другой... завтра у насъ можетъ не быть ватрушки...

Полчаса спустя послѣ чая. О! какой длинный вечеръ! когда-то онъ пройдетъ! Мимолетное забвеніе всѣхъ горестей, какимъ я была обязана ватрушкѣ, кончено, и теперь мнѣ остается только развлекаться тѣмъ, какъ Пузырь зубритъ урокъ изъ Оллендорфа на завтра. Я спрошу, у него ли шляпа жены его двоюроднаго брата и услышу въ отвѣтъ, что у него нѣтъ шляпы жены его двоюроднаго брата, но есть жилетъ брата портнаго.

И все время буду думать о гладкомъ паркетѣ въ залѣ Крокеровъ и о „синемъ Дунаѣ"... я буду видѣть, какъ Джеме-

сина Крокеръ!.. Боже, что-за имя! кружится вмѣстѣ съ сэромъ Френсисомъ Сигревомъ. Мнѣ было бы легче, будь Джемесина не такая хорошенькая. Я бы желала себя утѣшить, критикуя наружность Джемесины, но критика такая же безотрадная вещь, какъ и философія, когда я такъ отлично вижу, какъ удивительно хороша собой Джемесина. Цвѣтъ лица у нея ослѣпительный, носикъ прямой, а ротъ можетъ поспорить въ совершенствѣ со ртомъ Венеры Victoria. И при этомъ ея самоувѣренныя манеры такъ увлекательны.

Слава Богу! бабушка взялась пропихнуть Оллендорфа въ упрямую головенку Пузыря. Послѣ урока она позоветъ меня читать ей вслухъ. Не думаю, чтобы она была расположена сегодня вечеромъ слушать сочиненія m-me де Кампанъ. По всей вѣроятности, мы углубимся въ курсъ *Philosophie Positive*, или будемъ обсуждать какую-нибудь диссертацію Сен-Симона, такъ какъ бабушка хочетъ, чтобы я была *esprit fort*, хотя думаю, что она также не прочь, чтобы я была *un tout soit peu coquette* въ придачу. Это напоминаетъ ей мою бѣдную мамашу, которая, по словамъ Фифины, доводила до отчаянія папашу. Я люблю глядѣть на миніатюрный портретъ мамаши и люблю, когда мнѣ говорятъ, что я ея вылитый портретъ. Хотя я этому не совсѣмъ вѣрю, и не понимаю, какому несносному предку обязана я непостижимымъ красноватымъ отливомъ въ волосахъ и глазахъ (которые безъ того были бы безусловно красиваго чернаго цвѣта). Теплый колоритъ! называется это. Прекрасно! но я бы желала, чтобы онъ не достался исключительно на долю моимъ волосамъ. Щеки мои неизмѣнно блѣдны! Требуется сверхъестественное оживленіе, чтобы сообщить имъ слабое подобіе того румянца, какой вѣчно играетъ на лицѣ Джемесины. Въ сущности, мой цвѣтъ лица принадлежитъ къ тѣмъ, какіе бабушка называетъ „матовымъ".

Пріятное развлеченіе описывать свою наружность въ сущности не отвлекаетъ моихъ мыслей отъ бала. Быть можетъ, въ эту самую минуту сэръ Френсисъ Сигревъ разговариваетъ съ Джемесиной тѣмъ любезнымъ тономъ, какой онъ умѣетъ принимать и говоритъ:—позвольте пригласить васъ на этотъ вальсъ, мисс Крокеръ.

Я знаю, что Джемесина ногъ подъ собой не слышитъ отъ радости. Удивляюсь, почему мы обѣ такъ интересуемся имъ? *Il a énormément de la distinction*, какъ говоритъ бабушка. Должно быть въ этомъ весь секретъ.

У англичанъ есть что-то въ интонаціи голоса, въ выраженіи лица неуловимое и болѣе привлекательное, чѣмъ красивая наружность и даже умъ и чего совсѣмъ почти нѣтъ у колонистовъ. Желала бы я знать, замѣчаютъ ли это мужчины такъ, какъ мы, женщины.

О, Боже мой! Пузырь удаляется въ уголъ съ вѣчнымъ Оллендорфомъ въ рукахъ, а бабушка отложила въ сторону Фурье и раскрываетъ Конта съ дѣловымъ видомъ. Дѣйствительно ли такъ лестно принадлежать къ школѣ энциклопедистовъ? Черезъ нѣсколько минутъ, цѣлый вихрь смутныхъ и сбивчивыхъ мыслей закружится въ моемъ мозгу. Вся система вселенной воплощается для меня въ немногихъ словахъ:—сила есть право! но вѣдь сила означаетъ законъ, а законъ означаетъ...

Иду, бабушка! *à l'instant même*!..

Узы родства, связывающія Полину съ ея близкими, весьма сложнаго характера. Ея бабушка придерживалась французскаго принципа не быть старѣе того, чѣмъ казалась. Между тѣмъ, ея наружность измѣнялась соотвѣтственно различнымъ фазисамъ дня и обратно тому порядку, какой царствуетъ въ природѣ—бабушка къ вечеру становилась моложе.

За ночь время брало свое, но теорія бабушки позволяла ей опять при свѣтѣ дня передѣлать то, что время натворитъ ночью. Ея единственный сынъ, Эрнестъ, прозванный Пузыремъ за свои толстыя щеки, насчитываетъ восьмой годъ, и единственной внучкѣ, Полинѣ, пошелъ восемнадцатый.

Это странно и сбивчиво, но вотъ какимъ образомъ это произошло.

Гордая француженка вышла изъ монастыря шестнадцати лѣтъ, чтобы по приказанію родителей немедленно сочетаться брачными узами съ monsieur Анри Делонэ, депутатомъ, литераторомъ и либераломъ. Фамилія бабушки принадлежала къ консервативному типу людей, не допускающихъ, чтобы старый порядокъ могъ измѣниться. Страшная, кровожадная гильотина ихъ ничему не научила. Они не безъ тревоги согласились на бракъ дочери, но многія соображенія ихъ къ тому принудили.

Делонэ въ тѣ дни, когда Бурбонъ былъ королемъ, не высказывалъ открыто своихъ мнѣній. Онъ женился изъ личныхъ

политическихъ видовъ и чтобы укрѣпить свое положеніе въ партіи легитимистовъ; а такъ какъ у Гонорины не было приданаго, то ея родители приняли его предложеніе и взяли дочь изъ монастыря, чтобы представить ее человѣку, подъ чью власть она должна была поступить черезъ мѣсяцъ.

Делонэ рѣшилъ, что не будетъ мѣшать дѣвочкѣ, которую бралъ въ жены, жить такъ, какъ ей хочется. Онъ не вѣрилъ въ умъ женщинъ вообще, но какъ большинство французовъ, считалъ, что слѣдуетъ поощрять въ нихъ суевѣріе, какъ оплотъ противъ чувствительности ихъ натуры, которая можетъ повести къ любовнымъ интригамъ. Отъ этого онъ вполнѣ былъ согласенъ, чтобы Гонорина оставалась въ наилучшихъ отношеніяхъ съ своимъ духовникомъ.

Но депутатъ вскорѣ открылъ, что его малютка-жена была не изъ тѣхъ женщинъ, изъ которыхъ выходятъ набожныя богомолки. Ея черные глаза выражали живой интересъ, когда она впервые услышала его въ собраніи депутатовъ. Пансіонерка-жена, по возвращеніи домой, собственными словами, но весьма толково передала рѣчь литератора-мужа, спрашивая объясненія непонятныхъ для нея мѣстъ и осмѣливаясь даже критиковать нѣкоторыя изъ его мнѣній и подкрѣпляя доводами свою критику. Восхищенный и удивленный мужъ посадилъ къ себѣ жену на колѣни, и съ тѣхъ поръ она стала его другомъ и ученицей.

Ея быстрый и сообразительный умъ легко усвоивалъ самые сложные предметы.

Монтескье и Вольтеръ смѣнили для нея Босюэта и Фенелона, и передъ рожденіемъ своей дочки она ревностно изучала „Эмиля".

Хотя карьера Делонэ была не изъ удачныхъ, но онъ оставался первымъ человѣкомъ въ глазахъ жены.

При второй имперіи онъ получилъ назначеніе во французской Гвіанѣ и охотно покинулъ страну, гдѣ господствующая система управленія раздражала его и была ему противна, но ниспровергать которую онъ считалъ не только безполезнымъ дѣломъ, но даже хуже того. Изъ французской Гвіаны онъ былъ переведенъ въ Сидней и тамъ, нѣсколько лѣтъ спустя, умеръ.

Первый ребенокъ ихъ—мать Полины—засвидѣтельствовала дѣйствіе идей Руссо тѣмъ, что оказалась „дитятей природы" в

пригрозила разыграть роль „Новой-Элоизы“, если ей не позволять выдти за мужъ за кудряваго девятнадцатилѣтняго мичмана. Дѣвочку обвѣнчали съ мальчикомъ и первые три мѣсяца они проводили въ безпрестанныхъ ссорахъ и бѣгали жаловаться другъ на друга *père* и *mère* Делонэ.

Утомленные этими распрями, родители рѣшили было взять дочь обратно домой, но судьба произнесла другое и болѣе суровое рѣшеніе, положившее навсегда конецъ супружескимъ ссорамъ.

Небольшая могильная плита на кладбищѣ Сиднея посвящена памяти Розаліи, любезной супругѣ Готфри Вейпера и повѣствуетъ, что она умерла въ родахъ, девятнадцати лѣтъ. Монтескье, равно какъ и Руссо, оказались безсильны, чтобы утѣшить несчастную мать, когда она укладывала въ гробъ мертвое тѣло своей любимицы.

Годфри плакалъ и рыдалъ, какъ раскаявающійся и наказанный ребенокъ, а затѣмъ отплылъ въ Англію, гдѣ долженъ былъ держать экзаменъ на офицерскій чинъ. На рукахъ у бабушки съ дѣдушкой осталась малютка-внучка съ серьезными, темными глазками и блѣднымъ личикомъ. Они назвали ее Полиной въ честь матери Анри Делонэ и полюбили со страстью, не имѣвшей ничего общаго съ принципами здравой философіи.

Десять лѣтъ спустя произошло неожиданное событіе. У madame Делонэ родился второй ребенокъ. На этотъ разъ она не читала Руссо, но постоянно держала при себѣ маленькую Полину и разсказывала ей на ломаномъ англійскомъ языкѣ о качествахъ, отличавшихъ ея мать, когда та была ребенкомъ.

Когда сморщенное личико Пузыря впервые поднесено было его племянницѣ для поцѣлуя, дѣвочка критически поглядѣла на него и спросила:—неужели онъ всегда будетъ такой красный? и когда ее увѣрили, что нѣтъ, была очевидно очень довольна.

Дядюшка-Пузырь вступилъ въ жизнь въ качествѣ ея игрушки... говорили, что ей случалось въ видѣ опыта носить его головой внизъ. Первые его шаги и первыя слова служили для нея предметомъ глубочайшаго интереса. Изъ игрушки онъ сталъ товарищемъ игръ. И Полина не считала возможнымъ, чтобы она полюбила другое человѣческое существо такъ сильно, какъ любила Пузыря.

Отецъ для нея означалъ неинтереснаго молодаго человѣка,

пріѣзжавшаго на короткое время нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ колонію, чтобы повидать свою маленькую дочку. Она была очень застѣнчива, а онъ въ такомъ настроеніи, что только увеличивалъ ея застѣнчивость.

Полина не очень огорчилась, когда папаша простился съ нею. Онъ находился теперь на Мальтѣ, куда она посылала каждые три мѣсяца четыре страницы, исписанныя крупнымъ почеркомъ, стоившія ей большаго труда, но освобождавшія за то отъ всякихъ дальнѣйшихъ заботъ на слѣдующую четверть года.

Дѣдушка ея умеръ, когда Пузырь былъ еще младенцемъ, и съ тѣхъ поръ—по замѣчанію Полины—въ глазахъ m-me Делонэ стало появляться по временамъ жесткое выраженіе, котораго прежде въ нихъ никогда не бывало. Она помнила, какъ бабушка въ припадкѣ отчаянія била руками по покрывалу, закрывавшему тѣло ея мужа.

M-me Делонэ могла говорить о дочери и всегда плакала, когда говорила о ней. О мужѣ она никогда не говорила и когда Полинѣ хотѣлось узнать что-нибудь изъ семейной хроники, она обращалась за свѣдѣніями къ Фифинѣ, и та разсказывала ей про ея *bon papa* и увѣряла что *c'était un ménage comme il n'y en a pas*, когда онъ былъ въ живыхъ. И тогда Полина проникалась чувствомъ живѣйшаго состраданія къ m-me Делонэ, представляя себѣ Пузыря на мѣстѣ m-r Делонэ, а себя на мѣстѣ бабушки.

Она пыталась сегодня смягчить свои чувства къ бабушкѣ, припоминая все, что ей разсказывала Фифина, но m-me Делонэ находилась въ моложавомъ періодѣ дня, и свѣтъ газа надъ ея головой озарялъ два гладкихъ бандо черныхъ волосъ, артистически увѣнчанныхъ чернымъ крепомъ, и лицо, не допускавшее, казалось, никакой симпатіи. Тотъ же самый свѣтъ игралъ на темной коронѣ волосъ, увѣнчивавшей голову Полины, съ страннымъ металлическимъ блескомъ какъ бы краснаго золота.

Маленькая гофрированная оборочка ласково обнимала нѣжное и бѣлое какъ у ребенка горло. Вся фигура Полины выражала нѣмое упорство. Глаза ея, въ которыхъ, когда она бывала взволнована, сверкали такія же металлическія искры, какія были разсыпаны въ ея волосахъ, мрачно устремлены въ

книгу. Красныя непокорныя губы невольно шевелились. Малиновый бархатъ *Prie-Dieu*, стоявшій позади ея, служилъ удивительно рельефнымъ фономъ для ея блѣднаго лица и наводилъ на сравненіе съ этюдомъ Вандейка. Линія, шедшая отъ уха внизъ къ шеѣ и спинѣ, обѣщала стать величественной со временемъ и напоминала всякому Венеру Милосскую, кто близко изучалъ эту статую сбоку на ея пьедесталѣ въ Луврѣ, гдѣ она царитъ силою красоты, которой не можетъ ее лишить рука времени.

Профиль Полины съ дѣтскимъ вздернутымъ носикомъ нисколько не походитъ на профиль этой богини, но обладаетъ собственной оригинальной прелестью вопреки всѣмъ правиламъ искусства, опредѣляющаго точные размѣры и пропорцію между носомъ и подбородкомъ.

— Tenez, сказала m-me Делонэ, передавая ей иголку, чтобы вдѣть нитку, которую тщетно старалась передъ тѣмъ вдѣть сама.

Полина отвела глаза отъ *Philosophie Positive* и безстрастно занялась этой операціей. Иголка мигомъ стала послушной въ ея ловкихъ рукахъ, и она собиралась передать ее съ видомъ трагической королевы, подающей чашу съ ядомъ своему предателю, какъ вдругъ замѣтила, что жесткій взглядъ бабушки какъ бы затуманился облакомъ, собравшимся подъ ея очками. Въ одно мгновеніе ока Полина очутилась передъ нею на колѣняхъ; балъ у Крокеровъ кажется ей шабашомъ вѣдьмъ, а сама она матереубійцей, которой слѣдуетъ отрубить правую руку, прежде чѣмъ казнить.

— *Petite grand mère*, гнѣвайтесь, сколько хотите, но не грустите, умоляю васъ. Почему вы меня не накажете, какъ Пузыря? Я никогда больше не пожелаю танцовать, кромѣ развѣ *pas seul* на верандѣ. Все это мой характеръ! Фурье помѣстилъ бы меня въ отрядъ танцующихъ дервишей, и я бы вертѣлась для блага общины, а вы бы, *petite grand mère*, принадлежали къ жрецамъ и учили бы насъ, какъ слѣдуетъ жить.

M-me Делонэ протираетъ очки съ полуулыбкой, а Пузырь считаетъ этотъ моментъ удобнымъ для того, чтобы пренебречь карандашемъ зятя бакалейщика и произвести нападеніе на миролюбиваго вида кошку, свернувшуюся калачикомъ на коврѣ передъ каминомъ.

— *Dis donc, mon enfan*, ты оплакиваешь сегодня вечеромъ только танцы и ничего больше?

Глаза, измѣнившіе, когда надо было вдѣть нитку въ иголку, теперь глядѣли довольно зорко. Полина ищетъ спасенія у Конта. Она переворачиваетъ страницу, отвѣчая:

— Танцы и *le tout ensemble, grand mère*, конечно, всего болѣе танцы.

— Ты іезуитъ, дочь моя! Неужели первый встрѣчный способенъ такъ заинтересовать тебя, что ты готова забыть судьбу своей матери и увлечься первымъ, кто умильно взглянетъ на тебя.

— Но онъ вовсе не глядитъ умильно, бабушка. Я бы желала, чтобы онъ такъ глядѣлъ.

Послѣднее *sotto voce*.

— Почемъ ты знаешь, о комъ я говорю?

Кровь бросается въ лицо Полины и окрашиваетъ ея щеки нѣжнымъ румянцемъ.

— Я знаю, вы хотите меня сконфузить, бабушка, и совсѣмъ напрасно. Пожалуйста *revenons à nos moutons*, то-есть къ Конту, и скажите мнѣ, могу ли я пропустить его скучныя разсужденія объ исторіи.

M-me Делонэ не отвѣчаетъ, и Полина видитъ, что мысли ея далеко отъ *Позитивной Философіи* и что давно прошедшія сцены оживаютъ передъ ея глазами,—сцены, какія мы всѣ переживаемъ, удивляясь, къ чему были всѣ эти огорченія, разочарованія и отчаяніе.

Внучка ея задумывается о послѣднихъ словахъ бабушки. Способенъ ли сэръ Френсисъ Сигревъ смотрѣть умильно? Ей кажется, что нѣтъ. Не выдала ли она чѣмъ-нибудь ему своего предпочтенія? Обидная мысль. Полина сердито прогоняетъ ее и даетъ внутреннюю клятву, что ни бабушка и никто въ цѣломъ мірѣ не будетъ имѣть ни малѣйшаго основанія предполагать, что она хоть сколько-нибудь интересуется сэромъ Френсисомъ Сигревъ. Съ такимъ похвальнымъ рѣшеніемъ она притворно зѣваетъ.

— Grand mère! позитивизмъ Конта всегда нагоняетъ на меня сонъ. *Bon soir, et dormez bien*! —Пузырь, еслибы это не было унизительно для твоего достоинства, какъ моего дяди, я бы взяла тебя на руки и отнесла бы прямо въ постель.

IV.

Въ новомъ южномъ Валлисѣ весна уступила мѣсто душному, знойному лѣту. Жгучее солнце неумолимо палитъ городъ и его предмѣстья. Узкія улицы Сиднея скрываются въ облакахъ горячей пыли, когда поднимается вѣтеръ, или ослѣпляютъ глаза блескомъ бѣлыхъ раскаленныхъ камней, когда вѣтеръ падаетъ. Вечеромъ, когда солнце, подобно юному Іосифу, облекается въ разноцвѣтную тунику и медленно заходитъ за отдаленные холмы, маленькіе островки въ гавани горятъ, какъ раскаленный металлъ подъ его прощальными лучами, а съ моря поднимается свѣжій вѣтерокъ, измученные жители высыпаютъ на террасы и балконы, чтобы наслаждаться жизнью, казавшеюся передъ тѣмъ ненужнымъ и тяжкимъ бременемъ. Утоляютъ жажду чаемъ, мороженымъ и крѣпкими напитками, или уносятся въ міръ мечтаній и грезъ, а если расположены къ дѣятельности, то играютъ въ крокетъ, ѣздятъ верхомъ или идутъ купаться.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, около половины января, Джоржъ Драфтонъ, оглушенный немолчнымъ скрипомъ безжалостнаго винтоваго колеса, сошелъ съ палубы *City of Adelaide* и отправился въ Королевскій-Отель, гдѣ заснулъ съ именемъ Полины на устахъ. Онъ проснулся поутру на разсвѣтѣ и глядѣлъ, какъ медленно выплывали изъ мрака чуждые предметы, окружавшіе его.

Туалетъ былъ немаловажнымъ дѣломъ для Джоржа Драфтона въ это утро, и онъ посвятилъ ему довольно много времени. Послѣ того пошелъ въ общую столовую завтракать, а затѣмъ отправился въ ближайшій манежъ, чтобы выбрать себѣ верховую лошадь. Критическимъ окомъ знатока разглядывалъ онъ лошадей, пока выборъ его не палъ на одну рыжую кобылу. Въ грумѣ, толстомъ, кривомъ маломъ, онъ призналъ такого же лошадника, какъ и онъ самъ.

— Славная лошадка, сэръ, сказалъ кривой грумъ и повелъ ее во дворъ. Ей бы не въ манежѣ мѣсто.

Джоржъ одобрительно кивнулъ головой; но онъ не привыкъ восхищаться чужими лошадьми.

— Недурной конь, проговорилъ онъ и, изъявивъ согласіе, чтобы лошадь осѣдлали для него, сѣлъ на нее и пустился въ путь.

Врядъ-ли онъ обращалъ вниманіе на коня, который у него былъ подъ верхомъ, умъ его слишкомъ былъ занятъ другимъ.

День стоялъ такой, что каждый поневолѣ становился оптимистомъ. Теплый воздухъ былъ напоенъ лѣтними ароматами; городской шумъ замиралъ вдали и доносился лишь, какъ неясный, глухой гулъ.

Домъ m-me Делонэ расположенъ былъ въ нѣсколькихъ миляхъ разстоянія отъ Сиднея, и въ воображеніи Джоржа воскресло то время, какъ онъ впервые ѣхалъ туда два года тому назадъ, такимъ же точно лѣтнимъ днемъ, какъ сегодняшній.

Въ карманѣ у него лежало письмо съ такимъ адресомъ:

„A Madame Delaunay
Aux bons soins de m-r George Drafton“.

Французскій консулъ, съ которымъ онъ познакомился за столомъ дяди за недѣлю передъ тѣмъ, далъ ему это письмо въ благодарность за гостепріимство Джосіи и за его удивительный лафитъ. Джоржъ помнилъ, что онъ пошелъ пѣшкомъ, и дорогой обдумывалъ, стоитъ ли отдавать письмо консула. Онъ чуть-было не повернулъ назадъ у самыхъ дверей дома, когда уже держалъ молотокъ въ рукахъ.

„Авось, никого дома нѣтъ“, подумалъ онъ.

Отъ какихъ мелочей зависятъ великія событія нашей жизни! Вы, можетъ быть, достигли сегодня до поворотнаго пункта въ вашей карьерѣ и узнаете объ этомъ только годы спустя, когда, оглянувшись на прошлое, скажете:—такое-то обстоятельство повліяло на меня. Не будь того-то и того-то, меня бы здѣсь не было!

Джоржъ, можете быть въ томъ увѣрены, понятія не имѣлъ, когда дверь дома отворилась передъ нимъ, что рѣшается судьба всей его жизни.

Когда слуга ввелъ его въ сѣни, молодая дѣвушка опрометью сбѣгала съ лѣстницы. Одной секундой позже, и Джоржъ ее бы не увидѣлъ, и судьба ихъ не соединила бы на горе и на радость.

Но безжалостныя Парки, которыя сплетаютъ нити нашей жизни, уже успѣли переплести между собой жизнь Джоржа Драфтона и Полины Вайнеръ.

Джоржъ, переживая мельчайшія подробности этой первой встрѣчи, припомнилъ, что въ сѣняхъ дожидался маленькій мальчикъ, одѣтый какъ для гулянья, а Полина сбѣжала съ лѣстницы такъ быстро, что чуть-чуть не столкнулась съ Джор-

жемъ у дверей гостиной, приходившихся какъ разъ внизу лѣстницы. Она представилась ему теперь такою, какъ онъ ее увидѣлъ тогда: красныя полуоткрытыя губы пролепетали какое-то извиненіе въ то время, какъ она рѣшительно прошла мимо него и подала руку Пузырю. Онъ снова дивился, почему лицо Полины, ея выраженіе, словомъ, вся ея особа, такъ крѣпко запечатлѣлись въ его сердцѣ, не на нѣсколько недѣль или даже мѣсяцевъ, но на всю жизнь, или, какъ онъ говорилъ, самому себѣ, на всю вѣчность. Онъ припоминалъ, что „чопорное жилище“ стало съ тѣхъ поръ для него раемъ; что онъ придумывалъ тысячу предлоговъ, чтобы явиться туда съ дипломатіей, на какую не считалъ себя способнымъ и инстинктивно чувствовалъ, что до сихъ поръ Полина не обращала вниманія на его любовь.

Желая создать себѣ шансы на успѣхъ, онъ посвятилъ въ свою тайну m-me Делонэ, наканунѣ обѣда въ Сиднеѣ, и та дала ему высказаться до конца, не облегчая ему ни словомъ его признанія. Не было человѣка опытнѣе этой разсудительной француженки въ различныхъ стадіяхъ *affaire de coeur*.

„*Il a la tête montée*“, сказала она самой себѣ; „*cela passera, mais si on le contrarie il serait capable de faire une sottise* [1]).

Кромѣ того, она была ему благодарна за то, что онъ пока ничего не сказалъ о своей любви Полинѣ. Она съ тревогой и мрачными опасеніями относилась къ тому новому періоду жизни, въ какой вступала теперь ея внучка. Она сознавала, что принципы, которыми она руководилась въ жизни, не спасли ея дочь отъ всякаго рода треволненій, и боялась, чтобы того же самаго не повторилось и съ Полиной. Она была тронута деликатностью, помѣшавшей ему заговорить о любви съ наивной пансіонеркой и превратить ее въ то, что „Saturday Review“ называетъ „недозрѣлымъ персикомъ“.

Поэтому она милостиво отвѣтила ему:

— Надо быть благоразумнымъ, monsieur Джоржъ.—Вы не можете ожидать любви отъ ребенка. Она еще не кончила учиться, и до сихъ поръ ея *ami de coeur* былъ маленькій Эрнестъ. Я убѣждена, что вы прекрасный молодой человѣкъ, и считаю за

---

[1]) У него голова закружилась, но если ему прекословить, то онъ способенъ сдѣлать глупость.

большую честь, что вы ищете руки моей внучки, но я ставлю вамъ одно условіе: впродолженіи двухъ лѣтъ не пріѣзжайте больше къ намъ, и если вы не перемѣните намѣренія, тогда мы поговоримъ объ этомъ дѣлѣ.

И она съ торжествомъ проводила Джоржа, радуясь своему дипломатическому таланту.

Но разсчеты ея оказались ошибочными. Джоржъ, къ собственному его удивленію, не перемѣнилъ намѣренія, какъ того ожидала m-me Делонэ, по прошествіи двухъ лѣтъ искуса: ни одна изъ женщинъ, за которыми онъ ухаживалъ, не нравилась ему такъ, какъ Полина.

„Ни одна ей въ подмётки не годится“, рѣшилъ онъ послѣ бала въ Мельбурнѣ, гдѣ цѣлая толпа хорошенькихъ дамъ улыбалась племяннику Джосіи Карпа.

Теперь онъ боялся одного только, чтобы она не измѣнилась, не утратила восхитительнаго характера полу-женщины, полуребенка, который привлекъ его къ ней съ первой минуты. Что касается ея наружности...

Тутъ размышленіямъ Джоржа наступилъ конецъ. Знакомыя желѣзныя ворота были передъ нимъ: пальцы его дрожали, когда, свѣсившись черезъ сѣдло лошади, онъ отодвигалъ засовъ.

Стройныя пальмы величественно кивали другъ другу головой въ то время, какъ онъ ѣхалъ по дорогѣ, усыпанной блестящимъ бѣлымъ пескомъ.

Цѣлый конклавъ собрался на верандѣ, куда онъ направился съ бьющимся сердцемъ.

Въ центрѣ группы жестикулировала Фифина, обращаясь къ китайцу, который съ солидной апатіей, характеризующей его націю, раскидывалъ передъ нею вѣера изъ слоновой кости, игрушечныя пагоды и акробатовъ. M-me Делонэ, для которой еще не наступилъ юношескій періодъ дня, стояла у раскрытаго окна въ настоящемъ иностранномъ négligé (рѣдкая француженка бываетъ одѣта до полудня), а опершись на спинку кресла и рукой подпирая подбородокъ, устремивъ глаза въ желтое, цвѣта охры, лицо китайца, стоялъ идолъ Джоржа— Полина.

Безъ всякаго сомнѣнія, углеродъ и кислородъ, поддерживающіе жизнь этихъ двухъ существъ, должны были происходить изъ различныхъ источниковъ. Одни и тѣ же деревья и растенія не могли создать воздуха, которымъ они дышали, не

*

могли надѣлить одну нѣжнымъ и бѣлымъ, какъ камелія, личикомъ, а китайца отвратительнымъ—цвѣта дубленой кожи. Ея чудными блестящими глазами, въ которыхъ, казалось, отражалась ея непорочная душа, а китайца щелками, неувѣренно мигавшими на окружающихъ.

Съ черепа китайца свѣшивался безобразный хвостъ жесткой черной щетины; зачесанная съ бѣлой шейки Полины масса блестящихъ волосъ увѣнчиваетъ точно короной ея изящную головку.

Въ Австраліи установился обычай обсчитывать китайца. Если онъ запроситъ половину цѣны за свой товаръ, ему предложатъ четверть. Поэтому онъ долженъ перехитрить своихъ противниковъ, запрашивая вдвое и втрое, и затѣмъ уже соглашаясь на предлагаемую цѣну съ кажущимся равнодушіемъ.

Фифина, въ кокетливомъ чепцѣ, отзывающемся „Boulevard du Temple“, торгуетъ у него маленькій чайникъ по порученію m-me Делонэ.

— Сколько, Джонъ? говоритъ она вкрадчиво, поднося чайникъ къ носу китайца.

— Десять шиллинговъ.

— О! десять шиллинговъ, какъ же! довольно и трехъ? Хочешь три шиллинга? Больше никто не дастъ! Хочешь три шиллинга?

Китаецъ качаетъ головой.

— Не могу, никакъ не могу.

— Dites—donc, mamselle Pauline,—mais je vous demande un peu. Faut il se laisser piller par ce drole? [1])

Полина спѣшитъ на помощь.

— Оставьте, Фифина, я съ нимъ сдѣлаюсь.

— Ну, Джонъ... О! м-ръ Драфтонъ! откуда вы взялись? какъ поживаете? Я не подозрѣвала, что вы въ Сиднеѣ!

— Я пріѣхалъ только вчера вечеромъ, отвѣчаетъ Джоржъ, и глаза его принимаютъ то нѣжное выраженіе, котораго нѣкоторые мужчины не могутъ скрыть въ присутствіи любимой женщины.—Извините, я пойду, если позволите, и привяжу свою лошадь къ рѣшеткѣ веранды.

М-me Делонэ протягиваетъ ему руку съ яростью въ сердцѣ,

---

[1]) Послушайте, мамзель Полина, спрашиваю васъ. Неужели же дать себя ограбить этому бездѣльнику.

но въ голосѣ нечего не выражается, кромѣ вѣжливаго привѣтствія.

— Enfin, м-ръ Джоржъ! Вы застаете насъ *aux prises* съ жителемъ Небесной имперіи, какъ вы выражаетесь.

— Позвольте мнѣ уладить дѣло, отвѣчаетъ Джоржъ, выпустивъ ея руку.—Я привыкъ съ ними обращаться. Ну, Джонъ, за сколько продаешь это? Беретъ онъ чайникъ въ руки.

— Десять шиллинговъ.

— Десять чертей! Простите, миссъ Вейнеръ. Но съ ними иначе не сговоришь. Ты слишкомъ запрашиваешь, Джонъ! Никто не дастъ тебѣ и двухъ. Бери полкроны и давай чайникъ.

— Очень хорошо, отвѣчаетъ Джонъ тѣмъ же тономъ, какимъ бы принялъ и пять шиллинговъ или обѣщаніе, что ему отсѣкутъ голову въ тотъ же вечеръ.

— Садитесь, м-ръ Драфтонъ, говоритъ Полина, въ то время, какъ m-me Делонэ проходитъ въ гостиную съ сильной тревогой въ сердцѣ.

— Веранда—наша пріемная и любимое мѣстопребываніе лѣтомъ.

И дѣйствительно видно, что веранда служитъ для самыхъ разнообразныхъ цѣлей. Тутъ Пузырь зубритъ своего Олендорфа, и Полина вяжетъ букеты изъ душистыхъ азалій, которыя ставитъ въ вазы.

На одномъ концѣ веранда покрыта стекляннымъ навѣсомъ, подъ которымъ стоятъ горшки съ цвѣтами, и эта частьноситъ пышное названіе теплицы.

Джоржъ глядитъ на Полину и никакъ не можетъ сообразить, въ какомъ отношеніи она перемѣнилась, хотя перемѣна эта замѣтна. Ребенокъ, котораго онъ зналъ два года тому назадъ, превратился въ женщину. Полина съ своей стороны мысленно отмѣчаетъ три вещи, благопріятныя для Джоржа: что онъ сталъ шире въ плечахъ, загорѣлъ и не сосетъ больше, какъ прежде, рукоятку хлыстика.

— Ну-съ, м-ръ Драфтонъ, спрашиваетъ Полина съ шутливой насмѣшкой, которая до такой степени напоминаетъ прежнюю Полину, что смущеніе Драфтона мигомъ пропадаетъ,— вашъ дядюшка отпустилъ васъ на каникулы или вы сами отъ него убѣжали?

— Къ чему мнѣ отъ него бѣгать, когда я и безъ того такъ

рѣдко его вижу! Въ послѣдній разъ, какъ онъ пріѣзжалъ къ намъ въ помѣстье, мы такъ загоняли его по хозяйству, что онъ долго будетъ помнить.

— Боюсь, вы будете плохой опорой своего родственника въ его преклонныя лѣта. Прежде вы почтительнѣе о немъ отзывались. Но въ другихъ отношеніяхъ вы мало перемѣнились. Помните, я всегда говорила, что ощущаю потребность въ карманномъ словарѣ, когда разговариваю съ вами?

Джоржъ засмѣялся.

— О! это потому, что я употребляю въ разговорѣ американизмы. Это пустяки! это стиль янки, клянусь Георгіемъ! Еслибы вы послушали, какъ у насъ говорятъ въ Мельбурнѣ иные господа! они и безъ того впрочемъ совсѣмъ какъ янки.

— Что вы хотите сказать? по своему говору, или по своимъ идеямъ?

— О! по всему! Они любятъ тѣ же игры poker и enchre— и тѣ же напитки! Всѣ лучшіе спиртные напитки получаются изъ Америки.

Легкая тѣнь неудовольствія появляется на лицѣ Полины.

— Вы не увѣрите меня, что говорите серьезно, м-ръ Драфтонъ. Я не повѣрю, чтобы ихъ идеи олицетворялись въ спиртныхъ напиткахъ.

— Не сердитесь, миссъ Вайнеръ, отвѣчаетъ Джоржъ съ лукавымъ смущеніемъ. У меня у самого всѣ идеи въ головѣ перепутались. Я такъ ждалъ этого дня. Еслибы вы знали...

Голосъ измѣнилъ Джоржу на этомъ пунктѣ, и это придаетъ такую значительность его недоговоренной фразѣ, что дѣвушка спѣшитъ перебить его рѣчь съ испугомъ, къ которому примѣшивается нѣкоторое торжество.

Его тонъ служитъ для нея неожиданнымъ открытіемъ, но не вызываетъ въ ней отвѣтнаго чувства. Она старается перевести разговоръ на болѣе безопасную почву.

— Я велю отвести вашу лошадь въ конюшню, говоритъ она.

— О! ей и такъ хорошо.

— Не хотите ли краснаго вина съ водой, чтобы освѣжиться послѣ вашей поѣздки? или вы лучше хотите одного изъ тѣхъ напитковъ, о которыхъ только-что говорили съ такимъ восторгомъ?

— Я вовсе не восторгѣ отъ нихъ. Пусть мнѣ не попадетъ больше ни одной капли вина въ ротъ, если я люблю крѣпкіе

напитки! Я готовъ всю жизнь ничего не пить, кромѣ воды, лишь бы вы не думали, что я ихъ люблю.

— Я вовсе этого не думаю. Но вы мнѣ не сказали, что̀ вы желаете выпить.

— Ничего, честное слово. Я подожду васъ здѣсь на верандѣ.

Онъ всталъ съ мѣста и направился къ одной изъ колоннъ, за которой исчезла Полина, и сталъ хлопать по ней хлыстикомъ, въ видѣ аккомпанимента пѣсенкѣ, которую напѣвалъ про себя.

Его веселость была подавлена появленіемъ m-me Делонэ, неслышно подошедшей къ нему съ серьезнымъ, неулыбащимся лицомъ.

Она тоже нашла, что онъ сильно возмужалъ, съ тѣхъ поръ какъ она его видѣла. Борода и усы у него стали гуще. Ей показалось даже, что въ глазахъ его выражалось больше мысли, а лицо стало серьезнѣе.

Джоржъ боялся бабушки Полины и никогда не чувствовалъ себя съ нею въ своей тарелкѣ. Онъ смутно сознавалъ, что она не довѣряла его уму и характеру и пожалуй откажетъ ему въ рукѣ Полины.

— Я не дамъ ей запугать себя, храбрился онъ, я возьму быка за рога.

Онъ почтительно пододвинулъ ей кресло и предварительно прокашлялся. Онъ имѣлъ обыкновеніе называть ее „madame", потому что этимъ титуломъ ее величали домашніе и разъ, когда онъ назвалъ ее м-съ Делонэ, всѣ оглянулись на него съ такимъ негодующимъ удивленіемъ, какъ еслибы онъ назвалъ англійскую королеву „мистриссъ Альбертъ".

— Вы видите, madame, что мои намѣренія не измѣнились. Вы потребовали, чтобы я испыталъ себя — развѣ вы этого не помните—впродолженіи двухъ лѣтъ. Ну, и вотъ я пріѣхалъ объявить вамъ, что такъ же твердъ въ своемъ намѣреніи, какъ и прежде. Вы не будете мнѣ теперь препятствовать?

Онъ вертѣлъ въ рукахъ красный цвѣточекъ, сорванный имъ съ растенія, обвивавшаго рѣшетку веранды. Джоржъ не отличался спокойствіемъ манеръ. Когда онъ волновался, у него все приходило въ движеніе: руки, ноги и брови.

Англійскій языкъ окончательно измѣнилъ m-me Делонэ, теперь, когда ей предстояло отнять всякую надежду у Джоржа, не говоря ему обидныхъ вещей, а главное явно показать, что она вовсе не желаетъ его видѣть мужемъ своей внучки.

— Не будемъ спѣшить, м-ръ Жоржъ, не будемъ спѣшить!

— Не знаю, что по-вашему значитъ спѣшить. Когда у человѣка впродолженіи двухъ лѣтъ была одна только мысль на умѣ, не покидавшая его ни днемъ, ни ночью, то жестоко обезкураживать его какъ разъ въ ту минуту, какъ онъ считаетъ, что можетъ надѣяться на успѣхъ.

— Но неужели вы серьезно думаете, что будете счастливы съ Полиной?

Она не спросила, думаетъ ли онъ, что составитъ счастіе Полины. Раздѣляя мужчинъ, согласно правилу одного великаго французскаго романиста, на два класса: однихъ, которые понимаютъ женщинъ, и другихъ, которые ихъ не понимаютъ, она причисляла Джоржа къ послѣднимъ. M-me Делонэ самой досталось на долю рѣдкое счастіе быть подругой человѣка перваго разбора... человѣка, которому она была обязана счастіемъ въ лучшую пору жизни и который съумѣлъ до конца оставаться достойнымъ уваженія въ ея глазахъ.

Еслибы мужчины знали, какъ горько женамъ разочаровываться въ нихъ, открывая мало по малу всѣ тѣ непріятныя стороны, которыя старательно скрываются, пока они бываютъ женихами, они бы старались какъ можно долѣе поддерживать въ нихъ иллюзіи, тѣмъ болѣе, что это вовсе не такъ трудно. Обманывать женщинъ—очень легко, и плохая политика развѣнчивать идола, которому онѣ такъ охотно поклоняются!

Въ тонѣ голоса m-me Делонэ, когда она предлагала этотъ вопросъ, слышалось даже нѣчто грозное, такъ что Джоржъ невольно задумался.

— Я готовъ поставить на карту свою жизнь, отвѣчалъ онъ, и даю вамъ слово безпрекословно исполнять всѣ желанія миссъ Полины. У нея будетъ лучшая верховая лошадь въ околодкѣ и вѣрный другъ, который ее никогда не покинетъ.

Полина не слышала этой интересной программы ея будущей жизни. Она вышла изъ дому въ соломенной шляпѣ, широкія поля которой показались влюбленному Джоржу тѣмъ крыломъ, какой окружаетъ лики ангеловъ. Ангелъ Джоржа повелъ его играть въ крокетъ.

— Какой у васъ здоровый видъ, миссъ Полина, повторяетъ онъ въ третій разъ, не зная, въ какихъ словахъ выразить свое восхищеніе. Могу я называть васъ такъ, а не миссъ Вейнеръ.

— Вы, должно быть, ожидали найти меня на смертномъ

одрѣ, отвѣчаетъ она съ короткимъ смѣхомъ, если такъ удивляетесь тому, что я здорова. Вы похожи на бабушку: она очень была поражена намедни, когда одна старуха, страдающая ревматизмами и которой она хотѣла налѣпить пластырь, объявила ей, что совсѣмъ здорова и вовсе не нуждается въ ея лѣченьи. Да! называйте меня миссъ Полина, если хотите, хотя это напоминаетъ мнѣ нашего садовника. Но я не люблю также, когда меня зовутъ миссъ Вейнеръ.

— А вы помните, какъ я называлъ васъ два года тому назадъ? Я не позабылъ нашихъ прогулокъ верхомъ. Вы не можете себѣ представить, какъ часто я о нихъ думалъ... то были счастливѣйшіе часы въ моей жизни.

— Вы очень любезны, называя счастіемъ уроки верховой ѣзды весьма посредственной ученицы. Кого вы послѣ меня учили ѣздить верхомъ?

— Никого. Я бы не могъ никого учить послѣ васъ.

— Вотъ двусмысленный комплиментъ. Какъ же его понимать?

— О! вы понимаете, что я хочу сказать. Мнѣ не до комплиментовъ. Я цѣлыхъ два года не переставалъ думать о васъ. Я не могу долѣе молчать. Пожалуйста не уходите... умоляю васъ... не отнимайте у меня вашей руки. Полина, умоляю васъ, выслушайте меня! Съ первой минуты, какъ я васъ увидѣлъ, вы не выходили у меня изъ головы. Вы не можете себѣ представить, какъ я васъ люблю; я не считалъ даже возможнымъ такъ любить кого-нибудь...

Теперь Полина молчитъ. Быть можетъ, она не разслышала послѣднихъ его словъ. Она опустила голову, и Джоржу не видно ея лица изъ-подъ широкополой шляпы. Около ея горла бьется какая-то жилка, которой онъ прежде никогда не замѣчалъ.

Голосъ его сталъ тише прежняго.

— Вы не разсердились, миссъ Полина? Я уѣду, когда вы прикажете, но неужели вы не подадите мнѣ никакой надежды? Я вѣдь нарочно за этимъ пріѣхалъ въ Сидней.

Нѣтъ отвѣта.

Джоржу становится неловко. Онъ роетъ ямку въ пескѣ кончикомъ хлыстика.

Когда онъ заговорилъ, голосъ его звучалъ хрипло.

— Я вижу, мнѣ ничего больше не остается, какъ пойти и повѣситься! Боже мой! какъ тяжко полюбить всѣмъ сердцемъ и всей душой дѣвушку, которая холодна, какъ лёдъ.

Въ голосѣ его звучитъ столько искренней страсти, что Полина вскакиваетъ съ мѣста.

— Не надо, м-ръ Драфтонъ, не надо, говоритъ она на этотъ разъ съ мольбой въ голосѣ. Пожалуйста, оставьте это. Не лучше ли намъ вернуться, домой?

— Не надо чего? не надо говорить того, что у меня вертится на языкѣ, съ тѣхъ поръ какъ я сюда пріѣхалъ. Еслибы вы ждали такъ долго, какъ я, то сама бы заговорили. Но сказаннаго не воротишь. О, Полина! не прогоняйте меня, не губите меня!

Выраженіе мучительнаго недоумѣнія появляется на лицѣ Полины.

Она новичекъ въ любви и кромѣ того трусиха.

Въ смущеніи она теребитъ уголокъ кружевнаго платка, торчащаго изъ кармашка ея чернаго шелковаго передника и отвѣчаетъ, запинаясь:

— Мнѣ такъ грустно... за васъ, я хочу сказать. Я не виновата, если никого не люблю... по крайней мѣрѣ въ этомъ родѣ. Я никогда не любила и не буду любить, мнѣ кажется. Но будущаго никто не знаетъ. Забудемъ пока то, что вы сейчасъ сказали. Кто-то вотъ уже пять минутъ какъ кличетъ насъ.

Жоржъ усматриваетъ надежду въ ея отвѣтѣ.

Она уже далеко впереди, и ей на встрѣчу бѣжитъ кудрявый мальчикъ. Взявъ ее за руку, онъ идетъ рядомъ съ нею съ видомъ человѣка, которому возвратили его собственность.

— Какъ поживаете, молодой человѣкъ? снисходительно говоритъ Джоржъ, протягивая руку.

— Какъ вы поживаете, сэръ? отвѣчаетъ чопорно мальчикъ, приподнимая шляпу. Вы, кажется, знакомый Пол..... миссъ Вейнеръ. Я имѣю честь быть ея дядей съ материнской стороны.

При всѣхъ своихъ взволнованныхъ чувствахъ, Джоржъ не можетъ удержаться, чтобы не прыснуть со смѣху.

V.

Джемесина Крокеръ и ея мамаша были заняты важнымъ дѣломъ: онѣ подбирали по небольшому образчику сѣрой шелковой матеріи бахрому подходящаго цвѣта въ одномъ изъ самыхъ большихъ магазиновъ Сиднея.

Прикащикъ уже дважды оскорбилъ ихъ чувства, предложивъ бахрому такого оттѣнка, какой по ихъ понятіямъ вовсе не шелъ къ образчику. И м-съ Крохеръ замѣтила въ сторону—какъ это дѣлается на сценѣ—что людямъ съ неправильнымъ зрѣніемъ не слѣдовало бы служить въ прикащикахъ.

Можно себѣ представить поэтому, въ какомъ измученномъ состояніи эта лэди и ея дочь вернулись въ карету, куда ихъ подсадилъ швейцаръ магазина.

Первымъ дѣломъ было заглянуть въ дощечку изъ слоновой кости, висѣвшую въ боку, куда заносился списокъ необходимыхъ визитовъ.

— Визитъ къ Делонэ, томно проговорила м-съ Крокеръ, надо ѣхать, душа моя; твой отецъ настаиваетъ на этомъ. У этихъ людей возмутительные принципы, просто возмутительные, по-моему, но... они вездѣ приняты.

М-съ Крокеръ, супруга очень богатаго человѣка, женившагося на ней ради ея цвѣта лица, бѣлорозоваго, какъ у фарфоровой куколки, въ то время, какъ она учила орѳографіи и таблицѣ умноженія маленькихъ дѣтей, придавала очень большое значеніе общественному положенію своихъ знакомыхъ.

Миссъ Джемесина наслѣдовала отъ своей матери вмѣстѣ съ ея цвѣтомъ лица и ея образъ мыслей.

— Полина Вейнеръ не бываетъ и въ половинѣ тѣхъ домовъ, куда ее приглашаютъ! Право, трудно даже сказать, къ какому кругу она принадлежитъ. Она еще настоящимъ образомъ не начала выѣзжать въ свѣтъ.

— M-me Делонэ ничего не дѣлаетъ по-людски, отвѣчала мамаша, вообще склонная къ порицанію. У нея ужасныя понятія. Хорошо говорить твоему отцу, что она иностранка. Я увѣрена, между иностранцами есть такіе порядочные люди, какъ и англичане. Вотъ напримѣръ милая m-me Мерль, она даже грума своего не отпуститъ въ воскресенье, если онъ не скажетъ, въ какую церковь идетъ къ обѣднѣ. А она, кажется, швейцарка по происхожденію. И опять хоть тѣ гугеноты, которыхъ мы видѣли вчера въ оперѣ. Вѣдь это все историческія лица и, кажется, большинство изъ нихъ французы.

— Хорошо, мама; но не лучше ли рѣшить прежде, куда намъ ѣхать?

— О! визитъ въ „Beau-Séjour", Вильсонъ, сказала м-съ Крокеръ, и обѣ дамы откинулись къ подушкамъ экипажа, при-

нявъ позу, исполненную томной апатіи, усвоенной цивилизованнымъ обществомъ девятнадцатаго столѣтія.

Желѣзныя ворота „Beau-Séjour“ были заперты. М-съ Крокеръ сдвинула тонкія брови отъ досады.

— О! Боже мой! Боже мой! Джемесина? Какъ это скучно! не могу же я позволить тебѣ отпереть ворота подъ самыми окнами гостиной, и ужь, разумѣется, не позволю Вильсону ни на минуту сойти съ козелъ. На будущее время не буду ни подъ какимъ предлогомъ оставлять Питера дома. Что намъ дѣлать?

— Подождемъ какого-нибудь уличнаго мальчишку, предлагаетъ дочь.

Но мальчишка является въ образѣ молодаго человѣка верхомъ на рыжемъ съ золотистымъ отливомъ конѣ.

Джоржъ много выигрываетъ на сѣдлѣ. Онъ граціозно и ловко подъѣзжаетъ къ воротамъ и, отворивъ ихъ, пропускаетъ карету, приподнявъ шляпу передъ дамами.

Появленіе Джоржа усилило румянецъ на бѣлорозовыхъ щечкахъ миссъ Джемесины, а ея мамаша соображаетъ, что услуга этого молодаго человѣка ихъ ни къ чему не обязываетъ, и если онъ окажется изъ такихъ же „оригиналовъ“, какъ эти Делонэ, то онѣ могутъ его и не узнать.

Но Джоржъ не пошелъ за ними въ гостиную. Онъ повелъ сначала лошадь въ конюшню.

Старое лицо m-me Делонэ, смягчаемое кружевомъ, накинутымъ на голову и прикрашенное стараніями искусства, которое она съ успѣхомъ защитила бы съ эстической точки зрѣнія, представляло поразительный контрастъ съ поблекшими прелестями м-съ Крокеръ.

И почти такой же контрастъ существовалъ между обѣими дѣвушками.

Ясные голубые глаза Джемесины, розовыя щечки, бѣлый гладкій лобъ съ синими жилками и волосы, свѣтлые какъ ленъ, невольно наводили на сравненіе съ цвѣтомъ, требующимъ ухода и холи. Джемесина съ растрепавшимися волосами, загорѣлой кожей, раскраснѣвшимся лицомъ, была бы такъ же не привлекательна, какъ кукла, свѣжесть которой пострадала отъ неосторожнаго обращенія ея обладательницы.

Джемесина принадлежала къ эпохѣ Людовика XV,—эпохѣ Вато, Буше и фарфоровыхъ куколокъ.

Красоту Полины нельзя было пріурочить къ какому-нибудь опредѣленному періоду. Въ старинныя времена великіе коло-

ристы, какъ Тиціанъ и Да-Винчи, любили теплый, красноватый оттѣнокъ, какой былъ въ волосахъ, бровяхъ и глазахъ Полины. Въ лицѣ ея отсутствовала краска, за исключеніемъ румяныхъ губъ. Для нея не надо было придумывать, какъ для Джемесины, подходящей рамки. Поставьте на плоту мыть бѣлье—самое невыгодное положеніе для женщины, какое только можно придумать—или пошлите ее пасти гусей, какъ принцессу Гримма, вы не сотрете лежащаго на ней отпечатка благородства. Когда человѣческая раса была еще молода и богата фантазіей, когда поэзія и суевѣріе не подвергались еще анализу холоднаго разума; когда вмѣсто пошлыхъ и скучныхъ духовъ, которыхъ современные люди открываютъ въ столахъ и стульяхъ, мечтательные дѣти природы видѣли нимфъ, увѣнчанныхъ листьями въ каждомъ деревѣ, тогда рѣшили бы, что богиня осени съ гамадріадами окружала колыбель Полины.

Какъ героиня Теннисона, одѣтая въ бѣломъ, которое къ ней удивительно какъ шло, она вышла на веранду къ своему настойчивому поклоннику. Бабушка, проходя мимо нея въ гостиную, замѣтила ей мимоходомъ:

— Этотъ молодой человѣкъ держитъ себя на положеніи *ami de la maison*. Поди, дитя мое, попроси его войти, и поскорѣе возвращайся.

Лицо Джоржа, менѣе чѣмъ какое-либо другое въ свѣтѣ способное не выдавать тайны души, все просіяло при видѣ Полины.

Выраженіе его было такъ краснорѣчиво, что Полинѣ стало неловко. Она сухо передала порученіе m-me Делонэ.

— Бабушка проситъ васъ немедленно пожаловать въ гостиную, м-ръ Драфтонъ.

И рѣшительно направилась къ двери. Джоржъ пошелъ за нею, и въ длинномъ зеркалѣ, приходившемся какъ разъ напротивъ дверей въ гостиную, отразилось лицо человѣка, безнадежно влюбленнаго. Отъ наблюдательности миссъ Джемесины такія вещи не могли укрыться. Она быстро переводитъ взглядъ съ Джоржа на Полину, но холодное лицо дѣвушки не выражаетъ никакого волненія. M-me Делонэ, наблюдавшая за Джоржемъ, когда онъ шелъ за Полиной, съ трудомъ владѣетъ собой настолько, чтобы представить Джоржа своимъ гостямъ.

— М-съ Крокеръ, позвольте представить вамъ м-ра Драфтона. Миссъ Крокеръ, м-ръ Драфтонъ. Садитесь пожалуйста, м-ръ Драфтонъ. Полина, дитя мое, м-съ Крокеръ говоритъ

мнѣ, что принцъ, сынъ англійской королевы, долженъ скоро прибыть въ Сидней. Многія молодыя особы будутъ представлены ему, чтобы присутствовать на празднествахъ, устроеваемыхъ по этому случаю. Не желаешь ли ты быть въ ихъ числѣ?

— Я увѣрена, что миссъ Вейнеръ слишкомъ вѣрноподданная особа, чтобы не сказать „да". Подумайте: вѣдь мы будемъ первыми колонистками, которыхъ онъ увидитъ! Это большая радость, разумѣется, но и большая отвѣтственность, знаете! Одинъ изъ джентльменовъ, членъ комитета, завѣдывающаго устройствомъ пріема, спрашивалъ меня недавно за обѣдомъ у губернатора.—Что вы намъ посовѣтуете, м-съ Крокеръ? Посовѣтую, отвѣчала я, Боже мой! да я бы вымостила золотомъ улицы, по которымъ онъ будетъ проѣзжать.

— Это былъ бы хорошій способъ ввести его въ заблужденіе, онъ бы подумалъ, что все населеніе лежитъ передъ нимъ во прахѣ, замѣтила Полина. Какое бы поднялось смятеніе. Я бы первая бросилась вырывать золото изъ земли.

М-съ Крокеръ чуетъ насмѣшку и недостатокъ уваженія въ такомъ прозаическомъ взглядѣ на ея предложеніе.

— О! дорогая миссъ Вейнеръ, я увѣрена, никого не понадобится подкупать, чтобы заставить преклониться до земли, когда поѣдетъ его высочество! Я никогда не забуду, что я чувствовала въ тотъ достопамятный мигъ, когда увидѣла ея величество. Я успѣла только замѣтить кончикъ ея шляпки, потому что, когда карета проѣзжала мимо меня, я буквально лишилась чувствъ.

— Вотъ была бы штука, когда бы то была вовсе не королева, замѣтилъ Джоржъ наивно; каждая женщина въ шляпкѣ сошла бы въ такомъ случаѣ за королеву.

— Вы ошибаетесь, м-ръ Джоржъ, угрюмо замѣтила m-me Делонэ. Короли и королевы родятся на свѣтъ со скипертомъ. Если паче чаянія его нѣтъ въ ихъ рукахъ, то онъ такъ крѣпко запечатлѣнъ въ умѣ людей, что все равно мерещится имъ. Такимъ образомъ, очевидно, монархи созданы иначе, чѣмъ мы. Я тоже, будучи молодой, видѣла Карла X за обѣдомъ. У него былъ очень хорошій аппетитъ, и меня это порадовало за него.

М-съ Крокеръ смутно чувствуетъ, что если она останется долѣе, то хорошенькія ушки Джемесины будутъ осквернены гнусными принципами или отсутствіемъ принциповъ у этой француженки. Она бы пожалѣла Полину, да только увѣ-

рена (м-съ Крокеръ всегда въ чемъ-нибудь увѣрена), что она не лучше бабушки. Какъ можетъ кто-нибудь восхищаться ею — загадка для м-съ Крокеръ. Блѣдная, неинтересная особа, натянутая и скучная, съ густой рыжеватой косой, вотъ и все. Чѣмъ тутъ восхищаться, Боже мой!

Все это она думаетъ и соображаетъ, богатъ Джоржъ или нѣтъ. М-съ Крокеръ охотно подписалась бы на газету, которая, по увѣреніямъ шутниковъ, издается на американскихъ водахъ и содержитъ подробныя свѣдѣнія объ общественномъ положеніи и денежныхъ средствахъ всѣхъ посѣтителей.

Какъ удобно было бы навѣрное знать, какую порцію любезности заслуживаетъ каждый, кого мы видимъ! Какъ затруднительно не имѣть путеводной нити при сношеніяхъ съ незнакомыми людьми и не знать стоятъ они улыбки и ласковой интонаціи въ голосѣ, или нѣтъ?

Въ то время какъ миссъ Крокеръ и Полина занимаютъ m-me Делонэ перечисленіемъ баловъ, которые предполагается дать въ честь герцога Эдинбургскаго, м-съ Крокеръ осторожно экзаменуетъ Джоржа.

— Какъ жарко, м-ръ Драфтонъ, не правда ли?

— Честное слово, отвѣчаетъ тотъ, закидывая ногу на ногу, въ Мельбурнѣ еще жарче. У насъ много толкуютъ про жару въ Сиднеѣ, но, право, я нахожу, что нѣтъ никакого сравненія между здѣшней жарой и тѣмъ, какъ бываетъ у насъ на Муррeѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ, хватается м-съ Крокеръ за представляющійся удобный случай узнать подноготную Джоржа, пріятно слышать, что гдѣ-нибудь бываетъ жарче, чѣмъ у насъ. Вы живете въ самомъ Мельбурнѣ, м-ръ Драфтонъ?

— Нѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ управляю имѣніемъ дяди.

— А могу я спросить имя вашего дяди? М-ръ Крокеръ многихъ знаетъ въ Мельбурнѣ.

Джоржъ старается какъ можно равнодушнѣе произнести привычную фразу:

— Джосія Карпъ, вотъ имя моего дяди, фирма Карпъ, Кевиль и К°. Я думаю, что вы о немъ слышали.

Слышала ли она? М-съ Крокеръ въ восторгѣ! Впервые замѣчаетъ она, какой красивый джентльменъ м-ръ Драфтонъ. Да и можетъ ли быть некрасивъ и не джентльменъ племян-

никъ бездѣтнаго дяди, стада котораго обширнѣе, чѣмъ стада Авраама.

Можно было бы подумать, что голосъ м-съ Крокеръ подвергся какой-то внутренней операціи—до того онъ измѣнился, сталъ мягче, нѣжнѣе, пѣвучѣе.

— Я въ восторгѣ, м-ръ Драфтонъ, что встрѣтила васъ. Джемесина, милая, упроси m-me Делонэ и миссъ Вейнеръ присоединиться къ нашей небольшой компаніи въ четвергъ... и я надѣюсь, м-ръ Драфтонъ, вы тоже пріѣдете, безъ церемоніи. М-ръ Крокеръ пріѣдетъ васъ пригласить. Наша молодежь такъ любитъ пикники... вѣрно и m-me Делонэ тоже. Прошу васъ собраться всѣмъ семействомъ, m-me Делонэ, будьте такъ любезны, не откажите мнѣ.

— Вы очень добры, м-съ Крокеръ, отвѣчаетъ m-me Делонэ такъ привѣтливо, какъ только можно. Полинѣ будетъ очень пріятно участвовать въ вашемъ *fête champêtre*. Что касается меня, то я не выѣзжаю и не могу стѣснять васъ обществомъ моего сына. Онъ не въ такомъ еще возрастѣ, чтобы его присутствіе было пріятно.

— О! намъ нуженъ Пузырь для того, чтобы смотрѣть за племянницей, пошутила м-съ Крокеръ, и всѣ разсмѣялись.

Послѣ чаю гости встали и стали прощаться.

Въ то время какъ Полина позвонила, чтобы приказать Фифинѣ проводить гостей, Джемесина устремила свои бирюзовые глаза съ такимъ наивнымъ и плѣнительнымъ выраженіемъ на Джоржа, бросившагося отворять дверь гостиной, что тотъ подумалъ:

— Какая чертовски хорошенькая дѣвушка! и совсѣмъ не недотрога! Что это право за несчастная моя звѣзда! надо же мнѣ втюриться въ Полину, которая и глядѣть на меня не хочетъ!

Онъ былъ такъ преисполненъ чувства обиды, что по отъѣздѣ Крокеровъ угрюмо простился и тоже уѣхалъ. Полина въ присутствіи бабушки съ непритворнымъ дружелюбіемъ простилась съ нимъ.

— Сегодня вторникъ, размышлялъ Джоржъ, возвращаясь въ Сидней. Въ четвергъ я увижу ее на пикникѣ и клянусь честью, если не заставлю ее сказать мнѣ „да", то покажу, что меня нельзя долѣе дурачить. Мнѣ кажется, у ней такъ же мало чувства, какъ у этой лошади. Я ни на одну женщину не глядѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ ее, но ей, кажется,

нѣтъ рѣшительно никакого дѣла до этого. Честное слово, я иногда понимаю людей, про которыхъ мнѣ случалось читать, убивавшихъ любимую женщину, а затѣмъ и самихъ себя. Все же такимъ способомъ они какъ бы завладѣваютъ ею.

VI.

Въ четвергъ утромъ, когда назначенъ былъ пикникъ м-съ Крокеръ, стоялъ густой туманъ, предвозвѣстникъ въ Австраліи или сильнаго зноя или дождя. Когда этотъ туманъ, окутывавшій всю окрестность, сталъ мало-по-малу расходиться, то обитателямъ виллы „Beau Séjour“ казалось, какъ будто по-немногу удаляютъ газовую завѣсу, употребляемую въ театрахъ при перемѣнѣ декорацій, сквозь которую смутно видно великолѣпную сцену.

Прежде всего появились темныя и блестящія группы апельсинныхъ деревьевъ, усыпанныхъ бѣлыми цвѣтами и золотыми фруктами; сзади выступала линія морскаго берега, блестѣвшаго, какъ серебряная лента, на темно-синемъ морѣ, терявшемся вдали и сверкавшемъ разноцвѣтными искрами.

Полина, наблюдавшая эту сцену съ верхняго балкона, куда выходила стеклянная дверь ея спальни, пришла въ неописанный восторгъ, изъ котораго ее вывелъ жалобный голосокъ Пузыря.

Полина неизмѣнный защитникъ Пузыря и способна была бы разыграть роль мальчика, воспитывавшагося вмѣстѣ съ принцемъ и котораго наказывали, когда его королевское высочество не зналъ урока.

Полина слышитъ, какъ m-me Делонэ объявляетъ:

— Какъ хочешь, Эрнестъ! ты не поѣдешь, если не выучишь урока и не скажешь мнѣ его. Это возьметъ не больше четверти часа времени, если только ты хорошенько постараешься.

Пузырь взглядываетъ на Полину; въ рукахъ у него географія, и онъ какъ бы взываетъ о помощи; Полина немедленно откликается на призывъ.

— Бабушка, развѣ вы не согласны, что расположеніе духа играетъ такую же роль въ ученьи, какъ и память? Я знаю, что въ другое время Пузырь легко выучитъ цѣлую страницу въ четверть часа, но теперь ему трудно сосредоточиться. Позвольте ему отдохнуть сегодня, и завтра онъ нагонитъ потерянное время.

— Еслибы я могла поручиться за будущее моего ребенка, печально говоритъ m-me Делонэ, то устроила бы ему веселое и беззаботное дѣтство. Но съ тѣмъ именно, чтобы смягчить ему страданія, неизбѣжныя въ жизни, я хочу съ раннихъ поръ научить его владѣть собою. Твой недостатокъ, Полина, заключается именно въ томъ, что ты желала бы всѣмъ на свѣтѣ усладить жизнь. Боязнь огорчить м-ра Драфтона мѣшаетъ тебѣ сказать ему правду. Скажи ему смѣло, что ты его не любишь. Онъ будетъ оскорбленъ, будетъ страдать, поплачетъ, можетъ быть, но все же это честнѣе, добросовѣстнѣе, чѣмъ убаюкивать его надеждой, которая никогда не осуществится.

— Быть можетъ, онъ больше не станетъ говорить со мной объ этомъ, бабушка. Я держусь на сторожѣ, и если онъ еще разъ заведетъ объ этомъ рѣчь, я скажу, что очень сожалѣю, но никого не могу любить такъ какъ онъ хочетъ, и можетъ быть онъ тогда поищетъ счастія съ другой женщиной.

Если бы Полина, независимо отъ того неопредѣленнаго чувства, какое ей внушалъ сэръ Френсисъ Сигревъ, понимала, что значитъ полюбить нераздѣльно и безповоротно одно существо въ мірѣ, она бы не относилась такъ легко къ любви Джоржа.

Съ своей стороны m-me Делонэ гораздо лучше понимала состояніе его души, но готова была всѣмъ на свѣтѣ пожертвовать, лишь бы помѣшать замужеству Полины въ настоящее время. Ее грызли раскаяніе и тревога,—раскаяніе въ томъ, что она ошиблась въ оцѣнкѣ характера Джоржа и думала, что онъ не вернется по истеченіи двухъ лѣтъ,—тревога, потому что онъ оказался такъ настойчивъ, а она не могла придумать предлога, чтобы нарушить данное слово, позволить ему, по истеченіи искуса, высказать свою любовь Полинѣ и искать ея руки. Единственное утѣшеніе было въ очевидномъ равнодушіи Полины къ своему поклоннику, и m-me Делонэ благоразумно воздерживалась отъ всякаго вмѣшательства, опасаясь, какъ бы ея оппозиція не подогрѣла апатію Полины, и она бы не вообразила, что влюблена.

Что въ настоящую минуту никто не могъ соперничать съ Пузыремъ въ обладаніи сердцемъ Полины, стало бы очевидно для каждаго, кто увидѣлъ бы ее теперь съ маленькимъ мальчикомъ въ гостиной. Раскрытый учебникъ лежалъ у нея на колѣняхъ.

— Послушай, голубчикъ, я сяду играть на фортепіано и

не поѣду, пока ты не выучишь урока. Мы оба станемъ учиться и если хочешь, то пастушка будетъ учиться также, и я увижу, кто изъ васъ лучше выучитъ урокъ.

Пастушка была куколка изъ севрскаго фарфора, много лѣтъ уже улыбавшаяся пастуху изъ китайскаго фарфора, стоявшему по другую сторону часовъ на каминѣ. Окаменѣлое выраженіе нѣжности на лицѣ у пастуха было такъ трогательно, что только каменное сердце пастушки мѣшало ей давно осчастливить его.

Полина къ играхъ съ Пузыремъ оживляла всѣ предметы въ гостиной бабушки, полной реликвіями былыхъ дней. Толстыя китайскія вазы напримѣръ были привезены изъ Китая ея прадѣдомъ, іезуитомъ, въ тѣ еще дни, когда Небесная имперія представлялась таинственнымъ и волшебнымъ царствомъ.

Фантазія Полины вызывала къ жизни фарфоровыя куколки, украшавшія каминъ, и Пузырь воображалъ, что онѣ рвутъ по ночамъ фантастическіе цвѣты на вазахъ и украшаютъ ими севрскую пастушку. Три граціи изъ алебастра, поддерживавшія раззолоченные часы на каминѣ, кружились по комнатѣ въ бѣшеномъ вальсѣ, а рѣзныя фигуры на старомъ дубовомъ шкапу вытягивали шеи, чтобы лучше видѣть фантастическій танецъ.

Вся обстановка дома способствовала подобнымъ грёзамъ. Комната была высока и просторна, въ ней царствовалъ всегда полумракъ, и все убранство принадлежало иной эпохѣ. Изъ новѣйшихъ вещей въ ней находился только рояль, да софа, такъ хитро устроенная, что люди, садившіеся на нее, вынуждены бывали сидѣть спиной другъ къ другу.

Прошло двадцать минутъ.

— Спроси, знаетъ ли пастушка урокъ! восклицаетъ Пузырь, раскраснѣвшійся и торжествующій, вынимая изъ ушей пальцы, которыми они были заткнуты, и переставъ распѣвать про предметы ввоза и вывоза въ Капштадтѣ.

Полина оглядывается черезъ плечо и пробѣгаетъ первыя три-четыре строчки, и съ серьезнымъ лицомъ снимая пастушку съ камина, держитъ ее передъ собой и наскоро бормочетъ:

— Шерсть — самый главный предметъ вывоза; звѣриныя шкуры, мѣдная руда, страусовыя перья, слоновая кость, вино. Населеніе...

— Извините, я дальше не знаю.

— Стыдитесь, пастушка! очень дурно, миссъ. Потвердите

еще вашъ урокъ. Какъ ты думаешь, Пузырь, ты лучше ея знаешь свой урокъ?

Вмѣсто отвѣта, Пузырь бросаетъ книжку на руки Полины и, нервно перебирая руками блузу, скороговоркой отвѣчаетъ урокъ. Потомъ опрометью бросается къ бабушкѣ, словно боясь, какъ бы не позабыть того, что только-что выучилъ.

Полина стоитъ около него и безсознательно шевелитъ губами, слушая, какъ онъ отвѣчаетъ урокъ. Какъ счастливы они оба, когда учебникъ географіи ставится на полку около Оллендорфа и другихъ, и имъ не предстоитъ больше никакого иного испытанія, кромѣ завтрака, прежде чѣмъ отправиться на пикникъ Крокеровъ.

Джоржъ тѣмъ временемъ одѣвается въ гостинницѣ съ безцѣльной торопливостью раздраженнаго и несчастнаго человѣка. Вчера онъ игралъ въ карты въ Австралійскомъ клубѣ и много проигралъ. Трехъ или четырехъ часовъ безпокойнаго сна было недостаточно, чтобы изгладить морщины, которыя собрались за ночь на его лбу. Онъ игрокъ по страсти и по привычкѣ, но ему недостаетъ хладнокровнаго самообладанія природнаго и профессіональнаго игрока.

Его раздражаютъ потери, и глаза и руки выдаютъ раздраженіе. Уже почти разсвѣло, когда его компанія разошлась. Первые слабые лучи солнца уже проникали въ освѣщенную газомъ комнату. Чистый мягкій свѣтъ лился съ востока. Джоржъ раскрылъ окно по уходѣ товарищей. Густой багрянецъ разливался по горизонту вперемежку съ золотистыми пятнами, еще окутанными дымкой. Недокуренныя сигары еще дымились на тѣхъ мѣстахъ, куда были брошены. Груды картъ въ безпорядкѣ валялись на грязномъ столѣ. Кругомъ пролита была водка съ водой и насыпано много табачнаго пеплу.

Джоржъ не курилъ, и сигарный дымъ былъ ему противенъ. Стоя у раскрытаго окна и невольно соединяя мысль о Полинѣ съ чистымъ воздухомъ, доносившимся со двора, онъ горько думалъ о своей несчастной долѣ.

— Говорятъ: „несчастливъ въ картахъ, счастливъ въ любви", но, ей-Богу, мнѣ, кажется, не везетъ ни въ томъ, ни въ другомъ.

Дурное расположеніе духа не разсѣялось отъ того, что онъ нашелъ письмо отъ м-ра Карпа на каминѣ своей спальни, когда вернулся къ себѣ въ гостинницу. Онъ повертѣлъ письмо

въ рукахъ и съ любопытствомъ поглядѣлъ на почтовый штемпель, прежде чѣмъ распечатать.

Въ первой половинѣ письма говорилось только о хозяйственныхъ улучшеніяхъ. Но вторая половина заставила Джоржа непріятно задуматься.

— „Я слышу, что ты затѣялъ влюбиться. Мнѣ нѣтъ дѣла до того, на комъ ты женишься, но я долженъ тебѣ напомнить поговорку: — когда бѣдность стучится въ дверь, любовь улетаетъ въ окно. Имѣющій уши слышати, да слышитъ“.

Орѳографія м-ра Карпа была достойна его каллиграфіи.

— Что онъ хочетъ сказать? подумалъ Джоржъ.—Я бы желалъ, чтобы этотъ старый хрычъ былъ у меня теперь подъ руками, я бы вытянулъ правду изъ его глотки. Я бы заставилъ его говорить прямо, а не то свернулъ бы ему шею. Неужто онъ воображаетъ, что я работаю на него, какъ волъ, даромъ? Или же, старая скотина, самъ задумалъ жениться? Пусть попробуетъ, я ему покажу!

Но, однако, отъ такого предположенія холодный потъ выступилъ на лбу у Джоржа. Хотя слѣдуетъ признаться, что чувства его къ м-ру Карпу были далеко не сыновняго свойства, но онъ привыкъ смотрѣть на себя въ нѣкоторомъ родѣ, какъ на пріемнаго сына м-ра Карпа, и невольно надѣялся, что современемъ богатство послѣдняго перейдетъ къ нему въ руки. Всѣ знакомые поддерживали въ немъ эту мысль; хотя, говоря правду, она и безъ того крѣпко въ него засѣла.

— Хотѣлъ бы я быть на твоемъ мѣстѣ, дружище, часто говорили ему пріятели; — ты протрешь денежкамъ глаза, когда старикъ отправится къ праотцамъ.

И хотя Джоржъ протестовалъ противъ такихъ милыхъ шутокъ, однако усмѣхался и про себя соображалъ, долго ли еще проживетъ его дядя.

Итакъ въ описываемое нами утро, въ то время, какъ Полина съ Пузыремъ весело шли къ мѣсту сборища, Джоржъ мрачно ѣхалъ туда же, повторяя въ сотый разъ, что не станетъ долѣе выносить муку ожиданія.

Досада его чуть-ли не усилилась, когда, прибывъ къ Крокерамъ, онъ увидѣлъ, какъ весела и счастлива Полина. Она унаслѣдовала спеціально французскій ротикъ, съ приподнятыми уголками губъ, придающими имъ насмѣшливое выраженіе.

По распоряженію м-съ Крокеръ, Полину усадили съ Пу-

зыремъ въ линейку вмѣстѣ съ цѣлымъ роемъ разряженныхъ миссъ и кавалеровъ, подъ эгидой престарѣлой матроны. Джоржъ мрачно ѣхалъ верхомъ позади линейки, все еще занятый своими несчастіями...

Каждый знаетъ, что главная цѣль всякаго пикника — это ѣда. Утесы, поросшіе мхомъ, серебристыя воды ручьевъ, тѣнистыя рощи и луга, пестрѣющіе цвѣтами—все это аксессуары. Они составили пріятную рамку для холодной индѣйки, салата изъ омара, майонеза, земляники со сливками, замороженнаго шампанскаго и другихъ деликатессовъ этого рода, припасенныхъ м-съ Крокеръ.

Но даже ломтикъ отличнаго *pâté de foie gras* не можетъ хоть сколько-нибудь утѣшить Джоржа. Онъ точно переживаетъ злой сонъ. Полина тутъ, но избѣгаетъ его. Когда онъ поворачивается, чтобы съ нею заговорить, жалобный голосокъ Джемесины воркуетъ:

— Налейте мнѣ, пожалуйста, стаканъ краснаго вина, м-ръ Драфтонъ, и положите кусокъ льду!

Часы проходятъ. Даже и на пикникѣ рано или поздно перестаютъ ѣсть. Публика группами, по-двое и по-трое, бродитъ тамъ и сямъ. М-съ Крокеръ вдругъ прониклась такой симпатіей къ Полинѣ, что не отпускаетъ отъ себя „милую сиротку". М-съ Крокеръ отлично видитъ пару темныхъ глазъ, взглядъ которыхъ слѣдитъ за каждымъ движеніемъ Полины. Она видитъ также, что Полинѣ смерть какъ хочется побѣжать къ морю, лѣниво грѣющемуся на солнышкѣ, но у м-съ Крокеръ есть дочь невѣста, а Джемесина сказала ей передъ отъѣздомъ:

— Знайте, мама, что для меня весь день будетъ испорченъ, если мнѣ придется занимать миссъ Вейнеръ. Пожалуйста, займитесь ею, а я возьму на свое попеченіе всѣхъ остальныхъ.

И такъ какъ Талейранъ не даромъ сказалъ, что рѣчь дана намъ не за тѣмъ, чтобы скрывать наши мысли, то миссъ Джемесина не могла искуснѣе дать знать матери, что она хочетъ, чтобы та не давала ходу Полинѣ.

М-съ Крокеръ поняла и успокоила дочь.

— Я увѣрена, дорогое дитя, ты никого не обойдешь. А миссъ Вейнеръ предоставь мнѣ. Я не дамъ этой бѣдной сироткѣ почувствовать, что ею не занимаются, будь спокойна.

Такимъ образомъ миссъ Крокеръ предоставлено было свободное поле дѣйствія, и въ тотъ моментъ, какъ она отчаялась

занести Джоржа въ списокъ своихъ обожателей, онъ сталъ помышлять объ отъѣздѣ. Послали развѣдчиковъ скликать безпечныхъ, отдалившихся отъ остальной компаніи, и мѣшки съ сѣномъ безжалостно убраны изъ-подъ носу жующихъ лошадей.

Пузырь на свой ладъ наслаждался прогулкой. Онъ мѣрилъ стволы деревьевъ, бѣгалъ отъ Полины къ морскому берегу, гдѣ собиралъ раковины и прибѣгалъ къ ней хвастаться добычей. А теперь стоитъ и съ интересомъ наблюдаетъ, какъ кучеръ м-съ Крокеръ, съ ловкостью привычнаго къ дѣлу человѣка, запрягаетъ большую лошадь въ четырехъ-колесный двухмѣстный кабріолетъ.

— Слушайте, юный джентльменъ, говоритъ кучеръ, выплевывая соломенку изо рта и обращаясь къ Пузырю съ обычной въ колоніяхъ свободой рѣчи.—Будьте такъ обязательны, сядьте на козлы и подержите возжи, пока я пойду уберу посуду и съѣстные припасы. Кларенсъ будетъ стоять смирно, вы только не выпускайте возжей изъ рукъ, слышите! Одолжите добраго человѣка!

Пузырь доволенъ, какъ король. Кучеръ сажаетъ его на козлы, вкладываетъ въ его дѣтскіе пальчики возжи и оставляетъ улыбающимся и торжествующимъ.

Черезъ нѣкоторое время Кларенсъ начинаетъ тереться ушами о дышло, точно мухи досаждаютъ ему. Пузырю это кажется очень забавно, но возжи выпадаютъ изъ его жирныхъ ручекъ. Кларенсъ все сильнѣе и сильнѣе трется головой, и кабріолетъ подпрыгиваетъ на мѣстѣ.

Пузырю было бы пріятнѣе, чтобы Кларенсъ стоялъ смирно.

— Ну, ну, Кларенсъ, говоритъ онъ успокоительно.—Будь доброй лошадкой.

Но Кларенсъ сопитъ и трясетъ головой, не внимая наставленію. Пузырь видитъ, что шоры почти слѣзли съ его головы и ловитъ взглядъ налитаго кровью и бѣшенаго глаза лошади. Тутъ Пузырь не выдерживаетъ и отчаянно взываетъ:—снимите меня! пожалуйста снимите меня! мнѣ страшно! Полина!

Полина, которую отпустила наконецъ на волю м-съ Крокеръ, стоитъ въ толпѣ молодежи, собирающейся играть въ какую-то игру, когда отчаянный крикъ Пузыря долетаетъ до ея ушей, и она бросается къ нему въ ужасѣ и прежде чѣмъ кто-нибудь сообразилъ, въ чемъ дѣло.

Она видитъ ребенка съ широко раскрытыми отъ испуга

глазами и блѣднымъ личикомъ на козлахъ кабріолета во власти бѣшеной лошади, и этотъ мигъ кажется ей цѣлой вѣчностью: ея любимецъ въ страшной опасности, это не сонъ! катастрофа, постоянно мерещившаяся ей, какъ какой-то кошмаръ, наконецъ, наступила! Она видитъ, что лошадь совсѣмъ обезумѣла отъ ярости... еще минута, и она бросится вмѣстѣ съ кабріолетомъ внизъ съ утеса. Она протягиваетъ руки, чтобы остановить ее съ опасностью жизни. Но прежде чѣмъ она успѣла пожертвовать собой, Джоржъ очутился около нея.

— Отойдите, Полина!—командуетъ онъ, рѣзкимъ и повелительнымъ голосомъ, и, отталкивая ея руку, бросается къ кабріолету. Онъ подоспѣваетъ какъ разъ во-время. Кларенсъ, дергая кабріолетъ, который раскачивается, какъ колыбель, пускается вскачь, но двѣ сильныя руки хватаютъ его за поводья, и начинается неравная борьба.

Лошадь сильнѣе человѣка—съ этимъ каждый согласится, но немногіе знаютъ, какъ велика въ дѣйствительности сила лошади. Поднявшись на дыбы, Кларенсъ приподнимаетъ съ земли Джоржа, между тѣмъ, какъ ребенокъ скатывается съ козелъ на полъ кабріолета и изо всѣхъ силъ цѣпляется ручонками за сидѣнье.

— Держись крѣпче, малютка, смотри не выскочи изъ кабріолета! кричитъ Джоржъ, въ то время, какъ Кларенсъ даетъ такой толчокъ кабріолету, что одно изъ его крыльевъ разлетается въ дребезги.

Все это совершается такъ быстро, что никто не успѣваетъ придти на помощь Джоржу. Изъ группы молодыхъ дѣвицъ доносятся слабые крики.

Два или три молодыхъ человѣка, находящіеся около нихъ, не торопятся помочь Джоржу.

— Его убьетъ лошадь, если онъ не поостережется, говорятъ они, въ то время какъ Кларенсъ другимъ отчаяннымъ прыжкомъ чуть не свалилъ съ ногъ Джоржа, ударивъ его дышломъ въ бокъ съ такой силой, что мертвенная блѣдность разливается у него по лицу.

— О! позвольте Эрнесту соскочить ко мнѣ на руки и бросьте лошадь! молитъ Полина.

Очевидно, что Джоржу одному не справиться. Молодые люди дѣлаютъ шагъ впередъ; кучеръ бѣжитъ со всѣхъ ногъ, но Джоржъ побѣдилъ! Онъ передаетъ усмиренную лошадь кучеру, видитъ, какъ Полина заливается слезами радости, въ то

время, какъ мальчикъ прыгаетъ къ ней на руки, и затѣмъ туманъ скрываетъ изъ его глазъ кабріолетъ и все окружающее и онъ слышитъ, какъ чей-то голосъ говоритъ:

— Съ нимъ обморокъ! помогите мнѣ снести его подъ это дерево!

Когда затѣмъ Джоржъ открываетъ глаза, то видитъ надъ головой голубое небо, просвѣчивающее сквозь зеленую листву. Онъ лежитъ безъ сюртука и жилета, и рубашка его мокра отъ крови, а когда онъ хочетъ приподнятся, то отъ острой боли въ боку чуть-чуть снова не лишается чувствъ. Морякъ-докторъ стоитъ около него на колѣняхъ съ чашкой воды и мокрымъ носовымъ платкомъ въ рукахъ.

— Что, лучше вамъ, голубчикъ? скоро опять будете молодцомъ! а пока не шевелитесь.

— Что съ моимъ бокомъ? съ трудомъ проговорилъ Джоржъ, у меня чертовски болитъ бокъ.

— О! я знаю, что у васъ съ бокомъ. Оба ребра у васъ сломаны—вотъ и все; мы скоро это исправимъ. Если хотите сѣсть, то прислонитесь спиной къ дереву. Что это? миссъ Вейнеръ хочетъ поговорить съ вами? Прекрасно! а я пока пойду подниму вашъ хлыстъ.

Небольшая толпа, собравшаяся около Джоржа, отошла подальше, и Полина можетъ переговорить съ нимъ безъ свидѣтелей. Тысячи мистриссъ Крокеръ не могли бы ее теперь удержать. Она стоитъ передъ нимъ съ дрожащими губами и влажными глазами подъ густыми опущенными рѣсницами. Она все еще не можетъ справиться съ голосомъ. Онъ дрожитъ и прерывается, въ то время какъ она силится выразить то, что чувствуетъ.

— Вы сильно ушиблись, м-ръ Драфтонъ? говоритъ она, опускаясь передъ нимъ на колѣни. Что я могу сказать? что сдѣлать? Я отдала бы жизнь, чтобы быть вамъ полезной.

Она говоритъ съ глубокимъ убѣжденіемъ и со слезами на глазахъ, которыхъ никакъ не можетъ подавить. Джоржъ отвѣчаетъ прерывисто. Безумная надежда, что наконецъ-то онъ у цѣли, овладѣваетъ имъ.

— Мнѣ не жизнь ваша нужна, Полина—вы это знаете... а ваша любовь! Полюбите меня, Полина!.. Скажите—да... вы знаете теперь какъ сильно я васъ люблю...

Свѣжее пятно крови расходится по рубашкѣ и служитъ нѣмымъ, но могущественнымъ подкрѣпленіемъ его мольбы.

Что сказать на это Полинѣ? Пожертвовать собой ей кажется пустяками, сравнительно съ тѣмъ, что онъ для нея сдѣлалъ. Все кругомъ нея перемѣнилось въ эти полчаса. Что бы она теперь дѣлала, еслибы онъ не спасъ Эрнеста? Какъ пережила бы его погибель?

Волненіе совсѣмъ осилило ее. Она отвѣчаетъ почти истерически.

— Я сказала, что отдала бы за васъ жизнь, еслибы вы того пожелали. И сдержу слово. Моя жизнь вамъ принадлежитъ. Я посвящу ее всю, чтобы доказать вамъ мою благодарность!

Она не говоритъ, что любитъ его, но Джоржъ доволенъ. Радость окрашиваетъ слабымъ румянцемъ его щеки, и онъ почти не чувствуетъ въ эту минуту боли. Лицо его совсѣмъ преображается.

— Милая, дайте мнѣ вашу руку. Вы бы поцѣловали меня, еслибы мы были одни? Чортъ бы побралъ всѣхъ этихъ людей! Желалъ бы я знать, чего эти дураки глазѣютъ на насъ! Но Богъ съ ними, слава Богу, я наконецъ, спокоенъ. Не уходите. Зачѣмъ вы встаете?

Полина, видя, что Эрнестъ отошелъ на нѣсколько шаговъ, бѣжитъ къ нему, такъ какъ ей страшно теперь на минуту разстаться съ нимъ.

Морякъ-докторъ свѣтскій человѣкъ: онъ довольно долго искалъ хлыстъ, а теперь возвращается подъ дерево и показываетъ, какъ-будто только-что нашелъ его.

— Миссъ Вейнеръ, надѣюсь, вы уговорили м-ра Драфтона отдыхать пока на лаврахъ. Ему и думать нечего объ усмиреніи бѣшенныхъ лошадей, добрыхъ два-три мѣсяца. Кстати, Драфтонъ, позвольте мнѣ вернуться домой на вашей лошади. А вы садитесь въ коляску, дамы присмотрятъ, чтобы вамъ было какъ можно покойнѣе.

Онъ помогаетъ Джоржу подняться на ноги и надѣть сюртукъ и жилетъ. Полина, Эрнестъ, м-съ Крокеръ и Джоржъ садятся въ коляску.

— Ну, говоритъ м-съ Крокеръ, усаживаясь съ видомъ ангельской снисходительности рядомъ съ Джоржемъ, вы спасли меня отъ нервнаго припадка, м-ръ Драфтонъ; увѣряю васъ! Еслибы съ мистеромъ Делонэ случилась бѣда, я бы слегла въ постель, миссъ Вейнеръ, это несомнѣнно. Вы, конечно, не могли спасти кабріолета, м-ръ Драфтонъ? онъ совсѣмъ изло-

манъ, прибавляетъ она жалобнымъ тономъ. Не постигаю, какъ взбрело на умъ Уильяму довѣрить его ребенку.

Несмотря на боль и слабость, Джоржу поѣздка показалась черезчуръ короткой. Дядя, проигрышъ, сломанные ребра—онъ все позабылъ. Онъ сидитъ около своей невѣсты и не испытываетъ больше мученій Тантала, какъ прежде. Она теперь принадлежитъ ему. Онъ можетъ глядѣть на нее сколько угодно. Она не вправѣ протестовать. Онъ встрѣчаетъ ея умоляющій, благодарный взглядъ, который она затѣмъ отворачиваетъ отъ него и тихонько вздыхаетъ...

Коляска, наконецъ, останавливается у дверей его гостинницы.

— До завтра, не правда ли? говоритъ онъ Полинѣ.

Онъ велъ себя очень сдержанно на глазахъ постороннихъ людей, но теперь не можетъ удержаться, чтобы не поцѣловать ея руку.

VII

У Полины вошло въ привычку читать бабушкѣ за завтракомъ тѣ извѣстія изъ „Morning Herold", газеты, издававшейся въ Сиднеѣ, какія могли ее интересовать. Въ тѣ дни не существовало прямаго телеграфнаго сообщенія, и почта привозила какія-нибудь очень интересныя новости изъ Европы. M-me Делонэ оставалась француженкой въ душѣ.

Пузырь гораздо тверже зналъ французскія династіи королей, чѣмъ кто и когда былъ губернаторомъ въ Сиднеѣ; а Полинѣ легче было назвать годъ и число, когда Франція была раздѣлена на департаменты, чѣмъ сказать, когда именно новый южный Валлисъ былъ отдѣленъ отъ Викторіи.

На другое утро послѣ пикника наше тріо такъ мирно сидѣло за завтракомъ на виллѣ Beau-Séjours, какъ будто бы ничего особеннаго не случилось наканунѣ. Только m-me Делонэ была необычно разсѣянна и какъ-будто мало интересовалась газетными извѣстіями.

Но когда Пузырь, у котораго были свои причины интересоваться прибылью и убылью населенія въ Сиднеѣ, прочиталъ имя сэра Френсиса Сигрева въ спискѣ пассажировъ, отправлявшихся съ почтовымъ пароходомъ, Полина встрепенулась.

— Для меня теперь все равно, размышляетъ она, здѣсь ли онъ или уѣзжаетъ, и съ моей стороны просто непростительно

такъ радоваться тому, что онъ не достался Джемесинѣ. Въ свое оправданіе я буду думать, что радуюсь потому, что они не подходятъ другъ къ другу, и Джемесина была бы съ нимъ несчастлива.

— Эрнестъ, громко произноситъ она, полей пожалуйста за меня цвѣты; мнѣ нужно поговорить съ бабушкой.

Когда Пузырь ушелъ, Полина возобновляетъ разговоръ съ бабушкой, прерванный завтракомъ.

— Нѣтъ, бабушка, я не желаю, и вы не заставите меня это сказать. Все со вчерашняго дня перемѣнилось. Я тоже перемѣнилась, иначе этого бы не случилось. Я начинаю даже думать, еслибы Пузырь и не ѣздилъ со мной на пикникъ и м-ръ Драфтонъ не спасъ ему жизнь, результатъ былъ бы одинъ и тотъ же. Почему васъ это огорчаетъ?

Она перебираетъ крошки на столѣ и избѣгаетъ глядѣть въ лицо бабушки. М-me Делонэ состарилась за ночь лѣтъ на десять. Въ глазахъ ея явилось то выраженіе, которое бываетъ у преслѣдуемаго охотниками звѣря, когда онъ не знаетъ, въ какую сторону ему броситься, чтобы спастись.

— Къ чему было спасать одного изъ моихъ дѣтей, если я должна за это лишиться другаго? Вотъ чего не понимаетъ м-ръ Драфтонъ. Но я заставлю его меня выслушать. Я потребую отъ его великодушія, его чести, чтобы онъ далъ тебѣ время подумать.

Она говоритъ съ жаромъ, какъ въ то время, когда такъ ревностно и такъ безплодно отговаривала мать Полины отъ безразсуднаго брака.

Для всякаго, кто обратитъ вниманіе на круглый подбородокъ Полины, покажется удивительнымъ выраженіе рѣшимости, появившееся у нея на лицѣ. Круглые подбородки вообще не говорятъ о настойчивости. Только четырехугольные свидѣтельствуютъ о непреклонномъ характерѣ.

— Если вы сдѣлаете нѣчто подобное, бабушка, то я немедленно отправлюсь къ м-ру Драфтону и скажу ему, что готова выйти за него замужъ, когда ему угодно. Какъ? онъ чуть не убился, спасая вашего сына, а вы должны лишить его такой ничтожной награды. И притомъ чего онъ хочетъ?—сдѣлать меня счастливой. По крайней мѣрѣ онъ это говорилъ, и я ему вѣрю. Если наши вкусы расходятся, я могу примѣниться къ его вкусамъ. Мнѣ стоитъ только вспомнить, какъ онъ, рискуя сломать

всѣ кости, боролся съ разъяренной лошадью Крокеровъ, чтобы всю жизнь цѣнить и дорожить имъ.

— Та-та-та! минутнымъ чувствомъ нельзя наполнить всю жизнь. Развѣ ты вышла бы замужъ за кого-либо изъ геройскихъ матросовъ „Birkenhead", про которыхъ читала мнѣ намедни? Я боюсь, что ты была недовольна своею жизнью у меня, мое дитя. Вѣрно ли и говорю?

— Не знаю, медленно отвѣчаетъ дѣвушка. — Моя жизнь текла здѣсь такъ мирно. День съ утра размѣренъ. По утру урокъ музыки Эрнесту, затѣмъ визиты съ вами, чтеніе, игра на фортепіано, разныя развлеченія. Горестей никакихъ, кромѣ тѣхъ, какія мнѣ доставляетъ Пузырь, когда не знаетъ урока изъ Оллендорфа, да еще когда приходится ѣхать къ портнихѣ примѣривать платье. У меня могутъ быть всѣ пороки въ мірѣ... но здѣсь имъ нѣтъ повода проявить себя.

— Развы ты чувствуешь въ себѣ ихъ зародыши?

— Да, даже и теперь иногда, когда ничѣмъ не занята, душа моя полна неопредѣленныхъ желаній, стремленій, къ чему— не знаю. Если я захочу придать имъ болѣе опредѣленный характеръ—ничего не выходитъ. Если я спрошу себя, чего я хочу: отправиться путешествовать, написать книгу или совершить что-нибудь великое,—все это оказывается не то. Тогда я начинаю фантазировать и строить воздушные замки выше вавилонской башни, пытаюсь занестись подъ облака. Наконецъ бросаю это и думаю, что я просто уродъ, или что человѣческая природа вообще дурная, и когда люди счастливы, то они стараются разрушить свое счастіе, потому что законамъ природы или чего бы тамъ ни было противно, чтобы они чувствовали себя вполнѣ довольными.

M-me Делонэ ничего не отвѣчаетъ.

Въ тѣ дни, когда такія же мучительныя сомнѣнія возникали въ ея молодомъ умѣ, она обращалась съ ними къ мужу-депутату. Онъ выслушивалъ ее съ полу-улыбкой и съ полнымъ пониманіемъ ея чувствъ. Онъ не могъ сказать ей, почему „въ каждомъ бутонѣ сидитъ червякъ", но музыка его словъ всегда успокоивала ее. Онъ умѣлъ находить подходящія для нея занятія—самое вѣрное противоядіе отъ безплодныхъ волненій— и какъ бы она ни смотрѣла на жизнь человѣчества вообще, но вынуждена была сознаться, что ея жизнь въ частности счастлива, благодаря ему.

Это не помогло ей однако предохранить отъ несчастія дочь

Розалію; но Розалія съ колыбели была своенравна. Теперь, когда Розалія умерла, мужъ умеръ, m-me Делонэ мечтала удержать Полину при себѣ или выдать ее замужъ за чиновника, который бы походилъ на ея дѣда.

Она слишкомъ хорошо знала требованія натуры Полины, чтобы убаюкивать себя мыслью, что она будетъ счастлива съ Джоржемъ...

Поэтому, когда Джоржъ, съ трудомъ выйдя изъ наемной кареты, поднимается на веранду, гдѣ ждетъ его m-me Делонэ, онъ тотчасъ же чувствуетъ, что находится въ присутствіи врага. Но не потому, чтобы въ манерахъ m-me Делонэ выражалось что-либо враждебное, когда онъ подходитъ и здоровается съ нею. Джоржъ такой гибкій и ловкій, что въ школѣ его прозвали „Оппосумъ“ за его необыкновенное умѣнье лазить по деревьямъ. Джоржъ, которому ничего не стоило перескочить черезъ какую угодно изгородь,—теперь еле ходитъ и еле движется. Какой угодно врачъ былъ бы обезоруженъ при видѣ того, какъ онъ опускается съ трудомъ, точно восьмидесятилѣтній старикъ на низенькое кресло, пододвинутое ему бабушкой.

— Благодарю васъ, говоритъ онъ, прижимая руку къ больному боку. — Мнѣ не слѣдовало бы покидать постель! Д-ръ Конелли вправилъ мнѣ ребра и задалъ бы знатную головомойку, еслибы зналъ, что я выѣхалъ сегодня.

— Но къ чему же такъ рисковать, м-ръ Джоржъ? Вамъ стоило только написать два слова. Я вѣдь знаю, что обязана вамъ жизнью сына. Вы сами не забыли свою мать, а потому можете представить себѣ, какъ великъ мой долгъ передъ вами.

— О! объ этомъ не стоитъ толковать! Счастіе, что я былъ по близости—вотъ и все. Помилуйте, лошадь безъ шоръ часто бываетъ какъ помѣшанная, а надѣньте ей шоры, и ее можно вести на шелковой ниткѣ. Если м-ръ Крокеръ не разнесетъ своего кучера, то очень дурно сдѣлаетъ. А что миссъ... гмъ!.. я хочу сказать, ваша внучка... я надѣюсь, что Полина оправилась отъ вчерашняго испуга?

Джоржъ бросилъ перчатку, и m-me Делонэ немедленно ее поднимаетъ.

— М-ръ Джоржъ, говоритъ она, протягивая руки, какъ бы взывая къ его состраданію,—вы видите мать, которая съ одной стороны такъ благодарна, а съ другой такъ несчастна, что вы

должны надъ нею сжалиться. Вы не разсердитесь, если я попрошу васъ терпѣливо меня выслушать?

— Говорите все, что вамъ угодно! отвѣчаетъ Джоржъ, нервно постукивая ногой о полъ. Я обязанъ васъ выслушать, но предупреждаю васъ, если это касается *Полины*—на этотъ разъ онъ подчеркиваетъ имя,—то она вчера добровольно согласилась быть моей женой и не нарушитъ даннаго слова, я увѣренъ. Обѣщаюсь также, что не дамъ ей повода въ томъ раскаяться!

— Я вѣрю вамъ, m-er Жоржъ! вы искренно любите мою внучку. Другая на моемъ мѣстѣ тотчасъ же бы отдала вамъ ее. Но я знаю ее лучше, чѣмъ вы и чѣмъ даже она сама себя знаетъ, и прямо говорю вамъ, m-er Жоржъ, она не по васъ. Вы молоды, вы честны, вы можетъ быть будете богаты, вы сдѣлали для меня то, за что я ничѣмъ отплатить не могу, но она не по васъ! Если я могу помѣшать ей выдти за васъ замужъ, я это сдѣлаю. Она...

— А два года искуса, какже? перебилъ Джоржъ. Вы берете назадъ свои слова? Развѣ я не сдержалъ своихъ обязательствъ! Развѣ я пріѣзжалъ сюда или написалъ хоть одну строчку, или хотя бы переслалъ поклонъ? Если я не имѣю счастія вамъ нравиться—тѣмъ хуже. Благодаря Бога, миссъ Полина другаго мнѣнія; и я думаю, что она одна призвана рѣшать въ этомъ дѣлѣ!

— Все это вѣрно, все это вѣрно, но подумайте немного, m-er Жоржъ! Вы ищете руки дѣвушки неопытной и незнакомой съ свѣтомъ. Но оставимъ это. Я не хочу прямо отказывать вамъ, я только прошу васъ повременить немного. Видайтесь съ нею, но позвольте ей отдать вамъ сердце по доброй волѣ, а не берите его приступомъ. Освободите ее отъ даннаго слова. Неужели вы хотите воспользоваться имъ, когда оно дано въ минуту энтузіазма, жалости?

Боль въ боку Джоржа усилилась отъ этихъ словъ m-me Делонэ. Онъ ненавидѣлъ эту женщину, которая старалась отнять у него счастіе жизни. Онъ не вѣрилъ ея обѣщаніямъ. Или Полина такъ же коварна и жестока, и эта комедія заранѣе между ними условлена? Неужели она поручила бабушкѣ говорить за себя, а сама трусливо прячется?

Эта мысль такъ нестерпима, что Джоржъ встаетъ, собираясь искать Полину.

— Гдѣ миссъ Вейнеръ? Ужь не заперли ли вы ее нарочно,

чтобы я ее не увидѣлъ? О! какая боль! я должно быть сдвинулъ повязку. Я ни отъ кого не приму ея слова обратно, кромѣ какъ отъ нея самой. Богу извѣстно, что я слишкомъ давно люблю ее, чтобы подчиняться дальнѣйшимъ проволочкамъ. Сама она желаетъ водить меня еще впродолженіи двухъ лѣтъ? или не хочетъ ли она совсѣмъ меня отвергнуть?

— Нисколько, м-ръ Драфтонъ, что съ вами и почему вы топчете мои несчастныя азаліи? говоритъ Полина, появляясь на верандѣ. Я кажется пришла во-время, чтобы помѣшать вамъ убить бабушку или бабушкѣ—васъ. Садитесь и говорите, что ваши ребра?

Полусмѣясь, полунѣжно, она усаживаетъ его на низенькомъ креслѣ и останавливается въ своей любимой позѣ, опершись руками на спинку бабушкинаго кресла.

— Mon enfant...

— Извините меня, m-me Делонэ! Полина, выслушайте...

— О! если вы будете говорить оба разомъ, то какъ я буду отвѣчать?—засмѣялась Полина. И безъ того не легко быть третейскимъ судьей. M-er Драфтонъ, вы перебили бабушку, прибавила она, нѣжно гладя по головѣ m-me Делонэ. Бабушка, что вы хотѣли сказать?

— Дитя мое, очень трудно говорить въ такомъ случаѣ. Теперь вопросъ идетъ о моей жизни. Вотъ, что я хочу сказать тебѣ. M-er Жоржъ пріѣхалъ сегодня утромъ очевидно за тѣмъ, чтобы заявить о своемъ правѣ на твою руку. Онъ въ своемъ правѣ. Ты обѣщала ему вчера выдти за него замужъ. Но выслушайте меня, мои дѣти—глаза ея наполнились слезами и слезы слышатся въ голосѣ—m-er Жоржъ, будьте разсудительны. Я желаю вамъ обоимъ счастія... повѣрьте мнѣ... но я такъ много пережила... я такъ настрадалась съ матерью Полины... Вотъ что я вамъ скажу: не обручайтесь пока. Я не хочу васъ разлучить. Пусть m-er Драфтонъ пріѣзжаетъ такъ часто, какъ хочетъ. Но только погодите! Вотъ все, о чемъ я прошу! Погодите еще немножко...

Она морщинистой рукой охватываетъ нѣжную ручку, которая гладитъ ее по головѣ. Лобъ у Джоржа нахмуривается, а глаза принимаютъ сердитое выраженіе.

— M-me Делонэ высказалась, теперь моя очередь, Полина, съ сердцемъ говоритъ онъ.—Выслушайте и меня. Эти полумѣры убиваютъ меня. Я не могу долѣе этого выносить. Не могу, хотя и знаю, что вы не измѣните данному слову. Мнѣ

все-равно, какъ вы это называете: благодарностью, любовью, какъ хотите, но вы обѣщали вчера быть моей женой, и я знаю, что вы меня не обманете!

Любовь, выражающаяся въ его глазахъ, принимаетъ почти угрожающій характеръ, и Полина, не вынимая своей руки изъ рукъ бабушки, съ сильно, мучительно бьющимся сердцемъ, нерѣшительно готовится отвѣчать.

Но въ этотъ мигъ маленькій мальчикъ пробѣгаетъ по верандѣ, съ веселымъ, яснымъ крикомъ, который производятъ дѣти только потому, что имъ хорошо живется, солнце свѣтитъ, и міръ прекрасенъ въ лѣтнее утро.

М-me Делонэ чувствуетъ, какъ Полина хочетъ вынуть свою руку, и отчаянно цѣпляется за нее, какъ будто надѣясь, удержавъ ее физически, удержать и нравственно. Придетъ еще время, когда Полина, съ разбитымъ сердцемъ, будетъ искать убѣжища въ этихъ любящихъ рукахъ. Теперь же каждое слово, которое она произноситъ – болѣзненно, какъ фальшивая нота, отзывается въ сердцѣ бабушки.

Полина говоритъ съ рѣшимостью.

Она стоитъ выпрямившись у кресла бабушки, и блѣдно-матовое лицо ея покрылось тѣмъ рѣдкимъ румянцемъ, какой разливается на немъ только въ минуты очень сильнаго волненія.

— Вы знаете, что я вамъ сказала сегодня утромъ, бабушка, когда вы говорили со мной о м-рѣ Драфтонѣ за завтракомъ — въ голосѣ ея слышится несвойственная ея натурѣ жесткость.— Вы обращаетесь со мною, какъ съ ребенкомъ, точно я сама не знаю, чего хочу. Совершенно вѣрно, я вчера дала слово м-ру Драфтону и намѣрена его сдержать. Пожалуйста, м-ръ Драфтонъ, не шевелитесь. Бабушка совсѣмъ не хотѣла васъ обидѣть; теперь, когда вопросъ рѣшенъ, она больше не будетъ васъ безпокоить. Не правда ли, бабушка?

Ласковая интонація послѣднихъ словъ остается безъ всякаго дѣйствія. М-me Делонэ выслушиваетъ внучку, какъ преступникъ свой смертный приговоръ, опустивъ голову, и когда приговоръ объявленъ, встаетъ съ каменнымъ лицомъ, какъ человѣкъ, оглушенный ударомъ, и направляется къ двери, ни слова не говоря.

— Mon Dieu, madame! Madame se trouve mal! кричитъ Фифина, съ боязливой симпатіей, встрѣтивъ барыню въ сѣняхъ.

— Non, non, ce n'est rien! laissez-moi, ma fille!

Отвѣтъ лишаетъ ее послѣдняго самообладанія, и она почти безсознательно отворяетъ дверь своей комнаты. Не въ первый разъ ей приходится запереться въ ней, чтобы бороться съ отчаяніемъ, которое можетъ быть знакомо только тѣмъ, кому не у кого и негдѣ искать помощи.

Полина хочетъ бѣжать за бабушкой, но ей мѣшаетъ Джоржъ. Онъ помѣщается на кушеткѣ у стѣны и подзываетъ къ себѣ Полину.

— Сядьте около меня, умоляетъ онъ.—Я совсѣмъ изнемогъ отъ этой сцены.

И въ то время, какъ она подходитъ къ нему, охватываетъ ее рукой за талію. Она совсѣмъ не приготовлена къ такому внезапному заявленію правъ объявленнаго жениха и вырывается отъ него съ смущеннымъ недовольствомъ.

— О, м-ръ Драфтонъ, пожалуйста не дѣлайте этого. Если вы будете такъ... я сяду вонъ тамъ...

И она указываетъ на стулъ на другомъ концѣ веранды.

— Чего не дѣлать? вотъ этого? говоритъ Джоржъ, крѣпче обнимая ее.

И прежде чѣмъ Полина успѣла протестовать, онъ пригнулъ ея лицо къ своему и страстно поцѣловалъ.

Она вырывается, вся вспыхнувъ отъ стыда. Она такъ разсержена и пристыжена, что готова плакать.

— Какъ вы смѣете, м-ръ Драфтонъ! Это жестоко. Какъ можете вы такъ со мною обращаться? Вы заставите меня не любить себя. Вы знаете, что я къ вамъ совсѣмъ не привыкла.

Молодая дѣвушка, которая любила бы своего жениха, такъ бы не говорила.

Она отходитъ отъ кушетки и садится въ кресло, на которомъ сидѣла бабушка. Джоржъ откидываетъ голову на подушки кушетки и вздыхаетъ.

— Я несчастный человѣкъ, говоритъ онъ. Я все отдаю и ничего не получаю. Всегда такъ бываетъ на свѣтѣ!

— Не давайте такъ много, коротко отвѣчаетъ она. Вы забываете, что я васъ совсѣмъ почти не знаю! прибавляетъ она. Но я готова разговаривать съ вами все утро... довольно съ васъ? Только обѣщайте мнѣ одно, если я поставлю вамъ нѣкоторыя условія, что вы ихъ исполните. Я увѣрена, что вы не откажете въ первой просьбѣ, съ какой я къ вамъ обращаюсь.

Отъ звуковъ ласковаго голоса ея досада Джоржа разсѣевается.

— Я сдѣлаю все, что вы хотите, вы это знаете.

— Если такъ, то выслушайте мои условія.

— Прекрасно. Высказывайте ихъ! но не будьте слишкомъ со мной жестоки!

— Условіе нумеръ первый: вы ни передъ кѣмъ, ни въ чьемъ присутствіи—хотя бы то былъ Пузырь—не выдадите, что мы помолвлены.

— Хорошо. Я каждый разъ буду просить, чтобы меня вамъ представили. Ну, а нумеръ второй?

— Нумеръ второй: вы никогда больше не будете этого дѣлать... то-есть, цѣловать меня... если, если—она съ трудомъ выговариваетъ эти слова—не попросите заранѣе позволенія и я его не дамъ.

Джоржъ протягиваетъ руку.

— Ну, такъ дайте мнѣ хоть пожать вашу руку. Люди всегда пожимаютъ, при сдѣлкахъ, другъ другу руки, и такъ какъ вы такая недотрога, то я буду цѣловать только ваши пальчики. А теперь, Полина, скажите, когда мы покончимъ наше дѣло?

— Какое дѣло?

— Да обвѣнчаемся. Видите ли, до нѣкоторой степени для меня очень выгодно, что я сломалъ себѣ ребро. Я успѣю теперь все уладить прежде, чѣмъ вернусь домой. Я говорилъ вамъ, какой у меня дядя чудакъ. Онъ знаетъ, что я за кѣмъ-то здѣсь ухаживаю, и готовъ былъ бы помѣшать мнѣ; но разъ я женюсь, онъ меня не разженитъ, поэтому я намѣренъ этимъ путемъ обойти его.

Джоржъ не вѣрно понимаетъ выраженіе лица Полины, которая слушаетъ его съ опущенными глазами. Любовь, заставляющая его чутко замѣчать малѣйшую перемѣну въ ея лицѣ, не даетъ ему ключа къ ея характеру, а потому всѣ оттѣнки выраженія, которые сразу понятны ея бабушкѣ, для него остаются невѣдомыми.

Полина очень благодарна м-ру Драфтону. Она готова полюбить его за спасеніе Эрнеста. Но она ли виновата, что это оказывается гораздо труднѣе, чѣмъ она думала, или самъ Джоржъ? Къ чему онъ заговорилъ о дядѣ и о томъ, что нужно перехитрить его? Полина не желаетъ изъ милости входить въ чью-либо семью. Зачѣмъ онъ постоянно обдаетъ холодомъ вся-

*

кую вспышку нѣжности въ ней. Отчего ей стало страшно, а не радостно, когда онъ заговорилъ о свадьбѣ? Она готова была бы, какъ бабушка, молить его повременить немного.

Но Джоржъ, съ своей стороны, не чувствуетъ желанія повременить. Ему вовсе не любопытно заглянуть въ душу невѣсты и узнать всѣ оттѣнки ея чувствъ и мыслей. Онъ хотѣлъ бы поскорѣе, поскорѣе пережить время, отдѣляющее его отъ той эпохи, когда—блаженная мысль!—онъ увезетъ ее съ собою въ Рубрію.

— Знаете ли, продолжаетъ онъ размышлять вслухъ, я могу сказать, что уже два года былъ вашимъ женихомъ, такъ какъ клянусь честью, Полина, никакая другая женщина, кромѣ васъ, для меня не существовала. Я старался, Богу было извѣстно, разлюбить васъ и не могъ, вотъ почему я чуть съ ума не сошелъ, когда ваша бабушка предложила сейчасъ еще ждать. Войдите въ мое положеніе! Если и до сихъ поръ было тяжело, то каково было бы теперь.

Полина равнодушно принимаетъ комплиментъ, скрывающійся въ этихъ словахъ. Намекъ на м-ра Карпъ задѣлъ ея гордость.

— Если я имѣю честь такъ сильно вамъ нравиться, м-ръ Драфтонъ, то почему вы боитесь сообщить о нашей помолвкѣ вашему дядюшкѣ? холодно спрашиваетъ она. Развѣ м-ръ Карпъ подумаетъ, что вы совершаете mésalliance, женясь на мнѣ?

— Великій Боже! восклицаетъ Джоржъ, какъ это вамъ пришло въ голову? Развѣ вы не знаете, что вы гораздо, гораздо выше меня! Но я отъ этого люблю васъ не меньше. Что касается м-ра Джосіи Карпъ, пусть себѣ злится—мнѣ все равно. У меня есть свой капиталъ—онъ достанется мнѣ отъ отца, и кромѣ того доля въ имѣніи—томъ, которымъ, я, знаете, управляю. Поэтому я независимый человѣкъ. Я знаю, что дядя забралъ въ голову, что я долженъ жениться на богатой невѣстѣ, но не бойтесь! Онъ растаетъ, когда увидитъ васъ. Вотъ почему я хочу, чтобы онъ узналъ только тогда, когда мы будемъ уже женаты. Рѣшите, Полина, сегодня и назначьте день свадьбы. Вы знаете, какъ ко мнѣ относится m-me Делонэ. Она да дядюшка сведутъ меня въ могилу, если мы имъ поддадимся. Я человѣкъ впечатлительный, меня уморить ничего не стоитъ. Зачѣмъ медлить. Я не думаю, чтобы вы были изъ числа

тѣхъ, которыя любятъ мучить только затѣмъ, чтобы показать свою власть. Больше любить васъ я не могу, а потому пожалѣйте меня, мое сокровище.

Онъ нагибается къ ней и вдругъ вскрикиваетъ отъ боли. Это напоминаетъ Полинѣ все то, чѣмъ она ему обязана. Еще сутокъ не прошло съ тѣхъ поръ, какъ она стояла около него на колѣняхъ и съ рыданіями заявляла, что ея жизнь ему принадлежитъ. Неужели все это были однѣ фразы, а она актриса, которая проливаетъ притворныя слезы и даетъ фальшивыя клятвы? Ее пугаютъ собственныя мысли. А потому она спѣшитъ согласиться, чѣмъ приводитъ Джоржа въ неописанную радость.

— Мнѣ придется приготовить бабушку къ этому, но это возьметъ немного времени, что касается приданаго, то теперь, кажется, его можно купить готовымъ.

— Постойте, говоритъ Джоржъ въ восторгѣ, теперь мартъ мѣсяцъ... двадцатое число, не правда ли. Назначимъ свадьбу въ будущемъ мѣсяцѣ, и выберемъ день. Еслибы только вы знали, какъ я счастливъ!

— Очень рада: но бабушка несчастлива, Джоржъ, и вы позвольте мнѣ пойти утѣшить ее.

— А я поѣду къ себѣ. Неужели вы не проводите меня до воротъ и не поцѣлуете меня сами на прощанье? Мы одни, и я пальцемъ не двину, обѣщаю васъ. Поцѣлуйте меня въ знакъ того, что вы меня простили!

Она послушно подходитъ къ кушеткѣ и наклонившись слегка прикасается губами къ его лбу.

Джоржъ долженъ быть этимъ доволенъ и усаживается въ наемную карету, которая везетъ его обратно въ гостинницу.

— Все не то, все не то, досадливо размышляетъ онъ. Она моя... и вмѣстѣ съ тѣмъ не моя. Что такое! Я не успокоюсь, пока мы не будемъ мужемъ и женой.

Правъ ли онъ? Вѣрное ли средство къ успокоенію избралъ онъ?

(*До слѣд. №*).

5373

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Пріобрѣтенъ нами отъ прежнихъ издателей въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ журналъ „Русскій Вѣстникъ“, который и поступилъ въ продажу за 1858, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 68, 69 и 70 гг.—по **5** р. за годъ; за 1871, 72, 73, 74, 76, 77, 78, 79 и 80 гг.—по **7** р. за годъ, за 1881, 82, 83, 84 и 85—по **10** р. за годъ, за 1886, 87—по **14** р. за годъ съ пересылкою и доставкою. Подписчикамъ журнала дѣлается уступка 10%. Отдѣльные №№ журнала продаются по особому соглашенію съ конторою Редакціи.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Спб., Больш. Подъяч., № 39.

